

Н.Н. Платошкин

История

Мексиканской революции

Выбор пути 1917-1928 гг.

Том 2

Москва

Университет Дмитрия Пожарского 2011

Печатается по решению Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

Платошкин Н.Н.

История Мексиканской революции. Выбор пути 1917-1928 гг. Том 2. / Н.Н. Платошкин - М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. - 456 с.

ISBN 978-5-91244-035-9

Вторая часть трилогии автора о мексиканской революции охватывает относительно неизвестный для российского читателя период 1917-1928 года, когда именно к Мексике и России было приковано внимание всего мира. В обеих странах победили масштабные народные революции и 20-е годы были временем реализации революционных программ на практике. В условиях ожесточенного противодействия Запада (и в случае Мексики - прежде всего, США) Россия и Мексика проводили грандиозные социальные эксперименты, внимательно изучая опыт друг друга. В обеих странах происходили ожесточенные внутренние схватки в стане победивших революционеров -и все это на фоне борьбы с поднимавшей голову реакцией. СССР уделял Мексике очень большое внимание как стране с революционным, народным режимом. Не случайно, что советским полпредом в Мехико была назначена известная в то время во всем мире Александра Коллонтай.

1928год - год коренного перелома в развитии революционного процесса как в Советском Союзе, так и в Мексике. Произошла смена моделей - в сторону радикализации революции в интересах ускорения индустриального развития и преодоления вековой отсталости.

На обложке: фрагмент фрески Диего Риверы «История Мексики - мир сегодня и завтра» © Платошкин Н.Н., 2011

ISBN 978-5-91244-035-9© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011

Содержание

Глава I Страна на распутье: президентство Каррансы. 1917-1920 годы... .7

Глава 1

Страна на распутье: президентство Каррансы. 1917-1920 годы

1 января 1917 года делегаты конституционного Конвента в Керетаро одобрили новую мексиканскую конституцию - самую про-в /Л* грессивную в мире вплоть до принятия основного закона РСФСР в следующем году. Статья 3 Конституции наносила сильнейший удар церкви - полностью ликвидировалось религиозно окрашенное государственное образование. В статье 130 церкви строго запрещалось любое вмешательство в политическую жизнь, особенно критика конституции. 27-я статья провозглашала суверенитет Мексики над ее недрами - все иностранные добывающие компании, особенно нефтяные были обязаны получить от правительства страны разрешение на добычу, причем даже на тех участках, на которых вели работу до принятия конституции. Кроме того, в указанной статье содержалось обязательство государства провести аграрную реформу - разделить земли крупных помещичьих латифундий между безземельными крестьянами. Статья 123 содержала фактически первый в истории страны трудовой кодекс, где устанавливались восьмичасовой рабочий день и право на создание профсоюзов и вводился обязательный государственный арбитраж при разрешении трудовых споров.

Таким образом, революция 1910-1917 годов формально завершилась победой. Но в начале 1917 года это была именно формально-юридическая победа, ибо новый глава государства Венустиано Карранса вовсе не собирался претворять радикальные положения конституции в жизнь, ведь они были приняты делегатами конституционного Конвента вопреки его воле. Карранса предлагал свой конституционный вариант, фактически лишенный социально-экономических реформ. Пожалуй, единственное, что устраивало президента в новой

конституции, - статья 27, направленная против иностранных компаний: «...земля и воды, находящиеся в пределах национальной территории, искони принадлежат нации, которая может передавать их во владения отдельным лицам, создавая (таким образом) частную собственность... Нация сохраняет за собой право в любое время наложить [Картинка: image4.jpg] Здание в Керетаро, где была принята мексиканская конституция 1917 года

на частную собственность ограничения, которых потребуют общественные интересы....»¹ Карранса был убежденным националистом и представителем той части мексиканской буржуазии, которая очень тяготилась иностранной конкуренцией².

Аграрную реформу Карранса отвергал самым решительным образом, хотя и вынужден был в ходе ожесточенной гражданской войны против Вильи и Сапаты подписать в январе 1915 года радикальный указ о распределении земли. Во-первых, новый глава Мексики полагал, что право частной собственности должно соблюдаться неукоснительно: с его точки зрения, это защитило бы помещиков от экспроприации земель. Во-вторых, Карранса приводил технократический аргумент, очень распространенный среди «просвещенной» части мексиканского общества того периода. Он считал, что возвращение или передача крупных поместий крестьянским общинам («эхидос») подорвет сельскохозяйственное производство и всю бюджетную систему страны. Ведь помещики производили в основном технические экспортные культуры (сахарный тростник, хенекен, хлопок), в то время как зерно завозилось из-за границы. Крестьяне же требовали земли, чтобы прокормиться, они стремились выращивать бобы и кукурузу - основу питания простых мексиканцев на протяжении столетий. Но это лишало правительство основной доли экспортной выручки, а ведь в Европе бушевала Первая мировая война, и цены на мексиканские товары резко росли.

Итак, можно констатировать, что Карранса находился в противоречии с чаяниями 70% населения страны - именно столько в Мексике было мало- [Картинка: image5.jpg] Один из отрядов Мануэля Пелаеса, 1917 год земельных и безземельных крестьян. «Дон Венус», как называли Каррансу, решил в этих условиях проводить следующий курс: формально все социальные преобразования он отдал на откуп губернаторам штатов, одновременно прилагая все усилия, чтобы на выборах в штатах побеждали лично преданные ему люди. Карранса прекрасно усвоил уроки своего поражения на конституционном Конвенте - несмотря на предварительный отбор делегатов, делегаты эти оказались гораздо радикальнее, чем предполагалось.

После конвента в Керетаро «дон Венус» приступил к укреплению режима личной власти в стране. Это было крайне непростой задачей. Реальной политической силой Мексики 1917 года являлась революционная армия, возникшая в ходе борьбы с диктатором Уэртой в 1913-1914 годах. После разгрома Уэрты и победы над Вильей в 1915 году командующие отдельными частями армии фактически стали правителями тех территорий, где они воевали. Набранные ими войска подчинялись только своим вождям, а не Каррансе. К тому же многие солдаты революционной армии вступили в нее как раз из-за обещаний своих военачальников наделить их землей после победы, и ждать эти люди не желали. Карранса постоянно говорил о засилье милитаризма, хотя явно передергивал, ибо профессиональными военными революционные офицеры и солдаты не были. Он очень хотел сократить армию, но не мог этого сделать, так как страна была еще очень далека от умиротворения.³

В штате Чиуауа Вилья все еще был грозной силой и мог захватывать города, включая столицу (хотя и ненадолго). Поэтому в этом штате приходилось сохранять военное положение и держать несколько десятков тысяч солдат и [Картинка: image6.jpg] Феликс Диас

всякого рода ополченцев. Такая же обстановка была и в Морелосе, где партизанская армия Сапаты контролировала всю территорию за исключением столицы штата Куэрнаваки. В районе крупных нефтяных месторождений на востоке, вблизи порта Тампико, действовали отряды реакционно настроенного генерала Мануэля Пелаеса. Пелаес получал деньги и оружие от американских нефтяных компаний, которые рассчитывали, что он не даст провести в жизнь положения Конституции 1917 года. В самом районе порта Тампико постоянно дежурила эскадра ВМС США. Американцы только и ждали, когда войска Каррансы начнут боевые действия против Пелаеса, чтобы вмешаться в конфликт и оккупировать нефтеносные районы Мексики.

Наконец, в южных штатах Оахака, Герреро и Чьяпас воевали против правительства части, подчинившиеся племяннику диктатора Порфирио Диаса - Феликсу.⁴ Феликсисты (так их называли в стране, сами себя они именовали Национальной армией реорганизации) тоже придерживались скорее контрреволюционных взглядов, однако в их рядах было много крестьян-индейцев, обозленных нежеланием Каррансы распределять помещичьи

земли. К тому же набожных крестьян юга Мексики очень не устраивал показной и зачастую доведенный до абсурда антиклерикализм нового правительства. Вдобавок, Оахака была родным штатом Порфирио Диаса, который в свое время стремился осыпать малую родину всяческими социальными благами. Поэтому жители штата не испытывали к бывшему диктатору такой ненависти, как их соотечественники на севере. По данным американских источников, популярности Диаса в немалой степени содействовал и порядок в тех районах страны, которые контролировали феликсисты. Один американский бизнесмен, взятый в плен феликсистами в штате Веракрус, где он пытался наладить заготовку древесины, позднее сообщил: «Экономические условия жизни довольно хорошие. Много зерна, очень дешевая кукуруза. Общее настроение населения на территории, занятой революционерами, - в пользу упомянутых революционеров, которые говорят о поддержке старого режима (диктатуры Порфирио Диаса - прим, автора) и о том, что контролируют огромную часть мексиканской территории за пределами железных дорог крупных городов»⁵.

Все эти, подчас противоположные в идеологическом смысле антиправительственные группировки объединяла ненависть к Каррансе. Неудивительно, что, например, Сапата и Феликс Диас, действуя в соседних штатах, стали координировать боевые операции против правительственных войск.

В этих условиях Карранса просто не мог сократить армию радикальным образом. К тому же солдаты и офицеры правительственных войск за долгие годы войн (многие воевали с 1910 года) отвыкли от мирного труда и просто не хотели возвращаться к гражданской жизни. Любая серьезная демобилизация в этой взрывоопасной среде неизбежно привела бы к военному мятежу. Наконец, самому Каррансе, человеку штатскому, не приходилось рассчитывать на личную преданность ни одной, даже самой малой воинской части. В этих условиях Карранса действовал по принципу «разделяй и властвуй», настраивая самых видных генералов друг против друга. К тому же президент посылал наиболее талантливых генералов армии на карательные операции против Вильи и Сапаты с тем, чтобы предотвратить возможный союз этих очень популярных в народе вождей с радикально настроенными элементами правительственных войск.

Реальными претендентами на роль общенационального лидера в армейской среде были, пожалуй, два военачальника - Альваро Обрегонби Пабло Гонсалес. Обрегон командовал северо-западной армией конституционалистов в борьбе с Уэртой, но громкую славу ему снискал разгром Вильи в битве при Селайе в апреле 1915 года. Как говорилось в первом томе настоящей книги, это было самое крупное сражение в истории Латинской Америки по количеству участвовавших в нем бойцов. Альваро Обрегон слыл радикалом, [Картинка: image7.jpg] Генерал Пабло Гонсалес

и именно с ним трудящиеся Мексики связывали свои надежды на социально-экономические преобразования. Потеряв руку в битве с Вильей летом 1915 года, он страстно ненавидел последнего, что, по мнению Каррансы, навсегда исключало даже тактический союз этих двух самых популярных мексиканцев того времени.

Пабло Гонсалес был гораздо ближе к президенту, так как в годы войны против Уэрты командовал северо-восточными частями конституционалистов в Коауиле, родном штате Каррансы. Однако, в отличие от Обрегона, его армия не могла похвастаться крупными удачами в битвах с Уэртой, а от Вильи Гонсалес потерпел ряд чувствительных поражений. Его авторитет в войсках за пределами собственных частей не шел ни в какое сравнение со славой Обрегона, которого даже американская печать величала «Наполеоном Западного полушария». Но именно на зависть Гонсалеса по отношению к Обрегону и делал ставку Карранса. К тому же он послал Гонсалеса на борьбу с Сапатай, чтобы исключить даже намек на возможность взаимопонимания между своим генералом и лидером крестьян юга Мексики. Карранса прекрасно понимал, что, объединившись, Гонсалес и Сапата могут захватить Мехико в течение суток.

Таким образом, лавируя и интригуя, Карранса стал постепенно укреплять свою власть в стране. 11 марта 1917 года прошли президентские выборы - в условиях фактического военного положения и при открытом вмешательстве армии в избирательный процесс на большей части территории Мексики. Карранса победил, получив 197 тысяч голосов из 213 тысяч (в стране в то время жили примерно 14,5 миллиона человек).⁷ Оставшаяся доля пришлась на Гонсалеса и Обрегона, хотя оба генерала формально поддерживали Каррансу и выставили свои кандидатуры только для того, чтобы придать выборам видимость конкурентности.

Выборы, как и до революции 1910 года, сопровождалась массовыми фальсификациями и запугиванием избирателей. Из 3 миллионов имевших право голоса мексиканцев на избирательные участки явились фактически только военнослужащие, голосовавшие так, как им скажут офицеры, чиновники и члены их семей.

Помещики приводили целыми колоннами на избирательные участки своих батраков-пеонов и прямо у избирательных урн выплачивали им дневную заработную плату за исполнение гражданского долга - от 50 сентаво до одного песо. К тому же многие пеоны в то время работали даже не на бывших помещиков, а на генералов революционной армии, которые управляли «временно конфискованными» поместьями зачастую еще более эксплуататорскими методами, чем прежние хозяева-контрреволюционеры.

Но победа Каррансы оказалась пирровой. На проходивших одновременно с президентскими парламентских выборах избрали в основном кандидатов, оппозиционно настроенных по отношению к Каррансе. Формально оглушительную победу одержала Либерально-конституционалистская партия, созданная еще в годы войны с Вильей Обрегеном и Каррансой. Однако фактически кандидатов в Конгресс на местах отбирали генералы революционной армии, и поэтому парламент стал гораздо более радикальным, чем того хотел Карранса. К тому же большинство депутатов с самого начала ориентировались на Обрегона, которого считали, в отличие от Каррансы, настоящим революционером. 15 апреля 1917 года, когда мексиканский парламент собрался на свое первое заседание, выяснилось, что «обрегонистов» в нем примерно в четыре раза больше, чем каррансистов. Конгресс с самого начала дал понять Каррансе свое оппозиционное настроение: депутаты отказались подтвердить полномочия его ближайшего друга - Палавичини, избранного от штата Табаско и слывшего главным врагом Обрегона среди окружения президента.⁸

Неудивительно, что Карранса решил устранить Обрегона с политической арены. Под давлением президента Обрегон 1 мая 1917 года подал в отставку с поста военного министра и удалился в свой родной штат Сонору, где занялся бизнесом. Карранса решил вообще не назначать нового главу министерства - преемник Обрегона Хесус Кастро именовался только заместителем министра. Этот шаг был подан Каррансой как очередной успех в борьбе с «милитаризмом».

Чтобы компенсировать неудачу с подбором депутатов в Конгресс, Карранса активно сконцентрировался на выборах губернаторов штатов, которые в условиях мексиканского федерализма зачастую имели на местах более высокий авторитет, чем центральные власти в далеком Мехико. Временными губернаторами президент назначал, как правило, военных, так как по конституции временные губернаторы штатов не имели права баллотироваться на выборах в «постоянные». В крайне важном с финансовой точки зрения штате Веракрус, где находилась крупнейшая таможня Мексики - фактически основной источник бюджетных поступлений, Карранса пролоббировал избрание губернатором своего зятя Кандидо Агилара.⁹ Лично для президента Веракрус имел и другое важное значение: в случае военного мятежа в Мехико он намеревался бежать в этот торговый город, который было довольно легко оборонять и откуда всегда можно было уехать в эмиграцию. Карранса помнил, что когда части Сапаты и Вильи выбили его из столицы в конце 1914 года, то именно в Веракрусе удалось восстановить силы и перейти в контрнаступление. В штате Пуэбла, который находился как раз между Веракрусом и Мехико, Каррансе удалось продавить на пост губернатора сына своего министра финансов.

В целом Карранса мог быть доволен губернаторскими выборами в штатах в 1917 году - из 19 избранных губернаторов 14 считались надежными союзниками «дона Венуса». Несмотря на крайне напряженную предвыборную ситуацию в ряде штатов, например в Мичоакане, удалось избежать открытых мятежей против правительства со стороны проигравших кандидатов. Только три губернатора открыто выражали свою оппозиционность Каррансе. И самым опасным среди них был губернатор Соноры, «колыбели» мексиканской революции, - Плутарко Кальес.¹⁰

Кальес служил в частях Обрегона во время кампании против Уэрты, но имел и самостоятельную репутацию относительно успешного генерала. Он разбил части Вильи, правда, серьезно ослабленные предыдущими поражениями от Обрегона, под городом Агуа-Приета в конце 1915 года, чем фактически закончил гражданскую войну в стране. Кальес слыл радикалом и даже «большевиком». Он активно проводил в Соноре аграрную реформу, открывал десятки бесплатных школ для бедных слоев населения и изгнал из штата всех католических священников. Карранса помнил, что именно Сонора с ее богатыми материальными ресурсами сыграла решающую роль в победе восстания против федерального правительства Уэрты в 1913-1914 годах. Кальес мог вполне повторить этот успех и в отношении администрации Каррансы, которого презирал именно за отказ проводить в стране широкие социально-экономические преобразования.

Но до поры до времени Кальес и Обрегон не выказывали явных стремлений свергнуть Каррансу. Ведь в условиях 1917 года это могло бы привести к очередной широкомасштабной войне, вовсе не нужной и без того

измученному населению. Любой мятеж против Каррансы мог вызвать новый приток пополнений в отряды Сапаты и Вильи, а также побудить отдельных местных генералов к провозглашению собственных «планов» по занятию президентского поста. (Как мы помним, всякое хоть мало-мальски значимое восстание по традиции называлось «революцией» и начиналось с провозглашения «плана» - то есть политической программы повстанцев.) Весь этот хаос почти наверняка привел бы к военной интервенции США. А американцы, вступив в Первую мировую войну, в апреле 1917 года ввели воинскую повинность и содержали под ружьем миллионную армию.

Итак, пока Карранса формально обладал всей полнотой власти в стране, за исключением тех районов, где шла борьба с силами Эмилиано Сапаты, Феликса Диаса и Панчо Вильи.

Основной проблемой нового правительства было сложное экономическое положение страны. Конечно, революция и гражданская война в Мексике 1910-1917 годов не имели для экономики столь разрушительного значения, как аналогичные события в России в 1917-1920 годы. Некоторые мексиканские штаты, например Юкатан, вообще не пострадали от боевых действий. К тому же там, где эти боевые действия велись (прежде всего на севере страны), почти все противоборствующие стороны старались беречь предприятия и жилые постройки. Именно полностью сохраненные крупные латифундии севера (асиенды) были реквизированы революционерами и служили источниками финансирования в борьбе с правительственными войсками Уэрты. В Соноре и Чиуауа армии Обрегона и Вильи продавали с конфискованных асиенд скот в США и закупали там оружие. В самой Мексике до прихода к власти Каррансы военной промышленности практически не существовало, хотя Уэрта и пытался ее создать.

Однако к 1917 году поголовье скота сильно уменьшилось, и даже на севере страны, где мясо было повседневной едой, начался голод. К тому же американцы резко ограничили импорт мексиканского скота, будучи крайне недовольны новой мексиканской конституцией. Фактически США требовали от Мексики выполнения трех условий в качестве предпосылок для возобновления полномасштабных торгово-экономических отношений: возмещения убытков американских граждан, которые те потерпели в годы гражданской войны; начала погашения внешнего долга страны иностранным кредиторам (причем, опять же, всех долгов, включая и те, что были еде-ланы нелегитимным правительством генерала Уэрты, не признанным даже самими США); фактического отказа от введения в силу положений статьи 27 Конституции 1917 года в отношении американских нефтяных компаний - на практике это означало бы экстерриториальность американского бизнеса в Мексике.

Карранса, как уже упоминалось, являлся последовательным националистом и относился к США, мягко говоря, очень прохладно. «Дон Венус» был готов обсуждать первые два пункта американских требований, ибо и сам ратовал за священность права частной собственности. Но в отношении конституции Карранса ни на какие уступки идти не желал - он был твердо убежден, что недра Мексики должны принадлежать только мексиканцам.

В подобных мыслях не содержалось ничего радикального, тем более «большевистского», хотя американские СМИ часто именовали помещика Каррансу «красным» или «большевиком». Еще испанские завоеватели Мексики провозгласили все недра собственностью короны, то есть государства. Им не перечили и мексиканские либералы, в частности Хуарес, чьи традиции формально продолжала революция. Даже диктатор Порфирио Диас пытался в 1907-1909 годах реформировать мексиканское законодательство о недрах, чтобы закрепить их принадлежность всей нации. Кстати, именно поэтому американцы в 1910-м поддержали вооруженное восстание против Диаса.

Но в 1917 году вопрос о недрах, прежде всего о нефти, стал вопросом жизни и смерти мексиканского государства. Правительство Каррансы тратило в месяц примерно 16,5 миллиона песо, из которых 10 миллионов шло на нужды армии. В рядах армии числились примерно 120 тысяч военнослужащих (на самом деле солдат было менее 80 тысяч, офицеры и генералы просто присваивали себе жалование «мертвых душ»). Карранса, как уже упоминалось, по соображениям внутривнутриполитического характера не мог радикально сократить армию, не рискуя спровоцировать военный мятеж.

Доходы правительства Каррансы в месяц составляли не более 11 миллионов песо. Эта сумма даже превышала аналогичный показатель времен Диаса, однако ее не хватало для нормального функционирования правительства в условиях военного положения во многих районах Мексики. Пока разницу между доходами и расходами удавалось погашать за счет займов у частных банков, но эти деньги кончались. Каррансе срочно нужен был

иностранный заем. Он помнил, что именно неудача Уэрты с получением кредита за рубежом привела его режим к банкротству и поражению в гражданской войне.¹²

В разгар Первой мировой войны Карранса мог занять деньги только у США, так как страны Антанты и Четверного союза не выделили бы ни сантима, пфеннига или копейки в пользу далекой от театров военных действий Мексики. Американцы же, как упоминалось выше, требовали от Каррансы фактической ревизии только что принятой конституции. Если бы президент и принял это капитулянтское условие, его режим немедленно смело бы народное восстание под руководством Обрегона и Кальеса и при поддержке Вильи, постоянно величавшего Каррансу «креатурой проклятых янки».

Американские нефтяные компании в Мексике под защитой отрядов Пелаеса встали на путь откровенного саботажа - они снижали производство, мотивируя это неясностью своего правового статуса после принятия конституции. Одновременно их лоббисты в Вашингтоне пытались побудить правительство США к открытой военной интервенции в Мексике. Явно антиправительственная политика американских промышленников не только подрывала престиж Каррансы как главы суверенного государства, но и лишала новый режим важного источника финансирования - налогов и экспортных пошлин, взимавшихся при вывозе нефти.

Поэтому Карранса пытался всячески лавировать между США, Германией и Японией, что было не так уж сложно, учитывая сумятицу военного времени.

Осенью 1916 года Карранса обратился к Германии с просьбой о поставках оружия.¹³ В то время, как мы помним, на территории Мексики находилась карательная экспедиция армии США во главе с генералом Першингом, по официальной версии направленная для преследования Вильи после дерзкого рейда последнего на американский городок Колумбус в марте 1916 года. Карранса не исключал полномасштабной войны с США и крайне нуждался во внешнеполитическом союзе с Берлином. Но Германия не желала обострять отношения с США, которые хотя и помогали Антанте оружием и снаряжением, но все же пока непосредственно не участвовали в войне.

Однако политика Германии коренным образом изменилась уже в первые месяцы 1917 года. В Берлине решили, что самым кратким путем к капитуляции Англии будет неограниченная подводная война против всех судов, доставлявших товары на Британские острова. Многие из этих судов были американскими, и их потопление могло спровоцировать вступление США в войну. Но немцы считали, что поставят Англию на колени быстрее, чем США перебросят вооруженные силы в Европу. В этих условиях Германия стремилась заключить с Мексикой военный союз, чтобы американцы оказались втянутыми в войну на своей южной границе и забыли о Европе.

19 января 1917 года фактический министр иностранных дел Германии Артур Циммерман в зашифрованной телеграмме, адресованной германскому посольству в США для передачи в дипмиссию Германии в Мехико, предложил Мексике совместное объявление войны США. Немцы гарантировали финансовую и военную помощь, а также присоединение к Мексике всех территорий (штатов Техас, Аризона и Нью-Мексико), отторгнутых у нее США в ходе войны 1846-1848 годов, что увеличило бы территорию страны примерно в два раза. Однако телеграмма Циммермана была перехвачена британской разведкой. Англичане сначала частично, а затем полностью расшифровали текст и через месяц передали его американцам. Сразу передавать США расшифрованный текст не стали, чтобы немцы не сменили код.¹⁴ В Вашингтоне депеша вызвала переполох, и ее решили опубликовать, что и было сделано 28 февраля 1917 года. [Картинка: image8.jpg]

CUMIA*КОАПЦИ

Телеграмма Циммермана

Полный текст телеграммы Циммермана гласил: «Мы намереваемся начать 1 февраля неограниченную подводную войну. Попытаемся, несмотря на это, сохранить Америку нейтральной. Если это не удастся, предложите Мексике союз на следующих условиях. Совместное ведение войны. Совместное заключение мира. Достаточная финансовая поддержка и согласие с нашей стороны на то, что Мексика снова получит ранее утраченные территории в Техасе, Нью-Мексико, Аризоне. Частности передаются на усмотрение Вашего Высочородия. Ваше Высочородие в строжайшей тайне сообщит президенту вышеупомянутое, как только начало войны против Соединенных Штатов станет неминуемым, и прибавит предложение немедленно пригласить Японию присоединиться (к союзу) и одновременно посредничать между нами и Японией. Пожалуйста, укажите президенту на то,

что неограниченное применение наших подводных лодок сейчас открывает перспективу заставить Англию в течение нескольких месяцев заключить мир. Подтвердите получение. Циммерман»

Каррансе пришлось отмежеваться от всех контактов с Берлином. Иным образом мексиканский президент в тот момент поступить не мог - части карательной экспедиции Першинга после долгих и мучительных переговоров стали наконец покидать мексиканскую территорию. Карранса не хотел давать президенту США Вильсону ни малейшего предлога для задержки Першинга в Мексике. 14 апреля 1917 года Карранса формально ответил немцам отказом.

За неделю до этого США вступили в войну против Германии (для обработки настроенного в целом пацифистски американского общественного мнения Вильсон использовал именно телеграмму Циммермана), и Карранса мог уже не опасаться широкомасштабного военного вторжения со стороны северного соседа.

Да и Вудро Вильсон, давно мечтавший о вступлении в войну на стороне Антанты, изменил отношение к Каррансе, которого недолюбливал. Назначенный в феврале 1917 года послом США в Мехико Генри Флетчер получил от Вильсона инструкции любыми способами избежать того, чтобы спровоцировать мексиканского президента на антиамериканские действия.

26 февраля посол Флетчер встретился по заданию госдепартамента с министром иностранных дел Мексики Кандидо Агиларом (хотя изначально должен был добиваться встречи с Каррансой, чтобы зачитать ему телеграмму Циммермана и вынудить прокомментировать ее публично). Выслушав текст телеграммы, Агилар удивился и сказал, что германский посланник в Мехико Эххардт никаких предложений такого рода ему не делал. Может, посланник говорил об этом с Каррансой, но он, Агилар, не в курсе. Между тем Эххардт 5 февраля получил от Циммермана указание немедленно предложить Мексике союз, не дожидаясь вступления США в войну, если текст телеграммы каким-либо образом станет известным американцам. Однако Карранса находился в штате Халиско, и Эххардт не смог вовремя с ним встретиться.¹⁵

На самом деле Агилар, мягко говоря, дезинформировал Флетчера. 20 февраля германский посланник все-таки проинформировал мексиканского министра иностранных дел о содержании телеграммы Циммермана. Агилар немедленно ответил согласием и сразу же установил контакт с японским посланником.¹⁶ 26 февраля Эххардт снова поднял вопрос о германомексиканском союзе в беседе с Агиларом. Но в тот же день к Агилару прибыл Флетчер, и мексиканцы поняли, что тайная дипломатия Берлина уже не является тайной.

Вступив в войну, администрация Вильсона старалась без нужды не задевать национальные чувства южных соседей, и, к неудовольствию бизнесменов США, президент оставался глухим к жалобам американских нефтяных компаний в Мексике на Конституцию 1917 года. Он лишь пообещал вплотную заняться этим вопросом после окончания мировой войны.

Карранса явно наслаждался полученной им после вступления США в войну в Европе свободой внешнеполитического маневра. В феврале 1917 года Мексика выступила с инициативой создания в западном полушарии «блока нейтралов». Этот шаг вызвал одобрение Берлина и явное неудовольствие США - американцы хотели под предлогом войны получить военные базы в латиноамериканских странах. Вильсон ужесточил торговые санкции против Мексики. Отныне американские компании лишались права продавать южному соседу не только оружие, но и продовольствие. В Мексике начался голод.

Финансовое положение Каррансы в условиях фактического американского эмбарго стало катастрофическим, и в апреле 1917 года он решил наконец прижать американский нефтяной бизнес в Мексике. Было объявлено о введении экспортного налога в 10% на вывоз мексиканской нефти. Американские нефтяные компании опять запротестовали, но правительство Вильсона не нашло формального повода для осуждения. К тому же вступившим в войну США была необходима мексиканская нефть.

Посол США в Мехико Флетчер сообщил 10 апреля 1917 года, что Мексика готова вообще прекратить экспорт нефти из порта Тампико. Госсекретарь Лансинг немедленно предложил Вильсону оккупировать Тампико. Однако президент в ответном письме своему госсекретарю был вынужден признать, что, «к сожалению», мексиканское правительство имеет законное право делать со своей нефтью все, что захочет.¹⁷ Правда, Вильсон пытался побудить англичан совершить оккупацию Тампико, но те были слишком заняты войной в Европе.

Вильсон не стал нажимать на Мексику еще и потому, что в выступлении перед Конгрессом 15 апреля 1917 года Карранса объявил о мексиканском нейтралитете в Первой мировой войне, чего и добивался президент США. Карранса расценил молчание Вильсона как победу и продолжил наступление на «нефтяном фронте». В

июне 1917 года он запретил иностранным компаниям бурение на участках, сданных в аренду после 5 февраля, то есть по-еле вступления в силу новой мексиканской Конституции. 18 февраля 1918 года был опубликован декрет, по которому все иностранные добывающие компании были обязаны заплатить мексиканскому правительству роялти за право добычи нефти, причем и в тех районах, где добыча шла задолго до принятия конституции. Вплоть до уплаты роялти иностранным компаниям запрещалось бурить новые скважины даже в пределах уже находящихся в их руках территорий. Одновременно иностранцам предписывалось срочно перерегистрировать свои концессионные права на добычу нефти у мексиканских властей.

На сей раз правительство Вильсона выступило с резким протестом и расценило декрет Каррансы как противоправное применение мексиканской конституции задним числом. Особое возмущение Вашингтона вызвало именно требование о повторной регистрации прав на добычу. Американские газеты стали называть Каррансу большевиком и писать «советской Мексике».

Никаким большевиком помещик Карранса, как мы уже не раз говорили, конечно, не был, однако события в далекой России имели прямое отношение к его политике. После декрета Ленина о мире в ноябре 1917 года Россия фактически вышла из войны. Карранса расценил это как удар по США - ведь теперь германская армия с восточного фронта будет переброшена на западный и нанесет поражение необстрелянным «пончикам» (так называли солдат американской экспедиционной армии в Европе).

К тому же сразу после социалистической революции в России немцы возобновили свой флирт с Каррансой и через посольство в Мехико предложили ему кредит в 70 миллионов песо в обмен на мексиканский нейтралитет в войне. Карранса был не против, однако инициатива германского посольства тогда не была поддержана в Берлине. Немцев охватила самоуверенность - после выхода России из войны они рассчитывали быстро покончить с Антантой без помощи далекой Мексики.

Весь 1917 год Карранса пытался получить кредит в США, и перейти на открыто антиамериканские позиции заставил его в числе прочих причин крах этих попыток. 8 мая 1917 года он запросил у Конгресса полномочия на учреждение центрального банка страны, чтобы привести в порядок крайне обесценившуюся мексиканскую валюту. Конгресс не возражал, но центральному банку требовался первоначальный капитал - причем в твердой валюте.

Через мексиканских банкиров правительство попросило у крупнейшего финансиста США Моргана поддержки в получении кредита у консорциума американских банков. Однако Морган порекомендовал обратиться к президенту Вильсону. В мае 1917 года по приглашению Каррансы в Мехико прибыла делегация американских банкиров для анализа экономической ситуации в стране (к удивлению гостей, они не заметили никаких вызванных гражданской войной разрушений). Визит американских финансистов заставил Германию опять предложить Мексике военный союз, но Карранса вновь ответил отказом. В июне министр финансов и ближайший соратник Каррансы Кабрера (его американские газеты тоже именовали то большевиком, то анархистом) официально объявил о желании Мексики получить кредит в американских банках. 23 июля Конгресс дал Каррансе полномочия занять за рубежом 250 миллионов песо, из которых 100 миллионов должны были стать учредительным капиталом центрального банка страны. В Нью-Йорке продолжались неофициальные переговоры с Морганом - мексиканцы соглашались выплатить из нового кредита часть обязательств по внешним долгам и компенсировать убытки американских граждан в годы революции и гражданской войны.

Карранса подчеркивал свое уважение к частной собственности и поощрял начавшийся возврат асиенд бывшим помещикам. Особое впечатление в США произвело сообщение о возврате земельной собственности бывшему министру финансов в правительстве диктатора Диаса - Лимантуру, которого в Мексике все считали ставленником иностранного капитала. В начале августа 1917 года в беседе с послом США Карранса заверил его, что применение статьи 27 Конституции ни в коем случае не будет означать конфискации собственности американских нефтяных компаний. Внимательно наблюдавшие за американо-мексиканскими контактами немцы опять предложили Каррансе военный союз против США и опять наткнулись на отказ.

Казалось, что Карранса близок к успеху. 20 августа 1917 года госдепартамент США официально заявил, что одобряет кредиты американских банков мексиканскому правительству. 31 августа правительство Вильсона признало режим Каррансы де-юре, а уже на следующий день Карранса направил Кабреру в США для ведения официальных переговоров о кредите. В качестве жеста доброй воли власти США передали Мексике

задержанные ранее американской таможенной партией оружия и боеприпасов, закупленные правительством Каррансы.

Однако все усилия Каррансы оказались бесплодными. Без правительственных гарантий давать деньги революционной стране воротили Уоллстрит не желали. Морган в Нью-Йорке опять переадресовал Кабреру в госдепартамент. Там посланцу заявили, что смогут гарантировать кредит американских частных банков Мексике, только если она вступит в войну против Германии, причем Вильсон предложил занять деньги не у частных банков, а у правительства США. Карранса решительно отказался - он прекрасно понимал, что вслед за таким кредитом в страну могут опять прийти американские солдаты. Правительство США в ответ ограничило экспорт [Картинка: image9.jpg] Фабрика нефтяной компании «Эль Агила» в Тампико, 1920 год

золота в Мексику. Это означало, что мексиканские компании не смогут приобретать в США ни продовольствия, ни оборудования, - вся торговля в военное время велась только за золото. 1 ноября 1917 года Кабрера прервал переговоры в Нью-Йорке, обвинив американские нефтяные компании в их срыве, что было чистой правдой, хотя и не полной.

Карранса все еще пытался спасти положение и согласился на учреждение совместной мексикано-американской комиссии по определению объемов ущерба американских граждан в Мексике. Однако и это не смягчило позицию американских властей, в связи с чем Кабрере пришлось несолоно хлебавши отбыть в Мексику в декабре. В это же время на деньги американского нефтяного гиганта «Стандард Ойл» готовилось реакционное восстание против Каррансы.

Как раз в декабре 1917 года, решив воспользоваться крахом миссии Кабреры, посольство Германии в Мехико и предложило на свой страх и риск Каррансе кредит в 70 миллионов песо, о котором упоминалось выше.

Финансовое положение мексиканского правительства после провала переговоров в США и отказа Берлина от планов собственной дипмиссии в Мехико стало угрожающим. Карранса решил попробовать мобилизовать внутренние ресурсы страны. Он поручил генералу Пабло Гонсалесу срочно захватить штат Морелос - крупнейший в Мексике производитель сахара, который можно было продавать на внешнем рынке. Одновременно войска двух лучших генералов правительственной армии Дьегеса и Мургуи должны были ударить в направлении нефтяного района Тампико, чтобы разбить Пелаеса и установить реальный контроль центральных властей над важнейшим районом нефтедобычи. Наконец, президент обратился с просьбой о помощи к Великобритании, обещав англичанам не трогать их нефтяную компанию «Агила» (в свое время ее организовали при личном участии диктатора Диаса, что давало Каррансе законное право ее национализировать).

Но все описанные выше меры еще предстояло реализовать, причем исход боев в Морелосе и Тампико был отнюдь не предрешен заранее. А деньги Каррансе требовались срочно. В армии началось недовольство задержкой выплаты жалованья, что использовали в своих интересах многочисленные местные «генералы» и «полковники», стремившиеся переключить гнев своих солдат на центральное правительство. 17-25 ноября 1917 года Карранса провел в Мехико национальный съезд мексиканских промышленников. Но те не стали делиться с правительством деньгами, а, наоборот, выступили против новой конституции и любого вмешательства государства в деятельность своих предприятий.

Видимо, такая позиция объяснялась в числе прочего и явными неудачами правительственных сил в районе Тампико. Там Каррансу настигли собственные интриги, которые он, как уже упоминалось, разжигал среди своих генералов. Когда Дьегес выступил на Тампико, Мургуя не стал присоединяться к нему, сославшись на возросшую активность отрядов Вильи в Чиуауа. Гонсалес, несмотря на зверства его войск в Морелосе, пока смог захватить лишь треть крошечного штата. У англичан удалось занять наличными 3 миллиона долларов, но этого было явно недостаточно.

1 января 1918 года сторонники Обрегона в формально правящей Либерально-конституционалистской партии впервые выступили с открытой критикой Каррансы из-за вмешательства последнего в выборы губернаторов штатов. Фактически это означало, что Обрегон начал избирательную кампанию, хотя выборы президента должны были пройти в 1920 году. 12 января 1918 года, сославшись на активность отрядов Вильи вдоль границы, США опять направили войска в Мексику, хотя и на короткий срок. Спустя два дня был раскрыт военный заговор против правительства, причем не где-нибудь, а в гарнизонах Мехико и Веракруса - ключевых городах страны.

Чтобы подавить внутреннее недовольство в стране, уставшей ждать социально-экономических преобразований, Карранса решил сыграть на патриотических чувствах мексиканцев. В феврале 1918 года он объявил о вышеупомянутых мерах против иностранных (в конкретных условиях - американских) нефтяных компаний. Карранса угрожал приостановить силой операции всех компаний, которые до 20 мая 1918 года не зарегистрируют у мексиканского правительства свои права на добычу.

Декрет Каррансы приветствовали в Берлине. Германская армия готовилась к решающему наступлению на западном фронте, и любые конфликты между Мексикой и США могли иметь решающее значение для успеха броска немцев на Париж. Из Берлина пришло сообщение об одобрении кредита Мексике, хотя и на весьма скромную сумму: 5 миллионов песо. Деньги планировалось выплатить со счетов в нейтральной Испании.

Американские нефтепромышленники ответили организацией нового заговора против Каррансы. На сей раз президентом хотели сделать бывшего соратника «дона Венуса» Альфредо Роблеса Домингеса. 2 апреля 1918 года государственный департамент США заявил, что новый декрет Каррансы может заставить правительство США принять меры по защите собственности своих граждан в Мексике. В воздухе явно запахло большой американо-мексиканской войной.

Карранса срочно направил своего представителя на переговоры с немцами в Мадрид. Тогда казалось, что германские войска вот-вот возьмут Париж. Но пока Каррансе пришлось продлить срок ультиматума американским нефтяным компаниям, который истекал 20 мая. 15 июля 1918 года немцы возобновили наступление, и 31 июля Карранса продлил срок ультиматума еще на две недели. Он ожидал, что за это время германская армия возьмет французскую столицу и войскам США во Франции будет нанесено сокрушительное поражение.

Однако 8 августа 1918 года (этот день германские генералы называли «черным днем») Антанта перешла в решительное контрнаступление, причем в значительной мере именно силами свежей американской армии. Немецкий фронт стал разваливаться. Поражение Германии стало очевидным для всего мира. Каррансе пришлось дать задний ход. 14 августа фактически отменил ключевое положение своего собственного декрета о перерегистрации прав и поручил министру промышленности и торговли Паниначать с американскими нефтепромышленниками переговоры о выработке взаимоприемлемого варианта конкретного применения статьи 27 конституции.

За все время президентства Каррансы не было ни одного дня, когда бы в стране не происходили вооруженные столкновения повстанцев с правительственными войсками. Политические программы мятежников были самыми разными, но большинство справедливо упрекали Каррансу в предательстве идеалов революции. Тем более что «дон Венус» сам провозгласил: «Я не был революционером, не являюсь революционером и никогда не буду революционером».

Наиболее революционным массовым движением в Мексике к началу 1917 года оставалась Освободительная армия Юга во главе с Эмилиано Сапатай. Весь 1916 год примерно 5 тысяч сапатистов вели в своем родном Морелосе небывалую по ожесточенности войну с примерно 30 тысячами солдат правительственной армии во главе с Пабло Гонсалесом. Мы уже говорили, что репрессии Гонсалеса, считавшего всех жителей Морелоса «кроважидными сатирами и преступниками», против мирного населения превзошли даже ужасы времен Уэрты и Диаса. В ноябре 1916 года Гонсалес издал приказ о расстреле без суда любого, на кого падало хоть малейшее подозрение в связях с сапатистами. Например, поводом для расстрела могло быть появление у железной дороги без уважительной причины. Армия Гонсалеса вела себя в Морелосе как на оккупированной территории. Массовые грабежи затрагивали не только жителей деревень. Прежде упоминалось и об англичанке из Куэрнаваки, не сумевшей отнять у офицеров ванну, украденную из принадлежавшего ей отеля, и об огромном черном рынке в мексиканской столице, на котором доблестные воины Гонсалеса сбывали награбленное добро. Сам Гонсалес быстро превратился в самого богатого генерала республики, что впоследствии и поставило крест на его политической карьере.

Неудивительно, что жители Морелоса видели в боях конституционалистов оккупантов, тем более что уроженцев штата в них практически не было. Гонсалесу не удалось даже провести в штате выборы в конституционный Конвент. «Делегатами» стали офицеры оккупационной армии. Сапата, наоборот, внимательно следил за тем, чтобы его бойцы не допускали по отношению к мирному населению никакого произвола. Ставка Освободительной армии издавала приказы о расстреле мародеров на месте.

К концу 1916 года Гонсалес был вынужден признать свое поражение. Измученные боями и малярией (большинство солдат были северянами и страдали от непривычного для них влажного климата) войска конституционалистов в декабре 1916 года стали покидать города и селения Морелоса. В январе 1917 года Освободительная армия Юга вступила в столицу штата Куэрнавака. Победа, правда, омрачалась тем, что правительственные войска отступили в полном порядке. Бойцам не удалось захватить трофеи в виде оружия и боеприпасов, а именно их недостаток и был главной бедой Сапаты. Его армия не контролировала ни одного порта, а до границы с США, откуда в основном и поступало в Мексику контрабандное оружие, простиралось тысячи километров.

Однако в январе 1917 года в ставке Сапаты царил эйфория. Там помнили, что после отступления из Морелоса войск Уэрты быстро пал и сам режим генерала-диктатора. Сапатаполагал, что и дни Каррансы сочтены. Один из наиболее видных помощников крестьянского лидера Сото-и-Гама уже составил программу неотложных социально-экономических реформ, которые сапатисты намеревались провести после захвата Мехико.

Но надежды Освободительной армии оказались напрасными. Гонсалес не собирался сдаваться. Правительственные войска прикрыли перевалы, ведущие из Морелоса в долину Мехико, и постоянно тревожили партизан боями местного значения. Сапата не мог распустить свою армию на отдых, а содержать несколько тысяч человек в дотла разоренном Морелосе стало практически невозможно. Из многих деревень штата исчезли не только свиньи и коровы, но даже куры. Многие деревни были сожжены, и беженцы наводнили уцелевшие населенные пункты. На почве голода и лишений процветали преступность и бандитизм. Не будет преувеличением сказать, что ни одна мексиканская территория не пострадала так в ходе революции, как Морелос. [Картинка: image10.jpg] Брат Эмилиано Сапаты Эуфемие

Но самым страшным испытанием для Сапаты оказалось принятие 31 января 1917 года новой Конституции Мексики. В ней, как уже упоминалось, было зафиксировано право крестьянских общин на возврат земель, несправедливо отнятых у них во времена диктатуры Порфирио Диаса. У многих партизан Морелоса возник справедливый вопрос: зачем продолжать борьбу, когда основная цель Освободительной армии Юга закреплена в Конституции страны? Конституционалисты всячески поощряли наметившийся идеологический разлад среди партизан. Некоторым сапатистским командирам было предложено перейти со своими отрядами в ряды регулярной армии, причем офицерам оставляли их воинские звания, а солдатам-крестьянам - выделенные им по указам Сапаты земельные участки. И некоторые генералы Сапаты пошли на компромисс.

В свою очередь, это обострило обстановку в штаб-квартире Освободительной армии в Тлалтисипане. Сапата все время опасался предательства. Его характер стал мрачным, а вспышки гнева - более частыми. Возможно, сыграло свою роль и убийство офицерами сапатистской армии, перешедшими на сторону правительственных войск, родного брата вождя - Эуфемие. Сапата хотел снова придать бойцам уверенность, проведя успешную операцию по захвату ключевого железнодорожного узла - Пуэблы. Ходили слухи, что тамошний гарнизон ненадежен и после короткого боя оставит город. Однако сапатистам так и не удалось накопить для примерно пятичасового сражения достаточно боеприпасов, в основном приобретаемых на черном рынке Мехико у солдат Гонсалеса, и захват Пуэблы пришлось отменить.

Сапата отдал все силы реорганизации системы управления в Морелосе. Была введена широкая выборность всех должностей в деревнях. По образцу древних Афин Сапата стремился, чтобы каждый житель Морелоса занял хотя бы раз в жизни выборную должность. Несмотря на недостаток средств, открывались школы, причем и вечерние для взрослых, что было новым явлением для Мексики. Сапата по-прежнему внимательно следил за тем, чтобы его командиры платили за все припасы, получаемые у селян, и не допускали самовольных реквизиций.

Сапата был единственным вождем мексиканской революции, развернувшим планомерную политическую пропаганду на своей территории. Сото-и-Гама организовал в ноябре 1916 года консультативный центр революционной пропаганды, который проводил лекции и беседы в деревнях, разъясняя цели революции. Многие крестьяне впервые в жизни видели образованных людей из города, которые беседовали с ними на равных.

И все же пропаганда не могла заменить уставшим от многолетней войны людям скромного комфорта повседневной материальной жизни. Поэтому Сапата, всегда чутко следивший за настроениями широких масс,

резко изменил свою политическую линию именно в 1917 году. Несмотря на кажущуюся полную победу в Морелосе, партизанский командир прекрасно понимал, что в случае очередного наступления Гонсалеса Освободительной армии опять придется перейти к партизанской войне, а этого жители разоренного штата могут уже просто не выдержать. Поэтому Сапата отодвинул на задний план своего основного советника Палафокса, славившегося непримиримостью и некоторым снобизмом по отношению к другим революционным группировкам Мексики. Именно неуступчивость Палафокса помешала Сапате в 1915 году более тесно скоординировать боевые действия с Вильей, что и привело к поражению обоих народных вождей.

Теперь главным советником Сапаты стал Хильдардо Маганья. Родом он был из самого консервативного и католического штата Мексики - Мичоакана.²² Этот штат поддержал во время войны Хуареса с французскими интервентами именно французов. Лучшей карьерой для мичоаканца считалась стезя католического священника. Однако отец Маганьи, торговец, был упрямым либералом и в таком же духе воспитывал своих сыновей. Хильдардо Маганья перебрался в Мехико, откуда после неудачного восстания против Диаса, в котором он принял участие, бежал к Сапате. В отличие от Палафокса, он слыл мастером компромисса. Именно ему и поручил Сапата установить контакты со всеми оппозиционными Каррансе силами, включая и генералов правительственных войск. Целью борьбы Освободительная армия провозглашала теперь только отставку Каррансы как предателя революции и ради этой цели была готова сотрудничать с любыми политическими силами в стране. Бесспорно, основная ставка делалась на мятеж ключевых генералов правительственной армии против «дона Венуса». К этому мятежу могли бы присоединиться сапатисты, чтобы наконец закончить свою многолетнюю борьбу. [Картинка: image11.jpg] Хильдардо Маганья

Как только Обрегон покинул в мае 1917 года пост военного министра, Сапата велел опубликовать «Здравицу в честь Альваро Обрегона». В августе Сапата возобновил контакты с Вильей, рассчитывая, хотя и безосновательно, на связи последнего с американцами. От Сапаты, очень внимательно следившего за международной обстановкой, не укрылось то обстоятельство, что Вашингтон постоянно подозревал Каррансу (как указывалось выше, небеспочвенно) в связях с Германией. На этом фоне Сапата стремился получить от США признание в качестве воюющей стороны и подчеркивал свои антигерманские настроения.

1 сентября 1917 года Сапата опубликовал манифест к нации. В качестве цели продолжения революционной борьбы манифест определял свержение «предателя Каррансы», который возвращает поместья латифундистам, причем даже таким одиозным, как Террасас в Чиуауа.

Карранса ответил новым наступлением на Морелос, начавшимся глубокой осенью 1917 года, то есть в сухой сезон. Правительственные войска с помощью перешедших к ним ранее командиров Освободительной армии Юга со всех сторон двинулись на Морелос. Восточная часть штата (примерно треть территории) была быстро оккупирована, правительственные силы широко применяли артиллерию для обстрела городов. Столичные газеты предвкушали захват сахарных заводов Морелоса, что должно было резко улучшить финансовую ситуацию правительства.

Однако вскоре наступление заглохло. Некоторые генералы просто не стали принимать участие в скоординированном броске на Морелос. Перешедшие формально на сторону Каррансы офицеры Сапаты вовсе не желали воевать против своего бывшего командира, которого искренне уважали. Они хотели только одного - чтобы их оставили в покое и дали возможность обрабатывать полученную (кстати, по указам Сапаты) землю.

А Маганья между тем продолжал свою секретную дипломатию. В декабре 1917 года он установил контакт с депутатом Конгресса Альфредо Роблесом

Домингесом. Этот человек уже упоминался на страницах книги - именно его американские нефтепромышленники рассматривали как будущего президента в случае свержения Каррансы. Домингес был частым гостем в британском и американском посольствах в Мехико. О связях его с владельцами нефтяных компаний Маганья, вероятно, не знал.

В феврале 1918 года он решился на беспрецедентный шаг - через генерала правительственных войск передал условия перемирия непосредственно Каррансе. Маганья предлагал президенту вывести правительственные войска из Морелоса, признать Освободительную армию Юга хозяином Морелоса и санкционировать произведенный Сапатой раздел латифундий. В обмен сапатисты были готовы прекратить вооруженную борьбу и признать правительство Каррансы. Однако разоружаться Освободительная армия не собиралась.

Карранса был от природы не склонен к компромиссам, с Сапатой же он исключал любое соглашение в

принципе. Ведь многие другие повстанцы в Мексике боролись только за возможность разбогатеть. Достаточно было наречь очередного мятежника «генералом», а его людей - «офицерами», и борьба прекращалась. Бывший «революционный вождь» превращался в официального командира на отныне подведомственной ему территории и занимался узаконенным рэкетом, облаживая различными «налогами» местных крестьян и предпринимателей. Сапата был единственным вождем с широкой революционной программой («план Айялы») и абсолютно не интересовался должностями и богатством. Такой человек, по мнению Каррансы, был перманентной угрозой частной собственности и подлежал уничтожению. Неудивительно, что на предложение Маганьи ответа не последовало.

24марта 1918 года Сапата издал приказ о зачислении пленных солдат и офицеров правительственных войск в ряды Освободительной армии Юга в случае их согласия. Это был важный шаг - ненависть к конституционалистам в Морелосе была столь горячей, что пленных, как правило, расстреливали, тем более что партизаны просто не имели возможности их прокормить. Такая тактика, в свою очередь, вела к упорному сопротивлению правительственных войск. Теперь все менялось - Сапата как бы подчеркивал, что против рядовых солдат и офицеров правительственной армии ничего не имеет, считая и их революционерами. Единственным препятствием к формальному объединению является только один человек - Карранса.

Сапата установил контакт практически со всеми повстанцами, которые под разными лозунгами боролись с Каррансой в различных штатах. Даже генерал Пелаес, сражавшийся в районе Тампико, был признан Сапатой «истинным революционером». Прямой связи с Феликсом Диасом Сапата, будучи принципиальным политиком, конечно, установить не мог, но со многими «генералами» Диаса контакты поддерживались.

25апреля 1918 года ставка Сапата обратилась с новым манифестом к мексиканскому народу. В нем сознательно почти ничего не говорилось о радикальной аграрной программе сапатистов. Подчеркивались лишь те цели, вокруг которых могут объединиться практически все антиправительственные силы, а именно: выборность всех должностей и борьба с диктатурой Каррансы. После свержения «дона Венуса» предлагалось созвать съезд всех видных вождей революции, включая и генералов правительственных войск, для определения политического будущего страны.

На состоявшихся в июле 1918 года выборах в Конгресс потерпела поражение Либерально-конституционалистская партия, поддерживавшая Обрегону. Как всегда, выборы сопровождались запугиванием неугодных кандидатов и прямой подтасовкой результатов голосования. Сапата обратился с посланием к Обрегону, призывая его выступить против Каррансы с оружием в руках. Ответа не последовало.

Между тем на севере Мексики продолжал бороться против правительственных войск другой народный вождь - Панчо Вилья. В конце 1915 года, вынужденный распустить свою регулярную армию и перейти к партизанской войне, он создал солидные запасы оружия и боеприпасов. Большая часть солдат разошлась по домам, однако в случае необходимости Вилья мог быстро набрать несколько тысяч кавалеристов и провести молниеносную операцию по захвату практически любого крупного города в своем штате Чиуауа. Опытный командир и политик, Вилья всего лишь ждал перелома политической ситуации - момента, когда населению штата надоест терпеть бесчинства правительственных войск.

Те занимались всяческими реквизициями и поборами - например, за пользование железными дорогами. Процветала контрабанда продовольствия из США в голодающий Чиуауа. Если в приграничном американском городе Эль-Пасо можно было приобрести сливочное масло по 8 долларов 50 центов за килограмм, то в Сьюдад-Чиуауа оно продавалось уже по 17.50. Во многих городах пропало мясо - и это в штате, который до революции был основным животноводческим районом Мексики. Население Чиуауа с ностальгией вспоминало, как Вилья во время своего господства в штате в 1914-1915 годах продавал беднякам по бросовым ценам мясо с реквизированных латифундий.

Однако даже недовольство режимом Каррансы уже не могло заставить местных жителей вступать в партизанские отряды. Во-первых, люди устали от многолетней войны. Во-вторых, правительственные войска не брали в плен вильястов, а часто расстреливали заодно и их родственников мужского пола. Но самой главной причиной отсутствия наплыва добровольцев была та же, с которой столкнулась Освободительная армия Юга. Когда в начале 1917 года американская карательная экспедиция Першинга покинула Чиуауа, перед Вильей встал тот же вопрос, что и перед Сапатой: за что бороться? Ведь до этого Вилья в прокламациях бичевал Каррансу как марионетку проклятых гринго, свидетельством чему были американские интервенты на

мексиканской земле. Теперь положение коренным образом изменилось.

Карранса бросил против Вильи своего лучшего генерала Мургуя (даже Вилья уважал его военный талант). Мургуя приобрел в Чиуауа малопочетное прозвище Вешатель. Если раньше пленных вильистов расстреливали в укромных местах, чтобы лишний раз не возбуждать население, то теперь их вешали на виду у всех, чтобы это самое население утратить.

Тактика Вильи была абсолютно другой, чем у Сапаты. Сапатисты действовали небольшими отрядами, соединяясь только для крупных операций, вроде штурма какого-либо крупного населенного пункта. Преимуществом Освободительной армии Юга был горный рельеф Морелоса: федеральные войска не могли использовать конницу и артиллерию. К тому же в Морелос вела практически одна железная дорога, которую можно было легко вывести из строя.

Напротив, Вилья действовал на степных равнинных просторах Чиуауа, применяя в основном тактику массированных кавалерийских рейдов. Вильисты быстро захватывали какой-либо город, пополняли запасы провизии и боеприпасов за счет правительственных войск и исчезали в степи. Как и раньше, Вилья использовал для быстрой переброски войск железные дороги. После рейда отряды расходились, и с Вильей оставались лишь его гвардейцы - «дорадос». Вилья обычно расстреливал только офицеров, а солдат отпускал по домам. Правда, те, как правило, опять присоединялись к правительственным войскам, потому что для многих солдат служба в армии была единственной профессией. Как уже упоминалось, некоторые командиры Вильи отрезали пленным ухо и при повторном захвате в плен сразу расстреливали «меченых».

В ноябре 1916 года несколько тысяч вильистов захватили столицу Чиуауа.²³ Поводом для налета было освобождение пленных, в том числе бывшего генерала войск Паскуаля Ороско Инеса Салазара. Вилья раньше был непримиримым врагом ороскистов и даже не брал их в плен. Но теперь, как и Сапата, он стремился объединить под своим руководством все антиправительственные силы.

Мы помним, что предыдущее нападение Вильи на Сьюдад-Чиуауа за два месяца до этого, в ночь перед Днем независимости объяснялось той же самой причиной. В сентябре генерал Салазар был освобожден в первый раз. Но, будучи человеком чести, он счел, что не имеет права спасаться бегством, когда его сторонников расстреливают как уголовников. Салазар отказался присоединиться к Вилье и добровольно вернулся в тюрьму, чтобы защищать

себя и своих людей на суде. Однако к ноябрю его надежды на справедливый суд уже растаяли, и на второе предложение Вильи он ответил согласием.

В Чиуауа вильисты вели себя образцово. Вилья заверил местных коммерсантов, что будет уважать их интересы, и добавил, что это относится и к иностранцам, за исключением китайцев и американцев, которых он называл «белыми китайцами». Мы уже упоминали о почти анекдотической антипатии Вильи к якобы пытавшимся отравить его китайцам, но ненависть к этому народу вообще была широко распространена в Мексике. Единственные иностранцы, сильно отличавшиеся внешним видом от местных жителей, они к тому же занимались в основном торговлей, и мексиканские бедняки зачастую обвиняли именно их в высоких ценах на продукты. Примерно так же, как китайцев, ненавидели только сирийских торговцев, которых именовали «арабами». Вот и в Сьюдад-Чиуауа американцам удалось спрятаться, а китайцев вильисты безжалостно истребляли. Одновременно Вилья, как обычно, наложил на предпринимателей «налог», чем занимались и правительственные войска, и закрыл все бары и салуны, чтобы поддерживать в войсках сухой закон. Когда немецкий консул попытался протестовать против «налога», Вилья ответил, что примет протест только от самого кайзера.

С юга к Чиуауа приближались на поездах войска генерала Мургуи, превосходившие вильистов по численности примерно в два раза. Самым мудрым решением в этих условиях было бы отступление, но Вилья не хотел создавать впечатление, что его отряды ведут исключительно рейдовую партизанскую войну. Он решил бросить навстречу Мургуе около трех тысяч бойцов во главе с освобожденным из плена Салазаром. Последний выдвинул своих кавалеристов против примерно 8-10 тысяч солдат правительственных войск недалеко от Сьюдад-Чиуауа, в местечке Оркасита. Атаки были отбиты, но Салазар выиграл время для упорядоченного отхода основных сил Вильи из столицы штата, да и его войска отошли с поля боя в полном порядке и с относительно небольшими потерями. Характерно, что пока шел бой, Салазар предложил своим офицерам попить кофе на ближайшем вокзале.

И все же Вилья был в бешенстве, когда практически на его глазах Мургуя занял Сьюдад-Чиуауа. Показателен эпизод, случившийся в небольшом городке Камарго, который вильясты заняли при отступлении из столицы штата. К Вилье подошла женщина и со слезами на глазах стала умолять пощадить ее мужа - простого бухгалтера федеральной армии. Вилья ответил, что этот человек уже расстрелян. Несчастливая осыпала Вилью проклятиями. Он, выйдя из себя, застрелил ее, а затем, поддавшись уговорам своих соратников, приказал убить всех родственниц солдат гарнизона Камарго, опасаясь, что те наведут каррансистов на след его отряда. Были расстреляны около 90 женщин.

Это произвело крайне неприятное впечатление на бойцов-вильястов и, естественно, на местных жителей. Ведь все время гражданской войны про-

тивоборствующие армии по-рыцарски относились и к женщинам, и к детям. Здесь же очевидцы наблюдали ужасную картину: двухлетний ребенок мазал себя кровью матери, играя на ее трупе.²⁴

Такие, в целом не свойственные ранее Вилье зверства свидетельствовали об отчаянии народного вождя. Он еще мог выигрывать отдельные бои, но понимал, что не в состоянии выиграть войну. И все же еще надеялся на магическую силу своего имени. Одна яркая победа - и он снова соберет под свои знамена несколько тысяч бойцов и неудержимодвинется на Мехико. Вилья решил повторить свой успех времен войны с Уэртой. Он двинулся от Сьюдад-Чиуауа на юг, чтобы захватить Торреон. Когда-то именно блестящая победа над федеральной армией Уэрты у стен этого города в одно мгновение превратила Вилью в ключевого политического игрока национального масштаба.

Торреон открывал путь в центральные районы страны, и этот ключевой железнодорожный узел обороняли всего около двух тысяч солдат. Обрегон требовал, чтобы Мургуя немедленно выступил со всеми силами на помощь защитникам Торреона. Но тот отказался, сказав, что ему непременно надо подавить «очаги бандитизма» в западном Чиуауа. («Бандитом» Вилью именовали вполне официально, отрицая тем самым политический характер его движения.) Все, на что пошел Мургуя, - выставил кавалерийский заслон между Сьюдад-Чиуауа и Торреоном. Этот заслон должен был перехватить разбитые у Торреона отряды Вильи. Обрегон, в то время еще военный министр, настаивал на своем, но Мургуя был непреклонен. Видимо, он не хотел делить ни с кем славу победителя неуловимого Вильи.

22 декабря 1916 года Вилья штурмом захватил Торреон, причем правительственные войска при отступлении бросили артиллерию и даже собственный эшелон. Командующий федеральными силами генерал Таламантес покончил жизнь самоубийством.²⁵ Британский консул в Торреоне сообщал, что особого кровопролития при взятии города не наблюдалось. Вилья явился с охраной в дом французского консула и потребовал выдать ему 350 тысяч песо, которые, по его данным, консул спрятал для федеральных войск.²⁶ Сын консула спокойно ответил, что Вилья может его расстрелять, если найдет деньги. Пораженный таким мужеством, тот посоветовал сыну консула выбросить пистолет - он, Вилья, лично позаботится, чтобы ни один волос не упал с его головы. Правда, это не помешало благодарному отцу в донесении в МИД Франции назвать Вилью «шакалом».

Захват Торреона на этот раз не принес Вилье желанного перелома в войне. Напротив, он опять, как и в 1915 году, уверовал в собственный военный гений и вознамерился дать решительный бой основным правительственным силам, которые во главе с Мургуей медленно продвигались к Торреону с севера. Казалось, что такая задача вильястам по плечу. В Торреоне силы Вильи серьезно выросли, как всегда после успешной операции (хотя несколько сотен «добровольцев», похоже, мобилизовали принудительно). Теперь Мургуя, отрядивший около трех тысяч бойцов на запад Чиуауа, не имел численного преимущества над Вильей. К тому же у того была и артиллерия.

Две армии сошлись у местечка Эстасьон Реформа, недалеко от города Хименес. Тщетно один из самых талантливых и жестоких военачальников Вильи Урибе предлагал под покровом ночи перебросить тысячу всадников для неожиданного удара в тыл Мургуе. Вилья полагал, что достаточно провести его знаменитую массированную кавалерийскую атаку - и враг побежит. Самоуверенность Вильи довела его до того, что он отправил отряд в две тысячи человек для выполнения другого задания.

Атака была отбита ветеранами Мургуи, а контратака правительственных войск привела к бегству вильястов, у которых отсутствовали резервы. Вилья отошел в город Парраль, где стояли эшелоны с добычей, захваченной в Торреоне. Понимая, что Парраль ему не удержать, партизанский командир разрешил жителям брать все, что те захотят. Неудивительно, что еще долго после этих событий популярность Вильи в Паррале была очень

высокой.

Это поражение оказалось еще не самым страшным ударом. Посланный в западные районы Чиуауа командир Мургуи смог с помощью предателя обнаружить склады с оружием и боеприпасами, которые Вилья создал еще в 1915 году. Того, что он накопил на этих складах, хватило бы для оснащения многотысячной армии. От отчаяния Вилья решил снова атаковать главные силы Мургуи. Теперь самоуверенность подвела уже командующего правительственными силами. Мургуя, думая, что Вилья разбит окончательно, даже не выставил охраны, и нападение вильевцев, словно восставших из пепла, стало для него полной неожиданностью. Каррансисты потеряли около 2500 человек, примерно 600 из которых были взяты в плен и расстреляны. Самому Мургуе едва удалось спастись - его несколько раз плашмя достал палашом гнавшийся за ним вильевец. Но конь у генерала оказался резвее, чем у преследователя.

Расстрел пленных Вилья аргументировал тем, что если раньше он проявлял гуманность, отпущенные каррансисты опять оказывались в рядах его противников. На этот раз он приказал своим «дорадос» расстреливать пленных федералов в голову одной пулей на пять человек - ради экономии боеприпасов.

Справедливости ради следует отметить, что и Мургуя отнюдь не отличался гуманизмом. Одному из захваченных в плен генералов Вилья он разрешил из уважения к его чину самому выбрать дерево, на котором его повесят. [Картинка: image12.jpg] Американские интервенты в местечке Намикипа

1 апреля 1917 года Вилья вновь напал на Сьюдад-Чиуауа, намереваясь окончательно разбить Мургую. Он приказал развести бивуачные костры на южной окраине города, а сам атаковал столицу штата с севера. Но Мургуя на уловку не поддавался, и атака была отбита с большими потерями для нападавших. 200 вильевцев были захвачены в плен и повешены.²⁷

В ответ на это Вилья опять совершил ужасный поступок. Его отряд занял городок Намикипа. Как упоминалось выше, здешние жители в свое время весьма неплохо ладили с американской армией Першинга и при поддержке интервентов даже создали отряд местной самообороны. Именно бойцам этого отряда, «прихвостням проклятых грингов», и решил отомстить Вилья. Однако когда его бойцы ворвались в Намикипу, все мужчины, способные носить оружие, укрылись в близлежащих горах. Разъяренный Вилья отдал своим солдатам приказ изнасиловать всех жен бежавших.²⁸ Такого в гражданской войне еще не бывало. Поведение вождя возмутило даже некоторых командиров вильевцев, спрятавших нескольких женщин от расправы.

Естественно, события в Намикипе нанесли популярности Вилья в Чиуауа невосполнимый урон. А правительственные силы тем временем приступили к созданию отрядов самообороны (их называли «социальной обороной») во всех населенных пунктах штата. В эти отряды записывались не только богатые: всем надоели постоянные войны и нападения вооруженных людей, иные из которых были обычными уголовниками. Отряды самообороны, как правило, вообще не пускали в свои города и села вооруженные группы, даже частям правительственных войск иногда разрешали войти лишь после того, как те сложат оружие. Но настоящим бедствием «социальная оборона» стала именно для Вилья. Мало того, что его бойцы лишились мест, где могли отдохнуть и накормить лошадей, - отряды самообороны незамедлительно оповещали каррансистов и передвижения Вилья. Таким образом, он терял самое главное преимущество партизанской войны - внезапность.

После провала штурма Сьюдад-Чиуауа Вилья уже не обращался к населению с прокламациями о целях своей борьбы. Как и Сапата, он надеялся только на внутренний разлад в стане Каррансы. Правда, основным противовес Каррансе, Обрегон, был настроен по отношению к Вилье, пожалуй, еще непримиримее, чем «дон Венус». Ведь именно в битве с Вильей Обрегон потерял правую руку и едва не покончил жизнь самоубийством от нестерпимой боли. Вилья лишь попытался поучаствовать в переписке двух каррансистских генералов - Тревиньо и Мургуи, которые публично в газетах обвиняли друг друга в трусости во время последних сражений с Вильей, что весьма красноречиво характеризовало моральное состояние правительственных войск. В американской газете «Эль Эральдо дель Норте» появился комментарий Вилья, в котором он не без бравады перечислял свои успехи в битвах против обоих генералов. В частности, он утверждал, что только Мургуя потерял в боях с вильевцами с 1 декабря 1916-го по 23 апреля 1917 года 4449 человек.²⁹

Несмотря на газетную браваду, Вилья, будучи прагматиком, понимал, что его успехи местного значения не представляют никакой угрозы для режима Каррансы. Поэтому летом 1917 года он решился на отчаянный шаг - направился в столицу с отрядом примерно в тысячу человек, выдавая его за подразделение правительственных

войск. До Вильи дошли сведения, что каждый день Карранса в сопровождении небольшой свиты совершает конную прогулку в столичном парке Чапультепек, и он захотел неожиданно напасть на президента и доставить его на контролируемую сапатистами территорию для «народного суда».30 Вилья рассчитывал, что после этого правящий режим погрязнет в междоусобице и можно будет снова диктовать свои условия при выработке правил политического урегулирования в постреволюционной стране.

Однако едва отряд Вильи покинул пределы родного Чиуауа, как натолкнулся на открытую враждебность обывателей в большинстве городов и селений. Подходя к той или иной деревне, вильисты видели на крышах домов вооруженных и готовых к отпору людей. В одном месте пришлось расстрелять 27 бойцов самообороны, чтобы те не выдали отряд. В районе города Агуаскальентес вильисты окончательно сбились с пути и повернули обратно. Попытка скрытно пройти тысячи километров по занятой противником и недоверчивыми селянами территории оказалась чистой утопией.

В августе 1917 года Вилья обратился с письмом к Мургуе, призывая его восстать против «продавшегося гринго Каррансы». В письме вместо бравады звучали уже нотки обреченности и отчаяния: «...возможно, Вы и убьете меня». Есть данные, что одновременно с письмом Вилья выразил желание сложить оружие, если ему будет гарантирована жизнь. Но Мургуя не ответил на обращение: он считал Вилью опасным преступником, подлежащим уничтожению. Похоже, Вилья был близок к отчаянию. Ведь он даже не мог по примеру других противников Каррансы перейти американскую границу и отправиться в эмиграцию: после налета на Колумбус в США его ждала верная смерть.

В конце 1917 года маленький отряд Вильи мог только скрываться от преследования, совершая набеги на небольшие гарнизоны. Благодаря «налогам», в том числе и на американские железнодорожные компании,³¹ Вилья мог платить своим бойцам не обесценившимися бумажными деньгами, а серебром. Это обеспечивало хотя бы какой-то приток добровольцев. От полного забвения Вилью спас сам Карранса. Во-первых, он убрал из штата Мургую, опасаясь, что военная слава генерала сделает из него претендента на президентское кресло. Во-вторых, решил приступить к возврату земельной собственности крупнейшим помещичьим кланам Чиуауа. Основной причиной такой реставраторской линии, помимо нерушимого уважения к частной собственности, было то, что многие конфискованные асиенды управлявшие ими генералы довели до полного разорения. А ведь раньше Чиуауа был крупнейшим экспортером скота в США. Теперь, после разгрома Вильи, как считал Карранса, пришло время вернуть крупные скотоводческие поместья их законным владельцам, чтобы восстановить экспортный потенциал Мексики.

Почувствовав перемену политических настроений в Мехико, к Каррансе с просьбой о реституции своих гигантских латифундий в Чиуауа обратился крупнейший землевладелец Мексики Луис Террасас. Поместья Террасаса были конфискованы еще во времена президентства Мадеро, так как он активно поддерживал и диктатуру Диаса, и антиправительственный мятеж Ороско в 1912 году. Субсидировал Террасас и федеральную армию узурпатора Уэрты. Однако теперь былой хозяин Чиуауа уверял Каррансу, что всегда был обычным бизнесменом, а деньги с него Ороско и Уэрта брали помимо его воли.

Карранса направил петицию Террасаса губернатору Чиуауа Андресу Ортису, который без труда привел президенту доказательства контрреволюционной деятельности многих членов разветвленного клана Террасасов.³² К тому же Ортис припомнил, что Террасас, как, впрочем, и все помещики, включая самого Каррансу, занижал стоимость своих земель, чтобы не платить государству налоги. Карранса, однако, не принял во внимание доводы губернатора и в начале 1919 года постановил вернуть главе клана Луису Террасасу всю собственность, за исключением земли (Террасасы владели банками, торговыми и промышленными предприятиями).

Но даже бескомпромиссный в вопросах защиты частной собственности «дон Венус» не решился опубликовать свое решение насчет Террасаса (забегая вперед, заметим, что оно так и не было проведено в жизнь при Каррансе). Это вызвало бы скандал, учитывая, что обещанная правительством аграрная реформа в Чиуауа не двигалась с места. В 1918 году была распущена даже местная аграрная комиссия, призванная рассматривать просьбы безземельных и малоземельных крестьян о выделении им участков. Всего за время президентства Каррансы было распределено между крестьянами примерно 450 тысяч акров земли, что походило на насмешку над аграрной реформой.³³

Однако Вилья не откликнулся на реставрацию помещичьего землевладения в штате, хотя одиозное имя

Террасаса могло бы придать его борьбе хотя бы какой-то смысл. Скорее всего, Вилья просто разуверился в людях, тех самых простых людях, которых защищал всю свою жизнь. В конце 1918 года он опубликовал открытое обращение к «социальной обороне», взывая к патриотическим чувствам ее бойцов. В обращении почти с надрывом подчеркивалось, что Вилья не враг угнетенных, а их самый верный защитник. Но видимого эффекта обращение не возымело: вести партизанскую войну становилось труднее с каждым днем.

Некоторые современные исследователи считают, что Вилья был агентом немецкой разведки, по крайней мере в годы Первой мировой войны.³⁴ Это столь же несправедливо, как и аналогичное утверждение в адрес Ленина. Конечно, немцам было на руку поддерживать Вилью как врага американцев, способного своими действиями вызвать войну между Мексикой и США. Незадолго до налета вильястов на Колумбус, в конце 1915 года американская полиция зафиксировала поступление на счет коммерческого агента Вильи в США Феликса Зоммерфельда (во время господства Вильи в Чиуауа тот получил крайне выгодную государственную концессию на импорт динамита)³⁵ 340 тысяч долларов со счетов германского правительства в Нью-Йорке.³⁶

В марте 1916 года, сразу же после рейда на Колумбус, МИД Германии дало указание послу в США Бернсторфу снабжать Вилью оружием с американских фабрик, находившихся под контролем немецкого капитала. Планы по доставке оружия в Мексику морем были абсолютно нереальны ввиду полного господства в мировом океане английского флота. Но и американцы весьма плотно охраняли границу с Мексикой, что исключало переправку туда крупных партий вооружения. Даже сам Вилья, имевший неплохие связи в деловом мире южных американских штатов, не мог получить оттуда оружие, пусть и за твердую валюту.

По данным британской разведки, генеральному консульству Германии в Сан-Франциско все же удалось переправить Вилью оружие в гробах и нефтяных танкерах, однако верится в это с трудом. В декабре 1916 года, когда Вилья захватил Торреон, германский консул в этом городе предложил партизанскому командиру совершенно фантастический план. Согласно ему Вилья должен был атаковать всеми силами порт Тампико и тем самым заодно парализовать экспорт мексиканской нефти Антанте. В порту его ожидали бы германские суда с оружием. Консул даже предложил себя в качестве заложника и изъявил готовность сопровождать вильястов при их нападении на Тампико. Вилья сначала загорелся, но потом, видимо, все же понял, что посланец кайзера выдает желаемое за действительное. Никаких немецких кораблей у Тампико англичане и американцы не потерпели бы, а бравый немец просто заплатил бы своей жизнью за срыв мексиканского экспорта нефти.

В начале 1917 года немцы (похоже, уже просто от отчаяния) выдвинули еще более невысказанный план: Вилья, Феликс Диас и Сапата должны были соединиться с Каррансой и напасть на США. Понятно, что дальше стадии прожекта германского МИД подобный сценарий так и не продвинулся. А после вступления США в войну в апреле 1917 года немцы вообще забыли про Вилью, сконцентрировав все усилия на удержании Каррансы на позициях строгого нейтралитета. Каких-либо свидетельств об агентурной деятельности Вильи в пользу немецкой разведки до сих пор не обнаружено. Да, одно время Вилью и немцев объединяли сходные антиамериканские интересы, но, по-видимому, в сотрудничестве они так и не переросли.

В 1917-1918 годах, однако, вовсе не Вилья с Сапата были главными силами, составлявшими оппозицию правительству Каррансы. На юге страны неожиданно для властей возникло мощное движение, которое многие авторы - думается, ошибочно - называют контрреволюционным или реакционным. Классическая контрреволюция в Мексике была разгромлена еще в 1911 году вместе с режимом Диаса. С тех пор все повстанцы, боровшиеся против центральных властей, побаивались открыто призывать к реставрации прежних порядков. Да и режим генерала Уэрты, который сверг президента Мадеро в феврале 1913 года, вряд ли может считаться реставраторским. Как неоднократно упоминалось выше, Уэрта уделял большое внимание народному образованию и поддерживал аграрную реформу.³⁷ Его взгляды были, пожалуй, даже радикальнее, чем взгляды помещика Венустиано Каррансы. Не зря Карранса назвал свое оппозиционное Уэрте движение конституционалистским. Тем самым «дон Венус» подчеркивал, что намерен только восстановить в стране поправную демократию, а отнюдь не проводить какие бы то ни было экономические реформы.

К 1916 году за пределами Мексики успела образоваться разношерстная, но одинаково непримиримо настроенная к режиму Каррансы эмиграция. Многие крупные помещики и соратники Порфирио Диаса уехали вместе с престарелым диктатором во Францию в 1911 году, что представляется естественным, если учесть преклонение правящего класса Мексики именно перед этой страной. В 1914 году Мексику покинули

сторонники разгромленного Уэрты - главным образом генералы и офицеры прежней федеральной армии. Карранса со свойственным ему упрямством распустил армию и запретил брать в ряды новых вооруженных сил прежних офицеров. Наоборот, по его приказу конституционалисты обычно расстреливали всех взятых в плен офицеров Уэрты.

Исключение составлял только Вилья. Начав в конце 1914 года борьбу с Каррансой, он активно привлекал в ряды своей «Северной дивизии» бывших офицеров. Как мы помним, главным военным советником Вильи, к которому он, к сожалению, не всегда прислушивался, был одно время самый талантливый и интеллигентный генерал федеральной армии Фелипе Анхелес. В этой книге уже упоминалось и о том, что именно из-за мягкого отношения Вильи к офицерам «реакционной» федеральной армии пропаганда Каррансы представляла его реакционером.

Неудивительно, что когда Вилья выступил против Каррансы, многие офицеры примкнули не к представителю высшего общества «дону Венусу», а к бывшему полуграмотному разбойнику «дону Панчо». Но после поражения Вильи в сражениях против Обрегона в 1915 году офицерам опять пришлось эмигрировать. В отличие от бывших соратников диктатора Диаса, денег у многих генералов не было. Им не хватало средств на билет до Европы, поэтому они по большей части осели в США, где занимались самыми разными делами. Анхелес, например, одно время даже был вынужден работать на шахте, но долго там не выдержал.

Американская полиция (а после начала Первой мировой войны еще и британская и германская разведки в США) внимательно следила за мексиканской эмиграцией, в среде которой постоянно возникали всякого рода серьезные и не очень заговоры против режима Каррансы. Американцы старались эти заговоры пресекать на корню. Они полагали, что любой другой режим в Мексике будет гораздо более прогерманским. Достаточно вспомнить, что именно полиция США арестовала двух самых опасных для Каррансы эмигрантов - бывшего диктатора Уэрту и выдающегося военного вождя времен борьбы с Диасом Паскуаля Ороско, не дав им совместно перейти мексиканскую границу. Ороско был убит в стычке с американскими рейнджерами, а Уэрта умер на операционном столе в американской тюрьме в январе 1916 года (некоторые считают, что генерала «залечили» до смерти).³⁸ Похоронили этих во многом не понятых до сих пор людей на кладбище с символическим названием «Конкордия» («Concordia», что по-латыни значит «Согласие»).

Через шесть недель после смерти Уэрты из техасского порта Гальвестон отплыл небольшой корабль, взявший курс на Веракрус. На его борту находился еще один вождь повстанческого движения, которого не принимала всерьез даже американская полиция. Генерал Феликс Диас был племянником бывшего диктатора и кадровым военным, что автоматически делало его в глазах большинства мексиканцев контрреволюционером. В последние годы президентства своего дяди Феликс Диас был шефом мексиканской полиции и активно преследовал всех оппозиционеров. Незадолго до свержения диктатора Феликс успел несколько недель побыть губернатором Оахаки, родного штата Порфирио Диаса, и именно это обстоятельство и оказалось впоследствии ключевым для его политической деятельности. В 1912 году Диас поднял мятеж против Мадеро в Веракрусе, но был быстро разбит и посажен в тюрьму. Именно из тюрьмы, объединившись с Уэртой в феврале 1913 года, Диас сверг президента Мадеро. Уэрта обещал Диасу пост президента, но потом отправил незадачливого конкурента в эмиграцию.

Любопытно сравнить две родственные пары: Порфирио Диаса и его племянника Феликса Диаса и Наполеона I и его племянника Наполеона III. В обоих случаях младший унаследовал от старшего лишь громкое имя. Если Порфирио Диас обладал несомненным талантом военачальника, проявившимся в годы борьбы мексиканского народа против французской интервенции Наполеона III, и острым чутьем политического деятеля (никто ни до, ни после него не управлял Мексикой столько лет), то Феликс Диас был человеком, мягко говоря, средних способностей, к тому же явно невезучим.

Стоило его судну отплыть из Гальвестона, как Диас ухитрился потерпеть кораблекрушение и, промокший до нитки, едва выбрался вместе со своими

соратниками на берег в районе мексикано-американской границы, за сотни миль от Веракруса.⁴⁰ Утонули все речи, планы и прокламации будущего национального лидера, что, впрочем, оказалось для Феликса плюсом. Он смог скрыть свое имя при допросе и пробрался в Мехико, а оттуда на юг, в свою родную Оахаку.

Мексиканский юг (штаты Оахака, Чьяпас, Табаско, Герреро и Веракрус) в те годы был охвачен разрозненным, но довольно массовым оппозиционным вооруженным движением. Земельный вопрос в южных штатах остро не

стоял, поэтому активного участия в революции южане не принимали. Когда в эти штаты пришли конституционалистские войска, то местное население восприняло это как вторжение северян (местных уроженцев в армии Каррансы практически не было). В свою очередь, северяне-каррансисты считали местное, в основном индейское население забитыми церковью реакционерами и насаждали новые порядки грубой силой (на севере Мексики были особенно распространены расистские предрассудки в отношении индейцев как неспособной к прогрессу расе). К этому стоит прибавить общее для офицеров конституционалистов стремление обогатиться за счет всякого рода реквизиций и «налогов».

Вместе взятые, эти факторы привели к началу вооруженной борьбы под самыми разными лозунгами. Штат Оахака формально восстал против правительства Каррансы, считая, что нарушены его суверенные права. В Чьяпасе еще во времена Диаса (дяди) активно действовали повстанцы индейцы-мая, которые просто хотели, чтобы белые люди не вторгались в их веками устоявшийся жизненный уклад. Во всех оппозиционных движениях активную роль играли бывшие офицеры федеральной армии, выброшенные из жизни непримиримой политикой Каррансы. Повстанцев поддерживала и очень влиятельная на юге Мексики католическая церковь. Таким образом, движение южан можно охарактеризовать скорее не как реакционное (тем более контрреволюционное), а как провинциально-патриархальное и местническое. Этому движению не хватало только единого лидера и общей программы.

Оба эти фактора появились с прибытием в Оахаку Феликса Диаса. Племянник бывшего диктатора официально вступил в командование примерно тремя тысячами бойцов. Программа Диаса, с ее основным лозунгом «Мир и справедливость», была отнюдь не махрово-реакционной. Феликс позиционировал себя как наследник идей Хуареса, поэтому выступал за восстановление Конституции 1857 года. Аграрная программа у феликсистов была, пожалуй, даже более радикальной, чем у Каррансы. В ней содержались требования о разделе помещичьих земель и о наделении ими крестьянских общин - «эхидос». Так как эти общины состояли в основном из индейцев юга Мексики, там это требование было особенно популярным. На севере же, где не было ни индейцев, ни «эхидос», считали индейские общины пережитком варварского прошлого коренного населения. Феликсисты требовали уважительного отношения к церкви, что не удивляет, если учесть показной антиклерикализм некоторых генералов Каррансы. Но главным требованием повстанцев было прекращение самовольных реквизиций и поборов «во имя революции». Именно поэтому пропаганда Каррансы и представляла движение Феликса Диаса реакционным. Естественно, активно эксплуатировала она и одиозное для многих имя вождя оппозиционеров.

В своих манифестах феликсисты справедливо говорили о том, что аграрная реформа конституционалистов до сих пор повлекла за собой только переход некоторых латифундий в руки «революционных» генералов. Да и вообще пока что революция ведет только к образованию прослойки нуворишей и ничего не дает простому населению. Конечно, трудно предположить насколько искренними были радикальные требования программы Феликса Диаса. Возможно, он лишь отдавал дань общим настроениям в стране. Но в любом случае социально-экономическая платформа у феликсистов была, пусть и на словах, несколько не реакционнее, чем у Каррансы.

Старт движения Диаса выглядел малообещающе. В конце 1916 года правительственные войска начали наступление в Оахаке и быстро загнали местные отряды повстанцев в горы. Крупная армия в горах прокормиться не могла, и Феликс Диас вместе с примерно тремя тысячами сторонников отступил на юг в самый отдаленный штат Мексики Чьяпас. Поход через влажные тропические джунгли превратился в катастрофу. Путникам даже пришлось питаться мясом обезьян.⁴¹ Когда Диас наконец добрался до Чьяпаса, с ним оставалось не более сотни человек. Правительственные газеты потешались над незадачливым племянником диктатора и поспешили объявить его движение несуществующим. Но в Чьяпасе к Диасу примкнули местные индейцы, которые перешли в ряды оппозиции только из-за неуважительного отношения к ним «прогрессивных» конституционалистов.

К началу 1917 года Диас опять появился в Оахаке. К 1918-му его сторонниками объявили себя повстанцы уже практически во всех штатах страны. Правда, многие сделали это сугубо из тактических соображений. Диас при поддержке бывших генералов федеральной армии, среди которых выделялись наиболее толковые офицеры войск Уэрты Бланкет и Баррон, организовал свои силы в 10 дивизий. Конечно, часть этих дивизий существовала только на бумаге, но основные силы феликсистов в районе Оахаки и Веракруса насчитывали не менее 10 тысяч бойцов, хотя и плохо вооруженных. Зять Каррансы и губернатор Веракруса Агилар не исключал

даже взятия Феликсом этого ключевого порта страны. Губернатор признавал, что большинство добровольцев пришли в ряды армии Диаса только из-за недовольства действиями правительственных войск и из-за отсутствия реальных социально-экономических реформ в стране.

Движение Диаса отличалось от движений Вильи и Сапаты еще и тем, что имело влиятельное лобби за границей. После начала Первой мировой войны [Картинка: image13.jpg] Мануэль Пелаес

Феликс не уставал клеймить режим Каррансы как прогерманский, а себя позиционировал как стойкого сторонника Антанты. Эту точку зрения активно пропагандировала антикаррансистская мексиканская эмиграция. Однако США, единственная страна, которая могла бы помочь феликсистам оружием, относилась к Диасу настороженно. Во-первых, его, как и дядю, считали сторонником европейской, а не американской ориентации во внешней политике Мексики. Во-вторых, президент США Вильсон ненавидел Уэрту как узурпатора и германофила, а ведь Феликс одно время был ближайшим соратником почившего в бозе диктатора. Наконец, американцы полагали, и абсолютно верно, что в военном отношении Диас все равно не представляет реальной угрозы Каррансе, поэтому поддержать феликсистов - значит только усилить и так плохо скрываемую ненависть правителя Мексики к США.

Еще сложнее определить политический характер движения генерала Мануэля Пелаеса, действовавшего в 1914-1920 годах в районе крупнейших нефтяных месторождений Тампико.⁴² Пелаес признавал лидерство Диаса и даже встречался с ним в 1918 году в своей штаб-квартире. Однако его движение было абсолютно другим и походило по внешним признакам скорее на Освободительную армию Юга Сапаты (как уже упоминалось, Сапата признавал Пелаеса, в отличие от Феликса Диаса, настоящим революционером).

Пелаес родился в 1885 году в регионе Уастека, центром которого и был город Тампико. В 1901 году жизнь этого мексиканского захолустья на атлантическом побережье изменилась коренным образом - там обнаружили нефть. Семья Пелаеса установила довольно тесные связи с иностранными нефтяными компаниями, и Пелаес как местный авторитет иногда участвовал в разрешении споров между мексиканскими рабочими нефтепромыслов

и их иностранными (английскими и американскими) хозяевами. В 1910 году Пелаес примкнул к движению против Порфирио Диаса и организовал на свои средства вооруженный отряд. После свержения диктатора Пелаеса как сторонника нового революционного президента Мадеро избрали мэром города Аламо. Однако, как и многие в стране, Пелаес быстро разочаровался в Мадеро, которого считал прекраснородушным мечтателем, неспособным к реальному управлению страной, и примкнул к мятежу Феликса Диаса в 1912 году. После поражения этого выступления в октябре того же 1912 года Пелаес бежал в США.

Приход к власти Диаса и Уэрты в феврале 1913 года побудил Пелаеса вернуться в страну спустя два месяца, в апреле. Летом Пелаес встретился в Мехико с Уэртой и получил от диктатора средства на организацию отряда в 500 человек для защиты нефтяного региона Тампико от конституционалистов. Свой отряд Пелаес назвал «отечественной гвардией». В этом названии, пожалуй, и заключался главный смысл движения Пелаеса - он защищал «свой» регион Тампико от любого вмешательства извне. Генерал никогда не претендовал на общенациональную роль, а в его отрядах, численность которых не превышала 6 тысяч человек, воевали только местные жители. Как и армия Сапаты, бойцы Пелаеса собирались вместе только для проведения боевых операций крупного масштаба. В остальное время они работали на своих фермах или на нефтяных месторождениях. Примерно половина армии Пелаеса представляла собой части постоянной боевой готовности. Остальные составляли резерв, привлекавшийся только в самом крайнем случае. В этом отношении тактика Пелаеса удивительно напоминала тактику сапатистов.

Правда, в отличие от Сапаты, у Пелаеса не было проблем с деньгами. Генерал взимал «налоги» с иностранных нефтяных компаний и в обмен оказывал им «покровительство». В спокойное время Пелаес собирал с каждой компании по 10 тысяч песо. Во время боевых действий - в три раза больше. На этом основании пропаганда Каррансы пыталась представить Пелаеса простой марионеткой иностранных империалистов. Но дело было гораздо сложнее - скорее, нефтяным компаниям приходилось платить Пелаесу, чтобы тот не мешал их бизнесу. Ведь выплачивали же американцы «налоги» Вилье. Их взимали и офицеры правительственных войск в регионе Тампико. Нефтяные компании платили тем, кто в данный конкретный момент главенствовал в регионе. В 1915-1920 годах - как правило, Пелаесу.

В апреле 1914 года американцы захватили Тампико, придравшись к инциденту со своими моряками.³⁹ В мае в

город вошли части конституционалистов. Пелаесу снова пришлось бежать в США. Он вернулся уже в октябре, когда стал очевиден раскол между победившими Уэрту Вильей и Каррансой. Пелаес примкнул к Вилье, но после разгрома последнего Обрегоном в 1915 году оружия не сложил. С тех пор Пелаес действовал самостоятельно, отбив только в 1917-1918 годах пять крупных наступлений конституционалистов на регион Уастека. Конечно, правительственные силы контролировали порт Тампико, но все окрестности «монополизировали» гвардейцы Пелаеса.

В госдепартаменте США после принятия в январе 1917 года новой мексиканской Конституции одно время вынашивали план нового захвата Тампико с помощью частей Пелаеса, чтобы не дать Каррансе национализировать нефтяную промышленность. Нефтяным компаниям США в регионе даже разрешили снабжать Пелаеса не только деньгами, но и оружием. Однако американские бизнесмены были гораздо осторожнее политиков -они понимали, что в военном отношении партизанские отряды Пелаеса не представляют реальной конкуренции правительственной армии.

К 1918 году в районе Тампико установилось фактическое двоевластие. На тот момент правительственные войска в этом районе состояли уже не из революционеров, а из призывников, не желавших воевать в чужой для них местности. Солдат плохо кормили, у многих из них не было даже обуви, а офицеры продавали боеприпасы Пелаесу, для чего им приходилось время от времени организовывать стычки с его отрядами, чтобы оправдать расход боезапаса и просить Военное министерство о присылке новых партий оружия и боеприпасов. Но в целом гвардейцы Пелаеса и правительственные части старались друг другу не досаждать. Известен даже случай, когда солдаты прислали партизанам, находившимся в соседней деревне (на расстоянии примерно двух миль), в качестве подарка на праздник бойцового петуха и поставили на него 500 песо.

Формально, как упоминалось выше, Пелаес признавал главенство Феликса Диаса, но мы уже видели, что его политические пристрастия менялись самым неожиданным образом. Популярность Пелаеса в своем регионе базировалась всего-навсего на том, что он не пускал туда чужаков и платил своим солдатам хорошее жалованье из средств нефтяных компаний. Пелаес поддерживал контакты с Сапатою, но это сотрудничество основывалось только на общей ненависти к Каррансе.

В целом и Сапата, и Вилья, и Диас с Пелаесом никогда не угрожали самому существованию режима Каррансы. И дело здесь было не только в подавляющем огневом превосходстве правительственной армии над полупартизанскими оппозиционными отрядами. Большинство населения Мексики того периода все же считало центральную власть революционной и ожидало от нее реализации обещанных в Конституции 1917 года реформ, прежде всего аграрной. Недовольство практически полным отсутствием этих реформ было направлено не в сторону власти вообще, а в сторону лично Каррансы.

К тому же радикально настроенные губернаторы многих штатов (а почти все губернаторы были в той или иной мере радикальнее президента, потому что не могли не реагировать на чаяния жителей своих территорий) реформы на местах проводили, и подчас весьма глубокие.

Считать самого Каррансу отъявленным реакционером тоже было бы неправильно. Да, президент не был согласен со многими радикальными положениями Конституции 1917 года, но он ратовал за осторожные реформы. Правда, при двух условиях - уважении закона и возмещении убытков всем тем, кого правительство лишало собственности в пользу других.⁴⁰ Исключение здесь составляли враги конституционалистов, собственность которых изымалась без всякой компенсации.

Как и любое правительство Мексики со времен обретения страной независимости, Карранса должен был решить три основных вопроса страны: аграрный, церковный и рабочий (правда, сам президент последнюю тему особо важной не считал).

С католической церковью у мексиканских либералов были очень сложные отношения еще со времен Хуареса. Католический клир активно поддерживал врагов Конституции 1857 года, а потом и французских интервентов. При Порфирио Диасе, который тоже формально считал себя продолжателем дела Хуареса, отношения немного нормализовались, но все испортила активная поддержка католическим епископатом режима Уэрты. В ходе борьбы против диктатора все церковные земли и многие храмы были реквизированы властями как принадлежащие врагам революции. Некоторым епископам после падения Уэрты летом 1914 года пришлось уехать в эмиграцию, откуда они критиковали новую власть.

Следует подчеркнуть, что активная борьба с церковью как силой мракобесия и врагом прогресса была общей

чертой всех либеральных и революционных движений мира со времен Великой французской революции -а мексиканский образованный класс ориентировался именно на Францию. С католиками и православными (протестантов во многих странах считали прогрессивной, почти светской церковью) боролись государственные деятели от Бисмарка до Ленина. Кстати, помимо большевиков противниками церкви, и подчас куда более непримиримыми, были и кадеты, не говоря уже о меньшевиках или ультрареволюционных эсерах.

В Мексике начала XX века антиклерикализм тоже считался признаком хорошего тона и служения прогрессу человечества. Статьи 3 и 130 Конституции 1917 года запрещали церкви всякое вмешательство в политику и подтверждали запрет на владение ею недвижимостью. К тому же власти штатов получали право ограничивать количество служителей культа по своему усмотрению. Наконец, иностранным проповедникам (имелись в виду прежде всего испанцы как идейные наследники бывшей метрополии) было предписано покинуть Мексику.

Неудивительно, что в феврале 1917 года четырнадцать мексиканских епископов из эмиграции выступили с решительным осуждением Конституции 1917 года⁴¹. Они утверждали, что конституционный Конвент в Керетаро был неправомочен менять основной закон страны, так как от выборов в него отстранили целые слои общества. Подразумевались главным образом та же церковь и крупные помещики, которые к моменту принятия Конституции по большей части уже эмигрировали. Епископы утверждали, что по-настоящему легитимной является только Конституция 1857 года (отсюда и соответствующие лозунги Феликса Диаса). Хотя и та Конституция, мягко говоря, симпатий к церкви не выказывала, но там по крайней мере не было ограничения на количество священнослужителей.

Первоначально заявление епископов-эмигрантов большого резонанса в Мексике не вызвало. Но в июле 1917 года скрывавшийся от властей в подполье архиепископ Гвадалахары Франсиско Ороско-и-Хименес призвал своих священников прочесть это обращение во время воскресной мессы. Гвадалахара была столицей штата Халиско, которым управлял бывший рабочий, а ныне генерал революционной армии Мануэль Дьегес. Дьегес был, наряду с губернаторами Кальесом в Соноре и Альваро в Юкатане, одним из самых радикальных антиклерикалов в стране. Гвадалахару захлестнули поддержанные Дьегесом антирелигиозные демонстрации, после которых губернатор просто закрыл все основные церкви города. Кстати, многие церкви оставались закрытыми по всей стране и до этих событий - в них размещались правительственные учреждения, казармы, школы и склады.

К осени страсти улеглись, и восемь церквей Гвадалахары возобновили свою работу. Но Дьегес, как и Кальес с Альваро в своих штатах, воспользовался церковным бунтом резко сократил количество священнослужителей в Халиско (с формальной точки зрения, осудив Конституцию, церковники действительно грубейшим образом преступили закон). Правда, Кальес вообще выслал из Соноры всех служителей культа.

Карранса, просвещенный человек своего времени, никаких особых симпатий к католикам не испытывал и против мер Дьегеса и Кальеса не возражал. Однако, будучи прагматиком, он понимал, что с церковью надо как-то договориться, чтобы хотя бы выбить почву из-под ног у феликсистов. К тому же антицерковные меры в Мексике находили благодаря международным связям церкви очень неблагоприятный отклик в мире. Президент понимал - основным камнем преткновения между властями и клиром является судьба конфискованной у церкви в годы гражданской войны собственности, прежде всего недвижимости. В этом вопросе Каррансу раздрали противоречивые чувства. С одной стороны, «дон Венус» был непреклонен в том, что касалось наказания всех, кто посмел выступить против него с оружием в руках, или, как в случае с церковью, идейно и материально поддерживал врагов революции. С другой стороны, Карранса был, как уже неоднократно упоминалось, сторонником священного для него права частной собственности.

С помощью своего верного соратника министра финансов Кабреры Карранса выработал следующий компромисс.⁴² Если конфискованная в ходе войны недвижимость принадлежала священнослужителю как частному лицу, то она подлежала возврату. Но если речь шла о собственности церкви или ее общественных организаций, то имущество надлежало передать в государственную собственность. Карранса и Кабрера понимали, что церковь попытается перерегистрировать свое имущество на частных лиц, и поэтому оно подвергалось строгой проверке. Если выяснялось, что имущество дарили или передавали частному лицу церковные организации, оно также подлежало конфискации. Имели место случаи, когда служащие Министерства финансов, занимавшегося управлением конфискованной собственностью, проверяли кадастровые списки нескольких поколений владельцев. В целом можно констатировать, что, как правило,

власти отказывали в возвращении конфискованной церковной собственности, и такая позиция была популярна в народе, за исключением населения южных штатов.

Осенью 1918 года Карранса предложил Конгрессу изменить «церковные» статьи мексиканской Конституции, чтобы нормализовать отношения с церковью.⁴³ Он предлагал отменить право властей штатов ограничивать количество священнослужителей, снова разрешить деятельность иностранных миссионеров (такая мера, несомненно, улучшила бы и отношения с США, которые только что выиграли Первую мировую войну) и запретить церкви владеть только недвижимостью, но не собственностью вообще. Для одобрения конституционных поправок требовалось две трети голосов мексиканского парламента и одобрение большинства парламентов штатов. Но подавляющее количество депутатов как на национальном, так и на региональном уровне были настроены жестко антиклерикально, и поправки Каррансы не имели никаких шансов на успех.

Таким образом, все время президентства Каррансы церковь и государство находились в состоянии, которое в лучшем случае можно назвать «холодной войной». Никаких симпатий к новому режиму большинство католических иерархов не испытывали. В недалеком будущем это сказалось на судьбах Мексики самым пагубным образом.

Но если церковный вопрос относился скорее к мировоззренческим и идеологическим, то подавляющее население Мексики было кровно заинтересовано в разрешении другого вопроса - аграрного. Декретом 6 января 1915 года, принятым в самый критический период правления Каррансы, когда, казалось, Сапата и Вилья вот-вот возьмут власть в стране, разрешалась временная передача земель в собственность деревенских общин - «эхидос». Конституция 1917 года превращала этот временный принцип в постоянный. Во всех штатах учреждались аграрные комиссии, куда должны были обращаться деревни, претендовавшие на получение земель (как правило, полупустынных и без дорогостоящей ирригации не имевших никакой сельскохозяйственной ценности), либо за счет помещиков, которым надлежало выплачивать компенсацию.⁴⁵

Карранса был против возрождения в стране общинного землепользования. Сапата в своих манифестах подчеркивал, что в Каррансе говорила классовая солидарность с помещиками, одним из которых и был сам «дон Венус». Представляется, что вопрос был несколько сложнее. Действительно, Карранса владел в своем родном штате Коауила примерно 70 тысячами гектаров земли (явно заниженная налоговая стоимость этих земель составляла 35 тысяч песо - максимум треть от реальной цены). Но большинство из этих земель были пастбищами, и батраки-пеоны там не трудились. К тому же по меркам севера Мексики Карранса являлся скорее средним, чем крупным землевладельцем.

Суть в том, что он, как и подавляющее большинство мексиканского образованного класса, включая, например, и Обрегону, считал общинную форму владения землей отсталой в агротехническом смысле. Только крупные поместья, по его мнению, могли обеспечить передовые методы возделывания технических культур, особенно сахарного тростника и обеспечить валютные поступления в страну. Со скотоводством, основой сельского хозяйства Севера, вопрос представлялся Каррансе еще более ясным - лишь крупные ранчо могли наладить экспорт живого скота в США. Поэтому Карранса был в принципе за мелкого частного собственника, наделить которого землей надлежало главным образом за счет бросовых земель или раздела латифундий врагов революции, в том числе и церкви.

Интересно, что подобные взгляды Каррансы практически ничем не отличались от взглядов Ленина. Большевики тоже стремились сохранять неразделенными передовые помещичьи хозяйства, которые преобразовывались в совхозы, к неудовольствию окрестных крестьян, мечтавших поскорее разделить инвентарь и скот своих бывших хозяев.

Однако Карранса не мог не учитывать настроений крестьян, особенно индейцев, в основном склонявшихся именно в пользу общинного, традиционного землеустройства. Президент избрал тактику затягивания аграрной реформы, не отвергая ее в принципе. «Эхидос», подававших в аграрные комиссии штатов или в Национальную аграрную комиссию петиции с требованием возврата несправедливо отнятых у них ранее помещиками земель, подчас годами мурыжили в различных органах и судах. К тому же у многих общин вообще не было никаких документов на землю. Ведь индейцы владели землей еще до прихода испанцев и, естественно, не имели на этот счет кадастровых ведомостей. Да и многие помещики, потомки испанских конкистадоров, в качестве

обоснования своих претензий просто указывали на право завоевателя, тоже ничем не подтвержденное.

Другим препятствием для малоземельных крестьян и сельскохозяйственных рабочих была необходимость внесения государству платы за землю. Министр финансов Кабрера по поручению Каррансы объехал страну, чтобы выяснить, за какую цену помещики готовы продать свои земли государству. В разных регионах цифры, конечно, отличались, варьируясь в диапазоне от 110 до 250 песо за 5 гектаров (именно такой надел считался минимально достаточным для прокорма крестьянина и его семьи). По предложению Каррансы, крестьянин заранее должен был возместить государству стоимость этой земли, чтобы оно могло выкупить ее у помещика. Будущий собственник сразу выплачивал десять процентов общей стоимости надела, а остальную часть возмещал в течение 9 лет, причем на эту сумму начислялись в пользу государства 5% годовых, чтобы побудить крестьян рассчитывать с властями быстрее. Однако если учесть, что в некоторых штатах сельскохозяйственные рабочие получали не более 30-50 сентаво в день, и этих денег едва хватало, чтобы прокормить семью, то накопить даже 25 песо для первоначального взноса представлялось делом абсолютно нереальным. К тому же помещики требовали, чтобы государство выкупало их землю за серебро или золото, не желая принимать обесценившиеся бумажные деньги правительства Каррансы.

В январе 1920 года Конгресс утвердил закон, разрешавший правительству выпустить облигации на общую сумму в 50 миллионов песо сроком на 20 лет и под 5% годовых. За счет этих облигаций планировалось выплачивать компенсацию помещикам.⁴⁶ Однако последние хотели компенсацию сразу и желательно золотом.

Неудивительно, что аграрная реформа во времена Каррансы продвигалась медленно, причем темп ее проведения падал с каждым годом президентства «дона Венуса». Всего в 1917-1920 годах общины получили примерно 200 тысяч гектаров земли (менее 1% сельскохозяйственных земель страны). 90 тысяч из них было распределено в 1917 году, а в 1919-м - только 6 тысяч. В январе 1919 года Национальная аграрная комиссия разослала на места характерный циркуляр, в котором от крестьян требовали перед наделением землей давать государству письменную подписку с обязательством вернуть деньги, потраченные на выкуп земли у помещика. А в декабре 1919 года Карранса наложил вето на принятый Конгрессом закон, разрешавший крестьянам временное пользование брошенными землями.⁴⁷ В качестве обоснования своего отказа президент опять ссылался на незыблемое право частной собственности. Карранса неоднократно подчеркивал, что наделение землей крестьян должно восприниматься теми как разовый акт государственной благотворительности, а не как постоянная политика страны.

Тем не менее, несмотря на весь консерватизм Каррансы, именно в годы его правления аграрная реформа стала восприниматься всеми политическими силами страны и самими крестьянами как данность мексиканской действительности. Уже никто, даже Феликс Диас или католическая церковь, не смели поставить под вопрос сам принцип общинного землевладения и перераспределения сельскохозяйственных угодий.

Рабочий вопрос многие мексиканские политики-революционеры не считали особенно значимым в социальном контексте страны. Ведь рабочих было мало, не более 12% активного населения (торговцев, например, было больше). К тому же в большинстве районов Мексики крупного промышленного производства попросту не существовало. Пролетариат страны в основном концентрировался в трех районах: столичном округе (электрики, рабочие арсеналов, железнодорожники - более половины всего мексиканского пролетариата работали в Мехико и его окрестностях), на нефтяных промыслах Тампико и в районе Веракруса, где располагались текстильные фабрики. Настроения рабочих этих трех регионов различались. Столичный пролетариат желал сотрудничества с властями, отвергал политическую борьбу и был во власти теорий тред-юнионизма в стиле Американской федерации труда (по этим теориям, рабочим полагалось выдвигать только экономические требования). Текстильщики и портовые рабочие Веракруса имели самое высокое классовое самосознание и еще во время Диаса выходили на забастовки и митинги под политическими лозунгами. Наконец, рабочие

Тампико находились под влиянием анархистов из американской организации «Индустриальные рабочие мира», считавшей профсоюзы выше любой политической партии.

И Мадеро, и Карранса относились к рабочим в патерналистском духе, призывая хозяев создать для пролетариев сносные условия труда. Как политическую силу «открыл» пролетариат для конституционализма Обрегон, когда в 1915 году заключил соглашение с анархистской организацией Мехико - «Домом рабочих мира».⁴⁸ В обмен на признание и финансовую поддержку властей рабочие сформировали «красные батальоны»,

которые, как мы помним, сыграли определенную, хотя отнюдь и не решающую роль в победах Обрегона над Вильей. С тех пор рабочие считались верными сторонниками конституционалистов.

Статья 123 Конституции 1917 года дала рабочим широкие права. Однако прямого действия по данному вопросу Конституция не имела. Власти штатов должны были принять на своем уровне трудовые кодексы. Здесь дело продвигалось ни шатко ни валко. Только Кальес в Соноре и Агилар в Веракрусе добились принятия действительно радикального рабочего законодательства. В этих штатах власти при разбирательстве трудовых споров обычно поддерживали рабочих, а не предпринимателей. Всего рабочее законодательство было принято в восьми штатах.

В 1918 году Мануэль Диас Рамирес организовал в Веракрусе первую коммунистическую группу, при поддержке которой образовались коммунистические кружки в соседних Орисабе и Тампико. Характерной чертой этих групп было восхищение русской революцией. Диас Рамирес говорил, что если «пролетарии всего мира еще не последовали в своих странах примеру русской революции, то все их симпатии, все их надежды и чаяния обращены к этой земле, откуда струится свет...».⁴⁹

Конечно, революция ликвидировала самые одиозные проявления антирабочего законодательства (точнее, его отсутствия) времен Диаса. Были строго запрещено рукоприкладство, отменены ненавистные рабочим фабричные магазины, где хозяева продавали товары по завышенным ценам, причем и зарплату платили специальными бонами, которые принимались только в этих магазинах. В декабре 1919 года правительство даже объявило минимум один из дней недели нерабочим. Рабочие получили легальное право объединяться в профсоюзы и проводить забастовки.

Однако как раз к забастовкам правительство Каррансы относилось крайне настороженно. Еще в 1916 году оно разгромило «Дом рабочих мира», своего недавнего союзника, усмотрев в объявленной им в Мехико всеобщей забастовке политические мотивы. Жестко подавлялись как антиправительственные забастовки на транспорте, в арсеналах и на нефтепромыслах (в последнем случае забастовщиков обвиняли в сотрудничестве с мятежником Пелаесом, что могло повлечь за собой и смертную казнь).

В целом можно констатировать, что Карранса был готов играть роль доброго отца рабочих в трудовых конфликтах локального характера, но решительно пресекал любые забастовки, которые могли поставить под угрозу политическую или экономическую стабильность режима.

Рабочие постоянно пытались создать независимый от властей общенациональный профсоюз. На конференции в Веракрусе в 1916 году была учреждена Конфедерация труда мексиканского региона, стоявшая на платформе классовой борьбы и требовавшая социализации основных средств производства.⁵⁰ Конфедерации не суждено было просуществовать долго. В декабре 1916 года рабочие, учителя и водители трамваев в Мехико парализовали город всеобщей забастовкой, и Карранса при поддержке Обрегона распорядился бросить против бастующих войска. Президент Мексики заявил, что применит закон Хуареса 1862 года, каравший смертью всех пособников французских интервентов. Логика Каррансы была такова: водители трамваев, телефонисты и телеграфисты считались государственными служащими, и их забастовка расценивалась как измена родине.

На местах многие губернаторы штатов и командующие войсками действовали против рабочих профсоюзов и социалистов всех мастей еще более круто. В штате Юкатан, который наряду с Веракрусом был по настроениям самым левым в Мексике, армия сожгла штаб-квартиру тамошней Социалистической партии.⁵¹

Весь 1917 год рабочие Мексики пытались создать единую организацию (например, в Тампико) но идеологические противоречия между анархистами и тред-юнионистами оказывались сильнее. В этих условиях правительство Каррансы решило само организовать дружественный себе общенациональный профсоюз. Мирелесу, губернатору Коауилы, родного штата президента, было поручено созвать в своей столице Салтильо общенациональный рабочий конгресс, который открылся 1 мая 1918 года и продолжал заседания до 12 мая. Даже расходы по проезду делегатов оплатило правительство штата.⁵² Треть делегатов конгресса составляли ставленники властей из Коауилы. Всего на конгрессе были представлены 112 делегатов от 217 рабочих организаций практически со всей страны.

На конгрессе была учреждена Региональная рабочая конфедерация Мексики (испанская аббревиатура КРОМ), которую возглавил электрик из [Картинка: image14.jpg] Луис Моронес

Мехико Луис Моронес. Моронес родился в 1890 году и работал с 12 лет. Он был одним из учредителей и первым генеральным секретарем Федерации профсоюзов федерального округа (ФПФО). В феврале 1915 года

после заключения столичными рабочими соглашения с Обрегоном о поддержке конституционалистов в борьбе с Вильей и Сапато Моронеса назначили управляющим национализированной телеграфной и телефонной компанией Мехико - пост, имевший в условиях военного времени стратегическое значение. Моронес видел в Обрегоне и Каррансе временных попутчиков и поэтому выступал против создания «красных батальонов», желая сберечь силы рабочих для самостоятельной политической борьбы.⁵³

КРОМ формально стоял на позициях классовой борьбы. В принятой учредительным конгрессом КРОМ Декларации принципов, в частности, говорилось: «Форма современной социальной организации характеризуется существованием двух противоположных классов: эксплуататоров и эксплуатируемых. Она несправедлива, так как ведет к сосредоточению богатства и бедности на противоположных полюсах.

Эксплуатируемый класс, большинство которого составляют рабочие, имеет право вести классовую борьбу за улучшение своего экономического и морального положения и окончательное освобождение от тирании капитализма».⁵⁴

КРОМ официально провозгласил своей программой «прямое действие», то есть формально дистанцировался от политической борьбы. Своим идеалом Моронес считал лидера АФТ Самуэля Гомперса, который, в свою очередь, использовал КРОМ, чтобы втянуть Мексику в Первую мировую войну на стороне Антанты. Попытки КРОМ присоединиться к международному (фактически европейскому) социал-демократическому Амстердамскому интернационалу профсоюзов потерпели неудачу. Европейские социал-демократы презирали Американскую федерацию труда как полугангстер-скую организацию, а КРОМ считали кратурой АФТ. К тому же Мексика не вошла в Лигу наций, что европейские социал-демократы тоже восприняли негативно (США к Лиге наций также не присоединились).

Моронес (полное имя которого было Луис Наполеон) с самого начала узурпировал руководство КРОМ, опираясь по образцу своих американских коллег как на наемных убийц, так и на сотрудничество с властями. Именно с помощью властей штатов в «официальный» профсоюз загоняли местных рабочих. Все повседневное руководство деятельностью КРОМ осуществляли не выборные органы, а конспиративная «группа действия» из 18-20 человек.⁵⁵ Несмотря на поддержку властей, КРОМ при учреждении насчитывал немногим более 7 тысяч членов. Только присоединение к КРОМ столичных профсоюзов позволило организации достичь величины в 50 тысяч членов. Да и то часть столичных рабочих организаций вскоре опять покинула КРОМ. Крупнейший и самый влиятельный в стране профсоюз железнодорожников, а также многие профсоюзы Мехико не вошли в КРОМ. К 1920 году КРОМ объединял, по собственным данным, около 350 тысяч человек.⁵⁶

В целом к концу 1918 года Карранса чувствовал себя уверенно и приступил к решению основной задачи - обеспечению политической преемственности своего курса. «Дон Венус» не мог баллотироваться на президентский пост в 1920 году - это строго запрещала Конституция. Но он был преисполнен решимости навязать стране своего кандидата, чтобы сохранить в собственных руках бразды реального управления. Испанское слово «импозицион» («imposic³n» - «принуждение», здесь - «насаждение») и стало основным политическим термином мексиканской действительности 1919-1920 годов.

Общественное мнение страны в подавляющем большинстве склонялось в пользу Альваро Обрегона. Главным же было, пожалуй, то обстоятельство, что за Обрегоне стояла большая часть революционной армии - основной политической силы Мексики. Многие генералы, офицеры и гражданские политики исходили из того, что Карранса сам назовет Обрегона своим преемником и президентские выборы в стране пройдут без всяких осложнений. Однако Карранса был решительно настроен против бывшего соратника. «Дон Венус», считавший себя человеком железных политических и этических принципов, расценивал кандидатуру Обрегона как абсолютно неприемлемую именно потому, что не видел у последнего никаких политических принципов. Карранса считал Обрегона беспринципным прагматиком и дельцом, не имевшим политической программы. «Дон Венус» был в курсе попыток сапатистов наладить с Обрегоне контакты, не сомневался он и в том, что с ним помирятся и Вилья, и Пелаес. С точки зрения Каррансы, все это явно доказывало политическую всеядность Обрегона. Все достижения конституционализма могли пойти прахом в случае победы бывшего механика и мелкого бизнесмена из Соноры.

Сам Карранса был видным политиком еще во времена Диаса и не считал, что такие люди, как Обрегон, вообще достойны чести занимать высокие государственные посты. И все же президент говорил в узком кругу о возможности поддержки кандидатуры Обрегона, если тот лично попросит об этом Каррансу и примет все

кадровые и политические условия «дона Венуса». Единственным случаем, когда Карранса согласился бы открыто и немедленно поддержать президентские амбиции Обрегона, могла быть военная интервенция США. Ведь даже президент не мог не принять во внимание тот факт, что только Обрегон, лучший генерал страны, сумел бы объединить всех мексиканцев для отпора ненавистным янки.

Обрегон действительно был человеком прагматичным и готовым к компромиссу с самыми разными политическими силами. Вся страна помнила, как в 1914 году он, рискуя жизнью, пытался наладить отношения между Вильей и Каррансой. Тогда, в конце 1914-го, именно бескомпромиссность Каррансы привела страну к братоубийственной гражданской войне, которую прекратил все тот же Обрегон, быстро разбив непобедимого, казалось, Вилью. Теперь бескомпромиссность Каррансы мешала мексиканцам вернуться к нормальной жизни. Ведь даже большинство офицеров правительственных войск считали Сапату и Пелаеса членами «революционной семьи», а на пути к взаимопониманию с самыми разными повстанцами и мятежниками стоял только «дон Венус». Все мексиканское общество, уставшее от многолетней разорительной войны, хотело мира. И символом этого мира был Альваро Обрегон.

Начиная с момента своей отставки с поста военного министра в мае 1917 года он вел скрытую президентскую кампанию, исподволь укрепляя свою политическую базу как в Мексике, так и за ее пределами. В родном штате Сонора Обрегон добился отстранения слишком самостоятельного и радикального, по его мнению, губернатора Кальеса и заменил его своим бывшим заместителем по военному ведомству генералом Франсиско Серрано⁵⁷.

Мы помним, что и сама отставка Обрегона с поста военного министра была хорошо продуманным шагом, рассчитанным на будущее. Обрегон предвидел, что Карранса станет вести кампанию под лозунгом борьбы с засильем милитаризма, то есть генералов в политической жизни. Именно поэтому он подал в отставку не только с поста военного министра, но и вообще с военной службы и с юридической точки зрения превратился в обычного гражданина. Он всячески избегал любой, пусть и словесной конфронтации с Каррансой. Наоборот, в ходе губернаторских выборов во многих штатах в начале 1917 года Обрегон стремился уладить противоречия между проигравшими и победившими кандидатами. Это было непросто, если учесть, что в кандидаты в основном выдвигались генералы, которые в случае проигрыша могли легко начать военный мятеж против центральных властей.

Так, например, в штате Синалоа, где в 1913 году Обрегон начал свою успешную военную кампанию против Уэрты, он смог уладить противоречия между «победившим» ставленником Каррансы и проигравшим кандидатом-обрегонистом. Мастер политического компромисса добился того, что оба кандидата чувствовали себя обязанными лично ему, а не Каррансе.

В отличие от последнего, Обрегон прекрасно понимал значение США для внутривнутриполитической стабильности в Мексике. Поэтому еще в 1917 году он отправился с длительной ознакомительной поездкой в Америку, чтобы привлечь на свою сторону СМИ и политический истеблишмент этой страны.⁵⁸ В США Обрегон был и без того уже популярен благодаря победам над, казалось, несокрушимым «кентавром» Вильей.

В качестве причины своей поездки в США Обрегон назвал состояние здоровья. Он якобы хотел показаться врачам, так как, лишившись правой руки в 1915 году, страдал нервными расстройствами и пытался свести счеты с жизнью. Распространялись даже слухи, что Обрегон подвержен припадкам эпилепсии, хотя реальные подтверждения этому отсутствуют.

Но многие американцы были убеждены, что Обрегон приехал для того, чтобы возглавить войска США, воевавшие в Европе против немцев. Уже это обстоятельство показывает, насколько сильным был военный авторитет Обрегона в США, а ведь там, как правило, вообще считали мексиканцев неполноценной расой. К тому же в Америке помнили, что именно Обрегон в 1916 году удерживал Каррансу от прямой военной конфронтации с карательной экспедицией Першинга в Чиуауа. Будучи военным министром, он подписал соглашение с американскими военными, которое отказался ратифицировать Карранса. По соглашению американцам разрешалось преследовать Вилью на мексиканской территории даже без предварительного уведомления правительства Мексики.

Таким образом, политический и идеологический фон для визита Обрегона в США был самым благоприятным. Неудивительно, что когда он пересек границу в Аризоне, его встретили военным салютом и эскортом в составе батальона пехоты и двух эскадронов кавалерии, которые сопровождали Обрегона до ближайшего вокзала. Все эти почести (достойные главы государства или, по крайней мере, верховного главнокомандующего) с

неудовольствием фиксировал ревнивый Карранса. Правда, американцы выделили Обрегону еще один, незаметный эскорт. Во время американского турне гостя заботливо опекали американские спецслужбы - например, вскрывая всю его корреспонденцию. В охваченных военным психозом США не исключали, что Обрегон может попытаться установить контакты с германкой агентурой. Но ничего подобного американские сыщики не обнаружили, и к концу поездки наблюдение было снято.

Обрегон начал путешествие по США с западного побережья, а затем проехал через всю страну, посетил Сент-Луис и Чикаго и добрался до Нью-Йорка и Вашингтона. Он не скупился на похвалы в адрес американского образа жизни и подчеркивал на всех встречах, особенно с прессой, что хотел бы видеть такие же порядки и в Мексике. Очаровав весьма падких на любую лесть в свой адрес американцев, мексиканец стал героем дня для СМИ. Обрегон принял Вильсон, удостоив его сердечной беседы. По ее итогам президент сделал желательный для гостя вывод - именно на этого прогрессивно мыслящего человека США должны ставить в Мексике.

Прагматично настроенный Обрегон удачно совместил политические цели турне с чисто коммерческими. Дело в том, что после отставки он занялся крупным посредническим бизнесом. Обрегон объединил в кооператив почти всех производителей нута (известного также как турецкий или бараний горох) в штатах Синалоа и Сонора. Нут издавна был одним из основных экспортных товаров Мексики. Он продавался главным образом в испаноязычные страны, где входил в повседневный рацион. Нут закупали и США, особенно активно в годы Первой мировой войны. Апологеты Обрегона считают генерала чуть ли не альтруистом. Мол, раньше, несмотря на высокое качество нута в Соноре и Синалоа, выращивавшие его фермеры получали мизерные доходы. Наблюдение верное: фермерам приходилось брать кредит на выращивание бараньего гороха и потом продавать урожай кредиторам по фиксированной цене (7-8 долларов за центнер). С началом

войны цены на нут, как и на все прочие продукты, выросли, но на доходах фермеров это никак не отразилось.

Кооператив Обрегона взял на себя кредитование фермеров и сбыт продукции, прежде всего в США. Благодаря хорошим контактам с властями у Обрегона был доступ к дешевым кредитным средствам Соноры и Синалоа, а блестящие связи в США обеспечивали ему гарантированный сбыт в этой стране. Кооператив обязался соблюдать законодательство США, по которому запрещалось продавать товары любым воюющим против Америки странам.

В 1918 году цены на нут выросли в два раза, и Обрегон получил с каждого проданного в США мешка пятьдесят центов. Сведения об общей сумме полученных генералом-бизнесменом доходов разнятся от 50 тысяч до полутора миллионов долларов. В любом случае это были для того времени очень большие деньги. Однако Обрегон совершил серьезную ошибку, продавая весь товар только одному американскому бизнесмену, Грейсу, от которого, вероятно, тоже получал комиссионные. Мексиканские фермеры лишились былых диверсифицированных рынков сбыта. Когда война закончилась и цена на нут опять упала, весь кооператив оказался в долгу у того же Грейса, который теперь обеспечивал кооператоров заемными средствами. Обрегону пришлось взять весь долг на себя, что, видимо, тоже рассматривалось как благородный жест. Однако генерал так и не рассчитался с долгом до своей смерти в 1928 году.

Тем не менее благодаря своей поездке и коммерческим связям Обрегон мог рассчитывать на поддержку американцев в борьбе за президентское кресло. В самой Мексике дело обстояло куда как сложнее.

Большинство солдат и офицеров революционной армии, основной политической силой Мексики, конечно, считали Обрегона наиболее приемлемым преемником Каррансы. Однако это не относилось к самым влиятельным генералам страны, а ведь обычно войска действовали так, как им велит их местный военный вождь. Пабло Гонсалес (пожалуй, второй после Обрегона по авторитету в стране генерал) считал себя более подходящим президентом. А Карранса, чтобы посеять недоверие между Гонсалесом и Обрегоном, намекал первому, что может поддержать его кандидатуру. Другие влиятельные генералы, например, Мургуя и Дьегес, вообще не хотели видеть президентом ни Обрегона, ни Гонсалеса. Они ориентировались на Каррансу и были готовы оружием поддержать выбор последнего.

Что касается гражданской части политического спектра, тут ситуация была еще более запутанной. Формально правящей партией страны считалась Либерально-конституционалистская, которая и выдвинула Каррансу на президентский пост в 1917 году. Но уже на выборах в Конгресс и в штатах в том же 1917-м партия явно поддерживала более радикальных кандидатов, которые считались обрегонистами. В Конгрессе примерно 80%

депутатов -членов партии активно оппонировали Каррансе, пытавшемуся внести консервативные изменения в Конституцию страны. «Дон Венус», уверенный, как всегда, только в собственной правоте, полагал, что оппозиционные настроения подогревает Обрегон⁵⁹.

Поэтому уже в 1917 году Карранса дал указание местным властям всячески мешать образованию организаций либеральных конституционалистов в городах и деревнях. Затем последовали репрессии правительства против партийной газеты «Гладиатор». Один из видных деятелей партии Доктор Атль даже был вынужден эмигрировать в США.

На проходивших в июле 1918 года новых выборах в Конгресс Карранса, опираясь на правительственный аппарат, чинил всевозможные препятствия кандидатам либеральных конституционалистов и поощрял образование в различных штатах местных партий, которые не могли бы сформировать в парламенте единый блок. Само же правительство поддерживало выдвижение тех кандидатов, кто не имел никаких политических убеждений и был готов голосовать так, как ему подскажут в президентском дворце. Характерен один почти анекдотический случай. К Каррансе с просьбой о поддержке его кандидатуры обратился один ветеран войны против французов, проходившей, напомним, в 1862-1867 годах. Просьба была обоснована следующим образом: он, ветеран, уже стар и болен, поэтому хотел бы перебраться поближе к своей дочери, проживающей в Мехико, а депутатство как раз и поможет достичь этой цели.

Благодаря подкупу и запугиваниям правительству удалось сократить абсолютное большинство Либерально-конституционалистской партии в Конгрессе. Однако Конгресс от этого не стал менее оппозиционным. Карранса, в свою очередь, никак не хотел осознать, что радикальные настроения депутатов вовсе не объясняются закулисными интригами Обрегона, а просто отражают господствующее в стране общественное мнение. Президент считал парламент «недисциплинированным» и даже прекратил назначать министров, которых должны были утверждать парламентарии, предпочитая править с помощью исполняющих обязанности глав тех или иных ведомств.⁶⁰

Конечно, Обрегон, как уже упоминалось, оказывал влияние на руководство Либерально-конституционалистской партии, прежде всего через своего представителя в Мехико Аарона Саенса. Последний тоже был депутатом

Конгресса и председательствовал на его заседаниях[^]. Именно через Саенса пытался установить связь между Обрегоном и Сапато Хильдардо Маганья.

Однако в общем плане следует вновь подчеркнуть, что мексиканские партии того периода вообще никакими партиями не являлись. Это были оторванные от народа клубы политиков, поддерживавших ту или иную кандидатуру на выборный пост. После выборов партии, как правило, владели малозаметное для населения существование. Именно на это обстоятельство и рассчитывал Карранса. Как и Порфирио Диас, «дон Венус» полагал, что с помощью административного ресурса может навязать стране любого кандидата⁶¹ и создать для этого любую политическую партию. Ведь формально партия требовалась для соблюдения одной из традиций мексиканской политической жизни: никто не мог сам выдвинуть собственную кандидатуру на какой-либо пост, это сочли бы нескромным.

Поэтому презиравший все партии, эти «клубы безответственных болтунов», Карранса все же решил на всякий случай создать свою карманную партию, получившую в 1918 году название Либерально-националистической. Тем самым Карранса акцентировал внимание избирателей на своем основном козыре: именно он является самым активным борцом против американского империализма, в то время как Обрегон связан с янки сомнительными коммерческими делами. Партию курировал министр внутренних дел Берланга, что и должно было обеспечить этой новоявленной политической структуре административный ресурс.⁶²

Столичные газеты стали сразу же восхвалять новую партию и критиковать старую (такую прессу обеспечивали финансовые дотации Берланги). Но основным рычагом влияния правительства на политическую жизнь был контроль над телеграфом и железными дорогами. В то время все политики и генералы страны вели оживленную телеграфную переписку, содержание которой немедленно докладывалось президенту. К тому же по указанию Каррансы телеграф мог вообще не пропускать те или иные сообщения, парализуя контакты оппозиционных политиков. То же самое относилось к железным дорогам. Обычной формой предвыборной борьбы были поездки кандидата на специальном поезде по регионам страны. Автомобили тогда практически отсутствовали, так же как и дороги для них, а путешествовать верхом на лошади было бы весьма некомфортно

многим политическим деятелям, не умевшим держаться в седле. На обычных поездах кандидаты не ездили - видимо, не очень-то высоко ценя собственных избирателей. Спецпоезда же могли быть задержаны по приказу Каррансы в любом месте, что срывало намеченные в том или ином городе встречи с избирателями.

Обрегон, тем не менее, активно, хотя и не публично расширял собственную политическую базу. После образования КРОМ генерал немедленно установил с этой организацией плотный контакт. Он знал Моронеса еще по деятельности последнего в «Доме рабочих Мехико». Моронес прекрасно помнил, что именно Обрегон в 1915 году пошел на контакт с рабочими столицы и санкционировал создание «красных батальонов». В августе 1919 года Моронес и Обрегон заключили секретное соглашение. Согласно этому пакту КРОМ обязывался активно поддерживать президентскую кампанию Обрегона. В обмен Обрегон в случае избрания соглашался на создание Министерства труда, которое должен был возглавить человек по выбору КРОМ (фактически по выбору Моронеса). Вплоть до создания этого ведомства представитель КРОМ должен был возглавлять Министерство промышленности и торговли. Обрегон в качестве президента обязывался также минимум раз в неделю принимать лидера КРОМ и консультироваться с ним по всем вопросам, связанным с положением пролетариата в стране.

Показательно для политической культуры тогдашней Мексики то, что пакт Моронес - Обрегон держался в секрете. Все уделяли внимание внешним приличиям: открыто обещать какие-либо блага в обмен на политическую поддержку было неуместно. Считалось, что кандидат должен выдвинуть программу, соответствующую своим политическим убеждениям, а затем уже политическим силам в зависимости от собственных взглядов предстояло решать, устраивает их такая программа или нет. В этом смысле пакт КРОМ с Обрегоном подтверждал беспринципность и прагматизм последнего, которые так презирал Карранса.

Президент не просто внимательно следил за тем, как Обрегон исподволь укрепляет свои позиции. У самого Каррансы тоже был определенный план действий на предвыборный период. Прежде всего следовало укрепить внутривнутриполитические позиции правительства, что в условиях того периода означало «умиротворение» мятежных штатов. Что касается внешней политики, то Карранса всегда был готов разыграть националистическую карту, надавив на нефтяные компании США, если бы ему потребовалось сплотить нацию (естественно, вокруг собственной персоны).

Однако не приходится сомневаться: Карранса на самом деле был настоящим мексиканским патриотом и ни за что не пошел бы на компромисс в отношении национального суверенитета страны. «Дон Венус» не испугался прибытия 14 апреля 1918 года шести военных кораблей США в Тампико. (Лансинг в то время советовал президенту Вильсону сконцентрировать в техасских портах Гальвестон и Корпус-Кристи экспедиционный корпус для оккупации всех нефтепромыслов Мексики.)

Экономическое положение страны к концу 1918 года явно улучшалось. Первая мировая война и послевоенное восстановление Европы привели к росту спроса, а следовательно, и цен на мексиканские нефть и драгоценные металлы, прежде всего серебро. Правда, сокращался спрос на медь (на 60-65%) и хенекен. Но в общем бюджетные доходы росли. Лето 1918 года, в отличие от нескольких предыдущих, которые выдались очень засушливыми, принесло дожди, и урожай в целом позволял прокормить страну.

В конце года до Мексики докатилось страшное мировое бедствие - эпидемия гриппа-«испанки». В обычное время грипп не имел большого значения, однако измученное войной, революциями и голодом население мира умирало сотнями тысяч. В Мексике подобной эпидемии не было никогда. Только в армии из 125 тысяч военнослужащих гриппом переболели 25 тысяч, 1862 из которых умерли. Всего в стране жертвами эпидемии, по разным оценкам, стали около пяти миллионов человек, то есть примерно каждый третий житель страны, из которых скончались более 400 тысяч.⁶³

Однако Карранса поспешил извлечь политическую выгоду даже из такого страшного бедствия. Дело в том, что особенно сильно от гриппа пострадал обескровленный войной, голодом и блокадой федеральных сил непокоренный Морелос. Больные имелись там в каждом доме, а лекарств, да и просто хорошего питания не хватало. Карранса решил, что представляется прекрасная возможность раз и навсегда покончить с Сапатай (столичные мексиканские газеты со злорадством писали, что «испанкаумиротворяет Морелос».)

Сапата, которого пресса Мехико продолжала именовать «варваром» или «Аттилой», очень сильно досаждал «дону Венусу». Во-первых, Сапата в обращениях к нации не прекращал клеймить предавшего революцию «гражданина Каррансу». С учетом обострения противостояния с Обрегоном такая пропаганда могла стать

опасной. Во-вторых, Карранса был в курсе попыток помощника Сапаты Маганьи наладить непосредственный контакт с Обрегоном через Аарона Саенса и Либерально-конституционалистскую партию. Наконец, не укрылась от Каррансы и активная дипломатическая деятельность командующего Освободительной армией Юга. Через своих представителей в США и на Кубе Сапата активно пытался представить Каррансу как агента «кайзеризма», что в условиях разгрома Германии могло также оказаться для «дона Венуса» небезопасным.

Здесь стоит отметить огромное внимание, которое Сапата уделял международным контактам. В мире того периода к мексиканской революции вообще не относились как к революции. Мировая пресса считала, что в стране идет

обычная латиноамериканская борьба за власть, только немного затянувшаяся. Интересно, что такой точки зрения придерживались не только европейские СМИ, традиционно поглядывавшие на Латинскую Америку свысока. Даже уругвайские или чилийские газеты писали о «варварской Мексике».

Между тем 14 февраля 1918 года Сапата отправил своему представителю на Кубе, бывшему революционному генералу Амескуе письмо, в котором рассуждал об общих чертах мексиканской и русской революций.⁶⁴ Он писал: «Мы все, человечество и дело справедливости, сильно выиграем, если народы Америки и нации Европы поймут, что общим делом революций в Мексике и России является дело гуманизма, высшие интересы всех угнетенных людей... Здесь и там мы видим крупных помещиков, жестоких, бесчеловечных, которые на протяжении жизни многих поколений эксплуатировали и мучали массы крестьян. Здесь и там рабы труда... начинают пробуждаться... чтобы отомстить».

Мистер Вильсон был прав, когда недавно воздал русской революции должное, охарактеризовав ее как благородную попытку обрести свободу. Было бы хорошо, если бы он не забывал собственных слов и понимал ясное сходство... а скорее, абсолютное тождество между этим движением и мексиканской аграрной революцией. Обе эти революции направлены против того, что Лев Толстой описал как «великое преступление»: бесчестной узурпации земли...

Неудивительно поэтому, что мировой пролетариат приветствует русскую революцию и восхищается ею, так же как он окажет полную поддержку мексиканской революции... когда осознает ее точные цели.

Это письмо Сапаты разительно выделяется на фоне тогдашних статей мексиканских газет, живописавших, как и СМИ Европы и США, «ужасы большевизма» и распространявших сплетни о национализации женщин и прочих «преступлениях» Ленина и его партии.

Сапата все больше и больше становился настоящим идейным лидером мексиканской революции, на которого стала обращать внимание даже американская пресса. Отметим ловкий дипломатический маневр: крестьянский вождь в процитированном выше письме подчеркивал, что и Вильсон поддерживает русскую революцию (президент США действительно говорил об этом). К сожалению, опоясанной кольцом фронтов Советской России в то время было не до далекой Мексики.

В ноябре 1918 года 11 тысяч солдат правительственной армии во главе с Пабло Гонсалесом вторглись в Морелос. Ослабленная болезнями Освободительная армия Юга не смогла оказать сопротивления и оставила все крупные города и поселки штата. Была захвачена даже ставка Сапаты, и он ушел в горы.

На этот раз Гонсалес применил абсолютно новую тактику. Во всех населенных пунктах были оставлены гарнизоны, а столицу Морелоса перенесли из беспокойной Куэрнаваки в Куаутлу. Правительственные силы сразу же взяли под плотный контроль все железнодорожные коммуникации. Репрессий на сей раз не проводилось. В некоторых поселках городов Гонсалес даже оставил у власти избранное при сапатистах местное самоуправление. Пленных партизан за 55 сентаво в день заставляли восстанавливать разрушенные войной города.⁶⁵ В обращении Гонсалеса к жителям Мексики каждому, кто согласится переселиться в опустошенный многолетней войной Морелос, гарантировался участок земли. Мягкость Гонсалеса объяснялась просто: генерал уже видел себя кандидатом в президенты и пропагандировал в качестве своей главной заслуги победу над непобедимым Сапатой.

В города Морелоса постепенно возвращалась жизнь. Стали проводиться ярмарки и народные праздники. Гонсалес конфисковал все плантации сахарного тростника и передал их в управление своим офицерам. У крестьян не отбирали выделенные им во времена Сапаты участки земли.

Гонсалес объявил амнистию, и многие командиры партизанских отрядов сложили оружие, хотя основной костяк командного состава Освободительной армии Юга остался верен Сапате. К тому же Гонсалесу не

удавалось привлечь бывших сапатистов к охоте на своего недавнего руководителя. Население Морелоса в подавляющем большинстве тоже хранило верность Сапате. Местные жители, от проституток до мэров, информировали его ставку обо всех перемещениях правительственных войск.

Бои в Морелосе прекратились. Вооруженные стычки возникали только тогда, когда правительственные отряды случайно натыкались на партизан. Маганья предлагал Сапатевообще приостановить на время партизанскую борьбу и дожидаться открытого раскола между Каррансой и Обрегеном, который, по его сведениям, был уже не за горами. Однако Сапата не мог полностью прекратить борьбу, ибо собрать вместе крупные силы партизан после долгого перерыва было очень трудным делом. Поэтому сапатисты продолжали совершать вылазки за пределами Морелоса, где они координировали свои операции с частями Феликса Диаса Пелаеса, к которому бежал бывший главный идеолог Сапаты Палафокс, обещал помочь боеприпасами. А в октябре 1918 года силы Диаса и Пелаеса перешли в генеральное наступление против войск Каррансы в соседних с Морелосом штатах.

Карранса назначил Гонсалеса главнокомандующим всеми силами правительства к югу от Мехико (за исключением Юкатана и Чьяпаса), что, помимо всего прочего, отвлекло честолюбивого генерала от политической борьбы. А борьба эта стала открытой с наступлением нового, 1919 года.

1 января 1919 года Карранса объявил о резком повышении жалования военным и одновременно стал столь же резко сокращать армию. Наиболее влиятельных генералов то и дело тасовали по разным штатам. Но полностью доверял Карранса только Мануэлю Дьегесу, который постоянно находился на беспокойном севере. Наоборот, другой талантливый генерал, Мургуя был отозван из Чиуауа в Мехико.

15 января Карранса неожиданно выступил с обращением к нации, в котором осудил начавшуюся президентскую кампанию как преждевременную.⁶⁶В послании осуждались и некие не названные по именам лица «с определенным политическим престижем», которые, «прежде чем внимательно подумать», стали раздавать своим приверженцам всякого рода обещания. Карранса сказал, что в президенты должны баллотироваться только те, кто имеет в стране широкую политическую поддержку, а не опирается на нескольких, пусть и влиятельных друзей. Вся страна поняла, что этот выпад направлен против Обрегона. Обращение поддержали генералы Дьегес и Тревиньо (последний считал, что Обрегон нарочно не дал ему подкреплений, что привело к поражениям в боях с Вильей). Естественно, поддержала президента и созданная фактически им же самим Либерально-националистическая партия. Генерал Тревиньо к тому времени тоже имел собственную политическую партию, созданную перед июльскими выборами в Конгресс 1918 года, - Национальную кооперативистскую. В программе партии в общей форме говорилось о коллективных началах организации экономической жизни страны в духе модной в то время теории «экономической демократии» германских социал-демократов Каутского и Гильфердинга. Естественно, «кооператоры» Тревиньо тоже выступили за Каррансу.

Вся эта кампания должна была запугать Обрегона, представив ему во всей красе внушительный объединенный фронт его противников.

Одновременно Карранса предпринимал активные усилия, чтобы укрепить престиж своего правительства в мире. В Париж на мирную конференцию были посланы мексиканские делегаты, которые должны были добиться отмены доктрины Монро и заменить ее «доктриной Каррансы». Если доктрина Монро фактически провозглашала все западное полушарие исключительной сферой интересов США, то «доктрина Каррансы» выступала за право латиноамериканских стран решать свою судьбу самим, без вмешательства США. Однако весовые категории Мексики и США в Париже были явно несопоставимы, и делегаты Каррансы успеха не имели. В ответ Мексика проигнорировала предложение вступить в Лигу наций.

Зато стал продвигаться вопрос об урегулировании внешнего долга Мексики, который имел для Каррансы куда более важное практическое значение, чем разного рода доктрины. Начиная с октября 1918 года Морган в Нью-Йорке пытался объединить усилия всех банков-держателей внешнего долга Мексики.⁶⁷С января 1919 года в совещаниях иностранных банкиров участвовал заместитель министра финансов Мексики. 23 февраля 1919 года было объявлено об учреждении Международного комитета банкиров по Мексике (International Committee of Bankers on Mexico).

В качестве жеста доброй воли по отношению к комитету Карранса разрешил вернуться из эмиграции бывшему министру финансов при диктаторе Диасе Лимантуру, мнение которого высоко ценили в

международных финансовых кругах (и которого ненавидели большинство мексиканцев за преждевременное введение в стране золотого стандарта, что обесценило мексиканский песо). В марте 1919 года Международный комитет банкиров предложил предварительно взять на себя часть долга и выпустить от имени правительства Мексики новые долговые облигации для «целей внутреннего развития» страны, в обмен на что Карранса должен был гарантировать платежи, поставив под международный контроль мексиканские таможни. В Мексике, пожалуй, все помнили, что аналогичная схема привела в середине XIX века к международной интервенции и свержению законного мексиканского правительства президента Хуареса.

Карранса придумал хитрый маневр: свалить решение этого вопроса на Конгресс. Он не сомневался, что парламентарии не одобряют кабальной сделки, так же как и внесенного Каррансой закона о конкретном применении статьи 27 Конституции. (Напомним, по сути этот закон освобождал иностранные нефтяные компании от необходимости регистрировать свои права на те промыслы, где добыча шла до вступления Конституции в силу.) Конгресс, созданный на специальную сессию, как и ожидалось, отклонил оба законопроекта. Теперь Карранса мог объяснять международным деловым кругам, что взаимопонимание нарушили радикальные сторонники Обрегона.

Тем не менее лоббисты нефтяных компаний в США на том этапе американо-мексиканских переговоров сумели заблокировать выгодное для финансового сообщества США решение вопроса мексиканского долга. В январе 1919 года в США образовалась Национальная ассоциация защиты прав американцев в Мексике, к которой присоединились около 600 американских компаний, требовавших от Мексики возмещения понесенных во время революции убытков. Ассоциация вела безудержную и лживую пропаганду против Мексики. Например, ее секретарь Макдоннел заявил: «Мексика - страна хаоса, в которой господствует большевизм со всеми его атрибутами вплоть до обобществления женщин и развращения детей».68

Сенатор США Френсис Сиссон, выступая на банкете ассоциации, заявил, что провозглашенный Вильсоном принцип права наций на самоопределение не относится к Мексике, так как последняя погружена в хаос и анархию. Только применением силы извне (читай - из США) можно «спасти» эту нацию. Сиссон назвал мексиканскую Конституцию «большевистской» и противоречащей принципам «цивилизованных наций».69 Сенатор Сиссон был одновременно президентом нью-йоркской фирмы «Гэренти Траст Компани», которой даже пришлось отмежеваться от столь радикальных высказываний своего босса.

Сенатор от Аризоны Эшхерст был более мягок - он предложил США всего лишь «купить» мексиканский штат Нижняя Калифорния (американцы давно хотели построить там постоянную базу своего Тихоокеанского флота) и 10 миллионов квадратных миль в штате Сонора.

Между тем, распознав наметившееся сближение генералов Гонсалеса и Тревиньо, Карранса немедленно услав последнего с «важной» миссией в Европу. Тревиньо должен был закупить оружие, что в условиях Мексики означало возможность быстрого обогащения за счет взяток от иностранных фирм-поставщиков.

В марте 1919 года Гонсалес доложил президенту о возможности захватить или даже убить неуловимого Сапату.70 Кавалерией правительственных сил в Морелосе командовал полковник Гуахардо, которого считали талантливым военачальником. Гонсалес придрался к Гуахардо за невыполнение боевого приказа и стал угрожать ему военным судом. Испуганный полковник заверил, что готов искупить провинность. Гонсалес предложил ему (не сильно, впрочем, веря в успех) разыграть мятеж и якобы перейти на сторону Сапаты. Гуахардо должен был пригласить главу Освободительной армии Юга для личной встречи и расправиться с ним. В то время такого рода предложение считалось несовместимым с офицерской честью, но выбора у Гуахардо не было - под трибунал (с заранее известным приговором) он идти не хотел.

Узнав о размолвке Гуахардо с начальством, Сапата немедленно направил к полковнику своего человека с предложением перейти к повстанцам.

Его несколько насторожило мгновенное согласие Гуахардо - в военной обстановке того времени у федеральных войск особого стимула переходить на сторону крайне ослабленных партизан не было, - однако уж больно заманчивым показалось привлечь на свою сторону 500 вооруженных до зубов кавалеристов. С их помощью Сапата планировал атаковать крупные города штата и на волне первоначального успеха в очередной раз выбить федералов из Морелоса. [Картинка: image15.jpg] Убитый по приказу Гонсалеса и Каррансы Эмилиано Сапата

Гуахардо лишь просил подождать, пока из столицы не прибудет конвой с большой партией боеприпасов. Тем

временем до Сапаты дошли слухи о готовящейся ловушке. В качестве проверки он предложил Гуахардо расстрелять нескольких сапатистов, перешедших на сторону правительства. Гуахардо выполнил просьбу.

9 апреля 1919 года Гуахардо объявил о мятеже против правительства и встретился с Сапатой, подарив ему статного коня. Совместное выступление объединенных сил было назначено на завтра. 10 апреля Сапата навесил Гуахардо в его резиденции, причем конвой он оставил за стенами асиенды. Гуахардо выстроил своих солдат и велел трубачу приветствовать генерала Сапату как нового главнокомандующего. Как только смолкли звуки горна, Сапату буквально изрешетили прицельными залпами. По словам свидетеля подлого убийства, молодого адъютанта крестьянского вождя, «наш незабвенный генерал Сапата пал, чтоб уже никогда не подняться снова».

Когда Гуахардо сообщил Гонсалесу по телефону, что везет труп неуловимого Сапаты, тот перепугался и велел усилить охранение своей ставки: он опасался, что на самом деле Сапата везет ему труп Гуахардо, а телефонный звонок - не более чем провокация.

Но когда Гуахардо наконец прибыл, Гонсалес не мог сдерживать радости и предложил Каррансе произвести полковника в бригадные генералы. Однако большинство генералов, а тем более солдат правительственной армии встретили известие о предательской засаде со смешанным чувством горечи и безразличия по отношению к Гуахардо и Гонсалесу. Все-таки Сапату считали истинным революционером, естественным союзником Обрегона и всех тех, кто хотел реального продолжения революции. Ликвидировав Сапату таким подлым способом, Гонсалес серьезно ослабил свои и без того не слишком высокие шансы стать следующим президентом Мексики.

^Яар, нанесенный сапатистам, был смертельным - другого командира, который хотя бы отдаленно мог сравниться с Сапатой авторитетом, на горизонте не просматривалось. После долгих споров сапатисты избрали новым вождем Маганью. Тот фактически заморозил вооруженную борьбу, готовясь к союзу с Обрегеном, которого он, Маганья, так долго добивался.

Сапата погиб буквально в тот момент, когда разрыв Каррансы и Обрегона стал свершившимся фактом. Обрегон был достаточно умен, чтобы не ответить на провокационный манифест Каррансы о преждевременности президентской кампании. Но президент продолжал провоцировать своего основного конкурента.

14 марта 1919 года было опубликовано письмо министра финансов и самого ближайшего соратника Каррансы Луиса Кабреры. В нем министр дал притворное обещание уйти в отставку после президентских выборов и выразил опасение, что все его сотрудники и друзья в правительстве будут подвергнуты гонениям со стороны победившего кандидата.⁷¹ Ведь этот кандидат, то есть Обрегон, уже пообещал все значимые места своим протеже. Он же, Кабрера, работал на страну, а не выполнял обещаний, данных всякого рода жадным до власти личностям. Письмо, появившееся в печати, естественно, с санкции Каррансы, должно было убедить читателей, что Обрегон не имеет никакой политической программы и идет во власть только ради удовлетворения личных амбиций своих друзей. К тому же письмо Кабреры было и своего рода предостережением всем государственным служащим и командному составу армии: Обрегон, мол, заполнит все более или менее высшие посты своими друзьями.⁷²

Это был уже прямой наскок на Обрегона, и тот решил ответить в том же жанре. 29 апреля в печати появилось ответное письмо, подписанное псевдонимом Клементе Рейносо.⁷³ Обрегон отвечал Кабрере, что тот рассматривает предвыборную борьбу в типичном для старой Мексики ключе - как соперничество различных политических кланов, сплоченных вокруг тех или иных сильных личностей. А ведь главным фактором послереволюционной политики является общественное мнение страны, и его не удастся проигнорировать никому. Разве Обрегон, уже два года не занимавший никаких постов, мешал Кабрере укрепить собственную популярность? Вдобавок «Рейносо» усомнился, что Кабрера добровольно откажется от власти: «Вы никогда не верите в то, что говорите, потому что Вы говорите то, во что не верите».

В этом письме содержался и открытый выпад против Каррансы. Мол, тот считает предвыборную кампанию преждевременной, потому что ему самому нечего предложить стране. «Страна и я верим в то, что все, что льстит Вам, не является преждевременным и что все, что ранит Вас, является несвоевременным».

Письмо Кабреры окончательно убедило Обрегона в том, что Карранса не назовет его своим преемником. Однако он еще надеялся, что под давлением политических партий, депутатов Конгресса и армии «дон Венус»

все же будет вынужден одобрить его кандидатуру. Для этого Обрегон решил начать невиданную по масштабам в истории Мексики избирательную кампанию, чтобы показать Каррансе, кого на самом деле поддерживает страна.

Июня 1919 года Альваро Обрегон объявил о выставлении своей кандидатуры на пост президента. Он специально не стал дожидаться выдвижения от какой-либо партии, хотя в предложениях недостатка не было. Обрегон ни в коем случае не хотел, чтобы его рассматривали как непримиримого оппозиционера и ставленника только одной из многочисленных партий. Наоборот, он призвал сплотиться вокруг себя всех революционеров - как представителей единой Великой либеральной партии. Здесь под словом «партия» он имел в виду одно из двух основных политических течений страны. После обретения Мексикой независимости страну несколько десятилетий сотрясали гражданские войны между либералами и консерваторами. Причем к либералам относились все те, кто зарабатывал на жизнь своим трудом, а к консерваторам - высшее духовенство, генералитет и помещики. Либералы во главе с Хуаресом победили, аргументировал Обрегон, но разногласия в их рядах позволили прийти к власти их идеологическим противникам. Мексиканскую революцию, начавшуюся в 1910 году, Обрегон трактовал именно в этом ключе. Либералы, то есть трудящиеся победили, но из-за разногласий (братоубийственная война между Вильей и Сапато с одной стороны и остальными революционерами - с другой) власть опять захватили люди, предавшие идеалы революции. Поэтому он, Обрегон, призывает всех наследников Хуареса и настоящих революционеров-либералов [Картинка: image16.jpg] Панно Вилья в 1919 году

объединиться вокруг него, чтобы воплотить наконец в жизнь те цели, ради которых и совершалась революция.

Обрегон прямо не критиковал Каррансу, однако не преминул указать в манифесте, что президент защищает консервативных экс-революционеров, «начертавших на своих знаменах в качестве высшей цели девиз «Власть и богатство».⁷⁴

Манифест Обрегона был составлен очень удачно: уставшая от постоянных внутренних конфликтов страна жаждала мира и стабильности. Крестьяне хотели наконец получить обещанную Конституцией землю. К тому же манифест не отталкивал никого - от Пелаеса до сапатистов. Все оппозиционные движения по своим каналам заверили Обрегона в поддержке его кандидатуры. Тот, в свою очередь, обещал полную амнистию и признание всех бойцов оппозиционных движений военнослужащими регулярной армии.

Однако амнистия Обрегона, похоже, не распространялась на человека, который едва не стал лидером страны в 1915 году, - Панчо Вилью. Обрегон считал Вилью опасным бандитом, а не идейным революционером. К тому же в отношении его к Вилье было много личного. Обрегон не забыл, как Вилья хотел расстрелять его в конце 1914 года, хотя он прибыл его ставку без всякой охраны. Не давала забыть о Вилье и правая рука, потерянная в битве в 1915 году. [Картинка: image17.jpg] Фелипе Анхелес

После военной кампании 1916-1917 годов весь 1918-й о Вилье было практически ничего не слышно. Он по-прежнему передвигался со своим небольшим отрядом (около 200 всадников) по Чиуауа, то тут, то там нападая на мелкие населенные пункты. Хотя в штате из-за этого сохранялось военное положение и так и не прошли выборы губернатора, Вилья не представлял никакой угрозы для позиций правящего режима в целом. Несколько раз правительственные газеты объявили о полном крахе «вильизма» как политической силы. И казалось, что они недалеки от истины.

Но Вилья, как и Сапата, готовился к началу президентской гонки, чтобы бросить на ту или иную часть весов свой политический и военный авторитет. Будучи прагматично настроенным военным вождем, Вилья, в отличие от Сапаты, не обращался к стране с манифестами. Он копил оружие и боеприпасы, обложив налогом местные и иностранные компании в Чиуауа. Те привыкли платить разного рода вождам и командирам, поэтому платили и Вилье. В начале 1919 года Вилья, как всегда, неожиданно появился из небытия, и помог ему в этом ценой собственной жизни один человек.

Генерал Фелипе Анхелес был самым интеллигентным и неподкупным генералом мексиканской армии времен Диаса. Он принял революцию - в чем, пожалуй, тоже был исключением из всего генеральского корпуса страны - и стал начальником штаба «Северной дивизии» Вильи. Кампания 1915 года против Обрегона, казалось, навсегда развела Вилью и Анхелеса. Тот абсолютно правильно советовал Вилье отказаться от массированных кавалерийских атак на укрепленные траншеями, пулеметами и колючей проволокой позиции. Вилья не

послушался и проиграл.

Мы говорили, что Анхелес уехал в США, где в кредит приобрел небольшое ранчо в Техасе прямо на мексиканской границе. Денег у него, единственного генерала мексиканской армии, не использовавшего должность для личного обогащения, всегда было мало. Работа на ранчо была тяжелой, семья Анхелеса едва сводила концы с концами. Генерал много читал, и труды Маркса и Энгельса сделали его социалистом. Основным теоретическим достижением Маркса Анхелес считал вывод о том, что свободная конкуренция приводит к производству без всякого плана и организации и поэтому такого рода производство ненаучно и неэффективно. Разделил Анхелес и мнение Маркса, что «частная собственность на средства производства и в целом право на неограниченную частную собственность оправдывает нашу характеристику современного общества как несправедливого».

«Когда люди моего поколения сидели в университетах, мы с уважением слушали экономистов, которые проповедывали нам свои вечные истины... мы смеялись над... Прудоном, который в запале своей борьбы воскликнул: «Собственность есть кража».⁷⁵Теперь же, отмечал Анхелес, все передовые страны Европы идут к социализму, и именно этим путем должна идти и Мексика.

Все время своей вынужденной эмиграции Анхелес строил планы возвращения в Мексику, где хотел продолжить борьбу с Каррансой. Генерал делился своими идеями с другим эмигрантом, бывшим губернатором Соноры Майтореной.⁷⁶Именно из-за Майторены начался в 1914 году конфликт между Обрегеном и Вильей. Анхелес пришел к тем же самым выводам, что и Обрегон годом позже. Он выдвинул программу объединения всех прогрессивных сил Мексики под знаменем Либерального союза, желая сплотить всех либералов страны. Программой-минимум должно было стать признание Конституции 1857 года (тем самым Анхелес хотел привлечь на свою сторону и феликсистов). Либеральный союз должен был свергнуть Каррансу и организовать в стране по-настоящему свободные выборы.

Анхелес опасался, что его могут похитить агенты Каррансы. Ранчо находилось прямо на границе, поэтому он продал его и отправился на север США, где устроился простым рабочим. Майторене Анхелес писал, что прежде, много говоря о простом народе, они не знали его жизни, а теперь он сам работает вместе с этим простым народом. Своей программой Анхелес попытался заинтересовать правительство США, но безуспешно. Американцы не видели в генерале военной альтернативы Каррансе.

Постепенно у Анхелеса стал вызревать план возвращения в Мексику и начала вооруженной и пропагандистской борьбы против правительства. Похоже, генерал прекрасно отдавал себе отчет в том, чем это может для него закончиться. Он сознательно шел на смертельный риск, надеясь, что его смерть разбудит народные массы. Не зря Анхелес называл себя донкихотом, без которого не могут совершить великие дела «санчо пансы». Анхелес предлагал Майторене, у которого были деньги, ранее переданные ему Вильей, вместе перейти границу, но тот отказался. Тогда Анхелес написал послание Вилье и через несколько недель получил от него теплое ответное письмо. Вилья называл Анхелеса своим братом и учителем и выражал готовность встать под знамена Либерального союза. Мольбы жены генерала пожалеть ее и детей и остаться в США не возымели действия. Анхелес лишь наказал своему сыну, который хотел сопровождать отца на родину, стать главой семьи и заботиться о матери.

В декабре 1918 года Анхелес перешел границу⁷⁷и с большим трудом добрался до ставки Вильи. Немолодому уже генералу приходилось передвигаться верхом и спать прямо на земле, не разжигая костра, что было очень непросто в холодных декабрьских степях Чиуауа.

После того как Вилья и Анхелес обнялись, генерал изложил свой план борьбы. Во-первых, борьба эта должна приобрести политический характер, а не ограничиваться мелкими рейдами, дававшими правительству некоторые основания считать Вилью простым бандитом. Идеологической платформой станут Либеральный союз и Конституция 1857 года. Во всех захваченных на короткое время населенных пунктах вильисты будут проводить собрания граждан и разъяснять цели борьбы.

Во-вторых, Вилья должен изменить тактику и вернуться к крупным операциям. Анхелес предлагал захватить какой-либо большой город Чиуауа или соседнего штата Дуранго и удерживать его любой ценой. Это создаст впечатление серьезности общенациональных амбиций Вильи и приведет к притоку в его армию добровольцев. Ведь если вильисты быстро ретировались из захваченного в ходе неожиданного рейда городка, то те из местных жителей, кто уходил с ними, опасались за свои семьи, которых подвергали репрессиям вернувшиеся

правительственные войска. Словом, по мнению Анхелеса, армия Вилья должна была стать регулярной. Пока же Вилья только собирал вместе разрозненные отряды для крупных операций и немедленно распускал их снова после окончания рейда.

В-третьих, Анхелес считал, что Вилья должен щадить пленных. Наконец, он советовал командиру коренным образом изменить отношение к американцам и прекратить клеймить «ненавистных гринго». Иначе будет невозможно приобретать в Америке оружие и боеприпасы. К тому же США, несмотря на более чем прохладное отношение к Каррансе, никогда не признают в качестве воюющей стороны того, кто угрожает всем американцам в Мексике неминуемой расправой.

Вилья отнесся ко всем пунктам программы Анхелеса крайне скептически. Он решил, что Анхелес в эмиграции отвык от родины и не подозревает, насколько крепко сидит в президентском дворце Карранса⁷⁸. Вилья сомневался, что измученное войнами население Чиуауа всерьез воспримет в качестве зажигательной идеи Конституцию 1857 года. Чтобы доказать свою точку зрения, Вилья спросил одного из своих командиров, что он думает о Конституции. Ответ был предсказуемым: «Я не читал никаких конституций. Но раз мерзавец Карранса отменил эту Конституцию, то, наверное, она была неплохой».⁷⁹ На предложение Анхелеса о придании борьбе регулярного характера Вилья ответил, что у него нет для этого боеприпасов и продовольствия, в приток добровольцев ему верится слабо, а людям и лошадям необходим отдых, они не могут воевать постоянно.

Что касается пленных, то партизанам просто негде их держать. Он, Вилья, раньше отпускал захваченных правительственных солдат (офицеров все же обычно расстреливали), но те опять возвращались в армию. Иных, аргументировал Вилья, приходилось брать в плен три-четыре раза. Но особенное негодование Вилья вызвали симпатии Анхелеса к американцам. Спор между друзьями по этому вопросу дошел до повышенных тонов, и они схватились за оружие. Вилья кричал, что Анхелес в Америке «грингоизировался». Потом он признавался генералу, что тот единственный человек, который осмелился ему противоречить и остался при этом в живых.

Но, несмотря на свой скепсис, Вилья был настолько рад приезду Анхелеса (последний год все соратники только бежали от него), что согласился попробовать его идеи на практике. Когда Анхелес настоял на введении в отряде постоянных занятий бегом, как в регулярной армии, Вилья участвовал в них сам, хотя и считал, что кавалеристам это абсолютно ни к чему.

Весной 1919 года Вилья опять собрал свою небольшую армию (около 2 тысяч всадников) и начал вооруженную борьбу. Во всех захваченных деревнях Анхелес выступал перед населением с разъяснением целей борьбы. Беда в том, что, куда бы ни приходили вильясты, все местные молодые мужчины бежали в горы, чтобы избежать казни или принудительного зачисления в ряды повстанцев. Анхелесу приходилось выступать перед женщинами и стариками, которые были готовы согласиться с чем угодно, лишь бы их оставили в покое. Один раз Анхелес, не предупредив Вилью, отправился в горы, где виднелись костры убежавших мужчин. В течение нескольких часов он агитировал беглецов, и те отпустили его с миром. Вилья был потрясен даже не столько смелостью, сколько самопожертвованием генерала.

Как правило, Вилья щадил бойцов местной самообороны, и те охотно складывали оружие, пополняя арсенал повстанцев. Однако большого наплыва добровольцев не было, как и предсказывал Вилья. Люди просто устали воевать. Трех тысячам вильястов в Чиуауа по-прежнему противостояли более 17 тысяч солдат и офицеров правительственных войск⁸⁰.

Первым более или менее крупным городом Чиуауа, который решил захватить Вилья, стал Парраль. Жители Парраля, были, пожалуй, самыми яркими сторонниками Вилья. Он чувствовал себя здесь как дома, тем более что именно отсюда пять лет назад начал кампанию против Уэрты, которая сделала его одним из самых успешных военачальников Мексики. Гарнизон Парраля был небольшим и ожесточенного сопротивления не оказал. Однако местная самооборона, составленная из представителей зажиточных слоев, упорно сопротивлялась. Только когда Вилья пообещал пощадить всех пленных, они сложили оружие. Тем не менее он расстрелял трех руководителей самообороны, один из которых, Эррера⁸¹, был отцом его бывшего соратника, перешедшего на сторону правительства. Измены своих командиров Вилья не прощал, и здесь Анхелес не мог уже ничего поделать.

Сам Анхелес выступил с речью перед пленными солдатами правительственных войск, и они изъявили желание перейти к вильястам (скорее всего, из-за опасения расправы).

Американские бизнесмены в Чиуауа тоже отмечали, что Вилья стал относиться к гринго более мирно, хотя его мула и звали Президент Вильсон. Вилья выступал перед американцами на рудниках Чиуауа с критикой политики Вильсона, но никого не трогал.

После захвата Паррала и ряда других населенных пунктов Вилья и Анхелес оказались перед непростым стратегическим выбором. Конечно, с пропагандистской точки зрения самым наилучшим вариантом был бы захват столицы Чиуауа. Но тамошний гарнизон насчитывал несколько тысяч солдат, которые к тому же могли быстро получить подкрепление по железной дороге. Да и вообще, как уже упоминалось, соотношение сил в штате было очень неблагоприятным для Вильи. Правда, как отмечали американские наблюдатели, правительственные войска были разложены охватившей практически весь офицерский корпус коммерцией и жадной обогашения, в основном незаконного.

В этих условиях Вилья решился на странный, на первый взгляд, шаг - атаковать приграничный мексиканский город Сьюдад-Хуарес, находившийся прямо напротив техасского Эль-Пасо. Вилья не мог не понимать, что вооруженные столкновения на границе неизбежно приведут к военной интервенции США, но, возможно, именно этого партизанский командир и добивался. Другим аргументом в пользу атаки на Сьюдад-Хуарес было стремление Вильи освободить Анхелеса от его заблуждений относительно истинного лица империалистов-гринго.

15 июня 1919 года вильисты под руководством лучшего командира Вильи Мартина Лопеса, отличившегося при взятии Сьюдад-Чиуауа в конце 1916-го, быстрой атакой захватили город.⁸² Вильисты старались действовать так, чтобы даже шальные пули не залетали на американскую территорию, где, как всегда, собрались зеваки, наслаждавшиеся бесплатным вестерном по ту сторону границы. Скорый успех налета объяснялся тем, что вильисты использовали американские ножницы для резки колючей проволоки и быстро преодолели опоясавшие город заграждения, которые правительственный гарнизон считал лучшей защитой от знаменитых кавалерийских атак.⁸³

Гарнизон каррансистов отступил в расположенный неподалеку от города форт Идальго. Вильисты, измученные лишениями партизанской жизни, набросились на магазины и рестораны, из-за чего и упустили такую близкую победу.

В это самое время в форте Идальго вспыхнула ссора между двумя подразделениями правительственных войск. Офицеры одного отряда упрекали сослуживцев в том, что они оставили противнику боевое знамя, бежав из города. Ссора довела до того, что опозоренный отряд вернулся в Сьюдад-Хуарес, чтобы отбить знамя. Вильисты приняли вернувшихся каррансистов за свежие подкрепления и в панике бежали из города. Сам Вилья чуть было не попал в плен. Прогуливаясь по улице, он принял каррансистов за своих солдат, а когда понял свою ошибку, едва смог спастись, бешено отстреливаясь из пистолета.

Но все же он быстро прекратил панику среди партизан, и после новой атаки и кровопролитного боя его армия снова взяла город. Вильисты уже готовились к решающему удару по форту Идальго, чтобы завершить сражение. Однако именно в этот решающий момент, воспользовавшись в качестве предлога убийством двух американцев, все-таки пострадавших от пуль с мексиканской стороны, в Сьюдад-Хуарес вошли части американской армии: примерно 3600 солдат и офицеров, включая пехоту, кавалерию и артиллерию.⁸⁴ Вилья не мог, конечно, меряться с янки огневой мощью, и ему пришлось оставить город. Анхелес был в отчаянии. Он даже направил к командующему американскими силами генералу Джеймсу Эрвину парламентаря, который должен был представить доказательства, что по Эль-Пасо стреляли солдаты правительственных войск.⁸⁵ Однако Эрвин отказал посланцу вильистов в аудиенции. В Сьюдад-Хуаресе американцы убили и ранили более сотни бойцов Вильи, сами потеряв двух человек убитыми и 10 ранеными.

Анхелес был до глубины души потрясен крахом всех своих надежд. Местное население не спешило вставать под знамена Конституции 1857 года. А самое главное - США были явно не готовы признать Вилью воюющей стороной, с Анхелесом или без него. Теперь у Анхелеса, по его собственным словам, оставалось два варианта дальнейших действий: либо возвращение в США (что генерал отвергал по этическим соображениям, так как это напоминало бегство с поля боя), либо мученическая гибель. «Я от всего сердца желаю собственной смерти», - говорил Анхелес секретарю Вильи⁸⁶.

Один из командиров Вильи предложил Анхелесу на время укрыться в пещере, и, как только генерал согласился, его выдали местным властям за 6 тысяч песо. При задержании Анхелес отстреливался, но силы

были неравны. Карранса предпочел бы, чтобы генерала в плен не брали. Но авторитет Анхелеса как честного и неподкупного человека был высок по всей стране. Убить его в засаде после наделавшей много шума расправы с Сапато Карранса не мог. Он решил предать Анхелеса суду военного трибунала, хотя приговор был вынесен заранее. Карранса приказал генералам-судьям закончить процесс за один-два дня.

Процесс над Анхелесом открылся в Сьюдад-Чиуауа в зале «Театра героев». Несмотря на то, что город был заполнен войсками, встречать Анхелеса на вокзал прибыли сотни людей, которые бурно приветствовали генерала. Многие связывали с ним воспоминания о славной «Северной дивизии» 1913-1915 годов, которая щадила пленных и защищала бедных. К Каррансе со всей страны приходили сотни писем и телеграмм с просьбой помиловать генерала. С самого начала процесса, как отмечал американский консул, моральное превосходство Анхелеса над его судьями было более чем очевидным. Зал неоднократно приветствовал слова генерала аплодисментами.

Формально Анхелесу вменяли в вину нарушение присяги и мятеж против правительства. Адвокаты подсудимого доказывали, что Карранса сам распустил старую федеральную армию в 1914 году и с тех пор военным служащим Анхелес не являлся, поэтому судить его имеет право только гражданский суд.

Сам Анхелес вообще себя не защищал. Он отказался от любой критики Каррансы и подчеркивал, что прибыл в Мексику только с одной целью - объединить страну и положить конец братоубийственной войне. К чести Анхелеса, следует отметить, что он защищал в суде и «бандита» Вилью: «Вилья - хороший человек, только обстоятельства сделали его плохим». У обвиняемого видели книгу Ренана «Жизнь Христа». Было ясно, что «Дон Кихот» готов к роли мученика за свою страну, которую любил больше жизни. Особенно бурные аплодисменты в зале вызвали слова Анхелеса о социализме, что ясно говорит о настроениях мексиканцев того времени.

«Я начал изучать социализм, и я понял, что это движение братства и любви между людьми разных частей мира... Один австрийский коммунист доказал, что если бы все люди работали по три часа в день, то они были бы гораздо богаче, чем сейчас; дело, однако, в том, что есть такие, кто не работает, но хорошо ест».⁸⁷ Стенограмма процесса фиксирует аплодисменты именно после этих слов. Реакция Анхелеса на поддержку публики была благородной: «Эти аплодисменты не мне. Они прозвучали в адрес социализма, в поддержку идей братства и любви».

Командующий правительственными войсками в Чиуауа Мануэль Дьегес, который формально вообще не имел к суду никакого отношения, сообщал в Мехико обо всех паузах в процессе, даже обеденных. Карранса так торопился расстрелять Анхелеса, что подсудимым (перед трибуналом предстали и два захваченных вместе с генералом вильяста) разрешили поспать не более пяти часов. Анхелес, наоборот, тянул время, он все еще надеялся, что его адвокатам удастся добиться передачи дела в гражданский суд. Однако уже на второй день процесса трибунал вынес заранее известный всем смертный приговор. У Анхелеса еще был последний шанс: он мог опротестовать приговор в Верховном военном суде. Дьегес немедленно направил начальнику штаба армии и доверенному лицу Каррансы Уркисо телеграмму, требуя, чтобы Министерство юстиции отказало осужденному в этом праве. Министерство так и поступило: оно рекомендовало привести приговор в исполнение немедленно.

Анхелес отказался от исповеди и встретил смерть мужественно. Более пяти тысяч жителей Чиуауа провожали генерала в последний путь.

С убийством Сапаты и Анхелеса, ибо последний случай тоже был убийством, не имевшим с законностью ничего общего, Карранса избавился от двух самых опасных идейных врагов. Ни Сапата, ни Анхелес в силу своей неподкупности и высоких моральных принципов никогда не пошли бы на политическую сделку с режимом ради материальных благ и высоких постов. Без Анхелеса Вилья в глазах многих мексиканцев и США опять превратился в обычного бандита. Теперь у Каррансы были развязаны руки для борьбы с Обрегеном. Его президент принципиальным политиком отнюдь не считал и все еще надеялся отговорить от участия в выборах или запугать.

Сразу же после выдвижения своей кандидатуры Обрегон начал поездку по стране, которая точно совпадала с маршрутом движения его армии в борьбе против Уэрты в 1913-1914 годах. Стартовав в родной Соноре, Обрегон ехал на поезде по направлению к столице вдоль тихоокеанского побережья. В каждом городе его встречали толпы поклонников, причем газеты отмечали, что на вокзалах были выходцы из всех социальных

слоев. По сути, Обрегон вел первую современную предвыборную кампанию в истории Мексики.

Раншекандидата выдвигала какая-либо партия, часто специально созданная и даже носящая его имя. Затем кандидат выступал с «планом», то есть программой, после чего следовали торжественные банкеты в крупных городах. Излишне говорить, что рабочих или крестьян на эти банкеты никто не приглашал.

Напротив, Обрегон активно посещал рудники и фабрики. На одной из них работницы подарили ему красный шарф, который Обрегон немедленно надел, к полному восторгу собравшихся. 88И рабочие, и крестьяне считали Обрегона своим кандидатом, выходящем из народа, разительно отличавшегося своим скромным поведением от помещика Каррансы. Лидер КРОМ Моронес сопровождал Обрегона в предвыборных поездках, что еще более укрепляло имидж «пролетарского кандидата».

Обрегон передвигался по стране обычными рейсовыми поездами (до него, как упоминалось, кандидаты в президенты пользовались только специальным поездом). Он переходил из вагона в вагон и запросто общался с пассажирами. Газеты называли его «словесным мотором». Однако у этой близости к народу были и практические причины.

Нередко Обрегон получал от симпатизирующих ему железнодорожников предупреждения о готовящемся нападении на его поезд. Частая смена поездов затрудняла провокации властей. Тем более что напасть на поезд, полный обычных пассажиров, было для Каррансы все же рискованным делом. К тому же Обрегон не имел мощной финансовой поддержки, а его «гороховый» бизнес в то время не приносил ничего, кроме убытков. Клубы в поддержку Обрегона, возникшие во всех крупных городах, финансировали себя сами и мужественно противостояли давлению властей. А те использовали самые разные рычаги: от отказа в выделении помещений до прямых убийств активистов.

Карранса по-прежнему не верил, что забитое и полуграмотное население Мексики представляет собой сплоченную политическую силу. Отсюда вытекала абсолютно неправильная «верхушечная» тактика президента в борьбе с Обрегонем. Сначала Карранса пытался пустить в печать версию, что Обрегон на самом деле не подавал в отставку с военной службы, поэтому является кандидатом-милитаристом, ставленником армейской верхушки. Письмо Обрегона с просьбой об отставке, мол, не могут найти в Военном министерстве. Но Обрегон быстро опубликовал это письмо, причем датированное датой принятия Конституции - 31 января 1917 года. Таким образом кандидат демонстрировал свою законопослушность: после принятия нового основного закона он, спаситель родины и победитель Вильи, добровольно ушел, чтобы дать возможность людям выбрать себе новую власть.

Потерпев тактическое поражение, Карранса решил ударить по имиджу Обрегона как бы с обратной стороны. Появилась информация, что Обрегон никогда не производился в генералы: последним его званием было звание подполковника милиции штата Сонора. Дело было передано на рассмотрение в Конгресс, который действительно не подтвердил военный статус Обрегона. Но последний сумел извлечь политическую выгоду и из этого обстоятельства. Дружественные Обрегону газеты стали утверждать, что Карранса сам удостоверил его чисто гражданский статус. В сердцах министр финансов Кабрера, пытаясь каким-то образом выйти из неловкого положения, заявил, что Обрегон все равно является генералом, пусть не по должности, а по характеру.⁸⁹

Мелочность нападков Каррансы на Обрегона только добавляла тому популярности. Действительно, вся Мексика помнила, кто разбил непобедимого Вилью в 1915 году. А вот Карранса крупными военными успехами похвастаться не мог. Однако президент продолжал применять против Обрегона административный ресурс. У Обрегона было изъято разрешение на пользование личным телеграфным кодом, каковым располагали все крупные политики и генералы в стране. Поезда, на которых путешествовал кандидат, задерживали, чтобы сорвать заранее подготовленные митинги.

Однако Карранса заблуждался, если думал, что армейская верхушка поможет ему остановить Обрегона. Среди генералов единства не наблюдалось, а офицерский и солдатский состав был явно на стороне самого успешного полководца Мексики. В своем первом манифесте от 1 июня 1919 года Обрегон жестко предостерег армию от вмешательства в предвыборную борьбу. Если вооруженные силы поддержат правого, консервативного кандидата, то армия превратится в палача собственного народа и вызовет новую гражданскую войну. А любой кандидат в тех условиях был бы явно правее Обрегона, тем более кандидат консерватора Каррансы. Позднее Обрегон выступил с детальной программой военной реформы. В ней содержались

требования упорядоченного увольнения из вооруженных сил, создания пенсионной системы для отставных военных и государственная забота о ветеранах-калеках. Обрегон, потерявший в боях правую руку, охотно встречался с такими же, как он, инвалидами войны в госпиталях и на митингах, обещая облегчить их нелегкую участь.

Экономическая программа Обрегона была крайне расплывчатой и отнюдь не радикальной. Он считал, что если обеспечить в Мексике демократию и свободные выборы, то экономическая жизнь наладится сама собой. Американские представители в Мексике доносили, что Обрегон не поддерживает радикальную политику губернатора Кальеса в Соноре. На выборах в Соноре в 1919 году победил кандидат-обрегонист Адольфо де ла Уэрта, который продолжал реформы Кальеса. В штате был введен восьмичасовой рабочий день, активно распределялись земельные участки среди бедных крестьян. Американцы сообщали, что Обрегон недоволен «утопизмом» Кальеса и де ла Уэрты, которые мечтают о «политическом господстве масс». Однако так как Сонора была его основной базой, Обрегон поддерживал с фактическим хозяином штата Кальесом самые тесные отношения.

Выступая в ноябре 1919 года перед помещиками консервативного штата Халиско, Обрегон недвусмысленно высказался против раздела крупных имений между крестьянами. В этом вопросе он серьезно расходился с Кальесом.

От Каррансы не укрылись разногласия среди «сонорского триумvirата», как стали именовать Кальеса, Обрегона и де ла Уэрту. В сентябре 1919 года Карранса пригласил Кальеса в федеральное правительство, доверив ему пост министра торговли и промышленности. Но если Кальес не обманывался насчет истинной «народности» Обрегона, то Каррансу вообще считал реакционером. Поэтому в Мехико он начал спланировать ряды обрегонистов, уделяя особое внимание контактам с Конгрессом, где сложился антиправительственный «революционный независимый блок». К тому же Кальес информировал Обрегона обо всех новостях в правительственном аппарате, которые могли облегчить тому ведение сложной предвыборной кампании.

К концу 1919 года о полной поддержке Обрегона объявили Либеральноконституционалистская и Национальная кооперативистская партии. В декабре под эгидой КРОМ образовалась Рабочая партия Мексики (иногда ее еще называют лабористской, то есть лейбористской). Профсоюзы не могли по закону вести политическую борьбу, поэтому Моронес и пошел на создание партии. Рабочая партия претендовала на представительство интересов не только пролетариата, но и крестьян, считая их тоже рабочими. Ни на какую самостоятельную роль (в духе классовой борьбы и диктатуры пролетариата) лабористы не претендовали. Моронес просто хотел с помощью Обрегона обеспечить себе и своим друзьям выгодные посты в госаппарате.

О поддержке Обрегона одной из первых объявила и Социалистическая партия Юкатана, стоявшая тогда практически на коммунистических позициях.⁹¹

Карранса к концу 1919 года осознал, что его тактика запугивания Обрегона с помощью административного давления не только провалилась, но и дала обратные результаты. Клуб сторонников оппозиционного кандидата образовался даже на военных заводах, что было явным вызовом правительству. Об открытой поддержке Обрегона заявили сапатисты и сторонники Пелаеса, что, в свою очередь, подкрепляло обещание Обрегона обеспечить полное примирение в стране.

А примирение это было крайне необходимо. На выборах губернатора штата Нуэво-Леон 8 июня 1919 года победил кандидат, не удосужившийся перед этим получить санкцию «дона Венуса» на избрание. Карранса отменил итоги выборов, чем привлек в ряды Обрегона массы новых сторонников. В Тампико анархо-синдикалисты объявили очередную всеобщую забастовку. Этим воспользовались отряды Пелаеса, которые вплотную подступили к Тампико. Дьегесу удалось отбить, как уже упоминалось, атаку Вильи на Сьюдад-Хуарес, но главная заслуга в этой победе принадлежала американцам. [Картинка: image18.jpg] Кандидо Агилар

Дела во внешнеполитической сфере складывались для Каррансы тоже не лучшим образом. После того как мексиканский Конгресс отверг законопроект о применении Конституции в отношении иностранных нефтяных компаний, их владельцы начали в Вашингтоне активную лоббистскую деятельность против режима Каррансы.⁹² Американская пресса, с готовностью пугавшая читателей заговорами мирового коммунизма (это время в Америке позже назовут «эпохой красного страха»), охотно печатала проплаченные «Стандарт Ойл» статьи о том, как большевики прибирают Мексику к рукам.

В июне 1919 года зять Каррансы и министр иностранных дел Мексики Кандидо Агилар прибыл в Вашингтон,

чтобы попытаться как-то нормализовать американо-мексиканские отношения. Он встретился с Фрэнком Полком, заменявшим отсутствующего госсекретаря Лансинга. Оба политика согласились, что двусторонние отношения развиваются плохо. Полк требовал неприменения новой Конституции Мексики к американским нефтяным компаниям и компенсации ущерба, который был нанесен гражданам США в годы революции. Вильсон, говорил Полк, убежденный противник военной интервенции США в Мексике, но на него оказывает давление ре- [Картинка: image19.jpg]

спубликанское большинство в Конгрессе. При этом в Вашингтон зачем-то был отозван посол США в Мехико Флетчер, хотя его миссию в Мексике госдепартамент формально не прекращал⁹³.

8 июля 1919 года Мексика и США оказались на пороге войны. Со стоявшего с января в мексиканском порту Тампико американского военного корабля «Шайенн» без всякого предупреждения местных властей был спущен катер, который пошел вверх по реке Тамеси. Там его обстреляли люди Пелаеса. Вспомним, именно после абсолютно аналогичного инцидента с катером корабля ВМС США «Дельфин» в 1914 году американцы оккупировали крупнейший порт Мексики - Веракрус. Командующий мексиканским гарнизоном Тампико генерал Гонсалес доложил Каррансе, что американцы виноваты сами, так как вообще не проинформировали гарнизон о целях своей поездки.⁹⁴ Американцы, конечно же, воспользовались инцидентом, хотя госсекретарь Лансинг был вынужден признать, что Карранса здесь ни при чем.

22 июля 1919 года государственный департамент США пригрозил Каррансе отзывом фактического признания его правительства, если президент Мексики не урегулирует правовой статус американских инвесторов (прежде всего нефтяных компаний).⁹⁵ 8 августа Сенат США образовал специальный комитет по расследованию обстановки в Мексике во главе с ярким лоббистом нефтепромышленников сенатором Альбертом Фоллом. По несколько часов на заседаниях комитета выступали посланцы нефтяного бизнеса, живописуя ужасы «большевистской Мексики». ⁹⁶ Например, 11 сентября 1919 года председатель совета директоров нефтяной компании «Мексикэн Петролеум» в течение 8 часов разъяснял сенатскому комитету безобразия правления Каррансы.

Фолл не скрывал, что порекомендует президенту Вильсону военную интервенцию в Мексику. Как нельзя кстати представился и подходящий случай. 10 августа 1919 года два американских военных летчика, совершавшие патрулирование мексиканской границы, пропали в районе техасского города Эль-Пасо. Вскоре выяснилось, что они совершили посадку в Мексике, в штате Чиуауа. Спрашивается, зачем? В США газеты писали, что это произошло по ошибке. Летчиков захватил бывший вильястский командир Хесус Рентерия, действовавший в то время как обычный уголовник. Рентерия был готов отпустить американцев за 15 тысяч долларов. Министерство обороны США сначала решило заплатить и отправило к Рентерии капитана Мэтлака, который и выкупил одного заложника за 7500 долларов. Но когда два бойца Рентерии привели к нему на следующую встречу второго летчика, вместо денег Мэтлак наставил на них кольт и посоветовал «убираться ко всем чертям». ⁹⁷

Как только Мэтлак и пилот пересекли границу, в Мексику 19 августа в трех местах вторглись американцы (до 60 тысяч солдат и офицеров) под предлогом преследования отрядов Вильи. Силы вторжения поддерживала вооруженная пулеметами авиация. Карранса был встревожен, так как прекрасно помнил, что предыдущая карательная экспедиция янки задержалась в стране почти на год. Но через шесть дней американцы вернулись восвояси, убив шестерых мексиканцев и взяв в плен еще пятерых. Рентерия 24 августа был сражен пулеметной очередью с американского самолета.

Однако США явно хотели показать Каррансе, кто реальный хозяин севера Мексики. Не успели похоронить Рентерию, как в Мексике опять пропал американский военный самолет. На сей раз из-за дождя. 26 августа на его поиски отправилась официально названная карательной экспедицией армии США во главе с генералом Гловером. Заодно американцы решили на- [Картинка: image20.jpg] Игнасио Бонильяс (в центре слева)

казать «бандитов», атаковавших ранчо в техасском районе Форт-Хэнкок. Американцы (пять эскадронов кавалерии 8-го и 9-го полков) собирались ловить бандитов долго и захватили питания на 20 дней.⁹⁸ Саперы армии США даже стали строить через пограничную реку Рио-Браво постоянный мост для связи с карательной экспедицией. Правда, мексиканские солдаты сами поймали 8 человек из банды Рентерии, и американцам пришлось уже 27 августа убраться домой.

Интересно, что на ноту протеста Каррансы американцы ответили, что находятся в Мексике вполне легально.

Ведь еще в 1917 году министр обороны Мексики Обрегон подписал с американским генералом Скоттом военную конвенцию, согласно которой американским войскам разрешалось преследовать бандитов и на мексиканской территории. Правда, тогда Карранса отказался одобрить эту конвенцию, и в силу она не вступила. Но ссылка на Обрегона была показательной - США явно сделали свою ставку в надвигавшихся президентских выборах в Мексике.

Между тем Моронес, используя свои связи с руководством Американской федерации труда, активно лоббировал в США в пользу Обрегона как силы, олицетворяющей порядок и законность в стране. Заместитель военного министра в правительстве Каррансы Кастро (самого министра Карранса, как уже упоминалось, не назначал после отставки Обрегона) расставлял на ключевых местах в стране преданных или по крайней мере нейтральных Обрегону генералов. Пабло Гонсалес колебался, и ходили упорные слухи, что он тоже может поддержать кандидатуру Обрегона.

Карранса понял, что настало время предложить стране своего кандидата. Учитывая ключевое значение США для внешнеполитической стабильности Мексики, он остановил свой выбор на мексиканском после в Вашингтоне Игнасио Бонильясе.⁹⁹ Тот в последнее время на родине бывал редко и не имел там абсолютно никакой поддержки. К тому же большинство мексиканцев ненавидели «проклятых гринго», и человек, долго проживший в штатах, по определению вызывал только отторжение у электората. «Избрать» такого кандидата действительно можно было только путем «принуждения». Карранса не сомневался, что на посту президента Бонильяс будет послушной марионеткой в его руках.

В конце сентября 1919 года Карранса встретился со своей главной опорой в армии - генералом Дьегесом - и согласовал с ним кандидатуру Бонильяса.

Каррансе казалось, что поддержки нескольких ведущих генералов вполне достаточно. К такому выводу его располагали благоприятные изменения во внутренней политике.

После предательского убийства Сапаты штаб-квартира армии Пабло Гонсалеса выступила с заявлением, в котором говорилось, что эта смерть означает и смерть сапатизма. Мысль, что идеи бессмертны, Гонсалес объявил глупостью. Но он сильно ошибался. Убийство лидера Освободительной армии Юга не привело к капитуляции ни одного из ведущих ее генералов и вождей. Однако среди сапатистов все же разгорелась борьба за лидерство, хотя и не принявшая формы вооруженных стычек.

Претендентов было двое: 28-летний Маганья и старший среди генералов Сапаты по возрасту 48-летний Мендоса.¹⁰⁰ Маганья со свойственным ему политическим чутьем сразу же взял инициативу на себя и выпустил обращение к нации, в котором говорилось о продолжении аграрной революции Юга вплоть до полного ее торжества. Также он пригласил всех ведущих генералов-сапатистов в свою ставку, чтобы путем голосования избрать нового лидера движения. Но Мендоса и ряд других генералов сочли созыв хунты вождей преждевременным. В интригу вмешался Пелаес. В обмен на поставки боеприпасов он предлагал, чтобы сапатисты признали верховным вождем его самого. Пелаес даже послал в Морелос бывшего секретаря Сапаты Палафокса, чтобы тот перетянул на сторону «нефтяного генерала» основных партизанских вождей.

Сапатисты от помощи не отказывались, но признавать Пелаеса не спешили. После выдвижения Обрегоном своей кандидатуры на пост президента Маганья усилил работу по консолидации сапатистского движения. Он предвидел конфликт между Обрегоном и Каррансой и предполагал бросить на ту или иную чашу весов престиж (прежде всего моральный и идейный, но и военный) Освободительной армии Юга. А для этого армия должна была снова стать единым организмом.

4 сентября 1919 года хунта вождей армии большинством голосов избрала Маганью новым лидером движения. Уже на следующий день нацию оповестил об этом очередной манифест Освободительной армии Юга. В нем говорилось, что надежды врагов на развал аграрной революции не оправдались. Смерть Сапаты не превратила его движение в «туловище без головы».

Маганья сразу же приступил к реализации своей давней мечты - достижению компромисса с властями и прекращению борьбы на почетных условиях. Он полагал, что сапатистам следует перестать быть только региональным фактором (пусть и важным) и активно включиться в национальную политику. Тем более что и Карранса, и Обрегон хотели видеть сапатистов в своих рядах: что бы ни утверждали противники Освободительной армии, ее престиж среди всех революционеров и крестьянства страны был очень высок.

Вскоре нашелся и подходящий предлог. Весь сентябрь 1919 года в Вашингтоне проходили слушания

упоминавшегося выше сенатского комитета Фолла по расследованию ситуации в Мексике. Тональность слушаний не оставляла сомнений в их исходе. Карранса решил воспользоваться новой угрозой с севера, чтобы консолидировать политическую сцену страны под своим руководством. Противники Каррансы (прежде всего Пелаес и Феликс Диас) тоже желали американской интервенции, чтобы свалить «дона Венуса». На время устремления Пелаеса и Каррансы совпали.

19 октября 1919 года в городе Пуэбла пропал американский консул Уильям Дженкинс.¹⁰¹ Он жил в Мексике с 1901 года (по другим данным, с 1904-го), активно занимался текстильным бизнесом, впоследствии завладел плантациями сахарного тростника и сетью кинотеатров в Пуэбле и стал миллионером. Его якобы похитили люди Пелаеса, чтобы показать всему миру (главным образом, естественно, США), что Карранса не контролирует даже крупные города Мексики. Пеласисты не замедлили официально сообщить об этом американскому посольству в Мехико. Американские газеты, в свою очередь, не замедлили сообщить, что похищение Дженкинса превосходит по наглости все предыдущие нападения на американцев, так как совершено во втором по величине городе страны, славящемся своей набожностью (Пуэблу называли городом церковей). Особенно задело американцев именно то, что Дженкинс был не простым консульским агентом, а «видным членом американского бизнес-сообщества» в Пуэбле, городе, где «раньше» была очень «хорошая полиция». А теперь-де бедного Дженкинса похитили на собственной фабрике три бандита в масках. Сообщив жене Дженкинса сумму выкупа, бандиты вежливо пообещали ей, что достанут для заложника теплое пальто, чтобы тот не мерз в горах. Не исключено, намекали СМИ США, что к похищению причастны солдаты правительственной армии.¹⁰²

Интересно, что из заточения Дженкинс прислал жене письмо, в котором прямо приказал ей свалить вину на правительство Каррансы: «Я хочу, чтобы ответственность пала на правительство, а этого можно достигнуть только тогда, когда причиной будут повстанцы. Поэтому постарайся поставить акцент именно на этом».¹⁰³

Примечательно, что за 10 дней до инцидента с Дженкинсом посол США в Мексике Флетчер, находившийся в Вашингтоне и курировавший мексиканские дела в госдепартаменте, отказался разрешить поставку Каррансе 800 винтовок из США. Якобы оружие вместо того, чтобы служить защите жизни американских граждан в Мексике, может быть использовано против них. Живительно, что всего за несколько недель до этого в своих показаниях перед сенатским комитетом Флетчер говорил, что ситуация в Мексике улучшается и страна находится под полным контролем Каррансы. Еще более странным выглядит то обстоятельство, что американская пресса сообщила о 800 винтовках именно в день похищения Дженкинса.¹⁰⁴ В это же время американская фирма «Америкэн Ган Компани» неожиданно получила отказ госдепартаменту на просьбу разрешить поставку мексиканской армии 15 тысяч винтовок. Глава фирмы Саттон был поражен - ранее он регулярно поставлял мексиканской армии оружие, и проблем с разрешением на экспорт не было. В феврале 1919 года заместитель госсекретаря Полк заверял Саттона, что проблем с разрешением на поставку оружия не будет и впредь. Карранса даже осуществил предоплату винтовок.

А 24 декабря 1919 года Лансинг объявил о полном запрете на экспорт оружия в Мексику начиная с 1 января 1920 года.¹⁰⁵ Если учесть, что к тому моменту открытая конфронтация между Каррансой и Обрегоном стала свершившимся фактом, а значит, можно было ожидать военного противостояния между этими людьми в самом ближайшем будущем, то эту меру США нельзя расценить иначе как практически открытую поддержку Обрегона.

26 октября Дженкинс появился вновь - живой и здоровый.¹⁰⁶ Госсекретарь США Лансинг предпочел отреагировать довольно мягко - в конце концов, сам Карранса не имел к инциденту никакого отношения. Однако тут уже Карранса решил раздуть дело. Кстати, не исключено, что поддерживавший тесные контакты с американскими нефтяными компаниями Пелаес действительно специально «похитил» Дженкинса, чтобы дать лишние козыри сенатскому комитету Фолла. По некоторым данным, пеласисты хотели похитить в Пуэбле еще и британского и испанского консулов (а также американского консула в Гвадалахаре), но почему-то этого не сделали. Зато временный поверенный в делах США в Мексике Джордж Саммерли сообщил американскому журналисту, что и его самого должны были похитить пеласисты, спокойно-де бродившие вокруг американской дипмиссии¹⁰⁷.

Власти Пуэблы с ведома президента обвинили Дженкинса в том, что он сам организовал покушение, чтобы бросить тень на мексиканское правительство. 15 ноября Дженкинса арестовали, после того как батраки одного

из принадлежавших ему ранчо показали под присягой, что он мирно прогуливался со своими похитителями. Его допросили, а четыре дня спустя задержали вплоть до суда. Правда, затем выпустили под залог.

Узнав об аресте Дженкинса, сенатор Фолл тут же вместе со своим следственным комитетом отправился на аудиенцию к Вильсону, чтобы потребовать немедленной военной интервенции.¹⁰⁸ В США, как и в Мексике, уже близилась президентские выборы, намеченные на осень 1920 года, и республиканцы (а Фолл был именно республиканцем) упрекали президента-демократа Вильсона в излишней мягкости по отношению к «большевикам-мексиканцам». Во время гневной речи Фолла в Белом доме Вильсону принесли сообщение об освобождении Дженкинса под залог. Президент прервал филиппику сенатора, и Фолл был настолько потрясен, что, как писали газеты, едва не потерял дар речи. Вильсон так описал инцидент с Фоллом: «Зачем он хотел поспорить меня с Всевышним? Он должен был знать, что Бог занимает иную позицию, чем он в этом вопросе».¹⁰⁹ Мессианизм и ссылки на господа вообще были характерны для Вильсона. Французский президент Клемансо в 1919 году говорил о своем американском коллеге: «Он думает, что является вторым Иисусом Христом, посланным на землю, чтобы изменить человека».¹¹⁰

А на суде в Пуэбле Дженкинс пытался угрожать свидетелям, которые говорили суду об его дружбе с «похитителем» Кордовой. На сей раз реакция Вашингтона была жесткой. Столичные мексиканские газеты подливали масла в огонь, постоянно сообщая о военных приготовлениях США к нападению на Мексику. Тем не менее теперь уже сенатор США Генри Майерс потребовал от президента Вильсона, чтобы американская армия силой освободила Дженкинса. Лансинг, в свою очередь, угрожал Бонильясу в Вашингтоне тем, что армия США вызовет Дженкинса из-под мексиканского суда. Однако мексиканцы твердо придерживались своих юридических процедур судебного разбирательства, которое тянулось до декабря 1920 года. Но в мае 1920 года Карранса был убит, и новый режим во главе с Обрегеном отпустил Дженкинса на все четыре стороны.

Хотя «Всевышний» помешал Фоллу использовать «похищение» Дженкинса для начала войны против Мексики, как нельзя «вовремя» подоспел новый инцидент. По версии госсекретаря США Лансинга, в Тампико солдат мексиканской армии ни с того ни сего застрелил американского гражданина Джеймса Уоллеса, сотрудника нефтяной компании «Агила Ойл Компани». Американцы требовали извинений. Правительство Мексики в декабре 1919 года нотой ответило госсекретарю, что американец ехал верхом, был пьян и отказался остановиться по требованию часового у пулеметной точки, которую этот часовой и охранял.¹¹¹

Не приходится сомневаться, что инцидент был «приурочен» к приказу Каррансы армии силой прекратить добычу на тех нефтяных месторождениях, владельцы которых, в основном американцы, отказались перерегистрировать свои права на добычу в соответствии с новой мексиканской Конституцией. Американские газеты с подачи нефтяных компаний абсолютно лживо утверждали, что Мексика-де силой прекращает экспорт нефти. Посол Мексики в США Бонильяс посетил редакцию газеты «Нью-Йорк Таймс», которая более или менее старалась сохранять объективность, и заявил, что разведанные запасы мексиканских нефтяных месторождений (около 600-650 млн баррелей) позволяют американским компаниям увеличить экспорт нефти из Мексики в 10 раз по сравнению с нынешними 53 млн баррелями. И никто этому экспорту мешать не собирается.¹¹² Следует отметить, что с 16 января по 9 октября 1919 года в порту Тампико для «защиты жизни и собственности граждан США» находился вышеупомянутый американский военный корабль «Шайенн».

Маганья решил воспользоваться этим психозом, чтобы предложить Каррансе мир во имя национального единения всех мексиканцев перед лицом угрозы военного вторжения «гринго». В качестве посредника был избран генерал Луисо Бланко, стойкий сторонник аграрной реформы в рядах конституционалистов, недавно возвращенный Каррансой из отставки для противодействия растущей популярности Обрегона. В начале ноября Бланко добился для Маганьи пропуска в Мехико, и 28 ноября 1919 года новый лидер Освободительной армии Юга был принят Каррансой.¹¹³ Было согласовано, что сапатисты сложат оружие в обмен на гарантии неприкосновенности. Карранса даже предложил Маганье вернуться в Морелос в сопровождении воинского контингента, чтобы тем самым убедить колеблющихся вождей сапатизма прекратить сопротивление. Однако Маганья, тонкий дипломат, отказался и предупредил, что пока еще говорит только от своего имени. Правда, ему пришлось остаться в Мехико, где правительство не упускало его из вида как своего рода заложника искренности намерений сапатистов.

В тот же день, когда проходили переговоры Каррансы с Маганьей, госсекретарь США Лансинг сделал представление мексиканскому послу в Вашингтоне. Лансинг предупредил, что заключение Дженкинса под

стражу истощило терпение Соединенных Штатов и мексиканское правительство понесет ответственность за возможную эскалацию конфликта. 3 декабря 1919 года сенатор Фолл при помощи госдепартамента разработал проект резолюции, рекомендовавший президенту Вильсон разорвать с Мексикой дипломатические отношения.¹¹⁴ В резолюции говорилось о «так называемом правительстве Каррансы», что означало готовность США признать в Мексике и другое правительство. Мексиканские газеты печатали фотографии американских самолетов и кораблей, изготовившихся к атаке.

Новое обострение американо-мексиканских отношений привело к капитуляции ряда военных вождей Освободительной армии Юга, изъявивших желание рука об руку с правительственными войсками сражаться с интервентами. Самоуверенный Гонсалес сообщал, однако, в столицу, что капитуляция вызвана не инцидентом с Дженкинсом, а его, Гонсалеса, военными успехами в Морелосе. Чтобы подчеркнуть полное умиротворение Морелоса, Гонсалес даже перенес свою штаб-квартиру в соседний штат Пуэбла, где продолжались операции против Феликса Диаса (под чьи знамена, кстати, перешли несколько партизанских отрядов сапатистов).

Казалось, что девятилетняя война в Морелосе действительно закончилась. Однако ряд видных генералов Сапаты (например, де ла О), сложив оружие и распустив отряды, продолжали отсиживаться в горах, ожидая дальнейшего развития ситуации. Собрать же отряды вновь было делом нескольких часов - население Морелоса по-прежнему полностью поддерживало Освободительную армию.

Между тем политика национального примирения Маганья оказалась все же слишком поспешной. Уже 4 декабря 1919 года госсекретарь Лансинг не рекомендовал Сенату принимать антимексиканскую резолюцию, разработанную его же ведомством. На следующий день Дженкинс вышел из мексиканской тюрьмы. А 8 декабря резолюцию Фолла отверг сам президент Вильсон.

Таким образом, Карранса извлек из инцидента с Дженкинсом несомненную политическую выгоду: в стране несколько укрепился престиж президента как гаранта национальной независимости, а главное - в горах Морелоса продолжалась капитуляция сапатистских командиров. Наконец, американцы передумали разрывать отношения с Каррансой, после того как он выдвинул кандидатом в президенты откровенно проамериканского и консервативного Бонильяса.

Однако «дона Венуса» опять подвела излишняя самоуверенность. Морелос продолжал управляться как захваченная территория. Никаких выборов в штате, даже муниципальных, не проводилось. Но самой большой ошибкой властей была попытка ревизии аграрной реформы, которая была осуществлена в Морелосе Освободительной армией еще в 1914-1915 годах. Временный губернатор штата Тахонар формально предложил всем землевладельцам представить ему для утверждения свои права на собственность.¹¹⁵ На этот призыв первыми откликнулись плантаторы, изгнанные из Морелоса еще в 1911 году. Многие даже вернулись ради этого из эмиграции. Опять началось наступление на сельские общины, лишённые теперь вооруженной поддержки Освободительной армии. Гонсалес, управлявший Морелосом как своей вотчиной, распорядился передавать конфискованные плантации и заводы по производству сахара бывшим владельцам. Генерал уже рассматривал себя как кандидата на пост президента и стремился заручиться поддержкой наиболее обеспеченных слоев общества. Гонсалес не сомневался, что кандидатура Бонильяса была лишь приманкой для США и что Карранса, в конце концов, поддержит именно его, Гонсалеса как единственного генерала, способного противостоять Обрегону.

Предвыборный манифест Гонсалеса, с которым он выступил в ноябре 1919 года, был еще более консервативным в социально-экономическом смысле, чем программа Обрегона. Гонсалес, правда, на словах поддержал Конституцию 1917 года, однако одновременно пообещал изменение тех ее положений, «которые, как показывает национальный жизненный опыт, оказались нереализуемыми, чрезмерными или плохими».¹¹⁶

Рестаураторская политика Гонсалеса в Морелосе сразу же вызвала отпор местного населения. Партизанские командиры перестали переходить на сторону правительственных войск. Верховное командование сапата-стами опять попытался взять на себя Пелаес, но в конце января 1920 года Маганья бежал из Мехико и снова создал ставку в горах Морелоса и Пуэблы. Формально хитрый дипломат не порывал с правительством, но был уже вне прямого контроля Каррансы.

Тем не менее в начале 1920 года Карранса мог быть доволен развитием ситуации в Морелосе. Освободительная армия Юга уже не существовала как внушительный фактор национальной политики. По крайней мере, так хотелось думать самому Каррансе.

Еще более оптимистично Карранса оценивал перспективы борьбы с Вильей. Точнее, перспективы окончательного уничтожения вильизма. Вилья был потрясен судебной расправой над Анхелесом (это был единственный политический публичный процесс времен мексиканской революции). Реакция партизанского командира была скорой и кровавой: вильисты захватили небольшой город Санта-Розалия и полностью истребили тамошний гарнизон правительственных войск.¹¹⁷ 2 ноября 1919 года Вилья совершил налет на столицу родного штата Каррансы Салтильо. В декабре вильисты уже атаковали угольные копи Коауилы. Лучший правительственный генерал Мургуя не смог выбить Вилью из штата.

Вилья решил выполнить завет боевого товарища и друга и занять столицу штата Дуранго для начала новой ширококомасштабной борьбы против правительства. Однако уже даже сам Вилья не мог обеспечить дисциплину в своей охваченной усталостью от многолетней войны армии. Перед штурмом Дуранго Вилья приказал командирам, действовавшим в районе города, перерезать железнодорожное сообщение на южных подступах к городу, что-

бы не допустить переброски правительственных подкреплений гарнизону. Приказ остался невыполненным, и когда вильисты приступили к штурму, в Дуранго въехали эшелоны с частями правительственных войск. Штурм превратился в поспешное бегство вильистов, во время которого погиб самый талантливый и преданный Вилье командир Мартин Лопес - герой штурма Сьюдад-Чиуауа в конце 1916 года. Лопес был единственным человеком, которому недоверчивый и привыкший к предательству бывших соратников Вилья доверял безоговорочно.¹¹⁸

При отступлении Вилья был вынужден прибегнуть к тактике, которая ясно свидетельствовала о его недоверии местному населению. Проходя через любой населенный пункт, вильисты брали заложников, чтобы жители не сообщали правительственным войскам о маршруте движения партизан. В следующем городке или деревне заложников отпускали, но брали новых, уже из числа местных жителей. Казалось, что Вилья доживает последние дни. Американский консул в Чиуауа сообщал, что у Вильи осталось не более 350 бойцов и он превратился в обычного бандита, занимающегося рэккетом коммерческих компаний. Правительство Каррансы назначило командующим войсками Чиуауа толкового генерала Хоакина Амаро, который не сомневался, что Вилья будет окончательно разгромлен в течение нескольких недель.

Покончив, как ему казалось, с Вильей и сапатистами, Карранса мог теперь сконцентрироваться на главной задаче - борьбе с Обрегоном. Последний в ходе своего предвыборного турне прибыл 23 ноября 1919 года в столицу, где, как обычно, его встретили восторженные массы. Толпа, в которой было много крестьян, терпеливо ждала на вокзале шесть часов, так как поезд был специально задержан правительством.¹¹⁹

Обрегон вел себя в Мехико как уже избранный президент. Двух офицеров полиции, у которых были антиобрегонистские значки, едва не растерзала уличная толпа. До Каррансы доходили слухи, что Гонсалес готов заключить с Обрегоном соглашение и отказаться от собственной кандидатуры. В конце декабря 1919 года Карранса встретился с генералами Мургуей, Дьегесом и Агиларом, чтобы подготовить их к возможному силовому решению конфликта с Обрегоном. Предполагалось тактикой административного давления заставить Обрегона начать мятеж против правительства, чтобы затем этот мятеж успешно и быстро подавить.

В этих условиях позиция США снова приобретала ключевое значение. 17 января 1920 года Карранса по просьбе Бонильяса согласился выдать американским нефтяным компаниям временные разрешения на добычу, освободив их таким образом от обязанности перерегистрировать свои права в правительственных учреждениях согласно требованиям новой Конституции.¹²⁰ Карранса рассчитывал, что после нейтрализации Обрегона он опять сможет разыграть антиамериканскую карту - например, забрав свое временное разрешение обратно. Уже на следующий день проправительственная Национально-демократическая партия официально выдвинула Бонильяса своим кандидатом на пост президента страны. Чтобы еще больше успокоить американцев, в начале февраля правительство Мексики приступило к предварительным переговорам с США об организации смешанной двусторонней комиссии по урегулированию претензий американских граждан относительно ущерба, которые те понесли в годы революции.¹²¹

Но и Обрегон явно готовился к тому, что ему придется отвечать на возможные силовые репрессии правительства. Были установлены контакты со ставкой Феликса Диаса, который в обмен на амнистию обещал Обрегону военную поддержку в случае открытого столкновения с Каррансой. Продолжались контакты и с Маганьей. 1 февраля Кальес демонстративно ушел с поста министра промышленности и торговли и фактически

возглавил предвыборный штаб Обрегона. 2 февраля 1920 года в Мехико под эгидой Либерально-конституционалистской партии прошел съезд сторонников Обрегона.

Карранса, в свою очередь, созвал в столице встречу губернаторов штатов, большинство которых были «избраны» при поддержке президента. Однако губернаторы не спешили явно становиться на ту или иную сторону и только заверили Каррансу, что обеспечат в своих штатах свободное волеизъявление граждан. Что под этим понимал Карранса, вскоре показали события в городе Сан-Луис-Потоси, где полиция силой разогнала митинг сторонников Обрегона. Как мы помним, этот город имел в истории Мексики особое значение: там в начале XX века образовалась Либеральная партия, начавшая открытую борьбу против диктатуры Порфирио Диаса. Получалось, что Карранса идет по стопам ненавистного диктатора. Именно это и подчеркивали близкие к Обрегону газеты.

Обрегон, с 15 февраля как раз находившийся в Сан-Луис-Потоси, не испугался и продолжал встречаться на митингах со своими сторонниками. Во время одной из демонстраций, во главе которой шел Обрегон, полиция применила оружие и арестовала многих приверженцев кандидата прямо на его глазах. Обрегон потребовал от полицейских прекратить незаконные аресты, но те отказались. Демонстрацию пришлось свернуть, чтобы избежать кровопролития.¹²²В это время правительственный телеграф в городе не пропускал сообщения журналистов в столицу или подвергал их жесткой цензуре.

В конце февраля 1920 года Обрегон заболел (после ранения это случалось с ним часто, в основном на нервной почве) и временно прекратил митинги, находясь на лечении в Салтильо, столице родного штата Каррансы, где настигла его болезнь.

Успехи Обрегона встревожили не только Каррансу. 31 декабря 1919 года, провозгласив окончательное умиротворение Морелоса, генерал Пабло Гонсалес официально ушел в отпуск. Это означало, что он вот-вот выдвинет собственную кандидатуру на пост президента. 13 января 1920 года, выступив перед деловыми кругами Мехико, Гонсалес фактически начал свою предвыборную кампанию.¹²³Представители генерала развернули усиленную агитацию на северо-востоке Мексике, где Северо-восточная армия Гонсалеса в 1913-1914 годах в целом не очень-то успешно сражалась с войсками Уэрты. Как и Обрегон, Гонсалес делал ставку на свои военные заслуги в годы революции. Однако престиж Гонсалеса в стране был не слишком высок, так как все знали, что за несколько лет «революционный» генерал нажил огромное состояние. Предательское убийство Сапаты тоже не добавило Гонсалесу популярности.

Между тем Карранса уже решил силой подавить предвыборную кампанию Обрегона. Это не укрылось и от американских дипломатов в Мехико, которые со дня на день ждали силовой развязки начавшегося в стране политического противостояния. Они только гадали, кто первым возьмется за оружие. Карранса решил запугать Обрегона угрозой физической расправы и заставить его покинуть Мексику. По избирательному закону эмиграция сразу же лишала Обрегона права баллотироваться на высший пост в государстве. Можно предположить, что в крайнем случае Карранса не исключал и физического уничтожения соперника.

10 февраля 1920 года Карранса отправил в отставку заместителя министра обороны, то есть фактического главу военного ведомства Кастро, узнав об его связях с Обрегном. В середине января главный генерал-каррансист Дьегес начал инспекционную поездку по северо-востоку Мексики, где как раз приходил в себя после болезни Обрегон. Смысл «инспекции» Дьегеса стал очевидным в конце марта, когда Обрегон прибыл в Тампико. Как всегда, кандидата встречали восторженные толпы рабочих.¹²⁴На митинге ра-

бочей ассоциации города было проведено первичное голосование (своего рода «праймериз»), в результате которого Обрегон получил 1082 голоса, в то время как Гонсалес - всего 15. На долю правительственного кандидата Бонильяса выпало всего три голоса. Такие настроения были показательными для всего района Тампико. После приезда Обрегона в город Пелаес по наверняка скоординированному с ним плану начал новое наступление в окрестностях нефтяной столицы Мексики.

Когда Обрегон прибыл на центральную площадь Тампико, она оказалась оцепленной тремя сотнями драгун с винтовками наизготовку. Неподалеку в специальном поезде находился командующий войсками в районе Тампико Мургуя. На крыше его поезда были установлены пулеметы, державшие под прицелом отель, в котором намеревался остановиться Обрегон. Несмотря на то, что кровопролитие буквально висело в воздухе, послушать Обрегона собрались около 15 тысяч человек. Как только Обрегон закончил свою выдержанную в антиправительственном тоне речь, полиция немедленно арестовала двух его спутников, один из которых был

депутатом Конгресса. У входа в отель к Обрегону приблизилась группа подозрительных людей с явно враждебными намерениями. Только живое оцепление сторонников сохранило генералу жизнь. Впоследствии Обрегон говорил, что если бы тогда среди правительственных агентов нашелся бы кто-нибудь, кто рискнул жизнью, он, Обрегон не уехал бы из Тампико живым.

Когда Обрегон в сопровождении своих сторонников пришел в тюрьму, он обнаружил, что его задержанных спутников избили (полицию не смутила депутатская неприкосновенность одного из них).¹²⁹ У выхода из тюрьмы Обрегона поджидал генерал Мургуя, который явно стремился запугать кандидата. Однако Обрегон твердо заявил, что пока его спутники не будут освобождены, он не покинет Тампико. Мургуя расценил это как свою победу - ведь оппозиционный кандидат таким образом прерывал свое успешное турне по северу Мексики. Пока Мургуя отмечал «победу» в казино, Обрегон добился от судьи обещания отпустить арестованных и поспешно покинул Тампико.

Однако неподалеку от города поезд, в котором ехал Обрегон, был неожиданно остановлен. Железнодорожники сообщили кандидату, что это произошло по прямому указанию Мургуи. Обрегон собрал пассажиров и предупредил, что с минуты на минуту поезд может подвергнуться вооруженному нападению. И пассажиры, а также подоспевшие к поезду окрестные крестьяне опять живым щитом прикрыли кандидата. Когда Мургуя и его солдаты подошли к поезду, их встретили крики: «Вива Обрегон!» Мургуе пришлось отменить нападение, так как его исход теперь был отнюдь не очевиден.

Поскольку Обрегону не удалось запугать или убить, Карранса решил повторить с ним судебный фарс, уже опробованный на Анхелесе. Когда Обрегон прибыл в приграничный с США город Матаморос, ему сообщили о вызове в суд в столицу. Там Обрегон должен был в качестве свидетеля выступить по делу феликсистского командира Роберто Сехудо. Тот, недавно амнистированный, потом якобы снова взялся за оружие, был арестован и обвинен в мятеже. Судил Сехудо военный суд, что позволяло предсказать приговор. В тюрьме бывшего феликсиста били, чтобы получить от него компромат на Обрегона. Однако Обрегон не мог знать всех этих деталей - пользование телеграфом было ему запрещено, и даже его жена неделями ничего не знала о своем муже.

Карранса не зря подгадал вызов в военный суд к тому моменту, когда Обрегон прибыл на границу с США. Президент надеялся, что Обрегон не поедет в столицу, а все же выберет безопасную эмиграцию. Возможным вариантом, тоже желательным для Каррансы, был бы и открытый мятеж. На этот случай на север и послали Дьегеса с поручением быстро занять Сонору - единственный штат, руководство которого открыто поддерживало Обрегона. Брать в плен «мятежника» Обрегона Карранса, скорее всего, не планировал.

Но Обрегон на провокацию не поддался, несмотря на то, что на митинге в Матаморосе звучали призывы уйти в горы и начать вооруженную борьбу против правительства. Напротив, Обрегон объявил, что он чист перед законом и едет в Мехико, чтобы это доказать. Возможно, это его последнее публичное выступление, но он готов бороться за «революционные принципы». Кандидат даже отказался от того, чтобы в столицу в качестве живого щита его сопровождала большая группа сторонников.

Нет никаких сомнений, что контакты с Пелаесом, командирами Феликса Диаса и сапатистами Обрегон через своих доверенных лиц поддерживал. И, строго говоря, с юридической точки зрения это было незаконно. Однако вся Мексика после суда над Анхелесом не доверяла независимости военного правосудия страны.

В апреле 1920 года Обрегон прибыл в военную тюрьму, где проходил суд над Сехудо. Там он узнал, что из свидетеля превратился в обвиняемого.¹³⁰ В деле якобы имелось письмо Сехудо Феликсу Диасу, в котором утверждалось, что Обрегон уже принял решение о вооруженном выступлении против правительства. Обрегон назвал письмо фальшивкой и потребовал, как и Анхелес в свое время, чтобы его дело рассматривал гражданский суд. Судья, похоже, был и сам не в восторге от навязанной ему роли. Он часто выходил из зала, звонил по телефону и даже зажег сигару не с того конца.

Нервозности ему явно добавило то, что конвоиры Сехудо, два солдата-индейца из Соноры, прямо в зале суда воскликнули: «Вива Обрегон!»

В конце концов, судья прервал заседание и предписал Обрегону явиться в суд на следующей неделе. Именно это и приказал суду Карранса. Президент хотел использовать Обрегона в Мехико в качестве заложника, в то время как Дьегес должен был покончить с Сонорой и лишить тем самым Обрегона единственной военно-политической базы для возможного восстания. Так как доступа к телеграфу у Обрегона не было, он не знал

поначалу, что в его родном штате разворачиваются драматические события.

Дьегес был назначен командующим всеми правительственными войсками в штатах Сонора, Синалоа и Нижняя Калифорния. Ему предписывалось прибыть с подкреплениями в Сонору и подавить якобы начавшийся там мятеж индейцев яки. Яки десятилетиями боролись с мексиканским правительством, и последнее перемирие с ними было заключено в 1915 году, во время борьбы Обрегона с Вильей. Тогда яки встали на сторону конституционалистов, которые в ответ обязывались не отбирать у индейцев их исконные земли. Обрегон считал яки отсталыми дикарями (впрочем, так же думала и вся мексиканская политическая элита) и соблюдать соглашение долго не собирался. На земли яки претендовали многие, включая американские компании и самого Обрегона. Однако сейчас воинственные индейцы, одни из лучших солдат в Мексике, были крайне ему необходимы.

Никакого мятежа в Соноре формально не было. Яки очень любили губернатора штата Адольфо де ла Уэрту, который в детстве фактически жил среди них и уважал их обычаи. Наоборот, Дьегеса яки ненавидели за репрессии, которым подверг их этот генерал в 1915 году. Именно появление Дьегеса в Соноре и должно было спровоцировать индейцев на мятеж. После того как части Дьегеса начали высаживаться в тихоокеанском порту Гуайямас, де ла Уэрта направил 4 апреля 1920 года письмо Каррансе. Губернатор решительно протестовал против прибытия в его штат федеральных войск и расценивал этот шаг как попытку свержения законного правительства Соноры.¹²⁵ Де ла Уэрта просил Каррансу отменить свое решение.

Ответ президента поступил уже тогда, когда Обрегон находился в Мехико. Карранса в свойственном ему высокомерном тоне сообщал де ла Уэрте, что не обязан ставить губернаторов штатов в известность о перемещениях федеральных войск. Любая попытка воспрепятствовать продвижению армии Дьегеса будет сочтена мятежом. После получения ответа Каррансы парламент штата предоставил де ла Уэрте чрезвычайные полномочия по защите «суверенитета» Соноры. По Конституции (и по образцу США) мексиканские штаты действительно формально являлись суверенными государствами и обладали всей полнотой власти на своих территориях, за исключением полномочий, отнесенных к ведению федеральных властей.

Очевидно, что не столько Карранса, сколько Сонора (то есть Обрегон) искала повод для военного противостояния. Еще в феврале 1920 года, как сообщал консул США из Ногалеса, губернатор Соноры де ла Уэрта отказался принять участие в собрании губернаторов мексиканских штатов в Мехико, которое было созвано Каррансой для консультаций относительно угрожающего развития политической обстановки в стране.¹²⁶

Правительство де ла Уэрты стало закупать оружие в США и набирать ополчение, которое выдвигалось навстречу войскам Дьегеса. Американцы в целом сочувственно относились и к мятежу Соноры, и к самому Обрегону. Еще 16 марта 1920 года временный поверенный в делах США в Мексике Саммерли передал в Вашингтон внешнеполитический раздел единого предвыборного манифеста партий, поддержавших Обрегона. Там, в частности, был следующий, весьма желательный для США пункт: «Признание законно приобретенных иностранцами в нашей стране прав с тем, чтобы они не отличались по статусу от граждан страны на основе того принципа, что законы не имеют обратной силы»,¹²⁷ Это было прямым наскоком на Конституцию Мексики 1917 года и подарком американским нефтяным компаниям. В том же манифесте об-регонисты обещали полную поддержку иностранному капиталу в Мексике.

Сонора не первый раз становилась в открытую вооруженную оппозицию по отношению к центральным властям. Именно этот штат начал в 1913 году восстание против Уэрты, которое и привело к власти Каррансу. В деньгах, добровольцах яки и оружии у штата недостатка не было. Главкомандующим сонорскими силами стал Кальес, взявший под контроль таможни, что обеспечило мятежников солидными финансовыми средствами. Под тем же предлогом противодействия забастовке железнодорожников сонорские части захватили все железные дороги, и Дьегес со своим штабом и основной массой войск застрел в Гвадалахаре.¹²⁸

Между тем американский консул в Гуайямасе 5 апреля 1920 года по теле-графу передал в Вашингтон просьбу срочно прислать в этот мексиканский порт боевые корабли Тихоокеанского флота США. В условиях того времени этот шаг был направлен явно против Каррансы. Консул тоже ссылаясь на забастовку железнодорожников, которая якобы угрожает жизням американских граждан - сотрудников компании «Сазерн Пасифик».¹²⁹

11 апреля 1920 года Обрегон обедал в ресторане с Пабло Гонсалесом, рассчитывая, что общественное мнение

расценил этот факт как знак примирения двух генералов. Прибывшего в Мексику только 17 марта правительственного кандидата Бонильяса оба генерала серьезным противником не считали. Даже на вокзале в Мехико Бонильяса встречала толпа, скандировавшая: «Вива Обрегон!»

Однако Гонсалес вел свою собственную игру. Он надеялся, что вооруженное противостояние Каррансы и Обрегона затянется, и в этом случае именно он как нейтральный кандидат станет президентом, чтобы остановить гражданскую войну. Такой же точки зрения в начале 1920 года придерживался и временный поверенный в делах США в Мексике Саммерли. Еще 7 января 1920 года он сообщал в Вашингтон (со ссылкой на друзей Обрегона, что весьма симптоматично): кандидатура Бонильяса может быть снята в пользу Гонсалеса или генерала Дьегеса.¹³⁰

Интересно, что и Вилья рассчитывал на длительную вооруженную борьбу между Обрегеном и президентом. Он, как мы знаем, не любил ни того ни другого, но полагал, что его силы окажутся решающими и их можно будет бросить на чашу весов того, кто одержит победу. В свою очередь, это означало, что он, Вилья, снова станет фактором общенационального значения.

Именно 11 апреля Обрегон узнал от друзей о фактическом восстании в Соноре. На следующий день Обрегон должен был явиться в суд, и он не сомневался, что из тюрьмы его уже не выпустят. Уйдя от полицейской слежки на такси, Обрегон 12 апреля с помощью столичных рабочих переделся железнодорожником и покинул Мехико на поезде, который шел на юг через Морелос в штат Герреро.¹³¹ Пробиваться на север, в Сонору было делом бесполезным - именно на этом маршруте, как правильно предвидел Обрегон, его и станут разыскивать прежде всего. В Морелосе Обрегон был с начала марта в плотном контакте с Маганьей, и сапатисты заверили его в своей поддержке. А бежавший вместе с Обрегеном его ближайший соратник генерал Бенджамен Хилл вообще нашел у сапатистов убежище. Чтобы доставить Хилла в Морелос, 500 сапатистов совершили молниеносный рейд в столичный округ, и это стало первой крупной боевой операцией Освободительной армии Юга за целый год.

В тот же день, когда Обрегон бежал из Мехико, об этом узнал временный поверенный в делах США в Мексике Ханна. В американское посольство явился генерал Хилл и официально сообщил, что Сонора выступила против Каррансы при поддержке ряда частей федеральной армии и отрядов Вильи.¹³² На всякий случай Хилл попросил для себя и своей семьи убежища в дипмиссии США.¹³³ 13 апреля госсекретарь США Колби сообщил консулу в Гуайямас, что предложил Военно-морскому министерству США послать туда корабль.

Когда Обрегон прибыл в Герреро, тамошние власти, включая военные, сразу же встали на его сторону. Между Герреро и Мехико находился Морелос, который контролировали хорошо вооруженные войска Гонсалеса. Именно от них в тот момент зависела судьба Каррансы. Части Гонсалеса могли бы в зародыше подавить мятеж в Герреро и даже убить Обрегона - сопротивление Соноры в этом случае лишалось смысла.

Между тем мятеж разрастался: восстали губернаторы Мичоакана и Сакатекаса, что открывало Кальесу путь на Мехико. Находившийся к югу от Соноры штат Синалоа был захвачен сторонником Обрегона генералом Анхелем Флоресом в течение нескольких дней практически без единого выстрела. Правительственные силы были осаждены в портах. Американский консул в Масатлане (главный порт штата Синалоа, куда под натиском мятежников бежало правительство штата) также потребовал скорейшего прибытия туда военного корабля. 20 апреля с той же просьбой в Вашингтон обратился консул США в Веракрусе (он повторил свой запрос 26 апреля, ссылаясь на возможные бесчинства неких криминальных элементов).¹³⁴ На следующий день госсекретарь Колби сообщил консулу в Масатлан, что рекомендовал министерству ВМС США послать туда корабль.

Между тем бежавший из Мехико Хилл в Морелосе фактически обманул местных командиров правительственных войск, убедив их, что Гонсалес и Обрегон действуют заодно.

Из Герреро Обрегон обратился с манифестом к нации и... народу США.¹³⁵ Он заверял, что борется только за свободные президентские выборы, и бизнесу, в том числе и американскому, бояться нечего. 22 апреля мятеж против Каррансы стал «официальным». В Соноре был опубликован «план Агуа-Приеты». (Причем сначала на английском языке - чтобы США не приняли движение сонорцев за большевистскую революцию. На испанском он появился только на следующий день.) В нем Карранса объявлялся низложенным, а временным президентом Мексики назначался губернатор Соноры Адольфо де ла Уэрта. Тот обязывался в кратчайшие сроки провести в

стране свободные президентские выборы. В «плане» опять подтверждались гарантии прав собственности. Сонора назвала свои вооруженные силы Либерально-конституционалистской армией.¹³⁶

Карранса тем временем вел напряженные переговоры с Гонсалесом. Он предлагал, чтобы Бонильяс и Гонсалес сняли свои кандидатуры и Карранса с Гонсалесом выбрали единого, приемлемого для них обоих кандидата. Но Гонсалес хотел большего, опираясь на 12 тысяч своих солдат, расквартированных вокруг столицы. Он изъявлял готовность в случае выхода из игры Бонильяса временно снять свою кандидатуру, подавить мятеж, а затем снова вернуться в предвыборную гонку. Карранса отказался. Он не хотел, чтобы поражение одного генерала, Обрегона, привело к победе другого -Гонсалеса. Не пойдя на компромисс, «дон Венус» по сути подписал себе смертный приговор.

26апреля 1920 года на сторону мятежников перешли командиры ключевого северного штата Чиуауа. Успехи обрегонистов опять заставили Каррансу и Гонсалеса лихорадочно искать компромисс. 27 апреля на встрече с президентом Гонсалес снова предложил заменить Бонильяса кандидатом, которого назовет он сам. В этом случае Гонсалес был готов выйти из борьбы за пост президента. Карранса не только отказался, но и фактически отстранил Гонсалеса от командования силами столичного округа. 28 апреля этот пост занял верный президенту генерал Мургуя, который не мог ожидать от победы Обрегона ничего хорошего.

То, что «план Агуа-Приеты» появился на английском языке, возымело свое действие в США. 29 апреля 1920 года в комитете Фолла опять проходили слушания, на которых клеймили Каррансу.¹³⁷Обрегона же представляли единственной силой, способной защитить интересы американского бизнеса в Мексике. Де-факто Вашингтон сделал свой выбор

в пользу мятежников, хотя официально движение Обрегона там пока не признавали.

30апреля 1920 года ситуация в Мексике осложнилась еще больше. Гонсалес бежал из столицы и объявил о собственном восстании против Каррансы. К «движению Агуа-Приеты» он присоединяться не собирался и объявил себя главнокомандующим либерально-революционной армией, состоявшей фактически из правительственных войск, ранее находившихся под его командованием. 5 мая 1920 года силы Гонсалеса оккупировали ключевой город Пуэбла, расположенный между Мехико и Веракрусом. Теперь Карранса не мог уже бежать из столицы в Веракрус для того, чтобы, опираясь на этот порт, организовать сопротивление, как он сделал в 1915 году, покинув Мехико под натиском отрядов Вильи и Сапаты. В этот же день Карранса отменил президентские выборы и призвал народ поддержать его для отпора военному мятежу.

7мая 1920 года в 10 часов утра чиновники из правительства Каррансы и их семьи под охраной войск Мургуи, включая артиллерию, на нескольких поездах покинули Мехико. Составы растянулись на 15 миль. Карранса все же решил пробиваться в Веракрус, под защиту своего зятя генерала Агилара. Одной из причин этого шага было то, что 8 апреля Каррансу пытался убить адъютант Обрегона. В тот же день, 7 мая глава американской дипмиссии в Мехико Саммерли получил из Вашингтона телеграмму, в которой сообщалось, что корабли ВМС США уже направлены в мексиканские атлантические порты Тампико, Веракрус и Тукспан.

Между тем части правительственных войск, перешедшие на сторону Обрегона, вместе с сапатистами 2 мая заняли столицу Морелоса Куэрнаваку. Это был триумф дипломатического искусства Маганьи. Потерпев военное поражение всего год назад, Освободительная армия Юга опять контролировала свой родной штат. Каждый день приносил новости о переходе на сторону «плана Агуа-Приеты» новых правительственных частей в ключевых городах. Даже Вилья, поняв, что затяжной войны между Обрегеном и Каррансой не будет, заявил о поддержке Обрегона.

Однако части Гонсалеса оказались ближе к Мехико и заняли столицу в тот же день, когда ее покинул Карранса (из своего уходящего поезда он мог наблюдать пыль, поднятую входившими в Мехико кавалеристами). На следующий день временный президент Мексики Адольфо де ла Уэрта объявил в Соноре о формировании нового правительства страны, военным министром которого стал Кальес. Гонсалес создал свое правительство в Мехико, сам став в нем военным министром. Таким образом, 8 мая в Мексике функционировали, пусть и на бумаге, целых три кабинета министров.

9мая 1920 года Обрегон во главе 8 тысяч вооруженных бойцов, среди которых было много сапатистов, вошел в Мехико.¹³⁸Гонсалес не стал оказывать вооруженного сопротивления и попросил Конгресс урегулировать политический кризис в стране. 11 мая Обрегон фактически одержал ключевую победу - части Дьегеса взбунтовались и арестовали собственного командующего. Пелаес вместе со сторонниками Обрегона взял

Тампико. 17 мая в мексиканский тихоокеанский порт Мансанильо (находившийся, по сообщению тамошнего американского консула, в руках «бандитов») прибыл эсминец ВМС США «Торнтон», который затем зашел и в Гуайямас, чтобы «продемонстрировать флаг». Мексика балансировала на грани полномасштабной военной интервенции со стороны США.

На этом фоне Гонсалес был вынужден несколько урезать собственные амбиции. 12 мая Обрегон и Гонсалес встретились для решающего разговора в здании Военного министерства. Гонсалес признал за де ла Уэртой право созыва внеочередной сессии Конгресса, на которой должен был быть избран временный президент страны. До избрания Гонсалес получал право не распускать свою армию. Наконец, ближайший сторонник Гонсалеса генерал Тревиньо был назначен командующим объединенными силами двух генералов, которым поручалось захватить Каррансу. В соответствии с этим компромиссом де ла Уэрта назначил заседание Конгресса на 24 мая. 15 мая Гонсалес, пребывая в непонятной эйфории, заявил о прекращении борьбы за пост президента и о выдвижении своей кандидатуры на пост временного президента (как мы знаем, по закону временный президент не имел права баллотироваться на пост «постоянного»). Вероятно, Гонсалес понял, что на свободных выборах Обрегону ему не одолеть, а на посту временного президента он рассчитывал по примеру Каррансы «срежиссировать» выборы с помощью административного ресурса.

Карранса ничего не подозревал о начавшемся дележе его наследства. Его эшелон медленно продвигался к Веракрасу. Тамашний гарнизон уже тоже взбунтовался, но Карранса не знал и об этом. Поддерживавшие Обрегону железнодорожники умышленно задерживали движение состава. Войсковой эскорт Мургуи еще был в состоянии отбивать атаки феликсистов, но с каждым днем этот эскорт таял - солдаты и офицеры дезертировали, не желая бороться за уже проигранное дело. Панику среди частей Каррансы вызвал и начиненный динамитом локомотив, который на полной скорости врезался в главный поезд эскорта.

14 мая Карранса с группой сторонников покинул поезд и решил добираться к Веракрасу через горы на лошадях. Оттуда он хотел пробраться на север Мексики в город Сан-Луис-Потоси. Недалеко от деревни Ла-Унион к группе Каррансы присоединился отряд генерала Родольфо Эрреры, который вызвался сопровождать президента.

21 мая 1920 года президента Мексики убил во время сна в хижине небольшой деревни Тласкалантонго в горах Сьерра-Норте офицер Эрминьо [Картинка: image21.jpg] Убитый Карранса, 1920 год

Маркес, который вызвался быть проводником группы.¹³⁹ Перед этим из деревни уехал Эррера - якобы затем, чтобы проведать раненого брата. В три часа ночи в хижину, где спал Карранса, вошли офицеры и доложили об обстановке. Президент выслушал их и отпустил. Скорее всего, люди Эрреры просто хотели убедиться, что Карранса на месте. Через полчаса после их ухода хижину начали обстреливать со всех сторон. Карранса пытался схватить карабин, но не успел. Убийцы кричали: «Вива Обрегон!»

Последними словами Каррансы были: «Адвокат, они уже сломали мне одну ногу».¹⁴⁰ В его труп нашли несколько пуль. Глава администрации Каррансы генерал Барраган и Бонильяс отправили телеграмму Гонсалесу и Обрегону, в которой сообщали, что президент был предательски убит Эррерой и его солдатами. Обрегон отреагировал более чем странно. В ответной телеграмме он выразил удивление, что свита Каррансы не смогла его защитить: «Вы должны были разделить его судьбу». Мол, он, Обрегон,

был готов гарантировать Каррансе жизнь, и тот абсолютно зря отправился в горы, где и нашел смерть от рук своих же соратников.

24 мая 1920 года тело Каррансы на поезде привезли в Мехико, где его проводили в последний путь представители 7 иностранных дипломатических миссий, в том числе США. Представителей нового правительства Мексики на церемонии не было. Похоронам придали частный характер.

До сих пор точно не известно, стоял ли за этим убийством Обрегон.¹⁴¹ Формально ответственным за убийство президента Мексики был генерал Родольфо Эррера. Ранее он воевал в рядах пеласистов, а до этого в федеральной армии Уэрты, но в марте 1920 года капитулировал перед правительственными войсками, за что ему сохранили свободу и звание генерала. Публично Обрегон заявлял о гарантиях личной безопасности Каррансы и даже распорядился задержать и осудить убийц президента. Правда, весьма странно, что Обрегон поручил расследование убийства Каррансы главным редакторам четырех столичных газет. Официально это, конечно, объяснялось стремлением обеспечить максимальную прозрачность расследования обстоятельств смерти Каррансы.

26мая Эррера «сдался» генералу Ласаро Карденасу¹⁴² (президенту Мексики в 1934-1940 годах), и его отправили в Мехико, где допросили, но даже не стали подвергать аресту. Позднее его лишили звания генерала, уволили из армии, и он отсидел в тюрьме... одну неделю. Позднее, во время президентства Обрегона, Эррере опять вернули звание генерала. Интересно, что, став президентом, Карденас вновь лишил Эрреру генеральского чина.

Более чем вероятно, что Каррансу убили все-таки не без ведома Обрегона. Пабло Гонсалес сообщил американскому корреспонденту, что за три дня до убийства Каррансы получил от генерала Мариэля, которому формально подчинялся Эррера с тех пор, как сдался ему же в марте 1920 года, телеграмму с сообщением о его присоединении к Обрегону. В то же время Мариэль выделил Эрреру Каррансе якобы для сопровождения. Лично представив Эрреру президенту, он тут же уехал.

Характерно, что Эррера, убив Каррансу, не тронул его спутников¹⁴³ и не забрал у них ни денег, ни драгоценностей, которых у бывших министров хватало.

«Дон Венус» был все-таки легитимным президентом, а Обрегон, как ни крути, - мятежником. Останься Карранса в живых, формально судить его было бы не за что. Не исключено, что, прибыв в Мехико, он мог бы договориться с Гонсалесом, и неизвестно, как повел бы себя в этих условиях Конгресс. Наконец, американцы вряд ли признали бы смену власти в Мексике при живом и законном, с их точки зрения, главе государства.

Смерть Каррансы сняла все эти вопросы. В Мексике наступала новая эра - эра господства выходцев из Соноры в политической жизни страны.

Глава 2

Начало

революционной модернизации. 1920-1924 годы

мая 1920 года мексиканский Конгресс 224 голосами избрал временным президентом страны Фелипе Адольфо де ла Уэрту Маркора, для друзей - Фито. Генерал Пабло Гонсалес получил только 28 голосов.¹⁴⁴ Временный президент страны прибыл в столицу 30 июня. [Картинка: image22.png] [Картинка: image23.jpg] Адольфо де ла Уэрта

Адольфо де ла Уэрта был уже 47-м главой государства за столетнюю историю независимой Мексики.¹⁴⁵ Такая статистика красноречиво свидетельствует о том, что страна так и не смогла за это время обрести стабильную и предсказуемую политическую систему. Именно ее создание и являлось целью «сонорского триумvirата». Обрегон говорил, что во время революции было разрушено полстраны и теперь Мексика должна продемонстрировать всему миру свои созидательные способности.

Дед де ла Уэрты, выходец из испанской Гранады, прибыв в Мексику, поселился в Соноре и сумел наладить хорошие отношения с воинственными индейцами яки. Сам будущий временный президент Мексики родился 26 мая 1881 года в тихоокеанском портовом городе Гуайямас. В 1896 году, после окончания школы, его отправили в Мехико, где он изучал бухгалтерию и пение в подготовительной гимназии перед поступлением в университет. Но о высшем образовании пришлось забыть. В 1900 году умер отец, и де ла Уэрта узнал, что семейный магазин, на котором зиждилось благополучие семьи, обанкротился. Молодому человеку срочно пришлось искать работу, и он подвизался сначала в качестве банковского клерка, а потом управляющего асиенды. Пение помогало ему в карьере не меньше, чем бухгалтерия. Де ла Уэрта был желанным гостем на многих местных праздниках, где и установил свои первые политические контакты. Молодые люди его круга, то есть низшей части среднего класса, не хотели переизбрания диктатора Диаса на новый срок, так как при диктатуре им был практически закрыт путь в политику.

В 1906 году де ла Уэрта вступил в Либеральную партию братьев Флорес Магон и финансово содействовал изданию партийной газеты «Рехенерасьон», которая пропагандировала революцию в Мексике и свержение Диаса. Де ла Уэрта активно участвовал в работе местного политического клуба против переизбрания Диаса, а после свержения диктатора стал депутатом местного уровня. В Соноре его высоко ценили как посредника в урегулировании постоянно возникавших конфликтов с индейцами яки. Последние доверяли молодому политику, хорошо знавшему их обычаи. Принял де ла Уэрта участие и в событиях февраля 1913 года, пытаясь помешать свержению Мадеро. После узурпации власти генералом Уэртой он как депутат от Гуайямаса в сонорском конгрессе осуществлял связь между Сонорой и Каррансой. Карранса настолько доверял де ла Уэрте, что в сентябре 1913 года назначил его временным министром внутренних дел.

В мае 1916 года после разгрома Вильи де ла Уэрта стал временным губернатором Соноры и занимал этот пост до вступления в силу новой Конституции, после чего в штате прошли губернаторские выборы, на которых победил генерал Кальес. Кальес считал «штатского» де ла Уэрту своим человеком, а Обрегон как «главный сонорец» считал своим человеком Кальеса. Де ла Уэрта представлялся обоим генералам выгодной временной кандидатурой для самых разных постов, так как собственной опоры у него в армии не было.

Однако бывший банковский клерк имел политические амбиции, которые отчетливо проявились во время его непродолжительного губернаторства в Соноре в 1916-1917 и 1919-1920 годах (в 1919 году он был избран губернатором Соноры при поддержке Обрегона и Кальеса). Де ла Уэрта приступил к проведению в штате земельной реформы,¹⁴⁶ активно строил сельские школы и, как правило, принимал сторону рабочих в их конфликтах с предпринимателями. Например, 27 августа 1916 года губернатор Соноры издал декрет о брошенных землях, согласно которому оставленные контрреволюционерами-эмигрантами земли передавались для обработки (правда, временно) бывшим крестьянам-арендаторам и сельскохозяйственным кооперативам.¹⁴⁷ Несмотря на стойкую расистскую неприязнь к индейцам в обществе, де ла Уэрта от имени штата купил у землевладельцев восьми деревень участки и передал их яки. Губернатор подчеркивал, что возместил бывшим хозяевам стоимость их земли «до последнего сентаво».

Он и Кальес добились принятия в штате самого прогрессивного рабочего законодательства не только в Мексике, но и во всем мире до Октябрьской революции в России. Какуже упоминалось, Обрегон считал все эти реформы утопизмом, но до поры до времени был вынужден считаться с Кальесом и де ла Уэртой как основными союзниками в борьбе за власть против Каррансы.

Как только де ла Уэрта стал временным президентом, еще до утверждения своей кандидатуры Конгрессом он назначил новые выборы в парламент на 1 августа, а президентские выборы - на 5 сентября. Срок его собственных полномочий как временного президента страны истек 30 ноября 1920 года. 2 июня 1920 года в Мехико прошел военный парад всех сил, участвовавших в свержении Каррансы. На трибуне для почетных гостей почти рядом стояли «усмиритель» Морелоса генерал Гонсалес и главный сапатист-ский генерал де ла О. Внешне де ла О издали чем-то напоминал Сапату, который, если бы не его предательское убийство 10 апреля 1919 года, организованное Гонсалесом, по праву бы занял в тот день место на трибуне.

Обрегон опять формально сложил с себя все военные регалии и возобновил свою прерванную президентскую кампанию. На сей раз она не отличалась драматизмом. Всем и так понимали, кто станет следующим президентом страны. Задачей де ла Уэрты, с которой он блестяще справился, было достижение национального примирения в стране.

Прежде всего временный президент заявил, что с максимальной открытостью и на началах справедливости расследует дело об убийстве своего предшественника Каррансы.¹⁴⁸ Генерал Родольфо Эррера продолжал твердить о самоубийстве «дона Венуса», но независимое расследование и показания спутников Каррансы четко говорили о злонамеренном убийстве. Новый президент обещал: «Весь мир увидит, что мое правительство действует с максимальной честностью и непредвзятостью». Дело Эрреры было поручено Бендхаму Хиллу (второму после Обрегона по влиянию человеку в Мексике в тот период), но тот фактически его прекратил.

Каррансистские генералы Мургуя и Дьегес, а также правительственный кандидат на президентский пост Бонильяс были сначала заключены в тюрьму, но потом высланы из страны. Именно де ла Уэрта настоял на том, чтобы Бонильяс и Дьегес остались на свободе.

Гонсалес сам ушел в отставку и 5 июня 1920 года уехал в свой родной Монтеррей.¹⁴⁹ Де ла Уэрта активно раздавал генеральские должности самым разным бывшим оппозиционерам, зачисляя их войска в федеральную армию. Высшую в армии должность дивизионного генерала получил 21 человек, а вооруженные силы увеличились на 13 тысяч. Тех губернаторов штатов, которые поддержали «революцию Агуа-Приеты», де ла Уэрта оставил на своих местах.

Многие исследователи считают приход к власти «сонорского триумvirата» Обрегон - Кальес - де ла Уэрта классическим военным переворотом. Однако, как представляется, дело было не совсем так. Точнее, совсем не так. Обрегон лишь боролся за свою жизнь и свободные президентские выборы, и первоначально армия была вовсе не на его стороне. Не армия, а широкие народные массы фактически сохранили жизнь кандидату. Когда бежавший из столицы Обрегон начал свой марш на Мехико, в его колоннах было больше сапатистов и сторонников Феликса Диаса, чем перешедших на его сторону правительственных солдат. (Сам Диас мятеж

Обрегона формально не поддержал, но многие его командиры всегда проводили свою собственную политику.) Наконец, и мятеж Соноры был мятежом штата против федеральной армии. Другое дело, что большинство генералов и офицеров армии, в конце концов, не стали сопротивляться и перешли на сторону восставших. Но это произошло потому, что Обрегона поддержала подавляющая часть населения Мексики. Армии пришлось склониться перед волей народа. К тому же высший командный состав этой армии состоял из вчерашних гражданских лиц, революционеров, которым была еще чужда военная кастовость.

Едва став временным президентом, де ла Уэрта приступил к умиротворению страны и быстро добился того, чего за три года не смог, да и не захотел сделать Карранса. Прирожденный мастер компромисса, де ла Уэрта, тем не менее, имел собственные твердые идеологические убеждения. Он считал себя «социалистом каутскианского типа». Каутский, как известно, разошелся с Лениным в споре о необходимости диктатуры пролетариата. Германский социал-демократ, которому Ленин посвятил работу «Пролетарская революция и ренегат Каутский», считал, что пролетариат сможет взять власть мирным путем, если завоюет командные высоты в экономике. Для этого стоит, опираясь на парламентское большинство рабочей партии, принять специальные законы об участии рабочих в управлении частными предприятиями. Постепенно это соучастие должно превратиться во владение, а бывшие капиталисты и хозяева - в наемных менеджеров. Концепция «экономической демократии» Каутского была довольно популярной в мире в 20-е годы, хотя попытка внедрить ее на родине автора, в Германии, ни к чему не привела.

Фигура де ла Уэрты настолько устраивала все основные военно-политические группировки Мексики, что даже в Вашингтоне уже 19 июня 1920 года было принято решение об отзыве из территориальных вод южного соседа всех боевых кораблей США, за исключением крейсера «Де Мойн».150Можно сказать, что де ла Уэрта не дал американцам повода для широкомасштабного вторжения под предлогом защиты жизни и собственности граждан США в Мексике.

Наиболее быстро де ла Уэрта интегрировал в политическую жизнь страны сапатистов. Лагерь Обрегона, как уже упоминалось, давно находился в контакте с преемником Сапаты Маганьей. К тому же сапатисты сыграли решающую роль в стремительном захвате Мехико Обрегоном. Наконец, ни Кальес, [Картинка: image24.jpg] Лидер аграристов Сото-и-Гама

ни де ла Уэрта в принципе не возражали против аграрных взглядов сапатистов. Тем более что эти взгляды (наделение земель крестьянских общин) были зафиксированы в новой Конституции страны.

Въехав в Военное министерство 30 мая 1920 года, уже через два дня Кальес преобразовал Освободительную армию Юга в «Южную дивизию» федеральной армии.151Де ла О и Маганья стали дивизионными генералами. Сапатисты учредили 13 июня 1920 года Национальную аграристскую партию, которая при поддержке правительства образовала свои отделения во многих штатах. Возглавил партию вернувшийся из эмиграции идейный лидер сапатизма Сото-и-Гама. На выборах в Конгресс в августе аграристы завоевали только семь депутатских кресел, однако при содействии де ла Уэрты и Обрегона они получили места во влиятельных парламентских комитетах.

Сапатисты фактически стали определять и аграрную политику на национальном уровне, так как министром сельского хозяйства (сначала временным, а потом постоянным) стал их представитель в США Вильярель, тоже вернувшийся на родину после свержения Каррансы. Вильярель, в свою очередь, назначил руководителем Департамента по аграрной реформе родственника Сото-и-Гамы Валентина Гаму. А тот назначил своим представителем в Морелосе вернувшегося из Гаваны Амескую (того самого, которому Сапата адресовал свое знаменитое письмо о русской революции).

Вильярель быстро претворял в жизнь аграрную программу сапатистов не только в Морелосе, но и в Мексике в целом. Уже 23 июня 1920 года был принят закон о необрабатываемых землях, который облегчал их распределение среди нуждающихся крестьян (ранее, как упоминалось, Карранса наложил на подобный закон вето). 28 декабря был одобрен ключевой закон о статусе крестьянских общин - «эхидос».

В Морелосе де ла О стал командующим войсками штата, а Хосе Паррес, возглавлявший медицинскую службу сапатистов, - губернатором. Сапатистами были как руководители местного самоуправления, так и все три депутата от Морелоса в национальном Конгрессе. 18 августа 1920 года губернатор Паррес своим вторым декретом назначил всем родственникам жертв революции государственные пенсии. А уже 4 сентября он приступил к окончательному закреплению аграрной реформы в штате. В пятом по счету декрете губернатора,

специально посвященном этой проблеме, содержалась прямая ссылка на заветы Эмилиано Сапаты и «план Айялы», с принятия которого почти десять лет назад и началась революция в Морелосе. Согласно новому декрету любая группа крестьян штата (деревня, рабочие ранчо и даже оставшиеся без крова жители разных деревень) могла обратиться к губернатору с просьбой о выделении ее общине земли или увеличении уже существующего земельного фонда. Паррес обещал решать все вопросы в течение 24 часов, и уже в конце сентября первые деревни получили право пользования своими общинными землями. Формально президент и национальный Конгресс могли вмешаться в распределение земель (вся земля все-таки принадлежала нации), однако на практике этого не происходило.

В целом следует подчеркнуть, что если за пять лет правления Каррансы среди крестьян было распределено 167 963 га земли, то менее чем за год правления де ла Уэрты 128 крестьянских общин получили 165 974 га. 152 Одновременно де ла Уэрта вернул прежним владельцам 44 тысячи га, в том числе 25 тысяч в Соноре. Новый президент поощрял учреждение сельскохозяйственных колоний на распределяемых землях, в которых наделы могли получить бывшие бойцы всевозможных группировок. Ведь предстояло сократить армию с 200 тысяч до 50 тысяч человек, а бывший солдат без источника дохода становился потенциальным мятежником. Сельскохозяйственные колонии носили полувоенный характер: с ведома военного министра Кальеса колонистам оставили оружие, и они должны были при первом сигнале правительства выступить на его защиту. Таким образом, создавался противовес регулярной армии, своего рода иррегулярные революционные части, которым было за что любить революцию.

Можно констатировать, что Освободительная армия Юга одержала в 1920 году полную победу, уже в который раз восстав из пепла, словно птица Феникс. Теперь аграрная политика сапатистов претворялась в жизнь по всей стране.

С Вильей ситуация была не столь однозначной. И Обрегон, и Кальес ненавидели его, считая обычным бандитом. Поэтому первоначально новый режим в Мексике даже решил активизировать борьбу против неуловимого партизанского вожака. Награду за голову Вильи повысили до 100 тысяч песо, а командующим войсками в Чиуауа остался один из самых толковых генералов правительственной армии Амаро.¹⁵³ Вероятно, большую, если не ключевую роль в такой линии играли опасения Обрегона, что примирение с Вильей может дать США повод не признавать смену власти в Мехико.

Сам Вилья был не прочь по примеру сапатистов сложить оружие, тем более что никаких социально-экономических реформ для своего штата он не требовал. Сначала Вилья обратился к военному министру Кальесу, предложив встретиться для обсуждения условий прекращения войны. Кальес от встречи отказался, сославшись на плохое здоровье, но через своего представителя предложил Вилье с небольшой группой сторонников уехать в Сонору и поселиться на одной из асиенд.¹⁵⁴

Из родного штата Вилья уезжать не хотел и обратился с предложением начать переговоры к руководителю групп «социальной обороны» Чиуауа Игнасио Энрикесу. Тот был ярким врагом Вильи и, для вида согласившись на встречу, решил использовать ее для расправы с ним. Но Вилья повторять ошибку Сапаты не собирался. Он соорудил ложный лагерь, где разложил бивуачные костры. Попытавшиеся его атаковать бойцы «социальной обороны» сами были уничтожены тайно окружившими пустой лагерь вильи-стами. 2 июня в качестве ответной меры вильисты атаковали Парраль.¹⁵⁵

Попытка спровадить Вилью в эмиграцию также не удалась - он отверг предложенный ему местными золотопромышленниками миллион песо, в обмен на который должен был навсегда покинуть Мексику.¹⁵⁶

Де ла Уэрта был горячим сторонником примирения с Вильей. В отличие от Обрегона и Кальеса, у него не было с ним никаких личных счетов. Однако с оглядкой на будущего президента де ла Уэрта избрал посредником на переговорах с Вилье журналиста и инженера Элиаса Торреса - то есть лицо неофициальное, которое в крайнем случае можно было легко дезавуировать.¹⁵⁷ Торрес нашел Вилью через мясника Табоаду, ранее служившего в Северной дивизии Вильи. Вскоре Табоада привез Торресу клочок газеты, на котором корявым почерком было написано «Панчо Вилья». Этот обрывок газеты представлял собой пропуск на встречу с Вильей.

2 июля 1920 года Торрес встретился с Вильей на одной из асиенд в Чиу-ауа.¹⁵⁸ После этой встречи Вилья написал де ла Уэрте письмо, в котором подробно излагал условия своей капитуляции. Правительство должно было передать ему асиенду, но не для личных нужд, а для того, чтобы на ней могли прокормиться наиболее

близкие его соратники. Вилья, который всегда был человеком очень практичным, даже предлагал в качестве варианта одну из асиенд, владельцы которых давно не платили налогов государству. Таким образом, писал он, правительство сможет приобрести асиенду дешево - в счет налоговых недоимок. Для себя Вилья просил поста командующего «рура-лес» (то есть сельской полицией) штата Чиуауа или, по крайней мере, южной его части. Остаться под началом Вильи и получать от государства жалование должны были 500 бойцов. Вилья обязался быстро покончить в штате с бандитизмом и преступностью. Наконец, он поклялся сохранять полную лояльность властям штата и национальному правительству и «простить всех своих врагов».

Понимая, кто в стране на самом деле хозяин, Вилья требовал, чтобы условия подписал не только де ла Уэрта, но и Кальес, Бенджамен Хилл и сам Обрегон.

Де ла Уэрта был готов предоставить земли солдатам Вильи, однако ограничил их число 250. Этим ветеранам правительство обязывалось платить жалование как военнослужащим в течение года после капитуляции. Ветераны и Вилья должны были поселиться на асиенде «Канутильо», которой когда-то управлял соратник Вильи Урбина. Таким образом, Вилья находился бы под защитой наиболее близких ему людей, которым к тому же разрешалось ношение оружия (количество вооруженных вильистов не могло превышать 50 человек). Однако самое главное условие - назначение Вильи шефом «ру-ралес» - де ла Уэрта решительно отверг. Он требовал, чтобы Вилья полностью ушел из политики.

Кальес и Хилл быстро согласились подписать условия, на которых Вилья прекратил бы борьбу. Однако ключевой политик страны Обрегон ничего не хотел слышать о компромиссе с «бандитом». Вдобавок Торрес опубликовал условия, причем именно в варианте Вильи, в газетах, и у Обрегона сложилось впечатление, что де ла Уэрта согласен назначить бывшего партизанского командира шефом «руралес» Чиуауа.

Под давлением Обрегона де ла Уэрта прервал переговоры, а Амаро получил указание активизировать борьбу против Вильи. 17 июля 1920 года Обрегон послал де ла Уэрте письмо, в котором говорилось, что армия не примет никакого соглашения с бандитом Вильей, отрезавшим уши у захваченных им в плен военнослужащих.¹⁵⁹ По сути, Обрегон грозил временному президенту новым мятежом. Через день де ла Уэрта получил очередное письмо Обрегона, в котором отправитель грозил уже жесткой реакцией Соединенных Штатов. Что будет делать де ла Уэрта, если после амнистии Вильи США потребуют его выдачи хотя бы за нападение на Колумбус в 1916 году? Обрегон указывал на интервью, данное генералом Амаро американским журналистам. В нем Амаро заверял, что ни при каких условиях не согласится на мир с Вильей. Обрегон намекал, что это мнение разделяют все генералы армии.

Де ла Уэрте не оставалось ничего иного, как подчиниться консолидированному мнению всей военной верхушки страны. Торрес предупредил Вилью, что дальнейшие переговоры могут окончиться для него тем же, чем для Сапаты в апреле 1919 года. Вилье пришлось опять перейти на нелегальное положение. Он понимал, что новое руководство Мексики не имеет единой позиции, и решил немного подтолкнуть события в выгодном для себя направлении.

Как бывало не раз и раньше, Вилья совершил то, чего от него никто не ожидал. Он решил напасть на штат Коауила, мало затронутый войной. Для этого вильистам пришлось сделать почти невозможное - пройти несколько сотен километров по безводной пустыне, отделявшей Коауилу от Чиуауа. Переход выдержали не все - некоторые бойцы сошли с ума от жажды. Пало много лошадей. Зато в Коауиле было все, чего уже давно не видели в измученном войной Чиуауа, - вдоволь еды и лошадей на местных асиендах.

Вильисты быстро заняли небольшой городок Сабинас (важный центр транспортных коммуникаций, ведущих в США). Вилья захватил три товарных эшелона и взорвал рельсы на 50 километров к югу и северу от Сабинаса, чтобы исключить внезапное нападение правительственных войск.¹⁶⁰ Американский консул из Пьедрас-Неграс сообщал, что у Вильи примерно 700 бойцов и в Сабинасе он, как обычно, обложил местных бизнесменов «налогом» в 30 тысяч песо. С американских ранчо в окрестностях Сабинаса вильисты увели 80 лошадей.¹⁶¹ Затем партизанский командир телеграфировал де ла Уэрте о готовности возобновить переговоры. В Мехико известие о появлении Вильи в Коауиле произвело эффект разорвавшейся бомбы. Правительство просто не могло позволить себе ввергнуть в войну цветущий штат на границе с США. Как отмечал британский вице-консул в Торреоне, Вилья давал понять Обрегону и всему миру, что он вовсе не разбит и имеет все возможности для продолжения партизанской войны.

Опираясь на поддержку Кальеса, де ла Уэрта опять возобновил переговоры. Его новые условия были более

благоприятными для Вильи - президент соглашался предоставить землю не 250, а 800 вильистам. Эти условия были подписаны Кальесом и Хиллом и отправлены Вилье. Обрегон опять послал телеграммы де ла Уэрте и Хиллу, требуя прекратить все контакты с Вильей и снова напирая на возможную негативную реакцию США. Однако Вилья, получив подписанное тремя лидерами страны письмо, сразу поставил под ним собственную подпись. Обрегон же оказался в непрестом положении. Получалось, что теперь только он стоит на пути окончательного национального примирения в стране. Скрепя сердце Обрегон дал свое согласие, но подписывать ничего не стал.

29 июля 1920 года Вилья написал Обрегону письмо, в котором говорилось, что отныне он не считает Обрегона врагом, а, напротив, предлагает ему дружбу. Смысл письма, однако, был в ином - Вилья все же хотел получить от Обрегона некие письменные заверения, что после избрания президентом он будет соблюдать условия, подписанные де ла Уэртой, Кальесом и Хиллом. Через два месяца Обрегон ответил, что гарантирует Вилье полное соблюдение всех договоренностей.¹⁶²

Вопреки предсказанию Обрегона, США выразили удовлетворение достижением соглашения между Вильей и властями. Американскому бизнесу на севере Мексики отныне уже ненадо было платить «налоги» вильистам и кормить правительственные войска, которые часто тоже не платили за оказанные им услуги. Теперь американские граждане в Мексике могли чувствовать себя в безопасности.

Только военный министр Великобритании Уинстон Черчилль потребовал у британского представителя в Мехико Камминса поставить вопрос о привлечении Вильи к ответственности за убийство англичанина Уильяма Бентона. Камминс, с одной стороны, пытался оправдать Вилью перед Лондоном. Он писал, что произошло трагическое недоразумение: во время беседы с Вильей, протекавшей на повышенных тонах, Бентон полез в карман за платком, а присутствовавший на встрече генерал Фьерро убил его, думая, что тот хочет вытащить пистолет. С другой стороны, Камминс предложил де ла Уэрте, чтобы Вилья официально извинился перед Великобританией за инцидент. Де ла Уэрта понимал всю невозможность этой просьбы и почти умолял Камминса, чтобы англичане забыли всю эту историю. Иначе с таким трудом достигнутое национальное примирение в Мексике опять окажется под угрозой. Единственное, чего удалось добиться Камминсу, - обещание правительства Мексики выплатить компенсацию вдове Бентона.

Марш вильистов к месту своего разоружения походил на триумфальный парад. Во многих деревнях жители приветствовали отряд Вильи. Своему давнему знакомому, британскому вице-консулу в Торреоне О'Хи Вилья объяснил свою капитуляцию патриотическими чувствами - он-де не желал продолжением борьбы давать американцам повод для вмешательства во внутренние дела Мексики.

Во всяком случае, следует признать исключительную заслугу де ла Уэрты в достижении примирения с главным врагом мексиканского правительства. Вряд ли Обрегон смог бы перешагнуть через свою давнюю вражду с Вильей без настойчивого стремления к миру временного президента страны.

Добившись внутреннего мира, де ла Уэрта чуть было не решил и основной внешнеполитический вопрос Мексики - признание со стороны могучего северного соседа. Сразу же после свержения Каррансы сенатский комитет Фолла рекомендовал Вильсону не признавать новое правительство без предварительного заключения двустороннего договора о применении статьи 27 мексиканской Конституции по отношению к американским нефтяным компаниям.¹⁶³ Правительство США действительно заявило, что режим де ла Уэрты незаконен, так как пришел к власти неконституционным путем.

Для того чтобы побудить де ла Уэрту к подписанию такого договора, Фолл рекомендовал президенту предложить Мексике крупный кредит для рефинансирования внешнего долга. После Первой мировой войны США превратились в крупнейшего мирового кредитора и могли выделить часть заработанных на войне ресурсов Мексике. Естественно, предпосылкой выделения кредита было признание Мексикой своего внешнего долга (в том числе и заимствований узурпатора Уэрты) в полном объеме, включая накопившиеся за время неплатежа проценты.

В случае несогласия Мексики с подписанием договора Фолл предлагал направить в соседнюю страну части американской армии, которые должны были прервать все связи Мехико с морскими и сухопутными границами и тем самым лишить мексиканское правительство основного источника доходов - экспортных поступлений.

Де ла Уэрта решил поиграть на противоречиях между американскими банками и американскими нефтяными компаниями. Банки желали скорейшего урегулирования долгового вопроса, что сулило возобновление

платежей правительством Мексики, которому внешнеэкономическая конъюнктура позволяла обслуживать свой внешний долг без особого напряжения. Но основой этой благоприятной конъюнктуры были высокие цены на мексиканскую нефть. А американские нефтепромышленники фактически саботировали добычу, мотивируя это неясностью с вопросом о применении к ним положений Конституции 1917 года.

Маневрирование де ла Уэрты осложнялось тем, что в Америке всюду шла предвыборная кампания - США готовились выбрать очередного президента осенью 1920 года. 12 июня 1920 года съезд республиканцев выдвинул кандидатом от своей партии Уоррена Гардинга, причем «мексиканскую часть» его предвыборной программы составлял именно сенатор-республиканец Фолл. Гардинг обещал не признавать правительство Мексики до тех пор, пока оно не предоставит «достаточных гарантий» жизни и собственности американских граждан в стране. Республиканцы были и против членства США в Лиге наций.²¹

Как это часто бывает в выборный американский сезон, кандидат демократов Кокс соперничал с Гардингом в жесткости своих программных установок. Его программа требовала от южного соседа США «доказательств» уважения жизни и собственности американцев в Мексике.

Де ла Уэрта направил в Вашингтон в качестве специального посла одного из видных генералов, бывшего губернатора Юкатана, выросшего в Соноре уроженца штата Синалоа Сальвадора Альварадо, тоже считавшего себя социалистом. В 1919 году Альварадо перебрался из Юкатана в Мехико, где издавал газету. Он не скрывал своих президентских амбиций. Естественно, это не могло понравиться Каррансе, и Альварадо пришлось бежать в США. Там его и застало известие о восстании против «дона Венуса», которое Альварадо поддержал. Де ла Уэрта назначил генерала министром финансов.

В Нью-Йорке Альварадо вел интенсивные переговоры с Морганом о кредите для погашения внешнего долга Мексики. Он произвел отличное впечатление на деловую элиту США, выступив 26 августа в банкирском клубе. Ему активно помогали «правильными» публичными заявлениями на родине де ла Уэрта и Обрегон. В частности, де ла Уэрта называл Вильсона «самым великим человеком современности», а Обрегон заявлял, что надежда Мексики - «дружба с нашими соседями и иностранными капиталистами». Де ла Уэрта спешил - он понимал, что с преемником Вильсона будет неизмеримо сложнее договориться о дипломатическом признании нового режима.

Американские нефтяные компании, видимо, уже поверили в серьезность новой власти, и одна из них, «Мексикэн Петролеум», объявила об аренде 800 тысяч акров земли в районе Тампико для расширения нефтедобычи. В тоже время ни де ла Уэрта, ни Обрегон не желали подписывать с США договор, отменявший положения Конституции 1917 года. Предметом договора, по мнению правительства Мексики, должны были лишь стать вопросы внешнего долга и выплаты компенсации американцам, пострадавшим в ходе революции. В конце октября 1920 года удалось достичь компромисса. В об- [Картинка: image25.png] Основные нефтяные поля Мексики

мен на признание своего правительства Мексика должна была обменяться с США протоколами (но не заключить юридически обязательный договор), содержащими обязательство Мексики не применять Конституцию 1917 года задним числом, то есть по отношению к тем компаниям, которые добывали нефть до вступления закона в силу.

29 октября 1920 года государственный департамент объявил о предстоящем признании правительства де ла Уэрты.¹⁶⁴ Однако уже 2 ноября республиканец Гардинг нанес демократу Коксу сокрушительное поражение (кстати, демократы выдвигали кандидатом в вице-президенты Франклина Рузвельта). Внешнеполитический вопрос стал главным в предвыборной кампании, причем Гардинг был, как уже упоминалось, против членства Америки в Лиге наций, а Кокс - за него. Уставшие от Первой мировой войны американцы поддержали изоляциониста Гардинга, который был посредственностью даже по не очень высоким стандартам партийной политики США того времени. Он говорил, что основная проблема американского народа в том, что он отделился от Всевышнего. В 1962 году ведущие историки США составили рейтинг президентов за всю историю страны и признали Гардинга самым плохим главой государства наряду с генералом-президентом Грантом. Дочь выдающегося, если верить тому же рейтингу, президента США Теодора Рузвельта Эллис говорила: «Гардинг был неплохим человеком. Он был просто тупицей».¹⁶⁵ Кстати, на выборах 1920 года в «демократической» Америке впервые голосовали женщины, тоже настроенные резко антивоенно.

С победой Гардинга шансы на признание мексиканского правительства США улетучились, так как

министром внутренних дел в новой администрации стал сенатор от штата Нью-Мексико Альберт Фолл - главный лоббист американского нефтяного бизнеса на Капитолийском холме. Правда, связи с нефтяным лобби довольно быстро довели Фолла до тюрьмы. Фолл уговорил Гардинга передать федеральные нефтяные резервы (нефтеносные участки) из компетенции ВМС в ведение МВД. Подобное положение дел, кажущееся сегодня странным, объяснялось тем, что флот тогда был основным потребителем нефти. Как только это произошло, Фолл тайно разрешил компании «Маммут Ойл» бурить скважины в Вайоминге, получив за это взятку в 308 тысяч долларов - астрономическую сумму по тем временам. Практичный министр потребовал в качестве довеска еще и стадо крупного рогатого скота. На этом Фолл не остановился и получил еще 100 тысяч от двух других компаний, разрешив им добывать нефть в Калифорнии. В 1923 году эти сделки были преданы огласке, и Фоллу пришлось уйти в отставку. [Картинка: image26.jpg] Президент США Уоррен Гардинг

Сам он называл взятки «ссудами», но в 1929 году его осудили на год тюремного заключения, из которого он отсидел в своем родном Нью-Мексико 10 месяцев.²⁴

Но все это было еще впереди. А пока Фолл при недалеком Гардинге пользовался большим влиянием и требовал от Мексики фактического пересмотра Конституции.

Однако еще до инаугурации Гардинга некоторые американские банки сообщили своим клиентам, что вскоре начнется погашение облигаций мексиканского внешнего долга, агосударственный департамент США выразил надежду, что инаугурация победившего на выборах Обрегона пройдет достойно. Еще 25 ноября госдепартамент пригласил официальных представителей мексиканского правительства в Вашингтон, чтобы обсудить текст договора, которым должно было сопровождаться признание нового режима в Мексике де-юре. Само приглашение уже можно было расценивать как признание де-факто.

Ведя сложную дипломатическую игру в США, де ла Уэрта успевал быстро реагировать на крайне беспокойную внутреннюю ситуацию в Мексике. В начале июля 1920 года вспыхнул мятеж сторонников генерала Пабло Гонсалеса в штатах Коауила и Нуэво-Леон. Сподвижники генерала были сильно расстроены, что их обошли при распределении правительственных должностей. Лозунгом восстания стала борьба с коррупцией, в которой погрязло все окружение Обрегона. Здесь восставшие были, безусловно, правы, хотя и Гонсалес особой шепетильностью в деловых связях и способах зарабатывания денег не отличался. Мятежники явно хотели втянуть в войну

США. Один из лидеров восстания, генерал Рикардо Гонсалес, племянник Пабло, потребовал от американского консула в пограничном с Техасом городе Нуэво-Ларедо немедленно убраться домой вместе со всеми своими соотечественниками.¹⁶⁶ Консул, как, видимо, и предполагали мятежники, уехать отказался и пригрозил военным вмешательством США, если хотя бы одна мексиканская пуля залетит в Техас.

Однако правительственный гарнизон отбил атаку на Нуэво-Ларедо. Генерал Рикардо Гонсалес бежал в США. Никакой поддержки населения мятеж не получил и был быстро подавлен. Пользу из него извлек только Вилья, как раз в то время появившийся в Коауиле. Перспектива объединения материальных ресурсов Гонсалеса и военных дарований Вильи была для правительства крайне опасной и вынудила Обрегона пойти со своим личным врагом на мировую. Гонсалес настолько опасным не казался, и военный министр Кальес предал арестованного 15 июля генерала суду военного трибунала. Родственники Гонсалеса попросили США через американского консула в Монтеррее спасти жизнь генерала, так как опасались, что того расстреляют без всякого суда. Трибунал передал дело в гражданский суд, и Гонсалесу было позволено эмигрировать.

Опасения родственников были отнюдь не напрасны. Когда 18 июля правительственные войска захватили в плен другого лидера мятежа генерала Хесуса Гуахардо, командовавшего примерно двумя тысячами солдат в районе Торреона, его расстреляли уже на рассвете следующего дня.¹⁶⁷

В августе при содействии властей США удалось подавить в зародыше выступление вышеупомянутого племянника Гонсалеса, который намеревался вторгнуться в Мексику из США. 16 августа Рикардо Гонсалес был арестован в городе Пьедрас-Неграс.¹⁶⁸ После мятежа Гонсалеса были арестованы и изгнаны из армии генералы Дьегес и Мургуя.

Феликс Диас после свержения Каррансы обратился с предложением о сотрудничестве с правительством де ла Уэрты к командующему войсками в Веракрусе.¹⁶⁹ Предложение отвергли, но пообещали Диасу выплатить в качестве компенсации за экспроприированную у него в ходе революции собственность 1,25 миллиона долларов, если он уедет в эмиграцию. В свою очередь, Диас отказался, после чего был схвачен

правительственными войсками

и привезен в Веракрус для предания суду. Теперь незадачливый племянник диктатора был готов согласиться с предложением правительства. Феликсу Диасу выплатили 50 тысяч песо, и 12 октября 1920 года, как и его дядя девять лет назад, он отправился в эмиграцию из Веракруса.

В Техасе обосновался еще один генерал и сторонник Каррансы - Луисо Бланко, который начал готовить восстание против нового мексиканского режима. Однако с самого начала в группе Бланко были агенты правительства, что впоследствии стоило генералу жизни¹⁷⁰.

Весьма опасным для нового режима было и выступление губернатора штата Нижняя Калифорния Эстебана Канту в июле 1920 года. Этот штат не имел никакого сухопутного транспортного сообщения с Мехико, и войска могли прибыть туда только морем. Американцы давно приглядывались к штату и постоянно предлагали его купить или устроить там базу Тихоокеанского флота США. Родившийся в 1880 году Эстебан Канту к моменту начала мексиканской революции в 1910-м был майором федеральной армии. Затем его повысили до подполковника, и в этом качестве он подавил революционное выступление в Нижней Калифорнии братьев Флорес Магон, которые хотели провозгласить там квазисоциалистическую республику. Во время борьбы конституционалистов против Уэрты в 1913-1914 годах Канту, ставший к тому времени полновластным лидером штата и женившийся на дочке местного магната-скотовода, фактически соблюдал нейтралитет.

Канту поощрял американских бизнесменов, которые активно занимались в штате хлопководством. Для обеспечения американских плантаторов дешевой рабочей силой Канту всячески содействовал иммиграции в штат китайцев, в отличие от мексиканцев, не интересовавшихся политикой.¹⁷¹ Помимо этого он занимался контрабандой алкоголя в США, где был сухой закон, контролировал проституцию и игорный бизнес, опять же предназначенные в основном для американских туристов. По сути, Канту постепенно превращал Нижнюю Калифорнию в американский штат,¹⁷² что и вызывало в Вашингтоне желание просто купить эту территорию и узаконить фактическое положение дел.

Де ла Уэрта, Обреон и Кальес решили положить конец правлению американской марионетки и в июле 1920 года направили в Нижнюю Калифорнию морем несколько тысяч солдат. Канту призвал население штата к сопротивлению, а американские бизнесмены в штате немедленно обратились в государственный департамент США с требованием прекратить кровопролитие, то есть воспрепятствовать вторжению федеральных сил.¹⁷³ На стороне Канту даже воевали два американских пилота, формально числившиеся гражданскими инструкторами.¹⁷⁴ Однако госдепартамент ответил отказом на просьбу Канту о закупке оружия - позиции центрального правительства после подавления мятежа Гонсалеса были явно сильнее, и в Вашингтоне решили не рисковать (хотя и де ла Уэрте американцы оружия не поставляли). 31 июля американский временный поверенный в Мехико предостерег правительство де ла Уэрты, что США не потерпят причинения ущерба американской собственности в Нижней Калифорнии.¹⁷⁵ Министр иностранных дел Каварубиас обещал этого не допускать.

18 августа 1920 года Канту сложил с себя полномочия губернатора и бежал в американскую Калифорнию. Там он купил ранчо, на котором ковбоями работали его бывшие солдаты. Позднее Канту вернулся в Мехико и даже представлял Нижнюю Калифорнию в Конгрессе. Он скончался в 1966 году.

После установления контроля над Нижней Калифорнией вся мексиканская территория впервые с 1910 года оказалась под властью центрального правительства. Теперь де ла Уэрта мог сосредоточиться на внутренних проблемах страны.

По отношению к рабочему движению де ла Уэрта проводил ту же политику, что и Карранса. Локальные стачки с экономическими требованиями разрешались правительством, и часто государственный арбитраж принимал решения в пользу рабочих. Однако все забастовки на стратегических объектах (транспорт, горнодобывающая сфера) подавлялись с помощью армии. Правительству активно содействовал в этом КРОМ, лидер которого Моронес получил крайне важный пост, став директором государственных военных заводов. Губернатором столичного округа был назначен генеральный секретарь КРОМ Селестино Гаска, что вызвало протесты тамошних предпринимателей.

Надо сказать, что президентство де ла Уэрты характеризовалось мощным подъемом забастовочного движения. Всего за 6 месяцев было зарегистрировано 195 забастовок, в которых участвовали 205 тысяч рабочих.¹⁷⁶ Особенно активными были текстильщики (87 тысяч), железнодорожники (26,5 тысячи) и горняки

(23 тысячи). Пик стачечного движения пришелся на октябрь 1920 года, когда бастовали 55 тысяч человек. 26-28 октября Мексику даже охватило некое подобие общенациональной забастовки: докеров Веракруса поддержали текстильщики Мехико, Пуэблы, Коауилы и Тласкалы. Рост забастовочного движения объяснялся общемировым изменением политической ситуации вследствие победы русской революции. Рабочие лидеры, особенно в Веракрусе, старались подражать большевикам, и стачки становились все упорнее, а их требования - все радикальнее.

Де ла Уэрта неоднократно заявлял, что является сторонником принятия Конгрессом общенационального трудового законодательства, и требовал от сената ускорить работу над этим законопроектом.¹⁷⁷ При разрешении трудовых конфликтов правительство де ла Уэрты старалось по возможности не применять силу, что отличало его от администрации Каррансы. Де ла Уэрта дал военному министру указание, чтобы армия одинаково защищала и рабочих, и хозяев. До этого военные чаще вставали на сторону предпринимателей. В своей президентской администрации де ла Уэрта создал Департамент труда и социального обеспечения во главе с одним из лидеров КРОМ Эдуардо Монедой. Департамент в случае возникновения забастовок посылал на места своих представителей для посредничества в разрешении трудовых споров. Де ла Уэрта требовал, чтобы департамент сохранял максимальную равноудаленность.

КРОМ с оглядкой на особое расположение к нему нового режима пытался завоевать и ключевые политические позиции в мексиканском парламенте, однако Рабочая партия (политическое крыло КРОМ) потерпела чувствительное поражение на выборах в Конгресс в августе 1920 года. Моронес и его группа увидели в этом «неблагодарность» Обрегона и решили ответить мощной манифестацией своих сил - на 26 сентября 1920 года в Мехико была запланирована многотысячная демонстрация под лозунгами борьбы с дороговизной и немедленного претворения в жизнь «рабочей» статьи 123 Конституции.

Де ла Уэрта не обманывался насчет мнимой оппозиционности КРОМ, однако не исключал, что за манифестацией может стоять сам Обрегон, только что выигравший президентские выборы. Таким образом, новый президент хотел опереться на рабочих, если бы вдруг проиграл выборы. Митинг проходил под лозунгами «Да здравствует Ленин!», «Смерть мексиканскому капиталу!». Лидеры КРОМ призывали собравшихся следовать примеру большевиков.¹⁷⁸ Демонстранты намеревались передать петицию де ла Уэрте и в Палату депутатов Конгресса, однако звучали и призывы взорвать президентский дворец и разгромить Сенат, который медлил с принятием трудового кодекса. Манифестанты ворвались во двор Национального дворца, и один из лидеров «группы действия» КРОМ водрузил на президентском балконе черно-красный флаг КРОМ. Один из лидеров КРОМ, Каррильо Пуэрто призывал собравшихся громить магазины, владельцы которых придерживают продукты в надежде на рост цен, причем такие действия объявлялись истинно революционными и большевистскими.

Однако кромисты явно перегнули палку, и Обрегон осудил их действия как препятствующие нормальному функционированию исполнительной власти. Лидеров КРОМ (Моронеса, Каррильо Пуэрто и Монеда) пригласил на беседу де ла Уэрта и упрекал их, в целом справедливо, в том, что столь провокационные действия только мешают делу борьбы пролетариата за свои права. Тем более что сам временный президент уже подготовил проект федерального трудового кодекса, чего от него требовали манифестанты, передав его на рассмотрение в Конгресс. Так что КРОМ ломился в открытые ворота.

Де ла Уэрта прекрасно понимал истинную цену показному радикализму лидеров КРОМ, желавших на волне рабочего негодования прибрать к рукам еще больше хорошо оплачиваемых правительственных должностей. Поэтому он старался осторожно наладить контакты с другой общенациональной рабочей организацией - Всеобщей конфедерацией труда (ВКТ), которая была особенно сильна среди железнодорожников и трамвайщиков. В то время ВКТ еще не откатилась полностью на позиции дикого анархизма и стояла на классовой линии, симпатизируя Советской России, причем, в отличие от КРОМ, не только на словах. В ВКТ де ла Уэрта видел противовес КРОМ, который поддерживал Обрегона и Кальеса. Лидеров КРОМ он не любил за беспринципность и включил их в правительство лишь под давлением Обрегона. Позднее, в 1921 и 1923 годах, будучи министром финансов, де ла Уэрта служил посредником от федерального правительства во время забастовок трамвайщиков и железнодорожников под знаменами ВКТ, против которых Обрегон не стеснялся применять войска. Когда железнодорожники, упорно отказывавшиеся войти в КРОМ, организовали стачку, де ла Уэрта поддержал их требования и высказался за снятие директора федеральных железных дорог.

С оглядкой на охваченные антикоммунистической истерией США де ла Уэрта неоднократно заявлял о своей готовности раздавить коммунизм в Мексике. Коммунисты стали пользоваться большим влиянием в независимых профсоюзах Мехико и Веракруса, что никак не устраивало Моронеса. К тому же они, как правило, проводили стачки под политическими лозунгами и призывали к всеобщей забастовке.

Однако ситуация в коммунистическом движении Мексики того периода была крайне запутанной.

Большинство мексиканских коммунистов вышли из рядов анархо-синдикалистов и остались ими по своей идейной сути. С произведениями классиков марксизма в Мексике был мало кто знаком, тем более что «Капитал» Маркса перевели на испанский язык только в 1921 году. Например, один из будущих лидеров компартии Мексики столичный рабочий Хосе Аллен так определял свое политическое кредо, выступая на одном из митингов 1918 году: «Я не знаю, что означает русское слово «большевик», но если быть голодным означает быть большевиком, то мы - большевики. Что же касается коммунизма, то давно известно, что он принесет спасение не только трудящимся, но и всему человечеству».179

Быть коммунистом для многих радикально настроенных рабочих тогда означало ежедневно бороться с правительством любыми методами. От классических анархистов новоиспеченные коммунисты отличались только славословиями в адрес Советской России и призывами установить в Мексике «диктатуру пролетариата» и «советскую власть» (печатный орган одной из коммунистических групп назывался «Эль Совет»), хотя само слово «диктатура» вызывало негативные эмоции у мексиканского населения, помнившего Порфирио Диаса.

Осложняло положение в коммунистическом движении Мексики и активное, причем не всегда положительное влияние на него американских пацифистов, бежавших из США после вступления Америки в Первую мировую войну. Американцев вообще считали в Мексике носителями прогресса, поэтому путаные и полчас неадекватные лозунги политических эмигрантов с севера вызывали уважение мексиканских рабочих. В то же время засилье среди истинных и самозванных коммунистов иностранцев давало правительству аргументы в пропаганде против коммунизма как иностранной идеологии, якобы чуждой мексиканскому самосознанию.

В ходе революции во многих штатах Мексики возникли социалистические партии, одну из которых, в Юкатане, поддерживал губернатор генерал Альваро. Социалистом считал себя и видный генерал конституционалистов Мухика, который возглавлял партию штата Мичоакан.

На общенациональную роль претендовала Социалистическая партия, которая во многих штатах даже не имела своих отделений. 25 августа 1919 года в Мехико был созван первый Национальный социалистический конгресс, призванный объединить все социалистические силы страны.180На конгресс (всего там присутствовали, несмотря на громкое название, 24 делегата) прибыл и Моронес, тоже считавший себя социалистом. Моронес вообще не гнушался посещением любых рабочих собраний, и делал он это только с одной целью - поставить все рабочие организации под свой личный контроль. На конгрессе шла ожесточенная борьба между Моронесом, Алленом и американцем Гейлом, который считал себя самым «революционным марксистом» в Мексике. В конце концов, Гейл ушел с конгресса и образовал «мексиканскую коммунистическую партию», которая, по некоторым данным, финансировалась Каррансой - видимо, в пику США. Гейл развернул мощную агитацию, ссылаясь на несуществующие полномочия от Коминтерна. В США его долго считали лидером мексиканских коммунистов.

Конгресс принял декларацию принципов, которая признавала Коминтерн и диктатуру пролетариата. После конгресса руководство Соцпартии 15 сентября 1919 года приняло решение преобразовать ее в Коммунистическую партию Мексики, что и произошло на проходившей 24-29 ноября 1919 года конференции социалистов. Лидером КПМ стал Аллен.

С самого начала коммунисты впали в описанную Лениным «детскую болезнь левизны» и решили исключить из партии всех, кто не понимал, что такое социализм. Таким образом, из партии были фактически изгнаны генерал Мухика и социалисты Юкатана. К тому же коммунисты решили не участвовать в парламентских выборах, что в условиях Мексики означало самоустранение из политической жизни. Мексиканцы по американскому образцу привыкли присоединяться к какой-либо партии именно в предвыборный период, чтобы в случае победы своего кандидата рассчитывать на протекцию при раздаче государственных должностей. Вступать же в ряды компартии по этой логике изначально большого смысла не было.

Несмотря на попытки властей представить коммунистов как агентов Москвы, связей с этой самой Москвой у компартии не было.

Конечно, большевики и лично Ленин были прекрасно осведомлены о революции в Мексике и сами искали контактов с новым революционным правительством. Посол Мексики в РФ Луисо Жублан в своем выступлении в Дипломатической академии МИД РФ отметил: «Когда в 1919 году начался первый контакт между Мексикой и Советской Россией, обе страны находились в сходной ситуации: вышедшие из революции, они искали признания со стороны зарубежных стран и жили с постоянной угрозой вторжения... Мексика и Россия шли разными путями, которые, казалось, сошлись в начале XX века, когда обе страны переживали серьезные социальные

40

потрясения».

24 марта 1919 года Ленин принял сотрудника наркоминдела и видного деятеля российского революционного движения Михаила Марковича Грузенберга (псевдоним Бородин). 17 апреля Грузенберг был назначен советским генеральным консулом в Мексике. 181182В Москве в это время работал [Картинка: image27.jpg] Михаил Бородин (в центре) после возвращения из Мексики

мексиканский консул Бауэр, 183 который, между прочим, после покушения на Ленина в августе 1918 года выразил соболезнования от имени правительства Каррансы.

До 1918 года Бородин, родившийся в 1884 году в Витебской губернии, жил в эмиграции в США и хорошо владел английским языком. Ленин ценил его как главного специалиста большевистской партии по Америке. 184Бородину поручалось вступить в переговоры с мексиканским правительством «с целью установления соглашения между Правительствами обеих республик по вопросам поддержания дружественных отношений между ними». 185Его уполномочили также заключить торговое соглашение между двумя странами. Есть данные, что Бородин видел в Москве представителем РСФСР для всего американского континента, а Мехико избрали для его резиденции в качестве столицы наиболее близкой Советской России по социальному режиму страны.

Первый советский дипломатический представитель в Мексике Бородин добирался к месту назначения на пароходе из Голландии. Получив мексиканскую визу в Берлине, был задержан на Гаити как «нежелательный иностранец», бежал на Ямайку, откуда перебрался в Нью-Йорк. Оттуда он выехал на поезде в Мексику, где состав остановили недолголюбивавшие иностранцев вильисты. Однако, увидев советские документы Бородина, партизаны обеспечили ему беспрепятственный проезд. Так он на собственном примере убедился в чрезвычайной популярности революционной России среди мексиканцев.

В Мехико, куда эмиссар из Москвы прибыл в начале лета 1919 года, он встретился с одним из основателей соцпартии индийцем Манабэндрой Натом Роем. 186Рой, видный англоязычный публицист, в Мексике сотрудничал с газетой на английском языке, которую издавал генерал Сальвадор Альварадо при поддержке Каррансы в годы Первой мировой войны. Для этой газеты Рой писал яростные полемические статьи против доктрины Монро и Обрегона, который поддерживал Антанту. Одновременно он возглавлял газету «Ла Луча» («La Lucha» - «Борьба») малочисленной Социалистической партии. 187В этом качестве Рой познакомился с тогдашним председателем Палаты депутатов мексиканского Конгресса «доном Мануэлем», который тоже считал себя социалистом. «Дон Мануэль» сообщил Рою, что Карранса внимательно и сочувственно следит за его деятельностью, в особенности за подготовкой конференции социалистов США и стран Латинской Америки. Роя заверили, что помощь в подготовке конференции окажут все мексиканские дипломатические представительства за границей.

Делегаты вышеупомянутого первого социалистического конгресса подошли к Национальному дворцу с большим портретом Ленина, присланным Джоном Ридом. На балкон, как было заранее условлено, вышел Карранса и приветствовал демонстрантов, заявив, что голос народа - это глас божий. Рой был избран генеральным секретарем новой объединенной Социалистической партии Мексики. На конгрессе присутствовал губернатор Соноры Кальес.

Карранса решил использовать социалистов для борьбы за губернаторское кресло в Соноре, которая уже превращалась в предвыборный бастион Обрегона. Интересно, что Рой был задействован в качестве посредника для контактов с Каррансой Кальесом. Тот, видимо, тяготился лидерством Обрегона и хотел с помощью «дона Венуса» и социалистов отстранить

Обрегона и де ла Уэрту от власти в штате. Рой начал в Соноре активную предвыборную кампанию, причем в

поездках по штату его сопровождал эскорт из военнослужащих федеральной армии. В 1888 столице штата Эрмосильо Рой объявил о выдвижении Кальеса кандидатом на пост губернатора от социалистов. Обрегон считал за благо уйти от активной борьбы и сам предложил Кальеса на пост губернатора.

Карранса был доволен Роем и предложил ему как лидеру социалистов подыскать кандидатуру на должность федерального министра промышленности и труда. Тот рекомендовал Кальеса. Таким образом, к моменту прибытия в Мехико Бородин у Роя был прямой выход на президента. Был у Роя контакт с президентом и через видного деятеля мексиканского женского движения Елену Торрес, издававшую феминистский журнал в Мехико. Позднее Торрес стала личным секретарем Каррансы.

Рой организовал неофициальную беседу Бородина с Каррансой за обедом, на котором присутствовали министр иностранных дел и председатель палаты депутатов мексиканского Конгресса. Карранса просил передать наилучшие пожелания Ленину и помог Бородину наладить связь с Москвой.

Рой представил Бородина руководству Социалистической партии и объяснил, что русский приехал в Мексику для оценки ситуации в стране. Позднее Рой признавал, что именно беседы с Бородиным сделали из него марксиста. По итогам встречи Бородин с руководством соцпартии было принято решение создать новый конгресс социалистов и организовать на нем коммунистическую партию.

Бородин принял самое деятельное участие в создании компартии Мексики, зачитал приветственное послание Ленина и от имени Коминтерна признал КМП «единственной пролетарской и революционной партией в Мексике». Ее лидера Аллена он заверил в том, что, несмотря на временный характер данного признания и необходимость его ратификации бюро III Интернационала, делегат партии в Москве будет наделен «всею полнотою прав».

По инициативе Бородина было создано Латиноамериканское бюро Коминтерна для ведения работы по укреплению связей между латиноамериканскими коммунистическими организациями и группами. Эту инициативу Бородин озвучил во время вышеупомянутого обеда с Каррансой, попросив президента Мексики дать согласие на учреждение бюро. Карранса не возражал и велел мексиканской дипломатической миссии в Голландии наладить для Бородина контакт с Коминтерном.

В декабре 1919 года Бородин выехал из Мексики в Москву, где намеревался принять участие во втором конгрессе Коминтерна. По пути домой в Берлине он посетил мексиканскую дипмиссию, глава которой Ортис сообщал в Мехико, что Бородин испытывает явные симпатии к Мексике.

Также в декабре 1919 года и тоже на второй конгресс Коминтерна выехал в Москву и Рой. Ранее он бежал из Индии в США, чтобы купить там оружие для борьбы против английских колонизаторов. Когда, опасаясь британской разведки, Рой в июле 1917 года перебрался из США в Мексику, немецкое посольство в США, по некоторым данным, снабдило его необходимыми финансовыми средствами на возвращение в Индию.

Карранса выдал Рою и его жене Эвелин мексиканские дипломатические паспорта. Робертс Аллена Вилья Сарера, как звали Роя по документам, был уполномочен Каррансой посетить мексиканского посланника в Берлине и поручить ему организовать установление дипломатических отношений с РСФСР. 19 февраля 1920 года, вскоре после того как Рой отплыл из Веракруса в Европу, военный атташе США сообщил об этом в Вашингтон, специально упомянув, что эмиссар наделен особыми полномочиями.

Но в Москве Роя, которого Ленин тепло принял и называл «Марксом Востока», интересовали только индийские проблемы. В 1920 году он основал в Ташкенте компартию Индии и в Мексику уже не вернулся. Вся энергия мексиканских коммунистов долгое время уходила на полемику с самозванцами вроде Гейла, пока последний в апреле 1921 года не был выслан из Мексики как нежелательный иностранец. Там его посадили в тюрьму за уклонение от воинской повинности, и Гейл быстро отрекся от коммунизма.

К моменту прихода к власти де ла Уэргты компартия еще находилась в процессе организационного оформления. Коммунисты первоначально проповедовали полное невмешательство в борьбу между Каррансой и Обрегеном, считая и того и другого представителями одной и той же правящей клики. Однако после победы «движения Агуа-Приеты» компартия решила поддержать кандидатуру Обрегона на президентских выборах, учитывая его революционную риторику и господствовавшие в обществе настроения. Некоторые партийные лидеры во время предвыборной кампании агитировали за Обрегона. Спустя десятилетия сами коммунисты так оценивали свою тогдашнюю линию: «Партия не смогла выработать независимой политики в создавшейся ситуации и примкнула к обрегонистскому движению».

Новая власть первоначально относилась к коммунистам весьма терпимо, тем более что влияние компартии было еще очень слабым. Однако как только коммунисты стали завоевывать лидирующие позиции в профсоюзах Мехико - например, возглавили очень влиятельный профсоюз пекарей столицы, от которого зависело снабжение города продовольствием, - правительство по просьбе Моронеса начало прибегать к репрессиям. Стачка шахтеров Коауилы (среди тамошних профлидеров тоже были те, кто считал себя коммунистами) была подавлена армией. На очередном конгрессе КРОМ в 1920 году де ла Уэрта лично убеждал многих профлидеров не выходить из организации и не голосовать против кандидатуры Моронеса.

Естественно, правительство с неудовольствием восприняло образование 15 сентября 1920 года Коммунистической федерации мексиканского пролетариата (КФМП) - первого коммунистического профсоюза страны. Несмотря на название, организация была в основном анархо-синдикалистской. Особенно сильным влиянием КФМП пользовалась в Мехико. Власти не хотели этого уже потому, что столица должна была находиться под контролем «своего» профсоюза - КРОМ. Ведь любая забастовка в Мехико в тех условиях приобретала важное политическое значение. Неудивительно, что и губернатор столичного округа, кромист Гаска всячески содействовал КРОМ и притеснял конкурентов. Программа КФМП была по сути анархистской и требовала установления в стране «либертарного (то есть фактически без-государственного - прим, автора) коммунизма».

Но негативное отношение Обрегона к коммунистам было вызвано отнюдь не программными установками компартии или «красных» профсоюзов, а лишь тем обстоятельством, что коммунисты не желали, в отличие от Моронеса, признавать правительственный контроль над своей внутренней жизнью. К тому же антикоммунистические заявления помогали мексиканским властям добиваться благоприятного расположения со стороны общественного мнения США.

Между тем режим «сонорского триумvirата» (который никогда, впрочем, не был монолитным) завершал юридическое оформление своей фактической победы. На президентских выборах 5 сентября 1920 года Обрегон получил 1 миллион 132 тысячи голосов (95%).¹⁹⁵Его единственным соперником был консервативный кандидат, инженер и бывший сторонник Франсиско Мадеро Альфредо Роблес Домингес, которого американские нефтяные компании одно время готовили на роль преемника Каррансы. Домингеса выдвинула только что образовавшаяся Национально-республиканская партия, опиравшаяся на консервативные круги. Поддержала его кандидатуру и католическая церковь. Надо заметить, что в условиях отсутствия в стране реальной оппозиции именно церковь взяла на себя роль. И вскоре это вылилось в новую гражданскую войну.

В ходе предвыборной кампании Обрегон называл Домингеса ставленником реакции.¹⁹⁶А Домингес Обрегона - путчистом, незаконно пришедшим к власти.¹⁹⁷

На выборах 1920 года Домингес набрал только 47 тысяч голосов, и такой результат тогда не казался сильно фальсифицированным. Все те мексиканцы, кто хотел продолжения революции, однозначно связывали свои надежды с Обрегоном.

На выборах в Конгресс в августе 1920 года опять довольно предсказуемо победила обрегонистская Либерально-конституционалистская партия.

Если Карранса вообще не считал себя революционером, то новая власть всячески подчеркивала свой революционный характер. 20 ноября 1920 года в стране впервые на официальном уровне отметили годовщину революции 1910 года.

1 декабря 1920 года президент Альваро Обрегон был приведен к присяге. Кабинет министров серьезных персональных изменений не претерпел. Военный министр Кальес стал министром внутренних дел, а следовательно, занял второй по значению пост в правительстве: именно этот чиновник отвечал за «правильные» результаты выборов в стране. Другой ближайший сторонник Обрегона, Хилл сел в освободившееся кресло Кальеса. Де ла Уэрта стал министром экономики и финансов. Сапатист Вильяреаль сохранил в своих руках аграрные вопросы.

Что же представляла из себя Мексика в начале 1920-х годов? Обратимся к данным переписи 1921 года (четвертой по счету за всю историю страны - предыдущие были проведены в 1895, 1900 и 1910 годах). Численность населения страны (14,3 миллиона человек) резко сократилась по сравнению с 1910 годом (15,2 миллиона), когда началась мексиканская революция. Причинами тому были гражданская война, голод и эпидемия «испанки». За годы революции увеличилась доля городского населения (с 11,8% до 14,6%). Однако

это было следствием не столько урбанизации и развития промышленности, сколько бегства сельского населения в города в результате военных действий. Например, население столицы увеличилось в 1910-1921 годах с 471 до 661 тысячи человек. Население центра нефтедобычи Тампико практически утроилось (с 16 до 44 тысяч), но в основном не из-за роста нефтедобычи, а из-за притока жителей окрестностей, уставших от постоянных стычек отрядов Пелаеса с правительственными войсками. Да и потери сельского населения в годы революции были неизмеримо больше, что во многом объяснялось отсутствием в сельской местности даже элементарной системы здравоохранения. 68,9% мексиканцев проживали в населенных пунктах с количеством жителей менее 2500 человек. Три четверти населения страны не умели читать и писать.

Экономически активное население страны не превышало в 1921 году 32,4% от общей численности и даже уменьшилось по сравнению с 1910 годом (33%). 75% экономически активных граждан трудились в сельском хозяйстве. Доля занятых в промышленности не выросла по сравнению с 1910 годом, составляя 13%. Сельское хозяйство Мексики было крайне отсталым, в значительной мере из-за мизерных земельных наделов, которыми располагали большинство крестьян. ВВП Мексики сокращался в 1912-1916 годах, но затем начал расти и в 1920 году практически вернулся на дореволюционный уровень.⁵⁷

Доля аграрного сектора в ВВП в 1921 году даже сократилась по сравнению с 1910 годом и составила всего 22,4% (24% десятью годами ранее). Промышленность в 1921 году впервые обошла сельское хозяйство по вкладу в ВВП (23,8% по сравнению с 17,3% в 1910 году), причем почти половина этой доли приходилась на нефтяной сектор, который полностью контролировался иностранцами. Больше половины ВВП давала сфера услуг, прежде всего торговля (29,1%).

Тем не менее промышленность в ходе революции и гражданской войны особо сильно не пострадала. В индустриальных центрах - Мехико, Монтеррее, Пуэбле и Веракрусе - серьезных боев не происходило. Как уже упоминалось, и Пелаес, и правительственные войска в районе Тампико бережно относились к нефтедобыче, за счет которой и финансировались противоборствующие стороны. Если в 1910 году в Мексике было добыто 3,6 млн баррелей сырой нефти, то в 1915 (разгар гражданской войны) - уже 33 млн, а в 1921 году - 193 млн.¹⁹⁸

Помимо доходов от экспорта нефти основным источником поступлений в бюджет Мексики был экспорт драгоценных и цветных металлов. В первые годы революции здесь наблюдался сильнейший спад, поскольку добывали эти металлы как раз в зоне основных боевых действий. Если в 1910 году было добыто 47 тысяч кг золота, то в 1915 году - 7,4 тысячи. Но уже в 1920 году золотодобыча снова возросла до 23,37 тысячи кг.¹⁹⁹ Мексика традиционно занимала первое место в мире по добыче серебра, из которого чеканили монеты многие страны. В 1910 году в стране было добыто 2417 тонн серебра, в 1915-м - 1231, в 1910-м - 1980.

Наиболее сильно в годы революции пострадали железнодорожное сообщение и животноводство, так как противоборствующие стороны перемещались в основном на поездах и взрывали пути, чтобы обезопасить себя от неожиданного нападения противника. Скот в условиях паралича денежного обращения служил основной валютой, на которую закупалось оружие в США. К тому же и центр скотоводства, и основные железные дороги, по которым этот скот экспортировался в США, находились на севере страны, где и происходили основные битвы.

Денежная система страны находилась в полном расстройстве. Попытки властей снова изъять из обращения выпущенные в годы революции бумажные деньги наталкивались на стойкое недоверие населения.

Фактически в Мексике ходило три валюты. Бумажными песо правительство пыталось расплачиваться с населением. Само население традиционно предпочитало серебряные песо. Но после резкого снижения цен на серебро вследствие окончания Первой мировой войны наибольшее доверие вызывали песо, обеспеченные золотом. Именно такими деньгами приходилось расплачиваться с границей. Их же требовали в виде жалованья переходившие на сторону правительства многочисленные оппозиционеры. Курс серебряного песо к золотому постоянно менялся исходя из динамики цен на драгоценные металлы в мире. Для установления стабильного курса национальной денежной единицы мексиканскому правительству было срочно не- [Картинка: image28.jpg] Золотая монета достоинством 2 мексиканских песо, 1920 год

обходимо учредить центральный банк (это пытался сделать еще Карранса). Однако у этого банка должны были быть солидные резервы в иностранной валюте - прежде всего в долларах, так как на США приходилась львиная доля внешней торговли Мексики.²⁰⁰ Но доллары для учреждения центрального банка могли поступить только в виде кредита из США. А кредит этот, как упоминалось выше, связывался американцами с принятием

Мексикой ряда политических условий, несовместимых с суверенитетом страны.

К чести Каррансы, следует отметить, что он оставил Обрегону сбалансированный бюджет. Сбалансированность бюджета также была предпосылкой для того, чтобы мировые финансовые круги, прежде всего американские, рассмотрели вопрос о выделении Мексике крупного займа. В 1919 году доходы правительства составили 131 миллион песо, а расходы - 59 миллионов. В 1920 году профицит вырос уже до 106 миллионов.

Дорогостоящая политика умиротворения различных оппозиционных движений сократила активное сальдо в 1921 году до 54 миллионов (на армию ушло 61% бюджета). Но все это происходило на фоне постоянного роста доходов правительства (они выросли с 238 миллионов песо в 1920 году до 293 миллионов год спустя).

Основой такого положения была нефть. В 1922 году правительство получило в виде налогов и пошлин от ее добычи 87,8 миллиона песо. При этом примерно 50% доходов от экспорта нефти и металлов опять уходило за границу (прежде всего в США) в виде трансфера прибыли иностранных компаний, амортизационных отчислений, платы за фрахт и т.д.²⁰¹. В 1922 году, когда начали снижаться мировые цены на нефть, доходы мексиканского федерального правительства сократились до 287,5 миллиона песо, а расходы составили 269 миллионов.²⁰² В 1923 году падение цен на нефть фактически сделало мексиканское правительство банкротом. Тогда доходы не превысили 265,7 миллиона, а расходы перевалили за 373 миллиона.

В 1921 году на Мексику приходилась треть мировой добычи «черного золота», и начавшаяся в США эра всеобщей автомобилизации отнюдь не предвещала сокращения спроса. Нефтяные месторождения Персидского залива были далеко и к тому же плотно контролировались англичанами - основными конкурентами США в борьбе за мировое лидерство. В этих условиях Мексика приобретала для Америки ключевое значение.

Надо отметить, что Обрегон сам усугубил финансовые проблемы страны. В Мексике, как и в большинстве развивающихся стран, практически отсутствовало прямое подоходное налогообложение (население было слишком бедным, и миллионы людей жили натуральным хозяйством). Поэтому помимо таможенных пошлин основой федерального бюджета были косвенные налоги. С целью развития национальной экономики путем стимулирования потребительского спроса Обрегон в 1921 году объявил о сокращении косвенных налогов, пошлин и акцизов (на 5-12%) на древесину, добычу полезных ископаемых, электричество, телефонную связь и производство спичек. Конгресс, однако, с этим не согласился - было непонятно, как компенсировать возникшую дыру в бюджете. После этого Обрегон добился от Конгресса чрезвычайных полномочий в финансовой сфере, и бюджеты на 1921 и 1922 годы были приняты без участия парламента.

Карранса сокращал административные расходы, львиная доля которых приходилась на содержание армии. Обрегону пришлось на время приостановить эту тенденцию, но после консолидации власти сонорцев она снова возобладала, причем сокращение административных расходов пошло даже быстрее, чем при Каррансе (в 1920 году административные расходы составляли 94% от уровня 1917 года, в 1922 году - 83%).

Экономическую политику правительства Обрегона можно кратко охарактеризовать следующим образом. Он был сторонником форсированной экономической модернизации страны и в этом смысле практически не отличался от Порфирио Диаса. Однако Обрегон стремился проводить эту модернизацию с опорой на широкие массы, которые, по его мнению, должны были быстро почувствовать улучшение своей повседневной жизни. Быстрый прогресс, по замыслу Обрегона, предполагал массивное привлечение иностранных инвестиций (в 20-е годы практически весь мировой свободный капитал концентрировался в США). Соответственно, стране как воздух была необходима политическая стабильность - ведь десятилетие революций и войн отпугнуло многих иностранцев.

Реформы, затрагивающие право собственности, правительство Обрегона проводило только в том случае, если отказ от этих реформ мог привести к массовым беспорядкам или военным мятежам, которые, опять же, подрывали главную цель сонорского режима - достижение стабильности в стране.

В целом первые три года администрации Обрегона страна развивалась в экономическом отношении неплохо, хотя и ничуть не быстрее, чем до революции. В ценах 1920 года ВВП Мексики в 1921 году составил 33,8 млрд песо (в 1910 - 31,4 млрд), что равнялось 2359 песо на душу населения (2072 песо в 1910 году). В 1922 году ВВП превысил 34,6 млрд песо, на душу населения - 2376. В 1923 году аналогичные цифры составили соответственно 37,7 млрд и 2414 песо. Но показатели роста ВВП в ценах 1960 года (то есть очищенных от инфляции) не впечатляют: в 1921 году - 0,61%, в 1922-м -2,3%, в 1923-м-3,2%.

Структура ВВП Мексики при Обрегоне тоже не особенно отличалась от дореволюционной. В 1910 году «первичный сектор» (сельское хозяйство) давал 24% ВВП страны, в 1921 году - 22,3%, в 1922-м - 21,9%, в 1923-м - 21,2%, в 1924-м - 21,5%. В 20-е годы сельскохозяйственное производство выросло на 35%. При этом сельское население увеличилось за тот же период на 11%, городское - на 40%.

Доля промышленности хотя и росла за счет сельского хозяйства, но крайне медленно: 23,9% в 1921 году (17,2% в 1910), 24% - в 1922, 24,6% в 1923. Опережающий рост был отмечен прежде всего в производстве электроэнергии, которое увеличилось в 1921-1930 годах в 4 раза. Обрабатывающая промышленность в 20-е годы также росла несколько быстрее, чем при Диасе, - на 5% в год. Производство сахара с 1920-го по 1930 год увеличилось с 118 до 216 тысяч тонн, цемента - с 45 тысяч тонн до 227, стали - с 43 тысяч тонн до 103. И все же, как и при диктатуре Диаса, ключевыми секторами мексиканской экономики оставались торговля и услуги.

Благодаря вниманию, которое правительство сонорцев уделяло модернизации железных дорог, объем транспортных перевозок возрастал в 20-е примерно на 7% ежегодно.

В первый год пребывания у власти Обрегоне до невиданных высот вырос мексиканский экспорт. Сказывалась неплохая послевоенная мировая конъюнктура с высоким спросом на сырье. Особенно впечатляет рост внешней торговли по сравнению со временами гражданской войны. Если в 1916 году Мексика вывезла товаров на 20,4 миллиона долларов (в 1910-1911 годах - на 129,4), то в 1920 году - на 425 миллионов долларов. Правда, повторить этот рекорд не удалось - стали падать мировые цены на сырье, главным образом на нефть. В 1921 году экспорт уже сократился до 376 миллионов долларов, в 1922-м - до 314, а в 1923-м - до 276 миллионов.

Негативная динамика экспорта не позволяла наращивать импорт, в том числе и крайне необходимых для индустриализации страны инвестиционных товаров, на которые приходилось примерно 27% мексиканского импорта в 1925-1929 годах. Если при Каррансе в 1918 году страна ввезла товаров на 152 миллиона долларов, то в 1921 году - уже только на 147 (в 1910 году - на 99 миллионов). В 1921 году импорт вырос до 242 миллионов долларов, но лишь для того, чтобы упасть в следующем году до 151. В 1923 году объем импорта в целом не изменился.

Таким образом, Обрегону удалось стабилизировать положение в экономике, но резкого рывка или даже ускорения экономического роста в сравнении с предреволюционным временем не наблюдалось.

Но экономическая стабилизация все же давала шанс на стабилизацию политическую.

Итак, политическая стабилизация в Мексике стала основной целью политики правительства Обрегоне. Сердцевиной этой стабилизации было занятие ключевых постов на федеральном уровне выходцами из Соноры и соседних северных штатов. В период президентства Обрегоне 60% всех важнейших должностей принадлежало северянам, в том числе 35% - со-норцам. При этом 60% высших чиновников были военными.²⁰³ Основным критерием для замещения любого более или менее видного поста служила личная преданность кандидата сонорской тройке (Обрегону, де ла Уэрте и Кальесу).

Ввиду отсутствия в стране полноценной и постоянной партийной системы ключевым политическим фактором Мексики, как неоднократно упоминалось, была армия.²⁰⁴ Так как регулярную федеральную армию Карранса полностью ликвидировал в 1914 году, новая армия Мексики была регулярной только по названию. Она состояла из отрядов, преданных исключительно своим командирам, которые вели их через войны и революции. Некоторые солдаты успевали за время гражданской войны послужить в трехчетырех «армиях» с прямо противоположными политическими лозунгами. Критерием успешности того или иного командира были уровень зарплаты и военной добычи в его частях (исключением из правила являлась сапатистская Освободительная армия Юга). Солдаты «правительственных» войск часто именовали себя не военнослужащими того или иного батальона или полка, а «людьми дона Луиса» или «дона Антонио», по имени своих командиров. За десять лет в Мексике образовалась прослойка из десятков тысяч людей, не желавших работать и привыкших добывать себе пропитание с винтовкой в руках.

Армейская должность была критерием успешности и открывала дорогу к политической карьере. В 1917-1940 годах свыше 35% высших должностей в стране занимали военные, не считая бывших. Во времена диктатуры Диаса - лишь 25%. Но если генералы Диаса были обязаны продвижением по службе только диктатору, то революционные генералы считали себя обязанными только своим военным талантам. Естественно, они при первой же обиде на федеральное правительство брались за оружие, и их люди беспрекословно шли в бой за своего начальника. Целью мятежей было достижение личных благ (более высокой должности или асиенды в

собственность). К мятежам военных Обрегон подходил в зависимости от обстановки. Если движение было локальным, то руководителей безжалостно расстреливали. Если же мятеж имел социальную подоплеку и грозил приобрести массовый характер, то от лидеров мятежа откупались должностями или деньгами.

Например, в июле 1920 года один из оппозиционных генералов Эпигменио Хименес присоединился к правительственной армии на следующих условиях, зафиксированных им в подписанном соглашении с министром обороны: «Во-первых, нижеподписавшемуся и его подчиненным будут сохранены все военные звания, которые они имеют на данный момент. Во-вторых, нижеподписавшемуся будет передана асиенда или ранчо в указанном им месте, а также сельскохозяйственное оборудование. В-третьих, нижеподписавшемуся будет передано 20 000 песо золотом и оставлено право сохранить командование над своими войсками...»²⁰⁵

Обрегон прекрасно сознавал опасность самостоятельной роли армии в жизни страны. Но все же коррумпированные офицеры были для сонорцев предпочтительным вариантом. Они быстро обрастали бизнесом и уже боялись поставить все на карту в ходе того или иного мятежа. Идеиных же военных Обрегон не только не подпускал близко к рычагам власти, но и не гнушался физической ликвидацией наиболее строптивых. Он говорил, что если в Мексике Каин не убивает Авеля, то Авель обязательно убьет Каина.

Показательным в этом отношении является пример генерала Лусио Бланко. Он был первым офицером конституционалистов, которому удалось одержать в 1913 году победу над федеральной армией Уэрты, заняв приграничный город Матаморос. Когда в 1914—1915 году наметился разрыв между Вильей и Обрегоном, Бланко вместе с рядом других генералов пытался примирить двух блестящих лидеров революционной армии. Вместе с Обрегоном Бланко въехал в столицу после капитуляции Уэрты. Испытывая искреннюю симпатию к Сапате, он приказал своим войскам принять сапатистов в Мехико как друзей и союзников.

В начавшейся борьбе между Конвентом и конституционалистами Бланко стремился играть роль независимой третьей силы. Сначала он был на стороне Конвента (даже занимал в правительстве Конвента пост министра внутренних дел), но вражда с Вильей заставила его занять самостоятельную позицию. Генерал был горячим сторонником аграрной реформы и, к неудовольствию Каррансы, раздавал землю крестьянам еще в ходе войны против Уэрты. Обрегон ненавидел Бланко (видимо, завидуя его военной славе), и после победы над Конвентом военный суд приговорил того к пяти годам лишения свободы. Когда Обрегон ушел в отставку с поста военного министра в мае 1917 года, Карранса распорядился заново провести следствие по делу Бланко, и в сентябре 1917 года генерал, к негодованию Обрегона, был полностью оправдан.

Карранса разрешил Бланко выехать в США, где тот обосновался в приграничном тexasском городе Ларедо. Когда в 1919 году отношения Каррансы и Обрегона обострились, президент вызвал Бланко в Мехико. Тот, как мы уже говорили, устроил встречу Каррансы с лидером сапатистов Маганьей. В мае 1920 года Бланко вместе с Каррансой бежал из Мехико и снова пробрался в Техас. Как человек, имевший собственные политические убеждения, Бланко не был настроен на компромисс с Обрегоном и занимался активной оппозиционной деятельностью. Агенты мексиканского правительства внимательно следили за генералом. Как упоминалось выше, в декабре 1920 года он был осужден судом присяжных в тexasском Эль-Пасо по обвинению в подготовке заговора против мексиканского правительства.

9 июня 1922 года генерал был похищен мексиканскими агентами прямо с бала, а наутро его труп плавал в пограничной реке недалеко от Ларедо, с простреленным сердцем, скованный наручниками со своим сподвижником полковником Аурелио Мартинесом, у которого была прострелена голова. По другой версии, два агента Обрегона, посланные генералом Амаро, уговорили Бланко перейти границу, где его якобы будут ждать отряды оппозиционеров, и начать восстание против правительства.²⁰⁶ Сразу же после пересечения границы Бланко был убит.²⁰⁷ Это политическое убийство отнюдь не стало последним во время президентства Обрегона.²⁰⁸ Теперь имя Бланко носит один из аэропортов Мексики.

Когда «движение Агуа-Приеты» пришло к власти, Обрегон и де ла Уэрта начали активно принимать в армию бывших оппозиционеров. Данные по офицерам приводились выше. Обычных солдат и сержантов в 1920 году насчитывалось 98 623.

Уже в 1921-1922 годах Обрегон попытался снова сократить армию, прежде всего за счет ненадежных в политическом отношении элементов. Была разработана программа перевода офицеров в резерв, которая сохраняла за бывшими военными высокий социальный статус и денежное довольствие. Генералам и полковникам давали асиенды, конфискованные у врагов революции. Для солдат Обрегон предусматривал

создание сельскохозяйственных колоний, которые наделялись землей и инвентарем за счет государства. Однако большой популярности эта идея не имела - солдаты уже не хотели заниматься тяжелым сельским трудом.

В целом генеральский корпус был доволен своим материальным положением. Как и во времена Диаса, генералы сообщали в Военное министерство завышенные данные о численности своих войск и распределяли между собой довольствие, приходившее на «мертвые души». Почти все генералы, используя служебное положение, активно занимались бизнесом и по-прежнему обкладывали население «своих» регионов всякими «налогами» и сборами. Однако Обрегон не обманывался насчет временного спокойствия армейской верхушки. Он знал, что стоит только начаться президентской кампании (следующие выборы предстояли в 1924 году, и Обрегон по Конституции не мог баллотироваться на второй срок), как генералы снова заявят о себе, рассчитывая на должности и материальные блага.

Политическая роль армии на местах, несмотря на ее формально «революционный» характер, всецело зависела от позиции командующего войсками в том или ином штате. Например, когда губернатором Мичоакана стал генерал Мухика (вышедший, как мы помним, из рядов компартии), армейские части активно поддерживали аграрную реформу и борьбу крестьян против помещиков. Такое же положение сложилось и в штате Веракрус при губернаторе Техеда. Однако в большинстве штатов армия играла явно контрреволюционную роль, что во многом объяснялось материальными интересами генеральской верхушки. Многие офицеры фактически стали на довольствие к местным помещикам и за деньги подавляли крестьянские выступления. Парламент штата Веракрус в специальной резолюции даже назвал армию в штате «социальным бедствием». Офицеры часто вооружали отряды помещиков (которых в Мексике, по аналогии с Россией, называли «белогвардейцами»).

Помимо материальной выгоды (крестьяне не могли предложить генералам столько денег, сколько помещики) значительную роль в контрреволюционных настроениях армии играло и социальное происхождение большинства офицеров и генералов. Примерно две трети из них являлись выходцами из средних слоев, и только 15-16% - бывшими рабочими или крестьянами. Средние слои (особенно на американизированном севере Мексике, в том числе в Соноре - тамошних жителей называли «мексиканские янки») непоколебимо стояли на страже частной собственности, так как сами были собственниками или стали ими в ходе революции. Соответственно, на посягательства на собственность помещиков эти генералы смотрели неодобрительно (дескать, сегодня землю отберут у них, а завтра у нас).

Наконец, очень важным аспектом, определившим враждебную реформам линию большей части офицерского корпуса, был широко распространенный в Мексике, главным образом на севере, расизм. Север Мексики был еще за сто лет до революции слабо заселен, и его осваивали белые поселенцы, зачастую выходцы непосредственно из Испании. Коренного населения, за исключением кочевых племен яки и апачей, там почти не было. Напротив, центр и юг Мексики населяли различные индейские оседлые народности, имевшие самобытность и высокую культуру задолго до прихода испанцев. Вся политическая элита Мексики, особенно Соноры, состояла в основном из белых. Даже метисов было немного.

Командиры-северяне относились к индейцам юга и центра Мексики как к отсталому, не способному к прогрессу народу. Общинное землевладение, традиционное у индейцев, северяне считали архаичным пережитком, а помещиков, которые были поголовно белыми, - своими братьями по крови и носителями экономического прогресса и культуры. Именно расизмом во многом объясняется чудовищная жестокость армии при подавлении крестьянских выступлений (как правило, невооруженных) в центре и на юге Мексики.

Из иностранцев больше всего доставалось в Мексике китайцам. Приток их в страну сильно вырос после китайско-мексиканского договора о дружбе и торговле 1899 года: если в 1899 году в Мексику прибыли 33 китайца, то в 1910-м - 841. Правительство Диаса поощряло иммиграцию китайцев, надеясь, что трудолюбивые азиаты освоят пустынный мексиканский север. Китайцы действительно стали прибывать в Сонору и Синалоа, однако они в основном занимались мелкой торговлей и общественным питанием. 90% китайских предприятий имели капитал менее 4900 песо, что было гораздо меньше, чем в мексиканских фирмах сходного профиля. Но в некоторых городах китайцам вскоре уже принадлежало большинство торговых точек.

Основная масса китайцев осела в Соноре: в 1910 году в этом штате проживали 4486 китайцев из 13 202 в Мексике в целом. В 1924 году американское посольство сообщало в Вашингтон, что в Соноре и Синалоа китайцы добились «фактической монополии» в сфере малого бизнеса. В то же время консул США в Тампико полагал, что 50% потребляемого в городе хлеба выпекают китайцы. Однако китайцы, вопреки

распространенным стереотипам, занимались и сельским хозяйством. В Нижней Калифорнии, на границе с США они даже доминировали в выращивании хлопка.

Экономическая активность китайских иммигрантов вызвала поощряемое церковью недовольство коренного населения, которому придавался расистский оттенок. К тому же из Китая приезжали только холостые мужчины 25-35 лет (чтобы сэкономить на семейных издержках). Они охотно женились на мексиканках, чем только усиливали антипатию местных жителей. В ход пошли провокационные слухи о том, что нечистоплотные китайцы не только портят генофонд нации, но и распространяют в Мексике заразные болезни, например холеру, вспышки которой в начале XX века были в Китае нередки. Обвиняли китайцев и в распространении опиума. В Чиуауа возник «Комитет за расовое благополучие», боровшийся против любых половых контактов между китайцами и мексиканцами.

В ходе революции китайцы стали главным объектом погромов против иностранцев не только в силу своей относительной многочисленности. В 20-х годах, перед началом гонений, их было примерно столько же, сколько и американцев, - около 20-25 тысяч (в 1900 году - 2718 человек, а в 1910-м, как упоминалось выше, 13 202). У многих мексиканцев создавалось впечатление «наплыва» чужеземцев. Но в придачу ко всему иные мексиканские торговцы под шумок революции попросту ликвидировали надоедливых конкурентов. При этом китайцы в основном держались, в отличие от американцев, вне политики. В 1927 году, например, Националистическая [Картинка: image29.png] Бойкот китайских магазинов в Мексике

партия китайцев Веракруса выступила с воззванием против американского и европейского засилья в Мексике, явно стремясь потрогать коренному населению.

Однако если американских граждан активно защищало собственное правительство, то в охваченном междоусобицей Китае властям было явно не до соотечественников в далекой Мексике. В некоторых случаях от посягательств многочисленных «революционеров» и просто бандитов китайцев защищали американские консулы. В 1924 году представители китайской общины в Торреоне прямо попросили американского консула о «моральной поддержке». Правда, сами США запретили въезд китайских рабочих еще в 1882 году.

Как мы уже говорили, китайцев ненавидел не только малообразованный Вилья, чьи части нередко грабили китайские лавки и убивали их хозяев. Еще в 1913 и 1915 годах в родном штате Обрегоне Соноре проходили уличные антикитайские погромы, во время которых китайцев били и раздевали догола на улицах. В 1919 году губернатор Соноры «прогрессист» дела Уэрта направил послание парламенту штата, в котором говорил об «антагонизме» между китайцами и мексиканцами из-за китайского монополизма в бизнесе и распространения заразных заболеваний. Под влиянием этого послания парламент штата в 1919 году принял закон, обязавший всех иностранцев нанять на свои предприятия минимум 80% мексиканцев. Это была явно анти-китайская мера (американские предприниматели и так не работали сами).²¹⁰

Позднее Сонора пошла еще дальше: китайцев обязали с 1925 года жить в специальных гетто. За два года до этого в штате были запрещены браки между китайцами и мексиканцами. Затем китайские гетто возникли в Синалоа, Мичоакане и Сакатекане. За проживание вне гетто китайцев наказывали штрафами и тюремным заключением. Надо отметить, что во многом мексиканское законодательство подражало здесь законам, существовавшим в то время в США.

Тем не менее Обрегон, как и его преемник Кальес, понимая важность китайского малого бизнеса для мексиканской экономики, старались не допускать откровенного физического насилия над эмигрантами из Поднебесной. В сентябре 1925 года федеральная армия силой подавила антикитайские погромы в Соноре. Ранее, в июле того же года президент Плутарко Кальес²¹¹ встретился с лидерами Антикитайской лиги (таких ксенофобских групп в Мексике было немало) в Торреоне. Выразив, по сути, сочувствие «борцам за чистоту нации», он, лишь попросил не ставить насилием под удар мексикано-китайский договор 1899 года, так как Мексика должна соблюдать свои международные обязательства. Это не помешало упомянутой лиге совершить антикитайский погром на рынке Торреона уже в следующем году. КРОМ пикетировал и закрывал китайские магазины и закусочные под предлогом того, что их владельцы не нанимают на работу мексиканцев.

Антикитайский расизм дал свои плоды - если в 1926 году в Мексике насчитывалось 24 218 китайцев, то в 1940 году их количество сократилось до 4856 человек.

Необходимо подчеркнуть, что первый советский полпред в Мехико Станислав Пестковский вскоре после своего приезда в октябре 1924 года беседовал с китайским посланником и предложил «содействие в

воздействии на мексиканское правительство и общественное мнение в духе против этой кампании (к которой присоединились и лабористы)». Пестковский просил, чтобы китайское посольство сообщало ему о ходе переговоров по этому вопросу с мексиканскими властями. «Китаец уклонился от ответа».212

Несмотря на то, что публично Обрегон называл армию «самой мощной ветвью революции», он с самого начала своего пребывания у власти стал создавать на местах вооруженный противовес местным военным вождям. В тех штатах, где генералы вели себя особенно своевольно или просто подозрительно, Обрегон позволял вооружать крестьян из местных отделений аграристской партии Сото-и-Гамы или рабочих из лабористской партии Моронеса. В случае военного мятежа правительство могло опереться на вооруженную силу аграристов и лабористов. Если же последние проявляли излишнюю самостоятельность, организуя несанкционированные забастовки или настойчиво требуя землю, тоармейские части использовались уже против этих вчерашних союзников. Часто против крестьян бросали и бойцов «социальной обороны», в которой состояли в основном зажиточные люди. Зачастую «социальная оборона» находилась на содержании у помещиков и жестоко терроризировала местных крестьянских вожаков, не останавливаясь перед убийствами наиболее активных сторонников аграрной реформы.

Отношение Обрегона к политическим организациям крестьянства уже в первом своем письме из Мехико в Москву прекрасно охарактеризовал советский полпред Пестковский: «Обрегон вел очень хитрую политику. В тех местах, где были сильны помещики (враги мексиканской «революции»), он давал крестьянам вооружение, используя их силы против своих врагов (Veracruz). Там же, где помещики были слабы, а крестьяне - крепки -Обрегон разоружал последних (Юкатан)».213

Обрегон называл свое правительство «рабоче-крестьянским», так как и аграристы, и лабористы его не только официально поддерживали, но и занимали высокие посты на федеральном уровне. На самом же деле он видел в рабочей и крестьянской партиях инструменты своего господства над этими беспокойными слоями населения и противовес армейской верхушке. Это был классический бонапартизм режима, не имевшего твердой социальной опоры в обществе. Для себя Обрегон узурпировал роль политического арбитра, что позволяло ему контролировать обстановку на местах.

Что касается партийной системы Мексики, она при Обрегоне так и не приобрела законченного вида. Партии по-прежнему создавались в основном под выборы. Правительство поддерживало административным ресурсом «свои» партии и жестко преследовала «чужие», то есть не подконтрольные. Единственной общенациональной партией, не созданной напрямую властями, была Коммунистическая.

Мексиканская революция полностью отстранила от участия в политическом процессе состоятельную верхушку общества. Если у помещиков и не отбирали собственность, тоникакой роли в принятии решений в стране они при этом не играли. Часто помещики жаловались на бесчинства армии, которую сами же приглашали для борьбы с крестьянами окрестных деревень. Солдаты ни за что не платили и занимались «реквизициями». Они понимали, что правительство не сможет открыто встать на сторону «реакционеров»-латифундистов против солдат-«революционеров». Иногда какой-нибудь местный командир сам подбивал батраков на забастовку, а потом обещал помещику быстро ее подавить за кругленькую сумму.

Поэтому большинство прежнего правящего класса ненавидело революцию, а многие из столпов общества эмигрировали вместе с Уэртой в 1914 году. Открыто контрреволюционных партий в Мексике не существовало. Во-первых, учредить такую партию было бы небезопасно. А во-вторых, большинство населения твердо стояло на позициях защиты завоеваний революции.

Единственной оппозиционной силой была католическая церковь. Однако и она побаивалась антиклерикальной армии (сонорцы-северяне если и не были атеистами поголовно, то предпочитали «прогрессивное» американское протестантство отсталому католичеству). Церковь лишь в осторожной форме просила не ограничивать количество священнослужителей против воли населения.

Политика местных властей по отношению к церкви была разной, но в целом, как отмечали американские дипломаты, хорошим тоном считался антиклерикализм.214 Прогрессист Обрегон видел в католической церкви одно из препятствий на пути индустриализации страны. Наконец, католиков многие мексиканцы считали проводниками иностранного, прежде всего испанского влияния. А испанцев, прежних колонизаторов, в стране очень не любили, и они были единственными иностранцами, помимо арабов и китайцев, сильно пострадавшими в ходе революции.

Политические партии страны участвовали в федеральных парламентских выборах на основе принятого при Каррансе 2 июля 1918 года избирательного закона. Для того чтобы участвовать в голосовании, партии должны были иметь как минимум 100 учредителей, руководящий орган и политическую программу. В названии партии не должно было быть ничего религиозного.²¹⁵

На выборах в Конгресс в 1920 году новая власть поддержала прежде всего кандидатов Либерально-конституционалистской партии, которая еще в 1919 году первой одобрила кандидатуру Обрегона. Дали пройти в парламент и небольшому количеству аграристов²¹⁶ и лабористов.²¹⁷ Однако мексиканский Конгресс традиционно был настроен критически по отношению к исполнительной власти, и к 1922 году отношения либеральных конституционалистов и Обрегона испортились.

В конце 1921 года 90 депутатов Конгресса от партии либеральных конституционалистов внесли законопроект о коренной реформе системы власти в Мексике. Президента теперь должен был выбирать Конгресс, а не население. Глава государства уже не мог, как раньше, произвольно распустить палату депутатов. Отныне это могло произойти лишь с согласия Сената. Министров тоже должна была назначать нижняя палата Конгресса, выбирая одного кандидата из трех, предложенных президентом.²¹⁸ Фактически согласно этому законопроекту Мексика превращалась в парламентскую республику. Обрегону с помощью лабористов и аграристов удалось «замотать» законопроект в комиссиях Конгресса. В свою очередь, для того чтобы отомстить Обрегону и лабористам, либеральные конституционалисты заблокировали в Конгрессе принятие внесенного Обрегоном федерального рабочего законодательства. Характерно, что из-за неприязни к КРОМ против рабочего законодательства проголосовали и аграристы. Союз Обрегона с Либерально-конституционалистской партией, таким образом, распался.

Не устраивал Обрегона и радикальный национализм большинства депутатов Конгресса, который мог стать препятствием на пути нормализации отношений с США. Тем более что на горизонте уже маячили следующие президентские выборы, и Обрегон не мог позволить себе иметь оппозиционный парламент.

Поэтому на выборах в Конгресс 1922 года правительство, во-первых, попыталось расколоть либеральных конституционалистов, а во-вторых, сделало помимо аграристов и лабористов ставку на Национальную кооперативистскую партию, превратив ее в квазиправящую.²¹⁹ Однако потеря либеральными конституционалистами парламентского большинства в 1922 году не сильно изменила критический настрой депутатов. Сама же Либерально-конституционалистская партия, потеряв доходные места в ведущих постоянных парламентских комитетах, начала быстро распадаться.

Перед выборами в Конгресс лабористы, аграристы, кооперативисты и Социалистическая партия Юго-Востока²²⁰ образовали проправительственный предвыборный блок - Национально-революционную конфедерацию, чтобы объединенными усилиями не допустить нового доминирования либеральных конституционалистов в Конгрессе. В новом составе Конгресса большинство мест было уже у кооперативистов (абсолютное в нижней палате и относительное - в Сенате). Характерно, что Обрегон не дал получить большинство своим самым активным союзникам - аграристам и лабористам. Президент полагал, что только образованные слои общества должны реально управлять Мексикой. Рабочим и крестьянам он отводил роль «массовки» на внепарламентской сцене.

Все эти маневры ничем не отличались от политики Каррансы. А сами проправительственные партии рассматривались Обрегоном только как инструмент контроля гражданской части политически активного населения.

У оппозиционных партий (типа Коммунистической) фактически не было никакой свободы деятельности, если только они не соглашались перейти в правительственный лагерь. Например, в августе 1921 года министр внутренних дел Кальес лично вопрепятствовал принятию резолюции о присоединении к Коминтерну социалистов Юкатана.

Коммунисты никак не поддавались дрессировке, потому что имели собственную идеологию и не стремились любой ценой занять теплые места в правительственном аппарате. Коминтерн ориентировал партию на превращение мексиканской буржуазной революции в пролетарскую. Коммунисты были довольно популярны в массах, так как активно участвовали во всех выступлениях рабочих и крестьян в защиту своих прав. Особенно сильно влияние компартии чувствовалось в штатах Веракрус, Юкатан, Халиско, Пуэбла, Мичоакан, Тамаулипас и столичном федеральном округе. Фактически под руководством коммунистов находились

крестьянские организации в Веракрусе, Халиско и Мичоакане. В 1919-1929 годах компартия издавала 13 периодических изданий и информационных бюллетеней. Самой известной была газета «Эль Мачете», которая единственная в Мексике выходила в двух цветах - красном и черном.

Проблемой коммунистов было отсутствие ярких лидеров общенационального масштаба. Основной задачей компартии в начале 20-х годов являлось создание независимого от властей рабочего общенационального профсоюза.

15 февраля 1921 года в Мехико открылся Красный профсоюзный конгресс, на котором присутствовали делегаты из 12 штатов, в том числе и от крестьянских организаций. Конгресс принял решение добиваться установления в Мексике власти рабочих и крестьян по образцу Советской России. На конгрессе разгромной критике подверглась КРОМ как соглашательская проправительственная организация, слепо следующая за идеологическими установками американской АФТ. 18 февраля 1921 года конгресс провозгласил создание нового независимого профцентра Мексики - Всеобщей конфедерации труда (ВКТ). Формально новый профцентр был надпартийным, но коммунистам разрешили осуществлять в его рядах партийную деятельность «культурно-пропагандистского» характера.²²¹

Правительству новая организация сразу не понравилась уже хотя бы потому, что подрывала монополию дружественного ему КРОМ на рабочее движение. Причем по численности «красные» профсоюзы едва ли уступали КРОМ (кромистов называли «желтыми»), насчитывая в своих рядах, по разным данным, от 40 до 60 тысяч членов. Опорой ВКТ были профсоюзы столичного региона, что усиливало подозрительность властей. Правительство Обрегона, правда, радовала идеологическая неразбериха в новом профцентре, где анархисты всеми силами стремились навязать свою утопическую теорию «либертарного коммунизма». На практике эта концепция означала, например, неучастие анархистов во всех выборах, что было только на руку властям.

Но в то же время ВКТ впервые поставила в повестку дня вопрос об общенациональной забастовке, которая была настоящим кошмаром для Обрегона.

Материальное положение мексиканских рабочих в начале 20-х годов очень разнилось. Электрики, железнодорожники и шахтеры получали весьма неплохую заработную плату - от 4 до 15 песо в день (для сравнения - сельскохозяйственные рабочие в основном довольствовались одним песо в день). В хорошем положении находились и нефтяники. Эти «рабочие аристократы» свысока посматривали на текстильщиков и пищевиков. Последние получали в среднем полтора песо в день, как и при диктаторе Диасе. Однако за время революции примерно в три раза выросли цены на предметы первой необходимости, и для содержания семьи из пяти человек в августе 1922 года требовалось около 200-400 песо в месяц.²²²

В 1920-1921 годах вследствие послевоенного экономического кризиса и обструкционистской позиции американских нефтяных компаний выросла безработица, которая затронула к концу 1921-го 250 тысяч человек, включая постоянных сельскохозяйственных рабочих.

Однако в целом забастовки рабочих во времена Обрегона носили не только экономический, но и политический характер, хотя даже по сравнению с некоторыми мелкими торговцами рабочие жили относительно неплохо. В 1921 году в Мексике было зафиксировано 310 забастовок, а годом позже - 361.

Например, в феврале-марте 1921 года всеобщую забастовку объявили железнодорожники. Эти события ознаменовали отход «сторонника пролетариата» Обрегона от поддержки рабочих, которой те пользовались еще во время короткого правления де ла Уэрты.

Железнодорожники были настоящей костью в горле правительства. Во-первых, их профсоюз, один из самых влиятельных в стране и насчитывавший 28 тысяч членов,²²³ вышел из КРОМ и примкнул к коммунистам. Министр труда и лидер КРОМ Моронес создал альтернативный профсоюз железнодорожников, но никакого влияния даже при поддержке властей эта организация так и не завоевала. Во-вторых, Обрегон хотел реприватизировать железные дороги, чтобы избавиться от висевшего на них долга, являвшегося частью государственного. Но частные инвесторы требовали резкого сокращения зарплаты персонала, а независимый профсоюз железнодорожников был против этого.

Полпред Пестковский совершенно верно отмечал в своем донесении в Москву в 1925 году: «Так как для мексиканского правительства железные дороги имеют, прежде всего, стратегическое значение, то оно стремится всегда к уничтожению каких бы то ни было железнодорожных союзов».²²⁴

Правительство руками КРОМ само спровоцировало забастовку на железных дорогах. Под давлением

Моронеса из единого профцентра железнодорожников вышли два профсоюза. После этого директор национальной железнодорожной компании Франсиско Перес отказался признать независимый профсоюз партнером по коллективным переговорам.²²⁵ В ответ профцентр железнодорожников объявил забастовку, к которой присоединились 80% персонала железных дорог. Только в столице бастовали около 8 тысяч железнодорожников.²²⁶ Впервые в истории Мексики забастовка перестала быть отраслевой - многие профсоюзы (текстильщики Пуэблы, электрики и трамвайщики столицы) под влиянием только что созданного ВКТ и при поддержке компартии объявили стачки солидарности. Забастовщики требовали признания независимого профсоюза железнодорожников и отставки Переса.

Обрегон обвинил железнодорожников в саботаже и заявил, что забастовщики победят только тогда, когда смогут отстранить его от власти. Сам трудовой конфликт президент пытался представить как спор между различными профсоюзами. «Я согласен, что надо защищать передовые принципы, победы которых за последние годы добился рабочий класс всего мира и нашей страны в частности. Но над этими принципами стоит принцип авторитета государственной власти».²²⁷ На железных дорогах было введено военное положение, и поезда под охраной солдат водили штрейкбрехеры из числа мексиканских эмигрантов в США, которых КРОМ вернул на родину с помощью АФТ. Лидеры КРОМ, особенно Моронес и Тревиньо, произносили зажигательные речи, отстаивая «свободу труда», то есть право тех, кто не входил в профсоюз, продолжать работу невзирая на забастовку.

Если бы не вмешательство де ла Уэрты, забастовка была бы разгромлена. Возможно, не обошлось бы без многочисленных человеческих жертв и арестов. Однако помощь бывшего временного президента²²⁸ компартии привела к тому, что стачка закончилась победой: властям пришлось признать независимый профсоюз. Выполнил де ла Уэрта и главное требование бастующих - уволил директора железных дорог, что было хлесткой пощечиной КРОМ, незадолго до этого заключившему с тем секретное соглашение о разгрома забастовки.

Второй мишенью правительства стал столичный профсоюз трамвайщиков (4 тысячи членов), также примыкавший к ВКТ и компартии. Если железнодорожники могли стачкой парализовать всю страну, то трамвайщики легко могли бы сделать то же самое с Мехико. Карранса 7 мая 1919 года вернул временно национализированную в ходе революции столичную трамвайную компанию англо-канадской (фактически британской) фирме.²²⁹ Старые новые владельцы начали активную борьбу с профсоюзом, под разными предлогами увольняя активистов. Трамвайщики образовали свой единый профцентр под прямым влиянием Красного профсоюзного конгресса.

В начале 20-х годов экономическое положение трамвайщиков ухудшилось, так как на улицах Мехико появились автобусы. Англо-канадские владельцы трамваев стали вкладывать деньги в автобусный парк и снижать инвестиции в развитие трамвайной сети. Для трамвайщиков это оборачивалось сокращением зарплат и увольнениями, что вынуждало профсоюз действовать более агрессивно.

Трамвайщики активно поддержали забастовку железнодорожников, что сделало их врагами КРОМ и Обрегона. Глава столичного федерального округа кромист Гаска урезал подачу тока на линии, и движение трамваев было сокращено. Соответственно, платить трамвайщикам стали меньше. Те пригрозили общей забастовкой, если им не вернут прежний уровень заработной платы. При посредничестве того же Гаски в июле 1921 года все закончилось компромиссом - правительство только провело разведку боем. Однако с тех пор трамвайщики возненавидели Гаску и заключили соглашение о единстве действий со столичными булочниками. Теперь в случае новой забастовки Мехико грозил не только транспортный паралич, но и голод.

Находившиеся под влиянием ВКТ трамвайщики нередко игнорировали требование законодательства о предупреждении властей о начале забастовки за 10 дней, что вызывало недовольство правительства.²³⁰

В ноябре 1921 года руководство компании уволило еще несколько десятков активных членов профсоюза, формально соблюдая закон - уведомив увольняемых за 36 часов и выплатив им зарплату за три месяца вперед. 8 декабря трамвайщики при поддержке булочников начали предупредительную забастовку, требуя восстановления на работе своих активистов.

На этот раз в дело уже вмешался Обрегон, обычно заявлявший, что у него нет полномочий для непосредственного участия в урегулировании трудовых споров, причем вмешался по просьбе работодателя. Президент назвал забастовку незаконной, так как компания не нарушила требований законодательства при

увольнении. Профсоюз активно оправдывался: он бастует не против властей, а только против своей фирмы. Но, увидев, что Обрегон не на их стороне, трамвайщики на манифестации 13 декабря 1921 года потребовали землю крестьянам и заводы рабочим, то есть перешли, по мнению правительства, на позиции большевизма. Обрегон всячески уклонялся от встречи с бастующими, передавшими ему несколько петиций, а КРОМ, отбросив показной национализм, был готов помочь иностранным капиталистам против своих же братьев-мексиканцев, предоставив штрейкбрехеров.²³¹ 17 декабря Обрегон прекратил забастовку государственным посредничеством - уволенным лишь несколько увеличили компенсацию. 31 декабря Гаска поздравил Обрегона не только с наступающим Новым годом, но и с победой над трамвайщиками.

Однако последние были еще далеко не сломлены. Когда в мае 1922 года последовали новые увольнения, профсоюз потребовал заключения коллективного договора. По сути, это означало признание компанией профсоюза как единственного представителя рабочих и служащих. Обрегон опять высказал свое мнение: компания по закону признавать профсоюз не обязана, но, наверное, сделала бы это, если бы рабочие вели себя более умеренно. Угроза забастовки в мае 1922 года была для правительства особенно опасной - в США шли переговоры о реструктуризации внешнего долга Мексики. На этом фоне Обрегон и КРОМ считали любые забастовки ударом в спину правительству.²³² Однако такие упреки в национальной измене профсоюз не впечатлили. 13 июня 1922 года трамвайщики не вышли на работу, но КРОМ мобилизовал свой профсоюз шоферов и владельцев грузовиков, которые, пользуясь отсутствием конкуренции, стали активно перевозить пассажиров. Забастовка трамвайщиков опять не увенчалась успехом.

Чувствуя катастрофический спад своей популярности,²³³ КРОМ был вынужден обратиться к народу с манифестом, в котором говорилось, что трамвайщики стали «невольным инструментом национальной и международной реакции».²³⁴ Активисты КРОМ говорили на местах, что «рабочее» правительство Обрегона всегда стоит на стороне пролетариата, - если только забастовки законны. В условиях того времени законные забастовки проводил только КРОМ - все остальные попросту объявлялись властями незаконными. Действительно, если в 1921 году 74 трудовых конфликта были решены государственным арбитражем в пользу работодателей, а 41 - в пользу рабочих, то в 1922 году соотношение стало обратным: 90 в пользу рабочих и 12 в пользу предпринимателей.

Это приводило к тому, что предприниматели активно протестовали против «прорабочей» и «предзвятой» линии кабинета министров. На одной из встреч с предпринимателями министр внутренних дел Кальес отверг все обвинения в фаворитизме в пользу КРОМ и предостерег бизнес: «Окончательно ушли в прошлое времена и правительства, которые пулями

подавляли желания трудящихся классов улучшить в рамках закона и порядка свои экономические, интеллектуальные и моральные условия».²³⁵

Однако в отношении непокорных трамвайщиков правительство вскоре прибегло именно к пулям. Все развивалось по схеме, уже прошедшей обкатку на железнодорожниках. Агенты полиции доносили, что на своих собраниях трамвайщики активно ругают Обрегона за отход от его пролетарских заверений времен предвыборной кампании 1920 года. В начале 1923 года КРОМ попытался расколоть профсоюз трамвайщиков, но большинство рабочих не пошло за альтернативным кромистским профцентром. Пестковский спустя два года так описывал историю забастовки трамвайщиков в своем политическом отчете в НКВД: «Желая вырвать руководство движением трамвайщиков из рук анархистов, лабористы по тайному соглашению с компанией организуют другой параллельный союз, добиваются его признания компанией, договариваются с ней и срывают забастовку».²³⁶

Чтобы спровоцировать трамвайщиков, компания в начале 1923 года объявила о сокращении уже не отдельных рабочих, а 10% персонала. Рабочие пригрозили забастовкой, если компания помимо трех окладов не выплатит уволенным еще и по окладу за каждый год работы. Никакого экстремизма в этом не было - именно такой порядок, например, оговаривался в коллективном трудовом договоре столичных электриков с государственной электрической компанией.

21 января 1923 года началась стачка трамвайщиков, среди руководства которой были коммунисты, и профсоюзы ВКТ пригрозили всеобщей забастовкой солидарности. Выразили солидарность и некоторые крестьянские организации - опять же, главным образом те, что находились под влиянием коммунистов. Водители грузовиков на этот раз даже помогали забастовщикам материально, выделяя им по 2 песо на человека

каждый день. Обрегон встретился с делегацией стачечников и «как друг трудящихся» пообещал передать петицию владельцу компании Конвею (тот сказался больным), если рабочие отступят от своих главных требований, например, от выплаты заработной платы за время забастовки. Однако именно после встречи с Обрегоном кромисты 27 января 1923 года сформировали альтернативный профсоюз²³⁷ и заверили компанию, что скоро забастовка закончится.

Стачка же, наоборот, распространялась на новые сектора экономики (ее подхватили булочники, кондитеры, телефонисты) и пускала корни в различных регионах страны - впервые угроза ВКТ о всеобщей забастовке стала приобретать реальные черты. Крестьяне в некоторых районах под влиянием призывов ВКТ стали захватывать помещичьи земли.

Правительство выпустило из тюрем уголовников, которые под охраной полиции пытались водить трамваи. Пикетчики закидывали их камнями. Постоянно вспыхивали потасовки. Гаска вывел на улицы 800 солдат, пятеро солдат сопровождали каждый трамвай штрейкбрехеров. Забастовщики ответили на это массовым митингом против КРОМ и Гаски 31 января 1923 года. Участников митинга принял Обрегон. Он опять говорил о своих симпатиях к пролетариату. Именно по просьбе рабочих (то есть «желтого» раскольнического профсоюза) правительство, дескать, и вынуждено прекратить забастовку, чтобы дать возможность работать тем, кто этого хочет.

10 февраля правительство объявило о возобновлении трамвайного сообщения под охраной солдат. Когда один из трамваев проходил мимо здания местного отделения ВКТ на Калье (улице) Уругвай, путь ему преградили рабочие. Войска открыли огонь. Рабочие забаррикадировались в здании ВКТ и открыли ответную стрельбу, хотя большинство из них были безоружны. Когда войска все же взяли здание, были арестованы более 150 рабочих. В бою погибли четверо и были ранены 15 человек. В погоне за «красными» полиция заодно захватила и штаб-квартиру профсоюза булочников. Министр внутренних дел Кальес заявил, что правительство лишь ответило силой на силу. Обрегон получил телеграмму от профсоюза булочников, которые сравнивали действия «революционного» правительства с политикой «тирана Диаса». Большинство столичных газет и, естественно, североамериканская пресса поддержали жесткие действия правительства против «иностранцев-заговорщиков».

Верхом цинизма было то, что КРОМ поддержал Гаску и одновременно осудил кровавые действия войск и полиции, которые, собственно, и стреляли по команде того же Гаски. КРОМ даже направил письмо директору столичной газеты «Эль Демократа» Вито Алесио Роблесу (он же - сенатор от штата Коауила). В нем подчеркивалось, что КРОМ занимает по отношению к кровавым событиям «нейтральную» позицию, а попытки свалить на него вину за эти события являются «злонамеренными».

Интересно, что сразу же после расстрела забастовщиков Обрегон и Кальес уехали из Мехико. Вито Алесио Роблес попросил оставшегося «на хозяйстве» де ла Уэрту принять забастовщиков в присутствии депутатов Конгресса. Встреча вылилась в единодушные обвинения компании и КРОМ за провоцирование забастовки. Де ла Уэрта согласился освободить около 200 арестованных (в руках полиции осталось семь человек) и выслать замешанных в организации забастовки иностранцев из страны. Уже не в первый раз де ла Уэрта показал себя более последовательным «другом рабочих», чем Обрегон.

Разгром независимых профсоюзов на этом не закончился. Правительство давно беспокоило профцентр горняков угольных шахт Коауилы «Унион Минера Мексикана», также связанный с ВКТ.

В октябре 1920 года стачку устроили около 100 тысяч горняков Коауилы, практически парализовав всю металлургию страны. Рабочие требовали повышения зарплаты и улучшения условий труда. Местные власти поддерживали работодателей в борьбе с профсоюзом и даже угрожали использовать против шахтеров «руралес», что случалось только при диктатуре Диаса. В марте 1923 года, когда компания отказалась восстановить 14 уволенных активистов профсоюза, началась забастовка. Рабочие собрались на митинг, но по ним открыли огонь войска, убив троих манифестантов.²³⁸²³⁹ При этом войска и вооруженные штрейкбрехеры были сконцентрированы под прикрытием священного для мексиканцев праздника 5 мая. Даже КРОМ выступил с протестом против действий армии, но Обрегон решительно встал на сторону военных, заявив, что забастовка была незаконной.²⁴⁰ После подавления стачки было уволено еще больше шахтеров. Позднее и КРОМ солидаризировался с англичанами и «свободными рабочими» (то есть штрейкбрехерами), заявив, что последние легально получили оружие от властей штата Коауилы.

Правительство Обрегона жестоко подавило и забастовочное движение текстильщиков Пуэблы, где многие

фабрики также принадлежали иностранцам, а профсоюзы симпатизировали ВКТ. Условия работы на текстильных фабриках Пуэблы оставались крайне тяжелыми еще со времен Диаса: длинный рабочий день, антисанитария в цехах и т.д. В конце 1921-го - начале 1922 года, когда инспектор по трудовым вопросам Министерства промышленности посетил текстильные фабрики Пуэблы и Орисабы, бастовали 10 из 29 предприятий. Предприниматели заявили инспектору, что «рабочий вопрос» - их главная головная боль. Мексиканский рабочий-де в целом неплох, но только до той поры, пока он не вступит в профсоюз.²⁴¹

В 1922 году объявили забастовку текстильщики в городе Атлиско, неподалеку от Пуэблы, требуя восстановления на работе пяти уволенных профсоюзных активистов. Хозяева отказались вести переговоры и пригласили штрейкбрехеров из католических профсоюзов. Но это только еще больше разгневало рабочих, и стачка перекинулась на соседние фабрики.²⁴² Под предлогом сохранения порядка Обрегон ввел в Атлиско войска. Солдаты стреляли в забастовщиков, убив много людей. Военным помогали полиция и вооруженные хозяевами штрейкбрехеры. Губернатор Пуэблы приказал очистить от штрейкбрехеров фабрики, однако против этого выступил министр промышленности Моронес.²⁴³ В результате стачки на место уволенных сторонников ВКТ пришли члены КРОМ.

Таким образом, всей стране стало ясно - «друг трудящихся» Обрегон, в отличие от де ла Уэрты, готов стрелять в рабочих, если те выходят из-под контроля КРОМ или правительства. Причем и в случае с трамвайщиками, и в случае с горняками речь шла об иностранных предприятиях, владельцами которых были англичане. Жестоко подавляя забастовки, Обрегон демонстрировал иностранному капиталу свою лояльность. Интересно, что правительство стояло на стороне английских компаний, хотя Англия не признавала Мексику при Обрегоне. Но так как американское посольство в Мехико представляло, по сути, дела и интересы Великобритании, Обрегон вел себя по отношению к британцам крайне предупредительно. Эту тенденцию прекрасно понимал советский полпред в Мехико Пестковский, который сообщал в Москву: «...правительство и лабористы стараются не допускать забастовок в иностранных, особенно американских предприятиях».²⁴⁴

Во времена правления Обрегона активно бастовали и нефтяники Тампико, находившиеся под идейным влиянием анархистов.

Переворот 1920 года и рабочая риторика Обрегона только усилили забастовочное движение в стране. Если в 1920 году было «официально» зарегистрировано 173 забастовки с числом участников 88,5 тысячи, то в следующем году 310 забастовок охватили уже 100 тысяч человек. В 1922 году прошло 197 забастовок, а в 1923-м - 146. Число бастующих снижалось (71 тысяча в 1922 году и 61 тысяча - в 1923-м), так как правительство в преддверии президентских выборов активно «закручивало гайки».

Весной 1922 года в некоторых городах Мексики (прежде всего в штате Веракрус, где рабочие были традиционно очень боевыми, а также в Гвадалахаре, Тампико и Монтеррее) активизировалось движение «инкили-нос», то есть квартиросъемщиков. Протестующие были возмущены резким ростом квартирной и арендной платы и призывали не выплачивать «грабительскую квартплату». Движение возглавляли коммунисты.²⁴⁵

Обрегон с оглядкой на лабористов, которым дышала в спину коммунистическая конкуренция, был не прочь успокоить рабочих уступками в социально-экономической сфере. Однако Конгресс был настроен гораздо более консервативно. Многие депутаты считали требования рабочих «диктатом», сковывавшим предпринимательскую частную инициативу. Например, как уже упоминалось выше, в декабре 1921 года Конгресс отверг законопроект Обрегона, которым вводилось социальное обеспечение рабочих за счет предпринимателей и планировалось создание акционерной компании по строительству жилья для рабочих и служащих. Этот законопроект был откликом на движение «инкилинос», и его провал, в свою очередь, как раз и побудил к активным действиям квартиросъемщиков, понявших, что надеяться на власти смысла нет.

В то же время во многих штатах было принято прогрессивное рабочее законодательство (Сонора, Веракрус, Юкатан - в двух последних штатах были очень сильны коммунисты). Но на местах все по-прежнему зависело от идеологической ориентации губернатора или командующего войсками, причем часто эти два самых влиятельных лица штата занимали прямо противоположные позиции. Например, в Веракрусе прогрессивный губернатор Адальберто Техеда боролся с откровенно реакционным командующим Гуадалупе Санчесом.

В целом Обрегон подходил к рабочему вопросу с прогрессивистской и технократической точек зрения. Если забастовки нарушали общественный порядок, то правительство, не колеблясь, применяло силу. Так было, в

частности, во время упоминавшихся выше забастовок железнодорожников в 1921 году и трамвайщиков Мехико - в 1923-м. На встрече с делегацией бастовавших трамвайщиков 5 февраля 1923 года Обрегон говорил: «Вы выбрали борьбу с использованием оружия. Я хотел бы, чтобы вы поняли, что правительство намерено ответить оружием. Пока я являюсь главой государства, я приму все меры, чтобы добиться уважения законов».

Войска расстреливали митинги «инкилинос», так как невнесение квартплаты за проживание признавалось нарушением свободы торговли.

Тем не менее Обрегон являлся сторонником улучшения условий труда рабочих, так как это приблизило бы страну к стандартам цивилизованных европейских стран (рабочее законодательство США в то время было более отсталым, чем в Мексике). Предпринимателям президент разъяснял: «Мы считаем ошибочным мнение (которое имеется у многих капиталистов), что, представляя трудящимся определенные права, они подвергают опасности свои интересы, так как математически доказано, что больше производит тот работник, который лучше питается и с которым лучше обращаются...» Эти взгляды Обрегона были, конечно, утопическими - ведь повышение зарплаты автоматически означает снижение прибыли капиталиста, и убедить его в обратном невозможно.

Правительство пыталось на примере немногочисленных государственных предприятий показать всем, какими должны быть нормальные условия труда. Образцово-показательным был арсенал в пригороде Мехико Такубайе,²⁴⁶ которым управлял Моронес. На фабрике работали примерно полторы тысячи человек, в основном женщины. Заработная плата была выше, чем в среднем по стране (от 2,5 до 16 песо в день). Строго соблюдался восьмичасовой рабочий день. В духе классового партнерства на средства рабочих и отчисления от прибыли предприятия были построены столовая, ясли, детский сад, школа, поликлиника, спортивные площадки, кинозал. Представители профсоюза фабрики (естественно, КРОМ) имели право совещательного голоса при решении вопросов, затрагивающих положение рабочих. Правда, частные предприниматели Мексики, а тем более иностранцы следовать примеру Такубайи не спешили.

Государство при Обрегоне активно вмешивалось в трудовые споры, часто принимая сторону рабочих - правда, в основном тогда, когда профсоюз на бастовавшем предприятии входил в КРОМ. Были даже случаи, когда войска и полиция не допускали штрейкбрехеров на предприятия.

В апреле 1922 года Верховный суд Мексики принял важное прецедентное решение по рабочему вопросу, возмущившее предпринимателей: трудовые конфликты находятся в сфере не частного, а публичного права, поэтому государство полномочно влиять на их решение.²⁴⁷ Согласно этой логике в августе 1923 года было признано незаконным обжалование решений государственного арбитража в гражданских судах. Впрочем, решения государственного арбитража носили рекомендательный характер, и юридических оснований заставить предпринимателей их выполнять не было. В каждом конкретном случае все зависело от позиции местных властей, которые при желании могли вынудить предпринимателей под неформальным давлением принять условия арбитража.

Помимо общего прогрессистского настроения Обрегона политику его правительства в рабочем вопросе определял важный общеполитический фактор - отношения президента с КРОМ. КРОМ и его Лабористская партия рассматривались в качестве важного противовеса армии на случай военного мятежа. При Обрегоне численность КРОМ выросла до 200 тысяч человек. Сами кромисты говорили о миллионе членов, но эти данные представляются сильно завышенными. Хорошо информированный советский полпред

Пестковский считал «чистым враньем» даже слова о 200 тысячах членов.²⁴⁸ Во многих профцентрах КРОМ, существовавшего в изрядной степени на подачки властей, плохо собирались членские взносы и учет членов велся крайне неаккуратно.

Основным влиянием КРОМ пользовался среди малооплачиваемых слоев пролетариата - текстильщиков и сельскохозяйственных рабочих. Доминировал КРОМ и среди государственных служащих, так как без профсоюзного билета этой организации было весьма трудно надеяться на благоприятное развитие карьеры. К тому же с государственных служащих было легче собирать профсоюзные взносы - их просто удерживали из зарплаты.

Весь авторитет КРОМ базировался на тесных связях его верхушки с правительством. Пестковский сообщал в Москву в 1925 году: «По существу партия труда²⁴⁹ представляет из себя так называемых «рабочих лидеров», состоящих на жаловании правительства (все они занимают те или иные государственные посты)... При господствующей в Мексике общей коррупции и nepотизме данная небольшая группа политиканов может

играть большую роль в политике».250Так и было.251

Генеральный секретарь КРОМ Селестино Гаска был губернатором столичного округа. Член руководства КРОМ Сервантес Торрес возглавлял главную инспекцию по разрешению трудовых споров при Министерстве промышленности и торговли. Однако Обрегон не выполнил главного условия секретного соглашения между ним и Моронесом, заключенного в августе 1919 года, - не создал Министерство труда. Когда Моронес попытался добиться своего назначения на пост министра промышленности и торговли (ведомство занималось в числе прочего и рабочим вопросом), то получил отказ. Не пошел Обрегон и на учреждение в мексиканских посольствах должностей «рабочих атташе», как настаивал Моронес.

В связи со всем этим к концу президентства Обрегона в отношениях Моронеса и главы государства наметилось охлаждение. К тому же Моронес сам лелеял в глубине души президентские амбиции. Лидер КРОМ все больше и больше делал ставку на Кальеса, так как последний имел стойкую репутацию «пролетария» и даже «большевика».

Согласно своим программным установкам КРОМ выступал за ликвидацию капитализма. Однако сделать это предполагалось не путем революции, а через постепенный выкуп рабочими собственности предпринимателей.

«Мы будем не атаковать капитал, а добиваться равенства труда и капитала». В этом смысле Моронес строго следовал в фарватере правительственной политики, предусматривавшей любое отчуждение собственности только при условии выплаты возмещения. Идейнными отцами рабочего движения КРОМ считал Платона, Прудона, Маркса и Энгельса.

Моронес не мог не считаться с ростом популярности Советской России в Мексике. Советский эксперимент КРОМ изображал в светлых тонах, но с важной оговоркой: русская революция - явление, типичное только для России, в Мексике его повторить нельзя. В июле 1921 года КРОМ направил в Москву для установления контактов с РСФСР (между Советской Россией и Мексикой тогда еще не было налаженных дипломатических отношений) своего бывшего генерального секретаря Мартинеса.252Поездка была согласована с правительством Обрегона, который вообще активно использовал КРОМ для укрепления международного положения Мексики. Мартинес выступил в Москве с докладом, в котором говорил о симпатиях мексиканского пролетариата к русской революции и даже не исключил присоединения КРОМ к Профинтерну - международному объединению профсоюзов, находившихся под влиянием коммунистов. Принимал участие КРОМ и в сборе помощи для голодающих Поволжья. Однако после возвращения Мартинес сделал доклад о положении в Советской России, который произвел «неблагоприятное» впечатление, и контакты с Профинтерном были свернуты.

Следует отметить, что спустя еще несколько лет лидеры КРОМ прямо вводили рядовых членов своего профцентра в заблуждение, утверждая, что советские профсоюзы ничего не ответили на предложение о сотрудничестве. В мае 1925 года в советское полпредство в Мексике явился все тот же Мартинес, назначенный при Кальесе «рабочим атташе» в Москве.253Пришел он в день своего отъезда из Мехико, но, несмотря на это, виза была немедленно выдана. Полпред Пестковский устроил для Мартинеса прием, а затем проводил его на вокзал. На приеме («за рюмкой», как писал Пестковский в своем дневнике) Мартинес как раз и пожаловался, что Профинтерн до сих пор не ответил на предложение КРОМ. Пестковский показал гостю «номер одной мексиканской газеты, где в свое время был

опубликован ответ Профинтерна». Мартинес, которого полпред в отчете для Москвы назвал «весьма желтым», не нашелся что ответить.254

Дело в том, что в 1921 году X съезд РКП (б) осудил рабочую оппозицию во главе с Коллонтай и Шляпниковым. Эта оппозиция фактически требовала того же, что и КРОМ, - передачи управления всеми промышленными предприятиями в руки профсоюзов. Такое требование было очень популярно в Испании и Латинской Америке, где профсоюзы считали себя высшей формой организации рабочего класса (политические партии там были приводным ремнем профсоюзов, а не наоборот, как в Советской России). В Мексике именно КРОМ руководил Лабористской партией, а не она им. Такой синдикалистский подход российскими коммунистами отвергался, и это вызывало неприятие КРОМ.255

Налаживанию контактов между КРОМ и Советской Россией помешал и досадный дипломатический казус. В начале 1923 года в Европу с ведома Обрегона отправился Моронес, намеревавшийся посетить и Москву. В советском полпредстве в Берлине, единственном в то время в Западной Европе, он предьявил

рекомендательное письмо доктора Дубровского, который в 1922 году посетил Мексику как представитель российского Красного Креста для сбора помощи голодающим Поволжья. Моронеса попросили заполнить визовые анкеты, но он обиделся и больше в полпредстве не появлялся. Позднее и. о. полпреда в Германии Бродовский в письме замнаркома иностранных дел Литвинову оправдывался тем, что не знал, что «Морронес» является министром (сообщение об этом Дубровского из Парижа якобы запоздало). Знал он это, виза была бы выдана сразу. Впрочем, Бродовский добавил, что говорил с Моронесом «продолжительно и очень любезно».256Из Москвы пришло немедленное указание без формальностей выдать визу Моронесу при повторном обращении. Но лидер КРОМ уже отбыл в Мексику.

Литвинов писал полпреду в Германии Крестинскому 13 марта 1923 года: «Необходимо загладить неловкость с мексиканским министром Моронесом. Написать от имени берлинского полпредства в Мексику ему, что требование от него анкеты - недоразумение, и что если бы полпредство знало, с кем имеет дело, то предоставило бы визу без дальнейших распросов».257

КРОМ стремился наладить контакты и с Амстердамским интернационалом профсоюзов (то есть социал-демократической организацией [Картинка: image30.jpg] Полпред СССР в Германии Н.Н. Крестинский международного профдвижения). Моронес присутствовал на Конгрессе Международной федерации профсоюзов (МФП, как стал называться Амстердамский интернационал), однако присоединиться к МФП КРОМ не хотел - это поставило бы под удар его особые отношения с американской АФТ. А для правительства Обрегона ключевым внешнеполитическим вопросом было признание со стороны США, в чем КРОМ через контакты с АФТ мог оказать серьезное содействие. МФП же вообще не считал АФТ профсоюзной организацией в современном смысле этого слова, так как последняя отрицала классовую борьбу и строилась по цеховому, а не по отраслевому принципу.

Пестковский в первом донесении в Москву 25 ноября 1924 года писал, что «лабористы» (трудовики) находятся под влиянием АФТ. Главные руководители Моронес и Тревиньо - приятели Гомперса».258

Если КРОМ был откровенно соглашательской коррумпированной организацией, то куда более запутанно обстояли дела в созданном в 1921 году альтернативном революционном профцентре ВКТ. Вскоре выяснилось, что коммунистическая риторика этого профсоюза была лишь данью времени. Всеобщая конфедерация труда быстро перешла на позиции анархо-синдикализма и стала критиковать Советскую Россию еще сильнее, чем КРОМ. Пестковский так характеризовал мексиканских анархистов, описывая ситуацию в рабочем движении Мексики: «Анархисты. Лидеры почти ничем не отличаются от лабористов и являются такими же платными агентами правительства. Имеют влияние в профсоюзах кондитеров, деревообделочников. Являются яркими противниками коммунизма и советской власти».259Характерно, что именно анархисты (а не КРОМ) хотели устроить демонстрацию протеста по случаю прибытия в Мехико первого советского полпреда, но отказались от этого, чтобы не создавать дипломатических затруднений правительству. «Хороши анархисты!» - прокомментировал Пестковский.260

Анархисты проповедовали «прямое действие» - то есть захваты заводов и земель, образование «советов» как альтернативных органов власти. Естественно, что такие действия вызывали ответные репрессии правительства и никакой пользы рабочим не приносили. Мы помним, например, как в октябре 1922 года губернатор столичного округа, один из лидеров КРОМ Гаска отдал приказ о расстреле демонстрации бастовавших текстильщиков ВКТ, а потом сам же на заседании «группы действия» (фактически высшего органа) КРОМ осудил «действия жандармов».

ВКТ серьезно дискредитировала доктрину коммунизма, так как по-прежнему активно пользовалась «советской» и «коммунистической» риторикой. Начался отток из конфедерации отраслевых профсоюзов, не согласных с ее экстремистской тактикой. Правда, покидали профсоюзы и КРОМ - в знак протеста против его соглашательской линии. Так, после неудачи забастовки 1921 года прервал все отношения с КРОМ очень влиятельный в Мексике профсоюз железнодорожников.

Мексиканская компартия при Обрегоне фактически так и не смогла преодолеть период организационного становления. В мае 1921 года, после забастовки железнодорожников, правительство выслало из страны многих политэмигрантов, включая и лидера компартии Аллена. В этом же месяце в Мехико прошла учредительная конференция новой компартии - Коммунистической революционной партии Мексики. Но и она не смогла оформиться в полноценную организацию. Наконец, осенью 1921 года при содействии видного деятеля

Коминтерна японского коммуниста Сэна Катаямы был учрежден оргкомитет по созыву первого съезда мексиканских коммунистов. Съезд состоялся в декабре 1921 года, и лидером партии стал Мануэль Диас Рамирес, который незадолго до этого был в Москве и беседовал с Лениным.

В принятой на съезде «Декларации принципов» содержалась ключевая ошибка, определившая слабое влияние коммунистов на массы. В декларации вообще отрицался социальный характер мексиканской революции, которая характеризовалась как продукт столкновения интересов английского и американского империализма.²⁶¹ Таким образом, отрицался очевидный факт - участие широких народных масс в борьбе против диктатуры Диаса и узурпатора Уэрты. С такой идеологией в Мексике трудно было рассчитывать даже на понимание людей, не что на их поддержку. Среди коммунистов опять было много сторонников «прямого действия», поэтому партия отказалась от участия в выборах как «нереволюционного средства» борьбы. Правительство Обрегона коммунисты квалифицировали как реакционное, что тоже расходилось с той поддержкой, которой режим пользовался в массах. В целом, такой подход обрекал коммунистов на положение маргинальной партии. Да и со стороны правительства надеяться на сотрудничество было бы сложно, хотя Обрегон был готов работать вместе с любыми силами, если они не ставили под сомнение доминирование «сонорского триумvirата».

И тем не менее влияние коммунистов на местах росло на фоне соглашательства кромистов и утопизма анархистов. Пестковский так описывал коммунистическое движение после прибытия в Мехико: «(3) Коммунисты. Имеют значительное влияние не только на рабочих, но и на слои крестьянства... Главный недостаток - отсутствие сплоченного ядра».²⁶²

И все же, несмотря на важность рабочего вопроса, основной проблемой Мексики была аграрная реформа. Обрегон, как уже упоминалось, придерживался столыпинского подхода - создания класса передовых фермеров. Общинное землевладение он считал отсталым, не способным дать стране значительные экспортные поступления, так как общинники («эхидата-рии»), как правило, не выращивали технические культуры (сахарный тростник и хлопок), а производили бобы и кукурузу - основу пищи мексиканских крестьян на протяжении столетий.

Таким образом, концептуально Обрегон ничем не отличался от Каррансы. Однако, будучи прагматиком, президент-сонорец был готов пойти на аграрную реформу в тех штатах, где ее непроведение грозило бы массовыми беспорядками и мятежами. Соответственно, степень радикальности аграрной реформы в том или ином штате при Обрегоне определялась только давлением снизу крестьянских организаций и отношением к реформе того или иного губернатора, который либо подавлял движение безземельных крестьян, либо, наоборот, его поддерживал.

Формально аграрная реформа при Обрегоне проходила на основе закона Каррансы от 6 января 1915 года и положений мексиканской Конституции 1917 года. Согласно этим нормам власти штата могли своим решением дать крестьянам временное право пользования землей, которое потом подлежало утверждению президентом страны.

В целом аграрная реформа состояла из трех независимых друг от друга процедур:

- возвращение общинникам несправедливо отнятых у них помещиками земель,
- выделение в пользование свободных (как правило, неорошаемых земель),²⁶³
- конфискация (за выкуп) помещичьих латифундий и продажа их мелкими участками крестьянам-фермерам.

Сама процедура наделения землей была крайне усложнена бюрократическими препонами и часто непосильна для неграмотных или полуграмотных индейцев-общинников. Строго говоря, процедура рассмотрения земельных споров не сильно отличалась от той, которая существовала при Диасе.

Например, чтобы вернуть отнятые латифундистами земли, общинники сначала должны были собрать массу документов, подтверждающих разнообразные сведения, а именно:

- приблизительную дату возникновения общины (некоторые общины существовали в Мексике еще до прихода испанцев, естественно, без всяких документов),
- дату получения во владение общинной земли («эхидо»),
- название общины во время наделения ее землей и ее нынешнее название,
- нынешние границы земель общины,
- юридическое наименование общины во время ее наделения землей («дотации») - деревня, село, поселок и

т.д.,

- муниципалитет, дистрикт или кантон, к которым община приписана в настоящее время,
- все тяжбы, которые община вела с помещиками.

Когда документы были собраны, на что иногда уходили годы, община подавала прошение на имя губернатора штата. Последний препровождал ходатайство в местную аграрную комиссию штата (этот орган состоял из трех чиновников, назначаемых тем же губернатором). Комиссия посылала на место инспекторов для проверки полученных от общины сведений. После этого формировался еще один орган - комиссия по рассмотрению данного конкретного ходатайства, в которую входили представитель аграрной комиссии, представитель общины и представитель органа местного самоуправления. Собрав данные, комиссия по рассмотрению дела извещала заинтересованного землевладельца и давала ему 10 суток для заявления своей позиции по спору. Затем в течение четырех месяцев комиссия должна была представить свое решение на утверждение губернатору. Если последний в течение месяца не принимал никакого решения, а так случалось нередко, то представитель общины «в почтенной форме» должен был просить главу штата все же решить дело. Если и это не помогало, то община обращалась уже в Национальную аграрную комиссию в Мехико. Национальная комиссия истребовала у губернатора материалы дела и передавала их на рассмотрение президенту. Только президент республики мог наделить общинников постоянным (а не временным) правом собственности на землю. Губернатор, даже если он утверждал в месячный срок решение местной аграрной комиссии, все равно имел право передать землю общине лишь во временное пользование. Затем он направлял дело для утверждения президенту.

Обрегон мог решать вопросы быстро, если ситуация в том или ином штате была взрывоопасной, или же затягивать предоставление прав годами. У помещиков земля изымалась за выкуп, хотя правительство рассчитывалось не наличными, а облигациями государственного 5%-ного займа, что в условиях инфляции вызывало недовольство латифундистов.

Неудивительно, что при такой крайне забюрократизированной процедуре возвращения общинам отнятых у них помещиками земель крестьяне часто захватывали их самочинно. И в тех штатах, где у них было оружие, аграрная реформа шла быстро - прогрессивные губернаторы, как правило, санкционировали захваты.

Самая радикальная земельная реформа при Обрегоне прошла, естественно, в Морелосе, который фактически завоевал ее многолетней борьбой. Придя к власти в штате в 1920 году, сапатисты немедленно стали оформлять землю деревенских общин в их собственность. Бывшие плантаторы уже даже не показывались в штате, понимая всю бесперспективность своего положения. На встрече с одним из бывших латифундистов Пиментелем в марте 1923 года Обрегон прямо заявил, что восстановление плантационного хозяйства в Морелосе политически невозможно.

Всего в 1915-1935 годах в Морелосе общины подали 299 петиций о наделении их землей, причем 139 из них - в 1920-1921 годах. Всего на временных условиях общины получили в штате до 1935 года 192 400 гектар, в том числе в 1920-1921 годах - 116 788. Уже в 1926 году доля крестьян-общинников в общем земельном фонде штата составляла 32,9%, в то время как в целом по стране она не превышала 2,6%. В результате аграрной реформы бывший бастион оппозиции Морелос стал одним из самых спокойных штатов страны и уже не беспокоил власти вооруженными выступлениями.

Во всех других штатах Мексики степень радикальности аграрной реформы определялась массовостью и боевым настроением местных крестьянских организаций. Наиболее радикально были настроены крестьянские лиги в Мичоакане и Веракрусе, где в состав их руководства входили коммунисты. К тому же власти данных штатов активно поддерживали деятельность этих организаций. [Картинка: image31.jpg] Адальберто Техеда

Например, бывший коммунист генерал Мухика активно поддерживал во время своего недолгого губернаторства в Мичоакане (1920-1922) основанную в 1922 году Лигу аграристских общин и синдикатов во главе с бывшим сторонником братьев Флорес Магон Примо Тапией. Тапия жил в США и был неплохо подкован как лидер именно в идейно-теоретическом отношении. Однако после смены власти в штате дела у лиги пошли плохо, а самого Тапию убили в 1926 году по указанию командующего войсками штата. Радикализм и боевитость Лиги Мичоакана во многом объяснялась тем, что Тапия был коммунистом. В 1928 году губернатором Мичоакана стал генерал Ласаро Карденас (будущий президент Мексики), и Лига снова могла рассчитывать на полную поддержку властей.

Как уже упоминалось, в Веракрусе губернатор Техеда, пришедший к власти в 1920 году и считавший себя социалистом, тоже активно поддерживал местную агра-ристскую лигу.²⁶⁶ Местный же командующий войсками генерал Санчес, наоборот, отдавал приказы о расстреле собравшихся на съезд делегатов лиги. В лиге Веракруса тоже было много коммунистов, которые активно помогали, причем и с оружием в руках, крестьянам, если на них нападали наемные банды латифундистов. Петиции крестьян Веракруса к Обрегону к результатам обычно не приводили.

Губернатор Веракруса Адальберто Техеда был, вероятно, самым прогрессивным человеком, возглавившим какой-либо штат при Обрегоне. Техеда активно участвовал в революционном движении, а после узурпации власти Уэртой в феврале 1913 года собрал отряд добровольцев для борьбы с федеральной армией. Во время конституционалистского движения он установил хорошие отношения с зятем Каррансы Кандидо Агиларом, который и стал при тесте губернатором Веракруса. В 1916 году после налета Вильи на Колумбус Техеда собрал в Веракрусе отряд из 1300 бойцов для возможного отражения американской атаки на Веракрус. Он даже подготовил к взрыву нефтяные вышки. После марта 1917 года Техеда представлял Веракрус в мексиканском Сенате и прославился там жесткой оппозицией любому компромиссу с американскими нефтяными компаниями. В 1919 году он ссылаясь в дебатах на пример России, где нефть является «национальным достоянием». Британский консул характеризовал Техеду как «агрессивный и неотесанный тип мексиканца».

Став губернатором в 1920 году, Техеда сразу столкнулся с местным военным вождем генералом Гуадалупе Санчесом, сторонником Пелаеса. Санчес был взбешен, когда Техеда убрал с должности казначея штата его ставленника. Сам Пелаес жил в то время в США, однако его сторонники попытались свергнуть Техеду с оружием в руках в июне 1921 года. Мятеж был с трудом подавлен, и Техеда стал укреплять свои позиции в штате. Он не гнушался, как и все остальные губернаторы, продавливанием своих кандидатов на выборные должности. С помощью таких сомнительных политтехнологий губернатор заменил половину мэров уже в первые шесть месяцев своего пребывания у власти. Местная торговая палата и ассоциация собственников через подконтрольные СМИ величала губернатора не иначе как «агитатором» и «каннибалом».

Перед лицом оппозиции имущих классов, которых поддерживали состоявшие из бывших наемников Пелаеса войска, Техеда был вынужден создать свою гражданскую гвардию, раздавая крестьянам оружие. Рабочих он привлек на свою сторону тем, что уже через пять дней после вступления в должность внес в парламент штата законопроект о введении тринадцатой зарплаты для всех, кто проработал на каком-либо предприятии минимум год. Некоторые депутаты окрестили закон «большевизмом», а самого Техеду - сторонником «советской власти». Бизнесмены написали письмо Обрегону, в котором утверждали, что в случае принятия закона все предприниматели покинут Веракрус. Однако Техеда не сдавался, и в июле 1921 года закон был одобрен. Что особенно примечательно, он содержал положение о выплате предпринимателями рабочим денег за все время до его вступления в силу, то есть задним числом. Естественно, предприниматели завалили суды жалобами на неконституционность закона, и Верховный суд его временно заблокировал. Это решение поддержал в своем письме губернатору Обрегону: Техеда, дескать, принял закон в интересах меньшинства. Лидеры Национальной ассоциации промышленников, встретившись с Обрегеном, опять угрожали полным параличом хозяйственной жизни Веракруса. Президент порекомендовал Техеде изменить закон, но губернатор был непреклонен.

Техеда активно занялся и проблемой роста арендной и квартирной платы в Веракрусе.²⁶⁷ Город был густо заселен, и к тому же в целях борьбы с чумой там сожгли ряд домов. В конце 1921 года мэром Веракруса был избран видный рабочий лидер и официальный кандидат местной Партии труда Рафаель Гарсия. Он объявил о переходе власти в городе в руки пролетариата и образовал Революционный синдикат квартиросъемщиков. В мэрию посыпались жалобы на безудержный рост квартплаты, причем возмущались даже жрицы любви. Гарсия немедленно предписал домовладельцам снизить арендную плату, пригрозив в случае неповиновения административными мерами. С 3 февраля 1922 года на площадях города проходили митинги возмущенных квартиросъемщиков, которые создали собственную организацию. Под руководством коммунистов и деятелей анархистских профсоюзов митинги в Веракрусе проходили еще несколько лет. Губернатор и мэр относились к ним терпимо, но реально ситуация с квартплатой не изменилась.

Пример Техеды ясно показывает всю ограниченность попыток построить новое общество в рамках одного штата. Только содействие центральных властей могло продвинуть аграрную и иные социальные реформы на местах. Тактика же Обрегона была нацелена на достижение компромисса между трудящимися и

предпринимателями любым путем. Как правило, компромиссы эти не меняли отношений собственности, а значит, и структуры мексиканской экономики в целом.

Но вернемся к аграрной реформе времен Обрегона. Помимо армейских частей активными противниками аграрной реформы были, естественно, сами помещики. Как только они узнавали о поданном какой-либо деревней прошении о выделении земли, то немедленно подвергали просителей административному и экономическому давлению. Например, резко увеличивали арендную плату за землю или вообще не сдавали ее арендаторам, обрекая тех на голод или переселение в город. Неудивительно, что крестьяне настаивали на быстром рассмотрении своих прошений. Кроме того, традиционно владельцы асиенд устраивали праздники для окрестных деревень (особенно ценились петушиные бои), снабжали своих рабочих газетами, разрешали брать бесплатно на своем участке воду и дрова. Стоило батракам подать петицию, все эти блага заканчивались. Иногда помещики натравливали своих пеонов на окрестные деревни. Те вырубали кофейные деревья, уничтожали посевы, поджигали дома и хозяйственные постройки.²⁶⁸ Обращение за помощью к армейским частям могло привести к обратному результату, если помещик платил командиру местной части за «защиту». Особенно свирепствовали отряды «социальной обороны». На них жаловались даже в Морелосе, где возникали конфликты между самообороной, в которой концентрировались бывшие враги сапатистов, и войсками штата, которые из сапатистов и состояли.

В 1920 году помещики создали свою лоббистскую организацию - Центральную аграрную палату. В первом номере своего журнала эта организация следующим образом объясняла цель своей деятельности: «В последнюю четверть прошлого и еще в начале нынешнего столетия не возникали те жгучие проблемы, с которыми мы сталкиваемся сегодня. Тогда было достаточно заниматься производством и его развитием, а не решать проблему находящейся под угрозой собственности». В апреле 1922 года местная аграрная палата штата Пуэбла писала Обрегону: «Агитаторы, которые мечтают стать депутатами, подстрекают у нас деревенских жителей самым безобразным образом». Уже через месяц та же палата вновь обратилась к президенту: «Так возник этот рой трутней... который обрушился на благодатные поля страны как саранча. Они пришли в каждую деревню, в каждый город, водрузили там стяг аграризма и обманули невинных крестьян, пообещав им рай земной».²⁶⁹

В январе 1923 года консервативно настроенный генерал Фигероа, командующий войсками штата Герреро и бывший сторонник Феликса Диаса, сообщил Обрегону, что на съезде крестьян штата главной темой было противодействие угрозам со стороны помещиков. На съезде крестьян убеждали приобретать винтовки и хранить их как «собственную жену», ибо только с помощью оружия можно противодействовать произволу богатых. Фигероа резюмировал, что такой настрой крестьян означает «серьезную угрозу спокойствию и порядку в штате, так как тем самым создается зародыш анархии, который может привести к ситуации хуже, чем в России».²⁷⁰

Делегации крестьян, просивших землю, Фигероа заявил, что они могут ее купить, если захотят. А если лидер аграристов Сото-и-Гама посмеет сам прибыть в его штат для распределения земли, то ему не поздоровится.

Бригадный генерал Наварро Ангуло сообщал в своем отчете о положении дел в регионе Тустлас штата Веракрус: «Все помещики вооружены... Крестьян же на основании недавнего распоряжения разоружили. Однако помещики сохранили оружие с согласия местного командующего войсками. Между гражданскими и военными властями возникла глубокая пропасть, и в конфликтах между гражданскими властями и помещиками армейское командование решительно поддерживает последних».

Аграрная политика Обрегона была в целом прагматичной и осторожной. Быстрыми темпами распределение земли шло только в 1920 и 1921 годах, когда режим сонорцев еще не укрепился и рассчитывал на массовую поддержку населения. За это время путем реституции (возврата деревням несправедливо отнятых у них ранее помещиками земель) было распределено 142 тысячи гектаров, а еще 435 тысяч передано в виде наделов 229 деревням с населением примерно 250 тысяч человек.²⁷¹ В 1922 году, когда Обрегон уже не нуждался в прямой поддержке, было удовлетворено 92 прошения о выделении земли, в 1923 году - 77. Всего за время правления Обрегона между крестьянами распределили 311 тысяч гектаров на постоянной основе и 751 тысячу - на временной. Из 650 решений о предоставлении постоянного права на землю, принятых администрацией Обрегона, 229 приходится на первый год его пребывания у власти.

Как и в случае с трудовым законодательством, помещики активно боролись против аграрной реформы с

помощью судебных исков, приостанавливающих изъятие у них земель для наделения ими крестьян. Только в небольшом штате Мехико помещики потребовали принятия 115 судебных решений, приостанавливающих наделение крестьян землей. Местные суды, как правило, поддерживали помещиков, которых считали людьми своего круга. В 1922 году даже судья Верховного суда Мексики Густаво Висенсио призвал Обрегона прекратить выделение земель на временной основе, что было грубейшим нарушением принципа беспристрастности со стороны высшей судебной власти.

Распространена была и другая юридическая уловка, которую использовали помещики. За деньги они уговаривали своих батраков создать фиктивную общину, которой «добровольно» передавалась земля. Как только страсти утихали, «община» снова распускалась. Асиенды часто фиктивно разделялись между родственниками, что тоже делало их экспроприацию невозможной.

Наконец, помещики вели активную пропаганду против аграрной реформы через проплаченные ими газеты. Так, например, торгово-промышленная палата штата Нуэво-Леон (центр производства важной экспортной культуры - хлопка) заявила, что Национальная аграрная комиссия «убивает сельское хозяйство». От Обрегона требовали признания полной неприкосновенности частной собственности.

Аграрная политика Обрегона была очень похожа на линию, которую проводил в России Столыпин, и закончилась она таким же провалом. Себя Обрегон считал сторонником создания крепких индивидуальных фермерских хозяйств по американскому образцу. При этом должны были сохраниться и «передовые» латифундии. Было непонятно только, откуда возьмется земля у будущих фермеров, если не трогать помещиков (в США латифундистов никогда не было). Столыпин решал этот вопрос за счет переселения крестьян в Сибирь, откуда большая часть переселенцев вскоре вернулась обратно, а многие умерли по дороге. Обрегон планировал наделять всех желающих мексиканцев, достигших 18-летнего возраста, участками необрабатываемой земли. 2 августа 1923 года был принят закон, по которому любой совершеннолетний гражданин мог занять пустующий участок земли (до 25 гектаров орошаемых земель, до 100 гектаров земель с нормальными сезонными осадками и до 500 гектаров «сухих» земель). Если он обрабатывал участок в течение двух лет и никто не предъявлял на него претензий, этот человек наделялся постоянным правом собственности. Закон был явно принят по образцу США, где президент Линкольн после окончания Гражданской войны наделял землей всех желающих ветеранов, которые занимали землю самозахватом («сквоттеры»). Беда была, правда, в том, что свободных орошаемых земель в Мексике давно уже не осталось - они принадлежали помещикам. Поэтому закон 1923 года особых последствий не имел.

В апреле 1922 года был принят Аграрный регламент, в котором описывался порядок проведения аграрной реформы. В регламенте фиксировался порядок выделения общинам земель, на которые они ранее не имели прав (то есть порядок наделения, а не реституции). Каждый житель мог получить 3-5 гектаров орошаемой земли, 4-6 гектаров земли с нормальными осадками и 6-8 гектаров «сухой» земли. Если земля находилась в радиусе не более 8 километров от города, железной дороги или другой общины, действовали минимальные нормы. Естественно, общинник не мог прокормить свою семью на 3-5 гектарах. Именно поэтому и были установлены такие нормы -они фактически вынуждали крестьянина искать побочные источники дохода или вовсе мигрировать в город. Таким образом, проблема малоземелья исчезала как бы сама собой.

Одновременно Аграрный регламент успокаивал помещиков. Он запрещал изъятие земли площадью менее 150 га для орошаемых земель, 250 га -для земель с нормальными осадками и 500 га - для «сухих» земель. Кроме того, изъятию не подлежали земли любой площади, если они имели характер «работающих агропромышленных единиц». Например, нельзя было экспроприровать плантацию сахарного тростника, если она имела завод по производству сахара, и Обрегон прямо говорил об этом в отношении штата Морелос и хлопководческих хозяйств северо-востока.

Обрегон неоднократно и публично заявлял, что передовые асиенды не должны подвергаться разделу. На встрече с помещиками президент говорил, что «подавляющее большинство бедных не склонно к бережливости, они еще могут собрать урожай, но не в состоянии сделать запасы для следующей посевной». Хотя на самом деле малоземелье просто обрекало крестьян на то, чтобы съесть весь собранный урожай, иначе их семьям грозила голодная смерть.

Уже в 1922 году, взяв курс на сохранение передовых (то есть практически всех) латифундий Обрегон фактически отказался от своего излюбленного плана создания прослойки крепких фермеров. А министр

сельского хозяйства Мексики, бывший консул в Нью-Йорке Рамон де Негри заявил в июне 1922 года, что правительство готово заплатить главному олигарху и землевладельцу штата Чиуауа Луису Террасасу 13 миллионов песо за экспроприированные у него в годы революции, в основном Вильей, земли, хотя их фискальная цена не превышает 5 миллионов: «Правительство заинтересовано в этой операции, так как она служит интересам большинства». ²⁷² Это заявление кажется просто удивительным, если учесть, что клан Террасасов в Чиуауа ненавидело практически все население штата, а сам Луис Террасас никогда не скрывал своих контрреволюционных убеждений.

В то же время правительство Обрегона отказалось предоставить право на формирование общин батракам-пеонам, проживавшим непосредственно на территории асиенд («акасильядос»). Обрегон считал, что ни один помещик не инвестирует ни цента в систему ирригации, закупку инвентаря или постройку хозяйственных помещений, если будет опасаться, что его же батраки могут в один прекрасный день стать собственниками всего этого добра. Кстати, даже прогрессивная Конституция 1917 года лишала «акасильядос» этого права.

Консервативная линия Обрегона в аграрном вопросе выражалась и в том, что президент неохотно принимал делегации крестьян, которые приезжали в столицу жаловаться на противодействие властей на местах и помещиков аграрной реформе. Одной из крестьянских делегаций, которая все же добралась до президента, он объяснял положение дел так: «Большая часть ваших жалоб исходит из того, что продажные местные чиновники находятся в сговоре с помещиками и что закон на стороне богатых». На самом деле, вещал президент, корень зла - в «пороках человеческой природы, так как, к сожалению, только очень небольшая часть людей может противостоять соблазну личного обогащения». Обрегон знал, что говорил, - сам он такому соблазну противостоять не смог.

Дело было, однако, не только в общефилософских, притом весьма спорных мотивах, которые якобы мешали успешному проведению реформы. Мешал этой реформе и сам президент, что быстро привело к разочарованию аграристов в своем недавнем союзнике. Возмущенный медленными темпами распределения земель секретарь Национальной аграрной комиссии Мендоса Лопес издал 16 ноября 1922 года циркуляр комиссии об ускорении распределения земель на северо-востоке, в родном штате Вильи Дуранго, производившем лучший мексиканский хлопок. В циркуляре говорилось, что при нынешних темпах распределения земли для полного решения аграрной проблемы в Дуранго понадобится 200 лет. Поэтому циркуляр предписывал местным властям принимать решения о выделении земель во временное пользование в течение месяца. Хотя формально этот документ касался только штата Дуранго, но сама его форма предполагала, что так же должны действовать и чиновники других штатов.

Естественно, циркуляр вызвал возмущение помещиков Дуранго, которые сразу же окрестили Мендосу Лопеса коммунистом. Вскоре выяснилось, что президент Обрегон циркуляра не одобрил и отдал приказ войскам силой отобрать землю у тех деревень, которые уже успели ее получить. Вскоре губернатор штата Кастро сообщил Обрегону, что благодаря вмешательству армии жизнь вернулась в нормальную колею.

Президент противодействовал даже исполнению своего любимого закона 1923 года о брошенных землях. Согласно ему сельскохозяйственные рабочие северо-восточного региона, известного в Мексике как Лагуна, стали занимать необрабатываемые земли на берегах рек Насас и Агуанаваль (без воды в засушливой Лагуне сельское хозяйство было просто невозможно). Помещики написали президенту письмо, в котором утверждали, что земли принадлежат им. Опять вся вина сваливалась на безответственных «агитаторов». Помещики напоминали президенту, что хлопководческие хозяйства северо-востока дают штатам Дуранго и Коауила 40% их бюджетных доходов. Вообще, писали помещики, никаких асиенд в Лагуне нет. Поэтому то, что агитаторов поддерживают местные гражданские власти, особенно возмутительно. Обрегон решительно встал на сторону латифундистов (которые в Лагуне, конечно же, были) и потребовал от местных властей, в частности от инспекции по трудовым вопросам, прекратить поощрение самозахватов. Армейское командование получило указание защитить помещиков, которые вскоре благодарили армию за «ее справедливые и патриотические меры».

Такая линия президента только поощряла латифундистов на жестокую борьбу с крестьянами. Лидер Национальной аграристской партии Сото-и-Гама (депутат Национального конгресса при Обрегоне) сообщил президенту, что в Мичоакане банда местного помещика убила пятерых крестьян и повесила их трупы на всех площадях их родной деревни в назидание тем, кто хотел получить землю. Обрегон же проводил политику

постепенного разоружения местных отделений аграристской партии.

И все же, несмотря на противодействие Обрегона общинному землепользованию, именно во время его президентства оно снова стало набирать вес в мексиканском сельском хозяйстве.

Само слово «эхидо» («община») происходит от латинского глагола «ехіге» («выходить»). Во времена испанского господства в Мексике оно означало те участки на окраинах деревень (отсюда и название) в деревнях, в основном пастбища, которые совместно использовались для нужд сельского хозяйства. Советский полпред в Мексике Пестковский в донесении в Москву так описывал историю возникновения общин: «Эхидос не были индейскими общинами, а созданы во время испанского владычества таким образом: вся земля была разделена на две части, одна обрабатывалась индейцами для помещика, другая оставалась в пользовании индейцев. Эта вторая часть и есть «эхидос». Все время испанского владычества она оставалась в пользовании индейцев и была расхищена уже во время независимости (после 1810)».273

Испанцы поощряли «эхидос» как форму контроля над сельским индейским населением страны. Сами индейцы также считали общинное землепользование краеугольным камнем своего жизненного уклада. Европейский путешественник Сарториус, посетивший Мексику в середине XIX века, писал: «Особенность индейцев составляет крепость их общественных союзов... Большая часть индейских сел владеет землей... сообща и не хочет раздела».274

Статья 27 Конституции 1917 года признавала общинное землевладение, хотя и считало его все же переходной формой к индивидуальному крестьянскому хозяйству. Согласно аграрному законодательству 20-х годов члены «эхидо» не имели права продавать полученную ими в ходе аграрной реформы землю. То есть речь шла не о частной собственности, а о праве пользования. Если земля общинника не обрабатывалась два года, она передавалась другим членам «эхидо». Во главе каждой общины стояли три комиссара («управляющий комитет»), которые избирались общим собранием на два года. Деятельность комиссаров контролировал наблюдательный совет из шести человек, тоже избиравшийся на общем собрании.

Пестковский в 1925 году сообщал в Москву, что «возвращение «эхидос» начало осуществляться в более широких размерах лишь при Обрегоне».275 По данным министра земледелия Леона, к тому времени была возвращена одна шестая всех «эхидос», и еще столько же находились в процессе реституции.

Национальная аграрная комиссия в циркуляре, изданном в октябре 1922 года, ставила целью преобразование «эхидос» в кооперативы. Заметим, в циркуляре ясно прослеживается влияние Советской России - кооперативы признаются более прогрессивной формой собственности, чем частная. Однако без помощи государства (кредитами, семенами, техникой) эта цель оставалась долгое время лишь благим пожеланием.

С точки зрения эффективности сельскохозяйственного производства созданные в 20-е годы «эхидос», казалось, подтверждали тезис Обрегона об отсталости общинной формы землепользования. Но эта неэффективность объяснялась только одним - недостаточностью и плохим качеством выделяемой земли. В среднем на каждого общинника (эхидатария) приходилось 10 га, но лишь 3 из них были пахотными землями. В центральной (то есть индейской) Мексике, где проживали 60% общинников, наделы были еще меньше (3-6 га общей площади, 1-2 га пашни).276 К тому же большинство «эхидос», получив право на землю, не получили права пользоваться водными ресурсами, что в условиях в целом засушливой Мексики делало сельское хозяйство практически невозможным.277

При отсутствии государственной поддержки аграрная техника «эхидос» была крайне отсталой и фактически не изменилась с момента прихода испанцев в XVI веке. Плуги были в основном деревянными, а волю, используемые как тяговая сила, имелись не во всех хозяйствах. Часто крестьянин ждал, когда освободится вол соседа, поэтому сельскохозяйственные работы проводились без всякой оглядки на погоду. В 1930 году «эхидос» производили 10,7% всей сельскохозяйственной продукции, но имели только 1,8% тракторов и 2,6% молотилок. Из удобрений использовался лишь навоз. Система аграрного кредитования появилась только в 1926 году, но 96% «эхидос» и в начале 30-х годов не имели права пользоваться этими кредитами.

Бесспорно, положение «эхидос» было следствием целенаправленной политики государства, ускорившего такими методами отмирание «отсталых» общин. Так как большинство общинников ввиду мизерных наделов были вынуждены работать на стороне, они принимали мало участия в повседневной жизни «эхидос». Это трактовалось властями как «пассивность».

Средний доход общинника в 1930 году оценивался в 44 сентаво в день, что было даже в два раз меньше, чем у

батрака на асиенде.²⁷⁸ Как и их предки 500 лет тому назад, эхидатарии питались кукурузными лепешками, бобами и перцем-чили. Нечего и говорить, что такая однообразная, лишенная животного белка диета неблагоприятно отражалась на умственных способностях детей. И это давало повод белым мексиканцам рассуждать о неполноценности индейской расы. Безысходность и неверие в возможность своими силами выбраться из нищеты вела к массовому алкоголизму, что «просвещенные» слои, опять же, объясняли биологическими особенностями организма индейцев. В общинах почти повсеместно не было источников нормальной пресной воды и канализации, что вело к высокой младенческой смертности.

Теоретически согласно циркуляру Национальной аграрной комиссии от 1922 года эхидатарии должны были обрабатывать надел общины совместно. Однако на практике общинный фонд делился на индивидуальные наделы. «Управляющие комитеты» имели довольно широкие права по перераспределению наделов. Неудивительно, что во многих общинах процветала коррупция, а органы власти были завалены жалобами против фальсификации выборов «управляющих комитетов». В некоторых общинах сложились неформальные группы вождей (касигов), которые, используя тесные связи с властями, фактически узурпировали свои руководящие функции, придавая им постоянный характер. Те, кто поддерживал «вождей», получал, как правило, лучшие земли. «Вожди» фактически превратились в тех самых «крепких фермеров», которых так желал видеть в Мексике Обрегон. Но «крепкими» они были за общественный счет.

Самыми активными штатами Мексики по части выделения земель крестьянам в период президентства Обрегона были следующие (количество удовлетворенных петиций по предоставлению временного права пользования землей):

Юкатан 139 Веракрус 129

Пуэбла 138 Морелос 108

Герреро 107 Сан-Луис-Потоси 108²⁷⁹

В Герреро и Пуэбле, граничащих с Морелосом, наблюдалось сильное влияние сапатистов. В Юкатане и Веракрусе были прогрессивные губернаторы, а в Сан-Луис-Потоси все время президентства Каррансы имелось сильное вооруженное оппозиционное движение во главе с братьями Седильо. Таким образом, география аграрной реформы времен Обрегона ясно показывает - только усилия местных властей и крестьянских организаций могли привести к перераспределению земли. Инициативы центрального правительства не просматриваются вовсе.

В Мичоакане (при губернаторе Паскуале Ортисе Рубио, будущем президенте Мексики) и Халиско (при Базилио Вадильо, впоследствии первом после Мексики в Москве) земля распределялась не очень активно. Уже в 1926 году именно эти штаты стали очагом мощного антиправительственного вооруженного восстания.

На 1923 год примерно 10 тысяч мексиканских помещиков все еще владели 92,6 млн га земли, то есть 58,2% всех пашень, пастбищ и прочих земель сельскохозяйственного назначения.²⁸⁰

Если в аграрной сфере достижения правительства Обрегона были весьма скромными (и вынужденными ввиду активности крестьянских организаций), то в крайне важной для Мексики сфере народного образования дела обстояли лучшим образом, прежде всего из-за интеллектуального азарта одного человека - Хосе Васконселоса.

Большое внимание школьному образованию стало уделяться еще в последние годы правления диктатора Диаса, который тоже слыл прогрессистом. По его мнению, именно образование, а не перераспределение собственности, должно было сделать мексиканское общество более справедливым. К тому же четыре миллиона мексиканских граждан были индейцами, большинство которых плохо владели государственным испанским языком. Либеральная Конституция 1857 года с оглядкой на США запрещала федеральному правительству вмешиваться в школьное образование, объявленное прерогативой местных органов власти. Это привело к тому, что в деревнях школ было очень мало, так как деревенских бюджетов на образование не хватало. Учителя получали нищенские зарплаты, и в деревнях работали только энтузиасты.

Узурпатор Уэрта (на три четверти индеец, выходец из деревни) придавал образованию большое значение и повысил заработную плату учителям на 25%. Однако, придя к власти, Карранса отменил это решение как принятое неконституционным правительством. Во время конституционного Конвента в Керетаро вокруг образования (статья 3 Конституции) шли жаркие споры, в которых участвовал сам Карранса, чтобы подчеркнуть внимание, уделяемое главой государства народному образованию. В конце концов, школьное образование объявили бесплатным, но не обязательным и по-прежнему оставили в ведении местных властей.

Министерство народного просвещения в Мехико фактически отвечало только за университеты. Церкви разрешили иметь частные школы вторичной, то есть постшкольной системы образования, хотя многие делегаты Конвента, в частности, уже упоминавшийся будущий губернатор Мичоакана Мухика, вообще хотели изгнать клерикалов из этой сферы.

Неудивительно, что многие учителя (всего в стране их насчитывалось около 20 тысяч) при Каррансе получали 15 песо в месяц. Даже в столице зарплата у учителей была ниже, чем у дворников. Один из генералов нефтеносной провинции Уастека сообщал командованию, что его солдаты смеются, когда узнают, сколько зарабатывают учителя. В 1917 году в стране было 9600 государственных школ и 586 церковных. Их явно не хватало, особенно в сельской местности.

Когда Обрегон, тоже прогрессист, пришел к власти, Конституция была изменена и федеральные власти получили право управлять общенациональной системой средних школ. Однако сохранялись и муниципальные школы, что приводило к ненужному параллелизму и перерасходу государственных средств. Или наоборот - каждая из ветвей власти кивала друг на друга, перекадывая со своих плеч ответственность за образование в бедной и дотационной сельской местности.

Обрегон создал федеральное Министерство народного образования, которое возглавил весьма необычный по своим взглядам мексиканский интеллигент Хосе Васконселос.

Васконселос родился в 1882 году в том же штате, что и диктатор Порфирио Диас, - в Оахаке. Затем его семья переехала в Коауилу (родной штат Каррансы), а сам Хосе учился в школе в Техасе. Васконселос рано примкнул к движению против Диаса и представлял группу лидера оппозиции Мадеро в Вашингтоне. Когда Мадеро стал президентом, Васконселос участвовал в модернизации учебных программ университета Мехико. При Уэрте Васконселос жил в Европе, где, между прочим, познакомился с одним из идеологов итальянского фашизма д'Аннунцио. Когда развернулась борьба между Каррансой и Вильей, Васконселос примкнул к последнему и стал министром образования в правительстве Конвента. Победа Каррансы привела к новой эмиграции, на сей раз в США. Когда к власти пришел Обрегон, Васконселос вернулся на родину, заявив, что «теперь каждый мадерист должен стать обрегонистом». Обрегон сначала сделал Васконселоса ректором университета Мехико, а затем министром образования.

Васконселос много говорил об особой испанской расе, которой суждено свершить великие дела, и частенько рассуждал в духе модного в то время социального дарвинизма (идеи выживания сильных наций и рас за счет слабых), что было совсем уже недалеко от фашизма. Вообще, вследствие [Картинка: image32.jpg]

обильного и бессистемного чтения, он имел крайне эклектичные и противоречивые политические и философские убеждения, но, прежде всего, был патриотом и националистом, исполненным миссионерского желания сделать родину грамотной.

Свои взгляды на систему народного образования Васконселос, по его словам, сформировал, прочитав, «что делает в России Луначарский».28 И если в аграрном вопросе Обрегон занимал консервативную позицию, то в сфере образования он не только дал Васконселосу карт-бланш, но и обеспечил его самым главным-внутриительными бюджетными средствами, полагая, что образованные крестьяне будут менее склонны к насильственным, революционным действиям. Если при Каррансе на образование выделялось примерно 7% федерального бюджета, то при Обрегоне - 15%. В абсолютных цифрах расходы на образование выросли с 15 миллионов песо в 1921 году до 35 миллионов в 1923-м и 45 в 1924-м.

Васконселос по образцу СССР решил в короткие сроки ликвидировать неграмотность в Мексике. В сельские районы были посланы бригады борцов с неграмотностью, проводивших краткие курсы по азам грамоты. Васконселос в духе своего любимого испанизма сравнивал этих людей с бесстрашными миссионерами-францисканцами, которые в XVI векенесли христианскую культуру индейским массам Америки (хотя именно в Мексике эти миссионеры практически полностью уничтожили письменное наследие великих цивилизаций доколумбовой эпохи). Сам министр верхом на лошади добирался до самых удаленных деревень страны. Массовыми миллионными тиражами печатались произведения классиков испанской и мировой литературы - Гомера, Данте, Сервантеса, Толстого и т.д. Васконселос считал, что в каждой деревне должна быть библиотека. Стандартная библиотека сельской школы насчитывала не более 50 томов, которые упаковывали в специальные выючные мешки с тем, чтобы мулами доставить в самые удаленные уголки страны.282

Обрегон, будучи прагматиком и реалистом, весьма скептически оценивал попытки Васконселоса привить

нищим сельским жителям любовь к Гомеру и Данте. Рассказывают, что однажды Васконселос и Обрегон, совершая конную прогулку, вместе со своей свитой заблудились где-то в глухом захолустье. Увидев одинокую хижину, Обрегон обратился к стоявшему у входа старику-индейцу: «Дружище, ты можешь сказать нам, где мы находимся?» Индеец только отрицательно покачал головой. «Но как называется твое селение?» Старик не знал и этого. «Но ведь ты здесь родился?» - «Да». - «И твоя жена тоже?» - «Да». - «Ты и твоя жена родились здесь и прожили здесь всю жизнь, но ты не знаешь, где ты живешь?» - «Не знаю». «Хосе, - обратился Обрегон к Васконселосу, - не забудь отправить этому человеку полное собрание классики, которую ты издал».283

К 1924 году в стране было уже 6796 федеральных сельских школ, в которых обучались 593 тысячи учеников. Всего в 1920-1924 годах открылось более тысячи сельских школ - больше, чем за предыдущие 50 лет.

Но активность министра не ограничивалась школьным образованием: Васконселос отвечал за культуру в целом. В 1920 году он учредил Национальный симфонический оркестр. При его содействии расцвела монументальная мексиканская живопись мурализма (Диего Ривера, Давид Альфаро Сикейрос и другие). Васконселос считал, что народное искусство народ должен видеть каждый день. Поэтому стены самых больших и респектабельных зданий в Мехико, включая парламент, были предоставлены художникам для увековечивания завоеваний революции. Кстати, и сами художники подчеркивали политический, революционный характер своего творчества. Сикейрос писал: «Создание образа мексиканца после весьма длительного периода его полного исчезновения из искусства живописи нашей страны, как колониального периода, так и эпохи независимой Мексики, включая долгие годы правления Порфирио Диаса, само по себе было безусловно небывалым новшеством...»284

Однако в 1924 году расстроенный Васконселос подал в отставку. Это был очередной крах очередного интеллектуала, который хотел изменить социальную действительность только просвещением, не затрагивая экономической основы общества. Ведь многие дети в мексиканских селах, несмотря на энтузиазм министра, учиться не могли: они были вынуждены с ранних лет работать, чтобы семья сводила концы с концами. Не помогли даже бесплатные обеды, которыми учеников заманивали в школу. К тому же Васконселос всилу своих философских убеждений предпочитал гуманитарное направление образования: детей следовало воспитывать в духе гордости за страну и принадлежность к испанской расе. Крестьянам же нужнее были практические знания, которых школа почти не давала.

Таким образом, несмотря на невиданные доселе средства, отпущенные на образование, к 1930 году уровень неграмотности среди населения снизился незначительно - с примерно 75% до 62%.

Главной внешнеполитической проблемой администрации Обрегона по-прежнему оставалось признание со стороны США. Обрегон прекрасно понимал, что в случае любого военного мятежа в Мексике позиция американцев будет ключевой: выиграет та сторона, которая получит из США оружие. Именно с помощью американцев пришел когда-то к власти диктатор Порфирио Диас. С их же помощью он был свергнут в 1911 году. Не зря Обрегон во время президентства Каррансы уделял столько внимания созданию в США благоприятного мнения о себе, подчеркивая свою приверженность защите интересов американских инвесторов в Мексике.

Такую же линию Обрегон проводил и после прихода к власти. Уже в июне 1920 года он заявил временному поверенному в делах США в Мексике Саммерли, что считает антиамериканскую политику Каррансы «большой ошибкой». Он, Обрегон, всегда подчеркивал заинтересованность Мексики в «честном иностранном капитале». «Природные ресурсы Мексики, ее неисчерпаемые запасы промышленного сырья могут стать в ближайшем будущем при соединении с промышленным капиталом Соединенных Штатов неисчерпаемым источником снабжения важнейших мировых рынков», - говорилось в телеграмме Обрегона одной из чикагских газет осенью 1920 года. В 1923 году в доверительном письме губернатору Техаса Нефу он писал, что видит своей основной задачей преодоление националистических настроений в своей стране и противодействие ксенофобским течениям «низших классов».

Сразу же после «революции Агуа-Приеты» губернатор Техаса Уильям Хобби, крупный инвестор в Мексике и патрон нефтяной компании «Тексас Ойл Компани», заявил: в том, что касается Техаса, правительство Обрегона уже признано. Хобби сидел по правую руку от Обрегона во время инаугурации мексиканского президента, который сказал мексиканской прессе: «Губернатор Техаса является особенно дорогим для нас гостем».14*Обрегон лично организовал турне по Мексике крупным американским бизнесменам, которых в

поездке сопровождали мексиканские официальные лица.²⁸⁵

До конца 1920 года губернаторы шести штатов США попросили Вильсона признать новое мексиканское правительство. Обрегон лоббировал признание своего правительства через своих коммерческих партнеров в США, прежде всего через президента компании «Уэллс Фарго» Джонса. 13 сентября 1920 года Саммерли перед отъездом в Вашингтон «конфиденциально» попросил Обрегона повторить ему все, что он ранее сказал Джонсу для передачи госсекретарю США. Обрегон предложил не больше ни меньше как создание союзостран западного полушария для противодействия европейской и азиатской агрессии.²⁸⁶ В США прекрасно знали также, что Обрегон должен своим американским партнерам по бизнесу более миллиона долларов и оттого крайне уязвим для шантажа.

Вильсон, ненавидевший Каррансу (президент-профессор называл своего мексиканского коллегу «педантичной задницей»), тоже выступал за признание Обрегона.

Однако, как уже упоминалось, признанию помешала победа республиканской партии на президентских выборах 1920 года. В правительстве Гардинга интересы нефтяных компаний помимо министра внутренних дел Фолла отстаивал и миллионер Эндрю Меллон, ставший министром финансов. Семья Меллонов контролировала нефтяную компанию «Галф Ойл», которая, кстати, вела острую конкурентную борьбу в Мексике против «Тексас Ойл Компани». Меллон относился к мексиканскому правительству совсем иначе, чем губернатор Хобби. Он даже добился отстранения от должности генерала Райана, который должен был возглавить делегацию США на переговорах с Мексикой. Меллон подозревал генерала в симпатиях к Обрегону, которые вообще были довольно распространены в американском офицерском корпусе. К тому же, что, возможно, было для Меллона гораздо важнее, Райан считался лоббистом «Тексас Ойл Компани».

Госсекретарь в администрации Гардинга Хьюз так обрисовал позицию нового правительства в отношении дипломатического признания режима Обрегона: «Фундаментальным вопросом, который встает перед правительством Соединенных Штатов, когда оно рассматривает свои взаимоотношения с Мексикой, является защита прав собственности от конфискации». Конечно, Хьюз имел в виду положения мексиканской Конституции 1917 года, которые требовали новой регистрации прав на эксплуатацию недр иностранными нефтяными компаниями. Ни о какой конфискации в Конституции вообще речи не было. Если Мексика не освободит американских нефтепромышленников от применения положений статьи 27 Конституции, то, грозил Хьюз, Обрегон может считать США «недружественной нацией». Близкая к правительству «Вашингтон Таймс» писала: «Чтобы быть признанной в качестве ответственной нации и правительства,

Мексике придется доказать, что она признает права американцев внутри и вне Мексики».

Таким образом, американцы выдвигали в качестве предварительного условия дипломатического признания нового правительства Мексики удовлетворительное для себя решение четырех основных вопросов:

- неприменение положений Конституции 1917 года к тем правам американских компаний, которые были приобретены до вступления Конституции в силу (до мая 1917 года),

- возмещение ущерба, понесенного американскими гражданами в Мексике в ходе революции, [Картинка: image33.jpg]

- возобновление выплат по внешнему долгу Мексики,

- выплата выкупа в твердой валюте американским собственникам за конфискованные в ходе аграрной реформы земли.

Все эти требования подкреплялись «неслышанными» суммами, которые американские нефтяные компании тратили на борьбу с мексиканским правительством, поддерживая отряды Пелаеса.²⁸⁷

Правительство Обрегона решило начать с урегулирования проблемы долга. Банковское сообщество США не имело инвестиционных объектов в Мексике и, соответственно, претензий к новой Конституции, а держатели облигаций мексиканского внешнего долга были заинтересованы в скорейшем начале их погашения.

Ответственным за переговоры с США по долгу был назначен бывший временный президент Мексики де ла Уэрта, успевший наладить хорошие отношения с банкирским домом Моргана. В правительстве Обрегона де ла Уэрта, как уже упоминалось, был министром финансов.

Формально партнером де ла Уэрты на переговорах были даже не американцы, а образованный в 1919 году Международный комитет банкиров по Мексике. Комитет должен был выработать единую позицию внешних кредиторов Мексики относительно долга страны, который Мексика прекратила обслуживать в 1914 году. В

комитет входили семь американских, пять британских и четыре французских банка. Несмотря на то, что четыре пятых всего мексиканского долга находилось в руках европейцев, комитетом фактически руководили американцы. А конкретно - банкир Ламонт из банкирского дома Моргана.

В марте 1922 года, после своего возвращения из Мексики, Ламонт выступил с речью перед американскими бизнесменами. Он говорил, что перед поездкой британская разведка предупреждала его: правительством Мексики руководят агенты Третьего интернационала (Коминтерна). Однако ничего подобного в Мехико Ламонт, по его словам, не обнаружил. Члены правительства Обрегона «несколько радикальны», но не большевики или анархисты.²⁸⁸ Необходимо отметить, что Ламонт действовал в Мексике с предварительного одобрения госсекретаря Хьюза. Банкир «мягко» (по сравнению с нефтяным лобби) относился к Мексике не потому, что уважал ее народ. Когда один из коллег предложил ему ужесточить политику по отношению к мексиканцам, Ламонт ответил, что нечего многословно болтать на тему «размахивания большой дубинкой или удара им ногой под дых. Не существует большой дубинки, которой мы могли бы размахивать, как нет у нас и ботинка, которым мы могли бы достать до их отдаленного и довольно прочного желудка».²⁸⁹

Позицию Ламонта разделял крупнейший медийный магнат США Херст, владевший в Мексике обширными латифундиями. Еще во времена Каррансы газеты Херста призывали к интервенции против Мексики. Теперь же они радикально сменили тон. Херст считал Обрегона «человеком разносторонних способностей, успешным бизнесменом, владельцем крупного состояния, талантливым военным». Похвала объяснялась тем, что северные штаты, являвшиеся опорой нового мексиканского режима, традиционно были поставщиками скота и других сельскохозяйственных, а также минеральных продуктов в США (на чем и зарабатывал «мексиканский бизнесмен» Херст). Обрегон же эту торговлю поощрял и сам в ней участвовал.

В 1921 году Международный комитет банкиров оценивал мексиканский внешний долг в 508,8 миллиона долларов. В него не включили заем узурпатора Уэрты, которого не признавали, к слову сказать, и сами США, тем более что диктатора ссужали в основном европейцы. Однако, с другой стороны, в сумму долга включили обязательства перед внешними кредиторами мексиканских государственных железных дорог (243,7 миллиона долларов) и проценты, накопившиеся с 1914 года (207 миллионов).

Правительство Обрегона признало эту сумму, и в июне 1922 году де ла Уэрта подписал с Ламонтом соглашение об урегулировании долговой проблемы.²⁹⁰ По этому соглашению совокупный мексиканский долг признавался в следующем виде (в долларах США, данные отдельных позиций округлены).

Заем 1899 года (под 5%) - 97,2 млн долларов.

Внешний долг на 1910 год (4%) - 101,9 млн.

Облигации казначейства Мексики 1913 года (6%) - 58,5 млн.

Кредит Мехико (5%) - 13,5 млн.

Долг в золоте 1914 года (4%) - 74,3 млн.

Облигации Сберегательного банка (Caja de Prestamos) (4.5%) - 50 млн.

Консолидированный внутренний долг (3%) - 41,8 млн.

Амортизированный внешний долг (5%) - 94,3 млн.

Облигации Национальных железных дорог - 101,5 млн.

Облигации железной дороги Веракрус - Тихий океан - 14 млн.

Облигации железной дороги Теуантепек (5%) - 18,7 млн.

Облигации железной дороги Теуантепек (4.5%) - 3,7 млн.

Итого: 669 467 826 долларов.

Долг Национальных железных дорог - 368 млн.

Признанный правительством Мексики долг, всего - 1037116145 долларов.

Проценты по долгу - 414 621 44 2 долларов.

Всего (долг плюс проценты) - 1 451 737 587 долларов.

Согласно этому документу мексиканское правительство погашало долг равными траншами до 1968 года, причем первые пять лет обслуживание долга не проводилось. Тем не менее ежегодная сумма погашения долга была все же значительной - 50 миллионов песо (доходы от нефти в 1921 году составляли 80 миллионов песо, но уже в 1922 году сократились до 60 миллионов и продолжали падать). В сентябре 1922 года соглашение де ла Уэрты - Ламонта было ратифицировано мексиканским Конгрессом. Однако надежды Обрегона на то, что

американцы предоставят кредит для организации центрального банка, не оправдались. Банкиры ссылались на отсутствие дипломатического признания администрации Обрегона со стороны США.

Пришлось все же решать основную проблему - применение Конституции 1917 года к американским нефтяным компаниям. Изменить Конституцию под давлением США Обрегон не мог по политическим соображениям - это могло привести к новой гражданской войне в стране. Положение обострилось еще больше, когда в 1921 году мексиканское правительство ввело налог на экспорт нефти (расходы администрации Обрегона на армию и образование сильно выросли). Американские нефтяные компании ответили на это сворачиванием добычи, что поставило мексиканское правительство в затруднительное финансовое положение. Обрегону приходилось маневрировать, что было непросто ввиду активного дипломатического прессинга со стороны северного соседа.

27 мая 1921 года временный поверенный Саммерли вручил мексиканскому правительству проект договора о дружбе и торговле.²⁹¹ В нем фиксировалось неприменение положений Конституции 1917 года к тем нефтяным концессиям, которые были приобретены до 1917 года. Кроме того, американцы вообще хотели возврата к правовому режиму эпохи диктатора Диаса, когда недра предоставлялись фактически в собственность иностранным инвесторам (новая Конституция провозглашала недра собственностью нации). Содержались в договоре и требования ультимативного характера о возмещении убытков, понесенных американскими гражданами и компаниями за годы революции. Обрегон публично отверг проект договора как несовместимый с суверенитетом Мексики, заявив, что Конституция страны не может изменяться по требованию иностранцев.

На самом деле Обрегон вел двойную игру. 25 января 1922 года специальный представитель Мексики в Вашингтоне Хуан Очоа Рамос сообщил, что Обрегон через Альберто Пани (который тогда был министром иностранных дел, а вскоре сменил де ла Уэрту на посту министра финансов) дал указание подписать предложенный США вариант договора без изменений в обмен на дипломатическое признание и подписание двух конвенций об урегулировании взаимных имущественных претензий.²⁹² Однако публично, с оглядкой на общественное мнение своей страны, Обрегон был вынужден защищать мексиканский суверенитет.

Такая позиция мексиканских властей только усиливала экономическую войну нефтяных компаний против правительства Обрегона. Если в 1921 году было добыто 30,7 миллиона кубических метров нефти, то в 1923-м - только 23,8 миллиона. 4 февраля 1922 года госсекретарь Хьюз уполномочил поверенного в делах США в Мехико Саммерли сообщить Обрегону: «Департамент не будет рассматривать предложений Пани, пока права американских граждан, приобретенные до вступления в силу Конституции 1917 года, не будут адекватно гарантированы».²⁹³

Для спасения своей «националистической» репутации и достижения компромисса с США правительство Обрегона решило использовать мнение «независимого» мексиканского Верховного суда. Дело в том, что многие нефтяные компании подавали иски в мексиканские суды с требованием запретить применение Конституции 1917 года как затрагивающей право частной собственности. В 1921 году иск «Тексас Ойл Компани» (Техас, как мы помним, был самым дружественно настроенным к Обрегону штатом США) добрался до Верховного суда. Принятое Верховным судом в сентябре 1921 года с одобрения правительства решение гласило, что нельзя применять

Конституцию не только к тем нефтепромыслам, которые разрабатывались до мая 1917 года, но и к тем, где наличествовали какие-либо приготовления к началу добычи.

Фактически Верховный суд встал на сторону США, но теперь «законопослушный» Обрегон публично мог ссылаться на вердикт национального правосудия, а не на давление со стороны янки. Тем не менее правительство США продолжало грубое давление, мешавшее оформлению договоренности на базе решения Верховного суда. Например, заместитель госсекретаря Флетчер отмечал в послании президенту Гардингу, что позиция мексиканцев является продуктом влияния «русского понятия собственности». «Проблема заключается не в формальном подходе к решению проблемы, как многие уверяют Вас, а в фундаментальном различии мнений относительно неприкосновенности частной собственности», - писал он.²⁹⁴

Эту точку зрения полностью поддержал министр финансов де ла Уэрта на переговорах с госсекретарем США Хьюзом 21 июля 1922 года. Де ла Уэрта, в отличие от Обрегона, не стал ходить вокруг да около, а прямо признал: мексиканская Конституция имеет обратное действие, что нормально для всех основных законов, которые вытекают из революций.²⁹⁵ В связи с этим министр финансов охарактеризовал недавнее решение

Верховного суда Мексики как «юридическую ошибку», но заверил, что оно будет соблюдаться.²⁹⁶

На самом деле проблема ретроспективного применения Конституции 1917 года вообще не имела серьезного экономического значения, так как только 23% добычи осуществлялось на тех участках, которые были приобретены иностранными компаниями до вступления Конституции в силу. Этот вопрос использовался США для оказания давления на правительство Обрегона.

Несмотря на выгодное в целом для американцев решение Верховного суда, временный поверенный Саммерли 19 октября 1922 года вручил Министерству иностранных дел Мексики проект нефтяного закона, разработанный США. В этом проекте предлагалось не применять Конституцию 1917 года не только к прошлым, но и к будущим инвестиционным проектам иностранных компаний.²⁹⁷ Уже одно то, что иностранное государство пыталось разрабатывать мексиканские законы, вызвало бурю возмущения в Конгрессе Мексики. Такие же настроения царили в мексиканской прессе.

Ввиду такой реакции государственный департамент США отыграл назад, заявив, что проект закона всего лишь дружеское изложение взглядов соседней державы на этот вопрос.

Следует отметить, что помимо таких «дружеских» жестов американские нефтяные компании в Мексике предлагали большие суммы денег Вилье, чтобы тот восстал против правительства Обрегона.

В начале 1923 года Обрегону уже стало ясно, что мирных президентских выборов стране не видать, - напротив, ожидается ожесточенная борьба за власть с применением кандидатами военной силы. В этих условиях Обрегон решил быстро урегулировать нерешенные вопросы мексиканоамериканских отношений, чтобы заручиться поддержкой США в предстоящий период внутривластной нестабильности.

В мае 1923 года в Мехико начались переговоры делегаций Мексики и США. Обрегон специально отобрал для этих секретных консультаций людей, не имевших никакого революционного прошлого. Министр иностранных дел Мексики Фернандо Гонсалес Роа ранее был юристом «Пирс Ойл Компани», и ему было отказано в праве участия в конституционном Конвенте в Керетаро. Вторым мексиканским представителем на переговорах Обрегон назначил своего близкого друга, бизнесмена из Соноры Рамона Росса.²⁹⁸ 23 августа были подписаны соглашения по спорным вопросам, получившие неофициальное название «соглашения улицы Букарели» (по названию улицы Мехико, где и проходили двусторонние консультации).

Соглашения в целом подтверждали решение Верховного суда Мексики о неприменении Конституции 1917 года к тем земельным участкам, на которых иностранные компании вели добычу до 1 мая 1917 года.

Что касается возмещения ущерба американским гражданам, то мексиканские представители, как и большевики на конференции в Генуе в 1922 году, представили свои контрпретензии, вытекавшие из американской оккупации Веракруса в 1914 году и почти годичного нахождения в Мексике карательной экспедиции генерала Першинга в 1916-1917 годах. Новсе же мексиканцы признали обоснованность всех американских материальных претензий начиная с 1868 года. Для рассмотрения претензий учреждалась специальная комиссия, состоявшая из трех человек (один назначался мексиканской стороной, второй - американской, третий должен был представлять нейтральное государство и назначался совместно Мексикой и США). Конфискованная у американских владельцев земельная собственность площадью свыше 1755 гектаров подлежала оплате наличными. Более мелкие участки компенсировались облигациями мексиканского правительства под 5% годовых (к ним применялся тот же порядок, что и в отношении мексиканских собственников).

В целом «соглашения Букарели» представляли собой вынужденную уступку мексиканских властей давлению США. В Мексике их встретили с возмущением. Против этой сделки выступил де ла Уэрта, теперь - один из основных кандидатов на пост президента. Бывший губернатор Веракруса Кандидо Агилар назвал соглашение предательством. Обрегон предвидел большие сложности с ратификацией этого соглашения в Конгрессе. Вопросы вызывала и сама форма соглашения - оно было заключено в виде секретных протоколов. Правда, Обрегон использовал такую форму намеренно: позднее мексиканское правительство утверждало, что решения «конференции Букарели» - лишь фиксация позиций сторон по спорным вопросам, и они не имеют обязательной юридической силы. Эту же точку зрения впоследствии отстаивал посол США в Мехико Морроу: «Относительно соглашения Уоррен - Пейн (американцы называли «соглашения Букарели» по именам своих представителей - прим, автора) мексиканские представители сделали однозначное заявление, которое в основном основывается на деле «Тексас Ойл Компани». Не ясно, согласились ли с этим американские

представители. Напротив, они выступили с возражениями, на что мексиканские представители ответили, что они признают право Соединенных Штатов выдвигать возражения... Но если это так, то было ли вообще заключено соглашение или только достигнуто взаимопонимание?»²⁹⁹

Однако основной своей цели Обрегон достиг - 31 августа 1923 года было объявлено о восстановлении дипломатических отношений между Мексикой и США. Возможно, что этот шаг спас Обрегону жизнь.

Двойную позицию по отношению к правительству Обрегона заняла Франция. С конца XIX века именно эта страна была властительницей дум всей прогрессивной мексиканской интеллигенции. Образованные слои мексиканского общества копировали французский образ жизни, систему образования и даже увлечение позитивизмом - философским учением, основанным французом Огюстом Конттом. Мексиканская армия закупала оружие в основном во Франции, там же учились генералы и офицеры. В 1910 году примерно 27% иностранных инвестиций в Мексике было французского происхождения (38% - из США, 29% - из Великобритании). Именно Францию выбрал для своего жительства изгнанный Диас. Эмиграция в эту страну усилилась после начала революции в Мексике. В 1912 году на Францию приходилось 65,8% мексиканского государственного долга.

Казалось бы, победа Франции в Первой мировой войне должна была только усилить французское влияние в Мексике, тем более что французы не позволяли себе в общении с мексиканцами угрожающего и откровенно хамского тона, которым отличались американцы. Однако ослабленная войной Франция финансово зависела от США, что и предопределило несамостоятельную линию Парижа по отношению к Мехико. К тому же в годы Первой мировой войны нейтральные до 1917 года США резко усилили свое экономическое влияние и в Мексике. Уже в 1913 году на США приходилось 77,2% мексиканского импорта и 50,85% экспорта. Позиции Франции были гораздо скромнее - 2,38% и 9,54% соответственно.

В отличие от Вашингтона, Париж официально признал правительство Обрегона уже 19 марта 1921 года. Однако посла в Мексику Франция решила не направлять, пока этот шаг не санкционируют США. Министр иностранных дел Франции Аристид Бриан считал, что ее позицию по отношению к Мексике должны определять экономические интересы. Он оценивал французские инвестиции в этой стране в 2 миллиарда франков. «Чтобы защитить упомянутые интересы, мы должны следовать линии Соединенных Штатов, которые очень ревностно относятся к любому иностранному вмешательству в Мексике и могут либо поддерживать наши действия, либо бороться против них». Бриан называл французскую линию по отношению к Мексике «гибкой», а американскую - «угрожающей». «Мы не должны прибегать к угрожающему тону, который уже 10 лет используют Соединенные Штаты в Мексике... опыт показывает нам, что в случае революций в Южной Америке лучше вести переговоры и достигать компромисса с новыми людьми у власти».

Французский посол Жан Перье прибыл в Мексику только в 1923 году, когда американцы дали на это «зеленый свет».

Чтобы скомпенсировать негодование в мексиканском обществе относительно «соглашений Букарели», правительство Обрегона решило сделать уступку левым силам и нормализовать отношения с СССР. К тому же это могло бы стать противовесом давлению США. Между Мексикой и СССР не было никаких спорных вопросов. Prestиж Советской России был в Мексике очень высок, поэтому Обрегон небезосновательно полагал, что установление дипломатических отношений с СССР укрепит позиции его правительства среди рабочих и крестьянских организаций. В преддверии президентских выборов 1924 года это было вопросом жизни и смерти - только массовое вооружение народа могло бы подавить зреющий в стране военный мятеж.

Собственно, Мексика и не разрывала отношений с Россией после Великой Октябрьской социалистической революции. Как мы уже говорили, в Москве находился мексиканский консул. Упомянутая выше миссия Бородина (Грузенберга) к прочному установлению дипломатических отношений не привела. Повторим: опоясанной кольцами фронтов Советской России в то время было просто не до далекой Мексики.

Обрегон сразу же после прихода к власти в 1920 году не мог не учитывать популярность, которой пользовались большевики среди мексиканского народа, даже среди функционеров КРОМ. Поэтому он отзывался о Советской

России с уважением: «Те из нас, кто любит свободу... признают, что Россия много выиграла в результате своего освободительного движения. Русские... живут гораздо лучше, чем раньше, при царском гнете».³⁰⁰

В мае 1920 года генеральное консульство Мексики передало в Совнарком памятную записку, в которой

предлагало наладить между двумя странами торговые отношения. Например, Россия могла бы купить товары, которые Мексика до окончания Первой мировой войны поставила в Германию и которые до сих пор находятся на складах в Германии и Голландии. При этом Мексика не требовала денег, а была готова произвести бартерный обмен на [Картинка: image34.jpg] Прогрессивный губернатор Юкатана и друг Советской России Фелипе Каррильо Пуэрто

российские товары. Ленин внимательно прочитал записку и поручил народному комиссариату торговли и промышленности РСФСР принять меры.³⁰¹

После этого особой инициативы по установлению полноценных дипломатических отношений с Москвой мексиканское правительство не проявляло, если не считать контактов по линии КРОМ. Сказывались опасения, что США могут воспринять сближение с большевистской Россией крайне негативно (сами американцы признали СССР только в 1933 году). СССР прекрасно понимал сложность отношений Мексики с ее северным соседом и по этой причине тоже не форсировал события.

Тем не менее Мексика (и ее общественные организации, и члены правительства) оказала большую помощь голодающим Поволжья. В январе-феврале и в августе 1922 года в Мексике находился представитель Российского общества Красного креста (РОКК) в США доктор Дубровский. Громадную поддержку России оказал губернатор штата Юкатан Каррильо Пуэрто, который подарил Дубровскому свою фотографию. «Штат Юкатан вместе со штатом Кампече собрали два парохода провизии (горох, кофе, какао, кукуруза), которые в скором времени отплывут на Юг России. Кроме того, Морелос готов приютить 500 русских детей из голодающих областей».³⁰² При этом, в отличие от США, мексиканские власти заверили, что помощь будет идти только через российский Красный Крест и без всяких политических условий.

И в Юкатане, и в Мехико Дубровскому советовали, чтобы Россия как можно быстрее прислала в Мексику торгового представителя для налаживания прямых экономических контактов между двумя странами. Например, тот же Каррильо Пуэрто удивлялся, почему РСФСР втридорога закупает юкатанскую бечевку в Лондоне. Он предложил бечевку со скидкой в 33% против рыночной цены, при этом только 50% стоимости подлежало оплате наличными, остальные деньги Юкатан был готов принять российскими товарами, в том числе тканями.³⁰³ Не подлежит сомнению, что это предложение Пуэрто объяснялось его социалистическими убеждениями и искренней симпатией к Советской России.

Однако Литвинов в марте 1922 года написал полпреду РСФСР в Германии Крестинскому, что «торгового представителя в Мексике нам не нужно».³⁰⁴ Пусть-де мексиканцы полностью возобновляют дипломатические отношения. Позиция Литвинова выглядит крайне бюрократической и не очень гибкой и, видимо, объясняется тем, что Москве в то время было не до Мексики.³⁰⁵ Ведь Мексика вообще не считала дипломатические отношения между двумя странами прерванными и с юридической точки зрения была абсолютно права.

О подчеркнутом внимании Мексики к РСФСР свидетельствует то, что Дубровского, не имевшего никакого официального статуса, приняли как .Обрегон, так и Кальес. Его Дубровский в своей докладной записке ошибочно назвал премьером - такого поста в Мексике не было. Вероятно, доктор подразумевал под этим, что Кальес является вторым человеком в стране. Дубровский сообщал, что «все выражали изумление по поводу того, что Россия не предпринимает никаких шагов взаимопомощи дипломатическому признанию двух республик».³⁰⁶ Он посоветовал начать переговоры на сей счет между дипломатическими представительствами обеих стран в третьей стране. «Тогдашний премьер генерал Кайясс (Кальес -прим, автора) указал на то странное обстоятельство, что, несмотря на многие черты сходства между мексиканской и российской революциями, в Мексике официальным представителем продолжает числиться некий барон, кажется Розенберг (за точность фамилии не ручаюсь), так как Советское правительство этого «представителя» не отзывало и не сообщало мексиканскому правительству об аннулировании его полномочий, то последнему приходится тратиться на содержание специального полицейского у резиденции этого генерального консула, оставшегося там еще с царских времен».³⁰⁷ Кальес даже передал

Дубровскому письмо, адресованное Розенбергу и подписанное представителем атамана Семенова. В нем атаман называл Розенберга и своим представителем в Мексике. Дубровский в своей докладной записке всячески рекомендовал Москве Кальеса: «Он старый член Социалистической Партии и в качестве кандидата в президенты располагает поддержкой организованных рабочих и крестьян».³⁰⁸

История с письмом имела продолжение. В марте 1923 года замнаркома иностранных дел СССР Литвинов

направил официальную ноту министру внутренних дел Мексики Плутарко Кальесу. Российское правительство просило аннулировать экзекватуру бывшего царского консула в Мексике барона Вендхаузена-Розенберга, который продолжал считать себя дипломатическим представителем России. Министерство иностранных дел Мексики заверило Москву, что экзекватура барону вообще не предоставлялась. Еще в августе 1922 года он был информирован о том, что за ним не признаются какие-либо консульские функции.³⁰⁹

В марте 1922 года советское полпредство в Берлине за визой явился еще один крайне интересный представитель Мексики - уже знакомый нам немец Феликс Зоммерфельд. Работая в Мексике в качестве горного инженера, он примкнул к борьбе против Диаса в 1910 году. Позднее он был главой мексиканской секретной службы революционного правительства Мадеро в США,³¹⁰ спасал семью президента после убийства Мадеро в феврале 1913 года, затем закупал в Америке оружие для Вильи. Ходили упорные слухи, что Зоммерфельд был и германским агентом.³¹¹ В октябре 1915 года (после поражения Вильи в гражданской войне) его арестовали в США за кражу 275 долларов... в 1898 году.³¹² Некоторые исследователи даже считают, что именно Зоммерфельд уговорил Вилью совершить налет на американский городок Колумбус в марте 1916 года, чтобы по заданию из Берлина спровоцировать войну между Мексикой и США.³¹³

В 1922 году Зоммерфельд появился в Берлине как официальный представитель министра финансов Мексики де ла Уэрты. Он плотно контактировал с Имперским миграционным ведомством (Reichswanderungsamt), которое занималось проблемой эмиграции немцев за рубеж: в то время многие уезжали из побежденной и измученной гиперинфляцией Германии именно на американский континент. Видимо, Зоммерфельд пытался привлечь германских колонистов в Мексику (за распределение пустующих земель отвечал как раз министр финансов). Зоммерфельд уже собирался возвращаться в Мексику, когда получил указание де ла Уэрты поехать в Москву в «информационных целях». В марте 1922 года он обратился за визой, его анкеты были отправлены в Москву, и ему довольно быстро выдали разрешение на въезд.³¹⁴

Переговоры об обмене послами между СССР и Мексикой активно пошли в Берлине начиная с мая 1923 года, но их успеху помешало неожиданное и резкое обострение внутривластной обстановки в Мексике. Дело в том, что в мае 1923 года мексиканским послом в Берлин был назначен один из основателей и лидеров кооперативистской партии, бывший студент и спикер нижней палаты мексиканского конгресса Хосе Мануэль Альварес дель Кастильо. 31 мая состоялась его беседа с советским полпредом Крестинским.³¹⁵ Примечательно, что дель Кастильо сразу подчеркнул свою тесную связь с де ла Уэртой, нынешним президентом Обрегеном и будущим президентом Кальесом.³¹⁶ В мае 1923 года среди «сонорского триумvirата» (именно так и назвал дель Кастильо в беседе правящую элиту Мексики) еще не существовало разногласий относительно того, кто сменит Обрегона на посту главы государства. Дель Кастильо живо поддержал мысль советского полпреда, «что для непризнанной еще Антантой Мексики и не вполне признанной России было бы целесообразно взаимно признать друг друга де-юре и обменяться представителями».³¹⁷ Мексиканец сказал, что «спишется по этому вопросу с де ла Уэртой». (Заметим, это при том что последний был министром финансов, а не иностранных дел).³¹⁸

Однако Литвинов опять затормозил активность Крестинского. В своем письме от 11 июня 1923 года он писал полпреду в Берлин, что «мексиканцы на выражение симпатий щедры, но от установления нормальных отношений уклоняются... Мекспра должно было вступить в переговоры с нами, пока Америка его не признала. Вряд ли это помешало бы потом американо-мексиканским отношениям, которые зависят главным образом от уступок Мексики в вопросах нефтяных концессий».³¹⁹ Логика Литвинова довольно странна: Мексика ведь отнюдь не уклонялась от переговоров и даже сама в 1922 году поставила вопрос об отзыве царского консула. К тому же было ясно, что США вряд ли обрадуются установлению дипотношений Мехико с большевиками, а чем-либо помочь Мексике в случае американских экономических санкций, не говоря уже о военном вторжении, Москва вряд ли смогла бы. Поэтому осторожность Обрегона в налаживании связей с СССР была понятной и не носила антисоветского характера.

Позиция Литвинова фактически сорвала восстановление дипотношений летом 1923 года, а с 1 сентября кооперативистская партия и де ла Уэрта перешли в открытую оппозицию к Обрегону и Кальесу. «Сонорский триумvirат» распался, а чуть позже де ла Уэрта выдвинул свою кандидатуру на пост президента в пик Кальесу, которого поддержал Обрегон.

Нормализация отношений с США окончательно развязала правительству Обрегона руки для оформления

полноценных дипломатических отношений с Москвой. Но после разлада с кооперативистами президент Мексики, видимо, уже не хотел налаживать связи с Москвой через дель Кастильо в Берлине.

На этом фоне 10 сентября 1923 года неофициальный представитель НКВД в США Сквирский встретился с мексиканским официальным представителем в США Тельесом,³²⁰ и собеседники согласились, что пора создать «нормальные советско-мексиканские отношения». В Москве не возражали, но, чтобы не злить американцев, решили продолжать контактировать с Мексикой через Берлин.³²¹

Между тем 15 августа 1923 года мексикано-американские переговоры в Мехико завершились, а 22 августа госсекретарь Хьюз сообщил министру иностранных дел Мексики Пани, что президент США Кулидж доволен их результатами.³²² 24 августа результаты переговоров одобрил и Обрегон.³²³

1 октября 1923 года полпред СССР в Германии Крестинский принял Мануэля Альвареса дель Кастильо по его просьбе. Мексиканец передал предложение Обрегона установить первоначально формальные отношения путем обмена торговыми комиссиями. Позднее торговые связи должны были перерасти в дипломатические. Торговым комиссиям предстояло с самого начала исполнять и политические функции. В этом предложении Обрегона опять чувствовалось стремление не провоцировать США, которые занимали по отношению к СССР откровенно враждебную позицию. Дель Кастильо прямо заявил Крестинскому: «Мексике удалось уже добиться признания своего правительства правительством Соединенных Штатов. Поэтому сейчас мексиканское правительство может уже менее считаться с желаниями правительства Соединенных Штатов». Таким образом, мексиканцы предлагали взаимное признание де-факто (как это имело место в отношениях между СССР и, например, Норвегией или Данией).

Москва устами Литвинова, написавшего Крестинскому 25 октября, с предложением Обрегона не согласилась: между СССР и Мексикой нет никаких спорных вопросов, поэтому следует вести речь о полном взаимном признании де-юре. Де-факто Советский Союз признавали лишь те страны, с которыми имелись неурегулированные взаимные претензии, прежде всего относительно долгов царского и временного правительств. Но на сей раз позиция Литвинова была гораздо более гибкой: «Однако, считаясь с зависимостью Мексики от Соединенных Штатов, мы не требуем от Мексики каких-либо торжественных актов о признании нас де-юре и готовы ограничиться обменом нот».³²⁴

Но 1 ноября 1923 года дель Кастильо позвонил Крестинскому и сказал, что неожиданно уезжает в Мексику по постановлению кооперативистской партии для участия в ее съезде и вряд ли вернется.³²⁵ Мексиканец подчеркнул, что лично он стоит за полное возобновление дипломатических отношений с СССР и именно это ранее сообщил Обрегону. Крестинский писал в Москву: «В лице дель Кастильо я лишился единственного из здешних дипломатов, который производил впечатление симпатичного, искреннего и довольно революционно настроенного человека».³²⁶

После этого контакты между дипломатами обеих стран в Берлине затихли, так как в Мексике разворачивалась гражданская война с неясными для правительства Обрегона перспективами.

Уже с начала 1922 года было понятно, что основными претендентами на президентское кресло в 1924 году являются наиболее близкие соратники Обрегона сонорцы Кальес и де ла Уэрта. Обрегон сделал выбор в пользу Кальеса, во многом потому, что де ла Уэрта возражал против уступок США в нефтяном вопросе и даже ушел позднее в отставку с поста министра фи-

нансов. В июле 1922 года столичная газета «Эль Универсаль» опубликовала данные опроса своих читателей, согласно которым 142 тысячи были готовы проголосовать за консервативного сенатора и бизнесмена Сетину, 139 тысяч - за де ла Уэрту, 84 тысячи - за Кальеса и почти 73 тысячи - за Вилью.¹⁸⁸ Последний фактор настораживал Обрегона не меньше, чем малочисленность потенциальных избирателей Кальеса. Было известно, что Вилья высоко ценит де ла Уэрту и ненавидит Кальеса. Если бы вдруг де ла Уэрта и Вилья объединили свои силы, то победа правительственного кандидата Кальеса представлялась бы почти невозможной на относительно свободных выборах. К тому же Вилья не изменил своим антиамериканским взглядам, а в условиях готовившихся уступок США по нефтяному вопросу его реакция могла быть непредсказуемой. Именно отношения с американцами вынудили Вилью в 1921 году открыто вмешаться в мексиканскую политику, чего он в целом старался избегать, как и обещал де ла Уэрте.

Формально Вилья вел на своей асиенде «Канутильо» (штат Дуранго) тихую жизнь провинциального помещика. Он отказывался от любых контактов политического характера и не давал интервью. Первый год на

асиенде поддерживался строгий военный порядок: подъем в шесть утра по сигналу трубача, постоянные построения и упражнения. В окрестностях «Канутильо» работали на выделенных им участках бывшие солдаты Вильи, готовые в любой момент прийти на помощь своему командиру. Эту асиенду Вилья выбрал потому, что ее легко было оборонять. Он все время боялся покушения и не выезжал из поместья без вооруженного эскорта в составе 50 «дорадос». На асиенде был большой (и неизвестный правительству) склад винтовок, боеприпасов и гранат - Вилья в любой момент мог снова перейти к партизанской войне.

Отношения Вильи с Обрегеном были внешне очень сердечными. Вилья неизменно поздравлял президента с днем ангела. Обрегон отвечал на его письма немедленно и писал их собственноручно, чтобы подчеркнуть свое уважение к адресату. Правительство не только купило для Вильи асиенду более чем за полмиллиона песо, но и заплатило все прошлые налоговые недоимки владельцев. Большие деньги тратились на оплату жалованья вооруженной охране Вильи и на приобретение для асиенды сельскохозяйственного инвентаря.

Одно время казалось, что Вилья не только с головой ушел в бизнес, но даже стал реакционером. Когда в 1921 году аграрная комиссия штата выделила окрестным крестьянам земли рядом с асиендой Вильи, то вооруженная охрана последнего не пустила их на поля. Это вызвало решительное осуждение крестьянской лиги штата. Но Обрегон делал все, чтобы без нужды не злить бывшего кровного врага.

Однако весной 1922 года идиллии настал конец. В то время бывший некоронованный король штата Чиуауа Террасас, живший в эмиграции, через своего сына Луиса предложил Обрегону, как раньше и Каррансе, сделку, которая соответствовала планам президента по созданию в Мексике прослойки «крепких фермеров». Террасас предлагал продать 2,3 миллиона гектаров принадлежащей ему земли американцу Макквоттерсу по полтора доллара за акр, а тот, в свою очередь, должен был разбить латифундии на мелкие участки и продать их всем желающим. Американец получил одобрение Обрегона и выкупил землю у Террасаса, вложив в проект более 300 тысяч долларов. Губернатор Чиуауа Энрикес, имевший в деле личный интерес, заверил Обрегона, что в штате поддерживают это начинание.

Но 12 марта Обрегон получил письмо от Вильи, в котором тот резко протестовал против продажи лучших угодий штата американцам.³²⁷ Особенно насторожил президента пассаж о том, что если не будут приняты меры по аннулированию сделки с Макквоттерсом, то через три месяца в Чиуауа засвистят пули. Президент немедленно предписал Энрикесу аннулировать сделку, сославшись на формальные моменты: в договоре о продаже земли Макквоттерсу не было четко прописано, что он должен продавать ее фермерам. Провал аферы Террасаса благодаря Вилье привел к началу реальной аграрной реформы в Чиуауа: правительство само выкупило латифундии и стало распределять их среди нуждающихся крестьян.

Демарш Вильи ясно показал Обрегону, что бывший народный герой отнюдь не ушел из политики. Чтобы прозондировать планы Вильи на будущее, весной 1922 года к нему был послан с согласия правительства, а на самом деле по прямому его указанию, корреспондент газеты «Эль Универсаль». Обрегону было известно, что Вилья иногда был непривычно откровенным в беседах с газетчиками (ему льстило внимание образованных людей). Не ошибся он и на этот раз.

Вилья без обиняков сообщил корреспонденту, что давал обязательство не участвовать в политике только во время пребывания Обрегона на посту президента. В 1924 году он, Вилья, готов выставить свою кандидатуру на пост губернатора Дуранго, так как многие жители штата обращаются к нему с просьбой занять эту должность. «Я настоящий солдат, джентльмены. Я могу мобилизовать 40 000 солдат за 40 минут».³²⁸ Когда Вилью спросили, что он думает о кандидатуре де ла Уэрты, тот ответил: «Фито - очень хороший человек, и его недостатки вызваны только его добрым сердцем. Фито - это политик, который любит примирять интересы всех, а любой, кто этого достигнет, сослужит стране великую службу. Фито - прекрасная личность, он очень умен и будет неплохим президентом республики». Отзыв о

Кальесе был уже не столь восторженным: «У генерала Кальеса есть много хороших качеств, но, как и у любого человека, у него есть и недостатки... его политической позицией, насколько я знаю, является решение проблем рабочего класса на базе радикализма».³²⁹ В целом из интервью было четко видно, что Вилья поддерживает де ла Уэрту - то есть не кандидата Обрегона. Это неудивительно, если учесть, что де ла Уэрта, а не Обрегон согласовал с Вильей в 1920 году условия его возвращения к мирной жизни.

Кальеса действительно многие в стране считали радикалом, почти большевиком. Как-то на устроенном Американской федерацией труда приеме Кальес изрек: «Я скорее обернусь черно-красным флагом и брошусь в

пропасть, чем предаю интересы пролетариата». Но в большой степени это была дань господствующим в стране общественным настроениям. Де ла Уэрту, наоборот, многие несправедливо считали реакционером.³³⁰ Бывшего временного президента поддерживал, например, бывший радикальный губернатор Юкатана Сальвадор Альварардо. К тому же де ла Уэрта придерживался более патриотической позиции по отношению к США, чем Обрегон. Первоначально де ла Уэрта поддержал выбор Обрегона в пользу Кальеса, чтобы не ставить под сомнение единство «революционной семьи». Через 11 месяцев после интервью Вильи де ла Уэрта встретился с ним в купе поезда на пути в Торреон и просил поддержать Кальеса.³³¹ Сперва Вилья уговаривал де ла Уэрту все же выдвинуть свою кандидатуру, но затем, поддавшись увещаниям, согласился поддержать Кальеса, чтобы не расколоть единый фронт революционеров перед лицом жаждущей реванша реакции.

Есть неподтвержденные данные, что Вилья встречался и с Кальесом. Якобы на этой встрече он дал уклончивый ответ на прямой вопрос Кальеса об отношении к его кандидатуре на пост президента. Мол, он, Вилья, поддержит Кальеса, если тот будет на стороне большинства народа.

В любом случае интервью газете «Эль Универсаль» стоило Вилье жизни. К лету 1923 года разрыв между де ла Уэртой и Обрегоном стал реальностью, хотя до этого первый публично отрицал свои президентские амбиции. Формальным поводом послужило аннулирование Обрегоном

результатов выборов в штате Сан-Луис-Потоси, на которых победил лидер Национальной кооперативистской партии Прието Лауренс. Де ла Уэрта помнил, что лично возглавил в 1920 году движение против президента Каррансы, когда тот вмешался в дела штата Сонора. Теперь Обрегон делал то же самое. Де ла Уэрта всячески пытался предотвратить открытый разрыв в «сонорском триумvirате». Он написал Обрегону письмо с просьбой отсрочить свое решение о выборах в Сан-Луис-Потоси хотя бы на 24 часа. Однако Обрегон проигнорировал обращение, и 22 сентября 1923 года газеты сообщили, что де ла Уэрта подал прошение об отставке с поста министра финансов.

Обрегон воспринял такую утечку информации как предательство - ранее он договорился с де ла Уэртой, что тот будет говорить не об отставке, а всего лишь о временной неспособности продолжать работу на посту министра ввиду «проблем со здоровьем». Такая версия должна была предотвратить открытый раскол в правящей элите. Однако де ла Уэрта не сдержал слова, а Обрегон предательства не прощал. Сам де ла Уэрта объяснил газетам свою отставку как единственное средство избежать критики в адрес правительства, «которое я так люблю и которому желаю успехов».

Итак, де ла Уэрта осудил «соглашения Букарели» и подал в отставку с министерского поста. Позднее он заявил о выставлении своей кандидатуры на пост президента от Национальной кооперативистской партии. Скорее всего, именно лидеры этой партии и убедили де ла Уэрту вступить в борьбу за президентское кресло.

Национальная кооперативистская партия, как уже упоминалось, была основана молодым адвокатом Хорхе Прието Лауренсом в 1917 году,³³² но первое время не играла значимой роли в политической жизни страны. Когда Обрегон рассорился с либеральными конституционалистами, он решил сделать ставку на кооперативистов. После выборов в Конгресс 1922 года с помощью президента в парламенте возник проправительственный Социал-демократический блок (позднее переименованный в Национально-революционную конфедерацию партий в составе Национальной кооперативистской, Лабористской, Национальной аграристской партий, а также Социалистической партии Юго-Востока, действовавшей в основном в штате Юкатан. Из 264 депутатов нижней палаты Конгресса к кооперативистам принадлежали 224 (лабористы имели 6 мест, аграристы - 12, социалисты Юкатана - 7). В Сенате кооперативно™ также получили большинство - 38 мест. Бывшая де-факто правящая партия либеральных конституционалистов имела только 15 мандатов.

Однако Обрегон не желал делить власть ни с кем, включая и партию парламентского большинства. Поэтому он не назначил представителей

кооперативистов на ответственные посты в правительстве. Единственным, чего удалось добиться партии, стало завоевание власти в муниципалитете Мехико, который возглавил Прието Лауренс. Партия попыталась добиться власти в штатах путем активного участия в выборах, однако, как мы уже знаем, сам Прието Лауренс натолкнулся летом 1923 года в Сан-Луис-Потоси на жесткую оппозицию правительства.

Обрегон и Кальес уже не желали церемониться с кооперативистами. Самостоятельные партии им были не нужны. Обрегон к тому же считал, что Вилья готовит вооруженное восстание в пользу де ла Уэрты, которое

должен был поддержать контролируемый кооперативистами Конгресс. Президент знал о секретных встречах Вильи с губернаторами Коауилы, Тамаулипаса (этот штат был центром нефтедобычи) и Дуранго. Вероятно, губернатор Дуранго и проинформировал Обрегону о намерениях Вильи. Обрегону докладывали, что при попустительстве чиновников таможни, подчинявшейся министру финансов де ла Уэрте, из США в адрес Вильи идут ящики с оружием, задекларированные как пшеница.

В этом сложном внутривластном раскладе для Вильи уже не было места. Обрегон не сомневался, что в случае обострения ситуации тот с оружием в руках выступит в поддержку де ла Уэрты. Здесь, скорее всего, Обрегон не ошибался, хотя история, как известно, не терпит сослагательного наклонения.

Кальес дал командиру гарнизона самого близкого к асиенде Вильи городка Парраль Феликсу Ларе прямое указание подготовить убийство опасного «помещика». Обрегон наверняка был в курсе этого. Ведь Кальес как министр внутренних дел не мог давать указания армейским частям, к тому же абсолютно исключено, чтобы он пошел на убийство Вильи без санкции президента.

18 апреля 1923 года Вилья послал Обрегону непривычно длинное письмо, где просил оградить себя от планов покушения со стороны клана Эрреры, глава которого, федеральный таможенник, публично угрожал убить Вилью за то, что тот ранее расстрелял его отца. Обрегон подозрительно долго не отвечал (ответ последовал 9 мая) и обещал лишь «аккуратно» решить затронутый Вильей вопрос. Эррера действительно прекратил публичные нападки на Вилью. Вероятно, он вообще угрожал ему, чтобы, зная его подозрительность, отвлечь от реальных убийц. Впрочем, наемников Эррера к Вилье все же подсылал. Одного из них убили в борделе люди Вильи, когда тот спьяну рассказал о своих планах. Обрегон мог решить вопрос с Эррерой очень просто - перевести этого госслужащего в другой штат. Тем более что об этом прямо просила президента сестра Эрреры. Но Эррера остался и продолжал отвлекать на себя внимание Вильи.

К тому моменту Обрегон уже лично принял человека, готового убить Вилью. Это был некий Лозойя, бывший управляющий асиендой «Кану-тильо». При нем асиенда задолжала государству 44 тысячи песо налоговых недоимок, и Вилья требовал, чтобы Лозойя погасил долг. Вторым непосредственным организатором убийства был депутат парламента Дуранго Салас Барраса. За ним стоял губернатор штата, которого, понятно, не привели в восторг намерения Вильи выдвинуть свою кандидатуру на выборах. В курсе заговора был и военный министр Амаро. Когда Кальес и Амаро предложили Обрегону покончить с Вильей, тот сначала колебался. Ведь Вилья неукоснительно соблюдал договоренности о невмешательстве в политическую жизнь. Но, в конце концов, Обрегон согласился при условии, что следы правительства в этом деле не будут заметны.

Судьбу Вильи решила его страсть к автомобилям. Он пристрастился ездить за рулем и часто выезжал за пределы асиенды без сильной охраны (много бойцов в легковой машине не помещалось). 10 июля 1923 года Вилья с сопровождением в шесть человек отправился на машине в город Парраль, где жила одна из его жен (он ухитрился заключить одновременно несколько браков). Он не знал, что на перекрестке улиц Бенио Хуареса и Габино Барреда, где машина поворачивала и замедляла ход, в него уже целились убийцы. Но, на счастье Вильи, в это время на улице было много школьников, и покушение не состоялось. Вилья чувствовал себя в Паррале спокойно, так как считал командующего местным гарнизоном своим другом. Между тем Феликс Лара отвел весь гарнизон на репетицию парада по случаю приближавшегося Дня независимости Мексики в соседний городок Матурана. Вилье следовало насторожиться уже поэтому: кривые улочки Матурана абсолютно не годились для строевых экзерциций. Парраль был в этом смысле куда более подходящим местом. Зато Лара отрядил несколько лучших стрелков своего гарнизона на помощь покушавшимся.

20 июля Вилья в хорошем настроении возвращался домой. Настроение еще больше улучшилось, когда стоявший на перекрестке человек поднял руку и крикнул: «Вива Вилья!»¹⁹⁶ На самом деле это был сигнал, по которому 12 убийц прицелились. Вилья был убит сразу, в него попали девять пуль (по другим данным - 13). Покушавшиеся никуда не спешили. Добив всех спутников Вильи, кроме одного, которому удалось скрыться, они выкурили по сигарете и, не торопясь, направились к ожидавшим их лошадям.

Как только власти узнали об убийстве Вильи, было немедленно перерезано телеграфное сообщение между асиендой «Канутильо» и внешним миром. Войска получили приказ захватить асиенду. Лара не предпринял никаких мер для поиска и задержания убийц. [Картинка: image35.jpg] Машина Вильи после покушения

Неудивительно, что большинство депутатов мексиканского Конгресса, особенно кооперативисты, не сомневались в причастности правительства к смерти Вильи.³³³ Военная разведка США докладывала, что так же

считают и большинство генералов армии. Американские спецслужбы сообщали на родину и еще более интересную версию: якобы убийство Вильи было одним из условий признания США правительства Обрегона. Ходили слухи, что, узнав о смерти Вильи, Кальес сказал, что одно из главных условий американцев выполнено.

Посланная в Парраль специальная комиссия мексиканского парламента установила, что местные власти не сделали ничего для поимки убийц. Вдобавок они всячески препятствовали работе самой комиссии. Та же, состоявшая из депутатов от Национальной кооперативистской партии, фактически прямо обвинила правительство в организации убийства Панчо Вильи. 2 августа 1923 года на сессии Конгресса члены комиссии прозрачно намекнули, что покушение организовал Кальес. Обстановка в стране накалялась. Депутат Конгресса Эмилио Гандарилья опубликовал письмо Саласа Баррасы Кальесу, из которого можно было понять, что именно Кальес был инициатором убийства Вильи.³³⁴ И тут, через две недели после покушения, Салас Барраса неожиданно признался в печати, что организовал убийство Вильи на свой страх и риск. Текст признания Барраса предварительно согласовал с Кальесом и Обрегоном.

Правительство даже не потрудились задержать признавшегося киллера, и арестовали Баррасу только когда стало известно, что он готовится бежать в США. Суд приговорил организатора покушения к 20 годам, но уже в конце 1923 года он был амнистирован и повышен в звании за участие в подавлении мятежа де ла Уэрты. Кстати, на стороне мятежников выступил брат Вильи Иполито. Однако он не имел и сотой доли того авторитета, каким обладал его погибший брат, поэтому большого отряда не собрал. Когда Иполито и 40 его бойцов все-таки смогли окружить Саласа Баррасу с шестью его солдатами, те не только отбились, но и обратили нападавших в бегство. Не сумев отомстить за смерть брата, Иполито сдался властям и позднее эмигрировал в США. Если бы к выступлению де ла Уэрты примкнул сам Вилья, вполне возможно, Обрегон не смог бы удержать власть.

В преддверии выборов Обрегон убрал с политической арены и из жизни не только Вилью. Еще 13 декабря 1920 года, через две недели после своего назначения, якобы от скоротечной болезни желудка умер военный министр первого правительства Обрегона генерал Бенджамен Хилл. Он вырос в Соноре, хотя родился в соседнем штате Синалоа, и имел очень сильные позиции среди индейцев яки, которые считались лучшими воинами страны. Именно Хилл привлек своего дядю Альваро Обрегона к политической деятельности против диктатуры Диаса. Он, по сути, и организовал восстание против Каррансы в центральной Мексике и привлек на сторону Обрегона сапатистов. После бегства Каррансы Хилл возглавил гарнизон в Мехико и фактически выдал из столицы Пабло Гонсалеса.

В столице все считали, что Хилл отравлен, так как ему стало плохо после ужина. Он не успел выехать на лечение в Лос-Анджелес. Правда, американские газеты писали, что генерал болел уже несколько дней и не поднимался с постели.³³⁵ Но умер он после неудачно проведенной хирургической операции.

В 1924 году этот человек был бы одним из основных претендентов на пост президента. К тому же, в отличие от гражданского политика де ла Уэрты, генерал Хилл по популярности в армии соперничал с самим Обрегоном и превосходил Кальеса. Ходили упорные слухи, что проводившие вскрытие тела врачи обнаружили в желудке следы мышьяка. В похоронах Хилла приняли участие тысячи жителей Мехико. Организатором убийства многие считали Кальеса.

В 1922 году в ловушку попал один из самых лучших генералов времен Каррансы Мургуя. Он не смирился с режимом Обрегона и, живя в эмиграции в США, активно готовился к вооруженной борьбе против мексиканских властей. Мургуя пересек границу с небольшим отрядом в 30 человек, однако притока добровольцев, который ему обещали, не произошло. Он скрывался в церкви, но был выдан властям и расстрелян по приговору военного трибунала. Примечательно, что Вилья знал, где искать бывшего непримиримого противника, но не донес на него. А, узнав о расстреле Мургуи, произнес: «Он был солдатом революции».

Таким образом, после убийства Вильи у Кальеса остался один серьезный оппонент в борьбе за президентское кресло - де ла Уэрта. Правительственная печать при поддержке КРОМ пытались представить его контрреволюционером и ставленником реакции. Совсем уж нелепо звучали слова о том, что кандидатура бывшего временного президента выгодна американским нефтяным компаниям. Те были вполне удовлетворены «соглашениями Букарели», а де ла Уэрта как раз резко их осудил.

Обрегон в ответ организовал кампанию против де ла Уэрты, которого стали обвинять в растрате 10

миллионов песо и в присвоении средств, направленных на погашение внешнего долга. В свою очередь, де ла Уэрта обвинял режим Обрегона в тотальной коррумпированности. Борьба де ла Уэрты в союзе с кооперативистами против тандема Обрегон- Кальес приобретала все более острый характер.

10 сентября 1923 года Обрегон выступал перед Конгрессом с очередным отчетом о положении дел в стране. Председатель нижней палаты и лидер кооперативистов Прието Лауренс в своем предписанном Конституцией ответном комментарии³³⁶ недвусмысленно предупредил главу государства, что стабильность в стране зависит от того, обеспечит ли Обрегон свободные выборы - «священный принцип» революции.³³⁷ После этого правительство начало активно сманивать депутатов-кооперативистов в лагерь Кальеса, и к концу сентября Конгресс раскололся на две почти равные части, хотя кооперативисты все еще контролировали основные парламентские комиссии³³⁸.

В рабочем движении также не было единодушия по вопросу о поддержке того или иного кандидата. Конечно, Кальес вовсю использовал левую риторику, именуя себя социалистом и пролетарием. На митингах он говорил, что его приход к власти станет началом мирной социальной революции. Но одновременно Кальес решительно отвергал все обвинения в «большевизме», так же как и Обрегон, выступал за привлечение в страну «честного» иностранного капитала и обещал поддерживать «капиталистическую инициативу».

Естественно, КРОМ поддержал креатуру Обрегона. На состоявшемся в сентябре 1923 года съезде Лабористской партии Кальес был официально выдвинут кандидатом в президенты. После съезда все функционеры КРОМ ушли с государственных должностей, чтобы вести избирательную кампанию Кальеса. Затем Кальес стал кандидатом целого партийного блока под названием Конфедерация революционных партий, в который помимо лабористов вошли аграристы и мелкие социалистические партии местного уровня. На своем 5-м конгрессе в сентябре 1923 года КРОМ даже фактически поменял программу, провозгласив лозунг «революционного национализма». Отныне рабочее движение должно было признать второстепенными классовые интересы и сосредоточиться на решении проблем общенационального характера. Одновременно КРОМ противопоставлял свою «национальную идентичность» коммунистам, которыми якобы управляет «русское правительство».

Но, видимо, русское правительство управляло мексиканскими коммунистами плохо, так как компартия в своем манифесте от 9 сентября 1923 года так и не смогла определиться в своих симпатиях. Первоначально коммунисты склонялись к поддержке де ла Уэрты, но затем под влиянием сообщений с мест о поддержке рабочими Кальеса выступили в поддержку последнего. Это причудливым образом сочеталось с критикой «реакционного» правительства Обрегона. Компартия не обманывалась насчет «социализма Кальеса», справедливо считая его мелкобуржуазным политиком «националистического типа».³³⁹ Но все же коммунисты думали, и тоже справедливо, что Кальес будет более последовательно отстаивать интересы Мексики в споре с американским империализмом США. Тем не менее особой активности в избирательной борьбе они не проявляли.

ВКТ в духе своих анархистских лозунгов высказалась против участия в выборах вообще. Железнодорожники тоже придерживались нейтралитета, не простив Обрегону подавления своей забастовки. Отдельные профсоюзы железнодорожников поддержали де ла Уэрту, что было вполне понятно, если учесть то, как он проявил себя во время забастовки в 1921 году.

Для того чтобы мобилизовать в свою поддержку левые силы, Обрегон и Кальес использовали проверенный козырь - борьбу против церкви. Еще в апреле 1922 года в Гвадалахаре состоялся конгресс рабочих-католиков, на котором была учреждена Национальная католическая конфедерация труда (НККТ). В программе НККТ говорилось о «служении священному сердцу господню». Архиепископ Гвадалахары, непримиримый враг революции

Ороско-и-Хименес говорил рабочим: «Для богатых - любовь, для бедных - покорность, и общество будет спасено». Ряды католического профсоюза росли за счет влияния церкви главным образом среди шахтеров, мясников, сапожников, учителей. Много было в конфедерации женщин. НККТ уделяла большое внимание организации различного рода кооперативов и обществ взаимной помощи, что повышало ее авторитет. Она провозгласила Днем рабочего 19 марта и обратилась к Папе Римскому с просьбой официально признать этот праздник в пик «социалистическому» 1 мая. Данные о численности католического профцентра разнились - от 19 до 80 тысяч человек.

КРОМ, естественно, появлению нового конкурента не обрадовался, и правительство в угоду «своему» профцентру отказалось признать за НККТ статус рабочей организации. Она была объявлена религиозной корпорацией, а их Конституция запрещала. Против роспуска НККТ протестовал папский нунций, и Обрегон в январе 1923 года выслал его из Мексики за вмешательство в ее внутренние дела. В этих условиях духовенство стало поддерживать кандидатуру де ла Уэрты, что позволяло Кальесу лишний раз обвинить последнего в реакционности.

Разногласия де ла Уэрты и Обрегона берут свое начало в июле 1920 года, когда временный президент де ла Уэрта амнистировал Вилью вопреки мнению Обрегона. Став президентом, Обрегон не простил этого. Но до поры до времени де ла Уэрта был нужен Обрегону как человек, способный урегулировать спорные вопросы с США. Однако все время президентства Обрегона де ла Уэрта ощущал подспудное неудовольствие главы государства. Когда в 1921 году, будучи министром финансов, он находился в США, чиновники его ведомства без санкции начальника временно прекратили обмен серебра на золото (де ла Уэрта такими операциями поддерживал стоимость мексиканского серебра - основы денежного обращения в стране). Де ла Уэрта возмутился, но чиновники сослались на указание президента. Последовал довольно резкий обмен письмами между бывшими соратниками. Хотя де ла Уэрта писал, что скорее пустит себе пулю в лоб, чем доставит Обрегону какие-либо проблемы, к 1923 году в письмах старых друзей привычное «ты» уже сменилось формальным «Вь».

К осени 1923 года из-за мирового экономического кризиса и падения цен на основные мексиканские экспортные товары резко обострилась финансовая ситуация в стране. За первые девять месяцев года дефицит федерального бюджета превысил 42 миллиона песо. Обрегон обещал держать эти цифры в секрете, если министр финансов де ла Уэрта откажется от выдвижения собственной кандидатуры на пост президента и поддержит Кальеса.

Следует отметить, что даже после ухода в отставку в сентябре 1923 года де ла Уэрта стремился сохранить хорошие отношения с Кальесом. Ранее он даже предлагал ему, что уедет за границу³⁴⁰ и тем самым добровольно лишится права баллотироваться на пост президента, - по мексиканским законам в течение года перед выборами кандидат был обязан находиться в стране. В противостоянии с Обрегеном де ла Уэрта старался перетянуть Кальеса на свою сторону. Он писал ему: «наш друг», то есть Обрегон, находится на пути к диктатуре и попирает конституционные права штатов. Это, дескать, и побудило де ла Уэрту принять принципиальное решение и уйти в отставку с поста министра финансов.³⁴¹ Кальес ответил, что не видит смысла критиковать решения «друга и шефа» в Сан-Луис-Потоси и Нуэво-Леоне. «Как революционер, как искренний и верный друг» Кальес советовал де ла Уэрте не уходить в оппозицию: «Ты дашь мощное оружие в руки реакции, которая любыми путями стремится разъединить нас».

Свой ответ Кальес, видимо, согласовал с Обрегеном, поскольку на следующий день после того, как он отправил конфиденциальное письмо де ла Уэрте, президент принял отставку министра финансов, и 27 сентября на этот пост был назначен Альберто Пани. В свою очередь, 26 сентября 1923 года де ла Уэрта встретился с некоторыми депутатами и сенаторами и сообщил, что если Национальная кооперативистская партия поддержит его кандидатуру, то он готов вступить в борьбу за пост президента страны. Кальес, однако, в письме де ла Уэрте по-прежнему выражал сожаление по поводу его отставки и предлагал бывшему министру отдохнуть от дел и поправить здоровье, уехав из столицы. Таким образом, Кальес, с одобрения Обрегона, все еще пытался убедить де ла Уэрту не рвать окончательно с правящим режимом.

Но и де ла Уэрта все еще боролся за Кальеса. В письме от 4 октября 1923 года он писал: политика Обрегона привела к «замораживанию того энтузиазма, с которым ранее аплодировали нашему режиму, и, как следствие, это сказало... прежде всего на отношении к твоей кандидатуре».³⁴² Де ла Уэрта обещал вскоре прислать детальный анализ настроений избирателей в Мексике, которые якобы были в массе своей против Кальеса как навязанной Обрегеном кандидатуры.

В тот же день, когда де ла Уэрта написал Кальесу, он сделал заявление для прессы, в котором говорил, что, несмотря на «нерушимую» дружбу с Кальесом, готов как гражданин подчиниться воле народа, если народ выдвинет его кандидатом на высший пост в стране.

Как только де ла Уэрта выдвинул свою кандидатуру (помимо него и Кальеса баллотировались еще несколько кандидатов, включая Рауля Мадеро, брата апостола революции исторонника Вильи, однако шансов у них не

было), он сразу ощутил давление государственного аппарата. На улицах его сторонников избивали активисты КРОМ, причем дело доходило и до убийств. Обрегон предал гласности тревожную ситуацию с государственными финансами, обвинив в ней де ла Уэрту. На местном уровне де ла Уэрте не давали никакой возможности вести свободную кампанию, так как все губернаторы штатов были ставленниками Обрегона. Даже министр образования Васконселос посчитал, что Обрегон силой пытается навязать стране Кальеса, и подал в отставку.

Правда, и сторонники Национальной кооперативистской партии тоже не особенно стеснялись в средствах, когда вели политическую борьбу в пользу де ла Уэрты, хотя тот еще не был официальным кандидатом партии. Например, кооперативисты при поддержке муниципалитета Мехико ворвались в штаб-квартиру Национальной партии железнодорожников, чтобы силой сменить руководство этой организации. Именно этот шаг и позволил Моронесу приклеить де ла Уэрте, который не имел к этим действиям никакого отношения, ярлык «антирабочего кандидата». Заметим, сам Моронес ненавидел железнодорожников, не желавших вступать в его КРОМ, считая их коммунистами.

14 октября 1923 года сторонники де ла Уэрты (в основном кооперативисты) организовали в Мехико массовую демонстрацию, в которой участвовали, по разным данным, от 15 до 25 тысяч человек.³⁴³ Демонстрация должна была показать де ла Уэрте народную поддержку, преодолеть его колебания и толкнуть его на окончательный разрыв с правящим лагерем. Саммерли сообщал в Вашингтон, что демонстранты, судя по внешнему виду, явно были из низших слоев общества, среди них попадались и босые, одетые в лохмотья. Информаторы Кальеса делали упор на то, что в толпе было много «шпаны», танцоров и прочих явно аполитичных граждан. Правительство распустило слухи, что за участие в демонстрации платили 50 сентаво (средний дневной заработок чернорабочего). Демонстранты подошли к дому де ла Уэрты, и тот показался на балконе, улыбкой приветствуя манифестантов. Однако когда кто-то из толпы закричал «Смерть Кальесу!», де ла Уэрта выразил свое неодобрение.³⁴⁴

Именно после этой демонстрации правительство начало активную кампанию против де ла Уэрты, обвиняя его в растрате государственных средств

в бытность министром финансов. «Сонорский триумвират», правивший Мексикой с 1920 года, распался окончательно.

Как уже упоминалось, оппозиция попыталась переломить ситуацию победой на выборах в одном из самых крупных и экономически развитых штатов страны Сан-Луис-Потоси. Этот штат имел для мексиканцев еще и символическое значение, так как именно там была основана Либеральная партия, начавшая борьбу против диктатуры Порфирио Диаса. На пост губернатора баллотировались ярый противник Обрегона Прието Лауренс и один из лидеров аграристов Аурелио Манрике, которого поддерживали федеральные власти. Местные помещики, естественно, не очень любившие аграристов, поддержали Прието Лауренса, что дало правительству новый повод обвинить политический лагерь де ла Уэрты в реакционности. Хотя аграрная реформа в штате зачастую использовалась как раз для экспроприации земель у тех владельцев, которые были слишком тесно связаны с оппозицией.

Манрике активно поддержали и лабористы - этот молодой депутат прославился на всю страну тем, что во время сессии Конгресса развернул в президиуме черно-красное знамя (пролетарии Мексики считали именно эти цвета своими) и произнес волнующую речь в память Эмилиано Сапаты. И лабористы, и кооперативисты во время выборов активно запугивали избирателей. Ситуация в Сан-Луис-Потоси была крайне напряженной. Лидеры КРОМ Моронес и Гаска постоянно находились в штате и помогали Манрике.

Губернатор штата Рафаэль Нието не признал результатов прошедших в сентябре 1923 года выборов. Зато оба основных кандидата объявили себя победителями. Начались сложные переговоры об урегулировании политической ситуации, в которых лично участвовали прибывшие в штат Обрегон и Кальес. Когда губернатор Нието фактически сбежал от ответственности в Европу, конгресс штата избрал временным губернатором его однофамильца, сторонника кооперативистов Лоренцо Нието, который немедленно провозгласил победителем Прието Лауренса. Это решение поддержал местный командующий войсками генерал Луис Гутьеррес.

Однако Манрике не признал решение парламента и образовал свое правительство. Обрегон в этих условиях вообще аннулировал результаты голосования. Прието Лауренс добился от суда приостановки выполнения решения президента и объявил о намерении приступить к обязанностям губернатора 25 сентября 1923 года.

Обрегон передал дело на рассмотрение Сената республики.

В это время самопровозглашенный губернатор Манрике начал издавать декреты о проведении в штате аграрной реформы за счет экспроприации земельной собственности тех латифундистов, которые поддерживали его противника. Аграристы стали захватывать земельные участки, что вызвало противодействие армейских частей. Обрегон предложил Прието Лауренсу

отказаться от поддержки де ла Уэрты в обмен на признание федеральными властями его победы на губернаторских выборах³⁴⁵.

Лауренс отверг это предложение, и Обрегон отстранил от командования войсками генерала Гутьерреса, передав всю власть известному местному военному вождю Сатурнино Седильо. Седильо и Манрике выступили в ноябре 1923 года с оружием в руках против Лауренса и оккупировали те районы, в которых проходили захваты земли. Лауренс бежал в Мехико, где 23 ноября 1923 года Сенат принял решение в его пользу. Однако Манрике и Седильо уже контролировали штат и не собирались отказываться от власти.

События в Сан-Луис-Потоси окончательно убедили де ла Уэрту и кооперативистов, что никаких свободных выборов правительство не допустит. Де ла Уэрта серьезно опасался за свою жизнь - он не сомневался, что Вилья был убит по приказу Обрегона и Кальеса. Начали поступать угрозы и в его адрес.

Тем не менее 19 октября 1923 года столичные газеты сообщили, что де ла Уэрта официально вступил в борьбу за пост президента республики. Как верный «сын Родины» де ла Уэрта не мог отказать тем партиям и группам граждан, которые связали с ним свои надежды на свободные выборы. Возможно, бывший министр и не лукавил: ему уже не удалось бы повернуть назад, не потеряв достоинства и политического лица. Если бы он не стал баллотироваться, то обвинения правительства в его адрес приобрели бы дополнительный вес. Де ла Уэрту немедленно поддержала Национальная партия железнодорожников, считавшая свою программу «коммунистическо-марксистской».

В тот же день новый министр финансов Пани³⁴⁶ опубликовал свой отчет о том, что принял от де ла Уэрты финансы государства «в состоянии полного банкротства». Мнение нового министра поддержал и Обрегон.

Таким образом, не будет преувеличением сказать, что именно Обрегон толкнул своего бывшего друга в лагерь оппозиции, «слив» в печать компромат на де ла Уэрту. Этот шаг был весьма ловким и в политическом отношении: де ла Уэрта фактически не вел теперь предвыборную борьбу, а лишь постоянно оправдывался, доказывая, что не делал ничего предосудительного на посту министра.

21 октября правительство и КРОМ организовали в столице демонстрацию в поддержку Кальеса. На этот раз не обошлось без насилия: были ранены 22 человека и убиты двое. Интересно, что в США газеты еще до демонстрации писали, что 21 октября в Мехико прольется кровь. 31 октября прямо в здании парламента произошло покушение на Прието Лауренса и других ведущих депутатов-кооперативистов. Видимо, сторонники Кальеса были раздосадованы тем, что им не удалось отстранить кооперативистов от руководства нижней палатой на ноябрь (в Мексике руководство парламента сменялось каждый месяц).³⁴⁷ Противники просто не пустили кальистов в зал во время голосования.

Через несколько дней оппозиционные депутаты заявили, что покушение организовал командующий войсками столичного гарнизона генерал Арнульфо Гомес. Делегация парламента отправилась к Обрегону, чтобы потребовать от президента гарантий спокойной работы законодательного органа. Обрегон ответил тем, что издал декрет об изменениях регламента выборов в столичном федеральном округе, причем эти изменения должны были отразиться уже в декабре на предстоявших в Мехико муниципальных выборах. Кооперативисты поняли, что их отстранят и от власти в столичном муниципалитете. Что касается обвинений в адрес Гомеса и офицеров его штаба, то 12 ноября Обрегон назвал их оскорблением армии. В тогдашней Мексике за это могли приговорить к казни за измену родине.

Депутаты - сторонники де ла Уэрты собрались на секретное совещание и решили еще раз обратиться к Обрегону. Они предупредили, что если и на сей раз президент не гарантирует безопасности депутатов, то большинство Конгресса перенесет свои заседания в другой город (рассматривался Сан-Луис-Потоси). В ответ на этот шаг генерал Гомес обратился в прокуратуру с заявлением, в котором утверждал, что обнаружил склад оружия в штаб-квартире кооперативистской партии.

В таких условиях столичные жители с напряжением ждали съезда партии кооперативистов, намеченного на конец ноября.³⁴⁸ Ходили слухи, что армия может арестовать, а то и ликвидировать многих его делегатов. Гомес

активно подливал масло в огонь: он сообщил, что в столице раскрыт военный заговор против правительства, участниками которого были резервисты и учащиеся военной академии.³⁴⁹ Прокуратура 23 ноября выдала ордер на арест предполагаемых мятежников. 20 ноября открылся съезд кооперативистов, на котором присутствовали 2588 делегатов. 22 ноября партия выдвинула де ла Уэрту кандидатом в президенты.

Между тем сторонники Кальеса ушли из парламента, лишив его кворума. Одновременно близкие к правительству «мексиканские бизнесмены» выкупили контрольный пакет акций самой популярной столичной газеты «Эль Демократа». 29 ноября из-за отсутствия кворума не удалось избрать руководство нижней палаты на декабрь, и теперь Обрегон мог уже не опасаться оппозиционного Конгресса. Опасаясь за свои жизни, депутаты-кооперативисты начали под разными предлогами покидать столицу. Лидер партии ПриетоЛауренс объявил, что едет в Сан-Луис-Потоси, где согласно решению суда он числился избранным губернатором, однако на самом деле отправился в Веракрус. К 6 декабря в Мехико остались только 70 оппозиционных депутатов, и сторонники правительства смогли собрать кворум уже в свою пользу.

Де ла Уэрта, которому предложил защиту командующий войсками в Веракрусе генерал Гуадалупе Санчес, вместе со своими сторонниками покинул Мехико на поезде 4 декабря.

Как мы видим, Обрегон намеренно подталкивал кооперативистов и де ла Уэрту к мятежу, надеясь, что верная ему армия в считанные часы подавит выступление. Однако президент просчитался. Мятеж действительно вспыхнул, но большая часть армии оказалась отнюдь не на стороне правительства.

Более чем за год до этих событий американская разведка сообщала о растущем недовольстве политикой Обрегона в офицерском корпусе Мексики. Самыми недовольными генералами американцы абсолютно верно считали Гуадалупе Санчеса, командующего войсками штата Оахака Фортунатто Майкоте и командующего войсками в штате Халиско Энрике Эстраду. Каждый из них видел на посту президента себя и полагал, что имеет гораздо более весомые военные заслуги, чем Кальес. Обрегон о подготовке военного мятежа знал как минимум с апреля 1923 года. Именно тогда генерал Эстрада обратился к начальнику штаба генерала Амаро Альваресу, пригласив его присоединиться к будущему восстанию.³⁵⁰ Амаро немедленно сообщил об этом президенту.

Каких-либо принципиальных идеологических расхождений между этими генералами и Обрегоном не было. Американская разведка характеризовала Гуадалупе Санчеса как абсолютно беспринципную личность, которая может продаться любому, кто предложит наивысшую цену. Во время событий 1920 года он первоначально поддержал Каррансу, который и направился из Мехико в Веракрус именно под его защиту. Однако затем Санчес поменял свои пристрастия, и его солдаты убили Каррансу. Видимо, за это он и получил от Обрегона признание и чин дивизионного генерала. В Мексике Санчеса считали реакционером из-за его многолетней вражды с прогрессивным губернатором Веракруса Техедой. Но и в этой борьбе идеологии было мало: Санчесу просто не нравилось, что губернатор убрал его людей с постов казначея штата и командующего гражданской гвардией. Техеда, как уже упоминалось, тоже был отнюдь не безгрешен в том, что касалось подтасовки результатов местных выборов и насаждения на местах своих кандидатов.

Сложной ситуацией в Веракрусе в частности и в Мексике в целом решил воспользоваться и былой хозяин нефтеносного региона Тампико генерал Пелаес, находившийся в эмиграции в США. Через свои связи с нефтяным лобби он активно пытался закупать в Америке оружие, включая самолеты, для будущего военного мятежа. Есть данные, что в этом ему помогал и бывший сенатор Фолл, только что снятый с должности министра внутренних дел США по обвинению в коррупции.

Нет никаких данных, что де ла Уэрта, уехав из Мехико в Веракрус, намеревался поднять мятеж против правительства. Однако Гуадалупе Санчес просто поставил его перед свершившимся фактом, когда 6 декабря 1923 года объявил о неподчинении своих войск правительству Обрегона. Никакого политического «плана» Санчес не выдвинул - он лишь обещал освободить Веракрус от «тирании» Техеды. На следующий день в Мексику (район Тампико) прибыл Пелаес, но был арестован правительственными войсками и отправлен в столицу.

Де ла Уэрте пришлось сделать выбор, хотя он и считал, что момент для открытого выступления еще не настал. 7 декабря 1923 года он опубликовал свой «план Веракруса», который был очень прогрессивным для того времени. Прежде всего де ла Уэрта обвинял режим Обрегона в коррупции и стремлении навязать Мексике Кальеса в качестве президента вне зависимости от воли избирателей. «Именно тот человек, который три года

назад был знаменосцем Нации в деле защиты ее свобод против грубого насаждения, теперь сам совершает подобное преступление, обратив против народа власть, которую сам же народ ему и вручил». ³⁵¹ Бывший министр финансов также ставил в вину Обрегону фактическую ликвидацию федерализма в Мексике, что выражалось во вмешательстве федеральных властей в выборы в штатах Нуэво-Леон, Сан-Луис-Потоси, Мичоакан, Сакатекас и Веракрус. «Генерал Обрегон отказал в поддержке конституционному губернатору штата Мичоакан, которого арестовали и заключили в тюрьму». Сам де ла Уэрта обещал после свержения власти провести в стране по-настоящему свободные выборы. Среди мер, которые он предлагал реализовать в стране в случае своего избрания, были следующие (в перечислении сохранен порядок манифеста):

- «абсолютное уважение жизни, свободы и собственности всех жителей, мексиканцев и иностранцев»,
- «немедленное» принятие на федеральном уровне рабочего законодательства для «размежевания прерогатив рабочих и обязанностей хозяев»,
- продолжение аграрной реформы для решения «главной проблемы страны - земля и справедливость для всех».

В манифесте обещалась поддержка как мелких собственникам (предоставление земли всем, кто хочет ее обрабатывать), так и общинам. Де ла Уэрта хотел, чтобы правительство выпустило облигаций на 50 миллионов песо для оплаты экспроприированных земель наличными, причем по налоговой стоимости земли (что было вряд ли хорошей новостью для помещиков, постоянно занижавших стоимость своих латифундий). Манифест призывал также к учреждению банков аграрного кредита для поддержки новых собственников земли (уже через год президент Кальес сделал именно это);

- полная поддержка права нации на свободные выборы,
- конституционная реформа с целью отмены смертной казни (за исключением наказания за государственную измену в случае войны с иностранным государством),
- предоставление женщинам избирательных прав, а также права занимать выборные должности на коммунальном уровне,
- усиление не только отвлеченного «просвещения», но и образования в «практической форме» (это требование тоже вскоре было буквально выполнено Кальесом).

Реакционным в этом манифесте могло показаться лишь положение о выплате компенсации помещикам за изымаемые у них земли не облигациями, а наличными. Однако здесь дела Уэрты всего лишь хотел уравнивать в правах мексиканских латифундистов с американскими, которые получали от правительства деньги (причем доллары). В «плане Веракруса» не было критики «соглашений Букарели». Это объяснялось лишь тактическими соображениями - мятежники нуждались в американском оружии и не хотели портить отношений с северным соседом. Но все понимали, что раз де ла Уэрта ушел в отставку с поста министра финансов из-за несогласия с «соглашениями Букарели», большой симпатии к янки он не испытывает. Не зря бывший губернатор Веракруса при Каррансе Кандидо Агилар присоединился к движению де ла Уэрты именно в знак протеста против «соглашений Букарели».

Таким образом, ничего реакционного программа де ла Уэрты не содержала. Напротив, его требования являлись в целом более прогрессивными, чем программа Кальеса, в которой было много пустой левой риторики, но мало конкретики. Недаром американская разведка считала и Кальеса, и де ла Уэрту сторонниками «радикального социализма». Аграрными вопросами у де ла Уэрты ведал Вильяреаль - тот самый, который при поддержке сапатистов стал первым аграрным министром в правительстве Обрегона в 1920 году. Поддерживал де ла Уэрту и бывший прогрессивный губернатор

Юкатана социалист Сальвадор Альварado, который провел в штате радикальную аграрную реформу.

Весьма примечательно, что де ла Уэрту фактически поддерживал и самый прогрессивный мексиканский генерал того времени, бывший член компартии Мухика. До 1922 года он возглавлял штат Мичоакан и одновременно Социалистическую партию этого штата. Мухика продвигал социалистов на все административные посты в штате и создал мощные вооруженные подразделения крестьян во главе с Примо Тапией. Помещики организовали вооруженные выступления против Мухики, и он был вынужден покинуть пост губернатора. Его преемник Санчес Пинеда начал проводить чистку госаппарата от социалистов и разоружать крестьянские отряды. Незадолго до мятежа де ла Уэрты Верховный суд восстановил Мухику в должности, но, как только он появился в штате, его как возможного сторонника де ла Уэрты арестовали и едва

не расстреляли лояльные Обрегону командиры. Мухике пришлось бежать в Мехико. Примо Тапия и его вооруженные крестьяне поддержали мятеж, однако их очень расстроило, что силами мятежников на западе Мексики, в том числе в Мичоакане командовал генерал Эстрада, который и разоружал их в 1922-1923 годах. Именно Эстраду Мухика считал главным виновником своего отстранения от должности в 1922-м.

О том, что мятеж де ла Уэрты отнюдь не был реакционным, свидетельствует и весьма интересный разговор, состоявшийся фактически уже после подавления восстания междуполпредом СССР в Германии Крестинским и новым мексиканским посланником Паскуалем Ортисом Рубио (будущим президентом Мексики) 5 февраля 1924 года.³⁵²

«Наше правительство и все мы являемся вашими учениками и делаем то, что проделывали у себя вы», - заверил Ортис Рубио советского полпреда.³⁵³ Кальеса он назвал «почти большевиком», который вместе с де ла Уэртой был главным идеологом мексиканской революции. Официальный представитель Обрегона в Германии не мог охарактеризовать де ла Уэрту как реакционера даже после подавления мятежа. Правда, далее в разговоре Ортис Рубио стал говорить, что незадолго до мятежа де ла Уэрта «стал тянуть на- [Картинка: image36.jpg] Один из лидеров мятежа 1923-1924 гг генерал Фортунато Майкотте

право». Посланник отметил довольно странную особенность восстания де ла Уэрты: ранее все мексиканские революции начинались на севере страны и поддерживались США. На сей раз восстала центральная Мексика, а США поддержали не мятежников, а правительство. Крестинский писал в Москву: «На мой вопрос, почему Соединенные Штаты поддержали не буржуазию, возглавленную де ла Хуэртой, а мелкую буржуазию и пролетариат, на которые опирается Обрегон, Рубио не мог ответить».³⁵⁴ На самом деле полпред, хотя и находился за тысячи километров от Мексики, прекрасно знал ответ на свой вопрос. Он спросил собеседника, «не выдвигал ли де ла Хуэрта национально-освободительных лозунгов и не борется ли он за интересы национальной буржуазии против американских нефтепромышленников. Ортис Рубио ответил, что национальных лозунгов, отличных от лозунгов Обрегона, у де ла Хуэрты нет».³⁵⁵

В целом беда де ла Уэрты и многих его прогрессивных сторонников была лишь в том, что выступившие против Обрегона генералы отказывались признавать и «план Веракруса», и самого де ла Уэрту в качестве лидера движения. Майкотте и Эстрада так этого и не сделали. Поэтому термин «мятеж де ла Уэрты» вряд ли применим к тем событиям. Скорее его следует назвать «мятежом генералов» (восстание поддержали 8 из 35 командующих военными округами). Несмотря на то, что в начале декабря 1923 года против правительства восстало примерно 40% личного состава армии (примерно 23 тысячи военнослужащих), у мятежников не было ни единого командования, ни единой территории, ни согласованного плана действий.

Характерно поведение одного из лидеров мятежа генерала Майкотте. Именно он в апреле 1915 года командовал авангардом армии Обрегона в битве при Селайе, которая стала решающей в войне между Обрегон и Вильей. В день начала мятежа в Веракрусе Майкотте прибыл в Мехико к военному министру Франсиско Серрано, подтвердил свою безусловную лояльность Обрегону и попросил 100 тысяч песо для борьбы с мятежниками. Серрано деньги выдал, хотя и несколько не сомневался, что Майкотте примкнет к мятежу. Действительно, вернувшись к себе в Оахаку, тот незамедлительно поднял восстание.

Особенно возмутило Обрегона предательство генерала Энрике Эстрады, которого он назначил своим первым военным министром в 1920 году (тогда Эстрада одним из первых примкнул к «движению Агуа-Приеты»). Будучи президентом, Обрегон регулярно гостил у Эстрады в Гвадалахаре, где генерал возглавлял военный округ. Еще на банкетах конца 1923 года в честь Обрегона Эстрада заверял его в своей лояльности, но сразу же после начала мятежа прислал письмо, в котором писал: «Имею честь отказать в доверии Альваро Обрегону». Обрегон ответил не менее резким письмом: «Во время моего пребывания в Эль-Фуэрте, Халиско, всего несколько дней тому назад, Вы посещали меня минимум два раза в неделю... приглашали меня быть свидетелем на Вашей свадьбе... а когда один из журналистов сообщил, что готовится военный заговор, назвав среди мятежных частей и некоторые Ваши части, я отверг это предположение... Моя ошибка заключалась в том, что я оценивал Вас выше, чем Вы того заслуживаете, и в том, что я верил в Вашу честь военного и Ваш характер джентльмена».

Всего к мятежу присоединились 102 генерала, более 20 тысяч военнослужащих и примерно 35 тысяч бойцов различных иррегулярных формирований: «руралес», «социальная оборона» и др.. К середине декабря 1923 года мятежники контролировали большую часть территории штата Веракрус и тем самым лишили Обрегона

таможенных поступлений, однако губернатору Веракруса Техеде удалось перевести из казны штата около миллиона долларов через «Бэнк оф Монреаль». Также под их властью оказались штаты Сан-Луис-Потоси, Табаско, Халиско, Оахака и некоторые территории Дуранго, Сакатекаса, Юкатана и Мичоакана, где в руки мятежников попал будущий президент Мексики Ласаро Карденас.

Де ла Уэрта абсолютно не контролировал те меры, которые на местах проводили мятежные генералы. В Герреро Фигероа распорядился прекратить аграрную реформу, так как давно конфликтовал и с сапатистами, и с крестьянскими лигами штата. То же самое сделал в Веракрусе и Санчес, считавший местных аграристов сторонниками Техеды. Его войска убили руководителя Лиги аграрных коммун Хосе Карделя и видного профсоюзного деятеля Бальесо. В Юкатане мятежники захватили и 3 января 1924 года расстреляли губернатора Каррильо Пуэрто, социалиста, который считал себя коммунистом, первым перевел на язык майя Конституцию страны и распределил среди крестьян более 600 тысяч гектаров земли. В штате Халиско генерал Эстрада, так и не признавший де ла Уэрту вождем мятежа, отдал приказ расстреливать всех членов рабочих и крестьянских организаций.

Однако все эти действия были вызваны скорее сведением счетов на местном уровне, чем идеологическим кредо генералов. Аграристов и лавристов преследовали в основном потому, что они были на стороне правительства.

8 декабря 1923 года с манифестом к нации обратился генерал Кальес. Он назвал мятеж выступлением реакционеров и контрреволюционеров, которые осознали невозможность прийти к власти путем выборов. Кальес обещал в случае избрания продолжать политику Обрегона в интересах пролетариата города и деревни. Правительство приняло меры к вооружению народа, который до этого им же систематически разоружался. Рабочие и крестьяне стали организовывать на захваченной мятежниками территории партизанские отряды. Моронес снова был назначен директором арсенала, чтобы подчеркнуть важную роль КРОМ в борьбе с мятежом.

Как и в 1915 году, правительство стало организовывать рабочие батальоны, первый из которых направился из столицы в штат Пуэбла уже 12 декабря 1923 года. Однако в основном рабочие батальоны несли гарнизонную службу в городах. Также они совершали диверсии на железнодорожных линиях и телеграфных коммуникациях в тылу мятежников. В поддержку правительства выступила и компартия, многие коммунисты сражались в рабочих батальонах и партизанских отрядах.

Только в центре мятежа, штате Веракрус верность правительству, по некоторым оценкам, сохранили около 18 тысяч аграристов. Вооруженных крестьян возглавил сам губернатор Техеда. 16 февраля 1924 года отряд из 600 крестьян отбил у мятежников город Папантлу. К началу февраля, после взятия Веракруса правительственные войска вообще ушли из штата и предоставили аграристам возможность подавить очаги мятежа.

И ВКТ, и профсоюз железнодорожников под влиянием поступающих известий о расправах над рабочими активистами в занятых мятежниками районах тоже изменили позицию и встали на защиту правительства. ВКТ квалифицировала мятеж де ла Уэрты как «фашистский». ЦК КРОМ в специальном циркуляре для членов организации назвал мятеж движением «капитализма, латифундизма и духовенства». На время мятежа КРОМ запретил все забастовки, чтобы не создавать трудностей правительству.

А вот от предпринимателей правительство Обрегона, судя по всему, ничего хорошего не ждало. Сразу же после начала восстания Обрегон распорядился закрыть в стране все банки на 13 дней, чтобы финансисты не оказали де ла Уэрте поддержку деньгами.

Однако Обрегон понимал, что судьба его правительства в определяющей мере зависит от позиции США. Властям, как и мятежникам, срочно требовались деньги и оружие. 15 декабря 1923 года Саммерли передал в Вашингтон просьбу Обрегона «немедленно» продать Мексике два американских крейсера. Корабли были необходимы для блокады главного центра мятежа - Веракруса. Из Вашингтона ответили, что США по закону не имеют права продавать иностранным государствам военные корабли в мирное время. Тогда Обрегон попросил продать гражданские корабли, которые можно было бы вооружить и использовать как военные. Американцы колебались - они понимали, что после подавления мятежа эти корабли могут быть использованы мексиканским правительством и против США. Зато со срочной поставкой винтовок и орудий из арсеналов армии США в Техасе не возникло проблем, причем их американцы согласились продать в кредит. Зависимость Мексики от США проявилась в ходе мятежа сособой силой - Обрегону пришлось просить американцев разрешить продажу

нефти с американских нефтепромыслов в самой Мексике и Гватемале. И против этого США не возражали.

Огромной поддержкой Обрегону стало официальное публичное сообщение госдепартамента 29 декабря 1923 года о том, что правительство США приняло решение удовлетворить просьбу правительства Мексики о продаже «ограниченного количества военного материала» в целях поддержания стабильности и конституционного порядка в Мексике.³⁵⁹ Таким образом, США формально приняли сторону Обрегона в гражданской войне, причем в тот момент, когда успехи мятежников были наивысшими.

31 декабря 1923 года представитель (называвший себя генеральным консулом) «временного правительства Мексики», то есть де ла Уэрты в США Энрике Сельднер выразил сожаление по поводу заявления госдепартамента. Он подчеркнул, что «временное правительство» контролирует большую часть страны, основные порты и поддерживается большинством вооруженных сил. Целью де ла Уэрты Сельднер назвал противодействие неконституционным попыткам Обрегона навязать стране президента Кальеса. В этих условиях помощь США только послужит продлению кровопролития.

По иронии судьбы Обрегон получил от группы американских бизнесменов кредит, предоставление которого было согласовано еще министром финансов де ла Уэртой. В кратчайшие сроки из США прибыли 20 тысяч винтовок и другое вооружение, включая самолеты (Обрегон даже отдал приказ американскому пилоту бомбить столицу штата Оахака, но тот отказался, сославшись на неисправность механизма). Всего американцы сразу же после начала мятежа оказали мексиканскому правительству помощь на 1,3 миллиона долларов. После этого в военной ситуации наступил перелом.

США предоставили Обрегону не только материальную, но и прямую военную поддержку. Де ла Уэрта решил в январе 1924 года заминировать все атлантические порты Мексики, чтобы парализовать внешнюю торговлю страны и лишить Обрегона финансовых средств. Однако американцы в ультимативной форме потребовали отказаться от этих планов, и мятежникам пришлось убрать все мины из акватории портов. В гавань Веракруса вошел и встал на якорь американский крейсер «Ричмонд». Тем самым флот США воспрепятствовал доставке мятежникам оружия, которое закупил в США Пелаес.

Однако помощь американцев была отнюдь не бескорыстной. От Обрегона хотели скорейшей ратификации «соглашений Букарели» мексиканским Конгрессом. В условиях мятежа правительство не церемонилось с депутатами, большинство которых относились к «соглашениям Букарели» негативно (в их поддержку требовалось набрать как минимум две трети голосов). 23 января 1924 года был убит резко настроенный против соглашения сенатор Хурадо. Подозревали, что этот теракт совершили боевики КРОМ. Трех других оппозиционных сенаторов похитили неизвестные лица и продержали в заточении несколько дней, после чего те изменили свое мнение. В обстановке террора и запугивания Обрегону удалось провалить через Конгресс «соглашения Букарели».

Обрегон торопился с ратификацией соглашений Букарели еще и потому, что в январе 1924 года до него дошла тревожная информация из Вашингтона. Председатель Международного банковского комитета по Мексике Ламонт решил взять на себя посредническую миссию в примирении де ла Уэрты и Обрегона. Это фактически означало признание мятежников воюющей стороной и было смертельно опасно для правительства. Ламонт, считавший себя крупным специалистом по мексиканскому национальному характеру, относился к южному соседу США как к стране, в которой живут непосредственные и бестолковые дети, нуждающиеся в постоянном отеческом внимании США. Используя «метод пряника», Ламонту удалось установить с де ла Уэртой очень хорошие личные отношения в бытность последнего министром финансов Мексики. Например, когда в 1922 году он организовал визит де ла Уэрты в США и его встречу с президентом Кулиджем, де ла Уэрта восторженно назвал Ламонта «пророком».

Первоначально Ламонт был крайне раздосадован мятежом, поскольку опасался, что Обрегон использует его в качестве предлога для замораживания обслуживания внешнего долга (так и произошло). Поэтому он отказался встретиться с агентом де ла Уэрты в Нью-Йорке. Однако по мере того, как мятежники укреплялись в крупных городах вроде Веракруса и Гвадалахары, Ламонт стал беспокоиться, что мятеж может затянуться на длительное время. Он решил, что Международному банковскому комитету пора выступить с посреднической миссией. 30 января 1924 года Ламонт изложил свой план госсекретарю Хьюзу и получил «добро», при условии, что правительство США формально не будет стороной переговоров. Правда, Ламонт немного перемудрил, стремясь, чтобы инициатива посредничества исходила от самого де ла Уэрты. Предполагалось послать к лидеру

восстания представителя одной из американских нефтяных компаний, который должен был побудить де ла Уэрту выступить с предложением о проведении встречи между ним, Обрегеном и Ламонтом - формально для подтверждения готовности Мексики платить по внешнему долгу. Предполагалось, что, начавшись с обсуждения финансовых вопросов, разговор сосредоточится на вопросах политических.

Дальнейшее Ламонт со свойственным ему высокомерием по отношению к мексиканцам представлял себе так: «Я отведу де ла Уэрту в сторонку и, призвав на помощь господ, спрошу, как он мог оказаться таким дураком, чтобы отколоться от правительства и превратиться в предателя, дать ему шанс ответить, спустить пар, сказать, что он мученик и т.д. и т.п., но постепенно направляя его в сторону примирения, особенно если к тому времени у него останется меньше войск».

Одобрив план Ламонта, Хьюз посоветовал ему согласовать его с мексиканским посланником Тельесом, и тот пришел к Хьюзу уже 31 января. Посланник не возражал, и в тот же день в Мексику был направлен эмиссар Рамон Росс. Однако 28 января 1924 года правительственные войска одержали крупную победу над мятежниками у Эсперансы и стали продвигаться к Веракрусу. В таком развитии событий сыграла свою роль и основная стратегическая ошибка повстанцев: взяв город Пуэбла (на полпути между Веракрусом и столицей), они не пошли на Мехико, а позволили правительству накопить достаточно сил для контрнаступления. В этих условиях Обрегон, конечно, не желал мириться с де ла Уэртой, и миссия Ламонта завершилась, не начавшись.

Примечательно, что в начале 1924 года пресса крупнейшего американского медийного магната и мексиканского латифундиста Херста начала кампанию с целью убедить общественность: только избрание президентом Мексики гражданина США может сделать мексиканцев счастливыми. В письме Херсту бывший госсекретарь США Лансинг в феврале 1924 года предлагал иную, более гибкую тактику, которую США исповедуют и по сей день, и не только в отношении Мексики: «Мексику необычайно легко подчинить, потому что достаточно контролировать только одного человека: президента. Нам надо отказаться от идеи посадить на пост президента Мексики американского гражданина, так как это опять приведет к войне.

Решение требует больше времени: нам надо открыть для молодых амбициозных мексиканцев ворота наших университетов и предпринять усилия по воспитанию их в духе американского образа жизни, в духе наших ценностей и в духе уважения лидерства Соединенных Штатов.

Мексике нужны компетентные управленцы. Со временем эти молодые люди начнут занимать важные посты, и, возможно, в их руки попадет и пост президента. Без единого затраченного цента или сделанного выстрела со стороны Соединенных Штатов они сделают все, чего мы пожелаем. И сделают это лучше и более радикально, чем мы».

Поняв, на чьей стороне сила, американцы практически заставили мятежников 5 февраля 1924 года сдать Веракрус, оплот движения де ла Уэрты, без боя, после чего мятеж быстро стал угасать. 11 февраля город, опять же без боя, заняли правительственные войска. Правда, вернувшийся губернатор Техеда стал прижимать американские нефтяные компании за то, что они платили мятежникам налоги. Американцы оправдывались, что другого выхода у них не было. Тем не менее Техеда жаловался Обрегону, что с американцев мятежники брали вдвое меньше, чем с мексиканцев.

В отличие от США, симпатии Великобритании, так и не признавшей официально правительство Обрегона, были на стороне мятежников. Британский представитель в Мехико Камминс описывал мятеж как «крестовый поход добра против зла». Великобритания также направила флот к атлантическому побережью Мексике, однако кораблям Его Величества предписывалось ограничиться только наблюдением за обстановкой.

Самым ключевым сражением мятежа 1923-1924 годов оказалась битва у местечка Окотлан, недалеко от основного центра восстания города Гвадалахары. Крупных боев в ходе мятежа вообще было мало. Американский военный атташе отмечал в своих сообщениях, что противоборствующие стороны стараются избегать прямой конфронтации и занимают те населенные пункты, где нет противника. К началу февраля 1924 года примерно 2 тысячи мятежников под командованием генерала Эстрады окопались на холмистом берегу реки Сантьяго у Окотлана. Достаточно глубокую реку форсировать вброд было невозможно. Мятежники контролировали оба моста через нее - обычный и железнодорожный. Разрушать их они, правда, не стали, лишь сожгли на железнодорожном мосту вагон, чтобы правительственные силы не могли использовать его по назначению.

В конце января другой берег реки заняли 6 тысяч солдат правительственных войск во главе с генералом

Амаро. Он не решался форсировать реку и занимался в основном строительством собственных оборонительных сооружений. [Картинка: image37.jpg] Обрегон в битве у Окотлана (слева)

ружений. Однако Обрегону такое развитие событий не устраивало. Мятеж затягивался, и мексиканский бюджет нес огромные потери. Поэтому, прибыв под Окотлан, Обрегон поставил задачу немедленно форсировать реку и уничтожить противника, не дав ему отойти в полном порядке. Потери среди солдат Обрегона интересовали мало, и он отверг даже мысль о ночном форсировании.

9 февраля войска Амаро завязали бой у мостов, в то время как основная группа под командованием генерала Круса (будущий начальник полиции Мексики) в количестве примерно 1700 человек начала переправу на левом фланге мятежников. Несмотря на то, что наступавших поддерживали артиллерия и авиация, которая бомбила с высоты 100 метров, первая попытка форсирования окончилось неудачей и огромными потерями. Но капитан Кармен Диас, постоянно ныряя среди свистевших вокруг него пуль, проплыл на вражеский берег, держа в зубах трос, который закрепил на дереве. Используя этот трос как тягу, плоты с наступавшими достигли наконец неприятельского берега и ударили во фланг мятежникам. Те бежали, бросив артиллерию. Дорога на Гвадалахару была открыта.

Победа далась Амаро большой ценой: битва у Окотлана стала наряду с двойным сражением при Селайе в апреле 1915 года самым кровавым событием всей мексиканской революции. Официально правительство сообщило о 400 убитых, однако по другим данным погибли до 2 тысяч человек. Несколько дней поезда доставляли раненых в Мехико. Только в первом поезде привезли 250 солдат. Эстрада потерял менее 300 человек.

В марте 1924 года лично возглавивший армию Обрегон подавил последние очаги мятежа, который обошелся стране в 7 тысяч убитых и 100 миллионов песо. Де ла Уэрта бежал в США, был в 1935 году амнистирован президентом Карденасом и назначен инспектором мексиканских консульств в Соединенных Штатах. Но с генералами-мятежниками Обрегон не церемонился - около двух десятков из них были расстреляны, причем некоторых гражданских участников мятежа специально производили в генералы, чтобы немедленно расстрелять по суду военного трибунала. Зато правительство присвоило генеральские звания и 54 своим верным сторонникам, выдвинувшимся в ходе подавления мятежа. Интересно, что одним из лидеров восстания де ла Уэрты в эмиграции стал бывший посланник в Германии и друг Крестинского дел в Кастильо.

Следует отметить и еще одну особенность мятежа - он начался с противостояния исполнительной и законодательной власти, и в этом смысле повстанцев нельзя сводить к генералам-путчистам и агентуре латифундистов. Большинство депутатов Конгресса выступили против правительства из-за постоянного вмешательства федеральных властей в выборный процесс в различных штатах.

Мятеж де ла Уэрты, являвшийся по своему размаху самой настоящей гражданской войной, нанес серьезный ущерб мексиканской экономике. В 1924 году ВВП страны сократился на 7,9% в текущих ценах и на 1,48% - в ценах 1960 года. Если в 1923-м ВВП на душу населения составлял 2414 песо, то годом позже - 2341 песо (в ценах 1960 года).

В период мятежа КРОМ через свои контакты с АФП немало сделал для мобилизации общественного мнения США в пользу правительства Обрегона. Сам Обрегон так подвел итоги восстания в письме лидеру АФТ Гомперсу: де ла Уэрта, «человек, мягкий по уму и духу, не смог противостоять своим амбициям» и стал бы первой жертвой генералов-мятежников, если бы те пришли к власти. Путь предательства де ла Уэрты, по словам Обрегона, избрал еще тогда, «когда подписал с Франсиско Вильей договор об амнистии за все его преступления». Таким образом, Обрегон сам назвал корень своих расхождений с де ла Уэртой. К тому же это письмо, хотя и косвенно, свидетельствует об участии президента Мексики в убийстве Вильи.

Подавив мятеж с помощью рабочих и крестьянских организаций, Обрегон решил сделать жест благодарности левым силам. 3 июня 1924 года советского представителя в Германии посетил мексиканский посланник и сообщил, что правительство Обрегона готово признать СССР де-юре. 2 августа первому полпреду Советского Союза в Мексике Станиславу Пестковскому был выдан агреман. 13 августа 1924 года официальный орган СССР газета «Известия» сообщила об установлении дипломатических отношений между Мексикой и Советским Союзом. Мексика стала первой страной Латинской Америки, официально признавшей СССР.

Кстати, сам Пестковский прекрасно понимал, что именно восстание де ла Уэрты заставило Обрегона, раньше желавшего обменяться с СССР только торговыми представителями, поспешить с возобновлением полных

дипломатических отношений с Москвой. В 1925 году он писал в Москву из Мехико: «Когда Обрегон летом 1924 года решил возобновить сношения с СССР, он думал этим увеличить свою популярность в крестьянстве и рабочих массах. Факт этот имел место вскоре после подавления восстания де ля Уэрты. Коммунисты оказали Обрегону существенную поддержку против этого восстания».362

Царское правительство из-за своего идеологического узколюбия не признавало «мятежную» Мексику почти сто лет после обретения страной независимости. Зато Петербург признал марионеточное правительство императора Максимилиана, державшееся (впрочем, недолго) на французских штыках. Лишь 1 августа 1891 года бывший российский консул в Нью-Йорке барон и тайный советник Роман Романович Розен (до Первой мировой войны большинство российских послов и посланников были прибалтийскими немцами по национальности - не являлся исключением и родившийся в Ревеле в 1847 году Розен) вручил диктатору Диасу верительные грамоты как первый российский посланник в стране. (Примечательно, что российско-мексиканские переговоры о взаимном признании начались в Бельгии еще в 1885 году по частной инициативе российского военного атташе в Брюсселе). Большого развития отношения между обеими странами не получили, если не считать подписанной в 1909 году конвенции о торговле и мореплавании. Сам Розен оставался посланником в Мексике до 1895 года, а затем представлял Россию в столицах разных стран, в том числе в Токио накануне Русско-японской войны и в 1905-1911 годах в Вашингтоне, где участвовал вместе с Витте в заключении позорного для России Портсмутского мирного договора с Японией. После революции 1917 года Розен эмигрировал в США, где и скончался в январе 1922-го.

Правительство Диаса предпринимало шаги по привлечению иностранных колонистов, в том числе и из России. Например, мексиканские дипломаты в Петербурге обращали внимание на выгоды от переселения в Мексику финнов и поволжских немцев, выступали за временный выезд на железнодорожное строительство русских рабочих с Дальнего Востока. К 1910 годам появились и проекты широкой аграрной колонизации на севере Мексики посредством немцев-меннонитов из России.

Русская эмиграция в Новый Свет до революции направлялась в основном в США, а также в Аргентину и Бразилию. Мексика же играла роль перевалочного пункта для переездов США. За исключением отдельных случаев, выходцы из России не стремились в эту страну, хотя ряд русских подданных и в эти годы смогли осесть здесь. Некоторые из них, например князь Радзивилл, даже считались настоящими миллионерами. Радзивилл основал крупное банковское дело в Монтеррее и владел накануне мексиканской революции земельными владениями на севере страны. Впрочем, был он и крупным собственником в России. С 1909 года Радзивилл выполнял обязанности почетного русского консула в Монтеррее - финансовом центре Мексики. В свою очередь, иностранные нефтяные компании, работавшие в начале XX века в Мексике, иногда обращались к технической помощи русских инженеров. Один из крупнейших в этой стране в те годы нефтеперерабатывающих заводов был построен при их участии. Однако наиболее заметный след русской эмиграции в Мексике связан с колонией русских сектантов, обосновавшихся там в начале XX века.

Религиозные преследования царских властей и активная поддержка со стороны Льва Толстого способствовали переселению за океан духовной секты молокан. В 1906 году 82 семьи решили приобрести в собственность земли бывшей миссии монахов-доминиканцев - 13 000 акров на реке Гуаделупе в Мексике. Каждая семья имела сад и огород. Поселение молокан представляло собой деревню, все дома которой выходили на центральную улицу. Хотя формально земля была продана в частную собственность, хозяйственная деятельность колонии строилась на общинных началах. Поселенцы ревностно хранили обычаи своих предков, сами пекли хлеб, готовили русские блюда, шили русскую одежду, дома говорили лишь по-русски, стремились не допускать браков с мексиканцами. Только с начала 1930 годов молокане начали принимать мексиканское гражданство. Колония жила обособленно от окружающей ее жизни. Однако с 1960-х под давлением властей молокане все чаще вынуждены были продавать свои наделы мексиканцам. Многие стали уезжать в США. К 1980 годам колония фактически исчезла - в ней проживали всего 12 семей.

В первом письме в НКВД от 25 ноября 1924 года советский полпред Пестковский писал: «Русская эмиграция - главным образом евреи - около 3 тысяч. Часть их старые эмигранты, часть - белые. Так что в общем белый элемент здесь гораздо слабее, чем в США и Европе».363 Из более поздней переписки Пестковского с Москвой можно заключить, что некоторые русские эмигранты хотели вернуться на родину, причем даже за свой счет.

В отличие от России царской, Россия советская, как уже упоминалось, сразу же изъявила готовность

установить с Мексикой нормальные дипломатические отношения. Первый советский полпред, профессиональный революционер Станислав Станиславович Пестковский (1882 года рождения, выходец из бедной дворянской семьи, поляк по национальности) по поручению Дзержинского брал центральный телеграф Петрограда в октябре 1917-го, три дня возглавлял Госбанк, а в 1917-1919 годах был заместителем наркома по делам национальностей Сталина. Первый полпред знал помимо польского немецкий, французский и английский языки. Пестковский писал в автобиографии: «Моим непосредственным руководителем был Сталин. Кроме того, я принимал участие почти во всех заседаниях Совнаркома под председ. Ленина. Если я вообще заслуживаю название «государственного человека», то этим я обязан, главным образом, этой совнаркомовской школе и руководству Ленина и Сталина». Он вспоминал, что когда Сталин назначил его замнаркома, у нового наркомата не было ни здания, ни сотрудников. Все это с нуля и создал Пестковский.

«Самой приятной» в своей жизни работой Пестковский считал должность начальника политуправления Западного фронта, который летом 1920 года под командованием Тухачевского наступал на Варшаву. Но видимо, этот период жизни и стал для Пестковского смертным приговором в 1937 году. К тому же в 20-е он недолго примыкал к троцкистской оппозиции.

Утром 30 октября 1924 года Пестковский сошел с борта корабля в порту Веракрус. Примечательно, что власти не сообщили встречавшим советского полпреда рабочим точное время прибытие германского корабля, на котором Пестковский отплыл в Мексику из Саутхемптона 12 октября. Поэтому сначала полпреда от имени правительства поприветствовал лишь начальник таможни Веракруса. Но уже вскоре в гостиницу, где остановился Пестковский, явились несколько десятков представителей профсоюзов со своими знаменами. Они сопровождали советского представителя на вокзал, откуда он отбыл в Мехико.³⁶⁴ На одной из промежуточных станций в вагон полпреда в качестве почетного эскорта села делегация рабочих Мехико.

В Мехико полпреда встретила приветственная демонстрация рабочих и интеллигенции (около 200 человек) со знаменами и пением «Интернационала». «Они устроили овацию», - писал Пестковский.³⁶⁵ Для встречи первого советского полпреда в Мехико был образован специальный оргкомитет, куда входил цвет мексиканской интеллигенции, в том числе Давид Альфаро Сикейрос.

Впервые увидевшись с Пестковским, близкий друг Обрегона министр иностранных дел Мексики Аарон Саенс заверил полпреда, что все жители Мексики, особенно рабочий класс, окажут ему хороший прием.

Пестковский вручил Обрегону верительные грамоты уже 7 ноября 1924 года, в годовщину Октябрьской революции, что было особым жестом со стороны мексиканского правительства. На всем пути следования кареты советского посла до президентского дворца стояли толпы столичных жителей. Как отмечал Пестковский в донесении в Москву, вручение верительных [Картинка: image38.jpg]

Станислав Пестковский, слева, вместе со своим заместителем в полпредстве в Мексике Хайкисом

грамот было обставлено с «большой торжественностью». Присутствовали весь кабинет министров и несколько сотен гостей. «Моя речь на английском языке... вызвала сенсацию в некоторых газетах, будучи определена как «апология большевизма».³⁶⁶

В своей речи Пестковский, в частности, заявил: «Находящиеся у кормила правления широкие массы рабочих и крестьян Советского Союза следят с большим интересом за успехами мексиканского народа в его героической борьбе за независимость и благосостояние широких народных масс... Мужество и самопожертвование, которые народные массы Мексики выказали в этой борьбе, вызывают чувство восхищения у населения Советских республик».³⁶⁷ Обрегон тоже сделал свое ответное выступление не по-дипломатически теплым: «...я вдвойне счастлив тем, что этот акт совпал с днем, являющимся отрядной годовщиной для Союза Советских Социалистических Республик... Мне доставило большое удовольствие, г-н Посланник, услышать из Ваших авторитетных уст, что огромные массы рабочих и крестьян, находящиеся у власти в Советском Союзе, следят с неослабным интересом за той борьбой, которую вел народ моей страны для улучшения своих социальных и экономических условий, и что симпатии и восхищение этих могущественных классов трудящихся издавна сопровождают ту борьбу...»³⁶⁸

Вечером того же дня Пестковский присутствовал на торжественном вечере в честь годовщины Великого Октября, и, как отмечали газеты, около 1500 собравшихся слушали его речь в «благоговейной тишине». Пестковский выступал на английском. Сам митинг-вечер продолжался около четырех часов. Чичерин отмечал,

что советский полпред встретил в Мексике восторженный прием. Однако иные газеты опять писали о большевистской пропаганде, которую ведет советский полпред, хотя было бы крайне удивительно, если бы дипломатический представитель любой страны не пропагандировал за рубежом достоинства собственного государства.

Но вернемся к внутренней политике Мексики 1924 года. В обстановке массовых чисток, охвативших в начале 1924 года правительственный аппарат и армейское командование, победа на президентских выборах Плутарко Кальеса была решенным делом.

Однако мятеж все же не ликвидировал полностью интригу в президентских выборах. Против Обрегона, а значит, и Кальеса, выступила Либеральноконституционалистская партия, которая еще в 1920 году была основной партией страны. Как уже упоминалось, либеральные конституционалисты выдвинули тогда кандидатуру Обрегона и после прихода его к власти стали партией парламентского большинства. Однако партия совершила грандиозную ошибку, посчитав, что она сможет управлять не только парламентом, но и самим Обрегоном. Президент же, напротив, считал, что это его личный авторитет позволил либеральным конституционалистам занять столь внушительные позиции в Конгрессе и в муниципалитетах ключевого столичного федерального округа.

Уже в 1921 году, как отмечалось выше, отношения между Обрегоном и его бывшими союзниками обострились настолько, что либеральные конституционалисты решили превратить Мексику в парламентскую республику. Предполагалось, что если президента по-прежнему будет выбирать народ, то правительство и «первого министра» (учреждался пост премьера) будет назначать Конгресс. Обрегон ответил на эту попытку ограничить его власть удалением от всех министерских постов людей, примыкавших к Либерально-конституционалистской партии. В частности, был отправлен в отставку близкий и к сапатистам министр сельского хозяйства Антонио Вильяреаль. В 1922 году на выборах в Конгресс Обрегон демонстративно поддержал Национальную кооперативистскую партию, в результате чего либеральные конституционалисты лишились парламентского большинства. Вся страна увидела, что не вождь зависит от партии, а партия от вождя.

С весны 1923 года либеральные конституционалисты начали подыскивать альтернативного Обрегону кандидата в президенты. Партия позиционировала себя как политическая родина умеренных революционеров и противник всех «красных» элементов, к которым помимо коммунистов относили Кальеса и КРОМ. Либералы по-прежнему выступали за ограничение

власти президента и за борьбу с политическими назначениями на государственные должности путем введения обязательного для прохождения всеми чиновниками табеля орангах.

Летом 1923 года либералы пытались образовать единый блок с аграристами и лабористами, а также организовали во всех штатах предвыборные организации для разворачивания агитации. В качестве возможных кандидатов на пост президента фигурировали де ла Уэрта, брат отца мексиканской революции Рауль Мадеро, инженер Паскуаль Ортис Рубио (либералы позиционировали себя и как противники милитаризма) и ряд других политиков с революционным прошлым.²³³ Таким образом, Либеральноконституционалистская партия была все же внутрисистемной оппозицией, не ставившей под вопрос основные завоевания революции.

К концу августа 1923 года наиболее вероятным единым кандидатом либералов стал Рауль Мадеро, которого поддерживали и бывшие сторонники Вильи. Однако мятеж де ла Уэрты фактически расколол партию, и ее остатки под влиянием поражения восстания примкнули к Кальесу. Быть против него в тех условиях означало быть против революции.

В предвыборной кампании 1923-1924 годов впервые заявила о себе и фашистская партия - точная копия итальянской. Ее основал в 1922 году под впечатлением от успешного «марша на Рим» Муссолини мексиканец итальянского происхождения, инженер Густаво Саенс де Сицилия по кличке Петух. Фашисты не могли открыто называть себя консервативной силой, поскольку консервативная партия была полностью дискредитирована в Мексике еще в середине XIX как пособница иностранных интервентов. Однако термин «реакционная», тоже крайне непопулярный среди широких масс мексиканцев, фашисты в отношении своей партии использовали. Считалось, что фашисты только реагируют на произвол пришедших к власти «красных», и поэтому консерваторами являются именно вчерашние революционеры (то есть правящая элита страны), не желающие уступить власть.

У фашистов сразу нашелся мощный союзник - католическая церковь. Правда, церковники рекомендовали им

изменить уж очень одиозное название на Партию национальной реконструкции, что звучало более респектабельно. Но первые шаги Муссолини на посту премьера успокоили мексиканский епископат: фашисты оказались отнюдь не радикалами и к тому же выполнили свою главную миссию - беспощадно расправились с «красными».

Неофициальный печатный орган фашистов «Омега» писал 11 января 1923 года: « В Мексике армия и высшее должностное лицо представляют собой самые крепкие столпы большевизма... Действовать против большевистских тенденций означает действовать против президента, действовать против правительства. Поэтому фашистская партия должна оживить реакционные тенденции и предстать в качестве партии энергичной оппозиции».234

В феврале 1923 года фашисты объявили, что в Мексике уже действуют 420 местных организаций партии, а на местах издается 7 партийных газет. В апреле Петух, фантастически преувеличивая, говорил американским журналистам, что фашистов уже 150 тысяч. Контакты католической церкви с фашистами обеспечили новой (и крайне малочисленной) партии небывалое внимание со стороны американской прессы. Например, газета «Нью-Йорк Таймс» сообщила в январе 1923 года, что губернатор Дуранго Хесус Кастро созвал встречу губернаторов штатов якобы исключительно для борьбы с фашизмом. Эта версия, бесспорно, льстила последователям Муссолини. Высылку правительством Обрегона представителя Ватикана Филиппи в том же месяце газета объясняла тем, что папский легат пытался создать подпольную клерикально-фашистскую организацию «Двенадцать святых» для «борьбы против большевизма». Здесь «Нью-Йорк Таймс», пожалуй, не грешила против истины.

В марте 1923 года американская газета «Сатдей Ивнинг Пост» тоже писала о создающихся в Мексике подпольных антиправительственных организациях. Также сообщалось, что кандидаты фашистов пользуются поддержкой обеспеченных слоев мексиканского общества. Богатые слои и церковь якобы собрали для фашистов миллион песо, в том числе для учреждения общенациональной фашистской газеты. Газета «Нью-Йорк Трибюн» отмечала, что «католические круги США» (прежде всего крайне правая организация «Рыцари Колумба») оказывают мексиканским фашистам самую полную пропагандистскую поддержку.

И действительно, в конце марта в той же «Нью-Йорк Трибюн» вышла целая серия публикаций, в которых всячески подчеркивалось, что никаких различий между Мексикой и Советской Россией нет: «...При известной социалистической Конституции 1917 года некоторые части Мексики стали такими же красными, как эта самая Россия. Портреты Ленина и Троцкого украшают государственные здания... Неудивительно, что среди интеллектуальных мексиканских слоев возникло реакционное движение, группирующееся вокруг католической церкви».

Примечательно, что и американская печать, и фашисты, и католическая церковь в унисон критиковали именно Конституцию 1917 года, которая уважала частную собственность и уже поэтому не была социалистической, но резко ограничивала права церкви. Поэтому фашисты не замедлили выдвинуть требование об отмене Конституции, как того и хотели их церковные спонсоры. Лидер партии де Сицилия заявил американскому журналисту Спарку, что если Обрегон не выполнит требования фашистов, то последние прибегнут к «экономическим репрессиям» против правительства. В следующей главе будет показано, что эти «репрессии» действительно состоялись - в виде организованного церковью экономического бойкота летом-осенью 1926 года.

Военный атташе посольства США в Мексике сообщал в Вашингтон, что существует связь между фашистской партией и Лигой национальной политики, которая поддерживала кандидатуру генерала Анхеля Флореса (об этом ниже) на президентских выборах. Одним из учредителей Лиги был некто Гильермо Поус, который одновременно возглавил фашистскую партию с апреля 1923 года.

В конце марта уже говорили, что мексиканская церковь выделила фашистской партии 10 миллионов песо (5 миллионов долларов) на участие в выборах 1924 года. В начале 1923-го лидер организации католической молодежи Рене Капистран Гарса, который через три года поднял вооруженное восстание против правительства, писал, что католикам не надо участвовать в президентских выборах, так как они стали лишь выяснением отношений внутри «революционной семьи». Он не исключал и вооруженной борьбы против режима, если воля народа на выборах будет проигнорирована. Гарса был также одним из учредителей Лиги национальной политики, которая, в свою очередь, имела очень тесные связи не только с церковью, но и с Союзом

сельхозпроизводителей, организацией объединявшей крупных землевладельцев. Американский публицист Карлтон Билс писал после встречи с де Сицилия, что «в большинстве населенных пунктов» помещики объединились с фашистами в борьбе против аграрной реформы. Он отмечал, что, в отличие от итальянских фашистов, их мексиканские единомышленники тесно сотрудничают с католической церковью.

Не считая подчеркивания борьбы с большевизмом, программа фашистов была довольно осторожной и не содержала прямых нападок на завоевания революции. В декабре 1922 года партия выпустила «Манифест Мексиканской фашистской партии», а в апреле 1923-го - «Фундаментальные принципы национального мексиканского фашизма».235 В духе мексиканской революции фашисты выступали противниками переизбрания президента и сторонниками свободных выборов. По рабочему вопросу отвергалась как «тирания капитала над трудом, так и тирания труда над капиталом». Мол, фашисты не против лабористов и аграристов, но против их диктаторского доминирования в обществе. В то же время под влиянием своих спонсоров фашисты выступали в защиту «культурного землевладения», то есть помещиков, хотя вместе с Кальесом и Обрегеном партия поддерживала и мелкого землевладельца.

Но начинался манифест все же с борьбы против большевизма как чуждой мексиканскому национальному характеру идеологии, из-за которой страна якобы находится в хаосе.

Весной-летом 1923 года фашисты при поддержке католической церкви развернули довольно активную деятельность в Веракрусе (в этом штате их было больше всего), Халиско, Морелосе и федеральном столичном округе. Членами партии были в основном богатые горожане и интеллектуалы-реакционеры - адвокаты, журналисты и т.д. Именно эти люди сыграют впоследствии активную роль в организации клерикального мятежа «кри-стерос». Среди рабочих фашисты, в отличие от Италии и Германии, не имели никакого влияния, в частности и потому, что сами называли любые профсоюзы своим главным врагом.

Вся зависимость фашистов от их американских покровителей проявилась тогда, когда правительство Обрегона подписало выгодные США «соглашения Букарели». Как по мановению волшебной палочки, фашисты свернули антиправительственную агитацию, а после подавления мятежа де ла Уэрты поддержали на выборах «большевика» Кальеса. Следует отметить, что де ла Уэрта публично резко критиковал фашистов, еще будучи министром финансов в правительстве Обрегона. В частности, он назвал учреждение фашистской партии полным фиаско, так как ее идеология противоречит настроениям мексиканского народа.

Таким образом, на первый взгляд фашистская партия казалась мертворожденным ребенком. Однако, забегая вперед, многие бывшие фашисты и их сторонники вновь активизировались в 1925-1927 годах, когда Кальес попытался ввести в действие Конституцию 1917 года применительно к американским нефтяным компаниям. Особенно их деятельность усилилась во время конфликта государства с церковью, начавшегося в 1926 году.

Сам Кальес вел предвыборную кампанию после подавления мятежа совсем не так, как в сентябре-ноябре 1923 года. До выступления де ла Уэрты он всячески избегал радикальных лозунгов и говорил лишь о том, что продолжит политику Обрегона. Но неверно утверждать, что Кальес был оппортунистом, говорившим то, чего от него хотят услышать. Вся страна знала, что на посту губернатора Соноры он провел действительно глубокие реформы. В отличие от Обрегона, действительно прагматика чистой воды, Кальес был убежденным сторонником борьбы за улучшение доли бедных слоев населения. Пестковский так характеризовал его: «Кайес является без сомнения сильным человеком и довольно искусным политиком».369

Однако по просьбе Обрегона кандидат в президенты всячески скрывал свой радикализм, чтобы не давать лишнего повода (особенно в США) обвинять будущего президента Мексики в большевизме. Кальес, конечно, большевиком не являлся: он лишь говорил о том, что доктрина русского коммунизма заслуживает изучения с философской точки зрения, но для претворения в жизнь в Мексике слишком «экзотична».

До мятежа де ла Уэрты Кальес «сорвался» только один раз. 13 октября 1923 года во время выступления на митинге в городе Сан-Луис-де-Пас (штат Гуанахуато) несколько женщин стали выкрикивать боевой католический лозунг, который вскоре узнала вся страна: «Вива Кристо Рей!» («Да здравствует господь Христос!») Кальес, ярый противник католической церкви, заявил в ответ, что приехал не завоевывать аплодисменты толпы, а излагать свою революционную программу. «Знаю, что те, кто кричит «Вива Кристо Рей!», делают это не потому, что действительно знают, кем был Христос, а потому, что им так посоветовали священники... Рекомендую тем, кто кричит «Вива Кристо Рей!», чтобы они сообщили тем, кто дает им советы с амвона, что мы еще встретимся с ними на поле битвы и что мы их опять разгромим, как громили всегда... Мы

не боремся против религии как таковой... как революционеры мы всегда боролись против самого клира... Меня они атакуют потому, что знают - они никогда не смогут меня подкупить, потому что понимают, и прекрасно понимают, что я умею бороться как революционер за улучшение жизни бедных против их главных врагов: капитализма, латифундизма и клира».

Церковь не осталась в долгу. На следующий день после этого митинга католики выпустили листовку, в которой говорилось: «Как можешь позволить ты, Пресвятая Дева, что такой падший человек из далеких экзотических земель Востока (намек на «турецкое» происхождение незаконнорожденного Кальеса - прим, автора), как Элиас Кальес... может обманывать толпы с помощью ложных евангелий, подстрекать их, чтобы они вознесли его к власти, чтобы потом он продолжил свое дело анархии, грабежа, убийств и насилия по образцу Советской России! О, Непорочная Дева Гуадалупская, правительница мексиканской нации... сделай так... чтобы будущий правитель твоей нации был мексиканцем по крови и сердцу...»²³⁷

Таким образом, в октябре 1923 года уже прозвучали первые словесные залпы войны, которая по-настоящему начнется в 1926-м.

В ноябре 1923 года Кальес стал уже высказываться более радикально, так как обострялась и сама обстановка в стране. 18 ноября, когда он прибыл в город Пуэбла, его сторонники митинговали под защитой армейских подразделений. Тем не менее столкновений с приверженцами де ла Уэрты они

все же не избежали. Обе стороны применяли бейсбольные биты и холодное оружие. В схватке погиб рабочий-железнодорожник (профсоюз железнодорожников поддерживал де ла Уэрту).

Когда начался мятеж де ла Уэрты, Кальес подал прошение о возвращении на военную службу и был назначен командующим правительственными силами на севере страны, во второстепенном, но потенциально важном ввиду близости американской границы районе боевых действий. 14 февраля 1924 года военный министр Франсиско Серрано объявил о победе над мятежниками, и 25 марта Кальес возобновил предвыборную борьбу. Теперь он уже не говорил лишь о продолжении курса Обрегона, а провозгласил себя «социальным» кандидатом, что явилось отражением той активной роли, которую рабочие и крестьянские отряды сыграли в подавлении мятежа регулярной армии.

В апреле Кальес выступил на организованном аграристской партией митинге, посвященном пятой годовщине предательского убийства Эмилиано Сапаты. «...Надо, чтобы мексиканская и зарубежная реакция знали, что я всегда буду на стороне самых передовых принципов человечества; чтобы они еще раз осознали, что революционная программа Сапаты, эта аграристская программа является и моей тоже. Чтобы они еще раз поняли, что те пункты, которые Сапата не смог включить в свой план, осуществим мы как верные революционеры...» Кальес пообещал «почившему с миром герою», что полностью реализует его программу.

В Мехико Кальес впервые в истории страны обратился к избирателям по радио. Вся весна 1924 года прошла в активных поездках по Мексике. Кальес был на пределе: он боялся, что по состоянию здоровья просто не сможет выдержать до конца предвыборный марафон. Тем не менее в июне кандидат посетил районы недавнего мятежа, Веракрус и Юкатан. Именно в штате Юкатан, где недавно был убит мятежниками его друг, губернатор-социалист Каррильо Пуэрто, Кальес и проголосовал на президентских выборах 6 июля.

Не дожидаясь объявления результатов голосования, Кальес с семьей отбыл 15 июля через США в Европу. Он всерьез опасался за свое здоровье и хотел проконсультироваться в немецких клиниках. Избранный президент получил несколько писем от де ла Уэрты, который предлагал встретиться в США (5 февраля 1924 года он отплыл из Веракруса и через Кубу добрался до США). Бывший вождь мятежа обещал рассказать, что подвигло его на разрыв с Обрегоном, и уверял, что, услышав эти объяснения, Кальес поймет его мотивы. Однако последний не ответил бывшему другу - по крайней мере, о встрече этих двух лидеров революции ничего не известно.

После подавления мятежа де ла Уэрты у Кальеса остался фактически один соперник - генерал Анхель Флорес (о нем мы подробнее поговорим в следующей главе), который был выдвинут Союзом сельхозпроизводителей, то есть крупных и средних землевладельцев. В целом его поддерживали умеренные и консервативные элементы, требовавшие «упорядочения земельной реформы», но сам Флорес однозначно считал себя членом «революционной семьи».²³⁸ Сначала газеты даже именовали его «фальшивым кандидатом», выдвинутым самим Обрегоном для того, чтобы сохранить видимость свободных выборов. С Обрегоном Флореса

действительно связывали самые сердечные отношения. Как и Обрегон, он был противником общинного землевладения и сторонником фермерства, отчего и прослыл реакционером, настроенным против аграрной реформы в целом. Однако в штате Синалоа, где Флорес был губернатором, никакого общинного землевладения и не было, оттого требования аграристов о создании в штате общин-«эхидос» особой популярностью у населения не пользовались. В штате ощущалась скорее нехватка не земли, а рабочих рук в сельском хозяйстве. Поэтому реально мыслящий Флорес и не форсировал в штате аграрную реформу.

Еще в 1915 году, когда Флорес боролся против Вильи, Обрегон распорядился приобрести для него специальный салон-вагон с кондиционером и столовой. Позднее, уже в качестве президента, Обрегон содействовал единомышленнику, выделив из федерального бюджета 1,5 миллиона песо на строительство в штате Синалоа канала (который, впрочем, содействовал и ирригации южной Соноры, где располагались земельные угодья самого Обрегона). В мае 1924 года, в разгар предвыборной борьбы, Обрегон подарил Флоресу шикарный семиместный автомобиль «линкольн» стоимостью 11 720 песо.

Интересно, что Флорес предложил Обрегону создать военно-морскую базу в Нижней Калифорнии. Этот пограничный штат был фактически отре-

зан от центра страны ввиду отсутствия дорог, и Флорес боялся, что его рано или поздно захватят американцы. После этого предложения в штате начали строить шоссе к центру страны.

Вероятно, выставить Флореса свою кандидатуру побудил сам Обрегон, чтобы у Кальеса не закружилась голова от ожидавшейся сокрушительной победы на выборах. Обрегон побаивался принципиального и абсолютно равнодушного к прелестям земной жизни Кальеса, а Флорес, как и сам он, занимавшийся аграрным бизнесом, был ему гораздо ближе в человеческом отношении.

Генерал Флорес первоначально вел себя странно - в марте 1923 года, в разгар выдвижения кандидатов в президенты, он ушел в отставку с поста командующего армией в своем родном штате Синалоа, уехал в США якобы для лечения и вернулся только в августе. Вполне возможно, он опасался за свою жизнь, и последующие события показали, что не зря. В борьбу Флорес вступил в начале сентября, и некоторые мексиканские газеты писали, что он - просто замена де ла Уэрте как умеренная альтернатива Кальесу в рамках одного и того же революционного течения.³⁷⁰

Однако, как и в случае с де ла Уэрттой, поддержка - прежде всего со стороны средних и крупных землевладельцев и католических кругов, но и ряда рабочих организаций, - вскружила Флоресу голову. После подавления мятежа он начал реальную предвыборную борьбу против Кальеса. До Обрегона дошли слухи, что губернатор Синалоа едва не примкнул к мятежу: он вел секретные переговоры с командующими войсками в своем штате и Соноре, предлагая им крупные суммы денег. Правда, через четыре дня после начала мятежа Флорес проинформировал Обрегона, что твердо стоит на стороне федерального правительства.

Хотя Флорес постоянно сетовал на проблемы с деньгами, помещики и церковь активно спонсировали его кампанию. Надо, впрочем, отметить, что ни клир, ни латифундисты не питали насчет генерала особых иллюзий. Он был таким же революционером, как и Кальес, однако реакция хотела воспользоваться борьбой внутри «революционной семьи» для ликвидации завоеваний революции.

11 апреля 1924 года в отеле «Франсис» города Гвадалахара, где остановился Флорес, около полуночи взорвалась бомба. Губернатор в сообщении Обрегону расценил инцидент как пропагандистскую акцию самого Флореса, в которой якобы приняли участие амнистированные сторонники де ла Уэрты. Таким образом, Флореса, как ранее и самого де ла Уэрту, исподволь толкали на мятеж.

Видимо, власти испугались растущей поддержки Флореса среди электората: подставной кандидат превратился в реального соперника и сам поверил в это. 16 апреля 1924 года сторонники сообщили генералу, что уже собрали в его поддержку полтора миллиона песо. Флорес уверовал в возможность успеха и 2 мая обратился с манифестом к нации. Весьма ловко эксплуатируя «ахиллесову пяту» Кальеса, которого многие в стране считали слишком радикальным, в своем манифесте Флорес, напротив, обещал «гармонизацию» интересов всех слоев мексиканского общества. В манифесте говорилось как о «процветании мелких земельных собственников», так и «о справедливом завершении восстановления «эхидос» без ущемления справедливых интересов других собственников. Флорес поддерживал и гарантированное Конституцией право на забастовку, и принцип «свободы труда», то есть возможность для предпринимателей нанимать не только членов профсоюза. Он выступал за гарантии для иностранных предпринимателей и в то же

время решительно против того, чтобы они пользовались какими-либо привилегиями по сравнению с мексиканцами.²⁴⁰

В целом «гармоничная» программа Флореса выгодно диссонировала с показным радикализмом Кальеса (хотя, по сути, взгляды обоих генералов ничем не отличались) и пользовалась популярностью, прежде всего среди городских средних слоев, католиков и земельных собственников, заинтересованных в стабильности и прекращении насильственных революционных экспериментов.

В конце манифеста Флорес высказывался против детальной правительственной программы, которая будет складываться позднее, под влиянием развития ситуации в стране. «Я поднимаю знамя демократии против всех олигархов, и тех, кто наверху, и тех, кто внизу» (намек на диктаторские замашки КРОМ).

Близкие к правительству СМИ немедленно ополчились на Флореса, обвиняя его в проведении реакционной политики на посту губернатора штата Синалоа. Он якобы саботировал применение в штате положений Конституции 1917 года. Лабористы говорили, что Флореса поддерживают не только помещики, но и предприниматели, а также либеральные конституционалисты.

Флорес, как и Кальес, прибегал к абсолютно новым для Мексики средствам предвыборной борьбы. Если Кальес использовал для агитации радио, то Флорес - аэропланы. На митингах его сторонников активно выступал вышеупомянутый лидер молодых католиков адвокат Рене Капистран Гарса. Многие митинги сопровождались потасовками с кальистами, в которых участвовали активисты КРОМ. В Агуаскальентесе на Флореса напали агра-

ристы, и генералу пришлось вернуться в Мехико под защитой эскорта из армейских частей. Пресса проигнорировала пребывание Флореса в столице - газеты писали лишь о все более явной связи оппозиционного кандидата с недавно разгромленными мятежниками.³⁷¹

У этих сообщений, возможно, были определенные основания, хотя и сам Флорес, и его сторонники утверждали, что не готовят никаких вооруженных выступлений против правительства.³⁷² Шли переговоры между Союзом сельхозпроизводителей и некоторыми бывшими участниками мятежа. Однако Флорес, скорее всего, в них не участвовал - как и де ла Уэрту, его хотели использовать «в темную». Бывший губернатор Пуэблы и сторонник де ла Уэрты Фройлан Манхаррес писал представителю разгромленных мятежников в США, уже знакомому нам Хосе Мануэлю Альваресу дель Кастильо, чтобы ни он, ни сам де ла Уэрта ни в коем случае не связывались с флористами: «Флоризм - это абсолютная капитуляция, предательство революции, сама реакция, неприкрытая и наглая».

Тем не менее правительство всячески пыталось представить дело так, что Флорес вот-вот начнет вооруженный мятеж. В Гвадалахаре в середине июня 1924 года были обнаружены склады оружия, после чего во всем штате Халиско закрыли отделения Союза сельхозпроизводителей - основной политической опоры Флореса. Когда Флорес отправился в Дуранго, где, как мы знаем, было много сторонников Вильи, столичная пресса вообще сообщила, что генерал поднял восстание и его точное местонахождение неизвестно. По некоторым данным, Флоресу «рекомендовали» срочно покинуть Мексику, что лишило бы его статуса кандидата. Однако Флорес наотрез отказался и 2 июля обратился с манифестом к рабочим, убеждая их, что он не реакционер, а стойкий сторонник революции. От Кальеса Флорес отличался резкими нападками на коммунизм, который он считал главной опасностью для страны. Сам Кальес, как неоднократно упоминалось, тоже был противником коммунистов, но до поры до времени не выпячивал этого, поскольку СССР имел тогда большую популярность среди рабочих и крестьян Мексики.

Выборы 6 июля 1924 года - первые «нормальные» президентские выборы времен победившей революции - сопровождались обычным для Мексики активным вмешательством властей в электоральный процесс на стороне официального кандидата Кальеса. Пропадали урны с бюллетенями, одетые в красные блузы и черные юбки активистки КРОМ не пускали в кабины тех избирателей, которые с виду казались им ненадежными. На избирателей активно давили и армейские части. Командующий столичным гарнизоном генерал Гомес устроил в Мехико в день выборов учения бронемашин, которые разъезжали по улицам, чтобы устрашить горожан, и «для пробы» сделали несколько выстрелов.

Однако, несмотря на многочисленные жалобы флористов, большинство мексиканцев считали, что выборы были свободными. Кальес получил 1 340 634 голоса (84,14%), Флорес - 252 599 (15,85%). Успех Флореса был неожиданным для правительства - никогда раньше оппозиционный кандидат не получал столько голосов. Этот

результат был превзойден только в 1946 году. В нескольких штатах - в частности, в своем родном Синалоа и Нижней Калифорнии - Флорес даже выиграл. Но больше всего голосов генерал получил в тех штатах, где было сильным влияние католической церкви: Гуанахуато (37,7 тысячи голосов), Сакатекас (29,6 тысячи) и Мичоакан (21,6 тысячи). Именно эти штаты вскоре станут главным очагом католического вооруженного восстания против правительства Кальеса.

30 ноября 1924 года в присутствии более чем 30 тысяч собравшихся генерал Плутарко Кальес торжественно приступил к исполнению обязанностей главы государства. Президентом Мексики стал человек, до сих пор вызывающий много споров среди исследователей и самих мексиканцев.

Глава 3

Конструктивная фаза революции. Мексика при президенте Кальесе. 1924-1928 годы

Династия Элиасов, родоначальник которой прибыл в Мексику из Испании в конце XVIII века, принадлежала к числу крупных землевладельцев Соноры - к середине XIX века семья владела примерно 30 тысячами гектаров. Полковник Хосе Хуан Элиас Перес отличился в 1857 году в боях против американского флибустьера Генри Крэбба (в те времена «частные» экспедиции американских политических пиратов пытались расширить зону рабовладения в США за счет присоединения Никарагуа, Кубы и северной Мексики). Полковник воевал и с французскими интервентами и после одного из сражений умер от ран в 1865 году, оставив жену с восемью детьми. Старший сын полковника Элиаса Плутарко, которому на момент смерти отца исполнилось 16 лет, изучал право и начал политическую карьеру, став в 1872 году депутатом сонорского парламента, а позднее - префектом города-порта Гуайямас. Но с управлением отцовскими поместьями Плутарко явно не справлялся, и они постепенно приходили в запустение, чему способствовали и постоянные атаки апачей. Тем не менее семья Элиасов к 1882 году еще владела более чем 60 тысячами гектаров земель в Соноре, половина из которых была разбросана по разным асиендам.

Однако уже годом позже по благосостоянию славного рода был нанесен мощный удар - вышел закон об экспроприации у владельцев необрабатываемых земель. Только в 1883-1884 годах у Элиасов отобрали более 20 тысяч гектаров, причем часть их угодий получила мощная американская горнодобывающая компания «Кананеа Коппер Ко». Видимо, все эти проблемы только усугубили нежелание Плутарко Элиаса заниматься сельским хозяйством. Он стал приклядываться к бутылке и решительно не хотел связывать себя узами брака - вещь удивительная и подозрительная в Мексике тех времен. Впрочем, женщин Плутарко любил, и в 1872 году от некой Лидии Мальвидо у него родился внебрачный сын Артуро. А через четыре года, 25 сентября 1877 года, Мария де Хесус Кампусано в Гуайямасе родила ему еще одного сына, которого назвали в честь отца.

Плутарко-старший немедленно бросил Марию, и та воспитывала будущего президента Мексики одна. То, что Плутарко Кальес был внебрачным ребенком, навсегда определило некоторые черты его характера.

Во-первых, он очень рано стал ярким атеистом, так как не мог согласиться с униженным и двояким положением, в которое церковь ставила всех внебрачных детей. Позднее будущий президент вспоминал, что воровал у церкви милостыню и покупал на эти деньги сладости.³⁷³

Даже во времена его президентства Кальеса дразнили «турком», так как противники запустили очень обидный слух о том, что его настоящим отцом был торговец-араб (всехвыходцев из восточного Средиземноморья в Мексике называли турками). Кальес никогда не реагировал на эти оскорбительные для любого мексиканца сплетни, хотя они преследовали его всю жизнь. Здесь прослеживается четкая параллель с жизнью Сталина, которого тоже в детстве бросил отец-алкоголик, что сделало маленького Иосифа посмешищем в глазах сверстников.³⁷⁴

Во-вторых, будущий президент Мексики был твердым сторонником сухого закона (он считал, что его отец не добился ничего в жизни именно из-за пагубного пристрастия к алкоголю). В-третьих, Плутарко-младший решил совершить в этой жизни все возможное, чтобы создать прочную семью и сделать хорошую карьеру.

Примером для внебрачного сына были три брата его отца, которых не сломила злодейка-судьба, лишившая их род большей части собственности. Один из них, Алехандро, крестивший маленького Плутарко почти через год после рождения, был авторитетным государственным служащим в Гуайямасе. Другой, Мануэль, стал крупным землевладельцем и к тому же зарабатывал на торговле с США, имея таможенное агентство в Аризоне. Хорошо, хотя и не всегда ровно, шли дела в бизнесе и у третьего дяди Плутарко Рафаэля. С младых ногтей внебрачный ребенок хотел быть похожим не на отца, а на его братьев. Плутарко-младший мечтал стать богатым, как его

дядя.

Однако судьба продолжала наносить ребенку тяжелые удары - уже в 1880 году умерла его мать, и Плутарко взяла на воспитание в свою семью ее сестра Мария Хосефа Кампусано. Муж тети, торговец алкоголем дал мальчику новую фамилию - Кальес, а обилие учителей среди его родни определило выбор профессии для приемного сына.

В конце 1880-х годов губернатор Соноры решил коренным образом модернизировать систему образования в штате. На французский манер образование должно было стать светским и научно-ориентированным. В штат были приглашены ведущие специалисты в разных областях из Мехико и из-за гра-

ницы. Стали открываться новые школы, а в 1889 году появилось даже что-то вроде университета - Колледж Соноры. Профессия учителя стала почетной (хотя и не очень хорошо оплачиваемой). Учителей в штате рассматривали как носителей прогресса в местности, которая еще совсем недавно была ареной жестоких столкновений белых поселенцев синдейцами, своего рода мексиканским «диким Западом». Даже церкви пришлось переориентировать в Соноре свои школы, которые стали давать не только закон божий, но и практические навыки, например в агротехнической сфере. К тому же именно в Соноре у католической церкви были мощные конкуренты - различного рода протестантские миссионеры из США.

В январе 1888 года епископ Соноры пригрозил отлучением от церкви всем, кто будет слушать проповедываемую протестантами ересь.⁴ Угроза распространялась и на государственные школы, среди преподавателей которых было много протестантов и атеистов. Конфликт между властями штата и клиром также оказал коренное воздействие на характер будущего президента Мексики. С тех самых пор Кальес считал борьбу против церкви миссией всей своей жизни. В его понимании католическая церковь была главным препятствием на пути Мексики к прогрессу.

В 1893 году учительский корпус Соноры пополнился еще одним атеистом - учителем школы № 1 для мальчиков Плутарко Кальесом, который год спустя стал преподавателем и в самом престижном учебном заведении штата, Колледже Соноры. Там он познакомился с земляком Адольфо де ла Уэртой, и между ними состоялся разговор, во многом определивший непримиримую вражду этих двух людей в 1923-1924 годах.

«Меня зовут Плутарко, и я, как и вы, из Гуайямаса». - «Да, я из Гуайя-маса». - «А из какой семьи?» - «Из своей».

Де ла Уэрта обидел Кальеса, подчеркнув, что он-то из «нормальной» семьи. Плутарко установил контакты, хотя и нерегулярные, со своим непутевым отцом и все-таки взял себе имя Элиас, хотя и от фамилии приемного отца отказываться не стал. Плутарко-старший продолжал беспутную жизнь и окончил ее, брошенный всеми, в одном из отелей. Из-под подушки умершего медсестра достала початую бутылку.

Отец заставил сына уехать из Гуайямаса, потому что считал его бабником (и было в кого). Кальес соблазнил дочь таможенного служащего Хосефину Бонфилью, которая потом родила такого же внебрачного ребенка, как и сам сбежавший от невесты Плутарко. Сына назвали Родольфо; в 1919 году, когда Кальес был уже министром промышленности и торговли, он предложил своему первенцу хорошую должность, но тот отказался и продолжал работать телеграфистом, как и его приемный отец.

К тому же Плутарко-младший стал выпивать, и казалось, что он и в самом деле пойдет по стопам отца. Чтобы избежать сползания по наклонной плоскости, молодой человек решил основать семью и в 1899 году женился на Наталье Чакон. В то время это был один из немногих браков в Соноре, заключенных без всякого участия церкви. Донья Наталья родила мужу двенадцать детей, трое из которых умерли. Интересно, что отец Натальи, как и отец первой, брошенной Кальесом невесты, был таможенником.

Однако после обзаведения семьей будущему президенту Мексики пришлось оставить любимую работу учителя, хотя все последующие занятия никакого успеха ему не приносили. Казалось, что внебрачного ребенка всегда будут преследовать злой рок и грехи его отца.

Сначала Кальес устроился казначеем порта Гуайямас, но вскоре был уволен (ходили слухи о растрате).⁵ Затем он стал управляющим отеля, принадлежавшего его сводному брату Артуро. Однако отель сгорел, и в 1902 году Плутарко решил стать фермером. Он поселился на одной из оставшихся еще в собственности отца асиенд площадью 9 тысяч гектаров и стал выращивать там пшеницу, картофель и кукурузу. Никакого дохода земледелие не приносило (один из знавших в те годы Кальеса друзей вспоминал, что тот просто не умел сеять пшеницу). То сорт зерна был выбран неправильно, то закуплены не те машины. Успех дяди Рафаэля повторить

не удавалось, и семья бывшего учителя постоянно находилась на грани полного финансового краха.

В 1906 году Кальес безуспешно пытался получить от властей штата концессию на разработку минерального сырья. В тот же год один из друзей, Смитерс уговорил его стать управляющим мельницы. Однако в 1910 году мельницу отобрал за долги основной кредитор - Банк Соноры. Тогда Кальес вместе с тем же Смитерсом организовал собственный малый бизнес - открыл торговую фирму по продаже хлебобулочных и макаронных изделий. Магазин не процветал, и к началу мексиканской революции 1910 года Плутарко Кальес представлял собой классического неудачника, так и не нашедшего своего места в жизни.

Неудивительно, что недовольный жизнью Кальес, над которым постоянно висела опасность сорваться в алкоголизм по примеру отца, примкнул к движению сонорских революционеров, выступавших против переизбрания диктатора Порфирио Диаса на новый президентский срок в 1910 году. Терять Кальесу было нечего, и он охотно предоставлял свой магазин для встреч оппозиционеров. В апреле 1911 года магазин прогорел окончательно, и Плутарко действительно ударился в запой - он не знал, как прокормить жену и пятерых детей. Позднее Кальес говорил, что всегда был пролетарием. Если считать критерием принадлежности к пролетариату низкий

уровень жизни и постоянную угрозу нищеты, то он был не столь уж и далек от истины.

Но уже через месяц после краха его бизнеса, в мае 1911 года повстанцы Франсиско Мадеро при поддержке США свергли диктатуру Диаса, и судьба впервые улыбнулась бывшему учителю. В сентябре 1911 года (Кальес к тому времени снова открыл маленький магазин, торговавший всякой всячиной от вина до сельхозтехники) новый революционный губернатор Соноры Майторена назначил его префектом полиции пограничного города Агуа-Приета. Наконец-то Кальес открыл для себя ту сферу деятельности, которая позволяла раскрыть все его таланты, - государственное управление. Однако магазин он пока не бросил - обстановка в стране была нестабильной. Кальес быстро проявил себя как эффективный администратор, коренным образом перестроив работу полиции и начав войну против процветавших в этих местах контрабандистов. Сбить с пути борьбы с коррупцией его не могли ни взятки, ни угрозы. Кальес взял за правило любой ценой добиваться поставленных целей.³⁷⁵ Контрабандисты пытались обвинить его перед губернатором в попытке свергнуть власть в штате, но Майторена безусловно доверял одному из лучших своих чиновников.

После свержения и злодейского убийства вождя революции Мадеро в феврале 1913 года Кальес не колебался ни минуты - он отправил Майторене телеграмму, предлагая восстать против правительства узурпатора генерала Уэрты. Временно отправив семью в Аризону, Кальес быстро сколотил отряд добровольцев, признававших лидерские качества шефа полиции. Уже тогда он провозгласил свое политическое кредо, от которого не отказался, и став главой государства: «Лучше все невзгоды народного восстания, чем мир, покоящийся на винтовках военной диктатуры».³⁷⁶

Всеми силами повстанцев-конституционалистов в Соноре командовал Альваро Обрегон, в отличие от Кальеса, к началу революции 1910 года - преуспевающий землевладелец средней руки. 16 марта 1913 года вопреки воле Обрегона Кальес провел свою первую боевую операцию - его отряд атаковал город Нако, как и предвидел Обрегон, безуспешно. Кальесу пришлось ретироваться в Аризону, где он закупал оружие для повстанцев. (Обрегон на это заметил, что Плутарко держится подальше от опасности.) В августе 1913 года покровитель Кальеса Майторена отказался от поста губернатора - якобы по состоянию здоровья, но все говорили о банальной трусости, - и уехал в США. Кальес тоже подумывал о том, чтобы выйти из борьбы, но прибывший в Сонору верховный главнокомандующий вооруженными силами повстанцев Венустиано Карранса убедил его остаться. «Дону Венусу» импонировал собранный, принципиальный Кальес, ориентированный на эффективную управленческую работу и чуждый всякой экзальтированности и самопоощрения, столь характерных для многих революционеров. 10 декабря 1913 года Кальеса произвели в полковники, и он фактически взял на себя охрану Каррансы. В то время как Обрегон вел сонорские войска на юг к Мехико, Кальес оставался в штате, в глубоком тылу конституционалистов.

В середине 1914 года Майторена при поддержке Панчо Вильи объявил о своем намерении вернуться в Сонору и снова занять пост губернатора. Карранса, предвидя открытый разрыв с Вильей, не согласился. Тогда Майторена набрал несколько тысяч добровольцев из воинственных индейцев яки, среди них которых был очень популярен, и, получив от Вильи оружие, начал боевые действия в Соноре. Командующий войсками штата Кальес, в свою очередь, получил от Обрегона приказ противодействовать союзнику Вильи. Приказ было легче

отдать, чем исполнить: у Майторены имелось примерно 10 тысяч бойцов, в том числе яки, считавшиеся лучшими воинами Мексики, а «войска» Кальеса насчитывали около 800 человек.

Кальес перебрался в Агуа-Приету, где повстречался с отцом. Плутарко-старший предрек сыну и всему его делу полный крах: «Вы думаете, что выиграете революцию - ничего вы не выиграете, а только все потеряете».377Через три года он умер, так и не увидев окончательного триумфа своего внебрачного сына.

В боях с превосходящими силами Майторены Кальес показал себя блестящим организатором. Он внимательно изучал карты местности, заботился о снабжении, организовывал безопасные коммуникации связи. Кальес так хорошо укрепил город Нако, что Майторена не смог его взять. Больших побед, в отличие от Обрегона, Кальес не одерживал, но в искусстве обороны и отвлекающих маневров ему не было равных, за что он и получил звание бригадного генерала. В августе 1915 года Карранса назначил Кальеса временным губернатором Соноры, а Вилья утвердил в той же должности Майторену.

Потерпев сокрушительные поражения от Обрегона, в конце 1915 года Вилья со всей армией (около 18 тысяч бойцов) вошел в Сонору, чтобы при поддержке Майторены полностью овладеть штатом. 10 ноября 1915 года Вилья заявил корреспонденту из США, что будет драться с Кальесом за Агуа-Приету так, как не дрался еще никогда. На вопрос корреспондента, сколько у него пушек, последовал ответ - когда они зазвучат, вы их сможете сосчитать.378 [Картинка: image40.jpg] Плутарко Кальес

У Кальеса было примерно в четыре раза меньше солдат, чем у Вильи, но он со свойственной ему тщательностью блестяще укрепил город. Агуа-Приету опоясывали ряды траншей и колючей проволоки, а на самых уязвимых для кавалерии местах были расположены пулеметные гнезда. Собственно, ту же тактику - спокойно дожидаться кавалерийской атаки и нанести нападавшим невосполнимые потери пулеметным огнем - в апреле 1915 года успешно применил Обрегон в битве при Селайе, первом крупном поражении Вильи. Однако при Агуа-Приете соотношение мощи было совсем другим, чем при Селайе, где противники имели примерное равенство сил. Тем не менее атаки Вильи захлебнулись в пулеметном огне и проволочных заграждениях Кальеса - были убиты более двухсот вильистов. Впрочем, решающую роль в поражении Вильи сыграли свежие подкрепления, которые Обрегон перебросил в осажденную Агуа-Приету через территорию США.

После своего поражения при Агуа-Приете Вилья был вынужден распустить свою армию и перейти к партизанской войне. С тех пор он ненавидел Кальеса и американцев, которые помешали ему стать лидером страны. Кальес платил Вилье той же монетой и в 1923 году организовал его убийство. Смерть помешала Вилье заключить союз с де ла Уэртой в 1923-1924 годах. Возможно, останься Вилья жив, Кальес никогда не стал бы президентом Мексики.

Как уже упоминалось, Кальес занимал до 1919 года пост губернатора Соноры, где провел радикальные социально-экономические преобразования. В 1924 году, после избрания на пост президента, он намеревался повторить свои сонорские эксперименты в национальном масштабе. В отличие от Обрегона, бизнесмена по натуре, Кальес являлся политиком в самом полном смысле этого слова: у него была великая цель - сделать Мексику прогрессивной процветающей страной, и ни на какие компромиссы с врагами этой цели он идти не собирался. Если времена Обрегона Кальес считал периодом политической стабилизации революционного режима, то свое президентство он был намерен посвятить экономическому рывку страны. Все социальные реформы должны были быть подчинены этой цели.

Кальес был человеком гораздо более принципиальным, чем Обрегон, и менее склонным к компромиссам. Хорошо знавший Кальеса депутат Конгресса от кооперативистов Мартин Луис Гусман описал его в своем романе «Тень каудильо» под именем Иларио Хименеса.379«Хименеса считали фарисеем и лицемером, а на самом деле это был человек честный и прямой... Лицо не внушало доверия, но если посмотреть на Хименеса сзади, бросалась в глаза хорошо развитая мускулатура, сильные подвижные конечности, - во всей фигуре чувствовались уверенность в себе и способность точно и энергично доводить до конца любой замысел. И именно это, а не угрюмая подозрительность, которая читалась в его мрачной физиономии, было в нем главным, ибо соответствовало сущности его характера: непреклонной воле, практичному и туповатому уму, уравновешенному и глубоко запрятанному темпераменту, нечувствительному к уколам и угрызениям совести, которые могут сбить с намеченного пути».380

Формально Кальес был избран на пост президента как кандидат от Лабористской партии. Однако советский полпред Пестковский справедливо отмечал: «Кайес официально является ставленником так называемых ла-

бористов (партии труда)... или, вернее, лабористы являются его агентами».381 Действительно, Кальес просто использовал лабористов для контроля над рабочим движением, так же как использовал аграристов для контроля над крестьянами. Это не значит, что Кальес был столь же беспринципен в политике, как Обрегон. Напротив, новый президент действительно сочувствовал угнетенным классам и стремился улучшить их жизнь. Но он считал, что сами эти классы не знают, чего хотят, поэтому должны довериться ему как человеку, выстрадавшему всей своей жизнью мечту о новой, прогрессивной Мексике.

После избрания на пост президента бывший учитель Кальес в августе 1924 года с семьей отправился в Европу, чтобы поучиться в самых цивилизованных странах тому, как организована там социальная и экономическая жизнь. Особенно Кальеса интересовало положение в сельском хозяйстве с упором на кооперацию в этой отрасли - ведь Мексика была преимущественно аграрной страной. Больше всего его привлекала Германия, поскольку Кальес, как и де ла Уэрта, разделял идеи германской социал-демократии: мирное завоевание рабочими экономического господства через демократизацию экономики и развитие коллективных форм собственности, особенно кооперативов. Согласно этой теории социализм мог постепенно вытеснить [Картинка: image41.jpg] Кальес с президентом Германии Эбертом

внутри капитализма эволюционным путем (без кровавых революций, как в России) и вытеснить капитализм на свалку истории.

Кальеса ждали в Европе. Ведь его победа на президентских выборах в Мексике - победа «пролетарского» кандидата - означала, по мнению лидера немецких социал-демократов Каутского, взятие рабочим классом Мексики государственной власти мирным путем. Такой же точки зрения придерживались испанские социалисты и британские лейбористы.

Германский президент, социал-демократ Эберт устроил Кальесу торжественный прием, хотя тот еще не вступил в должность президента и находился в Европе как частное лицо. Кальес очень внимательно изучал немецкий опыт, особенно в части организации прогрессивных форм сельского хозяйства. Он отдал указания перевести для себя, в частности, материалы на следующие темы: «Преобразование земельных поместий в Пруссии с целью их более эффективной эксплуатации» («красная» Пруссия, крупнейшая из земель Германии, была бастионом немецких социал-демократов), «Надомная работа для крестьянок Пруссии», «Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный кредит в Европе» (в этом смысле Кальес особенно интересовался сетью кооперативных банков «Райффайзен»).13

Со свойственной ему дотошностью Кальес просил перевести на испанский не только общие рассуждения на каждую из интересовавших его тем, но и все нормативные документы, касающиеся, например, организации кооперативов. Позднее он с энтузиазмом, хотя и с ограниченным успехом, будет внедрять в Мексике немецкий кооперативный опыт. В Гамбурге, городе,

связывавшем Германию с внешним миром, Кальес пригласил всех (включая евреев), кто хочет получить землю, приезжать в Мексику. В этом отношении философия Кальеса несколько не отличалась от взглядов диктатора Диаса, который считал мексиканских крестьян-индейцев отсталой расой, не способной к ведению эффективного сельского хозяйства.

В конце августа 1924 года Кальес в Германии дал интервью советским журналистам (опубликовавшие его 29 августа «Известия» ошибочно назвали генерала кандидатом в президенты). «Во время беседы Кальес неоднократно подчеркивал, что социальная борьба обоих народов во многом аналогична», - сообщали «Известия». Кальес отметил «огромный всеобщий интерес мексиканского народа к народам СССР, тем более что многие вопросы СССР имеют большое значение также и для Мексики». «Мексиканский народ постоянно стремился понять тот колоссальный переворот, который произошел в социальной и экономической жизни СССР».382 В заключение интервью Кальес сказал, что не исключает возможности визита СССР уже в ходе своего нынешнего европейского турне.

15 августа 1924 года советский полпред в Берлине Крестинский сообщил Чичерину, что Кальес 19 августа приезжает в Гамбург «и из Гамбурга направится, по всей вероятности, в Москву, так как СССР его чрезвычайно интересуется». Целью поездки является «ознакомление с постановкой у нас сельского хозяйства и железнодорожного дела, а также выяснение возможности покупки в России шпал для мексиканских железных дорог». Мексиканский посланник в Берлине уже запросил для Кальеса и его спутников визы. «Визу я, конечно, дал».383 Крестинский собирался дать в честь Кальеса прием в советском полпредстве, чтобы мексиканский

президент почувствовал прекрасное отношение к нему Москвы.

Получив сообщение Крестинского, Чичерин, похоже, сначала даже не поверил в серьезность намерений Кальеса: в те годы в «большевистскую» Москву официальные лица такого уровня не ездили. «Правда ли, что он собирается в Москву? Развивать связи с этим полурабочим левым правительством очень полезно», - писал Чичерин Крестинскому 27 августа 1924 года.³⁸⁴

После письма Чичерина Крестинский немедленно посетил Кальеса в санатории в фешенебельном берлинском районе Груневальд, где тот лечился под наблюдением светил немецкой медицины, поскольку у него болела нога после осады Нако. Когда Крестинский официально пригласил Кальеса посетить СССР, тот ответил уклончиво: мол, 15 октября уже надо уезжать из Европы, перед этим необходимо побывать во Франции, а он еще не знает, когда окончится курс лечения.³⁸⁵ У Крестинского сложилось впечатление, что Кальес ждал более торжественного приглашения, например, официального письма «советского президента» Калинина. Однако полпред продолжал уговаривать: достаточно и десяти дней, чтобы поездом съездить из Берлина в Москву³⁸⁶ обратно, причем три дня можно спокойно провести в СССР. Предлагал Крестинский и такой маршрут: морем до Ленинграда, оттуда в Москву, обратно в Европу по железной дороге. Кальес заинтересовался и послал за картой, но Крестинский со своими сотрудниками, не дожидаясь карты, прямо на столе (беседа проходила в саду санатория) «наскоро начертили план поездки».³⁸⁷ В конце беседы Кальес сказал: «Я предпочитаю ехать железной дорогой. Если можно из Берлина в Париж через Москву проехать, потратив на дорогу и на осмотр России 15 дней и при этом не особенно устать, то я поеду к вам в гости».³⁸⁸ Советские представители заверили Кальеса, что это вполне возможно. Тот, среди прочего, выразил надежду, что со смертью Ленина в СССР ничего не изменилось.

Крестинский охарактеризовал Кальеса как человека с «большим характером, с крестьянским практическим умом». Это «организатор и вождь, хотя, по-видимому, сильно измотавшийся, конечно, несколько провинциальный».³⁸⁹ В своем письме Чичерину от 1 сентября 1924 года полпред настаивал, чтобы из Москвы Кальесу прислали официальное приглашение, а сам он хотел организовать для избранного мексиканского президента прием в полпредстве.

Чичерин ответил, что, по его мнению и с точки зрения этикета, приглашения за подписью самого Крестинского вполне достаточно.³⁹⁰ 7 сентября он написал докладную записку в политбюро ЦК и предлагал, с учетом ограниченных возможностей НКВД, придать приему в честь Кальеса общегосударственный характер. Нарком планировал образовать специальную комиссию по встрече Кальеса и поселить его в Большом Кремлевском дворце, «где когда-то помещался персидский шах».³⁹¹ Чичерин справедливо придавал визиту мексиканского президента большое значение - это был бы первый визит главы иностранного государства в СССР.

В целом в Москве отреагировали довольно оперативно, и 14 сентября 1924 года временный поверенный в делах СССР в Германии Бродовский вручил Кальесу официальное письменное приглашение посетить Советский Союз. Однако тот ответил, что лечение неожиданно затянулось еще на две недели, и он уже не успеет съездить в Россию. Бродовский в личной беседе пытался уговорить Кальеса, но тот редко менял уже принятые решения. В своем официальном ответе от 22 сентября Кальес с сожалением сообщал, что лечится в санатории до 2 октября и вряд ли успеет до своего отбытия в Мексику приехать в Москву. Так что избранный президент Мексики ограничился выражением «горячих симпатий» к стране, которую ему, к несчастью, «не доведется увидеть собственными глазами».³⁹²

20 сентября Кальеса в санатории посетил на пути в Мексику советский полпред Пестковский. Беседа длилась 45 минут и имела, по сообщению Пестковского, «очень дружественный характер». Полпред сказал, что мексиканцы, уже более ста лет борющиеся за свою независимость от мирового империализма, естественно, должны питать дружелюбные чувства по отношению к СССР, «стойкому борцу за независимость всех народов».³⁹³ Кальес ответил, что мексиканский народ в течение последних 10 лет борется революционным путем за далеко идущие социальные преобразования с целью освобождения рабочих и крестьян и, конечно, считает себя искренним другом СССР, завершившего рабоче-крестьянскую революцию. «Об этом, он, Кальес заявляет открыто перед всем миром».

Пестковский, основательно подготовившийся к беседе, выразил надежду, что вся Латинская Америка считает Мексику своим авангардом и поможет ей. Однако Кальес ответил, что не смотрит на этот вопрос столь

оптимистично: латиноамериканские страны управляются тиранами, «идущими на поводу у своих и иностранных капиталистов... Только после того, как революция сметет с лица земли эти правительства, тогда только может осуществиться этот союз против империализма».394

Но все же мысль Пестковского о Мексике как лидере революционной Латинской Америки, по всей видимости, глубоко проникла в сознание Кальеса. Уже в 1925 году мексиканское правительство послало оружие и добровольцев борющемуся с американской интервенцией народу Никарагуа.

Кальес еще раз подчеркнул, что с его точки зрения дипломатические отношения между Москвой и Мехико никогда не прерывались, поэтому все, что было ранее в собственности России (консульский архив царской миссии и т.д.), «немедленно» поступит в распоряжение советского полпредства.

Из Германии Кальес отбыл во Францию - Мекку всех мексиканских интеллектуалов еще со времен Хуареса. Кальес не забыл, как молодым учителем внедрял в далекой Соноре идеи французского Просвещения. Во Франции в то время у власти были радикальные социалисты во главе с премьером Эдуардом Эррио. Однако радикализм этой партии традиционно проявлялся только в жестком антиклерикализме, который копировали и мексиканские прогрессисты всех мастей, включая Кальеса.

На пути из Европы домой Кальес посетил США, где имел довольно теплую беседу с президентом Кулиджем. Тот, вице-президент в кабинете Гардинга, совершенно неожиданно для него самого унаследовал пост в Белом доме в августе 1923 года, когда скоропостижно скончался его предшественник (ходили слухи, что президента отравила жена, которой надоели любовные похождения супруга). Кулидж, который в детстве больше всего не любил встречаться с незнакомыми людьми и пожимать им руки, сохранил администрацию своего предшественника почти без изменений. Кальеса он ошибочно считал человеком Обрегона и надеялся, что тот будет твердо следовать духу и букве «соглашений Букарели» (и здесь Кулидж ошибался). Общественное мнение США в целом тоже поддерживало Кальеса, чему в немалой степени способствовало активное содействие «рабочему» президенту Мексики Американской федерации труда.

Пестковский позднее в своем отчете в Москву так описывал визит Кальеса в Америку: «В первое время Уолл-Стрит полагал, что Кальес является тем человеком, который им нужен: перед вступлением в должность он поехал на поклон в Вашингтон, обещал американскому капиталу всемерную поддержку, провозгласил «правительство закона и порядка», обещал платить проценты по займам...»395396

В США Кальес приобрел книгу прогрессивного американского писателя-социалиста Эптона Синклера «Выгоды религии», разоблачавшую связь церкви с капиталистическим угнетением. И, судя по его последующим высказываниям и действиям, прочитал эту книгу очень внимательно/5

Между тем на родине, в Мексике ситуация после подавления путча де ла Уэрты была еще далека от спокойствия. КРОМ во главе с Моронесом требовал от Обрегона беспощадного наказания предателей. В качестве повода для ответных репрессий Моронес использовал расстрел мятежниками прогрессивного губернатора Юкатана и друга Кальеса Каррильо Пуэрто. В свою очередь, похищение боевиками КРОМ трех сенаторов и убийство сенатора Филда Хурадо (Моронес туманно говорил, что тому отомстил народ) вызвало протест общественности. Обрегон направил Моронесу довольно резкое письмо с требованием не подрывать стабильность страны безответственными действиями. Правительство начало разоружение крестьянских и рабочих батальонов, сыгравших очень важную роль в разгроме мятежа генералов. Между Моронесом и Обрегоном наметилось охлаждение, и именно оно потом, по-видимому, стоило последнему жизни. Причиной для охлаждения были опасения Обрегона, что Моронес сам хочет стать президентом и считает Кальеса своей марионеткой.

Между тем осмелевшие после подавления мятежа профсоюзы всех мастей активно прибегали к забастовкам, чтобы добиться удовлетворения всех своих требований (подчас весьма экзотических - например, анархистская ВКТ требовала шестичасового рабочего дня при полном сохранении зарплаты). Позднее 1924 год назовут в Мексике «годом забастовок». Но большинство из них были абсолютно справедливыми - в условиях мирового экономического кризиса многие фабрики переходили на сокращенную неделю (например, в текстильной промышленности) или отправляли рабочих в вынужденные отпуска. В марте 1924 года текстильщики федерального столичного округа угрожали силой занять фабрики, если предприниматели не прекратят локауты. В независимых от КРОМ профсоюзах Мехико и Веракруса вообще были сильны позиции коммунистов, хотя они были вызваны столько активной работой партии, сколько популярностью отдельных профсоюзных

вожаков-коммунистов. Летом 1924 года после успеха текстильщиков столицы их примеру последовали рабочие текстильной промышленности других регионов.

С весны 1924 года шли забастовки на английских нефтяных компаниях района Тампико «Эль Агила» и «Уастека Петролеум Компани», которые поддерживал губернатор Веракруса Техеда, обвинявший англичан в сотрудничестве с мятежниками де ла Уэрты. Нормальная работа на нефтепромыслах не возобновилась до конца года, что еще больше подорвало и так плачевное состояние мексиканских финансов и поставило под угрозу обслуживание внешнего долга страны.

Интересно, что КРОМ использовал забастовку на «Эль Агиле» в своих интересах. «Империалистам» пришлось заплатить КРОМ за прекращение стачки 400 тысяч песо, которые в основном осели в карманах руководства профцентра. А компания «Ройял Датч Шелл» в феврале 1925 года уволила всех рабочих со своего нефтеперерабатывающего предприятия в Тампико и наняла на их место членов КРОМ. После этого проблем не возникало.

По официальным данным, всего в 1924 году произошло 125 забастовок, в которых участвовали 34 тысячи человек. Однако на самом деле забастовок было гораздо больше, просто не все из них признавались властями как законные (для организации стачки профсоюзам следовало соблюсти ряд формальных моментов, в том числе представить властям документацию о своих переговорах с предпринимателями).

Правительству Обрегона пришлось принимать меры для удовлетворения важнейших требований организованного рабочего движения, на которое его режим опирался ввиду ненадежности армии. 30 июля 1924 года Сенат, фактически выполнив одну из программных установок де ла Уэрты, принял постановление о введении единого трудового законодательства на федеральном уровне. Против этого не возражали и предприниматели, которые надеялись, что федеральный закон свяжет руки прогрессивным губернаторам штатов. 20 августа 1924 года Министерство промышленности, торговли и труда завершило разработку закона о компенсации за несчастные случаи на производстве и за последствия болезней профессионального характера. Закон предусматривал введение государственных норм техники безопасности и бесплатного медицинского обслуживания на производстве. Верховный суд Мексики принял постановление, по которому решения государственного арбитража трудовых конфликтов признавались окончательными и их обжалование или приостановление судами общей юрисдикции (т.н. ампаро) не допускалось.

Избрание Кальеса президентом лабористы Моронеса восприняли как собственную победу, организовав в Мехико массовую демонстрацию. На первый взгляд, для такой точки зрения были все основания. Если Обрегон баллотировался в 1920 году как кандидат либеральных конституционалистов (и Лабористская партия была создана специально для его поддержки), то Кальес считал себя официальным кандидатом лабористов. Ходили упорные слухи, что, как и Обрегон четырьмя годами раньше, Кальес заключил с Моронесом секретное соглашение о компенсации за поддержку. Однако и Моронес, и Кальес это решительно опровергали.

Тем не менее Кальес сделал то, чего так и не сделал Обрегон, - назначил Моронеса министром промышленности, торговли и труда. Советский полпред Пестковский совершенно справедливо отмечал, что само сведение в одном министерстве департаментов, отвечавших за положение рабочих (труда) и капитала (промышленности), ясно говорит о политической линии правительства - примирении рабочих и капиталистов.³⁹⁸

Как уже говорилось, в важнейших посольствах Мексики за рубежом, в том числе и в Москве, были учреждены посты «рабочих атташе», которые заняли представители КРОМ. Позднее мы увидим, что рабочий атташе КРОМ в Москве Эулалио Мартинес едва не стал поводом для разрыва едва установившихся советско-мексиканских дипломатических отношений.

Моронес полагал, что новый президент во всем будет следовать линии КРОМ, но на самом деле все получилось как раз наоборот. Моронесу как члену кабинета министров пришлось призвать профсоюзы прекратить забастовочную борьбу против «своего правительства». Советское полпредство отмечало: «Характерно отношение Моронеса и других лидеров этого движения к рабочим забастовкам. Они за всякую цену стремятся не допускать забастовок в американских предприятиях. Если угрожает такая забастовка, они пытаются подкупить ее вожаков, а в случае неудачи объявляют забастовку «нелегальной» и подавляют ее правительственными силами»³⁹⁹.

Моронес объяснял такую осторожную линию в отношении американского капитала опасениями, что активная

борьба пролетариата может вызвать военную интервенцию США. При этом отсутствие реальной классовой борьбы КРОМ подменял трескучими фразами о социализме и национализме на различных митингах, которые, естественно, созывались по согласованию с правительством. Однако масса членов КРОМ была настроена гораздо радикальнее своих вождей. «Вообще большинство мексиканских рабочих готово считать себя большевиками», - отмечал Пестковский.⁴⁰⁰ «Вообще в Мексике не признавать себя революционером - вещь постыдная». Естественно, это были только интуитивные ощущения: представления о научном социализме у мексиканских рабочих масс отсутствовали практически полностью.

Революционность мексиканского рабочего класса объяснялась отнюдь не агитацией Коминтерна или советского полпредства - просто мексиканские рабочие 20-х годов в массе своей жили очень плохо и были этим недовольны. По официальной статистике 1924 года, в Мексике насчитывалось 262 511 рабочих, что означало резкое сокращение рядов рабочего класса за время революции. 75 829 человек трудились в горнодобывающей промышленности, 56 564 - на транспорте, 51 443 - в текстильной отрасли, 34 344 - в пищевой. Нефтяников было 6085 человек, металлистов - 4626. Помимо рабочих в Мексике было 59 923 служащих, в том числе 38 212 госслужащих. В официальную статистику не входила традиционно многочисленная в Мексике домашняя прислуга - до 250 тысяч человек. И, хотя статистика не причисляла к рабочим тружеников сельского хозяйства, подавляющая масса пролетариев - не менее миллиона человек - работали на селе.

Зарплата мексиканских рабочих сильно разнилась в зависимости от отрасли экономики. Еще одной проблемой было то, что мексиканские рабочие, как правило, получали в разы меньше, чем их иностранные, в основном американские, коллеги.

СРЕДНЯЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА РАБОЧЕГО (ПЕСО В ДЕНЬ, 1924 ГОД)

Мексиканец Иностранец

Пишевики 2,05 5,48

Наука и искусство 3,67

8,56 Мексиканец Иностранец Строители 1,996,59 Металлисты 2,917,34 Деревообработка 2,44 Нефтяники 5,44 10,08 Текстильщики 2,383,69 Транспортники 3,78 10,80

Пестковский, который приводил эти данные в отчете в Москву, отмечал, что один песо примерно равен одному советскому рублю.⁴⁰¹ «Как живет мексиканский рабочий?» - задавал вопрос советский полпред. Ответ выглядел следующим образом: «Обычная пища рабочего: жареная фасоль в холодном виде, оладьи из кукурузной муки (тоже в холодном виде), немного мяса, очень мало хлеба⁴⁰² и немного бананов». Пестковский писал в Москву: «Мексиканец умеет жить впроголодь, и в этом отношении он очень приближается к китайскому кули».

«Но еще страшнее для мексиканского рабочего вопрос о квартире и одежде. Квартирная плата в мексиканских городах чрезвычайно высока».⁴⁰³ Квартира из двух крошечных комнат и кухни в рабочем районе стоила от 30 до 40 песо в месяц, одна «комнатка» на пятом этаже (верхний этаж, где квартиры были самыми дешевыми) с окнами во двор - 8-10 песо в месяц, комната без окон или с окнами в коридор - 2-5 песо. Отнюдь не коммунистическая пропаганда, а дороговизна вызвала к жизни, по выражению Пестковского, движение «революционных квартиросъемщиков», которые объединялись и не платили за квартиру. Кроме того, советский полпред писал: «Нужно еще отметить, что в каждом мексиканском городе имеется значительное количество бедняцких семейств, не имеющих никакой квартиры и живущих целыми семействами на улицах... Не менее страшен вопрос об одежде. Большинство материалов ввозится из Соединенных Штатов и облагается пошлинами. Поэтому платье здесь чрезвычайно дорого. Большинство рабочих и их детей одеты постоянно (даже по праздникам) в рабочий костюм (брюки вместе с кафтаном из дешевой бумажной материи). Дети рабочих по большей части ходят круглый год босиком и без головного убора».⁴⁰⁴

Советский полпред проявил солидарность с рабочими оригинальным образом. На первый официальный прием полпредства в 1925 году по случаю годовщины свержения самодержавия он, к изумлению газетчиков, пригласил гостей не в смокингах и фраках, а в «уличной», то есть обычной одежде. Потом Пестковский не без удовлетворения писал в Москву, что изящно одетые дипломаты (на прием не пришли только итальянский посол из-за болезни и немецкий по случаю траура - в Германии умер президент Эберт) и чиновники (были министр иностранных дел Аарон Саенс и жена министра финансов Пани) чувствовали себя неловко рядом с «оборванными коммунистами».⁴⁰⁵

Новый министр труда Моронес предлагал пролетариату отказаться от собственных классовых целей: власть уже завоевана мирным путем, и теперь следует сосредоточиться на задачах экономического развития страны и поддерживать на этом пути национальный капитал. Иностранцы заметили, что на первомайской демонстрации 1925 года КРОМ отказался от всех былых революционных лозунгов и плакаты официального профцентра призывали рабочих покупать только национальные товары.

Среди иностранных наблюдателей мексиканского Первомая 1925 года был и советский полпред. Формально праздник при Кальесе стал общегосударственным: были закрыты все фабрики и учреждения, прекращено движение трамваев в Мехико. Рабочую демонстрацию принимал, выйдя на балкон Национального дворца, сам президент. Вечером состоялся «громкий», как выразился Пестковский, митинг на арене для боя быков, на котором присутствовали около 20 тысяч человек. Советский полпред пришел на митинг без приглашения⁴⁰⁶ и оказался там единственным представителем дипломатического корпуса.⁴⁰⁷ Сначала выступал лидер лаборатористов Рикардо Тревиньо - публика аплодировала, когда он говорил о капиталистической эксплуатации, и осмистала оратора, когда тот свернул на необходимость сотрудничества труда и капитала. Выступавший за Тревиньо Моронес был, по оценке Пестковского, более умелым оратором: он предостерегал против «забастовочной анархии» и предлагал постепенное улучшение условий труда. Не удержался Моронес и от антикоммунистической риторики: «Мы закроем границы перед теми, кто стремится создать раскол в нашем рабочем движении и работает против Мексиканской рабочей конфедерации»⁴⁰⁸ (то есть КРОМ).

Лидер же КРОМ по-прежнему наслаждался всеми прелестями государственного поста - он любил бриллианты, дорогие автомашины, красивых женщин и роскошные вечеринки в своем похожем на дворец доме. «Сам Моронес принадлежит к числу людей, разбогатевших на мексиканской революции, и является ловким политическим спекулянт», - так характеризовал его Пестковский в донесении в Москву.⁴⁰⁹

Ряды КРОМ при Кальесе еще больше выросли. Правда, цифры к тому же изрядно завышались. Даже официально значившееся в документах число 1,5 миллиона человек не имело ничего общего с действительностью; а в 1926 году КРОМ вообще объявил о двухмиллионном членстве. Из-за своей соглашательской позиции КРОМ не имел никакого влияния на самых сознательных и хорошо организованных рабочих Мексики - железнодорожников и нефтяников. Сильно ослабили его позиции и среди текстильщиков, которые на момент основания КРОМ были главной социальной базой профцентра. Среди членов КРОМ преобладали рабочие госпредприятий (типографий и арсенала), госслужащие, портовые рабочие Веракруса и Юкатана, работники театров, официанты, тореадоры, уличные торговцы, глашатаи. В КРОМ состоял даже союз проституток Мехико. 60% членов были сельскохозяйственными рабочими, за которых велась борьба с аграристами. Формально на 1926 год в КРОМ входили 75 федераций и 1000 синдикатов. Однако во всех мексиканских профсоюзах членство было формальным, а взносы, если они вообще платились, собирались крайне нерегулярно.

Многие профсоюзы вступали в КРОМ потому, что при Кальесе только его забастовки признавались законными. При таком раскладе в более чем 90% случаев государственные арбитры принимали решения в пользу рабочих. Были утверждены к тому же законодательные нормы, по которым на предприятиях фактически запрещалось существование «профсоюзов меньшинства», то есть независимых организаций, не входящих в КРОМ. В таких случаях вести переговоры с предпринимателями имел право только «профсоюз большинства».

КРОМ по-прежнему занимал ярую антикоммунистическую позицию, в то время как его «рабочий атташе» в Москве Мартинес якобы вел переговоры о присоединении КРОМ к Профинтерну. Моронес считал коммунистическую идеологию чуждой мексиканскому национальному характеру и подчеркивал, что мексиканский пролетариат получит от «рабочего» правительства Кальеса гораздо больше социальных благ, чем русские с их кровавыми революциями. «Комитет действия» КРОМ (никакой внутренней демократии в этом профсоюзе не было) указал на необходимость выявления и исключения всех членов компартии. Пестковский писал в Москву: «В репрессиях против коммунистов активное участие принимают лаборатористы, выбрасывая коммунистов из союзов и лишая их заработка».⁴¹⁰

Именно верхушка КРОМ в лице Моронеса и Тревиньо всячески подталкивала Кальеса к разрыву отношений с СССР. И причиной тому была отнюдь не «большевистская пропаганда» советского полпредства (при его мизерных штатах и бедственном финансовом положении говорить об этом просто смешно).⁴¹¹ С 1925 года наблюдались резкое падение авторитета КРОМ и рост влияния коммунистов на профсоюзное движение.

Конечно, Моронесу было легче списать отсутствие авторитета в массах на происки Кремля. Пестковский прекрасно это понимал: «Дальнейшие уступки американскому капиталу уменьшают влияние лабористов, усиливая коммунистов и независимых».412

При этом сам Пестковский старался максимально наладить отношения с КРОМ, понимая, что рядовые массы членов этой конфедерации не разделяют дремучего антисоветизма верхушки. 10 мая 1925 года полпреда посетил советник Моронеса поляк Йозеф Ретингер.413Его Пестковский совершенно справедливо определил в отчете в Москву как «тип политического авантюриста».414Ретингер сообщил, что Моронес якобы очень обижен, что его в 1922 году не пустили в СССР. (Мы помним, что на самом деле лидеру КРОМ в обычном порядке выдали визовые анкеты и больше он в советском полпредстве в Берлине не появлялся.) Кроме того, по словам Ретингера, Моронес был убежден, что целью советского полпредства является «разрушение» КРОМ, тем не менее очень дружелюбно настроен по отношению к СССР и готов установить отношения с советскими профсоюзами. Пестковский немедленно согласился с идеей отправить в СССР делегацию КРОМ. И здесь Ретингер открыл главную цель своего визита. От имени Моронеса он попросил Пестковского дать «директиву» Коммунистической партии Мексики, чтобы она прекратила в своих изданиях «нападки» на Моронеса и Кальеса.415

Советский полпред сразу почувствовал ловушку: если бы он дал согласие, то у Моронеса было бы железное и желанное доказательство, что мексиканская компартия является марионеткой Кремля. Поэтому Пестковский ответил, что представляет советское правительство, а не Коминтерн, «и поэтому никаких директив здешней компартии давать» не может.416Ретингер не унимался и предложил организовать встречу Пестковского и Моронеса, чтобы установить «более дружественную личную связь». Похоже, он думал, что собеседник откажется, чем даст Моронесу возможность привести Кальесу лишнее доказательство враждебности советского полпреда к КРОМ. Но Пестковский поймал Ретингера на слове и предложил, чтобы Моронес зашел к нему или встретился с ним в нейтральном месте.

15мая Ретингер по телефону сказал заместителю Пестковского Хайкису, что Моронес согласен на встречу. Лидера КРОМ пригласили явиться в полпредство в час того же дня. Но пришел опять один Ретингер, заявивший, что Хайкис неправильно понял: речь шла только об его визите. Ретингер пригласил Пестковского в министерство Моронеса. Видимо, лидер КРОМ, несмотря на свои заверения в дружбе к СССР, все же не желал появляться в советском полпредстве. Пестковский идти на поклон к Моронесу отказался. ТогдаРетингер сообщил о предстоящей высылке из Мексики иностранных (прежде всего американских) коммунистов, в частности, Бертрама Вольфа.417

Теперь стала ясна вся комбинация крайне самолюбивого и тщеславного Моронеса: советский полпред приходит к нему в министерство, а на следующий день из страны высылают видных коммунистов. Таким образом, лидер КРОМ ясно показывает мексиканским коммунистам: Пестковский и СССР в целом — «бумажные тигры» и никак не помогут своим собратьям по идеологии в трудную минуту.

Весьма интересен с точки зрения взаимоотношений Моронеса и СССР визит в Мексику в мае-июне 1925 года делегации бакинских рабочих-нефтяников. Щеголявший своей доступностью «рабочий министр» немедленно пригласил русских пролетариев к себе в министерство. Один из гостей, Мордовий спросил: «Мы очень рады, товарищ министр, что здесь существует правительство, именующееся рабочим. Но мы все-таки видим, что банки и другие предприятия все еще в руках капиталистов. Какие у вас планы насчет этого?» «В ответ на это, - писал Пестковский, - Моронес разразился длинной декларацией в том духе, что мексиканские рабочие по своему чувству являются крайними революционерами, жаждут отнять все у капиталистов и совершить социальную революцию, но рассудок должен господствовать над чувством. А рассудок говорит нам, что в тех условиях, в которых сейчас находится Мексика, этого еще сделать нельзя. Но мы помним нашу конечную цель и постпенно к ней приближаемся. Затем Моронес изливал свои чувства по отношению к СССР, заявляя, что он и его организация считают Советскую Россию конструктивным элементом не только у себя дома, но и в других странах»418.

Не лишним будет вновь процитировать роман Гусмана «Тень каудильо», где Моронес выведен под именем Рикальдо, ибо это описание ясно показывает, с каким человеком приходилось иметь дело советскому полпреду. «Рикальдо был человек умный, но неприятный и чрезвычайно уродливый. Асимметричные глаза глядели тускло; голова как бы непрерывно подвергалась насильственному сжатию с двух сторон: на черепе была сбоку

вмятина, и наискосок, соответственно ей, выпирал искривленный подбородок, образуя огромную мясистую складку; вялые, почти параличические веки усугубляли уродство лица. Не менее уродливо было и крупное, массивное тело, также все перекошенное».419 За Моронесом закрепилась кличка Муссолини, в том числе и за внешнее сходство с итальянским дуче. Сменившая Пестковского на посту полпреда Коллонтай называла Моронеса в донесениях в Москву человеком «с душком фашизма».

Реальным противовесом КРОМ в рабочем движении Мексики в 1925-1926 годах оставалась анархо-синдикалистская ВКТ, которая по-прежнему активно критиковала любое правительство Мексики как «реакционное» и отказывалась от участия рабочих в политике. ВКТ часто проводила забастовки ради забастовок, чем давала повод правительству упрекать все рабочее движение в экстремизме. Анархо-синдикалисты были еще более рьяными антикоммунистами, чем КРОМ, и обвиняли СССР в предательстве идеалов мировой революции и преследовании их собратьев-анархистов в Советском Союзе.

Правда, при этом большинство членов ВКТ искренне считали себя коммунистами и очень тепло относились к СССР. Некоторые отраслевые профсоюзы ВКТ даже возглавляли члены компартии.

В 1922-1926 годах ВКТ находилась на пике своего влияния, что объяснялось только непопулярным среди рабочих соглашательством КРОМ. В 1926 году профцентр насчитывал 108 синдикатов, 73 союза, 13 групп, 9 федераций и 4 аграрных сообщества. В наметившемся конфликте КРОМ с аграристами (кромовцы сами хотели организовывать сельскохозяйственных рабочих) анархисты на своем 4-м съезде 4-10 мая 1925 года поддержали последних. 5-й съезд ВКТ в июле 1925 года также уделил основное внимание аграрным проблемам. Пестковский совершенно правильно сообщал в Москву, что анархисты «благодаря казенщине официальных рабочих организаций» пользуются известным влиянием в нескольких профсоюзах (деревообделочников, текстильщиков, портовиков). «Лидеры этого движения совершенно испорчены. Своим влиянием на рабочих они пользуются для политической карьеры и занимают правительственные посты. Они очень часто избегают конфликтов с правительством».420 «Лидеры по существу ничем не отличаются от лабористов и являются такими же платными агентами правительства... ярыми противниками коммунистов и советской власти».421

ВКТ и КРОМ находились в состоянии перманентной борьбы, где с обеих сторон использовались не только мирные средства. Правда, прибегал к ним все же в основном КРОМ. Когда в 1925 году кромисты попытались ликвидировать входивший в ВКТ профсоюз текстильщиков в пригороде Мехико Сан-Анхель-Контрерас, дело дошло до уличных сражений с убитыми и ранеными. На стороне КРОМ оказались предприниматели, объявившие локаут, и полиция, силой подавлявшая забастовку ВКТ.422 Во время празднования 1 мая 1925 года снайпер убил активистку КРОМ, и кромисты немедленно обвинили в убийстве анархистов. В свою очередь, Моронес имел в Мексике характерное прозвище Матон («mat?n» по-испански означает «головорез»). Пестковский сообщал в Москву: «Вообще убийства и похищения остались еще до сих пор одним из главных и самых распространенных средств политической борьбы в Мексике».423

Третьей обособленной группой мексиканского рабочего движения был ряд независимых сильных профсоюзов, прежде всего самый массовый отраслевой профсоюз Мексики, насчитывавший примерно 50 тысяч членов, - железнодорожники. Независимыми (не входившими ни в КРОМ, ни в ВКТ) являлись также профсоюзы нефтяников и деревообделочников. Пестковский писал: «...в среде этих союзов в последнее время отмечено усиление коммунистического влияния и не исключена возможность перехода в ближайшем будущем этих союзов под руководство коммунистов. В последнее время делаются попытки объединить все независимые союзы в одну конфедерацию для противовеса КРОМ».424

Профсоюз железнодорожников вызывал особую ненависть КРОМ и Кальеса. Технократ Кальес видел причину убыточности железных дорог в раздутых штатах и высоком жалованьи железнодорожников.425 Поэтому он хотел резко сократить штат государственных мексиканских железных дорог и урезать зарплату оставшимся работникам. Отраслевой профсоюз был против - не помогло даже образование в 1925 году под эгидой КРОМ мгновенно признанного государством альтернативного профсоюза железнодорожников (Federaci?n Nacional de Ferrocarrileros). Подавляющее большинство рабочих и служащих остались в независимом профцентре (Confederaci?n de Sociedades des Ferrocarrileros). Пестковский писал в 1925 году в Москву: «Следует отметить назревший сейчас конфликт между железнодорожниками и правительством. Ввиду убыточности железных дорог правительство предложило сократить жалованье железнодорожникам (они оплачиваются лучше других категорий мексиканских рабочих) и сократить штаты. В противном случае

правительство угрожает денационализацией⁴²⁶ дорог с возвращением их прежним акционерам. Союз соглашается на сокращение жалованья, но воспротивляется сокращению штатов и денационализации». ⁴²⁷

В отчете в Москву летом 1925 года Пестковский говорил: «В данный момент правительство идет на уничтожение железнодорожного союза. Пользуясь тем, что железные дороги национализированы, оно объявило железнодорожников государственными служащими и взяло с них присягу «на верность правительству». Затем решило рассчитать в «целях экономии» около 20% рабочих и служащих. Лидеры железнодорожного союза до сих пор торгуются с правительством об отмене этого распоряжения, а массы железнодорожников готовятся к всеобщей забастовке». ⁴²⁸

Союз железнодорожников, вероятно, вступил бы в компартию Мексики, но она в организационном отношении значительно уступала ему самому. Советский полпред отмечал: «Коммунистическая партия обладает весьма слабой организацией... имеет свои отделения почти во всех крупных промышленных центрах, но численный состав их весьма низок (средняя численность отделений - от 20 до 50 членов). Следуя общей мексиканской практике, члены Партии не платят регулярных взносов». ⁴²⁹ Пестковский верно уловил суть дела - по образцу США все мексиканские партии того времени представляли собой предвыборные политические клубы, которые активизировались только во время выборов для продвижения своего кандидата на какой-либо пост в Мехико или своем штате. В обмен «активисты» партий ждали лакомого государственного поста. Ясно, что коммунисты в эту политическую традицию Мексики не вписывались, поэтому и численность партии была небольшой.

«Преимуществом коммунистического движения является то обстоятельство, что оно имеет постоянный печатный орган («Эль Мачете», еженедельник, распространяющийся в количестве около 6000 экземпляров). Финансовое положение этого органа печальное, так как на практике подписка не существует, а распространяется орган членами партии путем ручной продажи. Основной слабостью Коммунистической партии является отсутствие сплоченного ядра сознательных и последовательных коммунистов. Вся работа в центре держится на нескольких преданных товарищах». ⁴³⁰

Компартия была, пожалуй, более популярна среди крестьян и интеллигенции, чем среди задвленных и запуганных КРОМ рабочих. Благодаря [Картинка: image42.jpg] Мексиканский художник-коммунист Диего Ривера

настоячивости мексиканского художника-муралиста Давида Альфаро Сикейроса (в годы революции дослужившегося до полковника при штабе генерала-каррансиста и бывшего рабочего Мануэля Дьегеса) и при поддержке другого великого мастера национальной мексиканской живописи Диего Риверы был создан своего рода профсоюз деятелей искусства - Синдикат революционных живописцев, скульпторов и технических работников ⁴³¹. Эмблемой его были серп и молот. Сикейрос часто ставил эту эмблему вместо фамилий художников на монументальных фресках участников синдиката в Мехико. В манифесте союза, учредительное собрание которого без всякого содействия Коминтерна или Москвы прошло на квартире Диего Риверы, говорилось: «Мы на стороне тех, кто требует уничтожения старого жестокого строя, при котором ты, крестьянин, производишь продукты, попадающие в брюхо надсмотрщиков и политиканов, а сам умираешь с голоду; при котором ты, рабочий, приводишь в движение фабрики, пускаешь в ход станки и создаешь своими руками комфорт для сутенеров и проституток, а сам валяешься на земле и мерзнешь; при котором ты, солдат-индеец, героически расстаешься с землей, на которой ты работаешь и которая дает тебе жизнь, и уходишь бороться за то, чтобы уничтожить нищету, веками давившую твой народ...» ⁴³²

Именно революционные художники передали в распоряжение компартии свой орган «Эль Мачете», а заодно и сами вступили в ряды партии. Диего Ривера, ставший коммунистом в ноябре 1922 года, получил членский билет за номером 992.

Сама мексиканская компартия находилась на идеологическом перепутье и не всегда умела правильно сориентироваться в сложной внутривнутриполитической обстановке в стране. Коммунистов в Мексике было немного (по разным данным, от 250 до 500 человек), но их авторитет среди независимых профсоюзов, особенно среди железнодорожников и нефтяников, и крестьянских лиг был очень высок, во многом благодаря идеологическому влиянию советского примера на мексиканских рабочих и крестьян.

Только в мае 1923 года на своем втором съезде компартия решила прекратить одобренный ей ранее лозунг бойкота выборов во все органы власти. ⁴³³ После провала мятежа де ла Уэрты коммунисты прекратили

критиковать правительство Обрегона как реакционное. Тем более что в ноябре 1923 года из Москвы вернулся генеральный секретарь компартии Каррильо, который привез руководящее послание Коминтерна. В нем правительство Обрегона абсолютно точно квалифицировалось как мелкобуржуазное, и коммунистам предлагалось сотрудничать с ним в целях совместной борьбы против реакции, латифундистов и американского диктата.

Кальеса Коминтерн характеризовал как националистически ориентированного реформиста, который в принципе готов идти на большие уступки трудящимся, чем прагматик Обрегон. Однако вывод из этой оценки был довольно странным и не совсем верным: правительство Кальеса своей деятельностью раскроет массам всю утопичность реформизма (это в какой-то мере произошло), а тогда уже можно будет установить в Мексике настоящее рабоче-крестьянское правительство.⁴³⁴ Каким образом это могла сделать малочисленная компартия, не уточнялось. Предполагалось, что своей активной работой коммунисты добьются отставки продажного руководства КРОМ, однако в условиях тотального диктата в организации группы Моронеса, опиравшейся на всю мощь госаппарата, это было невозможно.

Кальес был талантливым демагогом и со своей революционной фразеологией часто оказывался на словах еще левее коммунистов. Поэтому компартия никак не могла определиться в своей позиции по отношению к новому главе государства (его правительство определяли как «желтое», «полу-социалистическое»). Компартия не верила обещаниям Кальеса построить в Мексике социализм, и коммунисты отправили Кальесу открытое письмо с изложением своих основных требований, в случае удовлетворения которых они были готовы поддержать нового президента. Кальес ответил, что «в принципе» разделяет программу компартии. Поэтому на выборах 1924 года коммунисты призвали своих сторонников голосовать за Кальеса.

В апреле 1924 года Каррильо стал лидером партии, а в марте коммунисты наконец-то обзавелись собственным печатным органом - упоминавшейся выше газетой «Эль Мачете». Общий подъем левого движения в стране в 1924 году привел к вступлению в ряды компартии одного из авторов мексиканской Конституции 1917 года - сенатора Луиса Монсона. В законодательное собрание штата Веракрус был избран лидер железнодорожников штата коммунист Морено, а членом муниципалитета нефтяной столицы страны Тампико стал активный деятель профсоюза нефтяников коммунист Туррубьятес. Таким образом, коммунисты стали постепенно набирать позиции и во властных структурах Мексики.

Раздробленность мексиканского рабочего движения, причем не только идеологическая, но и организационная - даже близкие по идеологии политические группы зачастую состояли в разных организациях, прекрасно осознавалась многими пролетариями как основная причина того странного обстоятельства, что массовые рабочие союзы зависят от благосклонности властей.

Эта раздробленность отражалась и на отношении рабочих организаций к СССР. 5 июня 1925 года Пестковский устроил в полпредстве «рабочий прием», на который были приглашены представители всех крупных профсоюзов Мексики. Однако ни анархисты, ни лабористы не пришли. Явились только представители железнодорожников, деревообделочников, булочников и электротехников - все это были независимые профсоюзы. Представитель железнодорожников отметил в своей речи, что рабочие СССР достигли таких успехов благодаря единству русского рабочего класса. Здесь же, в Мексике, между рабочими идет братоубийственная борьба, которую разжигает правительство. С ответным словом выступил приехавший вместе с бакинскими нефтяниками Грузенберг (Бородин). Он «успокоил» мексиканцев - везде, даже в России, рабочее движение первоначально было расколото, но потом все смогли найти точки соприкосновения друг с другом. Бородин сказал: «Как бы представители тех организаций, которые опоздали на сегодняшний прием, не опоздали бы и на социальную революцию». Он заверил собравшихся, что эта революция непременно победит и в Мексике.⁴³⁵

Несмотря на всю важность рабочего движения, советский полпред Пестковский абсолютно верно писал в Москву, что «основной силой мексиканской революции являлось и является крестьянство».⁴³⁶ «Аграрнокрестьянское движение имеет в настоящее время большее значение для Мексики, чем рабочее».⁴³⁷⁴³⁸

Ведь именно требование аграрной реформы стало основным социальным требованием мексиканской революции, которая начиналась под чисто политическим лозунгом отмены переизбрания президента на второй срок. Все президенты революционной поры были вынуждены апеллировать к крестьянству, составлявшему

подавляющее большинство всевозможных революционных армий. Крестьянам и батракам обещали землю, но, как писал Пестковский в Москву, «роковым образом это обещание не исполнялось»^{7°} Крестьяне-батраки могли только мечтать о зарплате железнодорожника или трамвайщика: они редко получали больше одного песо в день. Пестковский писал: «...главная масса крестьян(индейцев) является по существу батраками. Только в отдаленных горных районах, где индейцы не пустили к себе колонизаторов, нет помещиков».⁴³⁹

Советский полпред насчитывал в крестьянском движении Мексики четыре течения.

1.Официальная крестьянская партия, то есть аграристы во главе с бывшим секретарем Сапаты (при Обрегоне ставшем «генералом») Сото-и-Гамой.⁴⁴⁰Он ненавидел СССР, а Пестковский за глаза называл его «революционным фразером». Верхушка партии состояла из городских интеллигентов, никогда не работавших на земле. «Ее тактикой было сажать своих ставленников на различные государственные должности и таким образом проводить свое влияние».⁴⁴¹Аграристы при Кальесе находились на вторых ролях после лабористов, но продолжали контролировать местные аграрные комиссии. Многие члены аграристской партии были хорошо вооружены со

времен мятежа де ла Уэрты. Аграристы поддерживали правительственную программу аграрной реформы.

Аграристы и лабористы враждовали, поскольку вели возглавляемую их лидерами Сото-и-Гамой и Моронесом борьбу за место «любимой» партии власти. При Обрегоне в фаворевыли аграристы, при Кальесе - лабористы. После подавления мятежа де ла Уэрты 6 июля 1924 года лабористы и аграристы создали в палате депутатов проправительственный «легалистско-революционный блок».⁴⁴²Задачей его было блокировать деятельность в Конгрессе оппозиционного правительству «конфедеративного блока» (Пестковский называл его «революционным»). В «конфедеративный блок» вошли 47 в основном региональных партий и групп, заявивших, что они в целом за революцию, но против лабористов. К конфедератам примыкали железнодорожники и некоторые коммунистические группы. «Ясно, что этот блок представляет из себя оппозицию», - докладывал в Москву Пестковский.⁴⁴³

При Кальесе Моронес пришел к выводу, что КРОМ при опоре на правительственный аппарат вполне может самостоятельно заняться организацией крестьянских масс, и партии-конкуренту, то есть аграристам, следует потесниться. Тем более что попытки КРОМ в честной конкуренции опередить аграристов на селе окончились полным провалом.⁴⁴⁴В апреле 1925 года на съезде крестьян штата Сакатекас Моронес, к изумлению аграристов, призвал крестьян выходить из аграристской партии и присоединяться к КРОМ, чтобы «установить единство сельского и городского пролетариата». Затем люди Моронеса побудили лидера крестьян штата Дуранго вывести свою организацию из партии аграристов. В Морелосе были убиты два члена аграристской партии, приехавшие в качестве правительственных чиновников распределять землю. В убийстве подозревали боевиковКРОМ, так как до этого кромисты призывали и крестьян Морелоса выйти из аграристской партии.

«И вот наступил разрыв⁴⁴⁵, - писал Пестковский, - лабористы вышли безусловными победителями. Банкротство аграристов стало очевидным». Аграристы апеллировали к Кальесу (а не к крестьянам, как отмечал Пестковский), чтобы тот побудил лабористов восстановить блок с аграристами. Но президент был явно на стороне КРОМ, а министр внутренних дел Валенсуэла объявил о разоружении местных организаций аграристов.

Генеральный секретарь аграристской партии Родриго Гомес попытался протестовать: ведь Кальес является продолжателем политики Обрегона, а именно Обрегон вооружила аграристов. Валенсуэла ответил, что разоружение не является всеобщим, а будет проводиться лишь в тех случаях, когда отряды аграристов допускают незаконное насилие. Однако армейские части на местах стали повально разоружать аграристов на том основании, что те якобы скрывают у себя оружие, принадлежащее армии. Лидерам аграристской партии пришлось издать директиву местным организациям о мирной сдаче оружия армейским частям, хотя те же партийные лидеры публично заявили, что разоружение является нарушением права крестьян на самозащиту от помещиков. Уже в 1926 году КРОМ хвалился, что имеет на селе 1500 организаций.⁴⁴⁶Пестковский писал в середине 1925 года в Москву: «Сейчас песенку аграрной партии можно считать спетой».⁴⁴⁷Здесь полпред несколько поторопился с оценкой - через три года аграристы, опираясь на Обрегона, нанесут КРОМ смертельный удар.

2.Коммунистическое крестьянское движение, примыкающее к Крестьянскому интернационалу (впрочем, это не значило, что у крестьян Мексики были плотные связи с Крестьянским интернационалом, - просто они

заявляли, что разделяют его принципы и цели). Коммунисты контролировали крестьянские лиги двух штатов - Веракрус и Мичоакан. В отличие от аграристов, они требовали изъятия помещичьих земель без всякого выкупа, бесплатного распределения всех свободных земель и организации за государственный счет системы ирригации этих земель. Кроме того, левые аграрии требовали создания системы широкого государственного кредита в денежной и натуральной форме (семенами, техникой и т.д.) для поддержки кооперации на селе. Формально правительство Кальеса поддерживало и эту часть крестьянского движения, тем более что другого выбора не было - аграристы Веракруса и Мичоакана пользовались поддержкой местных губернаторов и были вооружены не хуже армии. Лидером левых крестьянских организаций был самый популярный коммунист Мексики, правда, коммунист скорее по самоощущению, чем по идеологии. Пестковский говорил о нем: «...человек сильной воли и большой энергии... оформленным коммунистом назвать его нельзя, но состоит членом местной Коммунистической партии».448Звали этого политика Урсуло Гальван.449 15-20ноября 1926 года под его руководством левые крестьянские лиги ряда штатов в присутствии членов правительства создали Национальную крестьянскую лигу, лидером которой и стал Гальван. В съезде участвовали 158 делегатов, представлявших 310 тысяч членов левых крестьянских лиг из 15 штатов и столичного федерального округа. Съезд избрал своим девизом лозунг Сапаты «Земля и воля». В исполком Лиги вошел художник Диего Ривера. Лига выступила за социализацию земли и основных средств производства и провозгласила своей целью объединение крестьянского движения Мексики с международным пролетарским движением, то есть Коминтерном для ликвидации капиталистической системы.

3. Помимо официального (аграристского) и левого было еще и независимое крестьянское движение. Пестковский причислял к нему местные крестьянские лиги, которые разочаровались в официальном аграризме, но еще не оформились в самостоятельную общенациональную организацию. Эти лиги также тяготели к коммунистам.

4. Наконец, советский полпред выделял еще «анархо-бандитское движение, напоминающее наш крестьянский бандитизм времен Махно и Антонова. Представляет из себя массу вооруженных банд, нападающих на помещиков, поезда и т.д. По официальной правительственной статистике участников этих банд около 2000. При дальнейшем медленном ходе аграрной реформы деятельность этих банд будет усиливаться».450

После подавления мятежа де ла Уэрты Обрегон, а позднее и новый президент Кальес пытались разоружить местные крестьянские лиги, получившие оружие для борьбы с мятежниками и сыгравшие ключевую роль в подавлении восстания. Пестковский сообщал в Москву, что «в последнее время крестьяне сильно взбудоражены вопросом об их разоружении. Этот вопрос возник еще при Обрегоне под давлением иностранных государств (США и Англии). Они жаловались, что вооруженные банды захватывают земли граждан этих стран». Конечно, ни Обрегон, ни Кальес не хотели без нужды ссориться с многотысячными хорошо вооруженными крестьянскими массами.

«Но, - писал Пестковский, - все-таки Штатам приходится уступать. И вот Кальес и Обрегон стали придерживаться следующей тактики: в тех штатах, где сильно помещичье-католическое влияние, оставляют оружие у крестьян (например, Вера-Круц). Там же, где помещичий элемент слаб (в Юкатане), разоружают крестьян. Но недавно под сильным нажимом Штатов Кальес издал декрет о всеобщем разоружении крестьян. Самая сильная крестьянская организация (Вера-Круц, примыкает к Крестьянтерну)451 опротестовала это постановление. Этот протест заставил Кальеса замедлить темп разоружения».452

Президентство Плутарко Кальеса можно условно разделить на два практически равных по времени периода. В первое двухлетие (1925-1926 годы) Мексика добилась весьма значительных успехов, а реформистская деятельность правительства была очень активной. Второе двухлетие (1927-1928 годы) было ознаменовано резким обострением внутривнутриполитической ситуации, фактически вылившимся в кровопролитную гражданскую войну. В этих условиях о каких-либо реформах говорить уже не приходилось.

Технократ Кальес начал реализовывать свою реформистскую программу с оздоровления мексиканских финансов. К этому побуждало резкое ухудшение финансовой ситуации правительства в связи с падением нефтедобычи и мировых цен на другие экспортные товары Мексикой (например, серебро). К тому же, несмотря на заключенное де ла Уэртой в 1922 году с Международным комитетом банкиров соглашение о консолидации мексиканского внешнего долга, правительство Обрегона так и не платило по нему процентов ни в 1923-м, ни в 1924 году. А без этого Мексика не могла привлечь ни иностранных инвестиций, ни кредитов.

В стране фактически не существовало современной денежной системы. Бумажные деньги правительства не пользовались доверием населения, если не обменивались свободно на золото, которого в стране было очень мало, или серебро, цены на которое, особенно относительно золота, резко падали после Первой мировой войны. Еще Карранса и Обрегон хотели создать Национальный банк Мексики, но правительство не имело золота и валюты для надления этого банка достаточно солидным уставным капиталом.

Пестковский в 1925 году сообщал в Москву: «В настоящее время в Мексике фактически действует биметаллическая система, результатом чего является, что серебро никогда не находится «аль-пари» по отношению к золоту. Бумажных денег сейчас в обращении практически нет. Это последнее обстоятельство является следствием мошенничества одного из революционных мексиканских правительств - Карранцы, который во время революции выпускал бумажные деньги по принудительному курсу. Эти же деньги скупались впоследствии правительственными агентами по пониженному курсу. Все это привело к их обесцениванию, и они, в конце концов, вышли из оборота. Доверие к ним настолько подорвано, что правительство не решается приступить к выпуску бумажных денег. Сейчас в стране обращаются главным образом мексиканская золотая и серебряная монета, а также американские доллары». ⁴⁵³ Курс мексиканской валюты по отношению к американской был на уровне примерно 202 песо за 100 долларов.

Сначала Кальес, как и его предшественник, пытался получить крупный кредит через Международный банковский комитет по Мексике. Министром финансов был специально для этих целей назначен консервативный Альберто Пани, которому доверяли деловые круги США. Как упоминалось выше, Пестковский называл его в докладной в Москву основным агентом США в мексиканском правительстве. Пани должен был также попытаться достичь соглашения о реструктуризации внешнего долга ввиду сложной ситуации с ценами на мексиканские экспортные товары, но не смог добиться ни того, ни другого.

Тогда Кальес решил создать Национальный банк Мексики, опираясь на собственные ресурсы страны (денежных резервов банка первоначально хватало лишь на 10 месяцев). 7 января 1925 года был принят закон о кредитных организациях, изменявший законодательство 1897 года, то есть времен еще диктатора Диаса. По этому закону коренным образом перестраивалась банковская система страны. Так, например, банки штатов, которые раньше имели право выпускать бумажные деньги, отменялись или превращались в обычные коммерческие кредитные организации. Через 5 дней после этого была учреждена Национальная банковская комиссия - надзорный орган, контролировавший кредитную систему. Всю конкретную работу по учреждению нацбанка вел заместитель министра финансов Гомес Морин, которого Кальес ценил за высокий профессионализм и равноудаленность от всех политических сил страны. Возможно, Кальес видел много общего между своей жизнью и жизнью молодого адвоката (родившийся в 1897 году Морин рано остался без отца, который умер в возрасте 24 лет). Интересно, что в 1925-1929 годах Морин был официальным юридическим представителем советского полпредства в Мексике.

Выступая в августе 1925 года на первом Национальном налоговом конвенте, Морин так сформулировал экономическую философию нового режима: «После всех этих лет экономической депрессии, после того, как мы страдали от последствий отсутствия слаженного управления экономикой, республика начинает ясно представлять свое экономическое будущее. Стабилизация политического режима, сама возможность, что этот режим за семь месяцев осуществил в экономике организационные меры, которые другой режим неосуществил бы и за тридцать лет, эффективность, с помощью которой эта экономика за несколько дней восстановила доверие к государственному кредиту в Мексике... все это дает нам право думать, что Мексика вступила в новую эру экономического процветания». ⁴⁵⁴

10 сентября 1925 года наконец был учрежден Национальный банк Мексики, о чем мечтал еще Порфирио Диас. Гомес Морин, возглавивший банк, писал Хосе Васконселосу: «Банк стал полным успехом и встал, как говорится, с правой ноги. Совет (высший орган управления банком - прим, автора) является полностью независимым... Нельзя не восхищаться тем, что стало возможным основать банк с запасами всего лишь на десять месяцев».

Однако становление банка проходило отнюдь не просто. По образцу Федеральной резервной системы США нацбанк Мексики имел в своем уставном фонде долю частного капитала и вел на рынке кредитных услуг такие же операции, как и любой коммерческий банк. Поэтому его конечный успех зависел от доверия частных банков и граждан, призванных держать в нацбанке свободные средства и давать ему кредиты. Основа же эта

изначально была шаткой, потому что государству в Мексике после инфляции революционных времен никто не доверял. Тем более что сразу же после основания банка в него посыпались просьбы генералов о предоставлении неотложных кредитов, возвращать которые они и не собирались. В этих условиях заслугой Морина (при поддержке Кальеса) была жесткая позиция, отсекавшая все просьбы и проекты некоммерческого и не общенационального характера. Хотя отказать удавалось все же не всем «бизнесменам» - сам Кальес не мог отклонить просьбу такого предпринимателя, как Альваро Обрегон. Тем не менее по закону банк не мог предоставить федеральному правительству Мексики кредитов на сумму, превышающую 10% капитала банка.

Но в целом доверие к Национальному банку с годами возрастало, так как он выпускал бумажные деньги очень осторожно, в точном соответствии с резервами драгоценных металлов, имевшихся в его распоряжении. Так, эмиссия не должна была превышать по стоимости двойной объем золотых резервов, находящихся в распоряжении нацбанка. Не случайно банк Мексики был основан именно в тот год, когда Великобритания, основная финансовая держава того времени официально восстановила ликвидированный в годы Первой мировой войны золотой паритет своей валюты. Морин и его единомышленники также были сторонниками золотого стандарта, хотя золота в Мексике было немного, и курс валюты, таким образом, сильно зависел от того, какими деньгами платили за мексиканские экспортные товары иностранные контрагенты.

Согласие на эмиссию бумажных денег давала еще независимая Национальная банковская комиссия, что усиливало жесткость контроля.

Частные банки, чтобы получить возможность получения кредитов из нац-банка, должны были получить согласие Национальной банковской комиссии, проверявшей ликвидность того или иного банка. Коммерческими кредитными операциями, не свойственными эмиссионным банкам, центральный банк Мексики занимался потому, что Кальес хотел быстро расширить кредитную базу для частного бизнеса, создав банк, который не зависел от политических пристрастий местных губернаторов и военных вождей.

В целом, однако, и создание Национального банка и общая финансовая политика Кальеса с его технократическим окружением ясно говорят о том, что правительство Мексики пребывало в плену у популярных тогда догм золотого стандарта и сбалансированного бюджета. Именно такая политика обрушила всю финансовую архитектуру мира в 1929 году. И именно следование этим догмам в Германии сделало возможным приход Гитлера к власти. Напротив, СССР, активно применявший дефицитное финансирование и кредитную экспансию, добился того, чего не смог добиться Кальес, - невиданного по скорости экономического рывка и превращения отсталой России в передовую экономически и технически державу.

Прежде всего, передав на учреждение нацбанка 42 миллиона песо из 57 имевшихся в наличии в 1925 году, правительство не только переложило деньги из одного кармана в другой, но и осталось без средств, в том числе и для погашения внешнего долга. Поэтому Международный банковский комитет по Мексике встретил появление нацбанка волной критики. Ведь в июне 1924 года Мексика объявила очередной мораторий на обслуживание внешнего долга, ссылаясь на тяжелое финансовое положение страны после подавления мятежа де ла Уэрты. Теперь получалось, что деньги в мексиканской казне все-таки были.

Пооностью провалились планы по привлечению в качестве акционеров нацбанка частных кредитных институтов (они могли приобрести 49% акций). Для того чтобы получить статус банка, ассоциированного с Национальным, частные банки должны были поместить там на депозит 10% своих активов. Только два частных банка купили в общей сложности 2% акций, и обе эти сделки не носили экономического характера. В одном случае (с «Банко Лондрес де Мексико») правительство акциями нацбанка погасило свой долг перед этой кредитной организацией на сумму 1,3 миллиона песо. Другой банк (известный Кальесу не понаслышке «Банко де Сонора», когда-то арестовавший за долги управляемую будущим президентом мельницу) поместил свои депозиты в нацбанк по прямому указанию своих земляков, находившихся у власти. Причем сам нацбанк тоже поместил свои средства на депозит в сонорский банк, так что фактически никакого нового капитала не приобрел. Морин считал, что отказ частных банков сотрудничать с Национальным банком и участвовать в его капитале вызван их «ревностью».

На самом деле частные банки и их клиенты просто не доверяли правительству. В 1928 году из 150 частных банков только пять сотрудничали с Нацбанком, то есть держали там депозиты.

Пестковский видел причину такого положения вещей в том, что почти все банки Мексики принадлежали иностранцам: «...здесь преобладает французский и испанский капитал, затем идут англичане, американцы,

голландцы и немцы».455

Таким образом, попытка через нацбанк мобилизовать частные средства для подъема экономики провалилась. К тому же центральный банк из-за политики золотого стандарта при Кальесе так и не сумел превратиться в эмиссионный центр - то есть не мог выполнять свою основную функцию.

На фоне отсутствия интереса мексиканских предпринимателей к новому эмиссионному банку Кальес попытался мобилизовать деньги для этого учреждения не очень-то прогрессивным способом. Было резко сокращено количество государственных служащих, включая офицеров, а многим из тех, кто остался, подолгу задерживали выплату жалованья. Таким образом Кальесу удалось сэкономить 40 миллионов песо.

В то же время расходы правительства на содержание генералов, министров и депутатов, по мнению Пестковского, были «громадны». Депутаты Конгресса, отмечал советский полпред, получают около 1000 песо в месяц.456 Станным было и то, что фактически находящаяся в состоянии банкротства страна содержала за границей много дипломатических представительств (21 из них - только на американском континенте). На самом деле, по установившейся мексиканской политической традиции, послами и посланниками назначали строптивых деятелей оппозиции. «Казнокрадство и nepотизм процветают», - констатировал Пестковский.457 «Картина ясна - Мексика кругом в долгу, главным образом, у Соединенных Штатов, процентов не платит. Ясно, что Соединенным Штатам не трудно закабалить ее окончательно».458

Как уже упоминалось, нацбанк мог эмитировать бумажные деньги, только если они были обеспечены имевшимся в его распоряжении золотом. Золото поступало в Мексику в основном в качестве платежа за экспортируемые страной товары. Как раз начиная с 1926 года американская экономика (на США приходилось 70% внешней торговли Мексики) стала ошущать перегрев и сократила потребление мексиканского сырья. Это наряду с падением нефтедобычи привело к резкому сокращению золотого запаса Мексики, ибо импорт, который тоже оплачивался золотом, прекратить было нельзя. [Картинка: image43.jpg] Мексиканская банкнота в 5 песо

Внутри Мексики, как уже упоминалось, ходили серебряные монеты, которые правительство обменивало на золотые, - ведь формально мексиканский песо базировался на золотом паритете. Если приток золота сокращался, как в 1926-1927 годах, власти были вынуждены сокращать чеканку серебряных монет и выпуск бумажных денег, чтобы не допустить падения их стоимости относительно золотых. Так, в 1926 году было отчеканено серебряных монет на 29,4 миллиона песо, а в 1927 году - только на 5,6 миллиона. Золотых монет и в 1926-м, и в 1927-м правительство выпустило на 30 миллионов песо.

Итак, все кальесовские честолюбивые планы быстрого развития мексиканской экономики натолкнулись на уменьшение оборотных финансовых средств, и поэтому никакого роста, а тем более быстрого рывка не получилось. К тому же, согласно воззрениям окружения Кальеса, бюджет страны должен был быть всегда выровненным. Технократы, таким образом, сами загнали себя в угол.

В 1925 году 76% денег в обращении приходилось в Мексике на монеты из драгоценных металлов, 23,7% - на безналичные средства на счетах и только 0,3% - на бумажные деньги Национального банка. Это соотношение не изменилось за все время президентства Кальеса. В 1928 году эти доли составили соответственно 75,1%, 23,9% и 0,4%. С 1 сентября и до конца 1925 года Национальный банк выпустил банкнот на 3,2 миллиона песо, хотя по уставу мог выпустить на 113 миллионов. В следующем году было выпущено уже только 1,8 миллиона песо бумажных денег.

Единственное, чего удалось добиться Национальному банку, так это в два раза снизить процентную ставку по кредитам в стране (с 24% до 12% в 1928 году), потому что нацбанк сам выступал в качестве кредитной коммерческой организации.

Национальный банк так не смог оживить общую банковскую систему страны. Если в 1912 году активы мексиканских банков составили 450 миллионов песо, то в 1925 году они были на уровне примерно 34% от этой суммы. В 1930 году эта цифра возросла до 61%, то есть спустя двадцать лет после начала революции финансовая система страны была по размерам на треть меньше, чем в дореволюционную пору. Несмотря на это, при Обрегоне и Кальесе было основано много банков, чье общее количество в 1928 году превысило дореволюционный уровень на 40%. Примечательно, что большинство «новых» банков основывали банкиры времен диктатуры Диаса.

В 1925 году Кальес отменил введенный при Диасе запрет на учреждение филиалов иностранных банков в стране, тем самым фактически признав, что местные капиталисты не спешат следовать призывам КРОМ к

самоотверженному участию в реконструкции национальной экономики. Многие иностранные банки, в том числе «Канэдиан Бэнк оф Коммерс», «Джермен Бэнк оф Саут Америка», основали в Мексике свои филиалы. Однако американские банки в Мексику не торопились - они появились только в 1929-1930 годы, - а европейцам после начала кризиса 1929 года было уже не до заграничных инвестиций.

В 1923 году дефицит мексиканского федерального бюджета составил 83 миллиона песо. Вину свалили на де-ла Уэрту, хотя дело было в падении сборов от экспорта из-за резкого сокращения американскими компаниями добычи нефти. В следующем году дефицит удалось уменьшить примерно до 10 миллионов, так как мексиканское правительство отказывалось обслуживать внешний долг. В первый год президентства Кальеса, главным образом из-за мирной обстановки в стране и начавшегося сокращения армии, удалось добиться профицита в 24 миллиона песо. Доходы правительства в этом году составили 322 миллиона песо, расходы - 298 миллионов. Однако уже в следующем году из-за спора с США по нефти и жесткой монетарной политики нацбанка в стране опять появился дефицитный бюджет - дефицит составил 16 миллионов песо (правительственные доходы сократились до 309 миллионов). Почти таким же - 15 миллионов - дефицит остался и в 1927 году. При этом Кальесу пришлось не наращивать государственные расходы на подъем экономики, а сокращать их (до 310 миллионов). Только в последний год своего президентства он смог сбалансировать бюджет и показать профицит в 12 миллионов песо. Но это было достигнуто новым снижением государственных расходов - до 288 миллионов песо (цифра, напоминающая последний год правления Обрегона: 277 миллионов).

Таким образом, Кальесу не удалось аккумулировать значительные средства для экономического рывка страны. И в этом была виновата именно его технократическая прогрессистская финансовая политика. Государство при Кальесе так и не стало мощным инвестором, несмотря на то, что президент хотел как раз этого.

Причиной сложного положения с государственными доходами Мексики было и практически полное отсутствие в стране («благодаря постоянным переворотам», как отмечал Пестковский) нормальной системы налогообложения. Мексиканские газеты насчитали примерно 480 различных налогов, большинство из которых, как в средние века, вводились «на время» для решения каких-либо конкретных задач. Все налоги были косвенными. Кальес попытался ввести в стране прямой подоходный налог, но, по его словам Пестковского, «эта мера встретила сильное сопротивление со стороны буржуазии».459

Поэтому правительство Кальеса по-прежнему полагалось на введенную Каррансой в 1918 году систему налогообложения нефтедобычи. В казну было необходимо уплатить 5% стоимости добытой нефти, дополнительно к этому еще 5 песо в год с каждого квадратного километра нефтеносных земель и еще до 50% стоимости добычи с арендованных у государства земель (именно поэтому американские собственники настаивали, что приобрели свои участки в собственность, а не в аренду).

Владельцы серебряных рудников платили в бюджет 7,5% стоимости добычи. Всего правительство собирало с горнодобывающей и нефтяной промышленности 60-70 миллионов песо в год. Примерно столько же давали ввозные и вывозные пошлины. Вывозными пошлинами облагались серебро и нефть, ввозными - практически все товары. Именно поэтому в Мексике очень дорого стоили хлеб и одежда.

Третьим по важности источником доходов были акцизы, гербовый и почтовый сборы.

Что касается расходов, то на бюджете страны тяжелой ношей лежали «соглашения Букарели». Если в 1922 году на обслуживание государственного долга тратилось примерно 7,1% всех бюджетных средств, то в 1923 году - 38,8 миллиона, или 16,5 %, что означает рост выплат долга на 140%.

Кальесу пришлось искать пути для сокращения государственных расходов и увеличения доходной базы бюджета. Долговые обязательства мексиканского государства пытались, как и при прежних правительствах, продать иностранным нефтяным компаниям. Однако те требовали в обмен сокращения налогов, так что никакого финансового выигрыша правительство не получало.

Тогда Кальесу пришлось пойти на меру, которая коренным образом противоречила его взглядам на активную и направляющую роль государства в экономике. Министр финансов Пани предложил приватизировать мексиканские государственные железные дороги, долг которых (более 400 миллионов долларов, из которых набравшие проценты составляли половину суммы), таким образом, исключался бы из общей суммы внешнего государственного долга. Пани мотивировал появление и рост долга мексиканских железных дорог безответственным поведением «красного» профсоюза железнодорожников. Мол, с 1910 года железные дороги

на 65% увеличили персонал, заработная плата которого за это же время выросла на 225%. Правда, железные дороги, резко увеличившие и число перевезенных пассажиров, оставались прибыльным предприятием. Долг железных дорог возник вовсе не из-за происков коммунистов, а из-за того, что в годы гражданской войны правительство Каррансы перевело железные дороги на военное положение. С экономической точки зрения это означало, что правительство ничего не платило железным дорогам за перевозки (точнее, платило облигациями, которые потом и составили пресловутый долг).

Таким образом, приватизация железных дорог - этого самого стратегически важного предприятия страны - тоже была в конечном итоге вызвана жесткой и ортодоксальной финансовой политикой Кальеса, прямо противоречившей стремлению самого президента к резкому увеличению доли государства как инвестора в национальной экономике. Приватизация была проведена именно для ослабления бремени внешнего долга.

По подписанному министром финансов де ла Уэртой в 1922 году соглашению с Международным банковским комитетом Мексика должна была выплатить в счет внешнего долга 30 миллионов долларов в 1923 году, после чего размер годовых выплат повышался на 5 миллионов песо ежегодно.

На 1 января 1923 года консолидированный внешний долг Мексики составлял 508 830 797 долларов США, из которых на долг железных дорог приходилось 243 743 777 долларов. Набежавшие с 1913 года проценты по обслуживанию долга составляли 400 миллионов песо. Пестковский верно отмечал: «Львиная часть этого долга должна попасть в карманы капиталистов Соединенных Штатов».⁴⁶¹

После моратория 1924 года новый министр финансов Пани провел с Ламонтом, представителем Международного банковского комитета новый раунд переговоров, в результате которого соглашение 1922 года было изменено («поправка Пани») и долг железных дорог был исключен из государственного. Железные дороги возвращались иностранным собственникам, причем в таком состоянии, чтобы они сразу же могли приносить чистую прибыль. Правительство Мексики обязывалось не менять тарифов на железнодорожные перевозки до 31 декабря 1929 года таким образом, чтобы эти изменения отрицательно влияли на прибыль.

В обмен на это Мексика обязывалась возобновить обслуживание долга, однако резкое падение нефтедобычи вынудило правительство Кальеса уже в 1928 году объявить новый мораторий. Выяснилось, что «красные» железнодорожники все же ни при чем.

Всего по соглашению Ламонт - Пани общий внешний долг Мексики устанавливался в 435 миллионов долларов (в том числе проценты по долгу 132,5 миллиона). Структура нового мексиканского долга была следующей:

- долг, признанный по соглашению Ламонт - де ла Уэрта 1922 года, -1,451 млн долларов,
- сумма просроченных выплат по долгу за 1924-1925 годы - 75 млн,
- выпущенные долговые обязательства (декабрь 1923-го - декабрь 1925-го) - 36,1 млн,
- итого - 1 562 838 348 долларов,
- сумма, выплаченная Комитету, - 1,4 млн,
- итого - 1 561 438 348 долларов,
- вычтенный из общего объема государственного долга долг Национальных железных дорог (основной долг плюс проценты) - 671,2 млн.

Итого, новая сумма признанного мексиканским правительством долга составляла 890 201 892 доллара.

Пани удалось в обмен на кабальные условия снизить долговую нагрузку: если ранее Мексика должна была выплатить иностранным кредиторам 25,5 миллиона в 1926 году, то по новому соглашению эта сумма снижалась до 10,7 миллиона. В 1927 году вместо 25 миллионов предполагалось выплатить 11. Но в качестве гарантии Мексика обязалась ежегодно передавать Международному комитету 5 миллионов долларов золотом из налоговых поступлений от добычи нефти. Долги, накопившиеся за время дефолта 1923-1925 годов в размере 37,5 миллиона, подлежали погашению в течение 6 лет начиная с 1928 года под 3% годовых.

Когда Пани начал переговоры с Ламонтом в Нью-Йорке в сентябре 1925 года, оппозиция в Конгрессе (особенно аграристы) пытались всеми силами сорвать кабальное для Мексики соглашение.⁴⁶² Пани был дамским угодником и взял с собой в Нью-Йорк любовницу, каталонскую танцовщицу Глорию Фор. Противники Ламонта наняли частного детектива, который без труда зафиксировал нарушение Пани супружеской верности. Досье на мексиканского министра финансов передали Ламонту, но тот положил его под сукно, так как был заинтересован в подписании соглашения. Тогда сведения о сексуальных похождениях

министра были «слиты» американским газетам, которые вышли 14 октября 1925 года под аршинными шапками соответствующего содержания. Пани обвинили в нарушении закона США о «белом рабстве» (то есть в насильственном удерживании белого человека), и полиция провела в его гостиничном номере обыск. Министр финансов подал Кальесу прошение об отставке, но президент оставил его на посту. Говорят, что Кальес даже в некотором смысле одобрил Пани, сказав с характерным мексиканским «мачизмом», что его кабинет не состоит из евнухов.

Хотя история с Глорией Фор не помешала заключению соглашения Ламонт - Пани, след она все же оставила. В 1925 году Национальный банк выпустил банкноту достоинством в 5 песо, на которой красовалась неизвестная цыганка. Все посвященные лица легко узнавали в цыганке Глорию

Фор. Ходили слухи, что она смогла заманить в свои любовные сети и самого Кальеса.

В целом правительству Кальеса удалось нарастить расходы на экономические цели (строительство и улучшение инфраструктуры) только в 1925 году. Госбюджет тогда составил 286 миллионов песо, из которых 84 миллиона должны были пойти на обслуживание долга.⁴⁶³

Если взять экономические расходы правительства Мексики за 100% в 1917 году, то в 1924 году они составили 144,9%, а в 1925 - 255,9%. Однако уже в следующем году темп резко сократился - до 169,3%, а в последний год президентства Кальеса (1928-й) составил 181,9%. Это был, конечно, рост. Но рост обычный, эволюционный, явно не отвечавший честолюбивым планам президента по достижению мощного экономического рывка.

Расходы на социальные нужды (образование и здравоохранение) выросли уже в 1923 году по сравнению с 1917 годом более чем в 6 раз. Если взять уровень социальных расходов в 1917 году за 100%, то в 1923 году этот показатель равнялся 652%. Однако в 1925 году этот индекс упал до 511%, что ясно свидетельствует: учреждение Национального банка произошло за счет народа. Когда Кальес покидал пост президента в 1928 году, этот показатель не превышал 688%. Таким образом, не получилось мощного рывка и в социальной сфере. Скорее наоборот: правительство Обрегона уделяло этому гораздо больше внимания. Например, с 1921-го по 1922 год социальные расходы выросли почти в два раза, главным образом благодаря действительно небывалым ассигнованиям на народное образование.

В 1925 году в Мексике царил мир, и правительству Кальеса удалось сократить административные расходы, львиную долю которых составляли военные. Еще в 1924 году правительству Обрегона пришлось потратить на армию 118 миллионов песо - 42,6% всех федеральных расходов за год (в 1923-м военные расходы составили 29 миллионов песо, или 33,6% всех расходов). Если вновь принять уровень 1917 года за 100%, то в 1924 году административные расходы составляли 82%, а в 1925-м - 68,7%. Но эту позитивную тенденцию Кальесу удержать также не удалось. Уже в 1926 году показатель административных расходов снова вырос до 80,4%, а в 1928 году равнялся 76,2%.

Так как финансовая политика правительства не позволяла изыскивать кредитные ресурсы для финансирования экономического развития, приходилось, будто сто лет назад, полагаться на косвенные налоги и пошлины. Налоги и пошлины составляли в 1925 году 76,4% всех доходов федерального правительства, и в 1928 году эта доля практически не изменилась - 77,7%.

Правда, Кальес все-таки ввел подходящий налог, однако более 80% мексиканцев жили на селе, а подавляющее большинство крестьян были бедными и просто нищими. Поэтому неудивительно, что значительных доходов казне этот налог не принес.

38,6% доходов правительства в 1925 году составляли экспортные и импортные пошлины, а еще 15,9% - роялти с компаний (в основном нефтяных), занимавшихся разработкой полезных ископаемых. Эти цифры дают прекрасное представление о практически тотальной зависимости мексиканского бюджета от состояния мировых цен на нефть и ряд других сырьевых товаров. Резкое сокращение нефтедобычи, наблюдавшееся еще с 1923 года, подорвало и этот источник доходов администрации Кальеса. В 1928 году роялти не превышали 8,6% всех доходов, доля таможенных пошлин практически не изменилась - 39,9%. При этом выросла доля импортных пошлин, которые фактически платил мексиканский потребитель: из 39,9% на импортные пошлины приходилось 33,9%, а на экспортные - всего 6%.

Особенно серьезно сократились доходы именно от нефтяной отрасли (роялти плюс вывозные пошлины): в 1922 году они составляли 33,6% всех доходов правительства, а в 1929 - всего 5,9%. В 1922 году государство получило от нефтяной отрасли 87,8 миллиона песо, в 1926-м - 41,4 миллиона, а в 1927-м - всего 25,5. Причин

здесь было две: кризисное состояние мировой экономики и очередной конфликт с американскими нефтяными компаниями, который Кальес развязал сразу же после вступления в должность.

В конце 1925 года Мексика оказалась на грани банкротства: в казне после учреждения Национального банка оставалось примерно 3 миллиона песо, из которых 2,5 миллиона надо было до наступления следующего года заплатить государственным служащим.

Сам надев на себя смирительную рубашку в виде золотого стандарта и жесткой монетарной политики, Кальес все же пытался претворить в жизнь многое из того, что он почерпнул в Германии. 10 февраля 1926 года был учрежден Национальный банк аграрного кредита для финансирования прогрессивных фермеров и крупных хозяйств на селе. У истоков его стоял все тот же Морин, который назвал банк «одним из самых великих свершений Революции». По образцу кооперативных касс Райффайзена этот банк должен был представлять собой общую структуру кооперативных организаций, которые вносили бы в него средства. Предполагалось, что он будет финансировать ирригацию, гидроэнергетику, закупку новых сельхозмашин, строительство дорог в сельской местности. Первоначальный капитал банка составил 50 миллионов песо, из которых 20 миллионов предоставляло федеральное правительство, еще 2 миллиона должны были выделить правительства штатов, а еще 28 - дать частные капиталисты.

Морин надеялся, что, получив от членов и частных капиталистов достаточные средства, банк выпустит облигации, которые будут гарантированы налоговыми доходами правительства. Но и здесь аграрии не доверяли правительству, тем более что банк аграрного кредита, имевший филиалы на местах, не смог противостоять местным властям и генералам, которые брали оттуда кредиты на нужды, подчас очень далекие от аграрных (среди клиентов банка был и Альваро Обрегон). В 1927 году было сформировано только 378 местных ассоциаций с примерно 17 тысячами членов. Уже эти цифры ясно свидетельствуют о том, что значение банка аграрного кредита для сельского хозяйства было мизерным.

Сам Морин в 1927 году оценил свое детище уже по-другому: «Слишком высоким было доверие к людям (служащим банка - прим, автора), и были упущены из виду угодничество, трусость и просто сила обстоятельств, которые в Мексике заставляют человека молчать, когда надо протестовать, и говорить «да», когда надо сказать «нет». Впоследствии Морин выражался еще резче, называя банк аграрного кредита «публичным домом» за то, что там раздавались кредиты «друзьям» правительства. Помимо Обрегона к «друзьям» принадлежал сам Кальес, которому банк давал деньги на развитие бизнеса по производству сахара. Кредиты получили и военный министр Амаро, и министр сельского хозяйства Луис Леон. Амаро эти деньги позволили купить асиенду «Охо де Азуль».

Новый банк постигла та же участь, что и Национальный. По словам генерального директора банка аграрных кредитов Аугустина Легорреты, собственные капиталисты не хотели участвовать в его капиталах, ссылаясь на политическую нестабильность и недостаточную гарантию прав собственности.

Банк аграрного кредита смог привлечь всего 2,8 миллиона песо «частных» средств. Кавычки использованы здесь потому, что 89% этих и так смехотворных средств предоставил Национальный банк (фактически то же федеральное правительство). Мексиканские штаты тоже не дали банку обещанных 2 миллионов песо (эти деньги должны были быть привлечены путем продажи акций банка правительствам штатов). Только три штата - Гуанахуато, Юкатан и Тамаулипас - купили акции банка в общей сложности на 55 тысяч песо.

В основном банк аграрного кредита выдавал кредиты, получая средства от главного акционера - Национального банка, который использовал для этих целей часть своей прибыли. Кредиты выдавались практически полностью влиятельным политикам и генералам на местах, причем без всякого залога. Например, в 1926 году банк выдал 355 кредитов, в среднем по 48 тысяч песо в каждом случае, в 1927 году - 809 кредитов по 11 тысяч песо в среднем. Только 19% средств было направлено сельскохозяйственным кооперативам.

Политика Кальеса тоже не укрепляла доверие к новым банкам. Так, в 1926 году президент окончательно отказался признать долг федерального правительства, возникший при диктатуре генерала Уэрты в 1913-1914 годах. Это привело к массовому бегству иностранного финансового капитала из страны. Потом возникли слухи, что правительство намеревается закрыть три банка в штате Чиуауа за то, что они якобы нелегально вывозили в США золото. Паника на финансовом рынке приобрела такие масштабы, что правительству пришлось объявить банковские каникулы. Позднее, когда в Мексике вспыхнула гражданская война на религиозной почве, тоже постоянно появлялись слухи о национализации частных банков.

Кальесу не удалось возродить как возможный источник инвестиций и довольно развитую во время диктатуры Диаса биржу. Акции частных мексиканских банков упали в годы революции до 10% своей бывшей стоимости, и в 20-е большого желания эмитировать акции для биржи у частных кредитных институтов не было.

Разочаровавшись в результатах собственной политики (как и Васконселос четыремя годами раньше), Морин фактически вышел в отставку и на несколько месяцев покинул страну, чтобы по заданию Кальеса подготовить создание еще одного банка - банка народного кредита. (Впоследствии, в 1939 году Морин создал правую оппозиционную Партию народного действия, которая пришла к власти в 2000-м.) По сути это было признанием краха планов создания в Мексике современной финансовой системы. А без отсутствия серьезных капиталовложений все остальные грандиозные планы Кальеса были обречены на провал.

Следует подчеркнуть, что в 20-е годы, на протяжении всего десятилетия, мексиканский частный капитал не только не увеличивал инвестиции в средства производства, но и активно снижал их. Капиталисты боялись продолжения революционных потрясений и новой гражданской войны. Они всячески занижали стоимость оборудования своих заводов, а все полученные прибыли старались перевести за границу. Например, стоимость оборудования крупнейшей в стране текстильной компании в городе Орисаба упала в 1920-1924 годах на 16%. Ведущий национальный производитель сигарет (компания «Эль Буэн Торо») сократил стоимость своего основного капитала за аналогичный период на 21%. В целом в мексиканской промышленности снижение балансовой стоимости оборудования составило 5%.

Так как инвестиции в Мексику считали рискованными не только иностранные, но и местные предприниматели, резко выросла стоимость кредита и дивиденды на акции мексиканских компаний, которые приходилось выплачивать инвесторам как «рисковую премию». В 1896-1910 годах стоимость дивиденда на каждую акцию мексиканской промышленной компании составляла в среднем 4,6% годовых, а в 1918-1925 годах - 9,4%. Все это сопровождалось бегством полученного капитала за границу.

В 1926-м в Мексику на три года раньше, чем в целом по миру, пришел экономический кризис. Англия, как уже упоминалось, восстановила в 1925 году золотой стандарт фунта стерлингов, что привело к росту стоимости золота и падению стоимости серебра, крупнейшим производителем которого была Мексика. Тогдашний шеф Банка Англии Монтегю Норман - как и многие мексиканские интеллектуалы, спиритуалист, общавшийся с духами и говоривший, что может проходить сквозь стены, - в 1948 году так оценил итоги своей деятельности: «Мы не достигли ничего, кроме как отобрать деньги у многих бедняков и пустить их по ветру». Видный английский экономист Кейнс называл золотой стандарт «варварским реликтом» и справедливо видел в нем одну из причин Великой депрессии 1929 года. Одновременно с повышением спроса на золото упали мировые цены на сырую нефть (причины этого изложены ниже). В результате только в 1926-1928 годах экспортные доходы Мексики снизились с 334 до 299 миллионов долларов. При этом цены на импортные товары выросли (или, по крайней мере, не снизились), что привело к общему ухудшению условий торговли. Покупательная способность мексиканского экспорта упала на 50% всего за три года.

В 1927 году ВВП на душу населения сократился в Мексике на 5,9%, в 1928-м - на 0,9%. Если в 1926 году ВВП на душу населения составлял в Мексике 2 553 песо (в ценах 1960 года), то в 1927 году - 2402, а в 1928-м - 2379. Никак не изменилась и структура ВВП - Мексика, в отличие от большевистской России, так и не стала индустриальной страной. В 1925 году на сельское хозяйство приходилось 20,3% созданного ВВП, а в 1927 году - 21,9%. Доля промышленности, напротив, сократилась с 24,5 % в 1925 году до 23,2% в 1928-м. Страна по-прежнему оставалась вочиною мелкой торговли и столь же мелкой по размерам концентрации занятых сферы услуг. Таким образом, рывок, задуманный Кальесом, не состоялся из-за фактического саботажа отечественных предпринимателей и абсолютно враждебной росту финансовой политики самого правительства.

Пестковский писал: «Обрабатывающая промышленность находится в Мексике лишь в зачаточном состоянии». ⁴⁶⁵Причем с момента начала мексиканской революции в 1910 году состояние только ухудшалось. В основной отрасли мексиканской промышленности - текстильной - в 1912 году действовало 144 хлопчатобумажные фабрики, на которых были заняты 302 тысячи рабочих. В 1924 году осталась 51 тысяча рабочих. «Металлообрабатывающая промышленность значения не имеет», - отмечал советский полпред. Во всей обрабатывающей промышленности Мексики при Кальесе работали не более 90 тысяч человек.

Как и для Обрегона, для Кальеса отношения с США были главной внешнеполитической проблемой, учитывая тотальную экономическую зависимость Мексики от внешней торговли со Штатами и от американского

капитала внутри страны. Если до революции американцы и англичане соперни- [Картинка: image44.jpg] Лидер АФТ Гомперс

чади в мексиканской экономике практически на равных (причем диктатор Диас поощрял англичан, чтобы ослабить зависимость Мексики от США), то после окончания гражданской войны от бывшего английского экономического присутствия не осталось и следа. Компартия Мексики в первые годы своего существования вообще определяла всю мексиканскую революцию как борьбу за влияние в стране английского и американского империализма, закончившуюся победой последнего.

Доминирование США в послереволюционной Мексике определялось четырьмя основными факторами:

-США через Международный комитет банкиров практически полностью контролировали внешний долг Мексики;

-на американские компании приходилось 80% добычи нефти в Мексике;

-после реприватизации американцы контролировали и железные дороги страны;

- 90-95% мексиканской внешней торговли приходилось на США.

Пестковский писал: «...американский капитал господствует почти безраздельно. Лучшей иллюстрацией является отсутствие дипломатических сношений между Мексикой и Англией».466

Кальеса первый советский полпред считал ставленником США. Исходил он в своих рассуждениях из того, что Лабристская партия (политическое крыло КРОМ), кандидатом которой официально являлся Кальес, была под крылом американского профцентра АФТ. «Картина ясна: Мексиканская Федерация Труда467 находится под влиянием Гомперса468, Гомперс - агент

Соединенных Штатов, а Кальес - ставленник Мексиканской Федерации Труда».469

Пестковский докладывал в Москву, что всю политику кабинета Кальеса и, соответственно, отношения Мексики с СССР станут определять характер мексикано-американских отношений. Будущее полностью подтвердило мнение полпреда.

Однако Кальес, как и Обрегон, был вынужден опираться на рабочих и крестьян (причем вооруженных) в борьбе против мексиканской контрреволюции. Чувства же этих слоев населения к США были однозначными: «Широкие массы населения, рабочие и крестьяне ненавидят американцев. Усиление американского влияния поведет, без сомнения, к усилению борьбы против Кальеса, как справа, так и слева».470 Выше уже упоминалось, что политика недопущения забастовок на американских предприятиях Кальеса - Моронеса привела к падению влияния КРОМ и росту авторитета независимых профсоюзов и коммунистов. Поэтому «рабочий президент» Кальес был вынужден время от времени демонстрировать свой антиимпериализм, чтобы удержать рабочих и крестьянские организации на стороне правительства.

Для этого у Кальеса было два инструмента: показное улучшение отношений с СССР и периодические попытки «прижать» американских нефтедобытчиков в Мексике. Соответственно, когда требовалось продемонстрировать улучшение отношений с США, Кальес нарочито обострял отношения с СССР и шел на уступки американскому нефтяному бизнесу.

Американцы же с присущей им бесцеремонностью считали Кальеса целиком своим человеком. Они полагали, что, в отличие от Обрегона, имевшего авторитет в мексиканской армии, Кальес, такого авторитета не имевший, будет целиком и полностью опираться на Вашингтон. Пестковский отмечал, что «...прямая военная аннексия Мексики являлась бы в данной ситуации политически невыгодной для Соединенных Штатов, так как взбудоражила бы весь латино-американский мир. Поэтому Уолл-Стрит придерживается другой тактики: поддерживать в Мексике «национальное правительство», которое по существу было бы агентом Штатов. Но это дело не легкое: это правительство должно быть достаточно популярным в самой Мексике, так как в противном случае последует переворот за переворотом».471

После теплого приема, оказанного Кальесу в Вашингтоне в 1924 году, там были удивлены, что уже в первый год своего президентства человек, восхищавшийся американскими достижениями, едва не довел дело до мексиканоамериканской войны.

Однако виноваты в наступившем обострении американо-мексиканских отношений были сами США. В Вашингтоне ожидали от Кальеса быстрых и безоговорочных уступок по основным вопросам двусторонних отношений, а тот, как уже упоминалось, не был готов к быстрым уступкам ввиду шаткости своего внутриполитического положения.

Во-первых, США потребовали свертывания аграрной реформы и разоружения крестьянских отрядов, которые иногда силой захватывали принадлежавшие американским гражданам и компаниям земли. Советский полпред комментировал это следующим образом: «Крестьяне забирают поля у американских помещиков. Иногда они это делают незаконно, самочинно, т.е. просто выгоняют помещика и забирают имение. Эти случаи по отношению к американцам весьма редки. Но от этого помещикам не легче, тем более что никто из них не получил вознаграждения».472

Кальес пытался реагировать на возмущение США постепенным разоружением крестьянских отрядов и выпуском облигаций для компенсации землевладельцам за отобранные у них земли. Однако с точки зрения Штатов это были полумеры, к тому же проводившиеся слишком медленно.

Во-вторых, американцы требовали обуздать забастовочное движение на своих предприятиях в Мексике. И здесь Кальес и Моронес охотно шли на уступки. Проблема была лишь в том, что профсоюзы, в том числе и кромовские, вовсе не собирались отказываться от борьбы за свои права. На этом фоне КРОМ, а значит, и правительству иногда приходилось поддерживать забастовщиков, чтобы не растерять остатки собственного авторитета. Например, в городе Халапа рабочие (анархо-синдикалисты) американской электрической компании «Халапа Пауэр энд Лайт Компани» выдвинули ряд требований по улучшению условий труда и повышению зарплаты. В целом анархисты хотели вообще заменить компанию, на работу которой было очень много нареканий (население из-за высокой стоимости электричества даже прибегало к бойкотам), кооперативом взаимопомощи.473 26 марта 1925 года была объявлена забастовка. Директор компании Уильям Бун, как писал Пестковский, «счел за лучшее удрать в Соединенные Штаты. Город остался без света. Тогда городская дума взяла временно предприятие в свои руки. Скандал!»474

Возмущали американцев и мелкие инциденты. Например, 1 мая 1925 года американский посол отказался получить у КРОМ разрешение на передвижение своей машины по Мехико, так как КРОМ-де не является правительственной организацией. КРОМ выдавал разрешения просто потому,

иЩ *

Ы

ч

>'

Госсекретарь Келлог

что именно он организовывал первомайскую манифестацию, из-за которой было прекращено движение транспорта в столице. Для посла США хотели сделать исключение, но он отказался.

Однако больше всего в Вашингтоне были возмущены тем, что Мексика после прихода Кальеса к власти предложила помощь конституционному правительству Никарагуа, которое боролось с военным мятежом. Мятежников поддерживали США, считавшие, что только они могут решать, какое правительство должно быть в той или иной латиноамериканской стране.

Американцы со свойственной им великодержавной бесцеремонностью захотели проучить Кальеса и указать ему на его место. Уже в начале мая 1925 года мексиканские газеты, как отметил советский полпред, пестрели сообщениями об ухудшении отношений с США.

12 июня 1925 года госсекретарь Келлог выступил с декларацией,475 в которой говорилось о росте большевистских тенденций в Мексике и о недовольстве США этим фактом. В декларации особый упор делался на незаконное, с точки зрения США, изъятие земель у американских собственников в ходе аграрной реформы.

Факт публичного заявления в то время считался высшей формой проявления дипломатического недовольства. Американцев подвигло на это заявление в том числе и открытие советского полпредства в Мехико. Келлог заявил, что «Мексика находится перед судом всего мира».476 Пестковский сообщал, что декларация произвела в Мехико впечатление разорвавшейся бомбы.477 Больше всего Кальеса обеспокоил пункт декларации, где говорилось о возможном восстании в Мексике против революционного режима и о том, что в таком случае США поддержат мексиканского президента, только если он изменит свою «большевистскую политику». Госсекретарь буквально заявил следующее: «Я видел сообщения в печати, согласно которым в Мексике назревает очередное революционное движение. Надеюсь, что это не так. Отношение Правительства (США - прим, автора) к Мексике и угрожающим ей революционным движениям было четко определено в 1923 году,478 когда наблюдалось такое движение, угрожавшее конституционному правительству этой страны,

которое заключило торжественные соглашения⁴⁷⁹ с нашим Правительством и пыталось соблюдать свои обязательства внутри страны и за ее пределами. Позиция, занятая тогда нашим Правительством, с тех пор оставалась неизменной. И по сей день политикой нашего Правительства является использование своего влияния для оказания поддержки стабильности и конституционным процедурам, однако необходимо четко заявить, что наше Правительство будет поддерживать Правительство в Мексике лишь до тех пор, пока оно защищает жизни и права американцев и выполняет свои международные соглашения и обязательства».⁴⁸⁰

Слухи о мятеже в Мексике были отнюдь не беспочвенными. Еще 17 мая 1925 года к Пестковскому зашел его главный и хорошо информированный собеседник - Рамон де Негри. Де Негри, родившийся в Соноре в 1887 году, былна дружеской ноге как с Обрегеном, так и с Кальесом. При Каррансе он был консулом Мексики в Нью-Йорке и по совместительству главой мексиканской секретной службы в США. Перейдя на сторону Обрегона, стал главой мексиканских железных дорог, а позднее - министром земледелия. В правительство Кальеса де Негри, по его словам, не взяли из-за чрезмерного радикализма. Пестковский всецело доверял получаемой от него информации. Может быть, и напрасно - не исключено, что Кальес, в свою очередь, использовал бывшего министра для выявления настроений советского полпреда, обещая взамен хорошую должность (действительно, в 1926 году де Негри стал посланником в Берлине).

17 мая де Негри сообщил Пестковскому, что «восстание против Кальеса должно вспыхнуть скоро».⁴⁸¹ Проходят тайные совещания генералов, и главой мятежа, вероятнее всего, будет генерал Арнульфо Гомес, «считающийся левым, но теперь на почве общего недовольства связавшийся с реакционными генералами». У заговорщиков не имелось развернутой программы. Они были недовольны сокращением офицерского состава армии и требовали удаления из правительства Моронеса.

Однако о подготовке мятежа знал и Кальес. Буквально за пару дней до декларации Келлога было объявлено, что Гомеса отправляют в Европу для изучения военного дела.⁴⁸² По старинной мексиканской традиции, генералов, не успевших еще начать открытый мятеж, часто отсылали за границу. Сам же Гомес, как сообщал де Негри Пестковскому 10 июня 1925 года, говорил, что уезжает потому, что не чувствует себя в Мексике в безопасности. Еще он якобы намекал на то, что во время его отсутствия в Мексике произойдут важные события.⁴⁸³

На фоне практически открытого недовольства мексиканских генералов декларация Келлога принимала злобещий характер. Наиболее прогрессивная газета Мехико «Эль Демократа» писала, что вспышка нового мятежа в Мексике всецело зависит от США. Пестковский оценивал декларацию Келлога как «попытку напугать Кальеса, чтобы заставить его идти на еще большие уступки в аграрной и рабочей политике». Теперь у Кальеса, по мнению советского полпреда, было два пути: пойти на поводу у США и потерять популярность среди населения или «опереться на массы рабочих и крестьян и вызвать контрреволюцию, опирающуюся на американский капитал»,⁴⁸⁴ чтобы одним махом раздавить ее.

Кальес пошел по второму пути. Американцы недооценивали характер мексиканского президента. В отличие от бизнесмена по натуре Обрегона, склонного к компромиссам, Кальес был человеком сильным и принципиальным, очень щепетильно относившимся к собственному достоинству. Этот момент совершенно точно подметил Пестковский: «Кальес обиделся: он должен был обидеться, чтобы не потерять популярности».⁴⁸⁵

Уже 14 июня 1925 года мексиканский президент опубликовал собственную ответную декларацию. Он назвал заявление Келлога прямой атакой на суверенитет Мексики и сказал, что целью его правительства является улучшение положения трудящихся. А потому он, Кальес, намерен продолжать реформы, опираясь на Конституцию. Президент Мексики твердо подчеркнул, что законы страны об аграрной реформе вообще не могут быть предметом протестов других государств, поскольку изданы Мексикой как суверенной страной.⁴⁸⁶ Что касается туманных рассуждений Келлога о грядущей «революции», Кальес расценил их как попытку дискредитации Мексики перед лицом всего мира и неприкрытую угрозу суверенитету страны. И если уж Мексика находится перед судом всего мира, то же самое относится и к США.

Декларация Кальеса получилась довольно жесткой. Во всяком случае, давно Мексика не говорила с США таким тоном. Однако Пестковский был прав, когда писал в своем дневнике: «У меня получается впечатление, что опубликовав эту декларацию, Кальес будет все-таки стремиться путем келейных дипломатических переговоров наладить испорченные отношения со Штатами и пойдет на кое-какие уступки».⁴⁸⁷ Просто Кальес

не мог без тотальной потери престижа публично не отреагировать на столь же публичное заявление госсекретаря США.

15 июня госдепартамент проинструктировал своего временного поверенного в Мехико, что хотя ответная декларация Кальеса вызвала в США «сожаление», госдеп публично отвечать не будет. А мексиканскому послу Тельесу в госдепартаменте вообще заявили, что декларация Келлога была призвана усилить позиции Кальеса.⁴⁸⁸ Американцы явно отработывали задний ход. Таким образом, в дипломатической стычке с США Мексика одержала полную победу.

На приеме у шведского посланника 16 июня Пестковский подошел к заместителю министра иностранных дел Мексики Эстраде и в присутствии французского посла (который наверняка передал бы содержание беседы своему американскому коллеге) поздравил мексиканское правительство с «энергичной позицией». На лице Эстрады, как констатировал Пестковский, «было заметно удовольствие по поводу этого поздравления».⁴⁸⁹ Заместитель полпреда Хайкис в беседе с Ретингером 18 июня спросил, чем советское правительство может помочь Мексике. Например, «Известия» уже опубликовали сочувственную Мексике статью. Хайкис намекнул, что с соответствующей декларацией может выступить и Коминтерн. Ретингер ответил, что это нежелательно⁴⁹⁰, но была бы уместной декларация профсоюзов СССР.⁴⁹¹ Хайкис предложил Ретингеру переговорить с Моронесом и при необходимости изъявил готовность провести с ним совещание для выработки совместных действий.⁴⁹²

Американцы серьезно просчитались и в ином: своей декларацией Кальесу удалось сплотить вокруг себя весь мексиканский политический спектр. Это прямо признавалось в лично подписанной Келлогом телеграмме из госдепартамента временному поверенному в делах США в Мексике Шенфилду от 15 июня 1925 года. Келлог выражал надежду, что как только «волнение» вокруг его декларации уляжется, «лучшие и консервативные элементы правительства» окажут поддержку Кальесу в проведении в жизнь программы, которую «он так благоприятно начал, но от которой, к сожалению, отступил».⁴⁹³

Мексиканские газеты между тем печатали многочисленные поздравительные телеграммы президенту Кальесу от ведущих политических деятелей и организаций. Среди них была и телеграмма генерала Гомеса. Теперь любой мятеж против Кальеса был бы расценен как проамериканский. Учитывая тотальную ненависть мексиканцев к северным соседям, это гарантировало быстрый провал. Однако 26 июня де Негри опять рассказал Пестковскому о грозящем мятеже, теперь уже только правых генералов. Ходили слухи, что вооруженные отряды сторонников де ла Уэрты уже начали проникать в Мексику с территории США.

По данным де Негри, мятежники уже заручились поддержкой Англии (не имевшей, напомним, дипломатических отношений с Мексикой) и ищут содействия США. Гарнизон Мехико якобы находится под контролем будущих повстанцев, главной задачей которых является не допустить бегства Кальеса из столицы и, следовательно, не дать ему возможности поднять ответное восстание. Общий лозунг заговорщиков - «Долой большевиков!» (Большевиками, так же как и СМИ США, правые генералы считали антикоммунистов Моронеса и Сото-и-Гаму.) Явно рисуясь, де Негри говорил, что не знает, на чью сторону встанет в случае вспышки мятежа. Пестковский совершенно недвусмысленно рекомендовал ему поддержать Кальеса.⁴⁹⁴

Советский полпред настолько серьезно сочувствовал мексиканскому правительству, что, не откладывая дело в долгий ящик, зашел к японскому послу и сказал ему, «что если Япония серьезно заинтересована в поддержке Кальеса, то ей следует заблаговременно заняться вопросом о доставке ему оружия и амуниции». Японец не возражал, но заметил, что сначала Кальес должен обратиться к нему с соответствующей просьбой.⁴⁹⁵

Однако Пестковский пришел в своем анализе к верному выводу: США вряд ли поддержат на этом временном этапе контрреволюционное восстание против Кальеса. Он считал (как оказалось, правильно), что американцы все еще ждут уступок от мексиканского правительства. «А там посмотрим, что для них выгоднее: иметь ли в Мексике популярное правительство Кальеса, дающее им серьезные уступки, или же иметь непопулярное правое правительство, совершенно зависимое от Соединенных Штатов, но не могущее рассчитывать на продолжительное существование?»⁴⁹⁶ При такой постановке вопроса ответ на него представлялся очевидным.

Таким образом, Келлог своей неуклюжей декларацией существенно укрепил внешне- и внутривнутриполитическое положение Кальеса. Причем настолько, что мексиканский президент решил перейти в контрнаступление и нанести США ответный удар.

Сначала Кальес несколько снял напряженность в мексикано-американских отношениях, опубликовав 21 июня

1925 года декрет о выкупе конфискованных у помещиков, в том числе и у американцев, земель. Этот декрет произвел на СМИ США самое благоприятное впечатление, и большинство изданий в конце июня стали писать о грядущем улучшении отношений с Мексикой. Во время поездки по северным штатам, где была сосредоточена почти вся земельная собственность американских граждан, президент Мексики заявил, что помещики в своей законной деятельности могут рассчитывать на защиту правительства.

Однако Кальес обид не прощал. Он просто выбирал время для ответного хода. Ретингер сообщал Хайкису, что конфликт с США отнюдь не улажен. Мексиканское правительство запустило слух, что закупило крупную партию оружия в Германии. Для этого, среди прочего, туда якобы и отправился генерал Гомес. Напомним, по сообщениям газет он должен был посетить и СССР, что тоже было недвусмысленным сигналом американцам. 26 июня 1925 года немецкий посол сообщил Пестковскому, что закупка оружия в Германии вещь вполне вероятная, но доставить его в Мексику в условиях Версальского договора, запрещающего Германии торговлю оружием, и господства на море американского флота практически невозможно.

Для нанесения ответного удара по США Кальес избрал такой же алгоритм действий, как и Карранса, решив опять «прижать» американских нефтедобытчиков в Мексике. Уже в том же 1925 году Кальес фактически отказался от «соглашений Букарели» и стал разрабатывать закон, регламентировавший применение статьи 27 Конституции Мексики. Некоторые исследователи считают, что новую конфронтацию правительства Мексики с иностранными нефтяными компаниями вызвало то, что добыча нефти постоянно падала, и она не играла уже столь важной роли в качестве источника доходов правительства. Но, как представляется, дело было в другом. Кальес, как и Карранса, был сторонником неукоснительного соблюдения законов, так как без этого Мексика не могла бы стать цивилизованной страной. Убедить же своих предпринимателей следовать закону было трудно, если иностранные компании брали на себя смелость игнорировать основной закон страны - Конституцию.

К 1925 году американский капитал был основным иностранным инвестором в экономику Мексики. Если до революции английские и американские инвестиции были примерно равны - по 800 миллионов долларов, то к середине 20-х годов американцы уже серьезно обошли своих основных конкурентов. США вложили в Мексику 1,5 миллиарда долларов, англичане - примерно миллиард. Для американцев Мексика было гораздо более важна, чем для англичан, - почти половина всех заграничных инвестиций США приходилась именно на Мексику.

После революции, как выразился Пестковский, «Соединенные Штаты выперли английское влияние из Мексики». ⁴⁹⁷И все же английский капитал оставался вторым по значению после американского: англичанам принадлежало 30% нефтедобычи и 20% горнодобывающей промышленности. Советский полпред констатировал, что Лондон отказался от самостоятельной политики в Мексике и во всем следует в фарватере Вашингтона. Даже декларация Келлога, отмечал Пестковский, фактически сделана и от имени Англии. «Очевидно, сейчас нам надо считаться с наличием англо-американского блока по отношению к Мексике». ⁴⁹⁸

География американских иностранных капиталовложений с центром тяжести вокруг Мексики сформировалась почти сразу же, как только США стали экспортировать капитал в конце XIX века. В 1899 году объем прямых и портфельных американских заграничных инвестиций не превышал 500 миллионов долларов. Доля Мексики в этой сумме составляла 185 миллионов. ⁴⁹⁹Канада (второй по значению объект капиталовложений США) привлекла 150 миллионов долларов. На все европейские страны приходилось не более 10 миллионов долларов (это было в пять раз меньше, чем капиталовложения США на Кубе). К концу 1913 года американцы нарастили объем своих зарубежных капиталовложений уже до 2605 миллионов долларов. Ровно половина приходилась на Латинскую Америку. 1050 миллионов долларов - на Мексику. На всю Европу - 350 миллионов.

После окончания Первой мировой войны американский капитал стал захватывать и те сферы мексиканской экономики, где раньше господствовали немцы, - продажу лекарств и изделий из металла. Американцы контролировали и внешнюю торговлю Мексики. В 1927 году из 163 миллионов долларов мексиканского импорта 109 миллионов приходилось на США. Мексика поставляла северному соседу товаров на 137 миллионов долларов (из общего объема экспорта 294 миллиона долларов). ⁵⁰⁰

Правительство Кальеса активно поощряло американские инвестиции, но было намерено раз и навсегда урегулировать вопрос с применением национальной Конституции относительно недропользования в стране. Из миллиарда песо, вложенных в нефтяную промышленность Мексики в 1928 году, на долю самих мексиканцев приходилось немногим более 11 миллионов, на долю США - 606 миллионов, на долю Великобритании - 334

миллиона.

Расцвет мексиканской нефтяной промышленности пришелся на последний год пребывания у власти Каррансы. В 1920 году цена барреля мексиканской нефти составляла 3,07 доллара. Но уже в следующем году, когда в мире начался экономический кризис, цена барреля упала сразу на 44%. И эта неблагоприятная для Мексики тенденция продолжалась до 1931 года. В тот год цена за баррель на рынке США не превышала 0,65 доллара, то есть равнялась одной пятой цены 1920 года.

Падение цены на нефть было одной из причин (хотя и не основной) сокращения добычи «черного золота» в Мексике. Если в 1921 году в Мексике было добыто 194 миллиона баррелей нефти, то в 1923 году - 149 миллионов, в 1925 году - 115, а в 1927-м - 64 миллиона. Дело в том, что к середине 20-х годов истощились основные месторождения, на которых компании добывали нефть с начала века. 55% пробуренных в 1921-1929 годах на старых участках скважин не дали положительного результата на нефть. К 1936 году в Мексике было 2483 действующие скважины и 2390 «сухих». Новые площади иностранные компании не приобретали, так как продолжался их спор с мексиканским правительством относительно применения статьи 27 Конституции 1917 года. Это был фактический саботаж, так как ничего экстраординарного Конституция не провозглашала, что позднее признавало и английское Министерство иностранных дел.

В отличие от времен диктатора Диаса, когда иностранцы могли приобрести бессрочно не только землю, но и недра Мексики, Конституция 1917 года в статье 27 провозглашала недра собственностью нации. Однако в той же статье 27 говорилось, что нация может продать эти недра в частную собственность. Отнесение недр к собственности государства было, собственно, возвращением к правовой практике испанских колониальных времен. Мексиканское правительство лишь требовало от иностранных компаний переоформить свои права на добычу в соответствии с новым основным законом.

Стойкое нежелание американских нефтяных компаний соблюдать мексиканскую Конституцию объяснялось тем, что к середине 20-х годов Мексика уже перестала быть для США основным источником импортной нефти. В 1914 году в Венесуэле были открыты месторождения нефти, по качеству гораздо лучше мексиканских. Правительство Венесуэлы особым национализмом не отличалось, и американские компании быстро захватили там господствующие позиции. Если в 1922 году в Венесуэле добывалось чуть больше 6 тысяч баррелей в день, то в 1928 году - уже 515 тысяч.

Началась активная нефтедобыча и на Ближнем Востоке, прежде всего в Иране.

В Мексике же в руках иностранцев находилась не только нефтедобыча, но и переработка нефти. Однако американские компании предпочитали поставлять нефтепродукты со своих заводов в США, что сдерживало развитие мексиканской экономики. Так, родной штат Кальеса Сонора обеспечивался нефтепродуктами из США, что частично объяснялось отсутствием прямого железнодорожного сообщения между Сонорой и нефтяной провинцией Тампико.

В 1925 году, поглотив ряд конкурентов, американский гигант «Стандард Ойл» занял в мексиканском нефтяном секторе доминирующее положение. Площадью находившейся в его собственности мексиканской территории «Стандард Ойл» несколько превосходил своего основного конкурента «Ройял Датч Шелл» (881 и 850 тысяч гектаров соответственно). Однако по мощностям нефтепереработки никакого равенства не было; американцы могли перерабатывать 162 тысячи баррелей в день, англичане - только 85 тысяч.

Значение нефти как источника доходов мексиканского федерального бюджета постоянно уменьшалось. Если в 1920 году доходы от добычи и экспорта нефти составляли 21,5% общих доходов мексиканского правительства, то в 1925 году - 14,7%, а в 1927 году - 8,3%.

Начало новой нефтяной войны между Мексикой и США следует отнести на счет бескомпромиссной позиции американских нефтяных компаний. Тех не устраивала юридически необязательная форма «соглашений Букарели», и лоббисты нефтяных компаний настаивали в Вашингтоне на заключении договора между Мексикой и США по вопросу правового статуса иностранных инвесторов в нефтяном секторе Мексики. Госдепартамент США предложил Мексике подписать такой договор. Однако Кальес отверг этот подход как несовместимый с суверенитетом страны.

Решившись на конфликт с нефтяными компаниями США, Кальес шел ва-банк. Пестковский писал в Москву, что американское нефтяное лобби во главе с «небезызвестным сенатором Фоллом» давно настаивает на прямой военной интервенции в Мексике. Еще во времена Обрегона «американским генеральным штабом был

разработан план интервенции, по которому

для ее осуществления требовалась армия в 500 000 человек и расход в один миллиард 501 долларом».

Чтобы окончательно урегулировать вопрос о нефтедобыче, в мексиканском Конгрессе началась подготовка закона, регламентирующего применение статьи 27 Конституции. Самый радикальный, с точки зрения американских нефтяных компаний, проект предложил новый министр промышленности и лидер КРОМ Моронес. На более мягком варианте настаивали министр финансов Пани и министр иностранных дел Саенс.

1 сентября 1925 года Кальес в ежегодном обращении к Конгрессу подвел итоги своей деятельности за первый год президентства. В своем выступлении он и предложил парламенту рассмотреть законопроект, регламентирующий владение иностранцами землей в Мексике.

Американцев не устраивал ни один из этих законопроектов. На стороне компаний полностью был тогдашний посол США в Мехико Шеффилд. Он презирал мексиканцев, считая их неполноценной расой, которая должна покориться более цивилизованным американцам и тем самым обрести свое счастье. Именно по инициативе Шеффилда госсекретарь США Келлог выступил 12 июня 1925 года с предостережением в адрес Мексики (в декларации об этом говорилось прямо).

Уже в сентябре 1925 года временный поверенный в делах США в Мексике Шеффилд передал в Вашингтон текст правительственного законопроекта. 22 октября вернувшийся в Мехико Шеффилд в телеграмме в Вашингтон сообщал об успешном обсуждении закона в мексиканском парламенте и требовал немедленного протеста со стороны госдепартамента.⁵⁰² Однако госсекретарь Келлог 29 октября ответил своему послу, что из текста закона пока не усматривается его ретроактивный характер, то есть он не затрагивает прав американцев, приобретенных до вступления в силу Конституции Мексики в мае 1917 года. Поэтому формальный протест в виде вербальной ноты Вашингтон счел пока излишним.⁵⁰³ Однако Шеффилду рекомендовалось посетить министра иностранных дел и «в дружеском тоне» предупредить его, что никаких ретроактивных статей в новом законе американцы не потерпят. 4 ноября Шеффилд посетил Саенса и попросил у него информации относительно самых важных статей нового закона. Мексиканец уклончиво ответил, что законопроект подвергся серьезной доработке и обсуждать его пока рано, но заверил Шеффилда, что обратной силы закон иметь не будет. Министр подчеркнул, что закон приходится принимать для того, чтобы избежать в будущем проблем с иностранными правительствами по вопросу мексиканской аграрной реформы. Получалось, что Келлог сам инициировал новый закон своей пресловутой декларацией.⁵⁰⁴

Требование информации по еще не утвержденному парламентом другой страны законопроекту было нарушением дипломатических приличий. Американцы добились только того, что Кальес стал спешить и официально внес доработанный закон на утверждение Конгресса 10 ноября 1925 года.

Тут у Вашингтона явно сдали нервы, и 17 ноября Шеффилд передал министру иностранных дел Мексики памятную записку. В ней, как отмечало советское полпредство, указывалось, что закон нанесет ущерб интересам американских граждан, и те будут апеллировать за помощью к своему правительству.⁵⁰⁵ Ссылаясь на «соглашения Букарели», Шеффилд опять требовал заключения юридически обязательного американо-мексиканского договора, в котором фиксировались бы все права американцев в Мексике.

МИД Мексики ответил нотой от 25 ноября 1925 года, в которой говорилось, что «соглашения Букарели» не влекут для Мексики никаких обязательств. Мексика готова приступить к обсуждению проекта договора, только если он будет равноправным. 5 декабря МИД Мексики нотой выразил официальное удивление, что США обращаются с возражениями позакону, который еще не утвержден: «...то обстоятельство, что делается оговорка... о дружественном тоне представления, не мешает тому, что подозрительные умы могут подумать о том, что речь идет о давлении на законодательный корпус... тем более, когда это представление делается на основе газетной информации»,⁵⁰⁶

Столь явное вмешательство янки во внутренние дела Мексики только усилило позиции Моронеса и антиамериканский настрой Конгресса, и 31 декабря 1925 года парламент принял подготовленный министром труда вариант «нефтяного закона». Закон предусматривал, что все иностранные нефтяные компании, имеющие в собственности недра, должны в течение года переоформить свои концессионные договоры сроком на 50 лет (статья 14 закона). По истечении годичного срока те компании, которые не переоформили свои права, утрачивали право собственности на участки (ста- [Картинка: image45.jpg] Одно из нефтяных месторождений в Мексике

тья 15). Права переоформлялись только на те участки, на которых до мая 1917 года велись «позитивные работы» по нефтедобыче или ее подготовке. Остальные участки подлежали возврату государству.

Американские нефтяные компании не согласились с этим законом, и 8 января 1926 года правительства США и Великобритании направили Мексике ноты протеста.⁵⁰⁷ Американцы протестовали против обратной силы закона. В Министерстве иностранных дел Великобритании считали, что в принципе позиция мексиканского правительства не противоречит нормам международного права, поэтому британская нота была мягче. Лондон направил ее только из солидарности с США и по просьбе их правительства (американцам хотелось представить свои интересы как международные).

Мексиканское правительство 20 января 1926 года отвергло ноту США и, в общем, справедливо утверждало, что новый закон, вопреки утверждению госдепартамента, не носит никакого конфискационного характера. Правительство Кальеса согласилось образовать специальную совместную комиссию с представителями американских нефтяных компаний для выработки возможного компромисса, однако сближения позиций не произошло. Американцев не устраивал даже термин «концессия» (в буквальном переводе «уступка»). Они настаивали на безусловном и неограниченном по времени праве собственности на землю и недра.

Великобритания хотела предложить свои посреднические услуги, однако, натолкнувшись на бескомпромиссную линию США, решила вообще не вмешиваться в конфликт.

Нотная переписка между Мексикой и США шла до самого конца 1926 года, причем мексиканцы не отошли от своей позиции ни на шаг.

Американцы же в начале 1926 года уже детально разрабатывали план свержения правительства Кальеса. Для пропагандистской подготовки заговора использовался уже проверенный «аргумент» - Мексика-де попала в руки большевиков. Американский посол в Мексике Шеффилд вообще утверждал, что Мексикой управляет полпредство СССР через «большевика» Моронеса. Правда, во внутреннем документе государственного департамента США того периода говорилось нечто совершенно противоположное: «...слишком мало ощутимых доказательств... что правительство Мексики само является большевистским».⁵⁰⁸

Отношения между США и Мексикой обострились еще и из-за столкновения стран по вопросу развития обстановки в Никарагуа. Советское полпредство отмечало: «Конфликт Мексики с Соединенными Штатами чрезвычайно усложнился событиями, разыгравшимися в недавнее время на территории маленькой республики Никарагуа».⁵⁰⁹

Никарагуа имела для США большое значение. Американцы не оставляли планов прорыть через территорию этого государства еще один канал между Атлантическим и Тихим океанами. По мнению советского полпредства, «последние годы были годами окончательного укрепления Соединенных Штатов в этом чрезвычайно важном для них стратегическом пункте путем смены неугодных им правительств и постоянного экономического и финансового овладения страной».⁵¹⁰

Политическая система Никарагуа очень походила на дореволюционную мексиканскую. В стране существовали две партии - консервативная (объединяла помещиков, духовенство и высшее офицерство) и либеральная (средние слои горожан, рабочие, крестьяне). Американцы активно поддерживали консерваторов, хотя и либералы никакого антиамериканизма не проповедовали. Либералы одержали победу на президентских выборах в октябре 1924 года. Президентом был избран Карл Солорсано, вице-президентом - Хуан Сакаса. Но в октябре 1925 года генерал Эмилиано Чаморро при поддержке США поднял, причем не в первый раз, мятеж против законного правительства.⁵¹¹ Мексика предложила президенту военную помощь и обещала даже прислать канонерскую лодку, если он решит противостоять мятежникам, но Солорсано не стал испытывать судьбу и ушел в отставку. 14 января 1926 года запуганный никарагуанский Конгресс избрал Чаморро президентом.

Мексика немедленно разорвала дипломатические отношения с новым режимом и закрыла свою миссию в Никарагуа. Даже США ввиду явного насилия над демократией решили непризнавать правительство Чаморро. «В результате Чаморро провел в президенты своего ставленника Адольфо Диаса, немедленно признанного США».⁵¹²

Между тем свергнутый вице-президент Сакаса в январе 1926 года приехал в США, чтобы попросить американцев, обычно столь озабоченных защитой демократических ценностей по всему миру, помочь ему

восстановить в Никарагуа демократический режим. Келлог принять его отказался, а в государственном департаменте Сакасе заявили следующее: правительство Чаморро США не признают, но и для его свержения предпринимать ничего не будут.

Только встретив холодный прием в Вашингтоне, Сакаса обратился за помощью к мексиканскому послу в США Тельесу,⁵¹³ который принял его очень тепло. Сакаса просил, чтобы мексиканские гражданские суда помогли ему перебросить оружие в Никарагуа, где он планировал поднять восстание в мае 1926 года. В конце января 1926 года (в разгар дипломатической полемики между Мексикой и США по вопросу о «нефтяном законе») министр иностранных дел Мексики Саенс сообщил Тельесу, что Мексика готова помочь Сакасе, но только в том случае, если он приедет для переговоров в Мехико. Но Сакаса колебался: он все еще не оставлял попыток перетянуть на свою сторону США и ехать в «большевистскую» Мексику не хотел.

Колебания Сакасы привели к тому, что организованное им и оставленное без оружия восстание было быстро подавлено. Только после этого, в июне 1926 года, Сакаса отправился в Мехико. Был подписан договор о взаимной помощи, в котором, по данным американской разведки, содержалось обязательство Сакасы после прихода к власти расторгнуть американоникарагуанский договор Брайана - Чаморро, дававший США право на прорытие трансокеанского канала в Никарагуа.⁵¹⁴

В августе 1926 года в Никарагуа вспыхнуло новое восстание, которое мексиканцы поддерживали поставками оружия и боеприпасов. Сакаса закупал оружие на предоставленные ему мексиканским посланником в Гватемале несколько сотен тысяч долларов в различных странах Центральной Америки и в тех же США. Мексиканская дипломатия пыталась создать единый фронт центральноамериканских стран в пользу законного правительства Никарагуа. Далось добиться того, что президент Гватемалы Орельяно фактически разрешил никарагуанским либералам использовать территорию своей страны как базу для подготовки военных операций. О «благожелательном нейтралитете» в пользу повстанцев объявил Сальвадор. Впервые в истории Латинской Америки США столкнулись с попыткой вывести целый регион (Центральную Америку) из-под американского влияния.

Начиная с августа 1926 года как минимум семь мексиканских кораблей доставили оружие и боеприпасы на атлантическое и тихоокеанское побережье Никарагуа. На борту судов были также и мексиканские добровольцы. К октябрю 1926 года повстанцы укрепились на обоих берегах страны и стали готовиться к завершающему походу на столицу страны Манагуа.

Кальес отнюдь не намеревался экспортировать в Никарагуа мексиканские социально-экономические реформы, которые к тому же не собирался проводить и сам Сакаса. Для Мексики помощь либералам в Никарагуа была прекрасной возможностью создать в Центральной Америке блок под своим руководством, чтобы заставить американцев еще больше считаться с Мексикой как региональным лидером, по крайней мере, в Центральной Америке.

Сакаса высадился 2 декабря 1926 года в никарагуанском порту Пуэрто-Кабесас, создав там конституционалистское правительство.⁵¹⁵ Уже 7 декабря оно было признано Мексикой как единственное законное в Никарагуа.

Американцы находились в крайне сложной ситуации. Чаморро был слишком одиозной фигурой, и поэтому американский посланник в Манагуа уговорил его и партию консерваторов передать власть Адольфо Диасу, о чем упоминалось выше. Это было нужно для того, чтобы создать видимость «конституционности» новой власти. США признали режим Диаса 26 декабря 1926 года. Так Мексика и США стали поддерживать в Никарагуа разные правительства, которые вели между собой гражданскую войну.

В США при прямом содействии госдепартамента развернулась мощная газетная кампания, голословно обвинявшая Мексику в том, что она при поддержке СССР хочет насадить в Никарагуа «большевистский режим». Ведь Келлогу надо было хотя бы как-то объяснить шовинистски настроенному обществу, почему какая-то Мексика осмелилась противостоять США в «мягком подбрюшье» Америки. Конечно, Кальес-де опирался на русских. В то же время мексиканские власти вообще отрицали сам факт помощи либералам в Никарагуа. По наущению США новый никарагуанский «президент» Диас в специальном заявлении от 11 декабря 1926 года попросил у Вашингтона помощи в борьбе с распространением большевизма из Мексики на Центральную Америку.⁵¹⁶

Американцы отреагировали немедленно и еще до официальной просьбы Диаса направили в территориальные

воды Никарагуа эскадру адмирала Латимера, чтобы воспрепятствовать ввозу оружия из Мексики. На это отреагировал 8 декабря 1926 специальным заявлением протеста сам Кальес. Как отмечало советское полпредство, «позиция, занятая Мексикой, была встречена в Латинской Америке с восторгом».517США, по меткому выражению Обрегона, «ревнуют Мексику к своему монопольному праву устраивать революции в Латинской Америке».518

США направили в Никарагуа свою морскую пехоту, которая вела боевые действия на стороне консерваторов.519Для Мексики параллели были очевидны: там хорошо помнили, как при поддержке посла США в Мехико Вильсона в феврале 1913 года военные свергли и убили законно избранногопрезидента страны Мадеро.

Поэтому правительство Кальеса продолжало оказывать помощь никарагуанским либералам оружием и добровольцами. По всей Мексике при поддержке КРОМ были созданы комитеты содействия никарагуанским патриотам, собиравшие средства. В Никарагуа из Мексики были тайно направлены две военных экспедиции: одна вдоль тихоокеанского, другая -вдоль атлантического побережья. Ускользнув от дежурившего у берегов Никарагуа американского флота, около 500 мексиканцев и иностранных военных советников (немцев) под командованием генерала Гарсы высадились в Пуэрто-Кабесас. Другую экспедицию возглавлял генерал Ириас. Мексиканцы приняли участие более чем в 56 боевых столкновениях с морской пехотой США и совместно с никарагуанскими либералами практически осадили американцев в столице Никарагуа

Манагуа.520Национальный герой Никарагуа Аугусто Сесар Сандино, перед тем как активно включиться в борьбу против янки на родине, был в эмиграции в Мексике, где работал на нефтепромыслах Тампико.521

Возмущению США не было предела. 10 ноября 1926 года газета «Нью-Йорк Таймс» писала, что настало время полностью разорвать все отношения с «красной» Мексикой. При этом, как мы помним, до 31 декабря 1926 года все иностранные нефтяные компании должны были перерегистрировать у мексиканского правительства свои права на нефтедобычу в соответствии с новым законом. [Картинка: image46.jpg] Национальный герой Никарагуа Аугусто Сандино

Американцы усилили блокаду никарагуанского побережья, и в декабре 1926 года одному мексиканскому кораблю с оружием уже не удалось прорваться в страну. 24 декабря 1926года морская пехота США захватила ставку Сакасы - порт Пуэрто-Кабесас, через который шел основной поток мексиканской помощи. Американцы объявили все побережье, находившееся в руках либералов, «нейтральной зоной» и потребовали от повстанцев сложить оружие, угрожая в противном случае применить силу. Таким образом, фактически США спасли своего ставленника Диаса от полного разгрома.

Мексиканское правительство было вынуждено свернуть военную помощь никарагуанским либералам, тем более что в самой Мексике назревал крупный антиправительственный мятеж, подготовленный не без участия США. Посол Шеффилд с удовлетворением писал бывшему президенту США Тафту: «... эти морские пехотинцы в Никарагуа лучше, чем вседиبلوماسية ноты, которые могут быть посланы мексиканскому правительству. Он понимают и уважают только силу».522

Госсекретарь США Келлог направил в январе 1927 года в Сенат США меморандум, озаглавленный «Цели и политика большевиков в Мексике и Латинской Америке». В этом меморандуме мексиканское правительство без особых доказательств квалифицировалось как большевистское.

Прежде, 30 октября 1926 года Келлог выступил с нотой, где потребовал отменить «нефтяной закон». 15 ноября помощник государственного секретаря США Роберт Олдс сделал для трех информационных агентств заявление, в котором назвал администрацию Кальеса «филиалом большевистского правительства» и даже обвинил Мексику во вмешательстве в зоне Панамского канала. Олдс возмущался тем, что «между Москвой и Мехико-сити существовали теплые симпатии, если не настоящее взаимопонимание». Он попросил американскую прессу распространить эти взгляды среди общественности. Когда его спросили, почему государственный департамент не сделал официального заявления, Олдс ответил, что в таком тоне не говорят о стране, с которой США поддерживают «дружественные» отношения.

Между тем в Москве с симпатией следили за независимой внешней политикой Мексики и оказали Кальесу всю возможную дипломатическую поддержку перед лицом возраставшей угрозы прямой интервенции со стороны США. Одновременно Сталин всячески избегал любых действий, которые американцы могли бы расценить как «большевистское вмешательство» и использовать против Мексики.

Полпред СССР в Мексике Пестковский, человек очень умный и деятельный, получал от фактического руководителя советской внешней политики того периода замнаркома иностранных дел Литвинова (нарком Чичерин часто болел и лечился за границей) инструкции, которые фактически обрекали его на полное бездействие в отношении развития ситуации как в Мексике, так и в Латинской Америке в целом.

Пестковский сообщал в Москву некоторые сведения о положении в других латиноамериканских странах, опираясь в основном на газеты.⁵²³ Бразильский и уругвайский послы в Мексике в беседах с ним осторожно спрашивали о перспективах установления дипломатических отношений с СССР. Сам Пестковский пытался наладить контакт с чилийским посланником. Пришли к советскому полпреду и венесуэльские оппозиционеры, которые интересовались, может ли СССР чем-то помочь в деле свержения проамериканского диктаторского правительства Гомеса.⁵²⁴ Они сказали Пестковскому, что закупили оружие на деньги мексиканского правительства и просят СССР предоставить корабль для его переброски в Венесуэлу или выделить 7000 долларов на аренду такого корабля. Пестковский лишь пообещал проинформировать Москву об их просьбе. Кстати, и президент

Обрегон, и министр образования в его правительстве Хосе Васконселос оказывали венесуэльской эмиграции активную помощь.⁵²⁵

Тем не менее Литвинов в своем письме Пестковскому от 23 февраля 1926 года подверг полпреда жесткой критике. «Нас не может не интересовать, что происходит в южно-американских республиках, в частности, тенденции к самоэмансипации от ига Соединенных Штатов... отсюда не следует, что мы как государство предполагаем вести какую-либо активную работу в Южной Америке по сколачиванию их против Соединенных Штатов. Мы слишком большое значение придаем возможному сближению с Соединенными Штатами, чтобы предпринимать шаги, которые неизбежно будут срывать это сближение. Я должен поэтому самым серьезным образом предостеречь Вас против какого бы то ни было активного вмешательства в дела южноамериканских государств. Нет никаких гарантий того, что Ваши разговоры с находящимися в Мексике дипломатами и общественными деятелями не становятся немедленно достоянием американского правительства. В связи с этим приходится сожалеть, что Вы пускались в разговоры о латиноамериканском союзе с Кальесом⁵²⁶... Считаем излишними и вредными какие-либо Ваши переговоры и разговоры с т.н. революционерами из южноамериканских стран. В большинстве случаев это проходимцы или агенты той или иной империалистической державы. Даже обещание передавать их предложения в Москву... я считаю неосторожным. Лучше всего их вовсе не принимать и ни в какие переговоры с ними не вступать».⁰⁷

Опасения Литвинова, пожалуй, были чрезмерны. Ведь американцы кричали о большевистском проникновении в Латинскую Америку, прекрасно понимая, что никакого проникновения нет и в помине. Вашингтон в то время отношения с СССР не интересовали. Рузвельт пошел на признание Советского Союза в 1933 году, только после того, как Япония поставила под сомнение позиции США в Восточной Азии и на Тихом океане. Тогда США были заинтересованы в возможном союзнике в борьбе с японской агрессией, и все разговоры о «большевистском проникновении» в Латинскую Америку немедленно прекратились.

Похоже, и Пестковский, и его преемница на посту полпреда Коллонтай были не согласны с линией Москвы, которая фактически отдавала Латинскую

Америку на откуп США. Еще в 1925 году полпред писал в Москву: «Не только у нас, в СССР, но и во многих других странах Европы, до последнего времени недооценивали значение Латинской Америки».⁵²⁸ Пестковский даже просил, чтобы его вызвали в Москву, где он смог бы на месте разъяснить всю важность Латинской Америки для советской внешней политики. Но Литвинов и в этом отказал полпреду.

Инструкции Литвинова Пестковскому относительно его поведения в самой Мексике были еще жестче. Замнаркома отверг новаторское предложение Пестковского о координации Мексикой и СССР нефтяной политики на мировом рынке на том основании, что, мол, Мексика сама нефть не продает - это делают иностранные компании.⁵²⁹ Между тем нефтяное законодательство Мексики на практике очень существенно влияло на нефтедобычу, а значит, и экспорт «черного золота». СССР в то время был крупнейшим экспортером нефти в Европе, а Мексика - в мире. Не подлежит сомнению, что обе страны могли бы совместно определять цены мирового рынка. Однако это явно не понравилось бы США, с которыми так хотел сблизиться Литвинов⁵³⁰.

«Не понял» Литвинов, и что имеет в виду полпред, предлагая, чтобы Москва уделяла больше внимания

«мексиканским вопросам».531 Напротив, он указывал Пестковскому: «Еще в большей степени Вам необходимо воздерживаться от вмешательства во внутреннюю борьбу мексиканских партий и общественных групп».532 Непонятно, чем вызвано это пожелание замнаркома. Пестковский вел себя осторожно и даже отклонил приглашение об участии в съезде крестьянских лиг Веракруса, хотя эти лиги пользовались полной поддержкой властей штата. Как уже упоминалось, он отказал советнику Моронеса Ретингеру в просьбе повлиять на политику мексиканской компартии.

Основная проблема советско-мексиканских отношений того периода никак не зависела ни от Пестковского, ни от линии Кремля в Латинской Америке в целом. СССР был крайне популярен в Мексике без всякого участия Пестковского и задолго до его приезда. Но, на беду, те мексиканские группы, которые считали себя самыми искренними друзьями СССР - коммунисты, независимые профсоюзы (особенно железнодорожники), Синдикат революционных деятелей искусств и левые крестьянские лиги были противниками Кальеса и Моронеса с его КРОМ. Любое обострение отношений Моронеса и Кальеса с этими организациями неизбежно влекло за собой ухудшение отношений Мексики с СССР, так как Моронесу было проще обвинить в несговорчивости и неуступчивости тех же железнодорожников Москву, чем взять вину на себя. Но что мог поделать Пестковский, если железнодорожники и коммунисты были против планов Кальеса по приватизации железных дорог и не хотели вступать в КРОМ?

Помимо сложностей мексиканской внутривнутриполитической жизни советско-мексиканские отношения были заложником отношений мексиканоамериканских. Ведь даже решение о возобновлении дипотношений с Советским Союзом Обрегон принимал с оглядкой на США.

Пестковский все это прекрасно понимал - как и то, что реально повлиять на эти факторы он не в состоянии. В своем первом обширном докладе в Москву полпред писал: «Так как мексиканская политика соткана из противоречий, то отношения Мексики и СССР подвергаются резким колебаниям».533 Пестковский совершенно верно отмечал, что Обрегон поспешил с восстановлением дипотношений с СССР только под влиянием мятежа де ла Уэрты, чтобы обеспечить себе поддержку рабочих и крестьян: «...коммунисты оказали Обрегону существенную поддержку против этого восстания».534 Поэтому «все время правления Обрегона и первые месяцы правления Кальеса отношения между нами и здешним правительством были прекрасны. После прибытия я получил в дипломатической форме согласие на поддержание отношений с рабочими и крестьянскими организациями535 (мининдел Саенс на первом приеме два раза сказал: «Вы будете очень хорошо приняты всеми, особенно рабочими»). Это согласие я использовал в малой степени и очень осторожно. Правда, газеты «Эль Универсаль» и «Эксельсиор»536 скоро выступили против моей «пропаганды». Но когда я беседовал с Кальесом, он сказал мне: «Не обращайтесь».537

Однако приблизительно с марта 1925 года, как отмечал Пестковский, мексикано-советские отношения стали портиться под влиянием двух факторов: «1) Обострение классово-борьбы в самой Мексике. 2) Ухудшение отношений с Соединенными Штатами. Кальес и его ближайший сотрудник [Картинка: image47.jpg] Георгий Васильевич Чичерин (второй справа)

Моронес считают себя рабочими лидерами и требуют, чтобы рабочий класс действовал всегда по их указке. А между тем с весны538 не только коммунисты и независимые профсоюзы, но и лабористские союзы переставали слушаться этих «присяжных лидеров». Подобный же перелом наблюдается и в крестьянстве. Не желая понимать, что причиной недовольства является невыполнение предвыборных обещаний, Кальес и Моронес склонны были сваливать вину за эту перемену настроения в массах на коммунистов, следовательно, на меня».539

А тут еще «кстати», как писал в Москву Пестковский, «подоспело» ухудшение мексикано-американских отношений. «Я сомневаюсь, чтобы во всех своих переговорах с Кальесом здешний американский посол подымал вопрос о неуместности нашего пребывания здесь. Но случилось иное: американская пресса, сначала так хвалившая Кальеса, заговорила о его «большевизме». Тон был, конечно, задан здешним американским посольством».540 В этих условиях Кальесу понадобилось дистанцироваться от Москвы.

Предлог мексиканскому президенту представился скоро. Нарком СССР по иностранным делам Чичерин в своем выступлении в Тифлисе 4 марта 1925 года541 немного неловко прокомментировал установление дипломатических отношений с Мексикой, сказав, что это даст СССР базу для дальнейшего развития связей с Латинской Америкой. В русском языке того времени слово «база» могло означать только «основа». В значении

«военная база», как сейчас, оно еще не употреблялось.

Тем не менее американские газеты немедленно придрались к слову «база», подняв в газетах шумиху о «мексиканском плацдарме» Кремля. Кальесу пришлось оправдываться, и он заявил, что Мексика не допустит, чтобы ее превратили в марионетку для чужой пропаганды. «Интересно, - писал Пестковский, - что в этой декларации Кальеса нет никакого намека на недовольство нашим посольством. Это объяснить легко: Кальес опасался, что в случае, если бы он выступил против меня, я мог бы заявить, что моя активность здесь протекала в согласии с ним, и что самое интересное, это то, что все, кроме, может быть, некоторых мексиканских коммунистов, вполне поверили бы в истинность этого заявления. Этого-то и боялся Кальес и поэтому придрался исключительно к речи Чичерина».542

В Москве на Кальеса даже не обиделись - там всерьез полагали, что он просто сделал жест в сторону США (настолько смехотворным был предлог), и отнеслись к этому с пониманием.

29 апреля 1925 года Пестковского принял Кальес. «Прием с самого начала поразил меня своей холодностью».543 Мексиканский президент никак не отреагировал на переданное ему полпредом приветственное послание сопредседателя ЦИК СССР Нариманова и подчеркнуто молчал. Чтобы вызвать собеседника на разговор, Пестковский спросил, нельзя ли провести конференцию Всеамериканской антиимпериалистической лиги в Мексике.544 «Здесь подумал я, Кальес прорвется и заговорит о моей деятельности. Ничуть не бывало».545 Президент лишь поинтересовался, «на каких началах» будет организована конференция. Полпред ответил, что участие в работе смогут принять все «рабочие, крестьянские и интеллигентские» организации, которые сочувствуют антиимпериалистическим идеям. Намек был вполне ясен - может участвовать и КРОМ, лидеры которого не уставали заявлять о своем антиимпериализме. «Здесь Кальес заговорил: он-де считает нужным опираться исключительно на рабочие организации; крестьяне мало стоят, а интеллигенты являются вредными и с ними не следует связываться».546 Так президент, в свою очередь, намекнул Пестковскому, что никого, кроме КРОМ, приглашать не следует. Открыто же Кальес лишь сказал, что в Мексике свобода, и это можно было расценить как согласие на проведение конференции.

Холодный прием Пестковского был обусловлен тем, что Кальес уже намеревался выступить с декларацией против речи Чичерина. 4 мая 1925 года к советскому полпреду зашел де Негри и сказал, что только что говорил с Кальесом и тот показал ему проект своей декларации. Помимо этого, Кальес сказал, что недоволен активностью Пестковского в вопросах Антиимпериалистической лиги (странно только, что он не выразил своего отношения к этому во время беседы с самим Пестковским). Сложно понять, чем, собственно, был недоволен Кальес: и правительство Мексики, и правительство СССР постоянно, в том числе в официальных речах по случаю возобновления дипотношений, подчеркивали публично общность своих интересов в борьбе против империализма. Чем обидел советский полпред Кальеса, когда официально попросил разрешения на проведение в Мексике конференции Антиимпериалистической лиги? Конечно, это конференция вызвала бы нападки США, но при чем здесь был Пестковский? Американцы и так обвиняли Мексику в большевизме, не утруждая себя доказательствами. Когда де Негри в беседе с Кальесом сказал, что полностью солидарен с Пестковским, президент подчеркнуто холодно протерся с ним.

Уже на следующий день, 5 мая 1925 года, все крупные мексиканские газеты напечатали декларацию Кальеса по поводу речи Чичерина. Правые газеты, комментируя декларацию, требовали разрыва дипломатических отношений с СССР. В этот же день германский посол сказал Пестковскому, что декларация - попытка Кальеса задобрить США.547

Американские газеты немедленно поддержали Кальеса. Однако 6 мая Пестковский в интервью газете «Эксельсиор» разъяснил слова Чичерина: нарком имел в виду, что установление дипотношений с Мексикой - только первый шаг в налаживании таких же отношений со всеми латиноамериканскими странами.

7 мая Пестковский посетил министра иностранных дел Мексики Саенса. Прежде всего, полпред выразил удивление тем, что в беседе с ним Кальес ни словом не обмолвился о своих претензиях к СССР. Саенс довольно неуклюже пытался оправдаться тем, что, видимо, президент тогда не имел еще отчета мексиканского посланника в Москве. Пестковский напомнил: то место в декларации Кальеса, где он говорит об отсутствии общности между мексиканской и русской революциями, явно противоречит прежним декларациям, сделанным им самим и мексиканским посланником в Москве. Чичерин же в своем выступлении имел в виду Мексику только как базу для налаживания дипломатических отношений с другими странами Латинской Америки, что

«никак не может считаться посягательством на суверенитет Мексики, как это изобразил Кальес в своей декларации».548 Саенс ответил, что декларация Кальеса «не является продиктованной Соединенными Штатами (я его об этом не спрашивал), но что она является политически необходимой в тех условиях, в которых находится Мексика в данное время». Фактически министр тем самым признал, что декларация была жестом в сторону США, ибо никаких других особенностей в положении Мексики тогда не наблюдалось. Пестковский это понимал. «Тогда я сказал, что, вероятно, наше правительство, считаясь с затруднительным положением Мексики по отношению к Штатам, не будет очень обижено, если правительство Мексики будет делать подобные декларации, но при двух условиях: 1) что вопрос будет предварительно дискутироваться с нами; 2) что эти декларации должны писаться не в том тоне, что последняя. Расстались мы с Саенсом хорошо».549

Позицию Пестковского задним числом полностью поддержали в НКИ Д, и СССР не стал реагировать на довольно резкий жест Кальеса.550 Однако мексиканские власти не унимались и стали прибегать к откровенным провокациям. На следующий день после визита советского полпреда в МИД подробная информация о беседе Пестковского с Саенсом появилась в газетах. Источником мог быть только Саенс, так как Пестковский после встречи с прессой не общался. Некоторые газеты писали, что советский полпред обидел мексиканское правительство и лично Кальеса. Саенсу пришлось опубликовать официальное заявление о том, что он считает инцидент с речью Чичерина исчерпанным.

Но это было явно не так. Американцам очень хотелось раздуть дело до полномасштабного конфликта. Пресса США опубликовала интервью с мексиканским министром внутренних дел Валенсуэлой, который утверждал, что МВД ведет официальное расследование законности деятельности Пестковского в Мексике и что не исключена высылка советского полпреда. Сам Валенсуэла поместил в мексиканских газетах официальное опровержение: никаких данных о противозаконной деятельности Пестковского у мексиканского правительства не имеется.

Примечательно, что в эти же дни де Негри опять настойчиво говорил Пестковскому о готовящемся военном мятеже против Кальеса. 8 мая 1925 года он сказал, что в восстании примут участие как правые, так и левые генералы, недовольные Моронесом. Возможно, таким образом Кальес через де Негри прощупывал Пестковского и искал повод для обвинения полпреда во вмешательстве во внутренние дела. Этим объяснялся бы намек на «левых генералов» - до этого де Негри говорил только о контрреволюционном восстании; любопытен и намек на Моронеса - Пестковский был о нем явно невысокого мнения, и собеседник это знал. Однако советский полпред предложил де Негри «работать в направлении... отрыва левых от правых» и рекомендовал, чтобы все левые элементы в случае мятежа поддержали Кальеса.551

Именно после декларации Кальеса, 10 мая 1925 года представитель Моронеса Ретингер, как упоминалось выше, предложил Пестковскому повлиять на коммунистов, чтобы те прекратили нападки на правительство. Видимо, Кальес и Моронес решили, что советский полпред достаточно напуган и его теперь можно использовать в мексиканских внутривнутриполитических целях. Но, как мы помним, Пестковский и здесь проявил твердость и дипломатический такт, не поддавшись на провокацию. Сюда же можно отнести и настойчивые приглашения Пестковского Моронесом в его министерство - такой визит после антисоветской декларации Кальеса должен был подать мексиканским коммунистам и независимым профсоюзам сигнал, что СССР полностью поддерживает Кальеса, что бы тот ни говорил в адрес Москвы. И эта комбинация была разгадана советским полпредом, который, как также упоминалось, предложил Моронесу встретиться в «нейтральном месте», от чего тот отказался.

Возникает вопрос: почему Кальес ждал два месяца после речи Чичерина, чтобы опротестовать ее? Скорее всего, антисоветская декларация была специально приурочена к открывшемуся 5-му съезду ВКТ (4-10 мая 1925 года). Хотя руководство этого профцентра стояло на жестких антисоветских позициях552, большинство рядовых членов и лидеры отраслевых профсоюзов открыто симпатизировали Советской России. Кальес был непримиримым

врагом ВКТ и своей декларацией, видимо, хотел дать понять независимым от него профсоюзам, что Москва им не помощник.

Как уже упоминалось, сразу же после своей декларации Кальес выслал из Мексики американского коммуниста Вольфа, который фактически руководил и компартией, и отделением Антиимпериалистической лиги в Центральной Америке. Похоже, таким образом президент Мексики отреагировал на просьбу

Пестковскому разрешить проведение конференции лиги в Мексике. Между тем лига в Мексике была очень популярна. Регулярно проводились так называемые антиимпериалистические недели, сопровождавшиеся бойкотом американских товаров. В этих акциях активно участвовали и профсоюзы КРОМ. Видимо, именно это обстоятельство и предопределило враждебность к лиге Моронеса. Тем более что сам Моронес ездил летом 1925 года в США и призывал американских бизнесменов к инвестициям в Мексику. Скорее всего, он приложил руку к высылке лидера лиги - для демонстрации серьезности своих заявлений.

Следует отметить, что еще одной причиной антисоветского виража Кальеса были резкие и не всегда оправданные нападки мексиканских коммунистов на него и Моронеса. С середины 1924-го до середины 1925 года компартия - в частности, за готовившееся разоружение крестьян - называла Кальеса не иначе как «лакеем американского империализма». III съезд КПМ назвал правительство Кальеса «жандармом» и «ширмой» США.⁵⁵³ Однако вряд ли коммунистов инструктировал в таком духе Пестковский. В докладах полпреда в Москву содержатся совсем другие оценки. К тому же, как уже упоминалось, в разговорах с де Негри Пестковский неоднократно советовал левым силам поддерживать Кальеса в его борьбе с консерваторами и контрреволюционерами. И именно под влиянием советского полпреда (а также под впечатлением от декларации Келлога) компартия приблизительно с июня 1925 года существенно ослабила критику Кальеса.

В июне коммунисты через газету «Эль Албертадор», орган антиимпериалистической лиги официально обратились к Кальесу с предложением о сотрудничестве в реализации программы реформ мексиканского общества. В качестве конкретных мер коммунисты предлагали реализацию статей 27 (аграрной) и 123 (рабочей) Конституции на практике с распространением их на иностранную собственность, разоружение ненадежной части армии и вооружение рабочих и крестьянских организаций для противодействия возможной интервенции США, организацию под эгидой Мексики союза латиноамериканских стран.⁵⁵⁴ Эти предложения практически дословно совпадают с оценкой ситуации в Мексике Пестковским. Заметим, что ни одно из этих предложений не было коммунистическим по сути и все они были приемлемы для Кальеса, кроме, пожалуй, одного - коммунисты требовали прекратить раскольническую деятельность КРОМ в независимых профсоюзах. Коммунисты перестали называть Кальеса «лакеем американского империализма» и пришли к выводу, что деятельность президента, наоборот, препятствует закабалению Мексики американцами.

Но если Пестковскому и удалось несколько примирить коммунистов с Кальесом, то независимые профсоюзы и ВКТ только усилили борьбу против правительства. Железнодорожники готовились к всеобщей забастовке и отложили ее летом 1925 года лишь потому, что не желали бить в спину Кальесу в его противостоянии с США.

ВКТ, следуя своей тактике «прямого действия» и неучастия в политической жизни, вообще не обращала на мексикано-американский конфликт никакого внимания и лишь усилила свою забастовочную борьбу. Справедливости ради надо отметить, что зачастую эти стачки провоцировал КРОМ. 5-й съезд ВКТ постановил не признавать государственные примирительные комиссии («хунты»), так как они находились всецело под влиянием Моронеса как министра промышленности и труда. Эти «хунты» всегда принимали решения против забастовок, если они не инициировались КРОМ. А без вердикта «хунт» начать «законную» забастовку в Мексике вообще было невозможно. Этим и пользовались предприниматели, пытавшиеся вызвать профсоюзы ВКТ на стачку, чтобы посредством «хунт» объявить ее незаконной и пригласить армию и полицию для подавления рабочих.

Все лето 1925 года проходило в активной забастовочной борьбе ВКТ, и редко какая-нибудь из стачек обходилась без насилия со стороны КРОМ или властей. Например, 7 июля 1925 года владельцы текстильных предприятий столичного округа, которым управлял ставленник КРОМ, официально попросили «хунту» утвердить новые пониженные ставки заработной платы для рабочих (большинство текстильщиков состояли в профсоюзах ВКТ). «Хунта» немедленно согласилась с новыми ставками, после чего профсоюз объявил забастовку. Правительство подало на ВКТ в суд, а вооруженные активисты КРОМ стали нападать на пикетчиков возле фабрик. Появились убитые и раненые.

Интересно, что в августе 1925 года Мексика и США всячески пытались дать понять друг другу, что инцидент с декларацией Келлога исчерпан. Мексиканское правительство официально опровергло слухи о том, что оно закупает оружие за границей. 5 августа 1925 года Кулидж заявил, что отношения с Мексикой улучшаются. В свою очередь, Кальес публично провозгласил инцидент с декларацией исчерпанным. В качестве жеста доброй воли правительство США арестовало несколько мексиканских генералов - сто-

ронников де ла Уэрты и даже выдало одного из них, Инохосу, мексиканским властям. Мексиканская официальная газета «Эль Демократа» постоянно сообщала об отказе во въездных визах лицам, заподозренным в коммунистической деятельности. Эта же газета сообщала со ссылкой на правительственные круги, что эмигрантов из Советской России пустят в Мексику только тогда, когда будет ясно их намерение «честно трудиться». Газета писала и о том, что все руководство мексиканской компартии состоит из иностранцев, специально раздувающих националистические чувства мексиканцев, чтобы поссорить их с США. Все эти сообщения фиксировали в Москве.¹⁸⁷

Однако флирт с Америкой и враждебность по отношению к СССР никак не улучшили внутривнутриполитическое положение Мексики. В сентябре 1925 года ВКТ подтвердила свой отказ признавать «хунты», после чего Моронес фактически объявил профцентр вне закона. В ноябре на текстильной фабрике «Ла Магдалена» вспыхнули вооруженные столкновения между рабочими - стачечниками ВКТ и кромовцами, которых предприниматели решили принять на место уволенных забастовщиков. 17 декабря пикеты ВКТ были разогнаны конной полицией, а на самой фабрике для защиты штрейкбрехеров разместили войска.

Однако все эти меры только подрывали престиж КРОМ и способствовали росту авторитета ВКТ и компартии. Летом 1925 года коммунисты уже фактически контролировали независимый профсоюз железнодорожников и пользовались большим авторитетом среди текстильщиков. Такие же тенденции наблюдались осенью 1925 года и последовавшей за ней зимой.

Кальес и Моронес - видимо, по инициативе последнего - решили опять выйти из сложной внутривнутриполитической ситуации посредством искусственного обострения советско-мексиканских отношений. К тому же, как мы помним, в конце 1925-го - начале 1926 года вспыхнула «нотная война» между Мексикой и США относительно «нефтяного закона», что вызвало у Кальеса потребность несколько дистанцироваться от «большевиков».

И на этот раз предлог был найден в Москве. Как упоминалось выше, осенью 1925 года в СССР прибыл «рабочий атташе» КРОМ Эулалио Мартинес. Пестковский оказал ему самую активную помощь, выдав визу в день обращения, срочно организовав для Мартинеса прием в полпредстве и лично проводив «рабочего атташе» на вокзале Мехико. Напротив, мексиканский посланник в Москве Бадильо заявил на беседе в НКВД 20 августа 1925 года, что он возражал против приезда Мартинеса, и настойчиво интересовался, не вызовет ли приезд «атташе» неудобств для советского правительства. Собеседник Бадильо, помощник референта по делам Мексики НКВД Духовный ответил: «...по моему мнению, назначение рабочего атташе не может представлять для нас никаких неудобств ввиду того,

что вновь учрежденная должность рабочего атташе не противоречит духу наших учреждений и принципам международного права».⁵⁵⁵

Мексиканский посланник специально подчеркнул, что во всех странах, кроме СССР, назначение «рабочих атташе» вызвало проблемы и трудности: «В совершенно ином положении находится рабочий атташе в СССР, имеющем много общего с политической и общественной структурой Мексики». Однако Бадильо обратил внимание Духовного «на экспансивный характер» Мартинеса (кстати, единственного из лидеров текстильщиков, примкнувшего к КРОМ), «чистокровного» представителя индейской расы. И отметил, что тот «может иной раз упустить из виду чисто дипломатический характер своей миссии». Бадильо обещал приложить все усилия, чтобы «дисциплинировать» Мартинеса.⁵⁵⁶ Но это ему не удалось.

1-6 марта 1926 года в Мехико прошел 7-й съезд КРОМ, на котором, в частности, были заслушаны отчеты «рабочих атташе». Мартинес произвел фурор, сообщив, что в СССР за ним шпионили, вскрывали его почту и даже угрожали ему физической расправой. В связи с этим съезд поручил ЦК КРОМ выразить протест советскому полпреду Пестковскому. 25 марта 1926 года Пестковский получил письмо, подписанное генеральным секретарем КРОМ Тревиньо. Без всяких конкретных фактов в письме повторялись обвинения Мартинеса. В придачу Тревиньо сообщал, что съезд КРОМ заслушал доклад о том, что в вверенном Пестковскому «дипломатическом учреждении оказывается моральная и экономическая поддержка так называемым коммунистическим и радикальным группам», враждебным КРОМ и правительству.⁵⁵⁷ Провокационный характер письма виден уже из того, что Тревиньо сначала отправил его в газеты и лишь потом - адресату.

В Москве, узнав из газет об антисоветских обвинениях Мартинеса, 16 марта вызвали в НКВД мексиканского

посланника Бадильо.⁵⁵⁸ Тот ничего не знал. Помощник заведующего отделом романских стран Залкинд обратил внимание Бадильо, что никогда ранее мексиканская миссия не обращалась в НКВД с жалобами на преследования, перлюстрацию или шпионаж со стороны советских властей. МИД Мексики сделал заявление, что выступление Мартинеса на съезде КРОМ не меняет дружественного характера отношений между Мексикой и СССР, но Москву это не устроило. Ведь из заявления МИД Мексики было неясно, поддерживает ли оно суть обвинений

Мартинеса. «В ответ на это, - писал Залкинд, - Бадильо произнес целую декларацию о том, как ему тут хорошо, что он никаких жалоб не имеет и что к нему от Мартинеса никаких жалоб не поступало. Одновременно Бадильо сказал, что предвидел разного рода недоразумения вследствие того обстоятельства, что Мартинес был обличен дипломатическим званием, и что он, Бадильо, возражал против назначения рабочего атташе».⁵⁵⁹ По итогам беседы Бадильо обещал выступить с публичным заявлением по поводу обвинений Мартинеса и выполнил обещание немедленно.

Уже 19 марта НКВД выразил удовлетворение декларацией Бадильо (в которой, в частности, указывалось, что почту мексиканской миссии никто не вскрывал), но Залкинд попросил, чтобы от обвинений Мартинеса отмежевалось и мексиканское правительство. Бадильо пообещал довести до сведения правительства свое мнение о ложности обвинений Мартинеса: «...это в моих интересах, чтобы меня не считали жертвой». Мексиканский посланник дал добро и на то, чтобы его декларацию использовал в Мехико Пестковский. Советский полпред так и сделал.

13 апреля 1926 года полпредство СССР направило Тревиньо ответное письмо. Пестковский писал, что обвинения Мартинеса лишены фактической основы и базируются только на его заявлениях, а в «декларации мексиканского министра в Москве, опубликованной в здешней столичной печати, категорически и определенно утверждается, что указанные обвинения совершенно ложны».⁵⁶⁰ Относительно претензий в собственный адрес Пестковский отмечал: «Очень печально, что это тяжелое обвинение принимается без должного обсуждения и без подтверждения конкретными фактами, могущими послужить основанием, тем более что до сих пор ни один из лидеров КРОМ^а, ни из членов Мексиканского правительства не сделали такого рода обвинений. Наоборот, высокоавторитетные лица этого самого правительства официально и публично заявляли по поводу случаев, имевших место раньше, что у них нет никаких данных, доказывающих некорректный образ действий вверенного мне учреждения. В силу вышесказанного, я считаю себя вынужденным энергично отвергнуть изложенные обвинения, считая их небоснованными и некорректными».⁵⁶¹

Но Тревиньо не унимался и 13 апреля прислал Пестковскому новую «ноту». Там говорилось, что заявление Бадильо по сути не расходится с обвинениями Мартинеса, так как последний-де жаловался на вскрытие своей личной почты, а не дипломатической почты миссии. В письме выражалось ожидание, что «факты ясно и определенно докажут желание СССР бороться определенным образом за укрепление более тесной связи в международном рабочем движении».⁵⁶² Однако из «ноты» следовало, что КРОМ считал инцидент исчерпанным.

То, что на этот раз Кальес не встал открыто на сторону КРОМ, говорило, что и он считал обвинения Мартинеса неубедительными. Тем более что «рабочий атташе» вскоре детализировал их в интервью газетам, отчего эти обвинения приобрели абсурдно-смехотворный характер. Например, «Эль Пайс» от 9 апреля 1926 года вышла под аршинным заголовком «Ужасающее положение в России для коллективизма. Мексиканский Рабочий Атташе делает ужасные разоблачения об этом терроре. Убийства и жестокая враждебность. Требуются необыкновенные удача и ловкость для того, чтобы выйти живым из среды Советов».⁵⁶³

«Ужасные» факты состояли в следующем: якобы однажды, гуляя ночью по улицам Москвы, Мартинес увидел, что за ним «следуют по пятам два агента русской Ч.К.». Эти «агенты» хотели задержать Мартинеса, но тот выхватил нож (интересная экипировка для дипломата - прим, автора) «и по-мексикански не дал этим агентам тронуть меня». «Агенты» спокойно довели Мартинеса до отеля «Люкс», где он жил, после чего удалились.

Другой случай (он фигурировал как шпионаж) был еще «ужаснее»: Мартинеса и его друга на улицах Москвы преследовала «одна женщина, не отличавшаяся красотой». Мартинес был убежден, что это шпионка, так как «уродливость этой женщины не могла позволить ей преследовать их с любовными целями». «Рабочий атташе» с другом геройски вскочили в трамвай и умело оторвались от «шпионки».

Но бредовые «разоблачения» Мартинеса на этом не кончались. Однажды он, по его словам, стоял на берегу реки Москвы и наблюдал, как «купаются совершенно голыми без всякого порядка мужчины и женщины русского народа». За этим дипломатическим занятием Мартинеса застал очередной «агент», пожелавший задержать его за то, что он присутствовал при этом «оригинальном зрелище». Но Мартинес и здесь не дал себя в обиду - если сами русские смотрят на это, то и он, иностранец, имеет полное право наблюдать за купальщиками.

Что же касается обвинения во вскрытии его корреспонденции, то его «рабочий атташе» в манере Шерлока Холмса обосновал дедуктивно - мол, сколько раз он ни приходил в советские профсоюзы с какими-нибудь директивами из Мексики, там их уже знали и были готовы к ответу.

Весь этот бред в Москве не стали даже комментировать. Однако истинную подоплеку конфликта, в котором Мартинесу была уготована всего лишь роль провокатора, вскрыла мексиканская газета «Эль Универсаль», поместившая 6 апреля 1926 года статью «Мексика - база для деятельности Советов». Вся статья основывалась на сообщении Тревиньо о том, что КРОМ получил послание от Всеамериканской антиимпериалистической лиги. Но так как КРОМ «официально» лигу не признал, то счел получение этого послания «странным». В послании содержались поздравления правительству Мексики по поводу его твердой позиции в конфликте с США по вопросу «нефтяного закона». Но Тревиньо, судя по статье, сразу разоблачил истинный смысл подозрительного послания: его отправили, «чтобы через посредство указанной Лиги Третий Интернационал занимался делами, связанными с Мексикой». При этом для Тревиньо было ясно, что лига действовала по инструкции Москвы, где в это время преследовали бедного Мартинеса. КРОМ запросил своего представителя в США Иглесиаса и получил ответ: «Антиимпериалистическая лига Америк является составной частью Коммунистической партии, врага нашей Конфедерации». Тревиньо добавил, что лигу создали для развития идеи Чичерина о Мексике как «базе», поэтому КРОМ не будет иметь с ней ничего общего.

Теперь вырисовывалась логика обвинений в адрес Пестковского: советский полпред просил Кальеса разрешить проведение конференции лиги в Мексике, а значит, он поддерживает эту организацию, которая и является выражением идеи Чичерина о Мексике как базе коммунистической пропаганды в Латинской Америке.

Тем не менее в Москве не обиделись и на этот инцидент. Более того, было принято решение отозвать на родину Пестковского, которого, судя по всему, просто не любили ни Кальес, ни Моронес. Формально Пестковский сам попросился домой по семейным обстоятельствам.

Между тем первый советский полпред, человек умный, европейски образованный, общительный и стремящийся понять историю и культуру Мексики, был в Мехико личностью очень популярной, что и выводило из себя Кальеса и Моронеса - они предпочли бы сумрачного большевика-доктринера. С первых дней своего пребывания в Мексике Пестковский бомбардировал НКВД всевозможными предложениями о развитии советско-мексиканских связей во всех областях. Именно Пестковский требовал закупать мексиканские товары, например свинец, не с наценкой через США (там существовала советская торговая фирма «Амторг»), а напрямую из Мексики.

Он же первым поставил вопрос о заключении советско-мексиканского торгового договора. Дело в том, что и Мексика, и Советская Россия отменили все заключенные до революций в обеих странах торговые договоры как неравноправные. После этого Мексика заключила торговый договор лишь с Японией. Пестковский предлагал, чтобы и СССР сделал то же самое. Однако в Москве, хотя и восприняли эту идею с интересом, особой настойчивости не проявляли.

Пестковский стремился наладить студенческий обмен между двумя странами. В ноябре 1925 года в Мексику прибыла делегация Всесоюзного института прикладной ботаники из Ленинграда, организованная Н. И. Вавиловым при помощи Пестковского.⁵⁶⁴ В этом же году побывал в Мексике в научной командировке известный советский ученый-географ Б. Ф. Добрынин. Большой популярностью пользовались устраиваемые советским полпредом просмотры советского кино, за которыми следовали приемы.⁵⁶⁵ Мексиканская интеллигенция боготворила Пестковского, и иногда на приемы прямо с росписи зданий приходил весь в краске Диего Ривера.

Летом 1925 года в Мексику приехал Маяковский, и полпредство познакомило мексиканскую интеллигенцию с этим символом русской революции. Маяковский вспоминал, как обедал у Риверы: «Ели чисто мексиканские вещи. Сухие, пресные-пресные тяжелые лепешки - блины. Рубленое скатанное мясо с массой муки и целым

пожаром перца. До обеда кокосовый орех, после - манго. Запивается отдающей самогоном дешевой водкой - коньяком-хабанерой. Потом перешли в гостиную. В центре дивана валялся годовалый сын⁵⁶⁶, а в изголовье на подушке бережно лежал огромный кольт⁵⁶⁷. Маяковский называл фрески Риверы «первой коммунистической росписью в мире».

На одном из приемов советского полпредства мексиканские гости, среди которых были депутаты и сенаторы, выпили лишнего и стали выяснять отношения друг с другом с помощью пистолетов. Маяковский спас положение, начав громко декламировать «Левый марш». Мексиканцы не поняли ни слова, но замолчали. Потом грянула овация, и мексиканцы бросились обнимать поэта.

Таким образом, первый советский полпред был и до конца жизни остался истинным другом Мексики. Его беда была лишь в том, что он не понравился двум мексиканцам - Кальесу и Моронесу.

В октябре 1926 года Пестковский покинул Мексику. Позднее он работал на руководящих постах в МОПР (Международная организация помощи борцам революции) и Коминтерне. В 1928 году под псевдонимом Вольский [Картинка: image48.jpg] В.В. Маяковский в Мексике

он написал книгу «История мексиканских революций». Во время гражданской войны в Испании Пестковский просился туда добровольцем, но в 1937 году был репрессирован (реабилитирован в 1955-м).

В декабре 1926 года в Мехико появился новый советский полпред - популярная во всем мире первая женщина-посол Александра Коллонтай. Ранее она входила в высшее политическое руководство Советского Союза, а в Мексику ее перевели с должности полпреда в Норвегии. Это назначение было явным знаком того внимания, которое СССР уделяет отношениям с Мексикой.

Литвинов принял мексиканского посланника Вадильо 31 августа 1926 года и запросил агреман на Коллонтай. Мексиканский посланник плохо говорил по-французски и «лишь под самый конец понял», чего от него хочет собеседник. Тем не менее весть о назначении Коллонтай Вадильо воспринял позитивно: она-де европейский человек, и ей не чуждо «дипломатическое поведение». «Пестковский хотя и пользовался уважением президента, но вел себя с самого начала не безукоризненно, создав для Мексики затруднения»,²⁰²

Перед отъездом Коллонтай принял Сталин и инструктировал в течение часа. Сталин считал, что Мексика еще очень далека от социалистической революции. Поэтому советскому полпреду не следует ни в коем случае выражать симпатий к коммунистам и вообще не надо вмешиваться во внутренние дела страны. Главное, считал Сталин, это содействие развитию дружеских отношений между двумя странами на почве совместной борьбы против за-

силья империализма США. «Вы как представитель Советского Союза не должны поддаваться ложным представлениям о нарастающей революции... Ваша задача как полпреда: укреплять дружеские отношения между СССР и Мексикой, не поддаваться ни на какие соблазны революционных авантюров. Укреплять наше влияние, помочь развитию торговых и культурных связей».

Коллонтай, будучи прирожденным оратором и профессиональным революционером, восприняла такие указания с тяжелым сердцем и позднее писала в дневнике, что в Мексике предоставлялось огромное поле для революционной работы, но она была скована в своих действиях. Не удивительно, что ее постигла судьба Пестковского, с той лишь разницей, что Коллонтай выдержала в Мексике не более полугода.

США отказались дать Коллонтай транзитную визу (причем решение принял лично госсекретарь Келлог) и надавили на власти Кубы, которые не дали разрешения советскому послу сойти на берег во время стоянки корабля «Лафайет» в Гаване. Причем «карибский Муссолини», как называли кубинского диктатора Мачадо, мотивировал свой отказ тем, что по законам Кубы женщинам нельзя сходить с корабля без сопровождения мужчин.⁵⁶⁸ Газета «Нью-Йорк Таймс» язвительно писала: «Неужели бы наше правительство рухнуло из-за того, что русская женщина купила бы билет от Нью-Йорка до мексиканской границы?»

Зато в Веракрусе 7 декабря 1926 года Коллонтай приветствовала огромная толпа с красными флагами и возгласами: «Да здравствует Союз!»⁵⁶⁹ Звучал «Интернационал». Прямо у трапа посла встречал губернатор Веракруса генерал Эриберто Хара, который в порядке любезности оплатил пребывание советского полпреда в гостинице. Коллонтай так описывала встречу: «Спускаемся на берег. Что это за толпа выстроилась, будто в ожидании митинга? Кто это? - спрашиваю я, с интуитивным опасением, не меня ли встречают? Это местные рабочие пришли приветствовать посла из Советской страны - объясняют мне». Надо отметить, что Коллонтай еще в пути дала телеграмму и. о. полпреда Хайкису, чтобы он удержал компартию от «демонстративных встреч

».

Однако, несмотря на настойчивые просьбы, Коллонтай, помня указания Сталина, не стала выступать на митинге. Зато, к бурному восторгу мексиканцев, она отправилась из Веракруса в Мехико в вагоне самого низшего, тре- [Картинка: image49.jpg] Александра Коллонтай на беседе с Кальесом

того класса. Но большое сердце женщины, которой уже было за пятьдесят, не выдержало путешествия в душном поезде, и по дороге ей все же пришлось перейти в первый класс. На вокзале в Мехико советского посла тоже встречали восторженные массы, а над толпой реяли транспаранты «Вива Русиа Советика!». Коллонтай пришлось покинуть вагон через другую дверь, чтобы вновь избежать выступления на импровизированном митинге. Столичная газета «Универсаль» с удивлением сообщала, что Коллонтай оказалась вовсе не похожей на «престарелую преподавательницу-протестантку» (к таким визитерам из США в Мексике уже привыкли), а напротив - элегантною дамой в красивой шляпке, «прекрасной женщиной в расцвете жизни». Особенно поразило журналистов, сопровождавших Коллонтай в поезде до Мехико, что она свободно говорила на нескольких европейских языках и показала прекрасное знание их страны. «Мы, - писал один из них, - нисколько не боясь преувеличить, можем охарактеризовать как блестящие ее высокую культуру и благородство». Сама Коллонтай сообщала Литвинову 16 декабря 1926 года: «Тон мексиканских газет вполне дружелюбный к Союзу и, в частности, ко мне, между тем, до моего приезда газетные сообщения о новом полпреде носили характер сенсационно-скептический».205

Коллонтай серьезно готовилась к своей миссии в Новом Свете. Из двух чемоданов советского посла один был полностью заполнен литературой о Мексике. В интервью «Нью-Йорк тайме» она говорила: «Я сама выбрала Мексику. Я устала после напряженной работы в Норвегии... Когда мне предложили Мексику, я согласилась, может быть, отчасти потому, что очень много слышала о древней цивилизации ацтеков и развалинах их городов».

Коллонтай, как и Пестковскому, очень повезло с моментом прибытия в Мексику. Если в конце 1924 года Обрегон заигрывал с рабочими и левыми крестьянами, спасшими его от мятежа де ла Уэрты, то осенью 1926 года резко обострились отношения Мексики с США по поводу «нефтяного закона» и Никарагуа. В этих условиях Кальес демонстрировал дружелюбие по отношению к СССР.

В день приезда Коллонтай Кальес выступил как бы с оправданием (рассчитанным в основном на США), утверждая, что Мексике не грозит большевизм. В то же время президент фактически взял большевистскую идею под защиту, указав на ее сходство с христианством. Коллонтай сообщала Литвинову в Москву: «Кальес, который всегда, как Вам известно, всячески отмежевывается от большевизма, в этой декларации заявляет, что большевизм вовсе не чужд Мексике... эта декларация знаменует собою поворот в нашу сторону настроений мекпра (мексиканского правительства - прим, автора); поворот, как я себе объясняю, связанный в значительной мере с конфликтом по поводу нефтяных концессий между мекпра и Вашингтоном».570 Тем не менее Коллонтай, как и Пестковский, считала, что Кальес хочет примирения с США: «...у меня создалось впечатление, что обе стороны ищут компромиссного решения и что дело до оружия не дойдет».571

Мексиканская пресса уделяла очень большое внимание вручению Коллонтай верительных грамот. Сама Александра Михайловна так описывала эту церемонию: «Прием в Национальном дворце. Черное шелковое платье, строгое. Шляпа и туфли куплены здесь. Белые перчатки - в руке. Встречает музыка. Анфилада зал, масса народа вдоль стен. Здесь вручение грамот происходит публично. В последнем зале - все правительство, дипломаты, журналисты, фотографы. Пока идем через зал, надо сделать три поклона. Волнуюсь. Но я умею владеть собой в такие минуты. Вручаю грамоту. Дальше обычный церемониал: надо сесть на кресло рядом с Кальесом и беседовать через переводчика».

В своей речи по случаю вручения президенту Мексики верительных грамот 24 декабря 1926 года Коллонтай, бывшая не только полпредом, но и торгпредом СССР, заявила: «Во всем мире нет двух других стран, которые имели бы так много общего, как современная Мексика и новая Россия. Это сходство заключается в той роли, которую трудовой народ играет в политике, проводимой его страной, оно может быть отмечено и в больших социальных и экономических проблемах, и в направлении внешней политики, защищающей независимость наций и враждебной империалистическим тенденциям: все это тесно объединяет обе наши страны... Мой народ всегда восхищался революционной Мексикой и ее мужественным народом, сумевшим одержать славную победу над силами реакции. Это должно помочь мне выполнить возложенное на меня моим Правительством

ответственное поручение по упрочению сердечного взаимопонимания между обоими революционными Правительствами...»572

Кальес был вполне согласен с позицией Коллонтай и в своем ответном слове заявил: «Правительство Мексики - продукт и представительство народного восстания, к которому в течение долгих лет стремился народ, подвергавшийся тяжелому испытанию тирании... поддерживаемой эгоистическим и хищническим капитализмом... кучкой дельцов и духовенства, забывающей и даже презирующей большую пролетарскую массу, - не имело никаких препятствий для вступления в дружественные сношения с Правительством, которое как Советское появилось в мире как явление новое среди традиционных форм политической организации наций... Рассчитывайте в этом смысле на постоянную поддержку моего правительства и на симпатии мексиканского народа к бесстрашному народу Советских Социалистических республик».573

Когда американцы стали огульно обвинять Мексику в том, что она является марионеткой Москвы, заместитель народного комиссара иностранных дел СССР Литвинов сделал заявление по поводу выступления госсекретаря Келлога: «У советского правительства нет и не может быть других отношений с Мексикой, кроме отношений лояльности и невмешательства».574

21 января 1927 года Коллонтай посетила Кальеса. Цель своего визита она определяла в письме Литвинову так: поддержать мексиканского президента в «связи с той гнусной шумихой, которая вызвана была лжеразоблачениями Келлога о нашей пропаганде».

«С Кальесом свидание носило очень дружеский характер. Он благодарил меня за стремление построить наши отношения на почве искренности и сказал, что ценит установление прочных и дружественных связей с СССР. Он отметил особый состав и характер «революционного правительства» Мексики, которое представляет собой трудовые элементы, а не крупных капиталистов. И еще раз подчеркнул, что у нас есть много точек соприкосновения в борьбе с империалистическими тенденциями капиталистических держав».

Коллонтай сообщала в Москву, что «...Кальес с большим умением и достоинством парирует попытки Вашингтона доказать, что революция в Никарагуа есть дело рук Москвы... Этот тон и независимое поведение мек-пра в отношении Соединенных Штатов, укрепившееся за последнее время, еще раз подтверждает, что в борьбе с северо-американским империализмом

руководящая роль в Латинской Америке принадлежит Мексике, что, сколько могу пока судить, у нас недостаточно учитывается».575

Таким образом, Коллонтай ничем не отличалась от Пестковской в своих настойчивых попытках убедить Москву в важности Мексики как флага революционной антиамериканской борьбы в Латинской Америке. Однако, как и ее предшественник, Коллонтай не смогла вызвать у Литвинова никакого энтузиазма. В конце своего пребывания в Мексике Александра Михайловна почти обреченно констатировала: «Мой вывод таков, что недостаточное наше знакомство с той ролью, которую Мексика играет в значительной части Латинской Америки, тормозит рост нашего влияния в Мексике и оставляет нас пассивными даже в тех случаях, когда мы, конечно, с осторожностью, могли бы вести активную политику в противовес действующим в Мексике империалистическим силам».576 Коллонтай просила Литвинова обратить внимание на «включение Мексики в орбиту фактической политики НКВД. То место, которое занимает Мексика в Латинской Америке, и та роль, которую она играет сейчас в борьбе с северной «кузиной», делают Мексику достойной большего внимания, чем мы ей до сих пор оказывали».577

Коллонтай пыталась наладить постоянные торговые связи между СССР и Мексикой («надо прежде всего налечь на торговые дела»). «Уже вырисовывается возможность закупки в Мексике ряда товаров (например, сизаль-хенекен, свинец, хлопок, кофе и т.д.)».578 В 1927 году Мексика закупила в Советском Союзе кожсырье, льношелковые изделия и кондитерскую продукцию на 105 тысяч рублей. Импорт СССР (свинец и другие цветные металлы) был гораздо внушительнее - 1,9 миллиона рублей в 1925-1926 годах. Мексиканцы стали закупать и советские кинофильмы. Однако в целом торговля развивалась вяло из-за большой географической удаленности двух стран друг от друга. Когда в 1926-м истек срок действия торгового соглашения 1909 года, в Москве решили пока его не продлять и стали курировать экономические связи с Мексикой из Европы.

Тем не менее Литвинов в беседах с Вадилью ставил вопрос о заключении нового торгового договора, и стороны даже обменялись проектами. Однако Москва столкнулась с проблемой, которая будет преследовать СССР вплоть до его исчезновения в 1991 году. Дело в том, что Советский Союз был единственной страной в

мире с монополией внешней торговли. Соответственно, в каждом торговом договоре должен был быть отражен статус советского торгпредства в той или иной стране. Москва настаивала на тех же привилегиях и иммунитетах для торгпредства, что и для посольства (именно поэтому должность полпреда и торгпреда часто совмещали в одном лице). В других странах, в том числе и в Мексике, этого не понимали, считая сотрудников торгпредства обычными коммерсантами.

24 марта 1927 года Бадильо передал Литвинову проект советско-мексиканского торгового договора, в основу которого был положен япономексиканский договор. Советская сторона передала свой контрпроект 3 ноября. Затем дело с договором заглохло. Советское полпредство в Мексике из процесса переговоров исключили, что обидело Коллонтай. Она писала Литвинову, что отсутствие указаний по торговому договору воспринимает как приказ не проявлять никакой активности. Кстати, Коллонтай считала, что статья о правах торгпредства пройдет в Мексике «гладко».

И все же Коллонтай еще несколько раз почти умоляла Литвинова продвигать дело с подписанием торгового договора. Одним из ее аргументов был следующий: развитие торговых связей между СССР и Мексикой выбьет из-под ног США пропагандистский предлог для утверждений о том, что советское полпредство в Мексике занимается только идеологией. Коллонтай справедливо отмечала в своих докладах: «...мы не опираемся в Мексике ни на одну из социально-политических групп (наши друзья - горсточка и политически бессильны). Наше пребывание здесь построено на песке. К тому же далеко еще не изжито ни в обществе, ни у мексипра (хотя несколько и ослаблено за последнее время) представление о том, что весь смысл нашего пребывания в Мексике - это «большевистская» пропаганда в масштабе континента Америки. Мы можем разбить эти представления, только если подведем здесь для себя практическую экономическую базу, т.е. пустим в ход живую деятельность торгпредства».579

Видимо, разочаровавшись из-за пассивности Литвинова, Коллонтай пишет 9 апреля 1927 года личное письмо наркому Чичерину: «Первая крупная торговая сделка была бы лучшим ударом по басням о большевистской пропаганде, которая будто бы до сих пор составляет смысл существования нашего полпредства. Вместе с тем это дало бы возможность Мексипра парировать повторные инсинуации северной соседки на наш счет. Необходимо, чтобы Наркомторг закупал в Мексике непосредственно те мексиканские продукты, которые он закупает через Амторг».580«Боюсь, что Мексику в Москве недостаточно учитывают. В этом отношении именно Вы, Георгий Васильевич, с Вашей обычной чуткостью, могли бы помочь оживлению нашей работы в Мексике».581

Коллонтай была очень популярна в Мексике, и не только потому, что среди мексиканцев преобладали симпатии к СССР. (Она писала в дневнике: «Растущий интерес к Советскому Союзу, к нашей новой культуре, к нашим писателям. К Ленину - восторженное поклонение. Индустриализация, электрификация, наши артельные начинания, успехи совхозов, крупное земледелие, трактора - все это мексиканцам понятно. Давно не ощущала такого созвучия».) В отличие от своего американского коллеги Шеффилда, Коллонтай относилась к мексиканцам с огромной симпатией и без всякого высокомерия. О Мексике она отзывалась так: «В этой стране есть будущее. И люди в ней яркие и волевые. В ней есть своя культура и много красоты... За эти месяцы я научилась видеть Мексику и чувствовать ее народ. Сильный он, не согнуло его испанское владычество, не сокрушит его инью-йоркский капитал». К Коллонтай, словно к президенту страны, постоянно приходили делегации, просившие решить тот или иной вопрос на местном уровне, в том числе помочь с получением земли. Действительно, Советский Союз был тогда крайне популярен в Мексике.

Искренней симпатией к Мексике проникнуты и строки Владимира Маяковского, посетившего страну в 1925 году: «Страна! Поди, покори ее!» Шеффилд же вообще отрицал наличие у мексиканцев какой-либо культуры и цивилизованности.

При этом НКВД держал полпредство в Мексике на «голодном пайке» в плане представительских расходов. Коллонтай неоднократно жаловалась, что не может даже ответить взаимностью на приглашение ее на обед тем или иным послом и вынуждена «ограничиваться бутербродами» вместо полноценного угощения.

Ободренное поддержкой Москвы правительство Мексики, как уже упоминалось, в декабре 1926 года официально признало правительство никарагуанских либералов, а в январе 1927 года отозвало право на добычу нефти у тех иностранных компаний, которые отказывались признавать новое законодательство. Кулидж ответил на это заявлением, что «Советскую Мексику» постигнет та же судьба, что и либеральное правительство

Никарагуа. «Нью-Йорк Таймс» так прокомментировала заявление госдепартамента США по вопросу мексиканской помощи Никарагуа: «Это самые сильные слова из дипломатического лексикона. Их не употребляют официально, если только не хотят выразить самую сильную степень недоброжелательства. Обычно это прелюдия к ультиматуму, разрыву отношений и войне». 22 марта 1927 года правительство США отказалось продлить срок американо-мексиканского соглашения о пресечении контрабанды, что означало: в случае обострения обстановки в Мексике США не будут мешать поставкам оружия антиправительственным силам. 25 апреля 1927 года президент Кулидж подверг резкой критике мексиканскую Конституцию и «нефтяной закон».

Мексика предложила США задействовать для разрешения спора Международный суд Лиги наций. Рассматривалась и возможность назначения арбитром третьей страны. Причем, как сообщала в Москву Коллонтай,

многие в Мексике считали, что беспристрастным арбитром может быть лишь Россия.⁵⁸²

Одновременно мексиканское правительство активно работало по привлечению на свою сторону тех политических и общественных кругов США, которые были не согласны с интервенционистской политикой республиканской администрации в Центральной Америке. Всю работу координировал сводный брат президента Артуро Элиас, занимавший пост генерального консула Мексики в Нью-Йорке. Поддержку Мексике оказывали прогрессивные сенаторы США Бора и Лафоллет. Нью-йоркская газета «Уорлд» писала, что меморандум Кулиджа о Мексике был написан человеком, «который намеренно решил отравить мозги американского народа». Артуро Элиас сообщил брату, что американские писатели и друзья мексиканского народа Карлтон Билс и Эрнест Грюнинг порекомендовали Мексике предложить Вашингтону следующую формулу урегулирования противоречий вокруг Никарагуа: каждая сторона вольна поддерживать там то правительство, которое считает демократическим и законным. Именно эту (абсолютно очевидную) позицию и заняло мексиканское правительство. И напряженность стала спадать.

Войны с Мексикой не хотели не только демократы в Конгрессе США, но и представители банковских кругов - они опасались, что Мексика в очередной раз объявит мораторий на обслуживание внешнего долга. Тем более что многим американцам Никарагуа не казалась достаточным поводом для войны против южного соседа. Например, сенатор Дилл из штата Вашингтон говорил, что Америке пора прекращать «играть роль большого хулигана вместо роли старшего брата». Сенатор от Теннесси Маккеллар заявил, что политику США в отношении Мексики нельзя оправдать. В конце января 1927 года Артуро Элиас сообщал брату из Нью-Йорка, что в настроениях вашингтонского истеблишмента происходит перелом. Генеральный консул даже писал о триумфе мексиканской дипломатии.

Однако «холодная война» еще продолжалась, и подчас на самых неожиданных фронтах. В марте 1927 года взаимные обвинения достигли такого накала, что мексиканский посол Вашингтоне Тельес уехал домой. Кальес угрожал США «пожаром, который будет виден в Новом Орлеане». В это время люди Моронеса украли из американского посольства в Мехико около 300 документов, изобличивших США в подготовке интервенции против Мексики. Госсекретарю Келлогу пришлось признать утрату дипломатических документов. Разгорался нешуточный скандал. Коллонтай писала в Москву: «С месяц назад внимание было направлено на специальный инцидент между Мекпра и Соединенными Штатами, связанный с пропажей секретных документов из посольства Соединенных Штатов. Срочно был вызван военный атташе из Соединенных Штатов в Вашингтон. Несколько дней шла шумиха, но оба правительства сочли нужным этот инцидент затушевать».⁵⁸³

Кальес угрожал нефтяным компаниям, которые не подадут заявки на перерегистрацию своих прав, применением военной силы.

Американский посол Шеффилд тоже уехал домой.

3 февраля 1927 года Сенат США потребовал у госсекретаря полной информации о том, кто из американских граждан пострадал от мексиканского «нефтяного закона», а также сведений об инструкциях, которые госдепартамент давал американским нефтяным компаниям относительно их поведения. Таким образом, Сенат проявил свое недовольство излишне жестким тоном администрации Кулиджа в отношении Мексики.⁵⁸⁴

И тут наступил перелом. Коллонтай сообщала, что в «дни, когда в воздухе пахло всякими неприятностями» со стороны «северной кузины», ее пригласил на частный завтрак министр внутренних дел (традиционно второй человек в мексиканском правительстве после президента), бывший губернатор Веракруса Техеда,

«щеголяющий своей революционностью и всегда подчеркивающий свою симпатию к СССР». На завтрак присутствовал среди прочих председатель Верховного суда. Техеда спросил Коллонтай напрямую, чем «трудовая Россия» может помочь Мексике в случае мексиканоамериканской войны. «Я отвечала уклончиво, в общих фразах о моральном сочувствии, которое рабочие всего мира возымели бы к Мексике и т.д. На это Техеда возразил: «Ну, моральное сочувствие, этого мало. Вот если бы вы могли доставить нам оружие и хлеб - это была бы реальная помощь». Сказано было серьезно, хотя я и превратила это пожелание в шутку».⁵⁸⁵

Сдержанность Коллонтай объяснялась не только инструкциями из Москвы. Как и Пестковский, она была не вполне уверена в искренности своих мексиканских собеседников. Коллонтай сообщала в Москву, что мексиканское правительство состоит из двух группировок. Одну из них возглавляет Техеда, искренне симпатизирующий СССР и ненавидящий США. Однако другое течение, во главе с Моронесом, «лидером лабористов, человеком с душком фашизма нас определенно недолюбливает и ничего от нас, кроме плохого, не ждет», - писала Коллонтай. «Кальес старается быть беспристрастным, но в нем еще ощущается некоторая «осторожность». Хотя внешне он более чем дружелюбен, и со стороны передают, что моим пребыванием здесь он «удовлетворен».⁵⁸⁷

Таким образом, у Коллонтай не было никакой уверенности, что, среагируй она положительно на зондаж Техеды, Кальес и Моронес не использовали бы ее слова для очередной антисоветской провокации.

И действительно, в Мексике только что прошла жестоко подавленная властями забастовка железнодорожников. В ноябре 1926 года конгресс профсоюза железнодорожников принял решение о расширении профсоюза и переименовании его в Конфедерацию работников транспорта и связи (КТК).⁵⁸⁸ КТК планировала в течение 1927 года созвать общемексиканский конгресс профсоюзного единства, что могло бы стать серьезным ударом по КРОМ.

Фактически в Мексике возник третий помимо КРОМ и ВКТ общенациональный профцентр, где главную роль играли коммунисты. Советские профсоюзы передали бастующим железнодорожникам 50 тысяч песо, что помогло рабочим устроить бесплатные кухни для голодающих семей стачечников. Излишне говорить, что эта более чем скромная и, заметим, абсолютно легальная помощь одного профсоюза другому вызвала бешенство у Кальеса и Моронеса. Ведь железнодорожники были приведены к присяге как государственные служащие, и их стачка расценивалась властями как саботаж и измена родине. КТК отвергала обвинения в антипатриотизме и в свою очередь жестко критиковала Кальеса и КРОМ за их уступки американскому капиталу.

Забастовку начали 5 декабря 1926 года механики железных дорог Перешейка (центра и юго-запада Мексики) после того, как компания отказалась обсуждать вопрос о снятии связанного с КРОМ начальника участка дороги. 10 января 1927 года КТК объявила о поддержке механиков. ВКТ также солидаризовалась с забастовкой. Министерство Моронеса объявило забастовку незаконной. Железнодорожники оспорили это решение в суде и, естественно, проиграли.⁵⁸⁹ Столкнувшись с применением армии для защиты штрейкбрехеров-кромистов, профсоюз железнодорожников не стал объявлять всеобщую забастовку, что привело к выходу из руководства про-фцентра коммунистов и к фактическому распаду профсоюза.

КРОМ немедленно заявил, что забастовкой механиков руководят иностранцы и «личности с радикальными, коммунистическими и анархистскими идеями», при этом еще и связанные с иностранным капиталом.⁵⁹⁰ Главной целью забастовщиков, по мнению КРОМ, было нанести удар престижу Мексики на фоне сложных отношений с США. Намек на СССР был более чем прозрачным.

В этих условиях, разгромив на рубеже 1926-1927 годов стачку механиков и профсоюз КТК (штрейкбрехеры КРОМ применяли оружие против бастующих, использовались войска, был арестован видный коммунист и профсоюзный лидер Эрнан Лаборде), Кальес и Моронес с марта 1927 года опять стали склоняться в пользу компромисса с США и более жесткой линии в отношении СССР.

К тому же в Мексике разгоралась, не без участия США, настоящая кровопролитная гражданская война на религиозной почве, и Кальес опасался, что американцы начнут поставку оружия мятежникам. 30 января 1927 года Коллонтай сообщала в Москву: «...контрреволюционные банды орудуют почти во всех штатах севера Мексики, докапываясь до двух-трех часов от столицы».⁵⁹¹

Также Коллонтай писала, что «в первых числах марта» 1927 года наступает третий период в развитии конфликта между Мексикой и США по нефтяным вопросам, «связанный с таинственной нотой из Вашингтона и срочным вызовом мексиканского посланника Тельеса. Точное содержание ноты до сих пор неизвестно. Оно

держится в необычайно строгой тайне. Но, очевидно, Вашингтон ставил мекпра ультиматумы, и мекпра пошло на ряд уступок, удовлетворяющих практически интересы нефтяников».592 Американские нефтепромышленники обратились в Верховный суд, и все ожидали благоприятного для них решения, как это уже было при Обрегоне. Но Коллонтай не исключала, что США не удовлетворятся уступками Кальеса в нефтяном вопросе и подвергнут Мексику «высочайшему нажиму», сняв запрет на ввоз оружия в страну, чтобы помочь разгоравшемуся восстанию «кристерос» (речь о котором пойдет на страницах этой книги несколько позже). И здесь советский полпред сделала очень пронизательный и верный вывод: не исключено, что США попытаются вернуть к власти Обрегона,593 давая понять, что только он сможет наладить отношения с Вашингтоном. Именно в тот период была изменена Конституция Мексики. Бывший президент получил право вновь выдвинуть свою кандидатуру - и это несмотря на то, что строжайший запрет переизбрания главы государства был знаменем всей мексиканской революции и ее священным принципом. «Обрегон приезжал в столицу, и вся связанная с его приездом шумиха, повысившая его популярность, дает повод думать, что все это неспроста. Замена Кальеса Обрегоном дала бы мекпра большую свободу действий для проявление большей уступчивости по отношению к Соединенным Штатам».594

Примерно в марте 1927 года печать США неожиданно стала публиковать сообщения о скором отъезде (а иногда и об «отзыве») Коллонтай, намекая Кальесу, что ее должна постигнуть судьба Пестковского.

Правительство Кальеса предоставило нефтяным компаниям отсрочку в подготовке документации согласно «нефтяному закону». Американцы тоже не были готовы к войне. Они понимали, что если морская пехота США ничего не может сделать в Никарагуа, то потери в боях с мексиканской армией будут гораздо значительнее.

Американские нефтяные компании тем временем продолжали добывать нефть в Мексике, не обращаясь к правительству Мексики за разрешением на добычу в соответствии с новым законом. Посол Шеффилд продолжал настаивать на жесткой линии по отношению к Мексике. Однако в начале июля 1927 года некоторые нефтяные компании получили указание своих штаб-квартир прекратить добычу.595 Это было связано, видимо, с тем, что Моронес, формально отвечавший в качестве министра и за промышленность, в начале июля пригрозил иностранным компаниям, не выполняющим мексиканское законодательство, применением военной силы.

В этих условиях американцы и англичане попробовали с помощью провокации опять испортить отношения Мексики с СССР, чтобы побудить мексиканское правительство пойти на уступки. Английская полиция в нарушение всех норм международного права в мае 1927 года произвела налет на советское полпредство в Лондоне и обнаружила там «секретное письмо» лидера Коминтерна Зиновьева с призывом к британским коммунистам организовать насильственный захват власти. Позднее выяснилось, что это письмо было грубо сработанной фальшивкой, но повода для очередной волны шумихи относительно «происков мирового коммунизма» хватило.

Коллонтай посетила заместителя министра иностранных дел Мексики Эстраду - по официальной версии, для прощания в связи с отъездом в длительный отпуск, хотя на самом деле возвращаться в Мексику она не собиралась.

Министр сам завел разговор об инциденте в Англии и сообщил, что к нему заходил поверенный в делах Англии Келли с «конфиденциальным» сообщением. Эстрада, по его словам, ответил: «...мы польщены тем высоким доверием, которое Вы нам оказываете, сообщая о делах, которые нас, собственно, не касаются». Коллонтай он не без иронии сказал: «Англия хочет, чтобы мы следовали ее примеру». Келли пытался доказать Эстраде, что под руководством полпредства СССР в Мексике через мексиканоамериканскую границу в обоих направлениях разъезжают эмиссары Коминтерна. На это Эстрада ответил, что коммунистам ездить из Мексики в США - все равно что «посылать самовары в Тулу» (поскольку в США и своих коммунистов хватает). Коллонтай сочла, что Эстрада («человек политически бесцветный»)596 высказал ей мнение самого Кальеса. Она писала в Москву в своем последнем докладе из Мексики: «Отношение мекпра к нам во всем этом инциденте... подчеркнуто дружеское. Тон прессы, выходящей под строгой цензурой эти два месяца... сдержанный, приличный... Ни одного жирного заголовка в газетах, ни одной сенсационно-разоблачающей статьи».597

Действительно, в июне 1927 года Кальес еще опасался конфронтации с США и не хотел портить отношения с СССР. Напротив, известие об отъезде Коллонтай в отпуск (Пестковский в отпуск не ездил) вызвало, по ее сообщению, «явную тревогу» в мексиканских правительственных кругах.598 Там опасались, что отъезд

полпреда означает «перемену курса по отношению к Мексике». Сама Коллонтай считалась олицетворением «дружественного» курса. «Правда, это бывало иногда трудно «доказать», так как в центре выражения хоть самого скромного сочувствия борьбе Мексики с враждебными силами вне и внутри ее - крайне скудны».599

Между тем в Вашингтоне, не добившись результата от применения против Мексики кнута, решили попробовать «пряник».

Кулидж сменил американского посла в Мексике и по примеру СССР назначил туда яркую личность - своего доверенного представителя, сотрудника банкирского дома Морганов Дуайта Морроу. Новый посол был сокурсником Кулиджа и единственным человеком, который в студенческие годы проголосовал за будущего президента в номинации «Человек, который, скорее всего, добьется успеха в жизни». До назначения в Мехико Морроу возглавлял по поручению президента специальную комиссию, решившую создать ВВС США как самостоятельный род войск. Кулидж дал Морроу инструкцию сделать все, чтобы не допустить войны с Мексикой. 29 сентября 1927 года между Кулиджем и Кальесом была даже установлена прямая телефонная связь.

29 октября 1927 года Морроу вручил верительные грамоты Кальесу в присутствии почти всего мексиканского кабинета министров (что, впрочем, было нормально для дипломатического церемониала в Мексике). И. о. министра иностранных дел Эстрада передал послу просьбу Кальеса о том, чтобы он лично с ним решал все возникающие вопросы. Это было явным жестом доброй воли со стороны президента. На встрече по случаю вручения верительных грамот в продолжавшейся пять минут беседе уже сам Кальес попросил Морроу заходить прямо к нему и решать спорные вопросы, так как нотная переписка только отдаляет правительства Мексики и США друг от друга.600 Морроу, естественно, согласился, а Кальес еще раз просил не рассматривать его приглашение на личные беседы как формальную вещь.

Ободренный теплым приемом, Морроу по примеру Коллонтай решил резко сменить тон и очаровать мексиканцев. Посол даже начал учить испанский язык, знание которого и поныне остается редкостью среди американских дипломатов в Латинской Америке. Он помнил, как руководитель Международного банковского комитета по Мексике Ламонт еще в 1922 году говорил, что кусочком сахара мексиканцев можно побудить обойти полмира, но их нельзя заставить сделать и одного шага. Так, например, чтобы польстить мексиканцам, Морроу пригласил художника Диего Риверу, и тот расписал стены дачи посла в Куэрнаваке, столице Морелоса. Если русские приглашали в Мексику Маяковского, то Морроу пригласил известного американского летчика Чарльза Линдберга, который первым перелетел через Атлантический океан (позднее Линдберг высказывался в поддержку нацистов). Посол во время этого визита совместил приятное с полезным: его дочь обручилась с Линдбергом.

Морроу быстро наладил доверительные контакты с Кальесом (обычно он встречался с президентом за завтраком, и его дипломатию окрестили в Америке «дипломатией бекона и яичницы») и консервативными членами его кабинета, особенно министром финансов Монтесом де Ока. Последнего, по словам американского военного атташе в Мексике, Морроу «учил финансовой политике». Кальесу льстило, что Морроу посещал основанные его правительством сельские школы и не скупился на похвалу в адрес мексиканского президента. Видимо, президент рассчитывал, что через свои связи в финансовом мире Морроу сможет как-то поспособствовать получению займов в США. Но посол ограничивался советами в области бюджетной политики, отнюдь не новыми, к тому же вредными в плане ускорения индустриального развития Мексики: он рекомендовал правительству меньше тратить и не допускать дефицита бюджета.

Кроме того, Морроу советовал Кальесу свернуть аграрную реформу, якобы тоже для того, чтобы не рос внутренний долг мексиканского правительства, - за изъятие у помещиков земли власти расплачивались 5%-ными облигациями. Последний совет был Кальесом усвоен - начиная с 1927 года темпы проведения аграрной реформы серьезно замедлились. «Взамен» Морроу организовал поездку двух экспертов Международного банковского комитета в Мексику для изучения платежеспособности мексиканского правительства. Кстати, Международный банковский комитет стал подозревать Морроу в двойной игре, так как посол возражал против предпочтительного отношения к иностранным членам комитета - держателям облигаций мексиканского внешнего долга (это неудивительно - основными держателями были, как уже упоминалось, европейцы).

Но, несмотря на коренную смену тона, в «нефтяном вопросе», основе американо-мексиканского конфликта, Морроу уступать не собирался. На встрече с Кальесом 8 ноября 1927 года Морроу предложил попробовать

компромиссный вариант улаживания спора, уже использованный во времена Обрегона, - а именно дать Верховному суду Мексики возможность принять решение по данному вопросу. Если «нефтяной закон» будет модифицирован в соответствии с волей мексиканского суда, то правительство Кальеса сможет предъявить это собственной общественности как еще одну победу мексиканского суверенитета. Верховный суд Мексики не подвел американского посла - уже 17 ноября вынес прецедентное решение по жалобе нефтяной компании «Мексикен Петролеум Компани». Скорость работы суда, видимо, тоже была связана с заинтересованностью мексиканского правительства в урегулировании спора с США.

Верховный суд Мексики считал незаконным замену бессрочной собственности ограниченными во времени концессиями и признал «нефтяной закон» неконституционным: нарушающим закрепленную в Конституции нерушимость частной собственности. 26 декабря 1927 года Кальес внес на рассмотрение Конгресса поправки к статье 14 и 15 «нефтяного закона». Ключевое значение имела новая редакция статьи 14 - она отменяла временные ограничения на права собственности, приобретенные нефтяными компаниями до момента вступления Конституции Мексики в силу. Конгресс быстро одобрил поправки, и согласно закону от 3 января 1928 года права собственности нефтяных компаний, приобретенные до мая 1917 года, получили постоянный характер. Что касается подтверждения «позитивных действий» нефтяных компаний по разработке нефти на приобретенных участках, для доказательства этого был установлен годичный срок, истекший в январе 1929 года. Причем по сравнению с прежней редакцией закона нефтяным компаниям было легче доказать наличие этих самых «позитивных действий». Например, было достаточно предъявить властям арендный договор на участок в доказательство намерений в будущем осуществлять нефтедобычу.

Поправки к закону редактировал лично Морроу, и, естественно, он, как и государственный департамент в целом, выразил полное удовлетворение новым мексиканским законодательством. Ведь Кальес пошел на ключевую уступку - отменил обратный принцип действия Конституции, к тому же зафиксировал это в мексиканском законе. Правда, нефтяным компаниям не понравился и новый закон - в нем по-прежнему говорилось о концессиях, пусть и бессрочных. Но госдепартамент предупредил, что отныне нефтяным компаниям в борьбе против мексиканского правительства придется рассчитывать только на собственные силы.

Таким образом, попытка Кальеса регламентировать применение статьи 27 Конституции закончилась полным поражением. Теперь положения «соглашений Букарели» были не только подтверждены, но и приобрели уже юридически обязательную для мексиканского правительства форму. Советское полпредство так оценивало исход «нефтяной войны»: «В нефтяном конфликте Кальес, несомненно, пошел на уступки Соединенным Штатам, но он сумел это сделать, сохранив лицо и создав иллюзию, что Мексика не сдала позиций. Надо сознаться, что Кальес не легко шел на компромисс. Правительство не ощущало себя достаточно крепким, чтобы дать бой Соединенным Штатам на вопросе о нефти, и не сумело использовать общественные настроения более революционных элементов Мексики в этом конфликте».601

Президента побудила пойти на уступки сложная внутриполитическая ситуация в стране: шла полномасштабная война против религиозных мятежников «кристерос», осенью 1927 года в армии был раскрыт заговор, участвовавшие в котором генералы хотели убить Обрегона и Кальеса. Наконец, в стране росло недовольство выдвижением Обрегоном своей кандидатуры на президентских выборах 1928 года. Выражением этого недовольства и стал заговор военных. Ведь в 1910 году мексиканская революция начиналась под лозунгом недопущения переизбрания одного и того же лица на пост президента. Это было святым принципом революции и единственным ее постулатом, который не вызывал возражений у различных политических партий и групп.

Американцы полностью использовали проблемы Кальеса в своих интересах. Борьба «социалиста» из Соноры за национальный суверенитет завершилась тотальным фиаско.

Нормализовав отношения с США, Кальес решил испортить их с СССР, чтобы показать американцам всю искренность произошедшего между США и Мексикой сближения. В качестве повода выбрали вышеупомянутую помощь советских профсоюзов (50 тысяч рублей) бастующим мексиканским железнодорожникам. МИД Мексики вызвал Коллонтай и сделал советскому полпредству официальное представление по данному вопросу. Это было более чем странно, если учесть, что и КРОМ, и ВЦСПС оказывали финансовую помощь бастовавшим в то же время английским шахтерам. Помощь профсоюзов друг другу считалась абсолютно нормальной. Другое дело, что железнодорожники вызывали ненависть министра

промышленности и неофициального босса КРОМ Моронеса, так как упорно не хотели вступать в его профсоюз.

Однако, в отличие от периода, когда полпредом работал Пестковский, власти Мексики все же не доводили отношения с СССР до крупного кризиса - слишком сложны были в то время американо-мексиканские отношения.

В Мексике у Коллонтай обострились проблемы с сердцем. «Климат здесь очень тяжелый. Разреженный воздух, которым трудно дышать, сердце устает, мучит удушье и сердцебиение», - писала она своей подруге.

5 июня 1927 года Александра Михайловна покинула Мексику и вернулась на дипломатический пост в Норвегию, где добилась высылки Троцкого. Пост советского полпреда в Мексике некоторое время оставался вакантным.⁶⁰² В этих условиях ничто не мешало Морроу развить бурную деятельность.

В 1946 году мексиканское правительство наградило Коллонтай высшим орденом страны «Агила Ацтека». В 1927-м ее провожали не только дипломаты, но и делегации мексиканских рабочих и крестьян. «Особенно меня тронуло, - написала она в дневнике, - прощание с рабочими. Текстильщики-кустари преподнесли мне художественные сарапе с моими буквами - А. К., вплетенными в ткань». Группа рабочих преподнесла ей отполированный кокосовый орех с надписью: «Товарищу Коллонтай. Империалисты тебя ненавидят, революционеры тебя любят. Пусть живет в наших сердцах дружба Мексики с Россией!» На орехе был выжжен броненосец «Потемкин».

Оставшийся после отъезда Коллонтай «на хозяйстве» Хайкис тоже не сидел без дела. 9 августа 1927 года он написал письмо заместителю предсе- [Картинка: image50.jpg] Американский посол в Мексике Морроу с дочерью

дателя РВС СССР Уншлихту, в котором сообщал, что «в последнее время в мексиканские порты заходили суда иностранных государств. Вскоре предстоит визит немецкого корабля «Эмден».⁶⁰³ Хайкис предлагал организовать визит в Мексику советского учебного военного корабля, считая, что он будет и «прекрасной тренировкой для наших молодых моряков».⁶⁰⁴ Однако из этой идеи ничего не вышло.

Еще до приезда Морроу, в том же августе 1927-го Хайкис сообщил Чичерину, что в советско-мексиканских отношениях намечается ухудшение. Причиной этого была помимо традиционного влияния перипетий отношений Мексики с ее северным соседом развернувшаяся президентская кампания. Хайкис отмечал растущие шансы Обрегона на президентское кресло. Он писал, что «поскольку Обрегон является представителем правого крыла мексиканской буржуазии (Кальес представляет ее левое крыло)», многим мексиканским правительственным чиновникам «кажется целесообразным не только не афишировать своих симпатий к нам, но - отмежеваться от нас».⁶⁰⁵ Хайкис полагал, что преждевременно делать окончательные выводы относительно политики Обрегона по отношению к СССР, «но все же можно уже и сейчас утверждать, что, несмотря на то, что именно Обрегон установил дипломатические отношения с Союзом и что, несомненно, его правительство не будет носить до известной степени, как нынешнее правительство Кальеса, лабористской окраски (лабористы... явно враждебны нам), политика эта будет менее дружественной, чем политика Кальеса, особенно в период конца 1926 г. и первой половины 1927 г.».⁶⁰⁶ В качестве фактической основы своего прогноза Хайкис привел следующий пример. Католическая пресса США (например, газета «Уэстерн Америкэн») напечатала приписываемое Коллонтай интервью, в котором она якобы в резкой форме критиковала Кальеса. Эта фальшивка настолько расхождалась с имиджем Коллонтай в Мексике, что даже «реакционные» мексиканские газеты, как подчеркивал Хайкис, не стали перепечатывать этот материал. Но зато «интервью» появилось «вобрегонистском органе «Эль Монитор Републикано» - по сведениям Хайкиса, «по требованию группы обрегонистов-депутатов федерального парламента от штата Мичоакан». «Интервью это, - писал Хайкис, - произвело весьма отрицательное впечатление как на самого Кальеса, так и среди дружественной нам части общественных и политических кругов. Зная отношение Александры Михайловны к Мексике и ее осторожность, я счел возможным, не тратя время на списывание с нею, опровергнуть интервью как фальшивку».⁶⁰⁷

После отъезда Коллонтай полпредом в Мексику был назначен Александр Михайлович Макар (1877-1961), который прибыл в Мексику в марте 1928 года и уступил место полпреда в Норвегии Коллонтай. Макар, сын учителя из Одессы, имел медицинское образование, был профессиональным революционером (член РСДРП с 1899 года, неоднократно арестовывался охранкой) и вместе с Лениным вернулся из эмиграции в апреле 1917-го. После революции он был членом коллегии Наркомздрава. Активно сотрудничал в периодической печати

Москвы и Украины. После окончания Гражданской войны Макар одно время работал председателем Центральной контрольной комиссии компартии Украины, затем представителем ЦК компартии в украинском комсомоле. В 1923 году был рекомендован на дипломатическую работу, с января 1924 года работал советником полпредства в Риме, а с марта 1926 года - полпредом в Норвегии.⁶⁰⁸Макар свободно говорил по-немецки, по-французски и по-английски.

В первом докладе Литвинову Макар сообщал, что прием его верительных грамот «был необычайно по-здешнему скромно». ⁶⁰⁹Мексиканцы объясняли это упрощением церемониала. «Мы расценили это, однако, здесь, и кажется, не без основания, как стремление не слишком афишировать хорошие отношения с Советским Союзом в связи с несомненно намечавшимися линиями сближения Мексики и Соединенных Штатов». ⁶¹⁰

Английский посол в Норвегии описывал Макара как «короткого, толстоватого мужчину» и считал его «неприятным». Однако мексиканцы, наоборот, запомнили Макара и его супругу Софью Исаевну как приятных собеседников. Макар продолжил традиции Коллонтай, которая приглашала дипломатов и местную элиту на чай, сопровождавшийся просмотром советских кинофильмов. Он устроил в полпредстве презентацию фильма Сергея Эйзенштейна «Октябрь», на которую пришел министр иностранных дел Эстрада. Но Кальес, как бывало и прежде, от посещения приема уклонился.

Советский полпред очень тепло отзывался о мексиканской общественности: «Здесь публика весьма дружеская и амичальная: мое стремление быстро ознакомиться со страной и языком и успехи в этом направлении были чрезвычайно хорошо оценены. Даже здешний божок Морроу, к которому я умышленно не напрашивался на знакомство, ожидая этого шага с его стороны, при первом же приеме подошел ко мне познакомиться, и мы довольно долго беседовали с ним - обо всем, впрочем, кроме того, что нас могло бы больше всего интересовать. Он не подымал этого вопроса, а я, конечно, не хотел проявлять слишком настойчиво инициативу». ²⁴⁷

Макар еще больше, чем его предшественники, сторонился любого вмешательства в общественно-политическую жизнь Мексики, чтобы не давать повода американской пропаганде. О нем и его жене ходили удивительные для местного дипломатического корпуса слухи: Александр Михайлович называл чистильщика ботинок «товарищем», а Софья Исаевна на равных общалась со своей прачкой. Журналисты из США отмечали, что Макар ограничил свои контакты только официальными лицами и полностью свернул связи с «местными радикальными рабочими элементами». Даже английский посол в Мексике, прекративший посещать советское полпредство после разрыва Великобританией дипломатических отношений с СССР, сообщал в Лондон, что Макар не ведет никакой пропаганды и считается человеком «умеренных взглядов», не имеющим никакого «неуместного влияния» на мексиканское правительство.

Несмотря на антисоветскую пропаганду в США, советское полпредство в Мексике не было мощным центром коммунистического влияния. Обычно оно состояло из самого полпреда и одного дипломата и хотя бы поэтому не могло быть центром большевистского проникновения в Латинскую Америку. Из одного человека состоял и консульский отдел (еще Коллонтай уделяла большое внимание работе с русской диаспорой в Мексике и учредила при полпредстве клуб советских граждан). Заместитель Чичерина Литвинов писал в 20-е годы: «...наше полпредство в Мексике совершенно оторвано от

нас и вследствие больших расходов не связано с нами даже дипкурьерской службой, не может ни информироваться о наших делах, ни информировать нас о мексиканских делах».

Макар стремился установить хорошие контакты с американским послом Морроу, так как одной из основных задач, поставленных перед ним и Чичериным лично Сталиным, было скорейшее установление дипломатических отношений между СССР и США. Это и был тот «вопрос», о котором Макар хотел бы поговорить с Морроу больше всего. Ходили слухи, что Морроу был сторонником признания СССР и после Мексики хотел стать первым американским послом в Москве. Макар сообщал в Москву, что в американских СМИ муссируется вопрос и о назначении Морроу госсекретарем после президентских выборов 1928 года в США.

Мексикано-американские отношения начала 1928 года Макар оценивал так: «Что не могло не поразить всякого вновь приехавшего в то время в Мексику, так это прямо-таки рабское отношение к северному «брату», которое я не могу иначе характеризовать как заглядыванье в глаза Вашингтону и особенно его представителю здесь Морроу». ⁶¹¹

Советский полпред высоко оценивал мастерство американского дипломата: «Надо признать, что Морроу

проделал здесь весьма успешную работу. Достаточно сказать, что за всю историю Мексики это первый представитель Соединенных Штатов, который сумел понравиться мексиканскому населению, да еще в такой большой степени. С его приездом прекратилась политика высокомерия и раздражения. И началась политика сглаживания и улаживания основных острых вопросов - нефти, долгов, земельного и религиозного. Для этого, конечно, Североамериканским Штатам придется отказаться от своей дотоле неприемлемой волчьей позиции, и нет сомнения, что Морроу перед отъездом сюда заручился согласием финансовых групп, с которыми тесно связан, быть может, в ущерб промышленной, слишком уж алчной - специально нефтяной - группе; вероятно, в этом споре промышленного и банковского капитала победил последний. Не нужно, однако, преувеличивать возможные уступки американцев».612

Но вернемся к внутриполитическим достижениям Кальеса. Став президентом, он объявил о намерении своей администрации коренным образом модернизировать транспортную инфраструктуру страны. Успех здесь тоже был в лучшем случае переменным. За годы правления Кальеса удалось построить железную дорогу, которая связала родной штат президента со столицей, что опять же помогло активному бизнесмену Обрегону.

Но главной задачей Кальес считал развитие сети автодорог, которых в Мексике просто не существовало. Он объявил, что за четыре года его пребывания у власти будет проложено 10 тысяч километров дорог с твердым покрытием. Финансировать их планировалось за счет налога на бензин. Естественно, первоначально нужно было построить участок между столицей и главным портом страны - Веракрусом. 19 сентября 1926 года был введен в строй участок Мехико - Пуэбла протяженностью 135 километров.613В это же время строилось шоссе от американской границы (город Нуэво-Ларедо) к центру страны - как часть панамериканской автострады. Осенью 1927 года был сдан отрезок Мехико - Акапулько длиной в 462 километра. Всего с 1924-й по 1928 год построили 700 километров автодорог - явно меньше заявленной президентом цифры. Но и автомашин в стране было немного - в 1925 году 53 тысячи, которые поглощали 35 миллионов галлонов бензина. Автомобиль при Кальесе все еще оставался роскошью, а не средством передвижения.

Технократ Кальес прекрасно сознавал важность ирригации для сельского хозяйства Мексики, большая часть территории которой была довольно засушливой. Без ирригации не имела большого смысла аграрная реформа - по крайней мере, в ряде регионов вести сельское хозяйство без искусственного орошения было невозможно. В январе 1926 года вышел федеральный закон об ирригации. Помимо агротехнического смысла у закона был и явный политический подтекст. Орошать земли планировалось прежде всего для размещения на них колоний иностранных переселенцев, которые должны были научить «отсталых» мексиканцев прогрессивным методам ведения сельского хозяйства. Такая политика была не нова - к ней активно прибегал еще диктатор Диас. Сам метис, он тоже придерживался весьма невысокого мнения о коренном населении собственной страны. Что касается мексиканцев, то Кальес в первую очередь предполагал наделять новыми орошаемыми участками фермеров, а не общины, которые и он считал пережитком индейской старины.

Как обычно, Кальес создал для реализации проектов специальный государственный орган - Национальную комиссию по ирригации - и пригласил приехать в Мексику европейских поселенцев, прежде всего из Венгрии, Польши и Италии. Он учитывал, что именно из этих европейских государств из-за плохого состояния экономики и наличия диктаторских полуфашистских и фашистских режимов и так шла массовая эмиграция - например в США и Канаду. До 1928 года правительство потратило на строительство дамб и водохранилищ 28 миллионов песо. Однако никакой массовой колонизации (ни внутренней, ни внешней) пустых засушливых земель так и не произошло. Ни Столыпин, ни Кальес видимо, не могли понять главного - крестьяне хотели трудиться на земле предков, а не подвергать свои семьи риску экономического краха на новом месте.

Биография Кальеса во многом объясняет то внимание, которое он как президент уделял народному образованию. Кальес был не согласен с концепцией Васконселоса, который развивал в школьной программе прежде всего гуманитарные науки. По Кальесу, сельские школы должны были давать практические навыки, необходимые в повседневной действительности. Но главное - школе надлежало стать центром общественной жизни деревни или поселка, учить крестьян личной гигиене, спорту и активному участию в делах общины. Словом, Кальес видел в школе инструмент воспитания нового гражданина новой Мексики. Президент говорил: «Сельская школа должна стать центром социальной активности на благо общества, удаленной от выборной политики и личных политических связей... и новые знания, которые приобретают учащиеся, должны открыть им новые горизонты лучшей жизни путем приобретения практических и духовных навыков, повышающих их

экономические способности».614 Таким образом, вместо радикальных преобразований системы собственности на селе Кальес хотел улучшить жизнь нищего сельского населения за счет образования - очень широко распространенное в мировой истории заблуждение. Никакие навыки не улучшат жизнь малоземельного крестьянина, не имеющего собственной тягловой силы. Знание севооборота тоже не поможет купить вместо деревянной сохи железный плуг.

Неудивительно, что и в той сфере преобразований, в которой президент с полным основанием считал себя специалистом, Кальесу не удалось добиться поставленных целей. Технократизм и слепое преклонение перед «цивилизованными» странами приводили подчас к абсурдным результатам. Так, например, индейцев учили заимствованной из Европы технике вышивания, хотя в Мексике столетиями существовали собственные богатые традиции этого ремесла. Популярный при Кальесе новатор образования, протестантский пастор Моисес Саенс, как и финансовый реформатор Морин, сваливал неудачи реформы образования на вековые отсталые привычки мексиканцев: «Жизнь по-прежнему течет в устоявшемся русле. Слабое влияние школы теряется в глубинах подсознания (населения)».615

В столице при Кальесе были открыты первые учреждения профессионального образования (что-то вроде техникумов). Впервые в стране зазвучали радиопередачи с уроками по всем дисциплинам (и тут прослеживается влияние технократизма - новые технические средства должны были заменить социальные преобразования). Открылся в столице и Дом учащегося-индейца, куда направили со всей страны 200 коренных жителей, не знавших испанского языка. Индейцев не учили собственной весьма оригинальной и богатой культуре, а стремились ассимилировать, сделав, по сути, испанцами.

Кальес в публичных заявлениях и не скрывал своего пренебрежительного отношения к коренному населению. Но справедливости ради отметим, что такое отношение разделяло большинство белого населения Мексики. «То, что я предлагаю, - это дать индейцу возможность превратиться в настоящего человека». Видимо, по мнению президента, безобучения индейцы настоящими людьми не являлись. Никакой популярности среди коренного населения учебное заведение для индейцев так и не приобрело, что и привело к его закрытию в 1932 году.

Сердцевиной своей реформы системы образования Кальес считал создание центральных аграрных школ, обучавших население азам агрономии. Некоторые сторонники режима даже видели в этих школах «спасение родины». Создал систему агротехнических школ агроном из Коста-Рики Гонсало Роблес, которого мексиканское правительство ценило за то, что он объехал полмира. Естественно, «цивилизованные» страны; не был только в Африке - которую, в отличие от Вавилова, интересной в агрономическом смысле не считал. Карранса направил Роблеса изучать опыт крупных ранчо юга США, а Обрегон - опыт сельского хозяйства Европы и Азии. Особое внимание Роблес уделял сельским кооперативам и их взаимоотношениям со школами и финансовыми учреждениями.

16 марта 1926 года был издан закон об образовании центральных аграрных школ и банков эхидального кредита. Банки, правда, опять стали жертвой местных властей и коррумпированных генералов. Тем не менее к 1927 году открылись аграрные школы в штатах Дуранго, Идальго, Гуанахуато и Мичоакан, которые располагали более чем 500 га учебных полей, виноградников и садов. Однако на эти 500 гектаров приходилось только 675 учеников - очень мало для такой страны, как Мексика. Кооперативные банки эхидального кредита насчитывали 19 218 членов, которые образовали 276 кооперативов.616 Кальес считал аграрные школы мастерскими, из которых выйдет новый, прогрессивный мексиканский фермер. Как-то президент на открытии одной из таких школ наблюдал вместе с корреспондентом из США танцующую молодую крестьянскую пару. Кальес указал американцу на танцующих и сказал, что тот видит перед собой сырье, из которого делается новая Мексика. «Эта пара символизирует собой эволюцию этого примитивного типа людей, которая произойдет повсюду».617 Выходит, что Коллонтай и Маяковский были гораздо более высокого мнения о мексиканцах, чем президент Мексики прогрессист Плутарко Кальес.

На открытии другой школы, приветствуя выстроившихся перед ним учащихся, президент заявил: «Эти школы - лучшее, о чем может мечтать Мексика, так как эти ребята являются детьми пеонов, которые жили в хижинах, спали на голой земле и целый год ходили босиком. Новые аграрные образовательные учреждения позволяют новому поколению освободиться от этого рабства. Поэтому новые аграрные школы представляют собой фронт в моей войне против деревянной сохи и всего того, что с ней связано».618

Видимо, Кальес не понимал, что дети батраков так и останутся батраками, если не получат собственной земли, удобрений, техники и стартовой финансовой помощи, даже если вооружить их передовыми знаниями. Президенту Мексики казалось, что эволюционное развитие страны позволит избежать жертв, которые принесла с собой, например, русская революция. И сам Кальес, и большинство мексиканских интеллектуалов того времени подспудно сравнивали Мексику с Советской Россией, где проходил социальный эксперимент невиданного прежде масштаба. История показала, что Мексика так и не сделала за время правления Кальеса никакого рывка в своем духовном и экономическом развитии, потому что не изменилась структура собственности - а этого добиться без жертв было невозможно.

Что касается аграрной реформы, то Кальес, так же как и Обрегон, был противником сельской общины и горячим сторонником крепкого фермера. Однако, как и Обрегон, Кальес распределял земли среди общин, поскольку общинники были надежным политическим резервом правительства в случае возникновения военных мятежей, что показало, в частности, выступление де ла Уэрты. Именно после подавления мятежа де ла Уэрты темпы аграрной реформы под натиском получивших оружие крестьян резко возросли. К концу 1925 года, когда внутривластная обстановка в Мексике стабилизировалась, правительство Кальеса, как уже упоминалось, приступило к разоружению крестьянских отрядов, что не замедлило сказаться и на темпах аграрных преобразований.

Всего за четыре года президентства Кальеса между 1576 общинами было распределено 3,2 миллиона гектаров земли - не только гораздо больше, чем во времена Обрегона, но и в три с лишним раза больше, чем за все время проведения реформы начиная с 1915 года.⁶¹⁹

Однако Кальес решил сделать и то, на что не решился прагматик Обрегон, - нанести удар по «эхидос». В декабре 1926 года мексиканский парламент утвердил «Закон о разделе земель эхидос и создании наследственных наделов». До принятия этого закона общины должны были обрабатывать выделенную им в ходе реформы землю вместе. Теперь же в общей собственности оставались только пастбища, горы и леса. Земельные наделы внутри общины распределялись между отдельными семьями. Однако эти наделы нельзя было отчуждать - они передавались по наследству. Таким образом, закон фактически отменил циркуляр аграрной комиссии от 11 октября 1922 года (тогда в этом органе еще преобладали сапатисты), по которому передаваемая в ходе реформы земля должна была находиться в коллективной собственности.

23 апреля 1927 года вышел «Закон о распределении и возвращении земель и вод».⁶²⁰ Этим законом существенно упрощалось оформление ходатайств на получение земли (в Мексике бушевал антиправительственный реакционный мятеж «кристерос», и Кальесу опять понадобились вооруженные крестьяне). Расширилась категория групп крестьян, которые могли создавать общину и претендовать на землю. Помещикам запретили деление и продажу земель, если на них уже были выдвинуты претензии крестьянских общин. Однако закон по-прежнему лишал права на организацию общин и подачу заявок на землю пеонов-«акасилядос», то есть непосредственно живших на территории поместья батраков, и группы крестьян менее 25 человек. Были в законе и уступки помещикам, хотя вызвали их скорее не политические, а технократические мотивы. Раньше у помещика могла быть изъята земля площадью 75 га (вдвое меньше установленной нормы в 150 гектаров), если общину, претендующую на землю, со всех сторон окружало поместье. Здесь опять прослеживалось идейное влияние сапатистов - в маленьком Морелосе такое положение было нередким. Новый закон эту норму отменял - Кальес заботился о сохранении передовых помещичьих хозяйств.

К успехам правительства следует отнести активную политику в сфере улучшения здоровья населения, которое во многом еще оставалось на уровне колониальных времен. Большинство населенных пунктов Мексики не имело нормальной питьевой воды. Никакого контроля над санитарными нормами при производстве товаров тоже не существовало. Кальес создал специальный Департамент народного здравоохранения, под эгидой которого был разработан Промышленный санитарный кодекс и налажен контроль санитарного состояния рынков, столовых, парикмахерских и булочных. Особое внимание уделялось контролю качества молока как основы детского питания. При Кальесе впервые стали проводить массовые прививки населения - так, в 1926 году от оспы были привиты 5 миллионов мексиканцев.

Такие меры не могли не принести позитивных результатов - младенческая смертность сократилась с 1920-го по 1930 год с 222 до 125 смертей на тысячу родившихся.

Как прогрессист Кальес был сторонником равноправия женщин, однако здесь у него был мощный противник в лице католической церкви. Поскольку среди женщин было много верующих, правительство, в свою очередь, не торопилось предоставлять им избирательные права. Женщины были практически отлучены от высшего образования, которое церковь считала для слабого пола абсолютно не нужным. С 1920-й по 1924 год только 223 женщины получили в Мексике университетский диплом. Через 10 лет эта цифра удвоилась. Католическое духовенство стремилось побудить своих прихожан не отдавать девочек и в обычные школы, которые церковь публично называла гнездами разврата.

Только во времена Каррансы, причем при активном содействии президента, в Мексике был легализован развод. Но неравноправие полов все же сохранилось. Для мужчины достаточным поводом для расторжения брака было отсутствие жены дома в течение одной ночи. Супруга могла требовать развода, только если мужа не было дома 30 суток.

Полигоном для апробации новой политики в женском вопросе стал штат Юкатан, губернаторы которого Сальвадор Альварado и Каррильо Пуэрто считали себя первым социалистом, а второй - и вовсе коммунистом. Пуэрто дал женщинам избирательное право, и трех представительниц прекрасного пола в 1923 году избрали депутатами законодательного собрания штата. Одной из них была сестра губернатора Эльвия Каррильо Пуэрто, возглавлявшая женские организации («феминистские лиги») Юкатана.⁶²¹ Каррильо ввел обряд массовых свадеб для противодействия религиозным традициям. А его сестра активно пропагандировала политику ограничения рождаемости, так как считала, что многочисленные семьи усугубляют бедность сельского населения. После убийства Каррильо в ходе мятежа де ла Уэрты феминистский эксперимент в штате был свернут, и женщин опять лишили избирательных прав.

Следует отметить, что супруга президента Кальеса донья Наталья Чакон стала первой в истории Мексики женой главы государства, игравшей активную роль в общественной жизни. Под ее патронажем была создана Национальная система всестороннего развития семьи. Донья Наталья учредила и первую в стране бесплатную сеть детских столовых, где бедным детям давали молоко и какое-нибудь блюдо. При содействии «первой леди» в Мексике появились и бесплатные амбулатории.

Кальес очень любил свою жену (он вообще относился к женщинам уважительно, без присущего большинству мексиканцев того времени «мачизма») и уделял большое внимание воспитанию сыновей. Донья Наталья скончалась 2 июня 1927 года, в возрасте 47 лет в протестантском госпитале Лос-Анджелеса от легочной эмболии, давшей осложнение на желчный пузырь; последние годы она очень страдала от постоянных приступов высокой температуры и бессонницы - все это были следствия ее многодетности. Смерть жены потрясла президента больше, чем все конфликты, мятежи и войны, которые он пережил.

В 1927-1928 годах политика Кальеса в рабочем вопросе по-прежнему во многом определялась влиянием КРОМ, который по сути стал государственным профсоюзом. Руководители КРОМ обещали, что к концу президентства Кальеса в стране останется ни одного рабочего, который бы в нем не состоял. С одной стороны, фактический лидер КРОМ Моронес активно вовлекал рабочих в поддержку режима, с другой - этот режим старался идти навстречу экономическим пожеланиям пролетариата, если они не затрагивали политической стабильности в стране.

Политика Кальеса в рабочем вопросе отличалась активными попытками внедрить в Мексике отраслевые соглашения между предпринимателями и профсоюзами, что было, безусловно, прогрессивной мерой (в США такого, например, не существовало). В октябре 1925 года под эгидой Министерства промышленности, торговли и труда, возглавлявшегося, как мы помним, Моронесом было созвано совещание для выработки отраслевого тарифного соглашения в текстильной промышленности.⁶²² Работа совещания длилась почти полтора года, что опять же говорило о нежелании предпринимателей добровольно и «эволюционно» поступаться своим прибылями, и в феврале 1927 года «образцовое» соглашение было наконец утверждено. Однако аналогичные совещания в горнодобывающей, сахарной и хлебобулочной промышленности закончились полным провалом из-за обструкции предпринимателей. Предприниматели не хотели соглашаться на самое главное, ради чего и заключался коллективный отраслевой договор, - установление единого для отрасли минимума заработной платы.

В сентябре 1927 года был создан федеральный арбитражный орган по рассмотрению трудовых споров - Федеральная согласительная-арбитражная хунта (местные арбитражные органы лишались самостоятельности и

превращались в ее отделения). Моронес форсировал создание хунты для того, чтобы вывести трудовые споры из-под влияния местных политиков, которые зачастую использовали рабочих в предвыборных целях. Хунту возглавил непосредственно министр, что естественно, еще больше укрепило позиции КРОМ в рабочем движении. Хунта отнесла к ведению федерации все трудовые конфликты в важнейших отраслях - на железных дорогах, в нефтяной сфере, в текстильной промышленности (в профсоюзах этих отраслей были сильны позиции коммунистов). Теперь все стачки в этих отраслях рассматривались на федеральном уровне, если затрагивали более двух штатов. Таким образом, Моронес получил под свой контроль разбирательство всех претензий враждебно настроенных по отношению к КРОМ железнодорожников.

Кальес при поддержке КРОМ активно боролся с забастовочным движением как препятствием на пути экономического рывка Мексики. КРОМ

также призывал рабочих не бастовать против «собственного правительства» и не мешать национальным предпринимателям наращивать производство. Профсоюз отыгрывался на предприятиях с иностранным капиталом, если правительству требовалось оказать на них давление, как, например, во время спора по поводу «нефтяного закона». Призывал КРОМ и к бойкоту американских товаров во время обострения отношений с США в 1925-1926 годах. Такая мера не только демонстрировала антиимпериализм КРОМ, но и создавала конкурентные преимущества для местных предпринимателей. Но и здесь КРОМ старался, чтобы его акции не особенно сильно мешали экономической жизни. Так, после казни в США рабочих Сакко и Ванцетти многие профсоюзы КРОМ предлагали провести 24-часовую забастовку протеста, однако Моронес дал указание по мотивам экономической целесообразности ограничиться прекращением работы на 15 минут.

Кальес прибегал к силе против незаконных забастовок охотнее, чем Обрегон, так как чувствовал за собой поддержку КРОМ. Президент усилил и борьбу против ВКТ, пообещав искоренить анархистские тенденции в профсоюзном движении. Кальес обвинил ВКТ в поддержке мятежа де ла Уэрты и провел аресты лидеров конфедерации. В оправдание властей следует напомнить, что анархо-синдикалисты из ВКТ действительно зачастую проводили забастовки ради забастовок. Кстати, и компартия осуждала анархо-синдикализм, считая, что ВКТ находится на пороге развала. Количество членов этого профцентра на самом деле постоянно сокращалось и при Кальесе не превышало 20 тысяч человек.

Преследовало правительство, в том числе руками КРОМ, и католические профсоюзы. Здесь соединились ненависть президента к католической религии и все то же стремление Моронеса ликвидировать профсоюзное движение за пределами КРОМ. В ноябре 1926 года полиция захватила штаб-квартиру католических профсоюзов и арестовала лидеров организации. Тем не менее в католических профсоюзах насчитывалось примерно 40 тысяч членов.

Столь же нетерпимо Кальес и КРОМ относились и к коммунистам, считая их агентами иностранного влияния в стране. Мексиканские консулы за рубежом получили указание не выдавать визы на въезд в страну лицам, заподозренным в симпатиях к коммунистическому движению. Прибегали в отношении наиболее популярных коммунистов и к терактам. Так, был убит руководитель железнодорожников Веракруса, депутат законодательного собрания штата Морено. Скорее всего, за убийствами стояли боевики КРОМ, которые при помощи правительства особенно жестоко расправлялись со своими собственными функционерами, выходившими из-под контроля группы Моронеса. В апреле 1925 года полиция застрелила Паллету, бывшего лидера КРОМ в штате Пуэбла, руководившего движением солидарности с бастовавшими местными учителями.

Жесткими мерами правительству Кальеса при поддержке КРОМ удалось резко снизить количество «законных» забастовок в стране. В 1925 году была зарегистрирована 51 забастовка (9,9 тысячи участников), а годом позже - 24 забастовки, в которых участвовали три тысячи человек. В 1927 году забастовок было еще меньше - 15 (тысяча участников). При этом правительство использовало не только кнут, но и пряник. Если к стачке прибегал КРОМ, что происходило лишь с санкции руководства профцентра, а значит, фактически с согласия правительства, то государственные органы арбитража почти всегда принимали решение в пользу рабочих. В 1925 году 97,6% всех решений арбитражных хунт было принято в пользу профсоюзов, в 1926-м - 96%.

В декабре 1925 года вышли законы, которые вводили обязательные коллективные договоры на предприятиях. Это еще больше усилило позиции КРОМ, так как проводить переговоры с предпринимателями имели право только «профсоюзы большинства», то есть входящие в КРОМ. Профсоюзы признавались юридическими

лицами. Ограничивалось право предпринимателей на объявление локаута. Запрещалось использование штрейкбрехеров без санкции властей (читай - министра труда Моронеса).

При Кальесе были приняты трудовые кодексы еще в восьми штатах, хотя Сенат все же заблокировал принятие трудового законодательства на федеральном уровне. Второй Национальный конгресс промышленников (объединение мексиканских предпринимателей), состоявшийся в 1925 году, высказался за унификацию трудового законодательства, и фракция лабористов в Конгрессе внесла соответствующий законопроект. Он был одобрен нижней палатой Конгресса, но застрял в сенатской комиссии по вопросам трудовых отношений.

К 1928 году трудового законодательства не имела еще четверть штатов, а в трети штатов, по данным министерства Моронеса, не соблюдался 8-часовой рабочий день. Только в текстильной отрасли существовал фиксированный минимум заработной платы. В условиях инфляции в стране большинство рабочих просто не могли прокормить свои семьи: средняя зарплата по стране была 65-90 песо в месяц, в то время как 90 песо считались минимальной суммой, необходимой для питания средней рабочей семьи.²⁶¹

Правительство признавало безудержный рост цен, но при консервативной монетаристской политике не могло с этим ничего поделать. Оно ведь финансировало свои расходы за счет импортных пошлин, а Мексика ввозила из-за рубежа продовольствие и многие товары народного потребления. Кальес ограничился проведением в августе 1925 года конгресса по вопросу снижения стоимости жизни с участием КРОМ, союзов предпринимателей и представителей правительства. Конгресс, в свою очередь, ограничился принятием резолюции о необходимости изучения причин инфляции в стране.

Кальес весьма ловко направлял недовольство рабочих «своим» правительством в адрес американских империалистов. Так, в 1927 году он призвал к возвращению всех мексиканских рабочих из США, поскольку там они подвергаются жестокой эксплуатации. Кальес в принципе был прав, но на родине мексиканцев ждала еще более низкая заработная плата, чем к северу от Рио-Гранде.

Моронес, фактический лидер КРОМ и министр промышленности, торговли и труда, считал, что контролирует президента. Функционеры КРОМ по-прежнему возглавляли государственные военные заводы. По сути КРОМ осуществлял и функции формально отмененной цензуры. Глава Национальных типографий, представитель КРОМ Монеда отказывался печатать любые материалы, критиковавшие правительство. При Кальесе Моронес стал богатым землевладельцем (позднее, в начале 30-х годов, он не смог дать четких объяснений о том, как были истрачены профсоюзные взносы на сотни тысяч песо). Генеральный секретарь КРОМ Тревиньо, личный враг Пестковского, был вице-президентом кооператива по продаже горючего, который возглавлял Обрегон.

В 1926 году Лабористская партия при поддержке властей (по-иному выборы в Мексике пока не проходили) провела в Конгресс 40 депутатов нижней палаты из 272 и 11 сенаторов из 58. Лабористы занимали посты губернаторов штатов Сакатекас и Идальго, возглавляли муниципалитет Мехико.

Однако на самом деле не профсоюзы КРОМ контролировали государство, а государство в лице Кальеса контролировало рабочих через «свой» профцентр (при Кальесе в КРОМ входили примерно две трети всех организованных в профсоюзы рабочих). В Конгрессе правительство делало все, чтобы предотвратить появление партии большинства. Лабористов стравливали с аграристами, которые в 1928 году фактически перешли в оппозицию к правительству. КРОМ использовали как для предотвращения забастовок, так и для нападок на СССР. Напомним, что именно с подачи руководства КРОМ были предъявлены обвинения во вмешательстве во внутренние дела Мексики первым советским полпредам в стране Пестковскому и Коллонтай. Причем обоих обвиняли в «покровительстве врагам КРОМ», то есть в помощи советских профсоюзов мексиканским железнодорожникам.

КРОМ активно поддерживал кооперативное движение (сам президент подписался на кромовский заем для учрежденного профцентром банка аграрного кредита) как меру по «социализации» средств производства и введению в Мексике социализма мирным путем. Однако уже к 1926 году иллюзорность этих идеологических постулатов стала настолько очевидной, что КРОМ поспешил от них отмежеваться, хотя еще в 1924 году заставлял своих членов перечислять часть заработка для учреждения кооперативов.

КРОМ не принимал участия в выборах местного уровня самостоятельно, поддерживая по образцу американской АФТ «дружественных» кандидатов. Многие из этих «друзей», будучи избраны при поддержке КРОМ, потом забывали обо всех данных профцентру обещаниях. Так, КРОМ поддержал на выборах в штате

Халиско Хосе Суно, который, став губернатором, начал преследовать кромовские профсоюзы.

КРОМ активно поддерживал правительство во время нефтяного спора с США, а Моронес, как уже упоминалось, был одним из авторов «нефтяного закона». Мексиканские профсоюзы использовали свои особые отношения с АФТ для обработки американского общественного мнения в выгодном для Мексики ключе. Но тот же Моронес в 1925 году во время визита в США в качестве министра промышленности активно приглашал в Мексику американских предпринимателей, заявляя, что мексиканское рабочее движение «не страдает беспринципностью и не жаждет реванша». К концу президентства Кальеса отношения между КРОМ и АФТ несколько осложнились из-за активной пропагандистской кампании кромистов против нещадной эксплуатации мексиканских рабочих в США.

Компартия Мексики при Кальесе находилась в тяжелом идеологическом положении. С одной стороны, коммунисты прекрасно понимали, что Кальес не является социалистом и его преобразование, вроде кооперативов, не могут реально улучшить жизнь миллионов простых мексиканцев. Было очевидно и перерождение верхушки КРОМ, озабоченной своим собственным обогащением. Явно не добавляло коммунистам симпатий к Кальесу активное преследование властями независимых профсоюзов, равно как и убийства популярных коммунистических лидеров и антисоветская политика во время второй половины президентского срока. Однако коммунисты осознавали, что администрация Кальеса является самым левым из возможных в Мексике правительств и оппозиция режиму представлена реакционными элементами среди армейской верхушки, церкви и помещиков. В этих условиях резкая оппозиционность означала фактическую поддержку контрреволюции.

По всем этим причинам пропаганда коммунистов была двоякой: они критиковали власти за одни меры и хвалили за другие. Первоначально, особенно в 1925 году, коммунисты явно перебирали с критикой Кальеса, называя его, как мы помним, «лакеем американского империализма». Это происходило как раз в то время, когда Кальес защищал от США свой «нефтяной закон». Позднее коммунисты отказались от использования в адрес президента столь сильных выражений. V съезд КПМ в мае 1927 года уже абсолютно верно квалифицировал правительство Кальеса как правитель-

ство «строительства национального капитализма» и «мелкую буржуазию у власти».262

Что до «государственного профсоюза», компартия провозгласила в целом верный лозунг: «Да здравствует КРОМ! Долой ЦК КРОМ!» Проводилась линия по усилению влияния среди местных организаций КРОМ, тем более что многие деятели официальных профсоюзов были возмущены соглашательством и личным обогащением профсоюзной верхушки. Однако при фактическом отсутствии в КРОМ свободных выборов руководства и активной помощи властей группе Моронеса коммунисты, конечно же, не могли всерьез рассчитывать на отстранение последнего от кормила КРОМ мирным путем. Тем более что, как уже упоминалось, группа Моронеса проводила в профсоюзах регулярные чистки, исключая всех, кого можно было заподозрить в симпатиях к компартии. В своей критике верхушки КРОМ коммунисты иногда перегибали палку, чем только помогали Моронесу. Например, лидеров КРОМ называли друзьями Муссолини, а сам КРОМ — «левой разновидностью фашизма». Если учесть методы физической расправы КРОМ с соперниками в рабочем движении, эта характеристика, может, и была оправданной, но она отталкивала от компартии рядовые массы рабочих-кромистов.

КПМ по-прежнему пользовалась довольно большим авторитетом среди железнодорожников. Во время их забастовки летом 1925 года против реприватизации железных дорог в компартию вступили несколько десятков рабочих (большое событие для партии, в которой было менее тысячи членов). В ноябре 1926 года именно благодаря влиянию коммунистов железнодорожники отказались от цехового принципа и образовали Конфедерацию работников транспорта и связи (КТК) - крупнейший независимый профсоюз Мексики. Лидером КТК стал союзник компартии левый синдикалист Барриос. КТК, как уже упоминалось, решила провести в 1927 году конгресс профсоюзного единства. Однако после поражения подавленной властями забастовки железнодорожников осенью 1926 года конфедерация распалась, а левых отстранили от руководства профсоюза железнодорожников.

Компартия пользовалась большим влиянием и среди самых боевых крестьянских лиг Мексики, чему придавало особенную важность то, что многие лиги поддерживались местными прогрессивными губернаторами. В ноябре 1926 года, как уже упоминалось, была основана Национальная крестьянская лига,

председателем которой стал коммунист Урсуло Гальван. В рядах организации насчитывалось более 300 тысяч крестьян. На учредительном конгрессе лиги коммунистам пришлось выдержать серьезный спор с главным идеологом аграризма в стране и близким другом Обрегона Сото-и-Гамой.

Последний выступил с резкой критикой СССР, но получил отповедь видного историка, коммуниста Рамоса Педруэсы. «В России нет латифундистов, потому что не существует частной собственности на землю, ибо последняя принадлежит только тем, кто ее обрабатывает. Советская Красная Армия является антимилитаристской, так как ее миссия - защита мирового пролетариата от империалистического капитализма... Русская женщина пользуется равными правами с мужчиной и получает такую же зарплату...»²⁶³ Учредительный конгресс Национальной крестьянской лиги завершился пением «Интернационала». Девизом лиги стал основной лозунг Эмилиано Сапаты: «Земля и свобода».

Однако в целом влияние коммунистов в лиге основывалось на личной популярности крестьянских вожаков, примкнувших к компартии. В самой компартии из примерно тысячилетов крестьян было около 50. Ошибкой коммунистов являлось то, что они вели работу только среди крестьян-общинников.

Несмотря на всю сложность и противоречивость взаимоотношений между Кальесом и коммунистами, компартия оказала президенту безоговорочную поддержку в период самых тяжелых для правительства испытаний, когда оно столкнулось с масштабным реакционным мятежом, получившим название «движение кристерос».

По господству католической церкви в Мексике был нанесен сильный удар еще во время гражданской войны между либералами и консерваторами в середине XIX века. Католическое духовенство стойко поддерживало консерваторов, а затем и французских интервентов. Конституция 1857 года лишала церковные организации недвижимости. Однако при Диасе, который тоже формально был либералом, между государством и церковью началось постепенное сближение, хотя никаких послаблений на законодательном уровне принято не было.

После убийства лидера мексиканской революции Мадеро в феврале 1913 года церковь поддержала военную диктатуру Уэрты. Когда Уэрта бежал за границу в 1914 году, его примеру последовали многие епископы. В борьбе Каррансы с Сапатай и Вильей церковный вопрос также имел немаловажное значение. И Сапата, и Вилья терпимо относились к религии, так как большинство их бойцов были крестьянами, считавшими католическую веру основой своего жизненного уклада. Поэтому солдаты Сапаты в конце 1914 года входили в Мехико с изображениями покровительницы Мексики девы Марии Гуадалупе. Карранса использовал это для того, чтобы представить своих противников наймитами реакции. Окружение самого Каррансы состояло из городских жителей среднего класса, среди которых отрицательное отношение к религии было признаком хорошего тона и служения прогрессу. Многие

мексиканские интеллектуалы и офицеры новой революционной армии были атеистами, причем воинствующими, масонами или протестантами.

Естественно, при обсуждении победившими каррансистами новой Конституции церковный вопрос занял основное место. Главную роль в формулировке «церковных» статей основного закона (3, 27 и 130) играл будущий коммунист и один из самых радикальных генералов конституционалистской армии Мухика. Карранса, которого волновали прежде всего отношения собственности в стране, первоначально считал церковный вопрос второстепенным и был склонен уступить здесь мнению левого большинства конституционного Конвента в Керетаро.

Новая Конституция подтверждала запрет на владение церковью любой недвижимостью. Все храмы, а их в Мексике было около 7 тысяч, объявлялись собственностью нации. Распускались монастыри и католические ордена. Запрещалось религиозное обучение, не разрешалось проведение любых актов богослужения вне стен церкви. В проповедях запрещалось касаться любых политических тем, а тем более критиковать власти и Конституцию. Организации, в названиях которых были использованы религиозные понятия, запрещались. Все священнослужители лишались избирательных прав. Наконец, особое недовольство церкви вызвало положение Конституции, по которому власти оставляли за собой право допускать или не допускать к богослужениям тех или иных священников путем их обязательной регистрации.

Таким образом, положения мексиканской Конституции 1917 года были гораздо более радикальными по отношению к церкви, чем законодательная практика Советского Союза. В СССР церковь отделили от государства, а в Мексике, по сути, само государство подчинило себе церковь.

Важно отметить здесь и важный внешнеполитический момент. Обычно озабоченные правами человека в других странах, США сами крайне отрицательно относились, да и относятся к католикам как слугам иностранного государства - Ватикана. Поэтому поначалу они никак не критиковали действия мексиканских властей. Еще в 1960 году избранию сенатора Джона Кеннеди на пост президента едва не помешало его католическое вероисповедание. К тому же ослабление влияния католицизма в Мексике вело к успехам протестантских миссионеров, которые прибывали из США.

Сразу же после принятия новой Конституции некоторые радикальные губернаторы штатов (прежде всего сам Кальес) изгнали из своих штатов всех священников. Церковь протестовала, и Карранса, как уже упоминалось, внес в Конгресс предложение об изменении Конституции. В частности, он хотел отменить обязательную регистрацию священников властями. Однако Конгресс твердо стоял на антикатолических позициях и никаких изменений не одобрил.

Прагматик Обрегон в церковном вопросе придерживался следующей линии. В тех штатах, где влияние церкви было небольшим, как в его родной

Соноре, положения Конституции проводились в жизнь. В штатах же центральной и южной Мексики, где католицизм все еще был религией крестьянских масс, Конституция на практике в жизнь не проводилась. По-прежнему существовали церковные школы, а священники фактически контролировали всю церковную недвижимость.

Сама же мексиканская церковь в начале 20-х годов резко изменила свою тактику, приспособившись к новой революционной действительности. Католики вели активную работу в массах, основывая общественные организации формально нецерковного характера. В 1922 году была учреждена Католическая ассоциация мексиканской молодежи (КАММ), члены которой учились обращению с оружием на случай начала реальной борьбы с правительством. КАММ с самого начала имела и законспирированные ячейки (170 ячеек с 5 тысячами членов), то есть, по сути, была боевым крылом католической церкви в Мексике.

Католикам удалось привлечь на свою сторону и большинство женщин страны - в 1923 году на съезде в Мехико возник Союз католических дам Мексики.⁶²³ Формально организация под другим названием существовала еще с 1912 года, но бурный рост ее рядов пришелся именно на президентство Обрегона, который в целом терпимо относился к религии. Например, ежемесячный журнал союза впервые вышел в сентябре 1920 года (сразу после свержения Каррансы) тиражом в 400 экземпляров. К сентябрю 1925 года тираж вырос уже до 24 870 экземпляров.

Союз вел очень активную социальную работу, помогая проституткам, брошенным мужьями женам и многодетным матерям. Так как правительство вообще игнорировало женский вопрос, никакой конкуренции у Союза не было. Католические дамы внимательно отслеживали программы кинотеатров, протестуя против «аморальных» фильмов, пикетировали рестораны, где танцевали «бесстыдные» заграничные танцы. Союз заботился о целомудренности дамской моды и даже разработал целый свод правил на сей счет, «а) Можно обнажать всю шею, но так, чтобы при этом были прикрыты плечи, грудь и спина; б) рукав должен быть скроен так, чтобы не обнажать локоть при любых движениях руки; в) юбка, которая в любом случае не должна быть выше границ, предписываемых христианской скромностью, может быть укорочена в зависимости от возраста... Однако ее ширина должна быть такой, чтобы прикрывать голени девочек и ступни девушек и женщин, когда они стоят на коленях; г) полностью запрещаются все прозрачные одежды...»⁶²⁴

Особое внимание дамы уделяли католическим школам и борьбе против светского образования. При всех региональных центрах союза существовали начальные школы. В Мехико, Гвадалахаре и Сан-Луис-Потоси были и курсы католических учителей. Католическая школа рассматривалась как дополнение семейного воспитания, а не как его замена. Любое вмешательство государства в воспитание отвергалось.

Активная деятельность Союза католических дам была одной из главных причин массового участия мексиканских женщин в будущем вооруженном восстании против правительства. К 1925 году в союзе насчитывалось 22,8 тысячи членов. Примерно столько же женщин и участвовали в вооруженной борьбе «кристерос», о которой речь впереди.

Выше уже упоминалась и Католическая конфедерация трудящихся Мексики (к 1926 году в нее входили около 20 тысяч членов). Пестковский отмечал, что католические профсоюзы получили «некоторое развитие» среди горнорабочих, которые «вообще являются... очень отсталым элементом. В некоторых штатах губернаторы,

ставленники лабористов стесняют свободу деятельности католических союзов и иногда закрывают их. Нужно отметить, что современное мексиканское правительство вообще враждебно относится ко всяким поползновениям к общественной деятельности католической церкви».266

Следует подчеркнуть, что Католическая конфедерация трудящихся примерно на 60% состояла из уроженцев штата Халиско - бастиона мексиканского католичества (не случайно штаб-квартира организации находилась не в Мехико, а в столице Халиско Гвадалахаре). Поэтому назвать ее общенациональным профцентром сложно. Католические профсоюзы уделяли очень большое внимание социально-политическому просвещению масс. Бесплатно для членов профсоюзов работали многочисленные кружки истории, географии, арифметики, пения, закона божьего и т.д.

Несмотря на то, что католическая церковь ориентировала рабочих на мирное сосуществование с хозяевами, католические профсоюзы устраивали забастовки и добивались улучшения условий труда для своих членов. Например, католический профсоюз текстильщиков добился в 1922 году повышения зарплаты на 65% на фабриках Атемаяк, Экспериенсия и Рио-Бланка, расположенных недалеко от Гвадалахары.

Всей работой по проникновению церкви в разные слои мексиканского общества руководили иезуиты, хотя их орден и был запрещен новой Конституцией.

Обрегон не желал мириться с ростом влияния церкви, и власти в начале 1923 года указали католикам на их подчиненное место. 11 января 1923 года вопреки положениям Конституции, запрещавшим литургию и иные цер-

ковные обряды вне стен храмов, папский нунций организовал торжественную церемонию закладки памятника Христу в штате Гуанахуато (тамашние губернаторы традиционно занимали жесткую антиклерикальную позицию). Несмотря на предостережения властей, представитель Ватикана Филиппи лично возглавил шествие верующих. Уже на следующий день министр внутренних дел Кальес издал распоряжение о высылке папского дипломата из страны в течение трех суток. Попытки Ватикана замять конфликт успехом не увенчались.

Кальес, в отличие от Обрегона, был человеком принципиальным и ненавидел католическую церковь с детства. Тут сказывалось то, что с точки зрения католиков незаконнорожденный Плутарко был ребенком второго сорта. Французский представитель в Мехико сообщал в Париж, что Кальес рассматривает борьбу против католицизма как мессианское противостояние добра и зла. По мнению нового президента Мексики, именно церковь была главным препятствием на пути прогресса его страны. Кальес говорил, что на всем протяжении мексиканской истории церковь была на стороне угнетателей, и здесь, в общем, особо не грешил против истины. Антирелигиозные взгляды президента полностью разделял и поддерживал Моронес, видевший в антиклерикализме еще и средство мобилизации КРОМ в поддержку правительства.

Церковь тоже не ждала от Кальеса ничего хорошего, памятуя его губернаторство в Соноре. Священники развернули открытую пропаганду среди верующих, называя Кальеса «безбожником» и «большевиком». Под влиянием этой пропаганды в мае 1925 года на жизнь президента совершила покушение фанатичная католичка Хауреги.

Активную борьбу против церкви начал КРОМ. 21 февраля 1925 года про-фцентр объявил об учреждении новой церкви - Католической апостолической церкви Мексики, которая уже не подчинялась Ватикану.625 Де Негри сообщал Пестковскому, что «отщепенцы» стремятся создать «Национальную мексиканскую церковь», независимую от Рима. «Влияние этой секты на массы слабо, но она пользуется поддержкой правительства и мексиканских лабо-ристов». В свою очередь, сообщал в Москву Пестковский, «католический клир, где верховодят испанцы, очень враждебно настроен против правительства и исподтишка подготавливает... контрреволюцию. По мнению Де Негри, они пользуются поддержкой влиятельных кругов Соединенных Штатов».626

Интересно, что основание самой автономной церкви проходило характерным для КРОМ силовым методом. 21 февраля 1925 года вооруженная группа «отщепенцев» захватила приход «Ла Соледад» и выгнала оттуда священника Алехандро Сильву. Выступивший перед верующими основа- [Картинка: image51.jpg] Активный борец против церкви Гарридо Канабаль

тель новой церкви Хоакин Перес-и-Будар объявил, что в автономной церкви не будет обета безбрачия, являющегося основой всякого рода сексуальных извращений. Кроме того, молитвы и службы будут идти на испанском языке, а не на латинском, как прежде, языке. Наконец, священники новой церкви будут получать

твердое жалованье, чтобы не обирать паству.

Однако верующие (около тысячи человек) не воспылали энтузиазмом и вскоре попытались отбить храм. Конная полиция вступила в бой, в результате которого были убитые ираненые. 14 марта Кальес, чтобы разрядить напряженность, своим решением превратил храм «Ла Соледад» в публичную библиотеку, а Пересу был выделен другой храм, до этого не использовавшийся по назначению.

Пестковский в подробном отчете в Москву об экономическом и политическом положении Мексики писал: «Организационной базой консерваторов является католическая церковь, распространяющая свое влияние на значительную часть крестьянства, почти всю мелкую буржуазию и домашнюю прислугу. По отношению к современному правительству Мексики консерваторы и церковь ведут тихую, но постоянную борьбу. Не официально они поддерживали последнее восстание де ла Уэрты, хотя тот был слишком левым для них. В настоящее время усилия консерваторов направлены на саботирование аграрной реформы».269

В течение всего 1925 года Кальес требовал от губернаторов штатов осуществить на практике антицерковные положения Конституции, однако на местах действовать явно не торопились. Исключение составлял, пожалуй, губернатор Табаско Гарридо Канабаль. Он, как и Кальес, считал алкоголизм и религиозные предрассудки главными препятствиями для мексиканцев на пути социального прогресса, так как они в одинаковой степени затуманива-

[Картинка: image52.jpg] Глава мексиканских католиков архиепископ Мора-и-дель-Рио ют сознание населения.627 30января 1925 года Канабаль издал декрет, ограничивавший количество профессиональных священников в штате одним на 30 тысяч жителей. Это означало, что в штате остаются шесть священнослужителей. Все они должны были быть мексиканцами по рождению и в своих проповедях не критиковать Конституцию и другие законы страны.

Канабаль провозгласил лозунг «Долой попов и огненную воду!». Губернатор считал, что с религиозным фанатизмом бороться надо тоже фанатично.

В январе 1926 года Кальес запросил у Конгресса чрезвычайные полномочия по реформе уголовного кодекса: президент решил внести в него положения об уголовной ответственности за неисполнение основного закона.

Ответный удар церковь нанесла в самое тяжелое для правительства время, в феврале 1926 года, когда кризис в отношениях с США достиг максимальной остроты. Такая слаженность в действиях американцев и католического епископата не укрылась от Кальеса, который стал ненавидеть церковь еще сильнее. 4 февраля 1926 года в одной из ведущих газет Мехико «Эль Универсаль» появилась статья архиепископа Мексики Мора-и-дель Рио с резкой критикой Конституции 1917 года. Собственно, епископат критиковал Конституцию каждый год, обычно приурочивая очередное выступление к годовщине принятия основного закона. В статье, в частности, говорилось: «Мы не изменили нашего мнения относительно необходимости протестовать против тех статей Конституции, которые ущемляют наши догмы и свободу церкви, наоборот - мы окрепли в нашем мнении... Мы, епископы, все духовенство не признаем статей 3, 5, 27 и 130 нынешней Конституции и будем вести против них борьбу».628

Кальес воспринял статью главы мексиканских католиков как открытый вызов правительству. Тем более что, в отличие от обычных ежегодных протестов мексиканской церкви, 8 февраля 1926 года открытое письмо с осуждением основного закона подписали все пять архиепископов и все епископы страны. Американский посол Шеффилд сообщал в Вашингтон, что когда речь заходит о религии, обычно сдержанный Кальес преобразается - он дрожит от негодования и бьет кулаком по столу. Кстати, церковь использовала для критики тот же аргумент, что и американцы, - она утверждала, что мексиканская Конституция «еще более радикальная и якобинская, чем русская». И, как мы уже говорили, в том, что касалось церковного вопроса, это было справедливо.

Столкнувшись с жесткой позицией Кальеса, пригрозившего привлечь к ответственности тех, кто призывает к неповиновению основному закону, архиепископ Мексики по совету Ватикана фактически отказался от собственной статьи. Мора-и-дель Рио заявил, что бравший у него интервью журналист переврал его слова. Корреспондента даже уволили из газеты.

Однако Кальес решил перейти от слов к действиям и начать наконец применять Конституцию Мексики на практике. В феврале 1926 года из страны выслали несколько десятков иностранных католических священников, которые вели религиозную деятельность в Мексике, несмотря на прямой конституционный запрет. Кальес опять предложил всем губернаторам штатов принять так называемые регламентарные законы по относящимся

к религии статьям Конституции 1917 года. Конституция Мексики формально не имела прямого действия и для реализации ее положений было необходимо принимать специальные законы, регламентирующие практическое применение статей, как, например, и в случае с «нефтяным законом».

Но церковь не собиралась уступать и ответила пастырским посланием епископа Уехутлы Хосе Хесуса Манрике-и-Сарате. В этом документе критиковалась уже не только Конституция, но и сам революционный режим, ее породивший. «Мы осуждаем, проклинаем и предаем анафеме все преступления, совершенные правительством за последнее время... Наше церковное проклятие распространяется на все законы и положения, которые противоречат священному праву, естественному праву и святым правилам церкви». Под естественным правом подразумевалось, прежде всего, право собственности, то есть церковь выступала против аграрной реформы и национального контроля над недрами страны. Это еще больше усилило подозрения Кальеса, что церковь действует в тесной связке с Вашингтоном.

И действительно, в феврале 1926 года палата представителей Конгресса США запросила у госсекретаря данные о высылке из Мексики священнослужителей - американских граждан.⁶²⁹ 4 марта 1926 года госдепартамент проинструктировал посла США в Мексике Шеффилда выступить в защиту американского миссионера Крилла, которому угрожал арест в Веракрусе. Послу также было дано указание сделать представление мексиканскому правительству, в котором выражалась бы надежда, что религиозные права граждан США в Мексике нарушаться не будут.⁶³⁰

Дипломатический представитель Франции в Мехико Лагард сообщал в Париж: «С февраля по май президент, раздраженный антипатриотической активностью, которую он приписывает клиру и которая связана с политикой угроз Вашингтона, действовал с максимальной жесткостью... потеряв всю умеренность, и не видел в сопротивлении закону иной причины, как действия фанатичных старых дев и священников-подстрекателей...»⁶³¹ Архиепископу Мексики президент ответил, что его агитация не изменит твердой позиции федерального правительства: «Другого пути, чем подчинение закону, не существует».

Епископа Уехутлы привлекли к суду за подстрекательство к мятежу против правительства, однако тот не явился на суд, заявив, что признает только суд божий. В ответ наоткрытое неповиновение закону 13 мая 1926 года епископа арестовали и под конвоем препроводили в суд в городе Пачука. Однако упорный священник ухитрился и здесь нарушить законодательство. Он велел бить в колокола и предстал перед толпой верующих в церковном облачении, что было запрещено законом. По пути в суд он неоднократно призывал взбудораженных верующих бороться против правительства. Толпа попыталась отбить арестованного. Пришлось вмешаться отряду армейской кавалерии. Чтобы не раздувать конфликт, епископа выпустили, оштрафовав на 2500 песо. Собственно, по действовавшему на тот момент законодательству ему ничего и не грозило.

В мае 1926 года мексиканские власти предложили папскому нунцию, гражданину США Джорджу Каруане покинуть страну. Фактический глава американских католиков, генеральный секретарь Национальной католической конференции благоденствия Берк немедленно потребовал от госсекретаря Келлога, чтобы посол США в Мексике выступил в защиту Каруаны. 13 мая Шеффилд сделал представление Саенсу, и тот обещал разобраться.⁶³² Тем не менее 16 мая Каруане пришлось уехать из Мексики.

2 июля 1926 года был опубликован принятый Конгрессом закон о внесении изменений в уголовный кодекс, известный позднее как «закон Кальеса». Этим законом устанавливалась конкретная мера уголовной ответственности за нарушение положений Конституции. Так, за публичные призывы к неповиновению властям в ходе проповедей назначалось наказание вплоть до шести лет лишения свободы. За публичную критику Конституции предусматривался пятилетний тюремный срок. Все периодические издания, занимавшиеся религиозной пропагандой, могли быть по новому закону оштрафованы на крупные суммы. Статья 19 «закона Кальеса» вызвала самое большое неприятие церкви, хотя в целом регламентарный закон вообще не вводил новых норм, а только предусматривал ответственность за несоблюдение старых. Согласно этой статье все священники должны были получать от властей предварительное разрешение на свою деятельность.

Церковь выступила с резкой критикой закона, но формально все еще призывала верующих бороться против безбожного правительства мирными средствами. В своей практике епископат подчас использовал аргументы, которые сделали бы честь и коммунистам. Например, в ответ на утверждения, что новый закон принят демократическим парламентом, а значит, отражает волю большинства мексиканцев, церковь отвечала, что «все депутаты являются марионетками самого правительства, пробравшимися в Конгресс благодаря насилию и

фальсификации выборов». По большому счету это было действительно так, но церковь явно упускала из виду, что при действительно свободных выборах мексиканский парламент наверняка оказался бы еще более радикальным.

Мексиканский епископат ответил на принятие нового закона тем, что объявил церковную забастовку начиная с 1 августа 1926 года, дня, когда закон Кальеса вступал в силу. Всем священникам было предписано закрыть церкви, прекратить все богослужения и обряды, в том числе и регистрацию актов гражданского состояния. Кальеса такая угроза не испугала. Он говорил французскому послу, что каждая неделя без богослужений лишит церковь 2% ее паствы. «Я верю, что мы переживаем момент, когда размежевание обоих лагерей стало окончательным. Приближается час решающей битвы. Мы наконец узнаем, победила ли Революция реакцию, или триумф Революции был эфемерным».

С другой стороны линии размежевания звучали не менее жесткие заявления. Епископ Леопольдо Лара писал: «В борьбе, которую мы начали против наших врагов, доводы бесполезны, аргументы негодны, бессмысленны всякие размышления и рациональные средства».

Боевым отрядом церкви, который стал летом 1926 года готовиться к борьбе против правительства всеми методами, была Лига защитников свободы религии, созданная 14 марта 1925 года. Поводом для создания лиги было учреждение «сепаратистской» католической церкви под эгидой КРОМ, которая стала пытаться захватывать приходы «старой» церкви. Лига была специально учреждена как формально светская организация без

всякой официальной связи с епископатом. Организацию фактически возглавил упоминавшийся выше адвокат Рене Капистран Гарса, до этого связанный с мексиканской фашистской партией. Правительство немедленно заклеило лигу как «незаконную и подрывную» организацию. Однако через три месяца после своего основания лига утверждала, что насчитывает 36 тысяч членов.²⁷⁷

Первоначально лига объединяла молодых адвокатов, боровшихся в судах против применения на практике антирелигиозных положений Конституции. После опубликования «закона Кальеса» лига решила ударить по самому уязвимому месту правительства - поставить под удар честолюбивую программу модернизации мексиканской экономики. Для этого лига запланировала проведение летом-осенью 1926 года тотального экономического бойкота, призванного полностью парализовать деловую активность в стране.

Лига была удобна для епископата тем, что формально являлась независимой от церкви светской организацией, от действий которой клир мог всегда отмежеваться. Однако епископат через специального выделенного для этих целей епископа Табаско Паскуаля Диаса поддерживал самую тесную связь с лигой, которая, в свою очередь, согласовывала с верхушкой католической церкви все акции. Сам Паскуаль Диас, изгнанный из штата Табаско за антиправительственную деятельность, фактически взял на себя вместо престарелого архиепископа Мексики всю координацию оппозиционной работы церкви.

Церковь сразу же после опубликования «закона Кальеса» решила через Ватикан мобилизовать против мексиканского правительства мировое общественное мнение. Сам папа Пий XI обрушился на закон уже на следующий день после его обнародования. Всем папским нунциям было послано указание квалифицировать Кальеса как «гонителя религии». С осуждением линии мексиканского правительства в церковном вопросе выступили многие политики в Латинской Америке, например председатель Сената Колумбии.

Но, естественно, самое большое значение мексиканский епископат придавал позиции католических кругов США. Там только обрадовались новому предлогу надавить на Кальеса с целью урегулирования нефтяного спора, тем более что центр американской нефтедобычи, штат Оклахома был и одним из самых фанатичных в религиозном смысле штатов США. В апреле 1926 года Национальная католическая конференция благоденствия США приняла заявление, в котором, в частности, говорилось: «Нынешняя Конституция была навязана стране бандой бунтовщиков в тот момент, когда Мексика переживала период смуты...» Рупор нефтяных кругов Оклахомы газета «Оклахома Ньюс» давала мексиканскому епископату и более конкретные рекомендации: «Если бы епископы католической церкви Мексики забыли на мгновение свои мирные принципы и теологию и призвали народ к оружию, то люди, стоящие сейчас у власти в Мексике, были бы разорваны в клочья».

Но церковь пока не решалась на вооруженное сопротивление властям, понимая, что общественное мнение и армия на стороне Кальеса. В середине июля 1926 года епископат утвердил план экономического бойкота

-«Циркуляр 2-А», - представленный Лигой защиты религиозной свободы. Планом предусматривался бойкот правительственной печати, отказ от покупки всех товаров, кроме предметов неотложной необходимости, отказ от пользования городским общественным транспортом, кинотеатрами и театрами. И, наконец, полный бойкот светских школ. Такие меры показались опасными даже Ватикану, и папа заявил, что бойкот не поддерживает. Епископат тоже поддержал бойкот тайно, понимая, что публичные призывы к таким мерам нарушают главный краеугольный камень всей позиции церкви в споре с правительством: «Богу богово - кесарю кесарево». Если церковь требовала от Кальеса, чтобы государство не вмешивалось в церковную жизнь, то ей самой было не с руки призывать вмешиваться в жизнь светскую.

1 августа 1926 года Кальес отдал указание местным властям взять объекты церковной недвижимости под строгий контроль, приняв у священников все предметы по описи.

В ответ на это Лига защиты религиозной свободы направила 10 августа 1926 года обращение всем иностранным дипломатическим представителям в Мехико, включая советское полпредство. Поводом, что весьма примечательно, послужили ответы министра иностранных дел Мексики Саенса на вопросы репортеров из Сан-Франциско 7 августа. Саенс утверждал, что религиозный вопрос является внутренним делом Мексики, с чем лига категорически не согласилась. В обращении говорилось: лига не может поверить появившимся в газетах сообщениям о том, что и президент США считает «религиозную проблему в нашем отечестве местной, домашней, чисто мексиканской. Мы не верим в это, зная прекрасные духовные качества президента Кулиджа.⁶³⁴Его недавние слова, обращенные к представителю римского первосвященителя на евхаристическом конгрессе в Чикаго, - когда он, объясняя первую и высшую причину поразительного материального прогресса Соединенных Штатов, утверждал, что в основании всего этого величия лежит глубокое твердое уважение американского народа к догмам и морали, - все эти слова теперь еще преисполняют нас восторгом, восхищением и симпатией».

Дифирамбы Кулиджу в обращении лиги плавно перетекали в прямой призыв к иностранной интервенции. «Господин Саенс говорит, что никакая интервенция ни в каком смысле не будет терпима в Мексике. Господин Саенс находится в заблуждении. Так как все мы, католики, всегда были и будем благодарны за всякое мирное и дружественное вмешательство, которое будет сделано в вежливых выражениях дипломатов, но полных суровости, как того заслуживают обстоятельства. Мексика не есть ни господин Кальес, ни господин Саенс: Мексика есть тот народ, который теперь кровавыми слезами оплакивает то, что он приветствовал наступление революции, обещавшей все свободы, к которым по праву может стремиться человек, - с тем, чтобы после пятнадцати лет раздоров, неудач, нищеты, потрясений и разорения попасть в худшую из тираний».⁶³⁵

Американцы быстро отреагировали на обращение. Уже 13 августа в государственный департамент был вызван посол Мексики Тельес. Келлог заявил, что власти США будут выступать в защиту американских граждан, которых дискриминирует новое антирелигиозное законодательство. Госсекретарь отметил, что намерен действовать даже тогда, когда правительство Мексики поступает «возможно, в рамках своих законных прав», как это было в случае с Каруаной. В таких случаях, хотя и не имея формальных оснований для протеста, Америка станет протестовать как «дружественная страна». Келлог сослался на обращения к нему католиков США.⁶³⁶Согласно американской записи беседы «госсекретарь также отметил, что изданные президентом Кальесом религиозные постановления вызывают очень нехорошие чувства в этой стране⁶³⁷не только у католиков, но и среди других классов народа, и хотя он не присваивает себе право диктовать Мексике, какой должна быть ее внутренняя политика, он счел нужным проинформировать господина Тельеса о настроениях в Соединенных Штатах».⁶³⁸Тельес высказал убежденность, что религиозный вопрос будет исправлен.

21 августа 1926 года была предпринята последняя попытка решить церковный конфликт мирным путем. В тот день президент Кальес принял делегацию епископата. Кальес настойчиво повторял свою позицию: все в Мексике, включая священнослужителей, должны подчиняться законам. Епископы возражали, что эти законы противоречат велениям их совести. Кальес парировал: «Над велениями совести стоит закон».⁶³⁹Тогда церковники предложили президенту изменить закон. Кальес, не скрывавший, что закон отвечает его политическим и философским убеждениям, предложил епископам обратиться в тот орган, который правомочен менять законы, - Национальный Конгресс. Президент подчеркнул, что та власть, на веления которой ссылаются епископы, то есть божья, не имеет для правительства никакого значения. Особенно сильно епископам не понравился тезис Кальеса о том, что все храмы являются национальным достоянием и должны находиться в

собственности государства. Церковь считала все церковные постройки своей собственностью. В конце встречи президент предупредил: если церковь прибегнет к оружию, то правительство ответит тем же. «У вас два пути - подчиниться закону или с помощью вооруженной борьбы попытаться свергнуть эту форму правительства».640

Прощаясь с президентом, епископы заверили, что вооруженного мятежа не планируют. Действительно, сначала они решили опробовать бойкот, который с треском провалился. Ошибкой лиги было то, что бойкот собирались организовать в городах, а городское население в подавляющей массе поддерживало в религиозном споре правительство. К тому же торговцы не хотели терять свою прибыль из-за неуступчивости епископата. Даже американские коммерсанты заверяли своих мексиканских партнеров, что готовы временно поставлять товары в долг, если из-за бойкота у мексиканских импортеров не будет денег. Против бойкота с редким единодушием выступили все профсоюзы страны и компартия, твердо поддерживавшая Кальеса в споре с епископатам. В сельской же местности, где проживало подавляющее большинство верующих, люди и так практически ничего не покупали, поскольку вели преимущественно натуральное хозяйство. Да и кинотеатров с трамваями там не наблюдалось.

Лига активно привлекала к участию в демонстрациях и пикетах женщин из Союза католических дам, надеясь, что власти не станут использовать против слабого пола полицию.641 Католики уже устраивали бойкот против антиклерикальных мер в Гвадалахаре в 1918-1919 годах, и тогда эта акция увенчалась определенным успехом. Однако столица страны Мехико была городом левонастроенным, и бойкот провалился. Один из очевидцев так оценивал ситуацию: «Знаменитый бойкот появился на свет как малокровное создание; он находился в состоянии агонии с самого начала и умер, оставив после себя материал для насмешек и саркастических издевательств. Печальный, но показательный урок».642

Мало того, пикеты Лиги защиты религиозной свободы у кинотеатров и лавок вызывали недовольство торговцев и простых горожан (в ряде случаев лига снимала пикеты, если торговцы платили ей деньги). Поэтому вице-президента лиги 27-летнего адвоката Рене Капистрана Гарсу и ряд его заместителей арестовали. Однако уже в конце июля 1926 года их выпустили под залог. [Картинка: image53.jpg] Заседание Лиги защиты религиозной свободы

28 июля КРОМ заявил, что готов бороться с духовенством любым оружием, «которое оно пожелает избрать». В манифесте КРОМ говорилось также, что «за ширмой так называемого религиозного конфликта скрывается не только протест духовенства против затрагивающих его права законов». За ним стоят «политические силы... которые не могли силой победить революцию и которые теперь подняли знамя защиты свободы религии...»643

1 августа 1926 года, в день начала церковной забастовки, КРОМ призвал сторонников правительства ответить на этот шаг мощной демонстрацией в Мехико, на которую собрались более 100 тысяч человек. Один из лозунгов КРОМ гласил: «Да здравствует Христос - апостол социалистического идеала!» КРОМ также предложил церкви провести общественные диспуты для разъяснения позиции сторон в конфликте. На первом диспуте 2 августа 1926 года в столичном театре «Ирис» правительство представлял министр просвещения Пуиг Касауранк. Ему оппонировал Капистран Гарса. Министр убедительно опроверг доводы церкви о том, что светские школы - гнезда разврата, зачитав «Кодекс школьной морали». Оратор подчеркнул, что он лично выступает за культ покровительницы Мексики девы Марии Гуадалупской, так как она - по его словам, представительница коренного населения страны644 - не была навязана стране Ватиканом. Капистран Гарса выглядел бледно и ссылаясь на свою неподготовленность.

По мнению тысяч зрителей, правительство выиграло и этот, и остальные три диспута. Например, на диспуте 4 августа министр сельского хозяйства Луис Леон предъявил документы, захваченные в ходе гражданской войны 1913-1914 годов в епископской резиденции в Монтеррее. В этих документах церковь подробно обосновывала неприятие революции и свою собственную борьбу за политическую власть. Далее министр убедительно, на фактах, показал активное противодействие церкви аграрной реформе. Церкви пришлось уже в ходе диспута срочно менять своего представителя, однако тот, по сути, вообще уклонился от спора, ограничившись кратким заявлением. На следующий диспут, который должен был пройти 6 августа 1926 года на тему «Религиозная догма в свете разума и науки», церковь вообще не прислала своего представителя.

9 августа 1926 года в диспуте на тему «Рабочее движение и церковь» участвовал Моронес. Его оппонентом был представитель лиги студент Луис Миер-и-Геран. Моронес активно доказывал, что церковь борется не за веру, а за свою недвижимость, которую он оценил в 600 миллионов песо, и не гнушается выступать в союзе с

империалистами США. Бывший управляющий имуществом церкви инженер Давид Янес даже поправил Моронеса, уточнив, что это имущество оценивается в миллиард песо.⁶⁴⁵ Потерпевшего фиаско Миера-и-Терана сменил архиепископ Мичоакана, но и он не смог представить никаких доказательств, которые опровергали бы приведенные цифры, и покинул трибуну под свист и улюлюканье собравшихся. КРОМ предлагал лиге и епископату продолжать диспуты, но церковь не хотела этого, видя свое поражение в идейном споре.

2 августа 1926 года секретарь епископата Паскуаль Диас встретился с генеральным прокурором Мексики Ромеро Ортегой и предложил последнему пока просто не применять на практике «закон Кальеса». Затем предлагалось провести плебисцит и изменить по его результатам Конституцию страны. 6 сентября епископат, собрав тысячи подписей (многие из них были фальсифицированы - это ясно хотя бы потому, что большинство верующих не умели ни читать, ни писать), направил петицию в Конгресс с требованием отменить «закон Кальеса». Парламент оперативно рассмотрел петицию 22 и 23 сентября и, как и ожидалось, практически единогласно отклонил петицию. За отклонение проголосовал 171 депутат, против - один.

После этого лига взяла курс на вооруженный мятеж против правительства. Первые вооруженные стычки подстрекаемых священниками верующих с силами правопорядка состоялись сразу же после объявления церковной забастовки 1 августа 1926 года. Одурманенные пропагандой епископата и лиги люди не хотели сдавать храмы под опеку местных властей. 3 августа около 400 верующих забаррикадировались в храме Гуадалупской девы в Гвадалахаре. Этот город уже некоторое время был центром клерикальной оппозиции благодаря активной антиправительственной деятельности местного епископа Хименеса-и-Ороско. О тщательной подготовке акции говорит тот факт, что у прихожан было оружие и они в течение нескольких часов оказывали сопротивление армии, пока у них не закончились патроны.

По данным консула США, в городе в бою погибли 18 человек и примерно 40 получили ранения.

На следующий день около 240 солдат взяли штурмом церковь в Мичо-акане. При этом погиб местный священник. В городке Чальчиуитес (штат Сакатекас) было разгромлено местное отделение организации католической молодежи. Погиб духовный наставник организации отец Луис Батис.

Собственно, такие неоправданно жесткие меры властей и дали толчок спонтанному антиправительственному мятежу. Например, узнав о том, что отцу Батису угрожает опасность, бывший полковник федеральной армии Педро Кинтанар сформировал конный отряд и захватил Чальчиуитес. Священника спасти уже не удалось, но муниципальная касса была захвачена. Отряд решил не расходиться и ушел в горы, начав партизанскую войну.

28 сентября 1926 года восстал мэр городка Пенхамо, штат Гуанахуато. Его отряд был сразу же разбит федеральными войсками и отошел в горы. 4 октября в южной части штата начал борьбу против правительства отряд бывшего генерала федеральной армии Родольфо Гальегоса. Следует отметить, что среди тех, кто примкнул к мятежу, было много офицеров старой федеральной армии, разбитой революционерами в 1914 году. Карранса распустил старую армию и запретил принимать бывших офицеров на военную службу. Естественно, эти люди ненавидели правительство хотя бы потому, что оно лишило их дохода и карьеры, и готовы были поддержать любое выступление против властей, даже при том что большинство бывших офицеров принадлежали к масонам и относились к католической церкви не лучше Кальеса. Часть командных кадров для партизанских отрядов поставляли лига и католическая молодежь.

Многие крестьяне и «ранчерос» (мелкие землевладельцы), особенно в центральной и западной части Мексики, и так были недовольны существующим правительством. Преследование церкви явилось для них лишним поводом взяться за оружие. Не зря штат Халиско и его центр Гвадалахара были оплотом мятежа де ла Уэрты в 1923-1924 годах. Эта же территория оказалась и оплотом нового восстания.

Сельское население Халиско, Мичоакана, Колимы, Гуанахуато воспринимало революционные власти как чужаков из северных штатов, которые хотят подорвать вековые традиции местного населения, тем более что поставленные революцией на места чиновники отличались почти поголовной коррумпированностью и активно фальсифицировали выборы в свою пользу. При малейшем протесте они задействовали армию.

Вышеупомянутые штаты были ареной постоянной и крайне жестокой войны между отрядами аграристов (вооруженных правительством крестьян) и «белой гвардией» помещиков, которая состояла из их батраков. Фактически «белых» поддерживали и отряды «социальной обороны». Именно банды помещиков и часть сил самообороны, располагая оружием, и стали ядром мятежников в центральной Мексике. Армия в конце 1926 года, по сведениям военного атташе США, воевала в центральных штатах в основном против аграристов,

которых Кальес хотел разоружить. Междоусобица в правительственном лагере на первых порах облегчала мятежникам операции.

С другой стороны, революция ничего не дала абсолютному большинству крестьян густонаселенной центральной Мексики. В Морелосе и Чиуауа, штатах, где аграрная реформа приняла существенные масштабы, попытки поднять мятеж против правительства окончились полнейшим фиаско. Там крестьяне были готовы с оружием в руках защищать режим, давший им землю.

Спокойствие сохранялось в и тех штатах, где местные власти тактично проводили взятие местных храмов под опеку. Например, американский консул в городе Масатлан сообщал, что настроение там «веселое» и спокойное, так как мэр при назначении опекунских советов по управлению церквями согласовывал кандидатуры членов совета с местным священником.

Правительство Мексики первоначально не придавало мелким стычкам и появлению разрозненных вооруженных «бандитов» (этот термин использовали и Кальес, и американское посольство в Мехико) особого значения. В Вашингтоне тоже были уверены, что церкви не удастся поднять против властей большие массы населения. Правда, обосновывали свой анализ американцы низкой оценкой мексиканцев как народа в целом. Так, начальник мексиканского отдела госдепартамента США Артур Блисс Лейн докладывал госсекретарю Келлогу в августе 1926 года: «...умные и информированные люди сходятся во мнении... что мексиканский народ покорный по натуре и что эта черта предотвратит серьезное революционное движение, по крайней мере, до тех пор, пока правительство Соединенных Штатов сохраняет эмбарго на поставки оружия и боеприпасов». Просто удивительно, что так оценивали народ, который только что в ходе гражданской войны сверг диктатуру и полностью разгромил федеральную армию.

Однако точно так же думали о своем народе епископат и лига. Видимо, об этих «умных и информированных» людях и шла речь в докладе Лейна. Провал экономического бойкота убедил лигу, что вооруженное сопротивление правительству невозможно без финансовой и материальной поддержки США. Уже в конце августа 1926 года в Мехико прошло нелегальное собрание руководства Лиги защиты религиозной свободы, на котором было принято решение готовить широкомасштабный вооруженный мятеж против правительства. Был образован Военный совет, призванный собирать денежные средства, закупать оружие и готовить вооруженное выступление групп одновременно по всей стране, чтобы сковать федеральную армию.

В США для сбора средств и установления контактов с мексиканской военной эмиграцией (главным образом с генералами, участвовавшими в недавнем мятеже де ла Уэрты) был направлен лидер католической молодежи и вице-президент лиги Капистран Гарса. Этот молодой человек фактически ввел в заблуждение руководство лиги, убедив его, что располагает в США могущественными контактами, благодаря которым и деньги, и оружие можно будет достать очень быстро. На основе этих утверждений лига и приняла план восстания. Гарса должен был сформировать и вооружить отряд из военных-эмигрантов и 1 января 1927 года захватить пограничный город Сьюдад-Хуарес. Именно так начинал победоносную революцию 1910 года Мадеро, и лига надеялась повторить его успех. Захват города, в свою очередь, дал бы сигнал выступлению отрядов по всей стране. Лига рассчитывала, что к немногочисленным группам повстанцев немедленно примкнут широкие массы верующих, и режим будет быстро свергнут.

Прибыв в США, Гарса вскоре установил контакт с генералом Энрике Эстрадой, который руководил силами мятежников в Халиско во время восстания де ла Уэрты.⁶⁴⁶ Гарса предложил Эстраде пост главнокомандующего «освободительной армией» мятежников. Однако Эстрада не стал связываться с Гарсой, справедливо приняв его за авантюриста, и решил действовать на свой страх и риск. К тому же он считал себя революционером и не испытывал никаких симпатий к католической церкви. Генерал организовал группу вооруженных эмигрантов для того, чтобы вторгнуться в Мексику и провозгласить в Нижней Калифорнии революционное правительство. Эстрада собрал около 200 человек, вооруженных и моторизованных. На машинах и грузовиках группы революционеров красовались предвыборные стикеры кандидата на пост судьи одного из графств Калифорнии. Но ФБР следило за Эстрадой еще с 1925 года, когда до агентства дошли слухи о его подозрительной деятельности. В марте 1926 года Эстраду даже вызвали на беседу в ФБР и прямо спросили, собирается ли он устраивать «революцию» против мексиканского правительства.⁶⁴⁷ Эстрада все отрицал.

Неожиданно весной 1926 года у Эстрады появилась большая сумма денег - 20 тысяч долларов. Он закупил

400 винтовок «спрингфилд» в Нью-Йорке, а также два пулемета и четыре самолета. У Эстрады хватило денег даже на то, чтобы укрепить грузовики бронированными листами. Интересно, что, вербуя приверженцев, Эстрада утверждал, что американские власти санкционировали его вторжение в Мексику, и даже показывал некие документы на сей счет.

Однако ФБР 16 августа 1926 года арестовало Эстраду и 104 его спутников. Генерала предали суду по обвинению в нарушении иммиграционного законодательства США и присудили к 21 месяцу заключения и штрафу 10 тысяч долларов. Агенты ФБР, участвовавшие в захвате Эстрады, получили от мексиканского правительства часы с выгравированной на них благодарностью.

После ареста Эстрады в руководстве будущего мятежа не оказалось ни одного толкового специалиста в военных вопросах.

Позиция США объяснялась тем, что к концу 1926 года Вашингтон стал менять отношение к Кальесу. Ранее американский посол в Мехико Шеффилд называл его «вором и убийцей», но теперь от мексиканского правительства ожидали уступок в нефтяном вопросе. Британский дипломатический представитель в Мексике даже пришел к выводу, что Кальеснамеренно обострил отношения с епископатам, чтобы отвлечь внимание народа от предстоящего компромисса с США в нефтяном споре. На этом фоне Гарсу в США никто всерьез не воспринял, тем более что, как уже упоминалось, американцы не верили в успех антиправительственного мятежа в стране. Да и сам молодой адвокат должного впечатления не производил.

Хотя эмигранты и католические круги устроили Гарсе несколько встреч с бизнесменами и банкирами, денег на мятеж почти никто не дал. Американцы кивали на позицию госдепартамента, который не хотел осложнять и без того напряженные отношения с Мексикой. Гарса опоздал буквально на пару месяцев - ведь еще в июне 1926 года американцы грозили Мексике войной. Даже полученные Гарсой официальные полномочия от лиги не изменили к нему отношения - ее саму в США серьезной силой тоже не считали. Не помогло даже то, что полномочия лиги скрепил своей подписью архиепископ Мексики, скрывший свою настоящую фамилию под псевдонимом Хосе.

В этих условиях заговорщики обратились за поддержкой к епископату. Они просили, чтобы для оказания им финансовой помощи были задействованы как внутренние резервы (средства богатых мексиканских католиков), так и внешние - активы мексиканской католической церкви в США.

18 сентября 1926 года архиепископ Руис-и-Флорес выступил с первым пастырским посланием после взятия властями под контроль церковей 1 августа 1926 года. В послании был полностью обойден вопрос насильственного сопротивления правительству. Наоборот, Руис призывал паству успокоиться и перенести богослужения в частные дома.⁶⁴⁸

Епископат колебался, прекрасно понимая, чем может грозить католической церкви вооруженное выступление против правительства. Оно казалось церкви тем более опасным, что лиге, несмотря на активную пропагандистскую работу, не удалось привлечь на свою сторону ни одного офицера федеральной армии. Мексиканская церковь решила посоветоваться с Ватиканом, куда 19 сентября 1926 года отправилась делегация во главе с архиепископом штата Дуранго Хосе Марией Гонсалесом-и-Валенсией. Папа был всецело на стороне мексиканской церкви, но открыто санкционировать вооруженный мятеж не решился. Зато он не возражал против использования церковью своего имущества для финансирования мятежа и даже изъявил желание продать для этих целей собственные драгоценности. 18 ноября 1926 года Пий XI опубликовал апостолическую эписолу, в которой выразил солидарность с гонимой католической церковью Мексики. Понтифик позволил себе прямую и открытую критику мексиканской Конституции 1917 года.

26 ноября 1926 года для окончательного определения позиции епископата по готовящемуся мятежу на квартире секретаря епископского комитета Паскуаля Диаса состоялось совещание с участием руководства лиги.⁶⁴⁹ Заговорщикам не удалось добиться главного - епископат не дал добро на использование активов церкви для финансирования мятежа. Даже пожертвований от богатых католиков поступало очень мало. Фактически бросив перчатку правительству в феврале 1926 года и взбудоражив верующих церковной забастовкой, епископы свалили всю ответственность на лигу, которая после провалившегося бойкота просто не могла «дать задний ход».

Под влиянием бодрых и оптимистических реляций Капистрана Гарсы из США лига назначила его верховным главнокомандующим, хотя он не имел никакого военного опыта. Тот опубликовал 10 декабря 1926 года

манифест «К нации», в котором объявил о начале 1 января 1927 года всеобщего восстания против правительства. Дата начала мятежа совпадала с датой вступления в силу «нефтяного закона». Мятежники рассчитывали, что с наступлением 1927 года США все-таки разорвут отношения с администрацией Кальеса.

Первые шесть пунктов программы действий мятежников сводились к защите религиозной свободы, зато следующие два явно были провозглашены с прицелом на завоевание симпатий в США. Пункт 7 требовал гарантий для национального и иностранного капитала. Пункт 8 не мог быть сформулирован лучше и государственным департаментом США: «Признать законы не имеющими обратного действия». В Мексике это до сих пор обсуждалось только, когда дело касалось положений Конституции о недрах и принятого на их основе «нефтяного закона». Пункт 9 требовал уважать частную собственность. А пункт 10 вынужденно провозглашал продолжение аграрной реформы. Без этого к мятежникам крестьяне бы не пошли.

Большого идеологического влияния манифест не имел - во многих будущих центрах мятежа о нем даже не знали. Как уже упоминалось, мятеж возник не столько в защиту церкви, сколько против правительства, и объединились в рядах повстанцев абсолютно разные по убеждениям и классовому происхождению люди. Гарсу как главнокомандующего восстанием никто и никогда всерьез не признавал.

После 1 января 1927 года многочисленные, но мелкие партизанские отряды стали нападать на маленькие города, отряды аграристов и силы «социальной обороны». Но с самогоначал стало ясно - никакого общенационального восстания не получилось. И север, и юг Мексики оставались спокойными. Не скоординированные между собой отряды мятежников действовали только в центральных штатах, прежде всего в горной части Халиско и Мичоакана. Там, как правило, небольшие - от 20 до 150 человек - конные отряды «ранчерос» нападали на города и деревни, захватывали казну и при первом же приближении правительственных войск отступали в горы. Ранчо превратились в базы мятежников, где они отдыхали и пополняли запасы продовольствия. Там же располагались склады оружия и типографии. Первоначально вооружение мятежников было очень плохим - почти все оружие приходилось добывать в стычках с аграристами и «социальной обороной».

Так, американский консул сообщал, что в северной части Сакатекаса, в городе Концепсьон-дель-Рио 150 горняков под руководством местного лидера католической молодежи напали 1 января 1927 года на тюрьму, освободили заключенных и похитили со склада горнодобывающей компании динамит. Повстанцы говорили, что их выступление готовилось заранее и задачей его было именно добыть взрывчатку. Везде активисты лиги требовали и захвата финансовых средств муниципалитетов - надежда на помощь богатой католической церкви так и не оправдалась, как и не стали былью сказки Капистрана Гарсы о помощи американских миллионеров.

На руку мятежникам поначалу была взаимная ненависть между армейскими частями и вооруженными крестьянами-аграристами. Она приводила к тому, что армия специально не вооружала аграристов, не снабжала их одеждой и боеприпасами. Ведь многие офицеры считали отряды вооруженных крестьян конкурентами профессиональной армии и недолюбливали своих союзников.

Если в горной части центральной Мексики мятежникам удалось создать нечто вроде партизанского края и даже заменить мэров в некоторых городах и деревнях, которые перешли под их контроль, то попытки лиги с помощью своих, составленных из горожан партизанских отрядов дестабилизировать обстановку вокруг столицы успеха не имели. Богатая молодежь не привыкла к тяготам жизни в горах, а местное население никакой помощи не оказывало. Несколько малочисленных групп грабили в окрестностях Мехико по-
[Картинка: image54.jpg] Кристерос

езда и пассажиров. Но эти группы лишь таяли, а не росли, причем даже не столько из-за столкновений с правительственными войсками, сколько из-за дезертирства «защитников веры».

Причиной, по которой мятеж не провалился сразу, была неоправданная жестокость правительственных войск в Халиско и Мичоакане. Консул США в Гвадалахаре Дуайер правильно полагал, что сопротивление местного населения приобрело массовый характер только после прибытия правительственных войск из родного штата Кальеса Соноры, где под руководством Обрегона в 1926 году шла война против индейцев яки, носившая характер откровенного геноцида. За 10 лет до этого сам Кальес подтвердил права индейцев на земли предков, после чего яки приняли активное участие в борьбе с Вильей. Теперь же часть земель передали компании Обрегона, и яки встали на их защиту. Бывший президент решил сам усмирить индейцев, хотя формально никаких военных должностей не занимал. В то время Обрегон уже готовился выставить свою кандидатуру на

президентских выборах 1928 года и решил еще раз продемонстрировать стране свой военный гений. Война против индейцев, которых ни Обрегон, ни Кальес не считали настоящими людьми, велась с крайней жестокостью. Эту жестокость правительственные войска привнесли и в штаты Халиско и Мичоакан, большая часть населения которых тоже состояла из коренных жителей. Мятежников вешали на телеграфных столбах вдоль дорог, что только подогревало ненависть населения к властям.

Формально мятежников считали бандитами, обычными уголовниками и расстреливали на месте без суда. Сам повстанцы называли себя «Освободительной армией», но вскоре за ними закрепилось наименование «кристерос», связанное с их боевым кличем «Вива эль Кристо Рей!» («Да здравствует господь Христос!»). Справедливости ради следует сказать, что и сами мятежники нисколько не уступали в жестокости правительственным силам. Они убивали всех попавших в их руки учителей, деятелей профсоюзов или лидеров аграристов. Иногда на трупах оставляли метку VCR (испанская аббревиатура боевого клича повстанцев). [Картинка: image55.jpg] Отряд «кристерос»

19 апреля 1927 года вся Мексика была потрясена невиданной даже для только что пережившей гражданскую войну страны жестокостью «кристерос». В этот день отряд мятежников под руководством священника Хосе Рейеса Веги совершил нападение на поезд, перевозивший помимо пассажиров крупную сумму денег. В перестрелке с армейским конвоем погиб брат Веги. В ответ на это «святой отец» приказал сжечь всех пассажиров живьем прямо в вагонах. Погиб 51 человек, в том числе много детей. Борец за свободу церкви Вега был широко известен как бабник, любивший прикладываться к бутылке. Он и раньше отличался жестокостью - однажды приказал заколоть всех пленных, чтобы сэкономить патроны.

Через неделю после начала мятежа руководители лиги сообщали Гарсе в США, что общее количество повстанцев превышает 8 тысяч человек, но его можно легко утроить, если из Америки поступит обещанное оружие. Однако никакой помощи из-за границы так и не пришло. Правительство США с самого начала встало на сторону Кальеса.

Тот первоначально не относился к «кристерос» серьезно, ведь ни одного крупного города мятежники не захватили и даже единого фронта боевых действий не создали. Но все же правительство приняло некоторые меры. 10 января 1927 года арестовали, а затем выслали из Мексики секретаря епископского комитета Паскуала Диаса, самого радикального противника властей в епископате. Командующие войсками в штатах получили приказ высылать из страны всех священников, захваченных с оружием в руках. Имущество всех, кто финансово поддерживал «кристерос», подлежало конфискации согласно закону 1924 года, применявшему аналогичную меру против участников мятежа де ла Уэрты. Конфискованные средства использовались для компенсации возросших военных расходов правительства. 18 января 1927 года было объявлено об ускорении темпов проведения аграрной реформы, чтобы пополнить ряды аграристов (вооружали, как правило, именно крестьян, получивших землю).²⁹⁵

Приняло правительство и меры чисто военного характера. С самого начала выяснилось серьезное тактическое преимущество конных отрядов «ранчерос» центральной Мексики над пешими правительственными войсками. «Ранчерос» быстро совершали нападения и так же быстро уходили в горы. У армии и аграристов не было столь сильных кавалерийских частей, [Картинка: image56.jpg]

и преследования не получалось. Спасало правительство только то, что «ранчерос» были привязаны к своим ранчо и не хотели объединяться с другими отрядами мятежников, если операция планировалась далеко от места их проживания. Таким образом, мятежники были подвижны в тактическом отношении, но абсолютно обездвижены в стратегическом.

Кальес отдал указание применять для обнаружения банд молодую мексиканскую авиацию, впервые использованную при подавлении мятежа де ла Уэрты. Было сформировано несколько кавалерийских полков, причем один из них перебросили к границам США для предотвращения контрабанды оружия.

Уже к концу января 1927 года все очаги мятежа, за исключением района Халиско - Мичоакан - Гуанахуато, были подавлены. Командующий федеральными войсками в Халиско генерал Хесус Ферейра самоуверенно заявил, что его части ведут не войну, а скорее охоту. Правительство стало проводить в районе очага мятежа опробованную 10 годами раньше против сапатистов политику «реконцентрации». Деревенских жителей переселяли в города под надзор гарнизонов, чтобы лишить «кристерос» продовольствия. Всех, кто находился без разрешения в затронутых выселением деревнях, расстреливали без суда.

К весне 1927 года мятеж выдохся и стал спадать. Многие мятежники сдавались в плен и говорили, что их обманули активисты лиги, обещавшие щедрое жалование и оружие из США. Капистран Гарса нелегально приехал в январе в Тампико, чтобы подготовить в городе восстание, - в случае захвата нефтеносного района мятежники могли бы собирать «налоги» с нефтяных компаний. Однако мексиканские органы безопасности раскрыли заговор в Тампико и Пуэбле, расстреляв всех организаторов. Положение Гарсы в США стало еще более двусмысленным - там понимали, что общенациональное восстание свелось к локальному выступлению в нескольких штатах, причем, как отмечали американские дипломаты, церковный вопрос был для многих повстанцев просто предлогом. Военный атташе США в Мексике подчеркивал в отчетах в Вашингтон, что никакой координации действий среди отрядов «кристерос» не наблюдается.

Правительство Мексики приняло решение о высылке из страны всех епископов и архиепископов, так как участие духовенства в мятеже было очевидным фактом. Мексиканский епископат обосновался в техасском городе Сан-Антонио. Отношения между лигой и епископатом обострились - надежды руководителей восстания на крупную материальную помощь клира так и не оправдались. В свою очередь, некоторые руководители партизанских отрядов стали недолюбливать и функционеров лиги, которые не только не снабжали «кристерос» деньгами и оружием, но и сами разворовывали собранные средства. Чтобы снять такого рода обвинения, лига выпустила марки достоинством в 5, 25 и 30 сентаво, выдававшиеся в обмен на деньги.²⁹⁶ При взносе в 100 песо спонсору вручалась именная расписка, которую он после победы мятежа мог предъявить в казначейство, чтобы получить деньги обратно. Но тех, кто верил в победу «кристерос», было очень мало.

К лету 1927 года финансовое положение Лиги защиты религиозных свобод стало отчаянным, и ее руководство снова обратилось к епископату с просьбой использовать активы церкви в США для залога при получении займов в финансовых кругах Америки. Но епископат на своем заседании в эмиграции 15 голосами против 2 отверг это предложение. В послании руководству лиги разъяснялись мотивы такого решения: «Лига рассчитывала на одновременное восстание широких народных масс под лозунгом « Да здравствует Христос!», что действительно произошло лишь в нескольких штатах центральной части республики, но, к несчастью, на большей части территории страны этого не случилось. Лига рассчитывала также, что богатые мексиканцы помогут делу солидными суммами... Однако и эта надежда Лиги полностью провалилась». Епископат прямо обвинил Капистрана Гарсу в обмане: никаких обещанных средств тот в Америке так и не собрал.

С тех пор епископат всячески старался откеститься от контактов с лигой, чтобы нащупать путь для компромисса с правительством. У епископата и мятежников, казалось, появилась надежда на успех - в правительственном лагере возник серьезный разлад.

Уже в 1926 году началась борьба за президентское кресло. При отсутствии в Мексике реальной политической системы постоянно функционирующих

общенациональных партий с самого начала предполагалось, что кандидатом правительства станет генерал.

Несмотря на формально очень демократическую Конституцию и наличие всех атрибутов представительной демократии (выборы, партии, более или менее свободная пресса), в Мексике 20-х годов была настоящей военной диктатурой. Первый послереволюционный президент Карранса избирался в 1917 году в условиях военного разгрома всех своих оппонентов и действия практически на всей территории страны военного положения. Обрегон пришел к власти в 1920 году в результате настоящего военного мятежа. Кальес стал президентом в 1924 году после военного разгрома своего основного конкурента де ла Уэрты. И Обрегон, и Кальес носили титул генерала гораздо охотнее, чем президента. В Мексике уже как-то само собой подразумевалось, что президентом может быть только генерал. Гражданские политики должны были лишь писать для генералов умные законы и речи и никакого веса в принятии основных решений не имели. Об этом свидетельствует и судьба политических партий Мексики: как только они попадали в немилость к президенту-генералу, то очень быстро сходили с политической сцены.

Выборы в стране были фарсом. Губернаторы на местах, тоже практически поголовно генералы, силой не давали голосовать подозрительным избирателям, поэтому в волеизъявлении участвовало всегда менее трети населения. В этих условиях оппозиционный кандидат мог стать президентом только с помощью военного мятежа, что и показал сам Обрегон в 1920 году.

Пестковский писал в Москву летом 1925 года: «Но не следует полагать, что в Мексике господствует сейчас партийно-парламентская система. Фактически все государственные дела решаются помимо парламента.

Последний занимается главным образом тем, что следит за действиями губернаторов и борется со злоупотреблениями их. Но и эта борьба ведется впустую: за последние пять месяцев парламентская комиссия Сената и парламента (большую часть года парламент находится в отпуску, и его замещает перманентная комиссия) жестоко осудила не менее 4 губернаторов за тягчайшие преступления, вплоть до убийства политических противников, но они остаются на своих местах. Фактически все государственные дела решает Кальес и его личная канцелярия. Существуют, правда, министры, но не существует кабинета, и нет должности премьера.⁶⁵¹ Каждый министр занимается своими ведомственными делами, и их решения утверждаются президентом. Даже постановление об отставке любого государственного служащего подписывает Кальес. При Обрегоне министры еще пользовались

какой-то самостоятельностью при решении текущих дел, а при Кальесе они лишь готовят предложения для канцелярии Кальеса». ⁶⁵²

Мексиканский президент, как правило, по собственному усмотрению набирал свой кабинет. Политические взгляды того или иного кандидата в министры значили гораздо меньше, чем личная преданность главе государства. Пестковский метко заметил, что Кальес набрал свое правительство «с бору и сосенки».

Как отмечал первый советский полпред, «значительную часть своей энергии правительство тратит на урегулирование конфликтов на местах. Бывают случаи весьма курьезные. Так, например, в Монтеррее (столица штата Нуэво-Леон) одна партия в палате накануне голосования по какому-то вопросу, дабы обеспечить себе большинство, похитила одного депутата противной партии и упрятала его куда-то. На другой день потерпевшая партия похитила таким же образом трех депутатов у первой». ⁶⁵³

Мексиканские выборы, писал Пестковский, «делаются» или господствующей партией, или центром в «весьма грубых формах. Лучшей иллюстрацией служат последние выборы муниципалитета в столице. Победил список Мексиканской Рабочей Конфедерации (КРОМ - прим, автора), получивший 10 200 голосов, в то время когда всех голосующих было лишь 11 000, а в столице находится не менее 89 000 избирателей. Ясно, что господствующая партия доставила избирательные бюллетени лишь своим сторонникам. Выборы уже были опротестованы другими партиями, но центральная власть утвердила их. Та же картина, но с еще большими злоупотреблениями господствует и в провинции. В результате чего получается, что в одном штате оказываются избранными 2 или даже 3 палаты (палатой сокращенно называли нижнюю палату конгресса каждого штата - прим, автора) одновременно, что приводит часто к вооруженной борьбе. Тогда вмешивается центр и утверждает ту власть, которая ему больше по душе». ⁶⁵⁴

Полпред приходил к абсолютно верному выводу: «Сущность настоящего внутреннего политического положения Мексики состоит в том, что при наличии демократической Конституции на деле господствует диктатура». ⁶⁵⁵

Моронес в 1927 году сам видел себя на посту президента, однако не ушел в отставку с поста министра за год до выборов, что автоматически лишало его возможности баллотироваться. Даже самоуверенный лидер КРОМ понимал иллюзорность своих шансов - в Мексике реальным претендентом на президентское кресло мог быть только генерал. Поэтому КРОМ добивался [Картинка: image57.jpg] Генерал Франсиско Серрано продления президентства Кальеса путем изменения Конституции - увеличения срока президентских полномочий с 4 до 6 лет.

Армия прочила на роль главы государства Альваро Обрегона. Однако статья 82 Конституции запрещала президенту баллотироваться на новый срок - непереизбрание главы государства было своего рода священным и основным принципом революции 1910 года. Уже в 1925 году была предпринята попытка внести в Сенат законопроект об изменении этого положения, но пробный шар лопнул - поправку сенаторы не поддержали. Сам Кальес, по воспоминаниям его приближенных, тоже был против изменения Конституции.

В этих условиях решил выдвинуть свою кандидатуру генерал Франсиско Серрано. Он родился 6 августа 1889 года в штате Синалоа, во время гражданской войны был начальником штаба Обрегона, а при его президентстве - военным министром. С семьей бывшего президента Серрано связывали родственные узы: на его сестре женился брат Обрегона. Самого Франсиско все считали едва ли не любимым сыном Альваро. Серрано спас жизнь Обрегону, уговорив Вилью в 1914 году не расстреливать приехавшего к нему с миссией мира сонорца. Отличившись при подавлении мятежа де ла Уэрты, он был назначен на ключевой пост командующего столичным военным округом. Затем Обрегон отправил Серрано, большого любителя женщин вообще и

публичных домов в частности, в Европу, чтобы тот отучился от вредных привычек и приобрел необходимый для управления государством опыт. Серрано не сомневался, что Обрегон и армия, а значит, и Кальес, поддержат на выборах его кандидатуру.

Мексиканский политик и писатель Мартин Луис Гусман, лично знавший Серрано, фактически посвятил его трагической судьбе уже упоминавшийся выше роман «Тень каудильо». Серрано там выведен под именем генерала Агирре. «Игнасио Агирре... не был красив, но обладал - и это его вполне устраивало - статной фигурой, в которой сила сочеталась с юношеской гибкостью; его облик пленял мужественностью, легко и незаметно восполнявшей недостатки воспитания. В лице Агирре, далеком от совершенства, было нечто, придававшее его чертам не только приятность, но и даже привлекательность. Может быть, то была мягкая линия овала? Или правильные пропорции лба и носа, с четкими мазками бровей? Или же полные мясистые губы, которые к углам рта образовывали прямую энергичную складку? Матовая чистота кожи, оттененная аккуратно подбритыми усамии бородой, скрадывала нездоровый цвет лица; точно так же манера щуриться, когда он смотрел вдаль, - признак начинающейся близорукости, - не казалась у него недостатком»,⁶⁵⁶

Любил Серрано и выпить, в чем был исключением из когорты революционных генералов того времени. Он всегда заказывал в ресторане бутылку коньяка «Хеннесси», которую едой выпивал один прямо из горлышка. Коллонтай в докладе в Москву называла генерала «картежником и кутилой».

Здесь следует сказать несколько слов о состоянии армии Мексики - основной политической силы страны в середине 20-х годов. Пестковский отмечал в 1925 году: «Вопрос о реорганизации армии - это вопрос жизни и смерти каждого мексиканского правительства. До сих пор мексиканская армия напоминает времена нашей партизанщины и атаманщины. Теперешняя организация мексиканской армии следующая: существует большое количество «генералов». Каждый из них, находящийся на действительной службе, имеет на своем «счете» какой-нибудь отряд. Он подает военному ведомству количество имеющихся у него людей и соответственно этому получает деньги на содержание. Почти никогда «генерал» не подает настоящего количества: генералы, преданные правительству, подают количество выше существующего на деле, дабы «заработать», генералы, враждебные правительству и замышляющие «революцию»⁶⁵⁷, подают количество ниже настоящего, дабы усыпить подозрение властителей. По официальным данным, в армии имеется сейчас 50 000 человек, но люди, хорошо информированные, говорят, что настоящую цифру никто не знает: «может быть, 30 000, а может быть, и 80 000».⁶⁵⁸

С момента своего прихода к власти Кальес решил полностью реорганизовать армию, чтобы, во-первых, ликвидировать самостоятельность генералов (он не забыл, как во время мятежа де ла Уэрты против него буквально за пару дней поднялась половина армии), а во-вторых, существенно сократить госу- [Картинка: image58.jpg]

Министр обороны Мексики при Кальесе генерал Амарио
дарственные расходы - армия поглощала чуть ли не половину федерального бюджета. Конкретную работу Кальес поручил своему военному министру.

Военным министром Кальеса был дивизионный генерал Хоакин Амарио, который при поддержке президента повел линию на сокращение армии и придание ей регулярного характера.⁶⁵⁹ Амарио родился в 1889 году в Сакатекасе, в индейской семье и был старшим из 10 детей. Читать и писать Хоакин научился самостоятельно и помогал отцу, управляющему асиендой, вести бухгалтерию. В 1910 году отец дал старшему сыну денег и велел ему вместе с матерью ехать в Дуранго, поработать в магазине у знакомого, а потом открыть собственное торговое дело. Сам отец уехал в Торреон, и Амарио больше его не видел.

В феврале 1911 года Амарио вступил в повстанческую армию Мадеро, в отряд Доминго Арриеты. К мадеристам присоединился и его отец, вскоре погибший в бою. Начинал Амарио рядовым, но к декабрю 1911 года получил звание лейтенанта. При Мадеро Амарио сражался с сапатистами в Морелосе, где приобрел репутацию жестокого, готового на все ради успеха офицера. Он носил серьгу - знак воина-индейца - и шел в бой с криком: «А вот и человек с серьгой, а вот и индеец!» Амарио распускал слухи, что он родом из племени яки, которые славились на всю Мексику своей доблестью и жестокостью в бою. Он физически наказывал своих подчиненных и даже прибегал к расстрелам за неповиновение. Один раз, уже, будучи министром, Амарио расстрелял своего конюха за то, что он, послушавшись приказа, вел лошадей в конюшню под уздцы, а не верхом. Начальник мексиканской полиции генерал Крус рассказывал, что как-то пришел к военному министру не в

форме и увидел, как Амаро поднимается из-за стола с хлыстом в руке. Крус схватился за пистолет и произнес: «Осторожно, генерал, это может быть опасно». После этого генералы обнялись и поклялись быть друзьями.

В боях против Уэрты Амаро дослужился до генерала. В апреле 1915 года его войска, которых называли «полосатыми», так как из-за недостатка формы они носили робы узников верacruzской тюрьмы, сыграли важную роль в победе Обрегона над дотеле непобедимой «Северной дивизией» Вильи во время второй битвы у Селайи. Годом позже Амаро опять воевал против сапатистов, а в 1917 году под командованием генерала Мургуи - против партизанских отрядов Вильи. За поддержку Обрегона в 1920 году получил высшее звание в мексиканской армии - дивизионного генерала. Позднее он участвовал в подавлении путча Пабло Гонсалеса и командовал различными военными округами. Амаро, как уже упоминалось, принял самое прямое участие в подготовке убийства Панчо Вильи, а затем помог непосредственному руководителю покушения Саласу Баррасе выйти из тюрьмы и получить повышение по службе.

Амаро имел с Вильей личные счеты. Во время раскола между Каррансой и Вильей в конце 1914 года он служил в частях генерала Гертрудиса Санчеса, которые оперировали в штате Мичоакан. Санчес сначала хотел присоединиться к Вилье и приехал вместе с Амаро на встречу с командующим «Северной дивизией». Санчес и Амаро просили у Вильи большие суммы денег и военное снаряжение. Вилья считал боеспособность частей Санчеса очень низкой (последующие события показали, что он был прав) и опасался, что предоставленное оружие в первом же бою достанется войскам Каррансы. Возник спор, и Вилья приказал расстрелять Санчеса и его заместителя Амаро, но позже отменил приказ.

В 1923 году Амаро фактически спас режим Обрегона, когда его начальник штаба Хосе Альварес узнал о подготовке военного мятежа генералов Эстрады, Гуадалупе Санчеса и Майкотте. Эстрада пригласил адъютанта Амаро к себе в номер отеля в Мехико и рассказал о готовящемся мятеже, попросив выяснить реакцию дивизионного генерала. Амаро немедленно передал информацию Обрегону, и мятежникам не удалось заставить правительство врасплох. Как упоминалось выше, вместе с генералом Ласаро Карденасом (президентом Мексики в 1934-1940 годах) он нанес мятежникам генерала Эстрады решающее поражение в битве при Окотлане, хотя соотношение сил, собственно, и не предполагало иного исхода. Именно войска Амаро заняли последний крупный центр мятежа - город Гвадалахару.

Таким образом, Амаро непосредственно участвовал в двух самых кровавых сражениях времен мексиканской революции - в битве при Селайе (апрель 1915 года) и при Окотлане (февраль 1924-го). Несмотря на свою жестокость с подчиненными, он был вежлив и даже застенчив в разговоре с незнакомыми людьми. Генерал очень любил книги (у него имелось, например, полное собрание сочинений Виктора Гюго) и посвящал уходу за своей библиотекой много времени.

После избрания Кальеса новый президент сохранил Франсиско Серрано на посту военного министра, но отправил его в Европу с дипломатической миссией.

Заместителем министра и фактическим главой военного ведомства стал Амаро. Он немедленно приступил к проведению военной реформы, чтобы избавить вооруженные силы «от бактерий коррупции».

Мексиканская армия к 1926 году насчитывала 53 тысячи военнослужащих (что отнюдь не достоверный факт - речь идет о списочном составе).

При Диасе в 1911 году в Мексике было 20 тысяч солдат регулярной армии и примерно еще столько же сельской жандармерии «руралес». На миллион жителей приходилось 1333 солдата регулярной армии, в то время как, например, в Бразилии - 2250, а во Франции - 15 308. Диас активно сокращал количество высших генералов, которые были потенциальными кандидатами в диктаторы. Если в 1882 году мексиканские вооруженные силы имели 19 дивизионных генералов, то в 1910 году их осталось семь. Диктатор Уэрта довел численность армии в 1914 году до 250 тысяч человек. Однако эти данные основывались всего лишь на публикациях правительственной печати и были призваны запугать как мятежных конституционалистов, так и соседей-американцев.

После победы революции при Каррансе старая армия была распущена, а новая революционная насчитывала, по разным данным, от 147 до 185 тысяч военнослужащих. Конечно, на самом деле солдат и офицеров было гораздо меньше. Генералы, как правильно писал Пестковский, приписывали себе личный состав, чтобы получать денежное довольствие на «мертвых душ». К 1920 году Каррансе удалось сократить списочный состав армии до 99 тысяч человек, что во многом и предопределило поддержку генералами мятежа Обрегона.

Последний, придя к власти, был вынужден увеличить вооруженные силы до 120 тысяч человек. Однако впоследствии Обрегон тоже стал сокращать армию, причем еще более быстрыми темпами, чем Карранса, - сказывалась нехватка поступлений от сократившегося экспорта нефти. В 1923 году мексиканская армия сократилась до 70 тысяч человек. Но мятеж де ла Уэргы вновь прервал этот процесс, и в 1924 году в армии было уже 82,7 тысячи военнослужащих.

Кальес повел дело решительным образом: в 1925 году солдат и офицеров было 63 тысячи, в 1926-м - 53. Однако из-за мятежа «кристерос» в 1927 году пришлось вновь увеличить армию до 68 тысяч человек. Помимо федеральной армии в Мексике существовала созданная по американскому образцу национальная гвардия отдельных штатов. При Диасе в этих формированиях насчитывалось 22 тысячи бойцов. В 20-е годы каждый губернатор штата также имел под рукой вооруженные формирования милиционного типа, которые часто соперничали с армейскими частями. Большинство ополченцев были членами КРОМ и аграристских лиг.

Бичом мексиканской революционной армии являлось огромное количество самозванных генералов и старших офицеров. В 1917 году на 147 тысяч военнослужащих приходилось 11 дивизионных генералов и 58 бригадных. Обрегон увеличил количество бригадных генералов до 600, и в 1925 году их было все еще 459.

Несмотря на массовые расстрелы мятежных генералов в 1923-1924 годах, старших офицеров армии было все еще слишком много. Иногда бригадные генералы командовали батальонами. После мятежа пришлось раздать высшие звания лояльным офицерам, и к 1927 году дивизионных генералов стало 31, а бригадных - 134 (при Диасе бригадных генералов в 1910 году было 99). При этом в революционной армии появилось еще и звание генерала-бригадира (низший генеральский чин) - в 1927 году их было 248. В 1927 году один генерал в мексиканской армии приходился на 335 военнослужащих, во Франции это соотношение было 1 к 1662, в США - 1 к 1755. По-прежнему многие войсковые части испытывали преданность только к своим командирам и при их переводе в другой район страны следовали за ними.

В Мексике 20-х годов не было ни всеобщей воинской повинности (при Диасе в армию в качестве рекрутов забирали смутьянов, бедняков, а иногда и уголовников; Карранса вместе с самой федеральной армией отменил и принудительные наборы), ни генерального штаба, который занимался бы военным планированием. Существовал только личный штаб президента, которому подчинялась президентская гвардия. Фактически в мексиканской армии не было полноценных войсковых соединений - пехота делилась на батальоны. В этом смысле чин дивизионного генерала был полностью эфемерным - дивизией такой генерал не командовал. В кавалерии основной боевой единицей был полк, иногда не превышавший по численности эскадрона.

Тяжелого вооружения у мексиканской армии имелось очень мало. В основном солдаты были оснащены американскими винтовками систем «спрингфелд» и «энфилд». Так как патроны к этим винтовкам в Мексике не производились, боеспособность мексиканской армии полностью зависела от США. Пестковский писал: «В последнее время оказалось, что эти винтовки никуда не годятся. Тогда правительство закупило в Германии 4000 ружей системы «Маузер»... Амуниционных фабрик в Мексике нет: существуют, правда, на бумаге две таких фабрики. Но одна совсем бездействует, а другая работает лишь частично». «Вся эта армия, - подытоживал полпред, - совершенно не надежна. Ненадежность армии усиливается и тем, что вследствие «экономии» Кальеса 140 генералов оказалось не у дел, и сейчас они конспирируют против правительства». 660

Неудивительно, что Кальес не доверял армии. 30 июля 1925 года временный поверенный в делах США в Мексике сообщил в Вашингтон, что Кальес и Моронес подписали совместный документ, предусматривающий постепенный роспуск армии и замену ее рабочими батальонами, состоящими из членов КРОМ. Хотя американский дипломат сомневался в способности Кальеса распустить армию, само появление подобного плана говорило о недовольстве президента состоянием вооруженных сил.

Амаро создал в мае 1925 года Комиссию по изучению и реформе военного законодательства, и 16 марта 1926 года появились первые законы о военной реформе. Особое значение исполняющий обязанности военного министра уделял воспитанию лояльности военных по отношению к гражданским властям, прежде всего к президенту.

Пытался Амаро и бороться с коррупцией. Однако это было весьма сложно, если учесть, что самый авторитетный генерал в стране Альваро Обрегон лично создал систему тотальной коррумпированности высшего офицерства во время своего президентства.³⁰⁷Обрегон считал, что если генералы, как и он, займутся бизнесом, им будет что терять при очередном мятеже. Он любил повторять, что нет в мексиканской армии

генерала, который устоял бы перед «выстрелом в 50 тысяч песо». Кроме того, коррумпированность военных позволяла Обрегону использовать против них при необходимости компромат. Например, генерал Серрано во время пребывания на посту военного министра проиграл в казино 80 тысяч песо, и этот долг был погашен федеральным казначейством. Во время предвыборной кампании 1927-1928 годов Обрегон не устал обличать коррумпированность своего противника, которую ранее сам же и поощрял.

Первый из принятых в марте 1926 года законов - «Закон о дисциплине» - был фактически уставом мексиканской армии. Одна из его статей запрещала военнослужащим вмешиваться в политику, другая - жаловаться на приказы командиров. Специальный раздел закона регулировал применение дисциплинарных взысканий. Вводились суды чести, которые рассматривали такие проступки, как пьянство, азартные игры, растраты и преступную небрежность при несении службы.

Другой закон - об отставке и пенсиях - регламентировал условия выхода военнослужащих на пенсию. Этот закон был очень важен, так как многие генералы и старшие офицеры не уходили из армии, опасаясь резкого ухудшения своего материального положения. По новому закону в отставку можно было уходить добровольно после 20-35 лет службы (в зависимости от звания). При достижении определенного возраста отставка становилась обязательной. Например, капитаны должны были уходить в отставку

по достижении возраста в 50 лет, полковники - 60, дивизионные генералы - 70 лет. Таким образом, высшее офицерство (большинству генералов было не более 40 лет) закон особо не затрагивал. Закон вводил пенсии для военнослужащих-инвалидов и их семей.

Третий закон Амаро регламентировал порядок присвоения воинских званий и наград. В мирное время присвоение очередного звания увязывалось с военным образованием (до этого сами генералы повышали своих подчиненных вне всякой зависимости от выслуги или военного опыта). В военное время повысить в звании могли за геройский поступок (вроде предотвращения захвата противником артиллерийского орудия). К подвигу в военное время приравнивалось и участие в подавлении военного мятежа. В этом случае звание присваивал вышестоящий командир, однако требовалось подтверждение командования соединением.

Четвертый закон регламентировал взаимоотношения с офицерами и солдатами, требуя от них безусловного повиновения президенту республики. В законе описывалась организационная структура мексиканских вооруженных сил, а все военнослужащие делились на активную часть, резерв и запас. Впервые законом учреждались военно-учебные заведения.

27 июля 1925 года Амаро стал военным министром. В сентябре того же года он закрыл на 10 месяцев единственный военный колледж страны, чтобы коренным образом пересмотреть его учебную программу за счет включения в нее гражданских дисциплин. За образец Амаро взял Высшую военную школу Франции (французская армия в то время считалась сильнейшей в мире). Министр активно поощрял сотрудничество офицеров с органами печати и сам основал ряд газет.

В целом военная реформа Амаро предполагала создание регулярной армии вместо революционных частей, которые лишь условно можно было считать единым организмом. Однако в 1927 году точка зрения военного министра еще не разделялась большинством генеральского корпуса. Генералы считали армию не просто вооруженными силами, а гарантом революционных завоеваний, хотя под этими завоеваниями понимали разные вещи. Основой же своего положения генералы считали не приказы военного министра, а личный вклад в победу революции, который у многих был весомее, чем у Амаро и даже Кальеса.

В этих условиях никто не сомневался, что президентом Мексики в 1928 году будет опять избран генерал. Вопрос был только в том, сумеет ли армия выдвинуть единого кандидата. Несколько кандидатов могли бы напрямую привести страну к гражданской войне, как уже случилось в 1923-1924 годах.

В своем последнем докладе в Москву от 1 июня 1927 года Коллонтай сообщала: «Самым активным сейчас в Мексике вопросом... является вопрос о президентских выборах. Хотя выборы будут еще в июле 1928 года, но борьба вокруг будущего президента уже сейчас принимает серьезный и обострен- [Картинка: image59.jpg]

Генерал Арнульфо Гомес

ный характер... Все данные говорят о том, что выборы - вернее, подготовка к ним - не обойдутся без «решающих боев», в буквальном смысле этого слова».661

На июнь 1927 года, как докладывала Коллонтай, вырисовывались три возможных кандидата. Во-первых, Обрегон, «наиболее близкий теперешнему правительству». Во-вторых, генерал Арнульфо Гомес,

высказывавший недовольство правительством еще в 1925 году и отправленный в почетную ссылку в Европу, - по оценке полпреда, «фигура грубого солдата» и «кандидат контрреволюционных групп». «Но опасность его кандидатуры состоит в том, что, несмотря на то, что он является представителем реакционных сил, все же некоторые анархо-синдикалистские рабочие элементы и часть клерикальных крестьян готовы поддержать его в борьбе с правительством».

По данным Коллонтай, США «глубоко и зорко» следили за предвыборной борьбой в Мексике, и желательным для них кандидатом был Гомес. Как она уточнила - пока.⁶⁶²

Приходится признать, что в оценке Гомеса Коллонтай некритично воспринимала информацию проправительственных кругов. Реакционность Гомеса состояла в том, что он ненавидел Моронеса (отсюда и поддержка анархо-синдикалистов, непримиримых врагов КРОМ). А так как Моронес всегда щеголял сверхрадикальной фразеологией, то своих врагов он, естественно, величал реакционерами.

Третьим кандидатом, по мнению Коллонтай, был Франсиско Серрано - «также генерал и бывший военный министр в правительстве Обрегона,

человек, моральные качества которого подвержены сомнению (картежник и кутила), но у которого есть опора в некоторой части армии».⁶⁶³

Коллонтай сообщала, что «месяц тому назад», в апреле-мае 1927 года Серрано был готов поднять военный мятеж. Об этом ей лично рассказал председатель Верховного суда⁶⁶⁴, с которым Серрано якобы советовался относительно своего выступления. «Характерно для Мексики, что Серрано остается на свободе. Это не единичный случай - собиранесил для разрешения президентского вопроса в духе клерикально-империалистической реакции. Положение осложняется еще и тем, что хотя резкая вспышка контрреволюционного движения⁶⁶⁵ в конце апреля и начале мая была придушена правительством, тем не менее банды продолжают свою деятельность».⁶⁶⁶

Александра Михайловна явно ошибалась, считая, что военные мятежники в Мексике обычно остаются на свободе. Как раз то обстоятельство, что Серрано пришел поговорить по поводу выборов к председателю Верховного суда, ясно показывает, что никакого мятежа он не замыслил. По крайней мере, на тот момент. Видимо, Серрано еще не исключал, что Обрегон откажется баллотироваться и поддержит его кандидатуру, и советовался с главой судебной власти (в Мексике, как и в США, Верховный суд является по сути иконституционным) относительно того, насколько все-таки законным с точки зрения конституции будет выставление Обрегоном своей кандидатуры в президенты.

На фоне резко обострившейся предвыборной борьбы единственным человеком, который мог бы объединить вокруг себя всю военную верхушку, был Обрегон. Именно поэтому Кальес и отказался от своей позиции и стал поддерживать изменение Конституции, чтобы дать бывшему президенту возможность баллотироваться вновь. Кальес не сомневался, что в случае избрания Обрегон, как и в 1924 году, вернет ему власть после истечения срока своих полномочий.

Между тем, как и в 1923-1924 годах, Кальес и Обрегон устранили с политической сцены возможных конкурентов.

Еще 31 марта 1926 года мышьяком был отравлен бывший генерал Анхель Флорес, соперник Кальеса на президентских выборах 1924 года, набравший, несмотря на всяческие препоны властей, 250 тысяч голосов. Бывший моряк, постоянно куривший трубку, Флорес имел перед революцией не меньшие заслуги, чем Обрегон, и слыл независимым человеком. За личную храбрость при осаде порта Масатлан Флорес, который когда-то был в этом порту докером и юнгой, получил звание бригадного генерала. Затем он успешно боролся с Вильей в своем родном штате Синалоа. К тому же, в отличие от Обрегона, Флорес не использовал свое военное звание для обогащения, что делало его крайне опасным соперником. В награду за поддержку Обрегона Флорес, как и Амаро, стал в 1920-м дивизионным генералом и следующие четыре года был губернатором штата Синалоа. В 1922 году Обрегон отправил его с ознакомительной поездкой в Европу и Азию, что могло рассматриваться как желание видеть Флореса в будущем на посту президента или, наоборот, как стремление убрать опасного соперника из штата, где он был популярен.

Потерпев поражение на выборах 1924 года, 10 декабря того же года Флорес обратился с манифестом к своим сторонникам и мексиканской нации. В очень жестких выражениях обвинил Кальеса и все правительство в подтасовке выборов. Жалобы, направленные властям его сторонниками, остались без ответа. В этих условиях

заявление Кальесом высшего поста в государстве, по мнению Флореса, означало «тысячи новых покушений» и превращение Мексики в «филиал Советской России». Кальес, как говорилось в манифесте, намеревается заменить мексиканскую армию «турецкими, русскими и арабскими флибустьерами, которые уже прибыли с большими караванами в Мехико». Этим «флибустьерам» Кальес якобы обещал дать землю в ущерб коренным жителям. Помимо таких бредовых утверждений Флорес пророчески предвещал религиозный конфликт: мол, Кальес превратит католические храмы в казармы (и еще в мечети!).

Манифест заканчивался фактическим объявлением войны новому президенту - Флорес заявлял, что не признает Кальеса главой государства.

Видимо, этот манифест и стал смертным приговором Флоресу. Ведь в нем генерал подхватил обидную и ничем не подтвержденную сплетню о турецком или арабском происхождении Кальеса (отсюда и мечети с караванами).

Вероятно и то, что Флореса убили по указанию или, по крайней мере, не без ведома Обрегона, так как принципиальный генерал не согласился бы с переизбранием бывшего президента, что запрещалось тогда Конституцией.

Относительно мотивов самого Обрегона, побудивших его идти против основного постулата революции и добиваться переизбрания, существует несколько версий. Сам Обрегон говорил, что не считает генерала Серрано достойным высшего поста в государстве: «Я отправил его в Европу избавляться от старых пороков, а он привез оттуда новые». Но такое объяснение вряд ли можно принять всерьез - помимо Серрано можно было бы найти и другого генерала, подходящего и преданного. Например, того же Амаро.

У американского посла в Мехико Шеффилда была более убедительная версия, полученная им непосредственно от Обрегона. После ухода с поста президента в 1924 году Обрегон возобновил свой бизнес по продаже нута за границу. Его кооперативу помогли государственные кредиты на 2 миллиона песо. За государственный счет была построена железнодорожная ветка от ранчо Обрегона к тихоокеанскому порту.

Но весь этот протекционизм не помог бывшему президенту добиться преуспевания в делах. Ряд стран, в том числе Испания, ввели высокие пошлины против мексиканского экспорта. К тому же сам Обрегон придерживал большие запасы продукции в надежде на рост мировых цен, которые упорно не желали расти. Все это привело его на грань банкротства. Но если долги мексиканским государственным банкам Обрегон погашать и не собирался, то его долги американской компании «Грейс и Ко» были куда более серьезным делом. 31 мая 1927 года Шеффилд сообщил в Вашингтон: в беседе с представителем крупной американской компании «Уэллс Фарго» Обрегон прямо заявил, «что он будет разорен в финансовом смысле, если президентом станет тот, кто недоброжелательно относится к нему и его политике».

Американский консул в Масатлане (именно через этот порт шли экспортные операции Обрегона) сообщал о своей конфиденциальной беседе с губернатором штата Синалоа: «Все более и более проявляется жажда Обрегона к деньгам и влиянию... Все знают, что его власть позволяет ему воздвигать воздушные замки, чтобы стать индустриальным владыкой западного побережья (Обрегон фактически заставлял местных бизнесменов и государство финансировать его сомнительные проекты - прим, автора). Если бы были реализованы все его заявленные проекты, то это означало бы осуществление невозможного, если учесть его слабую финансовую базу, его неспособность получать нормальные кредиты и его общий недостаток предпринимательских способностей. Он, однако, оказывает наибольшее, может быть, даже абсолютное, влияние на мексиканское правительство. Часто его величают королем...»⁶⁶⁷

Уже упоминалось, что Обрегон использовал свое влияние в Мехико для фактической экспроприации у индейцев плодородных и орошаемых земель в долине Кахеме, которая была «защищена» от индейцев федеральной армией. На момент смерти Обрегона только его компании (а у бывшего президента были и другие фирмы) в этой долине принадлежало 33 тысячи акров земли.

Обрегон занимался агробизнесом - выращиванием и продажей пшеницы, помидоров и нута - еще до революции и к 1910 году имел 180 гектаров сельскохозяйственных земель. С раннего детства он пристрастился к технике и даже изобрел сеялку для нута, которую продавал окрестным фермерам. Революция тоже не помешала Обрегону заниматься коммерцией. В 1912 году он создал сельскохозяйственную фирму, в которую внес в качестве вклада 41 га своих земель. Уже упоминалось, что Обрегон в 1917-1920 годах подмял под себя практически весь экспорт мексиканского нута, но падение цен на этот товар после окончания Первой мировой

войны фактически разорило его.

После окончания срока президентских полномочий Обрегон взялся за коммерцию с удвоенной энергией. В 1925 году его посетил на ранчо посол Японии перед отъездом на родину. Обрегон был в рабочей одежде и как раз занимался ремонтом техники.

«Ваше превосходительство, я с трудом узнал вас, так как вы переоделись», - сказал посол. Обрегон ответил: «Нет, Ваше превосходительство, я не переоделся, это моя обычная одежда, переодетым вы видели меня в президентском дворце».

В сентябре 1925 года генерал основал фирму «Альваро Обрегон и партнеры», став ее ведущим акционером и президентом. Эта фирма уже не занималась сельскохозяйственным производством, а вела торгово-посредническую деятельность. Она имела офисы не только в Соноре, но и в Мехико и Пуэбле, а в 1926 году учредила кооператив по сбыту горюче-смазочных материалов. Примечательно, что этот кооператив был официальным дилером американской нефтяной компании «Калифорния Стандарт Ойл». Кроме того, в империю Обрегона входили мукомольные, хлопкообрабатывающие компании и завод по производству сахара.

Свои занятия Обрегон обосновывал с присущим ему чувством юмора: мол, в его возрасте уже трудно привлекать внимание молодых дам, поэтому приходится иметь много денег, красивых лошадей и роскошных автомобилей.

Обрегон очень активно использовал в коммерческих целях политическое влияние. Так, например, по его просьбе была национализирована американская компания «Ричардсон», у которой Обрегон быстро скупил земли в районе поселений индейцев яки. В 1925 году 11 друзей Обрегона просто выдали ему в качестве подарка каждый по три тысячи песо. Но еще более крупные подарки делал федеральный бюджет: Обрегон получил из казны в виде кредитов 300 тысяч долларов (то есть 600 тысяч песо), причем половину этой суммы нашло мексиканское генеральное консульство в Нью-Йорке. В 1926 году Обрегон прогарантировал взятый американцем Томасом Робинсоном Берсом кредит в Национальном банке аграрного кредита в объеме 145 тысяч долларов. При этом Обрегон так и не погасил свой долг перед американской фирмой «Грейс», которой сбывалнутв 1918-1920 годах.

Бизнес Обрегона по продаже горюче-смазочных материалов не задался, так как в 1926 году началось быстрое падение мировых цен на нефть.

Мукомольный бизнес страдал из-за небывалой засухи в Соноре, штате производившем 13-15% всей мексиканской пшеницы. Таким образом, к 1927 году Обрегон был на грани банкротства, причем основной частью его долговых обязательств владели американцы. Именно поэтому США считали Обрегона наиболее подходящей и управляемой кандидатурой на пост главы Мексики.

Помимо чисто финансовых соображений для переизбрания у Обрегона были и политические. Крайне недовольный доминированием КРОМ в правительстве, он полагал, что Кальес в секретном соглашении от 29 ноября 1924 года договорился с Моронесом передать последнему президентское кресло в 1928 году. Недовольство КРОМ Обрегон, кандидат армии, испытывал и потому, что Кальес, сокращая войска (к 1927 году до 55 тысяч), в то же время вооружал активистов КРОМ. Обрегон видел в этом создание альтернативных вооруженных сил, с помощью которых Кальес и Моронес хотят оттеснить армию от власти.

Будучи осторожным прагматиком, Обрегон исподволь, уже начиная с 1925 года, через прессу готовил общественное мнение к изменению основного постулата революции - запрета на переизбрание президента на новый срок. Адвокат Мануэль Калеро (кстати, видный деятель времен диктатора Диаса) начал активно обосновывать, что статья 82 Конституции запрещает переизбрание только действующему главе государства.³¹⁵ Однако на первых порах эта точка зрения успехом не пользовалась. Еще в 1925 году Кальес громко заявил: «Я как настоящий революционер, не являюсь сторонником переизбрания президента, как это предлагают некоторые депутаты и сенаторы».

Обрегон умело воспользовался начавшейся борьбой государства против церкви, чтобы и самому прозондировать общественное мнение относительно своей кандидатуры. 1 марта 1926 года он заявил, что постоянно подвергается «атакам реакционных каррансистов» и «консервативной партии», - как и в 1920 году, имея в виду не конкретную партию, а все контрреволюционные силы. Если эти атаки не прекратятся, сказал Обрегон, ему, возможно, придется вернуться в политику.

Осенью 1926 года, когда Лига защиты религиозной свободы перешла к бойкоту правительства и уже начались

первые вооруженные стычки мятежников «кристерос» с армией и аграристами, Обрегон решил, что настало время менять Конституцию. На фоне крайнего осложнения внутривнутриполитического положения страны он готовился предстать перед населением как спаситель и гарант гражданского мира. Кальес отправил депутата Гонсало Санчеса в Сонору с письмом Обрегону от «мельника с Севера». Этот псев- [Картина: image60.jpg] Серрано и Обрегон: еще друзья

дним президент избрал себе в память о временах, когда управлял мельницей - как мы помним, безуспешно. Санчес должен был окончательно узнать планы Обрегона и сообщить тому, что в случае переизбрания необходимо будет менять Конституцию.³¹⁶

Возможно, Кальес надеялся, что перспектива провала конституционных поправок в Конгрессе (год назад, как упоминалось, такое уже произошло) удержит Обрегона от вступления в президентскую гонку. Однако тот велел Санчесу передать «мельнику», что готов на изменение основного закона, если Кальес считает это необходимым, и поручил гонцу внести в палату депутатов соответствующий законопроект. 18 октября 1926 года Санчес так и поступил. Уже через два дня 99% депутатов одобрили поправки. 19 ноября Сенат единогласно поддержал своих коллег из нижней палаты.

Каждому в стране было ясно - Обрегон собирается стать следующим президентом. В особенно двусмысленном положении оказался Серрано, которого к тому времени многие считали ставленником Обрегона на предстоящих президентских выборах. Когда генерал в 1926 году вернулся из

Европы, Кальес предложил ему пост министра внутренних дел. Это означало - Серрано придется взять под свою ответственность жестокое подавление мятежа «кристерос», что могло бы самым серьезным образом подорвать его популярность в стране. Разгадав маневр Кальеса, Серрано отказался и занял пост губернатора столичного федерального округа, который позволял ему наладить необходимые политические связи в Мехико.

24 марта 1927 года Обрегон прибыл в столицу и ответил на вопросы прессы о своей возможной кандидатуре весьма двусмысленно: противники переизбрания уже сомкнули против него ряды, теперь ответ за ним самим. Через несколько дней после этого заявления Серрано явился к Кальесу, чтобы заручиться его поддержкой в борьбе за пост президента. В соответствии с Конституцией он, Серрано, готов сложить с себя полномочия губернатора столицы, чтобы включиться в предвыборную кампанию. Однако Кальес порекомендовал Серрано сначала посоветоваться с Обрегоном, что тот и сделал, отправившись в Сонору.

О встрече двух генералов ходили и ходят самые разные версии. Обрегонисты утверждали, что Серрано приехал к Обрегону пьяным и тот несколько дней его не принимал. Однако это представляется маловероятным. По другой версии, генералы разошлись открытыми врагами. Прощаясь, Серрано якобы сказал: «Ну, хорошо, генерал, теперь мы будем сражаться как настоящие кабальеры». На что Обрегон ответил: «Я думал, что ты умнее, Серрано; в Мексике нет битв кабальеры: здесь один становится президентом, а другой встречается с расстрельной командой».³¹⁷

Вернувшись из Соноры, Серрано оказался перед непростой дилеммой. Он еще мог примкнуть к лагерю Обрегона, но это означало бы позор, ведь многие политики и военные уже примкнули к нему самому как к будущему президенту. Серрано надеялся, что Кальес и Моронес встанут на его сторону (взаимная антипатия между Моронесом и Обрегоном была хорошо известна). Рассчитывал он и на то, что общественное мнение Мексики решительно настроено против переизбрания и Обрегон так и не осмелится выставить свою кандидатуру. К тому же на встрече с Серрано на вопрос, давали ли он санкцию на пропаганду переизбрания, которую ведут в Мехико некоторые депутаты, Обрегон ответил, что никого не уполномочивал вести от его имени предвыборную кампанию.

Возвратившись из Соноры, Серрано публично заявил, что Обрегон поддержит его кандидатуру. В тесном же кругу своих сторонников генерал говорил другое: «Я знаю, что ничего не добьюсь... Я знаю, что они убьют меня и убьют многих моих сторонников, таких, как сеньор генерал Арнульфо Гомес. Но мы верим - я и Гомес, - что создадим прецедент в исто-

рии Мексики тем, что не потеряем ни при каких условиях переизбрания Альваро Обрегона».

13 апреля 1927 года на митинге представителей различных партий в Мехико Серрано был выдвинут кандидатом в президенты. Сам он не присутствовал, так как еще исполнял должность губернатора столичного округа и не мог по закону участвовать в политической борьбе. Кандидатуру Серрано поддержали недавно созданная специально под его кампанию Национально-революционная партия, Социалистическая партия Юго-

Востока (бывшая Социалистическая партия Юкатана) и блок партий противников переизбрания из различных штатов. 13 июня 1927 года Серрано поднял брошенную Обрегеном перчатку и подал в отставку с поста губернатора, став оппозиционным кандидатом на пост президента страны.

Несмотря на мнение некоторых исследователей, никаким реакционером Серрано не являлся. Вряд ли его поддержала бы тогда одна из самых левых партий в Мексике - социалисты Юкатана. Серрано высказывался в своей программе за свободу религии, но ничего ультрареакционного в этом не было. Страна несла большие экономические потери от мятежа «крите-рос», вызванного, в том числе, слишком жесткими мерами Кальеса против церкви. Чего стоил, например, штраф в 500 песо за появление священника вне пределов церкви в церковном облачении; были и случаи расстрела солдат, если у них на груди замечали распятие. Серрано обещал также положить конец «бессмысленным конфискациям земли», но против продолжения аграрной реформы не выступал. Как и Кальес с Обрегеном, он ратовал за развитие мелкого частного землевладения. Выступал генерал и за восстановление частной (читай - церковной) школы наряду с сохранением государственной, но церковные школы существовали и при Обрегоне. Все эти требования не позволяют судить о Серрано как о законченном реакционере. Скорее, он, как и Обрегон, был прагматиком.

С самого начала Серрано понимал, что избраться президентом ему все равно не дадут, и уверенность эту укрепил разговор с Обрегеном. Поэтому никакой предвыборной кампании он не вел. 24 июля 1927 года Серрано опубликовал свой манифест, а 13 сентября посетил город Пуэблу. Всю свою энергию кандидат сосредоточил на контактах с высшими армейскими чинами, убеждая их не предавать основной принцип революции - недопущение переизбрания главы государства. Усвоив урок Обрегона, Серрано готовился к военной конфронтации с властями, так как иного пути у него просто не было.

Основную предвыборную схватку с Обрегеном вел другой оппозиционный генерал, Арнульфо Гомес. При диктатуре Диаса он был простым шахтером и участвовал в знаменитой стачке на американском руднике Кананеа. Службу в революционной армии Гомес начал простым солдатом и чин дивизионного генерала получил в 1924 году за подавление мятежа де ла Уэрты.

В 1923 году возглавлял армейские части в Мехико и сыграл в разгроме уэр-тистов главную роль. Генерала кое-кто, например коммунисты, тоже считал реакционером, потому что на посту командующего военным округом в Веракрусе, который Гомес занимал с 1 января 1926 года, он активно разоружал рабочие и крестьянские отряды. Однако то же самое делали, причем по указанию Кальеса, все командующие округами. Только восстание «крите-рос» заставило правительство снова раздать крестьянам оружие.

Гомес был для Обрегона гораздо более «крепким орешком», чем Серрано. Генерал не пил, не курил и не посещал борделей. В отличие от самого Обрегона, не занимался он и личным обогащением. С 13 июня по 1 декабря 1925 года Гомес находился с ознакомительной миссией за границей, причем принимали его там на высоком уровне - в частности, он был удостоен аудиенции испанского короля Альфонса XIII. За границей Гомес встречался с представителями испанского духовенства (что, кстати, тоже приводят как признак его реакционности), однако это было еще до начала открытой конфронтации властей и церкви.

24 июня 1927 года Гомес был выдвинут кандидатом в президенты от Национальной партии противников переизбрания. В эту партию входили многие сторонники первого лидера революции Франсиско Мадеро. Позднее Гомеса поддержали и некоторые партии местного уровня, в том числе и рабочие. Гомес тоже выступал за свободу религии и прекращение распределения земли «насильственным и произвольным образом». Он высказывался за привлечение в Мексику иностранного капитала, но в этом был ничуть не реакционнее Обрегона или Кальеса. За привлечение иностранного капитала в виде концессий выступал, как известно, и Ленин. Интересно, что Гомес выступал за отмену протекционистских импортных тарифов. Эту меру сторонники Обрегона представляли как антипатриотичную, но отмена тарифов на импорт привела бы, среди прочего, к снижению цен на продовольствие и отвечала бы интересам именно бедных слоев населения. Тем более что многие товары, облагавшиеся пошлинами, в Мексике вообще не производились.

И Гомес, и Серрано требовали создания независимого от президента генерального штаба, как во всех других странах Латинской Америки. Эта мера, несомненно, вывела бы мексиканскую армию из политики, не позволяя исполнительной власти использовать военных для подавления оппозиции.

23 июня 1927 года фронты предвыборной гонки сформировались окончательно - в этот день аграристская партия выдвинула Обрегона кандидатом в президенты. Уже этот факт был тревожным звонком для КРОМ, так

как конфликт лабористов с агаристами к тому времени приобрел непримири-

мый характер. Советский полпред Макара отмечал: «Обрегон опирается на другие группировки, чем Кальес, и притом частью враждебные тем, которые поддерживают в настоящее время ныне существующий режим». Политика КРОМ по разгрому независимых профсоюзов и попытки подчинить своему влиянию крестьянство «неизбежно должна была привести также к игнорированию интересов крестьянства и к углублению пропасти между рабочими и крестьянами - самое большое зло в существующем массовом движении Мексики... Обрегон ловко воспользовался этим разрывом между рабочими и крестьянами и недовольством последних и решил опереться в своей политике на крестьян; возможно, что он это будет делать чрезвычайно осторожно, чтобы не обострять конфликта с С.А.Ш.».⁶⁶⁸

Обрегон, по обыкновению, не предлагал в своей программе никаких осязаемых мер. Он лишь постоянно твердил, что революция в опасности и только его победа сможет остановить реванш реакции. Как и Кальес, Обрегон не скупился на левую риторику, объявляя себя сторонником пролетариата, всех униженных и оскорбленных. Он говорил, что все помнят его президентство, когда общественные средства управлялись безупречно честно. Действительности это никак не соответствовало. Также вводил Обрегон в заблуждение общественность, когда называл себя ставленником народа и говорил, что его кандидатура возникла самым спонтанным образом.

Кандидатуру Обрегона поддержали почти все левые силы, в том числе и компартия. Коммунисты не обманывались насчет реальной цены популистской фразеологии бывшего президента, но считали, что триумф Серрано или Гомеса приведет к установлению в стране реакционной военной диктатуры. В этих условиях Обрегон представлялся меньшим из двух зол. «Коммунистическая партия убеждена, что победа генерала Арнульфо Гомеса будет не только означать сохранение буржуазного строя, но и поведет к установлению военно-клерикальной диктатуры, сугубо реакционного правительства, готового к услугам латифундистов и американского капитала в деле ликвидации Конституции 1917 г. и уничтожения рабочих и крестьянских организаций. По нашему мнению, А. Обрегон является гарантией, не гарантией интересов рабочих и крестьян, а гарантией против установления диктатуры... против реставрации консервативных порядков». Так оценивала ситуацию коммунистическая газета «Эль Мачете» 2 июля 1927 года.

Июля 1927 года Серрано и Гомес встретились в столичном ресторане с целью согласовать единую кандидатуру от оппозиции. Они условились образовать согласительную комиссию в составе шести человек (по трое от каждого кандидата) для выработки общей тактики борьбы. Однако Серрано саботировал создание комиссии - он уже сделал ставку на приход к власти силой, так как не верил в то, что власти пойдут на действительно свободные

выборы. Прессе по итогам беседы двух генералов Гомес сказал: «Вы может заявить, что между нами не существует разногласий».

В отличие от Серрано, Гомес активно включился в предвыборную гонку и объехал много штатов. В центре текстильщиков, городе Орисаба он возложил венок на могилу рабочих, погибших при расстреле забастовки во времена Диаса. «Мне приятно находиться в данный момент в этом фабричном центре, где трудится на благо всей страны большая группа рабочих, представителей того класса, за дело которого я борюсь с 1906 года...» Гомес имел в виду знаменитую забастовку в Кананеа 1906 года, в которой он участвовал как простой рабочий.

С каждым днем полемика между Гомесом и Обрегоном становилась все ожесточеннее. Ничего подобного за всю историю президентских выборов в Мексике не наблюдалось. В то время, когда Серрано обедал с Гомесом в ресторане, Обрегон в публичном выступлении в Ногалесе (штат Сонора) назвал генералов гибридом, который производит еще более жалкое впечатление, чем оба они в отдельности. Даже высокий моральный облик Гомеса Обрегон объяснил тем, что, кроме этого, ему просто нечего предъявить народу. Он постоянно выставлял своих противников жалкими марионетками реакции (эта точка зрения превалирует в научных кругах и по сей день). Обрегон обвинил Гомеса в том, что он привлекает на свою сторону элементы, которые уже предали правительство в 1923 году, - то есть подспудно уже отнес соперника к мятежникам, сравнив его с де ла Уэргтой.⁶⁶⁹

Гомес тоже не оставался в долгу. 17 июля 1927 года он заявил, что обрегонисты хотят спровоцировать оппозицию на вооруженное выступление и начать новую гражданскую войну в стране. Для таких политиков он, Гомес, уже приготовил два места: «остров трех Марий (традиционное место пожизненной ссылки в Мексике -

прим, автора) и два метра под землей». Гомес говорил, что никаким революционером Обрегон не является и примкнул к революции только после ее победы (это было чистой правдой), как «многие амфибии в революционных водах». Обрегон подхватил тему амфибий и прокомментировал слова Гомеса так: «Раздавленная лягушка квакает особенно громко».

22 июля Гомес сказал, что Обрегон исполняет такую же «жалкую» роль, как и кандидат Каррансы Бонильяс в 1920 году, - роль официального кандидата властей, которого хотят насадить против воли народа. Действительно, по словам бывшего министра в правительстве Каррансы Палавичини, Обрегон в ходе кампании передвигался в правительственном поезде, в Мехико жил в президентском дворце и пользовался телеграфом бесплатно. В 1920 году он сам протестовал против таких привилегий правительственного кандидата.

В свою очередь, Обрегон 24 июля театрально провозгласил в Мехико, что если реакция развяжет войну, то он и его сторонники подставят свою грудь под пули и пойдут на бой «с улыбкой на устах». Но Гомес нащупал болевую точку бывшего президента. Он говорил, что единственное, что сделал его соперник на благо народа в годы своего президентства, - провел железную дорогу до своего ранчо, чтобы «облегчить продажу бараньего гороха с громадных землевладений, которые принадлежат генералу Обрегону в Соноре». Гомес сравнил Обрегона с другим мексиканским генералом и президентом - Санта-Анной, который в середине XIX века отдал американцам половину территории Мексики и стал символом предательства. Но если Санта-Анна все же отдал половину страны, чтобы спасти другую половину, то Обрегон готов продать американцам всю Мексику в обмен на президентское кресло. А что касается «улыбки на устах», Обрегон всегда держался далеко от переднего края, предпочитая отдавать приказы о физическом устранении своих врагов. Намек на убийство Вильи был более чем очевиден.³²¹

По всей видимости, аргументы Гомеса насчет проамериканской линии Обрегона имели под собой все основания. Именно после выдвижения кандидатуры Обрегона США вдруг прекратили все нападки на Мексику. 13 июля 1927 года американский поверенный в делах Артур Шеффилд должен был вручить МИД Мексики крайне жесткую ноту, которая могла бы привести к разрыву дипломатических отношений, но почему-то не сделал этого. В США помнили, что во время своего президентства Обрегон занимал по отношению к Вашингтону самую дружественную позицию, приняв американскую точку зрения и по нефтяной проблеме, и по выплате внешнего долга. Влиятельная американская газета «Нью-Йорк Таймс» 7 июля 1927 года писала, что кандидатура Обрегона вполне устроит Соединенные Штаты, если он выполнит данные им в 1923 году обещания (вернется к линии «соглашений Букарели» - прим, автора). Именно после выставления Обрегonom своей кандидатуры резко ухудшились отношения Мексики с СССР, о чем сообщал в Москву временный поверенный Хайкис. Со своей стороны, обрегонисты распускали слухи, что компанию Гомеса и Серрано финансирует Третий интернационал.

Полемика Гомеса с Обрегonom не оставляла никаких сомнений - такого оппонента Обрегон не допустит к власти ни при каких условиях. 14 августа 1927 года в Торреоне Гомес предупредил: если правительство подавит волю народа на выборах, против Обрегона используют то же средство, что он использовал против Каррансы в 1920 году, - оружие.

Уже начиная с 1925 года правительство пыталось скомпрометировать Гомеса как заговорщика, чтобы не допустить его участия в президентских

выборах. Использовались доносы офицеров и сообщения некоего таинственного агента 10-B.

Вероятно, какую-то роль в этом играли и американцы. По крайней мере, Шеффилд сообщал в Вашингтон, что из беседы с Гомесом вынес впечатление, что тот намерен добиваться президентского кресла, в том числе и силой. Гомес якобы говорил, что рассчитывает на помощь государственного департамента (но почему-то не Министерства обороны США, линию которого, по словам Шеффилда, не одобрял). После избрания президентом Гомес готов изменить мексиканское законодательство в духе, нужном госдепартаменту.

Если такие обещания и были сделаны, их следует расценивать как тактическую уловку. Обрегон в 1917-1920 годах тоже делал все возможное, чтобы привлечь общественное мнение США на свою сторону. Гомес понимал, что без благожелательной позиции США возможное восстание обречено на поражение. Ведь даже Мадеро сверг диктатора Диаса с помощью американского оружия. К тому же генерал, видимо, считал, что, в отличие от военного ведомства США, госдепартамент настроен на конструктивное сотрудничество с Мексикой.

Правительство не раз провоцировало Гомеса на вооруженное выступление. Например, на основании

показаний двух капитанов о якобы готовящемся в Веракрусе восстании в этот штат были переброшены войска из Тампико и Гвадалахары, в то время как части Гомеса были отправлены в другие округа. Гомес немедленно прибыл в Мехико и потребовал от Кальеса объяснений. Президент ответил, что это происки Обрегона. На что Гомес вполне резонно спросил, кто же в Мексике является президентом. Кальес предложил Гомесу отказаться от командования округом и поехать послом в Рим (непростое место, если учесть церковный конфликт). «Лучше Вашингтон», - ответил Гомес. Но Кальес возразил - если генерала назначить в Вашингтон, то он там будет плести заговор против правительства. Самое удивительное, что, несмотря на такой разговор, Гомеса не сняли с поста командующего ключевым военным округом, а ведь именно Веракрус был центром мятежа де ла Уэрты. Это может свидетельствовать только об одном - никакого мятежа Кальес от Гомеса не ждал.

Гомес, послав в США своего племянника, действительно установил там некоторые полезные связи, в частности, с бывшим хозяином нефтяного района генералом Пелаесом, который содействовал и де ла Уэрте. Пелаес вел в Америке переговоры с представителями нефтяных компаний на предмет их отношения к Гомесу. Последний наладил в Веракрусе и контакты с бывшими участниками мятежа де ла Уэрты и предложил им оружие.³²² Однако все

это говорит о том, что Гомес, возможно, действительно готовился к вооруженной схватке с правительством, но не о том, намеревался ли он выступить первым.

Через некоторое время в Веракрус без всякого согласования с Гомесом были направлены войска генералов Карденаса, Амайо и Топете, которые вели себя явно угрожающе, готовясь дать бой частям Гомеса. Одновременно флоту, базировавшемуся в Веракрусе, дали приказ выйти в море, чтобы не участвовать в предстоящих столкновениях. Гомес опять прибыл в Мехико и обвинил генералов в том, что они хотят заманить его в ловушку и спровоцировать на мятеж.

Кальес опять отделался отговорками. Время от времени он давал понять и Серрано, и Гомесу, что сам не в восторге от кандидатуры Обрегона и по-прежнему является противником переизбрания. Скорее всего, Кальес хотел столкнуть Гомеса и Серрано с Обрегоном, чтобы избавиться от всех трех генералов сразу.

Между тем Гомес посетил во время своей предвыборной кампании штат Чиуауа и встретился там со своим другом, командующим войсками в штате генералом Марсело Каравео. Чиуауа имел ключевое значение, так как граничил с США на большом протяжении. К тому же в штате было много сторонников Вильи, которые ненавидели Обрегона. Гомес прямо заявил Каравео, что если правительство навяжет стране Обрегона против воли избирателей, то он выступит с оружием в руках, а для этого понадобится помощь США. Каравео уклонился от прямого ответа на вопрос о своей позиции в этом случае.

В Мехико к началу сентября 1927 года только и разговоров было, что о предстоящем путче Серрано. О нем говорили на улицах, кухнях и в ресторанах. В этой напряженной ситуации особую роль играла позиция столичных рабочих и руководства КРОМ. Моронес не любил Обрегона и публично критиковал его. Макар сообщал в Москву: «Конфликт между Обрегоном и КРОМ'ом, имеющий уже многолетнюю историю и особенно обострившийся за последний год, в настоящее время окончательно завершился⁶⁷⁰и получил свое оформление, можно сказать, официальное подтверждение. Первым боросил вызов Обрегон во время своей предвыборной поездки в Веракрус, ответив отказом на требование одного из левых лидеров (Эулагио (Эулалио - прим, автора) Мартинес; бывший рабочий атташе в Москве) гарантировать поддержку рабочему движению на будущее время. В ответ на это Моронес в своей первой речи заявил, что КРОМ не будет принимать участие в правительстве, не могущем гарантировать поддержку класса, на котором до сих пор базируется революция. На это Обрегон отреагировал заявлением, что он в поддержке лидеров КРОМ'а не нуждается, что рабочие массы и ряд КРОМ'овских организаций в противовес верхушке ему эту поддержку обещали и окажут».⁶⁷¹ Таким образом, Обрегон стал проводить ту же тактику, что и коммунисты: противопоставлять рядовых членов КРОМ коррумпированному руководству профцентра.

Обрегон также требовал от Кальеса отправить Моронеса в отставку. Но президент этого не делал, а лишь просил Моронеса сбавить тон в своей критике Обрегона. Сам Моронес в 1927 году, по воспоминаниям его ближайших соратников, подумывал о выдвижении своей кандидатуры в «экстраординарных условиях». Такими условиями могла быть только смерть Обрегона, ибо при жизни генерала никаких шансов у Моронеса не было. Согласно второй версии Моронес зондировал возможность выдвижения своей кандидатуры только для того, чтобы выторговывать у Обрегона политические уступки. Однако у Обрегона не было никакого желания идти на

уступки Моронесу, он был уверен в своей победе благодаря поддержке армии и властного аппарата.

Столкнувшись с явным нежеланием Кальеса избавиться от Моронеса, Обрегон перешел от слов к действиям. Его сторонники провели в Конгрессе закон о замене выборных муниципалитетов назначаемыми чиновниками. Смысл закона был только в одном - отстранить лабористов от управления столицей и крупными городами. Таким образом, КРОМ лишился важных источников финансирования. Макар отмечал: «Если принять во внимание, что большинство муниципалитетов захвачено лабористами, которые пользуются своим положением для того, чтобы на муниципальные средства содержать свои организации и кормить своих приверженцев, то станет понятно, какой удар нанесен КРОМ этим законом».672

При голосовании по поводу этого закона лабористы очутились в Конгрессе в полном одиночестве. Ненависть к КРОМ среди депутатского корпуса была столь сильной, что Конгресс заблокировал внесенный лабористами проект федерального трудового законодательства, который должен был регламентировать применение в стране статьи 123 Конституции. С помощью этой меры КРОМ хотел мобилизовать рабочих в свою поддержку, но Обрегон был настолько уверен во внутренней непрочности «государственного профсоюза», что не побоялся рекомендовать своим сторонникам в Конгрессе голосовать против трудового законодательства.

Макар совершенно справедливо писал в своем докладе, что открытая борьба между КРОМ и Обрегоном является формой скрытой борьбы между Обрегоном и Кальесом.673

29августа 1927 года КРОМ и лабористы (что было одно и то же) собрались на съезд в уже упоминавшемся столичном театре «Ирис», чтобы определить свое отношение к кандидатам на пост президента. Подавляющее большинство из 1200 делегатов поддерживали Серрано. Особенно резко выступали против Обрегона делегаты от Агуаскальентеса, Колимы иНижней Калифорнии, называвшие его переизбрание контрреволюцией.674Однако Кальес и Моронес уговорили делегатов примкнуть к Обрегону. Тем не менее поддержка лабористов была условной. КРОМ поддержал Обрегона с оговоркой - если тот будет сохранять «единство революционных сил». В противном случае КРОМ обещал пересмотреть свое решение. Под единством Моронес имел в виду сотрудничество Обрегона сКальесом, а значит, и с ним самим.

Условие Моронеса только еще сильнее обострило вражду между ним и Обрегоном. Последний открыто говорил, что лабористы «прыгнули в его поезд в последний момент». Встретившись с Обрегоном, Моронес прямо заявил ему, что не поддерживает его кандидатуру.675В свою очередь, многие функционеры КРОМ на местах не прекратили критику Обрегона.

В ответ обрегонисты приступили к организационному подрыву КРОМ. Все стены городов вдруг заполнились плакатами, в которых влиятельные рабочие лидеры, особенно бывшие кромисты, сообщали, почему они решили порвать с КРОМ. Другие плакаты предвещали скорый «конец мо-ронизма». Интересно, что Макар констатировал полную беспомощность якобы всемогущей организации перед наступлением обрегонистов, - оказалось, что без поддержки властей КРОМ не более чем «бумажный тигр». Проявилась во всей остроте никогда не затихавшая вражда низовых масс рабочих с кромовским руководством. «Кроме того, большие массы рабочих находятся вне КРОМ'а и ведут с ним отчаянную борьбу, пока еще оборонительную, не на жизнь, а на смерть, в буквальном смысле этого слова: в настоящее время КРОМ сохранил единственное средство борьбы - политическое убийство».676Скоро вся Мексика в этом убедится.

Кальес, прекрасно понимавший, что, подрывая КРОМ, Обрегон лишает его единственной массовой опоры в обществе, сохранял осенью 1927 года неясную позицию относительно кандидатуры будущего президента. Об этом говорит и странный эпизод, произошедший в самом начале сентября. К Кальесу явился Серрано и предложил распустить обе палаты Конгресса, так как они превратились в центр агитации за Обрегона.677Если бы Серрано (отнюдь не полный идиот; даже Обрегон в публичной полемике признавал ум генерала) не был уверен в поддержке Кальеса, то вряд ли пришел бы к нему с таким предложением. Кальес спросил Серрано, можно ли рассчитывать на поддержку армии в этом случае. Серрано ответил утвердительно и по просьбе Кальеса назвал ему всех генералов, которые согласны с таким шагом. Кальес сказал, что должен хорошенько обдумать это предложение.

Есть данные и о том, что о предстоящем путче Кальесу и Обрегону в деталях рассказал тот, кому мятежники поручили провести арест и расстрел нынешнего и будущего президентов, - генерал Эухени Мартинес. Он был очень близок к Обрегону с первых дней революции. Когда Обрегон, гражданский человек, возглавил батальон ополченцев штата Сонора для борьбы против диктатуры, капитан Мартинес был там единственным бойцом с

военным опытом и сделал из 300 ополченцев полноценную воинскую часть. Когда начался мятеж де ла Уэрты, Обрегон в крайне удрученном состоянии со дня на день ждал сообщения о предательстве Мартинеса. Но когда Мартинес встал на сторону правительства, Обрегон с удвоенной энергией взялся за подавление мятежа.

Мартинес рассказал, что 2 октября 1927 года во время военных учений на столичном аэродроме Бальбуэна должен арестовать и расстрелять Кальеса и Обрегона. В обмен на признание генерала срочно отправили за границу, а 2 октября на летном поле вместо Кальеса и Обрегона появился Амаро с сильной охраной.

Таким образом, правительство из первых рук получило сведения обо всех генералах, готовых поддержать Серрано, но не предприняло никаких мер. А ведь всех этих военных можно было отправить за границу, как Мартинеса, в другие города или просто арестовать.

3 октября 1927 года Серрано и Гомес уехали из столицы. Гомес прибыл в Веракрус, опасаясь, как и де ла Уэрта в 1923 году, за свою жизнь. Никаких данных о том, что он готовил в этот день вооруженное выступление, нет. Готовил ли на этот день мятеж Серрано, тоже до конца не выяснено, хотя вероятность этого есть. В любом случае именно 3 октября восстали два полка и два батальона столичного гарнизона. Заговорщики намеревались арестовать и расстрелять Кальеса и Обрегона. Одновременно подняли мятеж несколько полков в Веракрусе и саперный батальон в Торреоне. Разрозненные выступления произошли и в некоторых других штатах. Странно, правда, что сам лидер мятежа Серрано находился не в столице, а в Куэрнаваке. Этому может быть только одно объяснение - Серрано рассчитывал на поддержку президента.

Мятеж был подавлен молниеносно, и все названные ранее Серрано Кальесу генералы были арестованы и расстреляны фактически без суда. Как писал тогда журнал «Тайм», Мексику охватила «оргия расстрелов».678

Всего за несколько дней были казнены 25 генералов и 150 других лиц, обвиненных в причастности к мятежу. Серрано арестовали в Куэрнаваке и сразу же расстреляли, хотя он требовал свидания с Обрегоном - вероятно, как раз для того, чтобы рассказать о роли Кальеса, и именно поэтому его уничтожили без промедления. Многие генералы встретили смерть мужественно. Примечательно, что генерал Альфредо Руэда Кихано говорил на суде военного трибунала (обычно эти заседания, бывшие чистой формальностью, длились не более часа), что его вовлекли в заговор обманом. Скорее всего, генерал думал, что действует именно с санкции президента. Кихано расстреливали при огромном стечении народа, и он предпочел, чтобы ему не завязывали глаза. Увидев в толпе американского корреспондента, он улыбнулся и произнес: «Гуд бай». Генерал Фернандо Рейес сам отдал команду расстрельной команде. Был убит без суда и брат бывшего временного президента страны генерал Альфонсо де ла Уэрта.

Гомесу удалось скрыться, и только через месяц его схватил патруль. Генерал пытался оказать сопротивление, но поскользнулся и не успел выхватить пистолет. Судя по воспоминаниям тех, кто его казнил (хотя предвзятость здесь очевидна), Гомес вел себя малодушно, молил о пощаде, попросил завязать себе глаза и даже просил, чтобы офицер дал команду солдатам не голосом, а знаком. Тот так и сделал, сняв свою фуражку.

Были расстреляны все офицеры саперного батальона в Торреоне и все старшие офицеры столичных частей, принявших участие в выступлении. Собственной охраной был убит губернатор Чьяпаса Луис Видаль, который якобы готовился примкнуть к мятежу.

Не ограничившись военными, правительство исключило из парламента 23 депутата - противника Обрегона, 13 из которых были тоже расстреляны без всякого суда. Все имущество мятежников (набралось более 10 миллионов песо) было конфисковано. Находившийся в эмиграции Васконселос решительно осудил кровавые меры властей.

Позиция Кальеса действительно выглядела довольно странной. Мятеж был подавлен молниеносно, фактически не успев начаться, и судебный процесс мог бы усилить позиции правительства. Если только Серрано и Гомес не могли бы рассказать что-то, чего Кальес слышать не хотел. Некоторым лицам из своего окружения президент говорил о том, что принять такие жестокие и противоречащие закону меры его вынудил Обрегон. Начальник полиции Мехико Роберто Крус после смерти Кальеса вспоминал совсем другое. По его словам, он предложил президенту предать всех арестованных гражданскому правосудию. Но Кальес ответил: «Нет... Сегодня Обрегон, завтра я, потом вы. Именно поэтому были отданы приказы расстрелять всех... Пришло время вырвать зло с корнем, генерал Крус. Расстреляйте их

и по исполнении этого приказа доложите мне лично».679 Правда, сам Крус участвовал в расстрелах, спокойно попыхивая сигарой.

Мятеж (или псевдомятеж) Гомеса и Серрано спас от полного поражения «кристерос», так как правительство перебросило из района мятежа в Веракрус армейские части. По данным американского военного атташе в Мехико, летом 1927 года количество мятежников не росло и составляло, как и в январе, 7-9 тысяч человек. Однако в ноябре «кристерос» уже было 15 тысяч, а в декабре - 17-20 тысяч. В феврале 1928 года мятежников стало уже 24 тысячи.

Помимо сокращения количества правительственных войск в районе мятежа сыграли свою роль и попытки Лиги защиты религиозной свободы централизовать командование разрозненными отрядами. В августе 1927 года лига назначила бывшего торговца лекарствами Хесуса Дегольядо командующим силами мятежников в южном Халиско, Колиме и западном Мичоакане. Дегольядо был военным самородком и пытался навести порядок в подчиненных ему отрядах. Ему помогало то, что он родился в Мичоакане и прекрасно знал местность, где действовали его отряды. Он запрещал любые эксцессы по отношению к мирному населению. Правда, по данным американской разведки, многие партизанские командиры Дегольядо не подчинялись как раз потому, что он стремился установить в частях «кристерос» жесткую дисциплину. Например, когда Дегольядо узнал, что бойцы отряда под командованием Эстебана Каро насилюют женщин в захваченных деревнях, он лично отправился к Каро, чтобы прекратить эти эксцессы. Но тот велел арестовать командующего и едва не расстрелял его. В конце концов, «полковник» Каро пообещал исправиться и попросил прислать ему священника для исправления морального состояния его отряда.

Одним из самых популярных «полковников» «кристерос» был неграмотный батрак Викторiano Рамирес по прозвищу Четырнадцать. Его Рамирес получил за то, что, бежав из тюрьмы, убил четырнадцать полицейских, посланных в погоню. Затем он якобы передал мэру города, который приходился ему дядей, чтобы тот в следующий раз посылал больше людей. Рамирес представлял очень популярный в Мексике тип робингуда и борца с властями, к которому принадлежал и Панчо Вилья. Местные жители любили его именно за лихость и удаль в борьбе с правительством, а вовсе не за набожность. Никаким ревностным католиком Рамирес, как впрочем, и Дегольядо, хотя последний состоял в организации католической молодежи, не был. У него было несколько жен, и на вопрос, как это соотносится с католической верой, Рамирес ответил, что вера одно, а отношения между мужчиной и женщиной совсем другое. С помощью засланного в отряд Рамиреса лазутчика правительству удалось обвинить Четырнадцать перед своими же [Картинка: image61.jpg]

бойцами в присвоении денег, которые тот получал от лиги. Его арестовали и расстреляли по приговору военного трибунала.

Самым опасным для властей военным лидером «кристерос» был самый молодой некогда генерал старой федеральной армии Энрике Горостieta. В 1914 году он оборонял Веракрус от конституционалистов и после падения режима Уэрты бежал в США. В 1919 году вернулся в Монтеррей и занялся бизнесом. Горостieta был либералом и масоном, но лига уговорила его взять на себя военное руководство «кристерос», предложив двойное жалованье генерала правительственной армии. В августе 1927 года Горостieta стал командующим силами мятежников в центре восстания - в северо-восточном районе штата Халиско.

Горостieta свел разрозненные отряды в некое подобие армии, назвав ее Национальной гвардией. Были сформированы женские бригады («бригады Жанны д'Арк»), в которых на момент окончания восстания насчитывалось 15-20 тысяч бойцов. Военный атташе США сообщал, что «контроль Горостieta (над отдельными отрядами - прим, автора) не жесткий, но лидеры разрозненных отрядов признают его как главнокомандующего и подчиняются ему в важнейших вопросах».

Он открыто потешался над набожностью своих бойцов и даже курил при них в церквях. В богослужениях Горостieta не участвовал. У него быстро испортились отношения с Лигой защиты религиозной свободы, от которой не поступало обещанной финансовой помощи. Горостieta видел интриги лиги и в связи с арестом Рамиреса, которого он пытался спасти.

Горостieta впервые придавал операциям мятежников стратегический характер. Он собирал для боев крупные отряды, которые действовали уже не только в своем штате, но и в соседних. После ухода части правительственных сил в Веракрус в октябре 1927 года «кристерос» стали нападать уже не только на аграристов, но и на армейские части. В ноябре 800 повстанцев из Мичоакана атаковали федеральный гарнизон в Хикильпане. 13 ноября крупный отряд «кристерос» занял город Ислан и захватил муниципальную казну - мятежники по-прежнему испытывали острый недостаток в оружии и боеприпасах, многие ходили в лохмотьях

и получали не более 10 сентаво в день. На юго-западе Мичоакана муниципалитет Коалькоман заявил об отделении от Мексики и провозгласил себя «автономной республикой». В октябре 1927 года командующий правительственными войсками в Мичоакане генерал Эскобар признался американскому вице-консулу Итону, что мятежники прочно контролируют юго-запад штата. Итон отметил, что многие мятежники воюют только потому, что всегда были против любого федерального правительства.

Почти все бойцы отрядов «кристерос» были селянами, горожан среди мятежников практически не имелось, за исключением студенческой молодежи лиги. 60% «кристерос» занимались ручным трудом. Богатых среди повстанцев было очень мало. В центральном районе мятежа Лос-Альтос примерно 25% инсургентов составляли мелкие собственники «ранчерос», в других регионах их было не более 10%. Очень многие мужчины шли в отряды мятежников под влиянием своих жен. Хотя женские «бригады Жанны д Арк» не участвовали непосредственно в боевых действиях, они несли на себе основную тяжесть обеспечения отрядов «кристерос»: от традиционной стирки и приготовления пищи до транспортировки боеприпасов и подготовки взрывчатых смесей. Мария Нативидад Гонсалес по прозвищу Генеральша Тива была, например, казначеем бригады повстанцев.

Первая женская бригада возникла 21 июня 1927 года и состояла из 17 девушек. Бригада должна была собирать деньги, закупать продовольствие, доставлять боеприпасы, шить форму, ухаживать за ранеными. Практически во всех бригадах были разведотделы, наблюдавшие за перемещением правительственных войск. Постепенно женские бригады возникли в большинстве штатов Мексики, в январе 1928 года - даже в столичном округе. В марте 1928 года в бригадах было около 10 тысяч бойцов. В бригадах служили незамужние девушки от 15 до 25 лет, никому из командиров бригад не было больше 30. Очень многие девушки попадали в бригады прямо из католических школ под влиянием агитации Союза католических дам.

Офицерский корпус мятежников насчитывал примерно 200 человек, но единого военного вождя за все время мятежа так и не возникло. Командиров выбирал сам отряд, и только после этого их полномочия подтверждали вышестоящие начальники. Из 200 командиров лишь около 40 имели опыт боевых действий в отрядах Вильи, Сапаты и других военачальников времен гражданской войны. Только 12 вождей «кристерос» ранее служили в федеральной армии. Считалось, что командиру достаточно уметь скакать верхом и стрелять из винтовки. Возрастная структура командного состава была крайне пестрой - от 18 до 70 лет.

Все генералы правительственных войск отмечали помощь местного населения мятежникам. Даже если жителей охваченных восстанием районов переселяли в города, они и там образовывали группы содействия «кристерос». Например, многие бойцы отрядов мятежников на время скрывались в городах, если натиск армии становился невыносимым. Городские группы мятежников не только собирали деньги, но и изготавливали патроны, подгоняя их под калибр различных типов винтовок.

Недостаток боеприпасов был главной проблемой «кристерос». Обычно они покупали патроны у рабочих столичного арсенала и переправляли их на поездах в коробках с маркировкой экспортной продукции с местом назначения США (их меньше досматривали).

После февраля 1928 года бои с «кристерос» пошли на спад. Американцы объясняли это налаженной наконец координацией действий между армией и аграристами, возвращением войск из Веракруса и начавшимся сезоном дождей, который затруднял военные действия обеих сторон. Боевые силы мятежников военный атташе США оценивал в 21,7 тысячи в марте 1928 года и только в 15,7 тысячи - в апреле. К июню 1928 года эта цифра упала до 5 тысяч.

После подавления выступления Серрано - Гомеса на первый взгляд стабилизировалось и внутривнутриполитическое положение страны. Теперь у Обрегона не осталось серьезных оппонентов на предстоящих 1 июля 1928 года президентских выборах. Желающих рисковать своей жизнью не находилось. Коммунисты отмечали, что «молниеносная победа мелкой буржуазии, победа, одержанная благодаря солидарности рабочих и крестьян, свидетельствует о том, насколько возросла сила мелкой буржуазии, какие важные стратегические позиции завоевала она в борьбе с классом реакционных латифундистов. Мелкая буржуазия... обеспечила себе этой победой «мирное» господство на значительный отрезок времени».

Примечательно, что, как только прекратились расстрелы «реакционных мятежников», Кальес урегулировал нефтяной спор с США на американских условиях. 1 января 1928 года новый «нефтяной закон» вступил в силу, сохранив тот порядок применения Конституции, который действовал при Обрегоне в 1920-1924 годах.

Правительство с конца 1927 года резко снизило и темп проведения земельной реформы. В 1927 году федеральная хунта по рассмотрению трудовых споров выносила решения в пользу предпринимателей уже в 17% случаев. Ранее, как упоминалось выше, более 90% споров выигрывали рабочие.

Главной оппозицией Обрегону после подавления мятежа Гомеса и Серрано стал КРОМ. До весны 1928 года лабористы избегали резкой критики

Обрегона, но потом перешли к яростным нападкам на бывшего президента. Резко усилил критику Обрегона и сам Моронес. 20 апреля 1928 года, когда кандидат прибыл в центр текстильной промышленности Орисабу, КРОМ устроил в городе беспорядки, которые многие наблюдатели расценили как покушение на жизнь Обрегона. Чтобы рассеять враждебных Обрегону демонстрантов, пришлось применить войска. Заметим, что «реакционера» Гомеса рабочие встречали в Орисабе очень тепло.

В конце апреля 1928 года руководство КРОМ встретилось с Обрегоном, вновь пытаясь вырвать у него гарантии сохранения своего влияния после президентских выборов, и тот вновь отказался давать какие-либо обещания кромовской верхушке. Макар писал: «Этому в значительной степени способствовало полнейшее разложение лидеров КРОМ'а, на глазах у всех принявшие отвратительные формы беззастенчивого грабежа и бандитизма в небывалых и непонятных для европейского рабочего движения размерах».680

30 апреля 1928 года Моронес объявил Обрегону открытую войну.681 Выступая в Мехико с традиционным отчетом за прошедший год, он заявил, что кромисты не будут сотрудничать с режимом Обрегона и готовы пойти на баррикады и погибнуть в борьбе против «новых Бастилий». Обрегон относился к угрозам КРОМ более чем серьезно - ведь охлаждение между ним и Моронесом началось после убийства боевиками профсоюза сенатора Хурадо в 1924 году. Однако просьбы Обрегона к Кальесу отправить Моронеса в отставку по-прежнему оставались без ответа. Моронес закончил словами Наполеона: «Гардия умирает, но не сдается».

В своей речи Моронес сравнил Обрегона, который может повернуть правительство в любую сторону, с Кальесом - человека принципов.

Обрегон не оставался в долгу - он обвинял КРОМ и Моронеса в предательстве интересов рабочего класса и одновременно в безответственном подстрекательстве рабочих к беспорядкам. К концу предвыборной кампании он вообще высказался за роспуск общенационального профцентра, являвшегося, по его словам, только рассадником коррупции. Компартия отмечала, что обрегонисты, начав с нападков на КРОМ, стали сеять ненависть по отношению к профсоюзам как таковым.

Нападки Обрегона, за которым стояла армия, на Моронеса и КРОМ не остались без последствий. О выходе из рядов лабористской партии объявили три сенатора и восемь депутатов нижней палаты. Некоторые профсоюзы поспешили отмежеваться от Моронеса, а другие даже вышли из КРОМ. Ряд кандидатов в депутаты (вместе с президентскими проходили и парламентские выборы) поспешили сделать на своих плакатах специальную отметку, что не имеют никакого отношения к лабористам.

т_ ; [Картинка: image62.jpg] Убитые «кристерос»

Тон полемики между Обрегоном и Моронесом ничуть не уступал по накалу недавним обоюдным выпадам Обрегона и Гомеса. Моронес прекрасно понимал: ему будет уготована та же судьба, что и недавним «путчистам», если Обрегон придет к власти. Только смерть Обрегона могла спасти жизнь лидера КРОМ.

13 ноября 1927 года Обрегон совершал прогулку на автомобиле по столичному парку Чапультепек. Неожиданно его нагнал другой автомобиль, из которого в машину кандидата в президенты бросили несколько бомб. Обрегон не пострадал, а полиция арестовала шофера террористов. Тот на допросе назвал в качестве организаторов покушения видного деятеля католической молодежи Сегуру Вильчиса и братьев Про, тоже ярких католиков. Полиция обнаружила на различных конспиративных квартирах боеприпасы, химические вещества для изготовления взрывчатки, крупные суммы денег. Братья Про были, уже по традиции, поспешно расстреляны 22 ноября, хотя улики против них были в основном косвенными. Шофер террористов говорил, что «церковники пообещали всем лицам, которые примут участие в покушении, полное материальное обеспечение, а в случае их гибели родственники получат пенсии и не будут ни в чем нуждаться».682

Таким образом, покушение на Обрегона приписали «кристерос». Это довольно странно, если учесть, что во времена Обрегона церковь не подвергалась таким преследованиям, как при Кальесе. Да и сам Обрегон во время президентской кампании призывал к мягкости по отношению к захваченным в плен «кристерос», которых он предлагал не расстреливать, а ссылать на Юкатан. Как мы помним, плантации Юкатана были чем-то вроде

«мексиканской Сибири», куда всегда ссылали преступников; штат не имел нормального сухопутного сообщения с остальной страной и сбежать оттуда через непроходимые тропические джунгли было практически невозможно. Именно на Юкатан ссылали так мешавших бизнесу Обрегона индейцев яки еще при диктаторе Диасе.

Кальес уже летом 1927 года нащупывал каналы для примирения с епископатам и прекращения мятежа. Президент потерял в то время любимую жену донью Наталью, а мучавшие его боли лечил мальчик-экстрасенс Фиденсио, что пробудило в прогрессисте Кальесе некий интерес по отношению к сверхъестественным силам. В октябре 1927 года только что прибывший в Мехико новый посол США Морроу организовал тайную встречу между Кальесом и влиятельным католиком из США, упоминавшимся выше отцом Берком, который должен был стать посредником на переговорах Кальеса с мексиканским епископатам. 683 Морроу познакомил с Берком глава католиков США кардинал Хейс еще до отъезда посла в Мехико.

Встреча Кальеса и Берка состоялась под Веракрусом 4 апреля 1928 года, и президент назвал приезд гостя «началом новой эры для народа Мексики». Кальес написал по просьбе Морроу специальное письмо, в котором гарантировал церкви возобновление богослужений и возврат храмов. В конце апреля 1928 года в техасском городе Сан-Антонио на специальном заседании мексиканский епископат одобрил в целом миссию Берка, но высказал ряд замечаний по письму Кальеса. С большим трудом Морроу организовал тайный приезд в Мехико Берка и нового архиепископа Мексики Руиса. Кальес при этом поставил условие, что Руис не будет встречаться в столице ни с кем, кроме него самого. Президент говорил Морроу, что среди «сторонников правительства» есть группа людей, настроенная против любого компромисса с церковью. Не исключено, что Кальес специально выставлял Обрегона противником мира в стране перед Морроу. Встреча Кальеса с Руисом прошла 17 мая 1928 года. По ее итогам Руис в принципе принял условия Кальеса: закон 1926 года формально не отменяется, но фактически не применяется.

К удивлению Морроу, Руис отправился в конце мая в Ватикан без Берка, чтобы получить благословение Папы Римского на примирение с правительством. Однако Ватикан «добро» не давал, причем, по данным Морроу, потому, что некие крути в Мексике советовали не заключать мира с Кальесом, а дожидаться прихода к власти Обрегона.

Зиюля 1928 года Морроу вернулся в Мехико из США, где он проводил отпуск.

Несмотря на продолжавшиеся попытки убить Обрегона (в его предвыборные штабы закладывались бомбы), 1 июля 1928 года на президентских выборах он одержал ожидаемую победу, получив 1,64 миллиона голосов. 7 июля американского посла принял Кальес, и они проговорили полтора часа. Посол США прямо сказал Кальесу, что причиной краха мирной инициативы Берка является стремление определенных кругов заключить мир с Обрегонем. Кальес, в свою очередь, говорил, что Руис дал европейской прессе несколько интервью о своих секретных контактах с ним, и это вызвало «критику видных сторонников правительства» Мексики. Видимо, Кальес довольно прозрачно намекнул послу, что компромисса не желает как раз Обрегон.

В начале июля 1928 года стало ясно, кого на самом деле Обрегон считал самым опасным для себя человеком в Мексике. Опасаясь за свою жизнь, победивший на выборах генерал под предлогом войны с индейцами яки сосредоточил в Соноре 15-20 тысяч солдат, которые подчинялись ему лично.³³⁷ Однако Кальес отдал приказ военному министерству перебросить войска из Соноры в Сан-Луис-Потоси, куда одновременно стягивались части и из других штатов. У Обрегона при этом раскладе оставались 6-7 тысяч солдат, а на границах Соноры сосредотачивалась группировка правительственных войск примерно в 20 тысяч человек, включая аграристов. Несколько генералов приехали в имение Обрегона и сообщили ему, что Кальес готовится нанести по избранному президенту удар, чтобы не допустить его вступления в должность. Обрегон решил лично выехать в Мехико, чтобы переговорить с президентом для «предотвращения новой гражданской войны». Многие соратники отговаривали его от этого опрометчивого шага. Глава предвыборного штаба Аарон Саенс специально выехал навстречу поезду Обрегона в Гвадалахару и умолял его не ехать в столицу.

Однако Обрегон решил поставить Кальеса на место и потребовать немедленной отставки всех близких к КРОМ министров федерального правительства (включая самого Моронеса), Амаро - с поста военного министра и Круса - с поста шефа столичной полиции. Помимо этого, Обрегон требовал замены командующих частями в Мехико, Пуэбле и Пачуке. «Если Кальес лоялен, то он не сочтет мои пожелания неудобными».

17июля 1928 года Кальес принял Обрегона. Но не успел избранный президент сказать и нескольких слов, как

Кальес прервал его и предложил обсудить все вопросы завтра. Сегодня же оба они очень заняты. Ведь Обрегону надо спешить на банкет, устроенный в ресторане «Ла Бомбия» депутатами из Гвадалахары в честь его избрания.

Банкет действительно удался на славу. В зале играл оркестр. Обрегон ничего не заподозрил, когда под звуки его любимой песни «Лимонсита» [Картинка: image63.jpg]

Ресторан «Ла Бомбия» - место убийства Обрегона

к столу приблизился молодой художник и предложил взглянуть на шарж, который он только что сделал на избранного президента. Обрегон взял листок и похвалил мастерство шаржиста, посоветовав ему продолжать заниматься живописью. Это были его последние слова. Художник выхватил автоматический пистолет «стар» 35-го калибра и под музыку выстрелил в генерала шесть раз. Обрегон упал на уставленный яствами стол, затем сполз на пол. Он скончался на месте.

Соратникам Обрегона удалось предотвратить линчевание убийцы на месте, и его передали в руки полиции.

Сначала террорист, доставленный в полицию, молчал. Его не сломили и жестокие пытки. Но когда пригрозили пытками членам его семьи, обещая, что будут бить детей головой о стену, убийца, которого звали Хосе Леон Тораль, «раскололся». Он попросил доставить его по одному адресу по улице Сарагоса, где он хотел бы получить совет своих друзей. Просьбу заключенного выполнили, и дверь полиции открыла бывшая монахиня Консепсьон Асеведо де ла Льята.

Тораль, родившийся 23 декабря 1900 года в семье шахтера в Сан-Луис-Потоси, был членом Лиги защиты религиозной свободы. Он посещал в Мехико подпольный храм (о котором, впрочем, все знали). Им как раз и заведовала Консепсьон Асеведо де ла Льята - «матушка Кончита». Она была настоятельницей монастыря капуцинов, а после его закрытия властями жила с несколькими бывшими монахинями в том доме, куда привел полицию Тораль. «Матушка Кончита» держала у себя двух тарантулов, которых в честь ненавистных президентов назвала Обрегон и Кальес. Еще весной 1928 года она убедила фанатичную молодую католичку Марию Елену Мансано убить Обрегона отравленным скальпелем во время празднования очередной годовщины битвы при Селайе, но в последний момент покушение было отложено. [Картинка: image64.jpg] Убийца Обрегона Леон Тораль

По версии следствия, «матушка Кончита» убедила молодого Торалья свершить месть над Обрегоном за невинно убиенных братьев Про. Однако апостолический делегат (представитель Ватикана в Мехико) Руис-и-Флорес говорил годы спустя, что в доме «матушки Кончиты» видел много военных, но «не запомнил их имена». Делегат считал: «Нет никакого сомнения, что Хосе Леон Тораль был использован соперничавшими политиками...»⁶⁸⁴ Позднее врач, проводивший вскрытие тела Обрегона, утверждал, что обнаружил пулевые отверстия разного калибра. Некоторые участники банкета тоже вспоминали, что слышали не только выстрелы Торалья, хотя из-за громко игравшего оркестра затруднялись утверждать это категорически. Говорили о 14 пулевых отверстиях в теле Обрегона. Есть сведения и о том, что при допросе Кальесом Торалья на вопрос президента «Кто приказал вам убить Обрегона?» тот якобы ответил: «Вы!»

Сам Тораль на суде отрицал участие в покушении других лиц и, как и ожидалось, заявил, что убил Обрегона «чтобы в Мексике могло быть установлено царство Христа». Судебный процесс длился с 2 по 8 ноября 1928 года и закончился смертным приговором для Торалья и ссылкой на 20 лет «матушки Кончиты» как идейной вдохновительницы преступления (она якобы повторяла Хосе, что преследование религии кончится только после смерти Кальеса и Обрегона) на отдаленный тихоокеанский остров Трех Марий. Женщин по мексиканским законом не казнили. Перед судом монахиню пытали, но она так и не признала своего соучастия в убийстве. По иронии судьбы, начальником тюрьмы на острове был генерал Мухика - основной автор антирелигиозных статей мексиканской Конституции. [Картинка: image65.jpg] «Матушка» Кончита

Впрочем, «матушку Кончиту» доставили на остров только 14 мая 1929 года. До этого в тюрьме ее пытались отравить, но безуспешно. В 1932 году ее помиловали, поскольку в тюрьме она успела заключить гражданский брак. Однако, вернувшись в Мехико в 1932 году, бывшая монахиня так опасалась за свою жизнь, что предпочла опять вернуться на остров. «Матушке Кончите» предстояла еще долгая жизнь - она умерла в 1979 году в возрасте 87 лет.

Интересно, что за день до убийства Обрегона, в понедельник 16 июля 1927 года руководитель его предвыборной кампании, бывший министр иностранных дел, губернатор штата Нуэво-Леон Аарон Саенс (тот

самый, который уговаривал Обрегона не ехать в столицу) попросил американского посла Морроу принять Обрегона для «длительной беседы».685Договорились, что встреча состоится 17 июля в 17.00. Во вторник утром Саенс сам приехал к Морроу и убеждал его, что Обрегон настроен на урегулирование отношений между государством и церковью. Слухи о том, что именно Обрегон препятствует Кальесу найти с церковью взаимопонимание, подчеркнул Саенс, не имеют под собой никакого основания. Примечательно, что когда Кальес при посредничестве Морроу проводил в апреле и мае 1928 года секретные встречи с представителями епископата, он неоднократно говорил американскому послу, что в Мексике есть влиятельные люди, которые решительно против примирения с духовенством. По словам Саенса, Обрегон хотел видеть свое новое президентство «эрой мира», которая должна начаться как раз с урегулирования церковного конфликта. Саенс на время оставил Морроу и отправился на банкет в «Ла Бомбилью», откуда они должны были вместе с Обрегоном приехать к американскому послу. Во время убийства Обрегона Саенс стоял рядом с покушавшимся.

Таким образом, весьма вероятной представляется следующая версия покушения. Кальес и Моронес решили убить Обрегона руками католических фанатиков, распуская через епископат слухи, что именно он является главным сторонником богоборчества в Мексике. В качестве исполнителей были использованы посетители подпольного храма Матушки Кончиты. Кризис начала июля, едва не разрешившийся военным столкновением, окончательно убедил Моронеса и Кальеса, что после вступления в должность Обрегон может расправиться с ними (прежде всего с Моронесом, на совести которого были и убийства, и незаконные финансовые операции). Но это всего лишь версия.

Если участие Торала в убийстве Обрегона не вызывает сомнений, то единственным влиятельным политиком в Мексике, кто выиграл от смерти избранного президента, был Плутарко Элиас Кальес.

Краткая хронология истории Мексики (1917-1928 годы)

1917,март - 1920, апрель.

Президентство Венустиано Каррансы.

1918,май.

Создание первого общенационального профцентра КРОМ.

1919,10апреля.

Предательское убийство вождя революции Эмилиано Сапаты в штате Морелос.

1919,сентябрь.

Образование коммунистической партии Мексики.

1920,апрель.

Мятеж штата Сонора в поддержку Обрегона («революция Агуа-Приеты»). Карранса бежит из Мехико в Веракрус, но по дороге его убивают.

1920,июнь - ноябрь.

Временным президентом Мексики является Адольфо дела Уэрта. В стране воцаряется мир. Вилья отходит от вооруженной борьбы в обмен на гарантии личной безопасности.

1920-1924.

Президентство Альваро Обрегона.

1921,июнь.

Министр финансов дела Уэрта подписывает с международным банковским комитетом соглашение об урегулировании проблемы внешнего долга Мексики.

1923,20июля.

Убийство Франсиско Вильи.

1923,август.

США устанавливают с правительством Обрегона дипломатические отношения.

1923,декабрь - 1924, февраль.

Мятеж дела Уэрты.

1924,август.

Установление дипломатических отношений между СССР и Мексикой.

1924-1928.

Президентство Плутарко Кальеса.
1925, март. [Картинка: image66.png]
1925, декабрь.

Принятие парламентом Мексики «нефтяного закона», резкие протесты США, считающих данный нормативный акт «большевистским».

1926, июль.

Конгресс Мексики принимает антиклерикальный закон.

1926, август.

Мексиканский епископат объявляет «церковную забастовку». По всей стране прекращаются церковные службы.

1927, январь.

Вооруженное восстание «кристерос» во главе с Лигой защиты религиозной свободы.

1927, сентябрь - октябрь.

«Мятеж» генералов Гомеса и Серрано. Оба расстреляны.

1927, декабрь.

Под давлением США Мексика смягчает положения «нефтяного закона».

1928, первая половина.

Обострение противоречий между победившим на президентских выборах Обрегоном и президентом Кальесом.

1928, 17 июля.

Убийство Обрегона.

Список источников и литературы

Альперович М. С, Руденко Б. Т. Мексиканская революция 1910-1917 гг. и политика США. М., 1958

Андреев Г. Экспорт американского капитала: Из истории экспорта капитала США как орудия экономической и политической экспансии. М., 1957

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04 (секретариат Чичерина)

Вольский А. История мексиканских революций. М., 1928

Галеана П. Хуарес в истории Мексики. М., 2008

Гонионский С. А. Сандино. М., 1965

Гордин А. Я. Три войны Бенито Хуареса. М., 1984

Гусман М. А. Тень каудильо. М., 1964

Ермолаев В. И Из истории рабочего и коммунистического движения в Латинской Америке. М., 1982

Зарницкий С. В., Сергеев А. Н. Чичерин. М., 1975

Иноземцев Н. Н. Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960 История Латинской Америки 1918-1945. М., 1999 Капитализм в Латинской Америке. М., 1983

Коллонтай А. М. Революция - великая мятежница... Избранные письма 1901— 1952 гг. М., 1989

Коллонтай А. М. Дипломатические дневники. 1922-1940. В 2 томах. М., 2001 Ааврецкий И Р. Панчо Вилья. М., 1962 Ааврецкий И. Р Хуарес. М., 1969

Аавров Н. М. Мексиканская революция 1910-1917 гг. М., 1972

Аарин Н. С. Борьба церкви с государством в Мексике (Восстание «кристерос» в 1926-1929 гг.). М., 1965

Манькина А. С. Изоляционизм и формирование внешнеполитического курса США 1923-1929. М., 1980

Мексика: тенденции экономического и социально-политического развития. М., 1983

Новая краткая история Мексики. М., 2008 Осповат Л. Диего Ривера. М., 1969

Очерки истории Министерства иностранных дел России. Том 2. 1917-2002 гг. М., 2002

Очерки новой и новейшей истории Мексики. М., 1960

Потокова Н. В. Агрессия США против Мексики 1846-1848. М., 1962

Рид Д. Восставшая Мексика. 10 дней, которые потрясли мир. Америка 1918. М., 1968

Селиванов В. Н. Латинская Америка: от конкистадоров до независимости. М.,

1984

Сизоненко А. И. Советский Союз и Латинская Америка. М., 1964

Сизоненко А. И. В стране ацтекского орла (Первые советские полпреды в Мексике). М., 1969

Сизоненко А. И. Очерки истории советско-латиноамериканских отношений. М., 1971

Сизоненко А. И. Непроторенными путями: первые советские дипломаты и ученые в Латинской Америке. М., 1988

Сикейрос Д. А. Меня называли лихим полковником. М., 1986

Слезкина А. Ю. Россия и война за независимость в Испанской Америке. М., 1964

Советско-мексиканские отношения (1917-1980). М., 1981

Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917-1929). М., Издательство МГУ, 1978

Черняк Е. Б. Жандармы истории. М., 1969

Шейнис З. С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М., 1989

Шейнис З. С. Путь к вершине. Страницы жизни А. М. Коллонтай. М., 1987

Шульговский А. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967

Areous G. /B. El modelo mexicano de regulaci?n laboral. FLACSO M?xico, 2000

Behrens B. El movimiento inquilinario en Veracruz, M?xico 1922-1927: una rebellion de mujeres
[//www.ailasa.org/jilas/all/JILAS-06\(l\)/E-JILAS%206\(l\)-Behrens.PDF](http://www.ailasa.org/jilas/all/JILAS-06(l)/E-JILAS%206(l)-Behrens.PDF)

Blumberg A. The diplomacy of the Mexican Empire 1863-1867. Malabar, Florida, 1987

Bortz J. Revolution within the revolution: cotton textile workers and the Mexican labor regime, 1910-1923. Stanford University Press, 2008

Buchenau J. In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876-1930. University of Alabama Press, 1996

Butler M. Popular piety and political identity in Mexico's Cristero Rebellion: Michoac?n, 1927-29. Oxford University Press, 2004

Caballero Cervantes J. C., Buve R. Th. J. El movimiento revolucionario en Tlaxcala. Universidad Iberoamericana, 1994

Calder?n Roberto R. Mexican coal mining labor in Texas and Coahuila, 1880-1930. Texas A&M University Press, 2000

Camacho, M. B. L. Joaqui?n Amaro y el proceso de institucionalizaci?n del Ej?rcito Mexicano, 1917-1931. M?xico, UNAM, 2003

Carriedo R. The man who tamed M?xico's tiger: General Joaquin Amaro and the professionalization of M?xico's revolutionary army, Dissertation. The University of New M?xico, 2005

Castro J R. La clase obrera en la historia de M?xico. En la presidencia de Plutarco Elias Calles (1924-1928). M?xico, Siglo XXI, 1983

Castro P. La campana presidencial de 1927-1928 y el ocaso del caudillismo // Estudios de historia moderna y contempor?nea de M?xico. Volumen 23. Documento 283

Castro P, Castro Mart?nez P.F. Adolfo de la Huerta: la integridad como arma de la revoluci?n. Siglo XXI, 1998

Coerver D., Hall L. B. Tangled Destinies. Latin America and United States. UNM Press, 1999

Concheiro E., Modonesi M., Crespo H. G. El comunismo: otras miradas desde Am?rica Latina. M?xico, UNAM, 2007

C?rdova A. La ideolog?a de la Revoluci?n Mexicana: La formaci?n del nuevo regimen. Ediciones Era, 1992

Cumberland C. C. Mexican Revolution. The Constitutionalist years. Austin, 1972

Cumberland C. C. Mexican Revolution. Genesis under Madero. New York, 1969

DeGregorio W. The Complete Book of US Presidents. New York, 2005

Davis D. E. Urban Leviathan: Mexico City in the twentieth century. Temple University Press, 1994

D?az R. L. La crisis Obreg?n-Calles y el estado mexicano. M?xico, Siglo XXI, 1980

D?az Soto y Gama A., Castro P, Castro Mart?nez P E Historia del agrarismo en M?xico. Ediciones Era, 2002

Draper Th. American Communism and Soviet Russia. New York, 1986

Eisenhower J. Intervention! The United States and the Mexican Revolution, 1913-1917. New York. 1993

Espacio Publico y reconstruction de la ciudadania. Kuri P. R. (coord.). FLACSO M?xico, 2003

Foreign Relations of the United States (FRUS). Different Volumes Forrest W. Behind the front page. Read books, 2008

Garrido L.J. El partido de la Revoluci?n institucionalizada. Siglo veintiuno editors. M?xico, 2005

Gilly A. The Mexican Revolution. New York, 2005

Gonz?lez Casanova R La clase obrera en la historia de M?xico. Siglo XXI, 1980

Hall L. B. Alvaro Obregon. Power and Revolution in M?xico, 1911-1920. College Station, 1981

Haley P.E. Revolution and Intervention. The Massachusetts Institute of Technology, 1970

Hart J. M. Revolutionary M?xico. The coming and process of the Mexican revolution. Berkeley, University of California Press, 1989

Hart J. M. Empire and Revolution. The Americans in M?xico since Civil War. University of California Press, 2002

Henderson X J. The worm in the wheat: Rosalie Evans and agrarian struggle in the Puebla - Tlaxcala Valley of M?xico, 1906-1927. Duke University Press, 1998

Hill L. D. Emissaries to a Revolution. Woodrow Wilsons Executive Agents in M?xico. Baton Rouge, 1973

Hodges D. C, Gandy D. R. M?xico, the end of the revolution. Greenwood Publishing Group, 2002

Hurst J. W. Pancho Villa and Black Jack Pershing: the Punitive Expedition in M?xico. Greenwood Publishing Group, 2008

Jacobs I. La revoluci?n mexicana en Guerrero: Una revuelta de los rancheros. Ediciones Era, 1990

Katz E Revuelta, rebeli?n y Revoluci?n: la lucha rural en M?xico del Siglo XVI al Siglo XX. Ediciones Era, 2004

Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford, 1998

Knight A. The Mexican Revolution. Volume 1. Porfirians, Liber?is and Peasants. London, Cambridge University Press, 1986

Knight A. The Mexican Revolution. Volume 2. Counter-revolution and Reconstruction. London, Cambridge University Press, 1990

Koth K Waking the dictator. Veracruz, the struggle for Federalism and the Mexican Revolution 1870-1927. University of Calgary Press, 2002

Krause E. M?xico. Biography of Power. History of modern M?xico 1810-1996. New York, 1997

Krauze E. Plutarco E. Calles. Reformar desde el origen. M?xico, 1987

Krauze E. Porfirio Diaz. M?xico de la autoridad. M?xico, 1995

Lear J Workers, neighbors, and citizens: the revolution in M?xico City. Lincoln, University of Nebraska Press, 2001

Le?n S., Fern?ndez del Castillo G. P. De fuerzas pol?ticas y partidos politicos. Plaza y Valdes, M?xico, 1988

Machado M. Centaur of the North. Fransisco Villa, the Mexican Revolution and Northern M?xico. Austin, 1988

Marnham P., Dreaming with His Eyes Open: A Life of Diego Rivera. University of California Press, 2000

Matute A. El fantasma de la intervenci?n. Los Estados Unidos y M?xico en 1919 // Estudios de historia moderna y contempor?nea de M?xico. Volumen 16. Documento 208

McLynn F Villa and Zapata. A History of the Mexican Revolution. New York, 2000

M?ndez Reyes J. Lealtad e infidencia a la causa revolucionaria. Pr?stamos a los Generales mexicanos 1917-1934 // http://www.colef.mx/ahenme/wp-content/uploads/2009/04/jesas-mandez_prastamos-y-lealtad_1.pdf

M?xico since Independence. Cambridge University Press, 1991

Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972

Meyer M., Sherman tVTh e Course of Mexican History. New York. 1987

Middlebrook K. J. The paradox of revolution: labor, the State, and authoritarianism in M?xico. JHU Press, 1995

O'Dogherty, L. Restaurarlo todo en Cristo: Uni?n de Damas Cat?licas Mejicanas, 1920-1926 // Estudios de historia Moderna y contempor?nea de M?xico. Volumen 14. 1991

Papov Y. «Mejor morir de pie». Emiliano Zapata. Mosc?, 1990

Pumell/. Popular movements and State formation in revolutionary M?xico: the agraristas and cristeros of Michoac?n. Duke University Press, 1999

Quirk R. E. The Mexican Revolution 1914-1915. New York, 1960

Rama C. M., Cappelletti A.J. El Anarquismo en Am?rica Latina. Fundaci?n Biblioteca Ayacuch, 1990

Rancano M. R. Una discusion sobre el tama?o del ejercito mexicano 1876-1930 // Estudios de histories moderna y contempor?nea de M?xico. Julio-diciembre 2006

Rasc?n A. D. La pol?tica de reforma agraria en Chihuahua, 1920-1924: sus efectos hasta 1940. M?xico, Plaza y Valdes, 2003

Rodríguez J. E. O'Vincent K. Myths, misdeeds, and misunderstandings: the roots of conflict in U.S.-Mexican relations. Rowman & Littlefield, 1997

Rodríguez M. Los tranviarios en los años veinte: sus luchas e incorporación al aparato estatal // Estudios de historia moderna y contemporánea de México. Volumen 8. Documento 100

Ruiz R. E. The Great Rebellion. México 1905-1924. New York, 1980

Ruiz R. E. Triumphs and Tragedy. A history of the Mexican people. New York, 1992

Sánchez Alonso A., Alonso González Casanova R. (coord). Las elecciones en México. Siglo veintiuno editores, 1985

Sánchez J. C. M. Reforma agraria: del latifundio al neoliberalismo. México, Plaza y Valdes, 2003

Sánchez E R La política económica de la Revolución Mexicana, 1911-1924. México, UNAM, 2006

Shafer R.J., Mabry D.J. Neighbors - México and the United States: Wetbacks and Oil. Chicago, Nelson-Hall, 1981

Sherman J. W. The Mexican right: the end of revolutionary reform, 1929-1940. Greenwood Publishing Group, 1997

Spencer D. The impossible Triangle. México, Soviet Russia and the United States in the 1920s. 1999

Stacy L. México and the United States. Marshall Cavendish, 2002

Tello C. Estado y desarrollo económico en: México 1920-2006. México, UNAM, 2007

The European Powers in the First World War: An Encyclopedia. Taylor & Francis, 1999

Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984

Valenzuela G. J. Campaña, rebelión y elecciones presidenciales de 1923 a 1924 en México // Estudios de Historia moderna y contemporánea de México. Volumen 23. Documento 23

Valenzuela G. J. La oposición menor a la candidatura presidencial de Calles // Estudios de historia moderna y contemporáneas de México. Volumen 9. Documento 112

Villafañe V.L. La formación del sistema político mexicano. Siglo XXI, 1999

Walker J. H. Immigrants at Home: Revolution, Nationalism and Anti-Chinese Sentiment in México

https://kb.osu.edu/.../Immigrants_at_Home_Revolution_Nationalism_and_Anti-Chinese_Sentiment_in_Mexico_1910-1935_Com

Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1970

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ РУССКИМ ФОНДОМ СОДЕЙСТВИЯ ОБРАЗОВАНИЮ И НАУКЕ

Более подробную информацию о наших книгах (аннотации, оглавления, отдельные главы) Вы можете найти на сайте: www.5and-e.ru

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ:

1. Назаренко А.В. «Древняя Русь и славяне». Из серии: Древнейшие государства Восточной Европы.

2. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Античные источники. Том I». Подосинов А.В. (составитель). Под редакцией Джаксон Т.Н., Коноваловой И.Г.

3. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Византийские источники. Том II». Бибиков М.В. (составитель). Под редакцией Джаксон Т.Н., Коноваловой И.Г.

4. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Восточные источники. Том III». Коновалова И.Г. (составитель). Под редакцией Джаксон Т.Н., Коноваловой И.Г.

5. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Западноевропейские источники.

Том IV». Составитель А.В. Назаренко. Под редакцией Джаксон Т.Н., Коноваловой И.Г.

6. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Древнескандинавские источники.

Том V». Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н., Мельникова Е.А.

7. Столярова Л.В., Каштанов С.М.: «Книга в Древней Руси (XI—XVI вв.)»

8. «Древнейшие государства Восточной Европы. Пространство и время в средневековых текстах».

Ответственный редактор Глазырина Г.В.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ТЕХНИКИ:

9. Котельников В.Р.: «Отечественные авиационные поршневые моторы 1910—2009»

10. Степанов А.С.: «Развитие Советской Авиации в Предвоенный Период (1938 — первая половина 1941 года)»

ЭТНОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА:

11. Логинов К.К.: «Обряды, обычаи и конфликты традиционного жизненного цикла русских Водлозерья»
АНТИЧНОСТЬ И ВИЗАНТИНИСТИКА:

12. Люттвак Эдвард Н. «Стратегия Византийской империи». Edward N. Luttwak: "The Grand Strategy of the Byzantine Empire". Перевод с английского А.Н. Коваль.

13. Позднее М.М. «Психология искусства. Учение Аристотеля»

14. Суриков И.Е.: «Аристократия и демос: политическая элита архаических и классических Афин»

15. Суриков И.Е.: «Античный полис»

16. «Gaudeamus Igitur: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова». Под редакцией Джаксон Т.Н., Коноваловой И.Г., Цецхаладзе Г.Р.

17. Ревзин Григорий: «Путешествие в Античность»

18. Смышляев А.Л.: «История Древнего Рима от Ромула до Гракхов», учебное пособие.

19. Виноградов А.Ю. «Миновала уже зима языческого безумия. Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпитафий».

20. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск №1.

21. Файер В.В. Александрийская филология и гомеровский гекзаметр.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ:

22. Антонец Е.В.: «Введение в Римскую Палеографию»

23. «Вопросы эпитафий. Выпуск 1». Под редакцией Авдеева А.Г.

24. «Вопросы эпитафий. Выпуск 2». Под редакцией Авдеева А.Г.

25. «Вопросы эпитафий. Выпуск 3». Ответственный редактор Авдеев А.Г.

26. «Вопросы эпитафий. Выпуск 4», сборник статей, ответственный редактор Авдеев А.Г.

БЕЗ СЕРИИ:

27. Евсеева Л.М., Лидов А.М., Чугреева Н.Н.: «Спас Нерукотворный в русской иконе».

28. Ахмед Рашид: «Талибан». Перевод с английского Поваляев М.В.

29. В.В. Библихин. «Слово и событие. Писатель и литература». Собрание сочинений. Том I.

30. А.М. Фомин. «Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство», 1918-1923»

31. Юлиана Нориджская. Откровения Божественной Любви / Пер., вступ. ст., примеч., подгот. среднеангл. текста Ю. Дресвиной. *Juliana of Norwich. Revelations of Divine love / Edition, introduction, translation and commentaries by Juliana Dresvina.*

32. Исэров А. А. США и борьба Латинской Америки за независимость, 1815—1830 гг.

33. Седакова О.А. «Четырехтомное издание избранных произведений: Стихи (1-й том)»

34. Седакова О.А. «Четырехтомное издание избранных произведений: Переводы (2-й том)»

35. Седакова О.А. «Четырехтомное издание избранных произведений: Poetica (3-й том)»

36. Седакова О.А. «Четырехтомное издание избранных произведений: Moralia (4-й том)»

КНИГИ, ПЛАНИРУЮЩИЕСЯ К ИЗДАНИЮ В 2011 ГОДУ

(книги, уже готовые к изданию или находящиеся на стадии редактуры и верстки):

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Каштанов С.М.: «Исследование о молдавской грамоте XV века»

2. Мереминский С.Г.: «История Англии. Генрих Хантингдонский»

3. Баранова С.И.: Керамическая «летопись» колокольни храма Святых Адриана и Наталии (Святых Апостолов Петра и Павла) в Москве.

4. «Каталог нательных крестов, обнаруженных в ходе археологических исследований в Москве в 1989—2009 гг.». Под руководством Главного археолога города Москвы, академика РАН и ААН, профессора Александра Григорьевича Векслера.

5. Каталог «Скандинавские древности на территории Руси. VIII—XIII вв.». Руководители проекта: д.и.н. Мельникова Е.А., д.и.н. Петрухин В.Л., к.и.н. Пушкина Т.А., д-р И. Янссон.

6. Аржанов Ю.Н. «Сирийские ветхозаветные псевдоэпитафий»

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ:

7.СтоляроваЛ.В.: «Детектив 16-го века: расследование причин смерти царевича Дмитрия на базе сохранившихся исторических источников»

8.В.А. Ткаченко «Некрополь Свято-Троицкой Сергиевой лавры концаXIV — начала XXI в.»

9.Евсеева Л.М.: «Аналойные иконы в Византии и Древней Руси. Образ и литургия»

10.«Древнейшие государства на территории Восточной Европы». Ежегодный сборник статей, за 2008 год — посвящен юбилею Пашуты. Ответственный редактор Мельникова Е.А., Институт Всеобщей Истории.

11.Монография: « Древняя Русь в свете зарубежных источников». Под редакцией Т.Н. Джаксон», И.Г. Коноваловой, Е.А. Мельниковой, А.В. Подосинова, Г.В. Глазыриной. Данная монография издается в комплекте с пятитомником одноименной хрестоматии:

«Античные источники», «Византийские источники», «Древнескандинавские источники», «Восточные источники», «Западноевропейские источники».

ЭТНОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА:

12.Криничная Н.А.: «Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины, поверья Карелии и сопредельных областей»

13.Лобанова Н.В., В.Ф. Филатова: «Археологические памятники в районе Онежских петроглифов»

14.Лобанова Н.В.: «Петроглифы Онежского озера»

15.Кривошапова Ю.А.: «Русская народная энтомология: этнолингвистический аспект» **ЕВРОПЕЙСКАЯ МЕДИЕВИСТИКА:**

16.Мереминский С.Г.: «Формирование традиции: английское историописание вторая половина 11 - первая половина 12 веков»

17.Виноградов П.Г.: «Средневековое поместье в Англии». Подготовка книги к переизданию, комментарии и вступительная статья Гладков А.К.

18.Виноградов П.Г.: «Римское право в средневековой Европе». Подготовка книги к переизданию, комментарии и вступительная статья Гладков А.К.

19.Виноградов П.Г.: «Исследования по социальной истории Англии в Средние века». Подготовка книги к переизданию, комментарии и вступительная статья Гладков А.К.

20.Виноградов П.Г.: «Исследование по истории феодального строя Лангобардской Италии». Подготовка книги к переизданию, комментарии и вступительная статья Гладков А.К.

21.Гимон Т.В.: «Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование»

22.Перевод книги: «Stender-Petersen A. Die Var?gersage ais Quelle der altrussischen Chronik. Aarhus, 1934”.

Редактура и подготовка вступительной статьи Е.А. Мельникова

23.Перевод книги: «Goetz L.K. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. L?beck, 1922.» Редактура и подготовка вступительной статьи Е.А. Мельникова

ИСТОРИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ:

24.Платошкин Н.Н. Трехтомное издание книги: «История Мексиканской революции»:

1-й том: «Предпосылки и ход революции: 1910—1917 года»;

25.Платошкин Н.Н. Трехтомное издание книги: «История Мексиканской революции»:

2-й том: «Революция у власти: 1917—1928 года»;

26.Платошкин Н.Н. Трехтомное издание книги: «История Мексиканской революции»:

3-й том: «Коренные реформы: 1928—1940 года».

27.Платошкин Н.Н.: «Чили: кризисы 1964—1973 годов. Влияние США»

28.Платошкин Н.Н.: «Интервенция США в Доминиканской республике 1965 года»

АНТИЧНОСТЬ И ВИЗАНТИНИСТИКА:

29.Домановский А.Н.: «Государственный контроль и регулирование торговли в Византии IV—IX вв.»

30.Сорочан С.Б.: «Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и культуры»

31.Гай Юлий Цезарь (книга 1): «Записки о войне с галлами». Введение и комментарии Соболевский С.И.

32.Гай Юлий Цезарь (книга 2): «Записки о войне с галлами». Введение и комментарии Соболевский С.И.

33.Лидов А.М.: «Росписи Ахталы»

34.Суриков И.Е.: «Античная Греция: политика в контексте эпохи. Година междоусобиц»

35.«Латинские Панегирики — XII — PANEGYRICILATINI». Перевод с латинского языка, статья, комментарии и приложение И.Ю. Шабага.

36.Помпоний Мела, «Описание Земли». Перевод с латыни, комментарии и подготовка текста — коллектив авторов под редакцией А.В. Подосинова.

ИСТОРИЯ 20-ГО ВЕКА:

37.«Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений» (отв. ред. Н.И. Егорова).

38.«Сборник статей в честь Виктора Леонидовича Малькова». (Отв. ред. Н.И. Егорова).

39.Куликов В.П.: «История Русского Военного Воздушного Флота 1885—1917»

40.Сборник статей по материалам семинара «Холодная война». Составитель Степанов А.С.

МЕТОДОЛОГИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК, ГЕОПОЛИТИКА И ГЕОЭКОНОМИКА И ДР.:

41.Люттвак Э. «Стратегия: логика войны и мира». Перевод с английского: Edward N. Luttwak “The Strategy: Logic of War and Peace”

42.Люттвак Э. «Политические перевороты: практическое пособие»: Edward N. Luttwak “Coups d’Etat: Practical Handbook”

43.Рахаев Д.Я.: «Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века»

УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ:

44.Рязановский А.Р.: Пособие по математике для поступающих в «математические вузы»: « 500 способов и методов решения задач по математике»

45.Абрамсон Я.И.: «Учебное пособие по математике для учащихся начальных классов»

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ БИБИХИНА В.В.:

46.Бибихин В.В.: «Введение в философию права». Том II.

47.Бибихин В.В.: «Новый Ренессанс». Том III.

КНИГИ НАШЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВА МОЖНО ПРИОБРЕСТИ В МАГАЗИНАХ:

В офисе нашего издательства (Москва, ул. Малая Пироговская, дом 13). Тел: +7 (495) 708-34-90, +7 (499) 766-46-19

1.Интернет-магазины:

www.bibliion.ruwww.urss.ru

2.Книжные магазины:

РОССИЯ

Москва

- «Книжная галерея «НИНА»» (м. «Павелецкая», ул. Бахрушина, д. 28).www.kniginina.ru.
- «ФАЛАНСТЕР» (м. «Пушкинская», Малый Гнезниковский пер., д. 12).www.falanster.ru.
- «ГНОЗИС» (м. «Парк Культуры», Зубовский пр., д. 2; 1-й гуманитарный корпус МГУ).
- «АКАДЕМКНИГА» (м. «Академическая», ул. Вавилова, д. 55/7).
- «АКАДЕМКНИГА» (м. «Цветной бульвар», Цветной бульвар, д. 21).
- «У КЕНТАВРА» (м. «Новослободская», ул. Чайнова, д. 15: здание РГГУ).
- РОССПЭН: «Книжный киоск РОССПЭН» (ул. Дм.Ульянова, д. 19. м. «Академическая»).
- РОССПЭН: «Книжный киоск в библиотеке ИНИОН» (Нахимовский проспект 51/21, здание ИНИОН, 2-й этаж. [м. Профсоюзная]).

- «ГИЛЕЯ». (123104, Москва, Тверской бульвар, д. 9).

Тел: +7-495-925-81-66.<http://gileia.org/contacts>

Санкт-Петербург

- «КНИЖНЫЙ ОКОП» (Тучков пер., д. 11/5, лит. А, пом. 15-Н., Васильевский Остров).
- «ИСТОРИЧЕСКАЯ КНИГА» (ул. Чайковского, д. 55)www.aletheia.sph.ru.
- «ДМИТРИЙ БУЛАНИН» (ул. Петрозаводская, д. 9: рядом со зданием исторического института)www.dhulanin.ru
- «АКАДЕМКНИГА». (Литейный проспект, дом 57). Тел.: 272-36-65.
- «АКАДЕМКНИГА», (ул. Петрозаводская, д. 7 б). Тел.: 235-40-64.
- «АКАДЕМКНИГА». (Менделеевская линия, д. 1. Васильевский Остров). Тел.: 328-38-12.

- «АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА». (Васильевский Остров, 6-я линия, д. 11).
- «ПОРЯДОК СЛОВ». (Набережная реки Фонтанка, д. 15). www.wordorder.ru

Великий Новгород

- «НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО» (ул.

Студенческая, Парковая: здание Гуманитарного института, книжный киоск).

Ярославль

- «КНИЖНАЯ ЛАВКА ГУМАНИТАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

(ул. Свердлова, д. 9: бывший кинотеатр «АРС»).

Республика Карелия

- «ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ».

(г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33: книжный киоск).

Вологда

- «ДЕЛОВАЯ КНИГА» (г. Вологда, ул. Предтеченская д. 31).

Тел: +7,8-8172-72-61-28, d.book@visp.ru

Красноярск

- «АКАДЕМКНИГА» (66049, Красноярск, ул. Сурикова, дом 45). Тел: 8 (391) 227-03-90. Томск

- «АКАДЕМКНИГА» (634050, Томск, Набережная реки Ушайки, дом 18 а).

Тел: 8 (3822) 51-60-36.

- «ПОЗИТИВ» (634050, Томск, Проспект Ленина, дом 24 а). Тел: 8 (3822) 53-40-74. Новосибирск

- «АКАДЕМКНИГА» (г. Новосибирск, Красный проспект, 51). Тел: +7 (383) 2211560.

- «АКАДЕМКНИГА» (630090 Новосибирск, Морской проспект, 22).

Тел. +7 (3832) 35-09-22.

- Официальный представитель в Украине Филюк Олег Васильевич: тел. CDMA: +38 (044) 221-97-44, GSM: +38 (063) 487-27-84.

E-mail: Helgll@yandex.ru; RUSfondUKR@yandex.ua

Киев

- «БУКИНИСТ-ЦЕНТР» (ул. Лютеранская, д. 4: рядом с Крещатикум).

Тел: +380-44-279-57-31.

- «АКАДЕМКНИГА» (01030, ул. Богдана Хмельницкого, д. 42, тел.: +380-44-234-51-42. . «АКАДЕМКНИГА №7» (01025, ул. Сретенская, 17, тел.: +380-272-34-72,272-35-82).

- «МОГИЛЯНСЬКА КНИГАРНЯ» (центральный вход: 04070, пл. Контрактова, д. 4, тел: +380-44-581-52-23, E-mail: mogilyanka@bigmir.net)

- Интернет-магазин www.artlover.com.ua, E-mail: info@artlover.com.ua

- «ЗНАНИЯ» (01001, ул.Крещатик,д. 44. Тел.: +380-279-10-45,234-22-91).

- «НАУКОВА ДУМКА» (01001, ул. Грушевского, 4). Тел.: +380-278-06-96, 279-12-01).

- «Киевский национальный университет им . Шевченко» (книжный магазин в корпусе Института филологии: 01030, бульвар Шевченка, д. 14).

- «Киевский национальный университет им . Шевченко» (книжный магазин в главном корпусе): 01034, ул. Владимирская, д. 60.

- «Киевский национальный университет им . Шевченко» (книжный магазин в корпусе Института международных отношений): 04119, ул. Мельникова, д. 36/1.

Харьков

- «УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КНИГА» (площадь Свободы, 4: книжный магазин в главном корпусе Харьковского Национального Университета им. Каразина). Тел.: +380-44-456-84-63.

- «ЛИТЕРА НОВА» («Litera Nova») (ст. м. Советская, ул. Квитки-Основьяненко 4/6: рядом с Органным залом). Тел.: (057) 731-40-59, 719-52-40; www.iap.kharkov.ua, <http://litera-book.com.ua/>

- ДОМ КНИГИ «Books» (ул. Сумская, 21). Тел. +38-057-714-04-71.

- АВИАНИКА (61022, г. Харьков, ул. Сумская, 51).

Тернополь

- «ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ» (ул. Руська, 19). Тел. +38-0352-43-10-21.

Винница

- «КОБЗАРЬ» (ул. Привокзальная, 2/1). Тел. +38-043-261-77-44.

ГЕРМАНИЯ

Франкфурт-на-Майне

- “KNIZHNIK Internationale Buchhandlung” (Inhaber Dmitrij Anzupow. Verkehrsnummer 29582. Danziger Platz 2-4, 60314, Frankfurt am Main, +49(0) 69 40 80 78 70)www.knizhnik.de/ru

При оптовых закупках возможны скидки, с вопросами обращайтесь к директору издательства Андрею Гореvu:andrey.gorev@bk.ruили к заместителю директора

Любови Гореvой:L.izdat@bk.ru

Научное издание

Платошкин Николай Николаевич

История Мексиканской революции. Выбор пути 1917-1928 гг.

Том 2

Печатается по решению Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

Дизайн обложки Е. А. Горева Макет и верстка И. Р Яворский

Подписано в печать 20.04.11. формат 70.1001/16. Бумага офсетная. Гарнитура Garamond. Печать офсетная.

Тираж 2000 экз. Заказ № 3232

Русский Фонд Содействия Образованию и Науке.

119433,Москва, Малая Пироговская, 13.www.s-and-e.ru

Типография «Наука»

121099,Москва, Шубинский пер., д. 6 [Картинка: image67.jpg]

1

Цит по: Альперович М. С., Руденко Б. Т, Мексиканская революция 1910-1917 гг. и политика США. М.,1958. С.285

2

Биографию Каррансы см. Krause. E. M?xico. Biography of Power. History of modern M?xico 1810-1996. New York. 1997

3

Одновременно Карранса старался «прикормить» высший генералитет, резко увеличив денежное довольствие военнослужащих. Военный бюджет при Каррансе был примерно в 10 раз больше, чем в последние годы диктатуры Порфирио Диаса.

4

McLynn F. Villa and Zapata. A history of the Mexican Revolution. New York, 2000. P. 347-349

5

KothK. Waking the dictator.Veracruz, the struggle for Federalism and the Mexican Rev-olution 1870-1927. University of Calgary Press, 2002. P. 220

6

Биографию Обрегона (вплоть до занятия им поста президента) см. в Hall L. B. Alvaro Obregon. Power and Revolution in M?xico 1910-1920. College Station, 1981

7

Womack J. The Mexican Revolution // M?xico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P. 178

8

CumberlandC. C. Mexican Revolution. The Constitutionalist years. Austin, 1972. P.363

9

Кандидо Агилар родился в штате Веракрус 23 февраля 1889 года и до революции 1910-1911 года работал на ранчо своего отца. Принял участие в вооруженной борьбе против Порфирио Диаса и получил от президента Мадеро офицерское звание, но не армейское, а в ополчении, что было ниже по статусу. Агилар участвовал также в вооруженных операциях против частей Паскуаля Ороско, Феликса Диаса и Эмилиано Сапаты. В 1914-1916 годах был губернатором Веракруса, с марта по ноябрь 1916 года и с февраля по ноябрь 1918-го -

министром иностранных дел в федеральном правительстве. Также был первым вице-президентом конституционного Конвента в Керетаро.

10

Биографию Кальеса см. Krause E. Plutarco E. Calles. Reformar desde Origen. M?xico, 1987.

11

Womack J. The Mexican Revolution // M?xico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P.

178

12

Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 178-190

13

ToBIer H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 33 6

14

Первоначально англичанам удалось дешифровать следующий текст: «Гриф Совершенно секретно. Начало неограниченной подводной войны намечено на 1 февраля 1917 тчк Тем не менее, надеемся удержать Америку нейтральной тчк Если это не...то мы сделаем (Мексике?) следующее предложение о союзе..ведение войны... мирный договор... Вы... президенту... сообщить в совершенной тайне...(Начало?) войны с Соединенными Штатами... (Япония)...должна посредничать тчк Пожалуйста разъясните президенту, что.... подводные лодки... заставят Англию в течение нескольких месяцев заключить мирный договор тчк Подтвердите получение». Криптографы британской разведки вычислили, что цифры 67893 в телеграмме означают слово «Мексика». Посольство Германии в США передало телеграмму в дипмиссию в Мехико с помощью другого кода, уже известного англичанам, и те смогли наконец полностью прочитать текст.

15

Haley P. E. Revolution and Intervention: The Diplomacy of Taft and Wilson with M?xico, 1910-1917. The Massachusetts Institute of Technology, 1970. P. 250-251

16

Haley P. E. Revolution and Intervention: The Diplomacy of Taft and Wilson with M?xico, 1910-1917. The Massachusetts Institute of Technology, 1970. P. 251

17

Haley P. E. Revolution and Intervention: The Diplomacy of Taft and Wilson with M?xico, 1910-1917. The Massachusetts Institute of Technology, 1970. P. 255

18

Shafer R. J., MaBry D. J. Neighbors - M?xico and the United States: Wetbacks and Oil. Chicago, Nelson-Hall, 1981. P. 28 -31

19

ToBIer H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 338

20

Womack J. The Mexican Revolution // M?xico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P.

181

21

Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1968. R 253

22

Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1968. P. 288

23

Katz E The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 601

24

Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 628

25

Machado M. Centaur of the North. Fransisco Villa, the Mexican Revolution and Northern M?xico. Austin, 1988. P.

153

26

Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 630
27

Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 634
28

Katz E The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 634
29

KatzE, The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 638
30

McLynn R Villa and Zapata. A history of the Mexican Revolution. New York, 2000. P. 373.
31

McLynnE Villa and Zapata. A history of the Mexican Revolution. New York, 2000. P. 374
32

Katz E The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 649
33

Meyer M., Sherman W. The Course of Mexican History. New York, 1987. P. 545
34

Вот одна из дискуссий на эту тему:<http://www.mexconnect.com/en/articles/1853-pancho-villa-as-a-german-agent>
35

ToBler H. W. Die Mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 222
36

Затем, по данным секретной службы Министерства финансов США, Зоммер-фельд передал деньги американской фирме «Вестерн Картридж Компани», которая неоднократно поставляла Вилье оружие. Зоммерфельд на допросе утверждал, что после признания правительством США Каррансы прервал все связи с Вильей.

37

Подробнее о внутренней политике Уэрты см. Meyer M. Huerta. A political Portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 156-178

38

Meyer M., Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 229. При хирургической операции по удалению избыточной жидкости из пищеварительного тракта американский врач Шустер обнаружил цирроз печени, но лечить его не стал. Примерно через неделю после операции Уэрта пошел на поправку, а затем его здоровье быстро ухудшилось, и он скончался.

39

Подробнее об американской интервенции в Мексику в 1914-1916 годах см. Eisenhower J. Intervention!: The United States and the Mexican Revolution, 1913-1917. New York, 1993

40

Экспроприированные земли сначала передавались сельским общинам, которые были обязаны разделить их на участки для передачи в собственность отдельным крестьянам. Каждый житель деревни мог претендовать на участок, выплачивая сразу 10% его стоимости и еще 90% равными частями в течение 9 лет под 5% годовых.

41

CumberlandC. C. Mexican Revolution. The Constitutionalist years. Austin, 1972. P. 375

42

CumberlandC. C. Mexican Revolution. The Constitutionalist years. Austin, 1972. P. 377-378

43

CumberlandC. C. Mexican Revolution. The Constitutionalist years. Austin, 1972. P. 380

44

Национальная аграрная комиссия официально приступила к распределению земель, издав 19 января 1917 года циркуляр о претворении в жизнь декрета 1915 года.

45

Компенсацию за помещичью землю Национальная аграрная комиссия ввела в 1919 году своим циркуляром №

34. От компенсации освобождались только те крестьяне, которые могли доказать, что помещики ранее несправедливо отобрали у них землю.

46

Ruiz R.E. The Great Rebellion. M?xico 1905-1924. New York, 1980. P. 309-310

47

Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 344

48

Hart J.M. Revolutionary M?xico: The coming and process of the Mexican revolution. Berkeley, University of California Press, 1989. P. 304

49

Очерки новой и новейшей истории Мексики. М.,1960. С. 319

50

Ruiz R.E. The Great Rebellion. M?xico 1905-1924. New York, 1980. P. 293-294

51

Ruiz R. E. The Great Rebellion. M?xico 1905-1924. New York, 1980. P. 293

52

Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 342

53

В феврале 1917 года Моронес вместе с группой сторонников провозгласил учреждение Социалистической рабочей партии. Тем самым он решительно выступил против анархо-синдикалистов в мексиканском рабочем движении, которые считали, что пролетариату партия вообще не нужна - достаточно действовать через профсоюзы.

54

Цит. по: Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917-1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 33

55

Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917-1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 36

56

Ruiz R.E. The Great Rebellion. M?xico 1905-1924. New York, 1980. P. 294

57

Hall L.B. Alvaro Obregon. Power and Revolution in M?xico, 1911-1920. College Station, 1981. P. 185

58

Hall L. B. Alvaro Obregon. Power and Revolution in M?xico, 1911-1920. College Station, 1981. P. 188

59

В целом Карранса был не столь уж и далек от истины: Обрегон направил в Мехико своих главных доверенных лиц, генералов-сонорцев Кальеса и Хилла, которые исподволь превращали Либерально-конституционалистскую партию в партию Обрегона. Показательно, что офис партии находился в резиденции Хилла.

60

Hall L.B. Alvaro Obregon: Power and Revolution in M?xico, 1911-1920. College Station, 1981. P. 193

61

На первом, неофициальном этапе президентской гонки в 1918-1919 годах Карранса взвешивал кандидатуры генералов Агилара и Цезарео Кастро, но не хотел открыто провозглашать свой выбор, чтобы не оттолкнуть раньше времени других претендентов, прежде всего Пабло Гонсалеса. Последний, командуя действовавшими против Сапаты войсками в штатах Морелос и Герреро, а также в столичном федеральном округе, мог вполне решиться и на военный переворот.

62

Hall L.B. Alvaro Obregon. Power and Revolution in M?xico, 1911-1920. College Station, 1981. P. 194-195

63

WomackJ. The Mexican Revolution // M?xico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P.

185

64

Gilly A. The Mexican Revolution. New York, 2005. P. 282-284

65

Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1968. P. 317

66

Womack J. The Mexican Revolution // Mexico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P.

187

67

Womack J. The Mexican Revolution // Mexico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P.

187

68

Очерки новой и новейшей истории Мексики. М., 1960. С. 314

69

Matute A. El fantasma de la intervenci?n. Los Estados Unidos y Mexico en 1919 // Estudios de historia moderna y contempor?nea de Mexico. Volumen 16. Documento 208

70

Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1968. P. 323-326

71

Hall L.B. Alvaro Obregon Power and Revolution in Mexico, 1911-1920. College Station, 1981. P. 206-207

72

Интересно, что примерно в это же время влиятельная американская газета «Нью-Йорк Херальд» прокомментировала назначение Кабреры министром финансов Мексики, написав, что он является врагом США, а его идеи связаны с большевистскими. Примечательно, что Обрегона американские газеты не критиковали.

73

Hall L.B. Alvaro Obregon. Power and Revolution in Mexico, 1911-1920. College Station, 1981. P. 207

74

Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 351

75

Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 686

76

Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 688

77

McLynn F. Villa and Zapata. A History of the Mexican Revolution. New York, 2000. P. 375

78

McLynn F. Villa and Zapata. A History of the Mexican Revolution. New York, 2000. P. 375

79

Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 700

80

Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press. 1998. P. 704

81

Клан Эрреры в 1923 году будет использован правительством Мексики для убийства самого Вильи.

82

Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 706

83

McLynn F. Villa and Zapata. A History of the Mexican Revolution. New York, 2000. P. 377

84

Coerver D., Hall L. B. Tangled Destinies. Latin America and United States. UNM Press, 1999. P. 48

85

Правительственные войска действительно специально стреляли по Эль-Пасо, чтобы спровоцировать интервенцию американцев.

86

Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 707

87

Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. .P. 712

88

Hall L.B. Alvaro Obregon. Power and Revolution in M?xico, 1911-1920. College Station, 1981. P. 221-222

89

Hall L.B. Alvaro Obregon. Power and Revolution in M?xico, 1911-1920. College Station, 1981. P. 216.

90

ToБler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 351.

91

Hall L. B. Alvaro Obregon. Power and Revolution in M?xico, 1911-1920. College Station, 1981. P. 221.

92

Летом 1919 года Вильсон был тяжело болен (страдавшего гипертонией президента хватил удар), и его госсекретарь Лансинг, настроенный гораздо жестче по отношению к Мексике, старался де-факто подменять президента, на что не имел полномочий по конституции. Лансинг даже стал проводить заседания кабинета министров. Он был первым из министров, кто предложил, чтобы вице-президент Маршалл официально принял на себя обязанности президента. Несколько оправившийся от болезни Вильсон потребовал от Лансинга уйти в отставку. Племянником Лансингу, кстати, приходился Джон Фостер Даллес, ставший госсекретарем в 50-е годы.

93

Сам Флетчер тоже был весьма характерным для того времени американским дипломатом в Латинской Америке. Он прославился как один из бойцов «диких рейнджеров» отряда Теодора Рузвельта (будущего президента США) во время американо-испанской войны 1898 года, когда США оккупировали Кубу. В 1934-1936 годах Флетчер был председателем Национального комитета республиканской партии США и ярким противником «нового курса» другого президента по фамилии Рузвельт - Франклина Делано.

94

Matute A.. El fantasma de la intervenci?n. Los Estados Unidos y M?xico en 1919 // Estudios de historia moderna y contempor?nea de M?xico. Volumen 16. Documento 208.

95

Womack J. The Mexican Revolution // M?xico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P. 189.

96

Примечательно, что кроме Мексики Сенат США в то время расследовал события только в «красной» России.

97

Coerver D.. Hall L.B. Tangled Destinies. Latin America and United States. UNM Press, 1999. P. 48.

98

Matute A. El fantasma de la intervenci?n. Los Estados Unidos y M?xico en 1919 // Estudios de historia moderna y contempor?nea de M?xico. Volumen 16. Documento 208.

99

Womack J. The Mexican Revolution // M?xico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P. 190

100

Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1969. P. 335

101

Womack J. The Mexican Revolution // M?xico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P. 190

102

The New York Times. October 24,1919

103

Matute A. El fantasma de la intervenci?n. Los Estados Unidos y M?xico en 1919 // Estudios de historia moderna y contempor?nea de M?xico. Volumen 16. Documento 208

104

The New Yor Times. October 19.1919

105

The New Yor Times. December 24.1919

106

Дженкинс сам организовал свое похищение, воспользовавшись услугами местного бандита-пеласиста Федерико Кордовы. Американскому консулу методистской церковью было доверено управление имуществом, которое Дженкинс противоправно использовал для неудачных коммерческих операций. Чтобы погасить возникший долг, американский дипломат и планировал использовать «выкуп» за самого себя в размере 30 тысяч долларов. Выкуп заплатила фирма Дженкинса. Похоже, американец похищал себя не первый раз - некогда его тоже схватили неизвестные бандиты и выпустили за 50 тысяч песо (25 тысяч долларов). «Похитивший» консула полевой командир Кордова даже написал в столичные мексиканские газеты и лично Саммерли, что слухи о его дружбе с Дженкинсом не соответствуют действительности и похищение было реальным, совершенным по политическим мотивам в целях борьбы с Каррансой.

107

Forrest W. Behind the front page. Read books, 2008. P. 234

108

На то, что вся история с Дженкинсом была срежиссирована в Вашингтоне, указывает и следующее обстоятельство: Дженкинс почему-то отказался просить мексиканского судью освободить его под залог.

109

Matute A. El fantasma de la intervenci?n. Los Estados Unidos y M?xico en 1919 // Estudios de historia moderna y contempor?nea de M?xico. Volumen 16. Documento 208

110

DeGregorio W. The Complete Book of US Presidents. New York, 2005. P. 427

111

New York Times. December 12, 1919.Кстати, солдат был немедленно арестован мексиканскими властями.

112

Американские нефтяные компании в специальном меморандуме госсекретарю Лансингу сообщали, что мексиканская армия с 12 ноября 1919 года прекратила добычу нефти на тех месторождениях, которые не были оформлены в соответствии с новой Конституцией.

113

Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1969. P. 349

114

Womack J. The Mexican Revolution // M?xico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P.

190

115

Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1969. P. 353

116

ToBler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 352

117

Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 715

118

Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 720

119

Hall L. B. Alvaro Obregon. Power and Revolution in M?xico, 1911-1920. College Station, 1981. P. 225

120

- Womack J. The Mexican Revolution // Mexico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P. 191
- 121
Womack J. The Mexican Revolution // Mexico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P. 191
- 122
Hall L.B. Alvaro Obregon. Power and Revolution in Mexico, 1911-1920. College Station, 1981. P. 229
- 123
Гонсалеса поддержал вернувшийся из Европы генерал Тревиньо.
- 124
Hall L.B. Alvaro Obregon. Power and Revolution in Mexico, 1911-1920. College Station, 1981. P. 230
- 125
Уже прибыв в штат Синалоа, бывший рабочий Дьегес поменял предлог для военной интервенции - теперь правительственные войска якобы намеревались силой подавить забастовку железнодорожников компании «Юнион Пасифик».
- 126
Foreign Relations of the United States (FRUS), 1920. Volume III. R 130
- 127
Foreign Relations of the United States (FRUS), 1920. Volume III. R 132
- 128
Womack J. The Mexican Revolution // Mexico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P. 193
- 129
Foreign Relations of the United States (FRUS), 1920. Volume III. P. 133. 8апреля госдепартамент ответил, что пока не видит необходимости в посылке кораблей, однако консула просили немедленно сообщать о любом неблагоприятном развитии ситуации. 10 апреля консул информировал, что, несмотря на открытый конфликт между Сонорой и федеральным центром, американцы в штате спокойны. Тем не менее один корабль ВМС США надо держать наготове для «чрезвычайных обстоятельств».
- 130
Foreign Relations of the United States (FRUS), 1920. Volume III. R 129
- 131
Womack J. The Mexican Revolution // Mexico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P. 193
- 132
Foreign Relations of the United States (FRUS), 1920. Volume III. R 136-137
- 133
Хиллу грозили арестом за то, что, будучи генералом, он активно занимается политикой. Законодательством Мексики это, как мы помним, запрещалось.
- 134
Госдепартамент ответил 28 апреля, что боевой корабль ВМС США «Сакраменто» находится в Тампико и может быть «немедленно» переброшен в Веракрус. Однако консул уже требовал постоянного присутствия флота США в Веракрусе, а не краткого визита устрашения из Тампико. Причем для подкрепления своей алармистской точки зрения консул Фостер ссылался на просьбу своего британского коллеги в Веракрусе. А консул в Тампико Доусон, в свою очередь, требовал усиления американского военного присутствия в Тампико. 3 мая 1920 года госдепартамент сообщил о готовящемся прибытии в Тампико и Веракрус шести эсминцев и одного крупного боевого корабля.
- 135
Womack J. The Mexican Revolution // Mexico since Independence, London, Cambridge University Press, 1991. P. 193
- 136

Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 355

137

Womack J. The Mexican Revolution // Mexico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P.

195

138

Американская дипмиссия сообщала, что в городе все спокойно.

139

Стреляли в Каррансу, видимо, несколько человек, и Маркес лишь добил президента. У него были личные мотивы - в борьбе с войсками Каррансы погибли его братья.

140

Карранса обращался к одному из своих самых верных соратников, бывшему министру внутренних дел Берланге, вместе с которым он попал в засаду.

141

Существует и версия самоубийства Каррансы. Она основана на том, что при вскрытии в теле президента было обнаружено 5 пуль от револьвера «кольт» 45-го калибра. Такой же пистолет в день смерти был и у Каррансы, и в нем было пять пустых гильз. Однако вряд ли самоубийца мог выпустить в себя пять пуль. Револьвер был сдан Эррерой Обрегону, который заплатил за него премию в 500 песо. Версию самоубийства запустил не кто иной, как сам Эррера. Якобы Карранса был ранен в перестрелке и покончил с собой выстрелом в грудь. Эррера даже предъявил письмо, составленное Берлангой и подписанное всеми членами группы сопровождения Каррансы. Но не приходится сомневаться, что письмо это было написано под дулом пистолета самого Эрреры или его солдат.

142

The New York Times. May 27.1920.

143

Американская миссия в Мехико специально интересовалась судьбой Бонильяса, что, по всей вероятности, и спасло жизнь бывшему кандидату в президенты.

144

Foreign Relations of the United States (FRUS), 1920. Volume III. P. 154

145

О политической деятельности де ла Уэртты в 20-е годы см. Castro R, Castro Mart?nez P. F. Adolfo de la Huerta: la integridad como arma de la revoluci?n. Siglo XXI, 1998

146

Де лаУэртаумело использовал декрет Каррансы о конфискации собственности « врагов дела революции ». За время его губернаторства в Соноре земли лишился 91 крупный помещик. Причем были затронуты сливки помещичьей олигархии Соноры - семейства Торрес, Корраль-и-Исабаль. Экспроприация проводилась с выплатой компенсации.

147

CastroP., Castro Mart?nez P. F. Adolfo de la Huerta: la integridad como arma de la revoluci?n. Siglo XXI, 1998.

P46

148

Castro P, Castro Mart?nez P F. Adolfo de la Huerta: la integridad como arma de la revoluci?n. Siglo XXI, 1998. P.

44

149

WomackJ. The Mexican Revoluci?n // Mexico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P.

196

150

Foreign Relations of the United States (FRUS), 1920. Volume III. R 155

151

Wbmack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1969. R 365

152

Castro R, Castro Mart?nez P. F. Adolfo de la Huerta: la integridad como arma de la revoluci?n. Siglo XXI, 1998. P. 47

153
Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press,, 1998. P. 721

154
Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 721

155
Machado M. Centaur of the North. Fransisco Villa, the Mexican Revolution and Northern M?xico. Austin, 1988. P. 167

156
Лаврецкий И. Р. Панно Вилья. М.,1962. С. 227

157
Торрес проживал в американском городе Эль-Пасо и пользовался доверием Вильи, так как раньше оказывал партизанскому командиру различные услуги.

158
Вилья прискакал на встречу прямо с поля боя, в забрызганной кровью рубашке.

159
Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford Universiry Press, 1998. P. 724

160
Machado M. Centaur of the North. Fransisco Villa, the Mexican Revoluci?n and Northern M?xico. Austin, 1988. P.168

161
Foreign Relations of the United States (FRUS), 1920. Volume III. P. 158

162
KatzE The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 727

163
Womack J. The Mexican Revolution // M?xico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P. 197

164
Womack J., The Mexican Revolution // M?xico since Independence. London, 1991. P. 199

165
DeGregorio W. The Complete Book of US Presidents. New York, 2005. P. 443

166
Foreign Relations of the United States (FRUS), 1920. Volume III. R 155

167
The New York Times, July 19,1920.Именно Гуахардо, предательски убивший Сапату в апреле 1920 года, руководил нападением на поезд Каррансы в мае 1920-го. Захватив один из эшелонов президента, Гуахардо приказал убить более 80 женщин и детей. С тех пор в Мексике за ним закрепилась кличка Убийца.

168
The New York Time. August 17.1920

169
S?nchez F. R La pol?tica econ?mica de la Revoluci?n Mexicana, 1911-1924. M?xico, UNAM, 2006. R 286

170
Уже в декабре 1920 года по запросу мексиканских властей присяжные в техасском городе Сан-Антонио осудили Бланко и его соратников за подготовку заговора.

171
Stacy L. M?xico and the United States. Marshall Cavendish, 2002. P. 131

172
Не случайно, что когда США в 1914и 1916 годах вторгались в Мексику, Канту тоже объявлял «нейтралитет».

173

Foreign Relations of the United States (FRUS), 1920. Volume III. P. 157

174

На самом деле, как признавал консул США в Мехикали, пилоты выполняли разведывательные полеты, сообщая силам Канту данные о местонахождении правительственных войск.

175

Foreign Relations of the United States (FRUS), 1920. Volume III. P. 159

176

Castro P., Castro Mart?nez P. F. Adolfo de la Huerta: la integridad como arma de la revoluci?n. Siglo XXI, 1998. P. 54

177

CastroP., Castro Mart?nez P. F. Adolfo de la Huerta: la integridad como arma de la revoluci?n. Siglo XXI, 1998. P. 55

178

Castro P., Castro Mart?nez P. F. Adolfo de la Huerta: la integridad como arma de la revoluci?n. Siglo XXI, 1998. P. 57

179

Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917-1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 44

180

Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917-1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 47-48

181

<http://www.dipacademy.ru/news78a.shtml>

182

Сизоненко А. И. Непроторенными путями: первые советские дипломаты и ученые в Латинской Америке. М., 1988. С. 6

183

Карл Леонтьевич Бауэр, русский подданный, виноторговец, помимо Мексики, почетным консулом которой он был с 1908 года, представлял еще интересы Испании и Португалии

184

Живя в Америке, Бородин вступил в Социалистическую партию США и был выслан из страны как нежелательный иностранец.

185

Сизоненко А. И. Непроторенными путями: первые советские дипломаты и ученые в Латинской Америке. М., 1988. С. 6

186

Рой писал позднее, что Бородин вез в Мексику бриллианты для финансирования коммунистического движения. Согласно переписке Коминтерна с НКВД РСФСР в 1919 году ему было выделено «полмиллиона ценностей и пятьдесят тысяч в иностранной валюте». Но было бы странно, если бы любой дипломат ехал организовывать посольство или консульство без гроша в кармане. Тот же Рой, правда, писал, что в Мехико Бородин прибыл вообще без денег и сам он якобы финансировал русского эмиссара. Рой также утверждал, что Бородин должен был организовать в Мексике некие неприятности для США, чтобы не дать им вступить в полномасштабную войну против РСФСР. Но Роя трудно назвать беспристрастным свидетелем, так как позднее он стал активным антикоммунистом.

187

Roy S.M. N. Roy. A political biography. Orient Blackswan, 1997. P. 25

188

Интересно, что Карранса решительно не рекомендовал Рою по соображениям безопасности даже на короткий промежуток времени заезжать в США (главная железная дорога штата Сонора проходила через американскую территорию).

189

В 1924 году, уже будучи президентом Мексики, Кальес во время своего европейского турне навестил Роя в

Париже и сказал ему, что до сих пор имеет выданный им членский билет Социалистической партии.

190

Roy S.M. N. Roy. A pol?tica! biography. Orient Blackswan, 1997. P. 30

191

В 1919-1922 году Бородин работал в исполкоме Коминтерна, в частности, был в Турции советником Ататюрка. В 1922 году был арестован в Глазго и выслан из Великобритании. В 1923-1927 годах - главный политический советник при ЦИК Гоминдана в Китае. После возвращения в СССР был заместителем наркома труда, замдиректора ТАСС, а в 1934-1949 годах возглавлял Совинформбюро и англоязычную газету «Москоу Ньюс» («Moscow News»). В 1949 году был арестован по обвинению в космополитизме. Умер в заключении в 1951 году.

192

По другим сведениям, немцы уже в Мексике дали Рою 6500 долларов и 15 тысяч песо, на которые он должен был поднять восстание против англичан в Индии. Но когда Рой уже собирался отплыть в Йокагаму, пришли известия о поражении Германии в Первой мировой войне.

193

Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917-1929). М., Издательство МГУ, 1978. С.57

194

Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917-1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 57-58

195

Womack J. The Mexican Revolution // M?xico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P. 199

196

Домингес родился в 1876 году, был военным, затем изучал инженерное дело и архитектуру (в том числе в США). В 1910 году Мадеро назначил Домингеса командующим революционными силами в центре страны. В 1913 году Домингес примкнул к конституционалистам, и после взятия Мехико в 1914 году Карранса назначил его губернатором столичного округа. В 1918 году Сапата поручил Домингесу представлять интересы Освободительной армии Юга в столице. Если Домингес и был реакционером, но никак не более реакционным, чем сам Обрегон.

197

S?nchez Alonso A., Alonso J. Gonz?lez Casanova R. (coord) Las elecciones en M?xico. Siglo veintiuno editores, 1985. P. 79

198

Tello C. Estado y desarrollo econ?mico en M?xico 1920-2006. M?xico, UNAM, 2007. P. 34

199

The New York Times. March 27, 1921

200

В финансовом 1920 году американо-мексиканский товарооборот превысил 300 млн долларов США. В 1910 году эта цифра не превышала 115 млн, едва сократилась к 1915 году до 110 млн. а уже к 1917 году выросла до 197 млн. Американцы, по данным за 1919 год (тогда товарооборот составил 278 млн долларов, в том числе экспорт США -131 млн долларов), завозили из Мексики хенекен (на 40 млн долларов), нефть (20 млн), медь (20 млн), хлопок (10 млн), кофе (5,5 млн), свинец (5 млн). В Мексику из США шла металлопродукция (7 млн), хлопчатобумажная ткань из мексиканского же хлопка (6,5 млн), мука (5,6 млн), сахар (2,5 млн), автомобили (2,35 млн), обувь (2 млн) и т.д. Таким образом, Мексика была классическим поставщиком в США необработанного сырья. США забирали 90% всего мексиканского экспорта и обеспечивали 85% импорта Мексики. До революции на США приходилась только половина мексиканской внешней торговли.

201

Капитализм в Латинской Америке. М., 1983. С. 297

202

S?nchez F. P. La pol?tica econ?mica de la Revoluci?n Mexicana, 1911-1924. M?xico, UNAM, 2006. P. 300. Насколько неожиданным для правительства Обрегона было падение цен на нефть, свидетельствует то, что

расходы федерального правительства на 1922 год были запланированы на уровне 384 миллионов песо.

203

ToBIer W. H. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 380

204

В 1919 году в мексиканской армии были 227 генералов (в том числе 10 дивизионных - высший армейский чин), 2617 высших офицеров (майоров и полковников) и 12 493 средних и младших офицеров. После прихода сонорцев к власти в 1920 году генералов стало 500 (31 дивизионный), старших офицеров 3397, средних и младших - 14 818. В 1921 году на армию было истрчено 53% федерального бюджета, на социальные нужды - 5,9%, на развитие экономики - 16,9%.

205

ToBIer W. H. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 458

206

Loyo Camacho, M. B. Joaquin Amaro y el proceso de institucionalizaci3n del Ej3rcito Mexicano, 1917-1931. UNAM, 2003. P. 93

207

Есть сведения, что Бланко покончил жизнь самоубийством после перестрелки с подстерегавшими его людьми Амаро.

208

Например, 14 февраля 1922 года был в течение одного дня осужден и расстрелян за связь с генералом-эмигрантом Мургуей генерал Антонио Прунеда, командующий войсками в штате Чиуауа. Судью, который пытался вынести оправдательный приговор, просто оттолкнули в сторону солдаты яки. Прунеду «сдал» будущий министр обороны генерал Амаро, узнавший о заговоре. Мятежники пытались вовлечь в заговор Вилью, но тот арестовал прибывшего к нему эмиссара повстанцев и передал его федеральным властям.

209

Walker J. H. Immigrants at Home: Revolution, Nationalism and Anti-Chinese Sentiment in Mexico // https://kb.osu.edu/.../Immigrants_at_Home_Revolution_Nationalism_and_Anti-Chinese_Sentiment_in_Mexico 1910-1935 Com

210

Cumberland C. C. The Sonora Chinese and the Mexican Revolution // *The Hispanic American Historical Review*. Vol. 40. No. 2 (May, 1960). P. 191-211

211

Кальесу принадлежит авторство понятия «китайская проблема в Мексике».

212

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28. п. 191, дело 215, л. 47

213

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, референтура по Мексике, оп. 28, п. 191, дело 213. л. 7. Точный анализ Пестковского еще более удивляет, если учесть, что это письмо не знавший тогда испанского языка полпред написал замнаркома иностранных дел М. М. Литвинову меньше чем через месяц после прибытия в Мексику (23 ноября 1924 года).

214

Например, многолетний губернатор штата Табаско Томас Гарридо Канабаль давал животным на своей ферме клички Иисус, Мария, Папа.

215

Garrido L. J. El partido de la Revoluci3n institucionalizada. Siglo veintiuno editors. Mexico, 2005. P. 39. Такое требование прямо вытекало из статьи 60 Конституции 1917 года.

216

Национальная аграристская партия (Partido Nacional Agrarista) была создана сподвижниками Сапаты, прежде всего Диего Сото-и-Гамой и Аурелио Манрике при поддержке властей 13 июня 1920 года. Партия выступала за аграрную реформу и контролировала деятельность многих аграрных комиссий на местах. Многие местные

организации партии («аграристы») были, как уже упоминалось выше, вооружены правительством.

217

Лабористская партия Мексики (Partido Laborista Mexicana) была основана при поддержке Обрегона и Кальеса 15 декабря 1919 года. Была (по образцу лейбористской партии Великобритании) политическим крылом КРОМ.

218

Garrido L. J. El partido de la Revoluci?n institucionalizada. Siglo veintiuno editors. M?xico, 2005. P. 48

219

Национальная кооперативистская партия (Partido Nacional Cooperativista) была основана 18 августа 1918 года при поддержке министра внутренних дел в правительстве Каррансы Берлангидля создания перед выборами противовеса поддерживавшим Обрегона либеральным конституционалистам. В партию вошли поддерживавшие революцию представители средних «образованных» городских слоев - студенты, адвокаты, часть чиновников. Идеологией партии было всяческое содействие развитию кооперации в самых разных секторах экономики.

220

Социалистическая партия Юго-Востока (Partido Socialista del Sureste), ранее Социалистическая партия Юкатана, была самой большой региональной и самой крупной социалистической партией страны. Основана при поддержке губернатора штата Юкатан генерала Сальвадора Альваро в 1916 году как Социалистическая рабочая партия. Затем пользовалась поддержкой преемника Альваро на посту губернатора Фелипе

Пуэрто Каррильо. Первоначально в партию входили крестьяне и батраки, но потом она пополнилась за счет рабочих, учителей и мелких бизнесменов. Местные организации партии назывались лигами сопротивления - основной своей целью партия видела борьбу против произвола помещиков, который до революции был в штате Юкатан самым жестоким в стране. В марте 1918 года партия объявила о приверженности марксизму.

221

Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917-1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 64-65

222

Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917-1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 66

223

Confederaci?n de Sociedades Ferrocarrileras de la Rep?blica Mexicana. Профсоюз насчитывал 16 отраслевых профсоюзов (например, машинистов, кондукторов и т.д.).

224

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 16

225

Ruiz R.E. The Great Rebellion. M?xico 1905-1924. New York, 1980. P. 300

226

Areous G. I. B. El modelo mexicano de regulaci?n laboral. FLACSO M?xico, 2000. P. 127

227

Areous G. I.B. El modelo mexicano de regulaci?n laboral. FLACSO M?xico, 2000. P. 127

228

Как министр финансов де ла Уэрта отвечал за федеральную собственность, включая железные дороги.

229

Rodr?guez M. Los tranviarios en los anos veinte: sus luchas e incorporaci?n al aparato estatal // Estudios de historia moderna y contempor?nea de M?xico. Volumen 8. Documento 100

230

Lear J. Workers, neighbors, and citizens: the revoluci?n in M?xico City. Lincoln, Uni-versity of Nebraska Press, 2001. P. 351

231

Аббревиатуру КРОМ в Мексике стали расшифровывать как «Como Robo Ogo Morones» («Как Моронес Украл Золото»), а комитет действия КРОМ из 12 человек называли «толстокожими апостолами», так как им было не до нужд рабочего класса.

232

Обрегон говорил, что забастовки создают в мире впечатление о Мексике как о большевистской стране.

233

Численность КРОМ падала еще и потому, что в 20-е годы в Мексике происходило сокращение количества работающих женщин, большинство которых (официантки, текстильщицы и проститутки) входили в КРОМ. Профсоюзы добились от предпринимателей установления так называемых семейных зарплат, то есть платить стали с расчетом и на жену, что позволяло многим женщинам не работать. К тому же предприниматели, не желая оплачивать введенные после революции социальные льготы (отпуск по рождению ребенка, наличие на фабрике ночных яслей), охотно увольняли женщин. Если в 1910 году женщины составляли 35% оплачиваемой рабочей силы в Мехико, то в 1930 году - только 17%.

234

Rodríguez M. Los tranviarios en los años veinte: sus luchas e incorporación al aparato estatal // Estudios de historia moderna y contemporánea de México. Volumen 8. Documento 100

235

Цит по: Rodríguez M. Los tranviarios en los años veinte: sus luchas e incorporación al aparato estatal // Estudios de historia moderna y contemporánea de México. Volumen 8. Documento 100

236

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, дело 215, л. 14

237

Решение об учреждении этого профсоюза было принято прямо в кабинете главы столичного федерального округа и одного из лидеров КРОМ Гаски.

238

Calderón Roberto R. Mexican coal mining labor in Texas and Coahuila, 1880-1930. Texas A&M University Press, 2000. P. 206

239

Ruiz R. E. The Great Rebellion. México 1903-1924. New York, 1980. P. 301

240

Во время борьбы конституционалистов против диктатуры Уэрты горняки активно воевали на стороне Каррансы и Обрегона, потеряв в боях около 5 тысяч человек.

241

Bortz J. Revolution within the revolution: cotton textile workers and the Mexican labor regime, 1910-1923. Stanford University Press, 2008. P. 175

242

Весьма характерными были лозунги рабочих: «Да здравствует свободная Россия!», «Да здравствует мировая революция!» и т.д.

243

Ruiz R.E. The Great Rebellion. México 1905-1924. New York, 1980. P. 302

244

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п.191, д. 213, л. 18

245

Concheiro E., Modonesi M., Gutiérrez Crespo H. El comunismo: otras miradas desde América Latina. México, UNAM, 2007. P. 588

246

Здесь надо оговориться, что арсенал был своего рода потемкинской деревней - он практически не работал, поэтому, как и прежде, винтовки и боеприпасы к ним Мексика закупала за рубежом, в основном в США.

247

Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917-1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 71

248

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 213, л. 16

249

Лабористы, политическое крыло КРОМ.

250

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 213, л. 17-18

251

Возглавлявший столичный арсенал Моронес получал в день 45 песо, то есть почти месячную зарплату среднего рабочего.

252

Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917-1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 81

253

«Рабочих атташе» из числа видных деятелей КРОМ ставший при Кальесе министром труда Моронес назначал в самые важные страны: США, СССР, Германию, Италию, Францию и Аргентину. Атташе были членами мексиканских дипломатических миссий и имели три главные задачи:

- защита прав мексиканских рабочих в этих странах,
- изучение рабочего движения в стране пребывания,
- налаживание контактов между профсоюзами этих стран и КРОМ.

254

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 64

255

В этом смысле небезынтересно отметить, что первые полпреды СССР в Мексике С. Пестковский и А. Коллонтай были активными членами рабочей оппозиции. Возможно, именно то, что они прекрасно разбирались в проблемах профсоюзного движения, и сыграло свою роль в назначении этих видных большевиков в Мексику.

256

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 211, л. 13

257

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 211, л. 19

258

Сэмюэль Гомперс был в то время лидером АФГ. Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 213, л. 5

259

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 213, л. 3

260

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 213, л. 5

261

Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917-1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 109

262

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф.04, оп. 28, п. 191, д. 213, л. 5

263

Советский полпред Пестковский отмечал в 1925 году, что «по части раздачи «свободных земель» дело обстоит также весьма плохо, так как у получивших их крестьян нет средств для орошения». Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 8

264

Национальная аграрная комиссия назначалась президентом и состояла из представителей трех федеральных министерств - земледелия, финансов и внутренних дел.

265

Следует отметить, что любая сторона спора на каждой стадии рассмотрения дела могла передать его в суд, чем часто пользовались помещики для затягивания разбира

тельств.

266

Крестьянская лига Веракруса примыкала к Крестьянтерну - Крестьянскому интернационалу, международной коммунистической крестьянской организации, созданной в октябре 1923 года в Москве и существовавшей до 1933 года.

267

См. Behrens B. El movimiento inquilinario en Veracruz, M?xico 1922-1927: una rebel-ion de mujeres
//www.aialsaorg/jilas/all/FILAS-06(1)/E-JILAS%206(1)-Behrens.PDF

268

ToBler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 525

269

ToBler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 526

270

ToBler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 527

271

Ruiz R. E. The Great Rebellion. M?xico 1905-1924. New York, 1980. P. 323

272

The New York Times. July 1.1922

273

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п.191, д. 215, л. 6

274

Шульговский А. Мексика на крутом повороте своей истории. М, 1967. С. 202

275

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215. л. 7

276

ToBler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 539-540

277

На конец 1930 года из 4090 созданных, точнее, воссозданных «эхидос» право на пользование водой получили лишь 540.

278

ToBler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 541

279

Ruiz R.E. The Great Rebellion. M?xico 1903-1924. New York, 1980. P. 334

280

Ермолаев В. И. Из истории рабочего и коммунистического движения в Латин ской Америке. М., 1982. С. 113

281

Ruiz R.E. The Great Rebellion. M?xico 1905-1924. New York, 1980. R 361

282

Meyer M., Sherman W. L. The Course of Mexican history. New York, 1987. P. 574

283

Ruiz R. E. Triumphs and Tragedy. A history of the Mexican people. New York, 1992. P. 379

284

Сикейрос Д. А. Меня называли лихим полковником. М.,1986. С. 117

285

Hart J.M. Revolucionary Mexico.The coming and process of the Mexican revolution. University of California press, 1987. P. 344

286

Foreign Relations of the United States (FRUS), 1920. Volume III. P. 182-183

287

Ruiz R.E. The Great RebeUion. M?xico 1905-1924. New York, 1980. P. 399

288

Rodr?guez J. E. O., Vincent K. Myths, misdeeds, and misunderstandings: the roots of conflict in U.S. - Mexican relations. Rowman& Litdefield, 1997. P. 185

289

Rodr?guez J. E. O., Vincent K. Myths, misdeeds, and misunderstandings: the roots of conflict in U.S. - Mexican

relations. Rowman& Litdefield, 1997. P. 185

290

Позднее де ла Уэрта говорил, что Обрегон и Кальес всячески саботировали его переговоры в США.

291

Очерки новой и новейшей истории Мексики. М, 1960. С. 328

292

Foreign Relations of the United States, 1920. Volume II, 1922. P. 639

293

Foreign Relations of the United States, 1920. Volume II, 1922. P. 640.Американцы опасались, что Обрегон их обманет. Президент Мексики обещал теперь уже не подписать, а рассмотреть договор о дружбе между США и Мексикой после дипломатического признания своего правительства.

294

Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 430

295

Foreign Relations of the United States. Volume II, 1922. P. 670-671.В то время как Обрегон уже активно интриговал против де ла Уэрты в США, тот на переговорах долго убеждал американцев, что Обрегон не имеет ничего общего с убийством Каррансы и что бывший президент убил себя сам, как и «подобает отважному человеку».

296

На переговорах присутствовал Райан.

297

Очерки новой и новейшей истории Мексики. М.,1960. С. 331

298

Ruiz R.E. The Great Rebellion. Mexico 1905-1924. New York, 1980. P. 401-402

299

Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 434

300

Советско-мексиканские отношения (1917-1980). М, 1981. С. 11

301

Советско-мексиканские отношения (1917-1980). М, 1981. С. 13

302

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 211, л. 7

303

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 211, л. 17-18

304

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 211, л. 8

305

Кстати, такой подход Литвинова полностью опровергает господствующую в западной историографии точку зрения о том, что Москва стремилась организовать через Мексику мировую революцию на американском континенте.

306

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 211, л. 1

307

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 211, л. 1

308

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 211, л. 2

309

Советско-мексиканские отношения (1917-1980). М.,1981. С. 13-14

310

Katz E The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 299

311

Американская контрразведка уверилась в этом после того, как в годы Первой мировой войны Зоммерфельда не пригласили на один из дипломатических приемов в германское посольство в Вашингтоне, чтобы тот не был замечен в связях с германской дипмиссией.

312

The New York Times. October 28. 1913

313

The European Powers in the First World War: An Encyclopedia. Taylor& Francis, 1999. P. 480

314

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 211. л. 22-24

315

В принципиальном плане следует подчеркнуть, что полпредство СССР в Германии было, судя по документам, более заинтересовано в восстановлении дипотношений с Мексикой, чем фактический глава НКВД того времени М. М. Литвинов (Чичерин был уже серьезно болен).

316

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 211, л. 24

317

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 211, л. 25

318

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 211, л. 25

319

Мекспра - мексиканское правительство.

320

Тот был на стороне тандема Обрегон - Кальес. 3 сентября Тельес вручил в госдепартаменте свои верительные грамоты в качестве временного поверенного в делах, и 4 сентября государственный департамент их принял. Таким образом, США признали режим Обрегона де-юре.

321

Бывший генконсул Мексики в США при Каррансе и министр земледелия при Обрегоне де Негри говорил позднее советскому полпреду в Мехико Пестковскому, что США дали Обрегону разрешение на установление дипломатических отношений с СССР. В любом случае, когда дель Кастильо встречался в Берлине с Крестинским, США и Мексика уже назначили по два представителя для проведения переговоров с целью устранения всех спорных вопросов. Американцы рассматривали это как свою победу.

322

Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume II, 1923. P. 550

323

Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume II, 1923. P. 551

324

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 211, л. 29

325

Именно на этом съезде кооперативно™ официально поддержат кандидатуру де ла Уэрты на пост президента.

326

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 211, л. 30

327

Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 752

328

Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 756

329

KatzE The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 756-757

330

Для сравнения приведем абсолютно верный пассаж из советской книги о Вилье:

331

«Дон Адольфо (де ла Уэрта - прим, автора) был вначале кандидатом всех тех, кто выступал против коррупции и демагогии правительства, за углубление революции» (Лаврецкий И. Р. Панно Вилья. М., 1962. С. 240). Пожалуй, здесь можно только поспорить только со словом «вначале». Странно, что потом советская историография неизменно выставляла де ла Уэрту реакционером или, на худой конец, марионеткой реакционных сил.

332

Позднее он говорил: «Национально-кооперативистская партия - это я».

333

Вряд ли можно признать случайным тот факт, что по личному указанию президента Обрегона военный министр Амаро получил 2 сентября 1923 льготный кредит размером в 12 720 песо. См. M?ndez Reyes J. Lealtad e infidencia a la causa revolucionaria. Pr?stamos a los Generales mexicanos 1917-1934.//[http://www.colef.mx/ahenme/wp-content/uploads/2009/04/jesas-mandez_prastamos-y-lealtad_1 .pdf](http://www.colef.mx/ahenme/wp-content/uploads/2009/04/jesas-mandez_prastamos-y-lealtad_1.pdf)

334

Castro P., Castro Martinez P. F. Adolfo de la Huerta: la integridad como arma de la revoluci?n. Siglo XXI, 1998. P. 157

335

The New York Times. December 16.1920

336

Политическую систему Мексики того времени весьма ярко характеризует следующий факт: Обрегон был возмущен тем, что Прието Лауренс не ознакомил его предварительно с текстом своей речи.

337

Valenzuela G. J. Campa?a, rebeli?n y elecciones presidenciales de 1923 a 1924 en M?xico // Estudios de Historia moderna y contempor?nea de M?xico. Volumen 23. Documento 23

338

Следует отметить, что мексиканский Конгресс не заседал непрерывно - основную часть времени вместо парламента работала его постоянная комиссия из самых влиятельных депутатов.

339

Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917-1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 135

340

Valenzuela G. J. Campa?a, rebeli?n y elecciones presidenciales de 1923 a 1924en M?xico // Estudios de historia moderna y contempor?nea de M?xico. Volumen 23. Documento 23

341

22сентября 1923 года мексиканские газеты опубликовали сообщение о том, что де ла Уэрта попросил у президента временно, на два месяца, освободить его от обязанностей министра финансов по состоянию здоровья.

342

Valenzuela G. J. Campa?a, rebeli?n y elecciones presidenciales de 1923 a 1924en M?xico // Estudios de historia moderna y contempor?nea de M?xico. Volumen 23. Documento 23

343

Valenzuela G. J. Campa?a, rebeli?n y elecciones presidenciales de 1923 a 1924en M?xico // Estudios de historia moderna y contempor?nea de M?xico. Volumen 23. Documento 23

344

Информатор правительства отмечал, что де ла Уэрта действительно производил впечатление больного человека и отказался выступить перед собравшимися с речью.

345

CastroP., Castro Mart?nez P.E Adolfo de la Huerta: la integridad como arma de la revoluci?n. Siglo XXI, 1998. P. 165

346

Позднее советский полпред Пестковский называл Пани главным агентом США в правительстве Мексики.

347

Тем не менее еще 20 сентября Кальесу и Обрегону удалось расколоть фракцию кооперативистов в Конгрессе -19 депутатов перешли на сторону правительства, и партия лишилась парламентского большинства.

348

Именно для участия в этом съезде и отбыл из Берлина мексиканский посланник дель Кастильо.

349

Valenzuela G.J. Campaña, rebelión y elecciones presidenciales de 1923 a 1924 en México // Estudios de historia moderna y contemporánea de México. Volumen 23. Documento 23

350

Carriedo R. The man who tamed Mexico's Tiger: general Joaquín Amaro and the professionalization of Mexico's revolutionary army // <http://www.dtic.mil/cgi-in/GetTRDoc?AD=ADA444102&Location=U2&doc=GetTRDoc.pdf>

351

Текст цит. по сайту <http://www.bibliojuridica.org/> (<http://www.bibliojuridica.org/libros/libro.htm?l=121>)

352

Паскуаль Ортис Рубио родился в 1877 году в Мичоакане и получил образование инженера. Присоединился к революции Мадеро, за что после переворота Уэрты в 1913 году был посажен в тюрьму, где написал свою автобиографию. После освобождения войсками конституционалистов Карранса сделал Ортис Рубио верховным главнокомандующим своей армии в 1915 году, присвоив фактически гражданскому лицу чин бригадного генерала. В 1918 году Ортис Рубио стал губернатором Мичоакана и присоединился в 1920 году к «революции Агуа-Приэта». Дель Уэрта сделал его министром по связям с общественностью, но уже в феврале 1921 года Ортис Рубио подал в отставку из-за разногласий с новым президентом Обрегеном и уехал в Европу. Там его и застало известие о назначении посланником в Берлин.

353

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 211, л. 1

354

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 211, л. 1

355

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 211, л. 2

356

Дель Уэрта был возмущен убийством Каррильо Пуэрто и распорядился наказать виновных.

357

Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917-1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 124

358

Foreign Relations of the United States (FRUS), 1923. Volume II. P. 568

359

Foreign Relations of the United States (FRUS), 1923. Volume II. P. 569-570

360

См. Carriedo R. The man who tamed Mexico's Tiger: general Joaquín Amaro and the professionalization of Mexico's revolutionary army // <http://www.dtic.mil/cgi-in/GetTRDoc?AD=ADA444102&Location=U2&doc=GetTRDoc.pdf>

361

Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917-1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 125

362

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 29

363

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 213, л. 5

364

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 213, л. 4

365

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 213, л. 4

366

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 213, л. 7

367

Советско-мексиканские отношения (1917-1980). М., 1981. С. 25-26

368

Советско-мексиканские отношения (1917-1980). М., 1981. С. 26-27

369

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 213, л. 17

370

Кстати, в конце августа 1923 года Флорес предложил де ла Уэрте поддержать его кандидатуру, однако последний ответил, что является убежденным сторонником Кальеса.

371

Valenzuela G. J. La oposición menor a la candidatura presidencial de Calles // Estudios de historia moderna y contemporáneos de México. Volumen 9. Documento 112

372

По крайней мере, находившийся в США сподвижник де ла Уэрты бывший мексиканский посланник в Берлине дель Кастильо предлагал установить связь с Флоресом.

373

Krauze E. Plutarco E. Calles. Reformar desde el origen. México, 1987. P. 12

374

Недоброжелатели Сталина и по сей день утверждают, что мать прижила его отнюдь не от мужа.

375

Интересно, что, несмотря на молодость, друзья прозвали Кальеса за его серьезность и целеустремленность Стариком. Так же и по тем же причинам друзья называли в юности и другого революционера - Владимира Ульянова.

376

Krauze E. Plutarco E. Calles. Reformar desde el origen. México, 1987. P. 19

377

Krauze E. Plutarco E. Calles. Reformar desde el origen. México, 1987. P. 22

378

Krauze E. Plutarco E. Calles. Reformar desde el origen. México, 1987. P. 27

379

Роман вышел в свет в 1929 году и был сразу же запрещен мексиканской цензурой. Гусман к этому моменту уже 5 лет жил в эмиграции в Испании, так как был вынужден покинуть страну после провала восстания де ла Уэрты.

380

Гусман М. Л. Тень каудильо. М., 1964. С. 62-63

381

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 213, л. 17-18

382

Советско-мексиканские отношения (1917-1980). М., 1981. С. 24

383

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 211, л. 28

384

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 211, л. 30

385

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 211, л. 31

386

На советской стороне границы с Польшей Кальеса ждал бы специально для него подготовленный экстренный поезд.

387

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 211, л. 32

388

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 211, л. 32

389

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 211, л. 32

390

Формально, конечно, Чичерин был прав, но Крестинский хотел придать приглашению как можно более торжественный характер, чтобы затмить немцев, которые оказали Кальесу необычайно радушный прием.

391

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 211, л. 33

392

Советско-мексиканские отношения (1917-1980). М., 1981. С. 25

393

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 211, л. 38

394

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 211, л. 39

395

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 22

396

Krauze E. Plutarco E. Calles. Reformar desde origen. M?xico, 1987. P. 47

397

Правда, во время мятежа де ла Уэргты аграрным лигам штатов удалось мобилизовать для защиты правительства гораздо больше сторонников, чем это сделал КРОМ, хвалившийся своей массовостью.

398

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 218, л. 31

399

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 218, л. 31

400

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 218, л. 32

401

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 218, л. 30

402

Имеется в виду пшеничный хлеб: пшеница завозилась из США, облагалась ввозными пошлинами в Мексике и была довольно дорогой.

403

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 218, л. 30

404

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 218, л. 30

405

Правда, эта инициатива Пестковского вызвала критику со стороны заместителя наркома по иностранным делам Литвинова. В своем письме Пестковскому от 23 февраля 1926 года Литвинов писал, что «приглашение на прием дипломатов и, как Вы выражаетесь, «оборванных коммунистов» не может служить цели установления прочных контактов с дипломатическим корпусом. Можно приглашать и тех и других, но раздельно». Архив внешней политики (АВП) РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 222, л. 4

406

Литвинов в том же инструктивном письме от 23 февраля попенял полпреду на то, что он ходит на мероприятия без приглашения. Думается, что здесь Литвинов был не прав - никаких особых приглашений на такие массовые мероприятия, как митинги, явно не существовало.

407

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 54
408

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 55
409

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 218, л. 31
410

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 17
411

В документах НКВД содержатся сведения о том, что Пестковский вынужден «экипировать» жену для участия в приемах за свой счет, хотя полпреды в других странах получали для этих целей специальное пособие. Пестковский получал зарплату как минимум в три раза меньшую, чем его коллеги - послы других стран в Мехико.

412

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 17
413

Йозеф Ретингер родился в 1888 году в Кракове и при поддержке князя Замоиского (отец Ретингера был советником князя по юридическим вопросам) получил образование в Сорбонне. Затем он жил в Лондоне, а в 1917 году обосновался в Мексике, где стал советником Моронеса и Кальеса по европейским вопросам. Во время Второй мировой войны был советником польского премьера в изгнании Сикорского, разорвавшего в 1943 году отношения с СССР. После войны Ретингер (игравший видную роль и в масонском движении) при поддержке ЦРУ основал Европейское движение, а позднее - пресловутый Бильдербергский клуб (претендовавший на роль теневого мирового правительства). Был секретарем Бильдербергского клуба с момента основания в 1954 году и до своей смерти в 1960-м.

414

23 февраля Литвинов писал Пестковскому: «Необходимо также предостеречь Вас против известного международного авантюриста Ретингера». См. Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 222, л. 3

415

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 60
416

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 60. Литвинов критиковал Пестковского: «Вам как полпреду вообще нельзя выступать с предложениями или обещаниями от имени Коминтерна, а тем более в разговоре с такими подозрительными лицами, как Ретингер». См. Архив внешней политики (АВП) РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 222, л. 3. Трудно отделаться от мысли, что Литвинов придирался к полпреду: тот как раз и не дал Ретингеру никаких обещаний, чем, правда, только усилил враждебность КРОМ и Моронеса по отношению к СССР.

417

Вольф, родившийся в 1896 году в Нью-Йорке, наряду с Алленом принадлежал к так называемым слэкерам: гражданам США, бежавшим в Мексику в годы Первой мировой войны, уклоняясь от призыва в армию. Эти американцы, как уже упоминалось, считали себя основателями коммунистического движения в Мексике. Вольф был актив-

418

ным членом Социалистической партии США и автором ее политического манифеста. В качестве одного из ведущих деятелей компартии США Вольф был делегатом нескольких конгрессов Коминтерна. В 1928 году за поддержку оппортунистического руководителя компартии США Лавстоуна был изгнан из Коминтерна и организовал вместе с Лавстоуном антисоветскую Коммунистическую партию США (оппозицию). Позднее выступал против участия США во Второй мировой войне, которую считал империалистической. В годы маккартизма и «охоты на ведьм» в США стал советником госдепартамента по вопросам борьбы с коммунизмом.

50 Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 213, л. 67-68

419

Гусман М. Л. Тень каудильо. М., 1964. С. 14

420

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 218, л. 32

421

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 213, л. 6

422

Davis D.E. Urban leviathan: Mexico City in the twentieth century. Temple University Press, 1994. P. 57

423

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 20

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 20

424

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 218, л. 31

425

Кальес хотел с 1 января 1926 года реприватизировать железные дороги, чтобы снять с госбюджета бремя накопленного этим государственным предприятием внешнего долга. Но частные инвесторы (естественно, те же американцы) требовали предварительной «санации» железных дорог: сокращения штатов и повышения тарифов на перевозки.

426

На самом деле Кальес обманывал железнодорожников - денационализация была делом уже решенным.

427

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 218, л. 31-32

428

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 213, л. 16

429

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 218, л. 32

430

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 218, л. 32

431

Именно его представители встречали Пестковского на вокзале в Мехико и организовывали торжественный митинг в честь седьмой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

432

ОсватЛ. Диего Ривера. М., 1969. С. 194

433

Строго говоря, этот лозунг был очень популярен не только среди анархистов, но и среди широких народных масс. В условиях того времени никаких реальных выборов в Мексике не было: часто на избирательные участки активисты КРОМ или попросту солдаты и полицейские пропускали только лично известных, «надежных» избирателей. Поэтому бюллетени в урны опускали лишь 2-3 % имеющих право голоса. Конечно, при таких «выборах» участие в них действительно было делом бесполезным и только играло на руку властям.

434

Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917-1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 135

435

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 68-69

436

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 218, л. 27

437

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 213, л. 6

438

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 218, л. 27

439

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 213, л. 6

440

Антонио Сото-и-Гама родился в семье адвоката-либерала в Сан-Луис-Потоси в 1880 году. В 1900 году получил звание адвоката и сам Сото-и-Гама. Был связан с либеральной оппозицией братьев Флорес Магон и в 1903 году эмигрировал в Техас. Однако уже в следующем году вернулся в Мексику в обмен на обещание не заниматься политической деятельностью. До революции 1910 года Сото-и-Гама действительно держался в стороне от оппозиции и спокойно работал нотариусом. В 1911 году после победы революции примкнул к сапатистам. Во время диктатуры Уэрты находился в Мехико и принимал участие в создании «Дома рабочих мира» (первого независимого профцентра Мексики). Был делегатом сапатистов на съезде революционных сил в Агуаскальен-тесе в 1914 году и спровоцировал скандал, отказавшись воздать почести национальному флагу. В 1915-1920 годах был в ставке Сапаты, затем примкнул к Обрегону. В 1920 году стал депутатом Конгресса от основанной непосредственно перед этим им самим при поддержке Обрегона аграристской партии.

441

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 213, л. 13

442

D'az Soto y Gama A., Castro P., Castro Mart'nez P. F. Historia del agrarismo en M'xico. Ediciones Era, 2002. P.

53

443

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 18-19

444

D'az Soto y Gama A., Castro P., Castro Mart'nez P. F. Historia del agrarismo en M'xico. Ediciones Era, 2002. P.

53

445

Между аграристами и лабористами.

446

Hodges D.C., Gandy D. R. M'xico, the end of the revoluci'н. Greenwood Publishing Group, 2002. P. 67

447

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 13-14

448

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 218, л. 29

449

Гальван родился в 1893 году в семье безземельного батрака. Его родители ходили из деревни в деревню, предлагая свой труд землевладельцам. Не выдержав нищеты, отец запил, и мать, работая в порту Веракруса, едва обеспечивала пропитание себе и двум

450

детям. Урсуло стал столяром. С 1915 года участвовал в гражданской войне в рядах войск Каррансы и дослужился до подполковника. Потом Гальван работал службе по уборке мусора Веракруса и на нефтепромыслах Тампико. В 1920 году, вернувшись в Веракрус, стал одним из основателей местного отделения компартии. С 1921 года при поддержке губернатора Веракруса Техеды стал активно формировать крестьянские лиги в штате и поддерживать движение квартиросъемщиков. В октябре 1923 года Гальван ездил в Москву на научредительную конференцию Крестьянского интернационала. По возвращении в Веракрус возглавил в штате при поддержке губернатора Техеды и Обрегона крестьянское вооруженное движение против мятежа де ла Уэрты: под его началом было до 18 тысяч вооруженных крестьян.

82Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 218, л. 29

451

Имеется в виду организация, возглавляемая Гальваном.

452

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 213, л. 12

453

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 218, л. 24

454

Krauze E. Plutarco E. Calles. Reformar desde origie. M?xico, 1987. P. 50

455

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 218, л. 24

456

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 213, л. 21

457

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 213, л. 21

458

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 213, л. 21

459

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 218, л. 24

460

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 218, л. 25

461

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 218, л. 25

462

Позиция аграристов весьма интересна - все знали, что за этой партией стоит Об-регон. Возможно, как и в случае с де ла Уэртой в 1920 году, Обрегон хотел, чтобы переговоры Кальеса с США сорвались, а его снова призвали бы для «спасения отечества».

463

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 218, л. 25

464

Krauze E. Plutarco E. Calles. Reformar desde origin. M?xico. 1987. P. 52

465

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 218, л. 23

466

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 213, л. 7

467

Имеется в виду КРОМ.

468

Лидер Американской федерации труда (АФТ).

469

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 213, л. 19

470

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 213, л. 22

471

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 22

472

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 23

473

Hart J.M. Empire and Revolution. The Americans in M?xico since Civil War. University of California Press, 2002

474

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 23. Под «думой» имелись в виду власти штата Веракрус.

475

Foreign Relations of the United Sates, 1925. Volume II. P. 517

476

Buchenau J. In the shadow of the giant: the making of Mexicos Central America policy, 1876-1930. University of Alabama Press, 1996. P. 163

477

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 71

478

Имеется в виду мятеж де ла Уэрты, в ходе которого, как упоминалось выше, США действительно активно поддержали Обрегона.

479

Имеются в виду «соглашения Букарели» 1923 года.

480

Foreign Relations of the United States 1925. Volume II. P. 519

481

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 63

482

ИН Интересно, что мадридские газеты писали о посещении Гомесом помимо Испании также Германии, Италии и СССР.

483

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 63

484

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, фонд 04, опись 28, папка 191, дело 215, л. 72

485

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, фонд 04, опись 28, папка 191, дело 215, л. 24

486

Foreign Relations of the United States, 1925. Volume II. P. 520

487

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, фонд 04, опись 28, папка 191, дело 215, л. 72

488

Foreign Relations of the United States, 1925, Volume II. P. 520

489

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 72

490

Предложение Хайкиса, искреннее по сути, было, конечно, тактически неверно: США и так кричали о «большевизации» Мексики, и декларация Коминтерна сыграла бы им на руку.

491

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 74

492

Примечательно, что Ретингер в разговоре с Хайкисом особо упомянул важность публичного заявления Обрегона о поддержке правительства. Видимо, Кальес и Моро-нес всерьез опасались того, что именно Обрегон толкнет армию на мятеж, чтобы явиться в роли примирителя и снова взять власть в свои руки.

493

Foreign Relations of the United States, 1925. Volume II. P. 521

494

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 87

495

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 87

496

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, А-215, л. 24-25

497

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 24-25

498

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 25

499

Андреев Г. Экспорт американского капитала: Из истории экспорта капитала США как орудия экономической и политической экспансии. М., 1957. С. 55

500

Для сравнения: на Великобританию приходилось лишь около 10% мексиканского импорта.

501

Имеется в виду миллиард долларов - сумма по те временам просто астрономическая. Получалось, что для защиты американских инвестиций в Мексике США пришлось бы затратить как минимум столько же средств, сколько составляли эти самые инвестиции.

502

Foreign Relations of the United States 1925. Volume I. P. 523

503

Foreign Relations of the United States 1925. Volume II. P. 523-524. Первоначальная реакция Келлога ясно показывает, насколько американцы стали осторожнее после жесткой декларации Кальеса в июне 1925 года.

504

Foreign Relations of the United States 1925. Volume II. P. 527

505

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 223, л. 29-30

506

Цит. по докладной записке полпредства СССР в Москву, составленной на основании общедоступной в Мексике информации. Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 223, л. 30

507

Еще 6 ноября 1925 года британский посол в Вашингтоне Говард сообщил Келло-гу, что после того как госсекретарь проинформировал его об отношении США к мексиканскому законопроекту, он получил инструкции от своего правительства, согласно которым Англия должна была действовать в унисон с США.

508

Buchenaus J. In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876-1930. University of Alabama Press, 1996. P. 164

509

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 223, л. 33

510

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 223, л. 34

511

Чаморро в 1924 году баллотировался в президенты от консерваторов и потерпел поражение.

512

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 223, л. 34

513

Buchenaus J. In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876-1930. University of Alabama Press, 1996. P. 168

514

Договор был заключен 5 августа 1914 года все тем же Эмилиано Чаморро, который в то время был посланником Никарагуа в США. См. Buchenaus J. In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876-1930. University of Alabama Press, 1996. P. 169

515

История Латинской Америки 1918-1945. М., 1999. С. 56

516

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 223, л. 35. Судя по тому, как подробно советское полпредство в Мехико информировало задним числом Москву о событиях в Никарагуа, в «центре мирового большевизма» и не подозревали о том, что там происходит.

517

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 223, л. 35

518

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 223, л. 35

519

К январю 1927 года в Никарагуа было 3900 солдат, 215 офицеров и 865 моряков вооруженных сил США, которых поддерживало 16 военных кораблей.

520

Krauze E. Plutarco E. Calles. Reformar desde origen. M?xico, 1987. P. 62

521

Саидино писал, что столкнулся в Мексике с волной возмущения проамериканской политикой продажного правительства Диаса: «...народы Центральной Америки и Мексики стали нас, никарагуанцев ненавидеть. Я чувствовал себя глубоко оскорбленным, когда меня обзывали хриstopродавцем и бесстыжим предателем. Поначалу я возражал. Говорил, что я не государственный деятель и не несу ответственности за позорное поведение никарагуанских правителей. Но я много думал и понял, что в этих упреках есть доля истины, ибо даже если у человека отнимают родину, у него не могут отнять право протестовать». Цит по: Гонионский С. А. Саидино. М., 1965. С. 38

522

Buchenau J. In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876-1930. University of Alabama Press, 1996. P. 175

523

Он полагал в своем анализе, что все центральноамериканские страны полностью закабалены США, Уругвай и Аргентина сохраняют самостоятельность, остальные страны Латинской Америки находятся в процессе подчинения Вашингтону.

524

Мексика наряду с США была одним из центров венесуэльской эмиграции. Противники Гомеса издавали в Мексике свою газету «Эль Републикано».

525

История Латинской Америки 1918-1945. М., 1999. С. 281

526

Пестковский поднимал эту тему, как указывалось выше, еще во время своей первой встречи с Кальесом в Германии осенью 1924 года. И тогда именно Кальес говорил о необходимости революций, которые сметут проамериканские режимы в Латинской Америке.

527

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 222, л. 2. Стоит отметить, что сам Литвинов, будучи эмигрантом, добился влиятельного положения в большевистской партии именно как организатор нелегальной (и неудачной) переброски оружия морем в Россию во время первой русской революции 1905 года.

528

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 32

529

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 222, л. 1

530

Сталин уже с 1927 года с неудовольствием отмечал прозападный крен во внешней политике, которую проводил Литвинов. Однако и сам Сталин после прихода Гитлера к власти делал все возможное, чтобы сблизиться с США, Англией и Францией для противостояния агрессивным державам - Германии и Японии. Для этого и был нужен Литвинов, политика которого увенчалась полным крахом - ни Англия, ни Франция на союз с СССР не пошли.

531

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 222, л. 1

532

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 222, л. 2

533

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 9

534

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 9

535

Видимо, Кальес рассчитывал на то, что Пестковский будет инструктировать их в духе поддержки существующего в Мексике режима.

536

Правые столичные газеты, находившиеся в оппозиции к правительству Кальеса.

537

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 30

538

Имеется в виду весна 1925 года.

539

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 30

540

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 31

541

Нарком участвовал в работе III сессии ВЦИК, которая проходила в ЗСФСР

542

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 31

543

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 53

544

Антимпериалистическая лига Америки была зарегистрирована в Чикаго и боролась против империализма США в Латинской Америке. Первоначально лига была образована еще 15 июня в 1898 году под руководством Марка Твена для борьбы против экспансии США в Латинской Америке и на Филиппинах, последовавшей после испаноамериканской войны 1898 года. В 1921 году старая лига была распущена и потом создана вновь. К 1925 году в руководстве лиги были сильны коммунисты, и она находилась под влиянием Коминтерна. В Мехико находился Центральноамериканский секретариат лиги. Там же американский коммунист Бертрам Вольф издавал испаноязычный орган лиги «Эль Либертадор». См. Draper Th. American Communism and Soviet Russia. New York, 1986. P. 178

545

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 54

546

Столь негативное отношение к интеллигенции со стороны Кальеса объясняется, в частности, тем, что газета Синдиката революционных деятелей искусств «Эль Мачете» единственная в стране позволяла себе печатать карикатуры на главу государства. Министр образования даже выдвинул ультиматум Диего Ривере, отдававшему на газету половину своего жалования: или он выходит из редколлегии и из компартии, или правительство не даст ему расписывать фресками общественные здания. Ривера, несмотря на протесты Сикейроса, выбрал искусство, и синдикат фактически распался еще осенью 1924 года.

547

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 57

548

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 58

549

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 58

550

В принципиальном плане следует подчеркнуть, что советское полпредство не имело с Москвой надежной связи. Одно время не было даже шифровальщика. Срочные краткие сообщения передавали по телеграфу, а

подробные аналитические отчеты -с оказией. Поэтому часто в НКВД получали информацию Пестковского и сменившей его Коллонтай с опозданием в несколько недель или даже месяцев. По этой же причине полпредство фактически не имело никаких оперативных, а тем более упреждающих инструкций из НКВД и действовало на свой страх и риск.

551

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 59

552

5-й съезд ВКТ даже принял резолюцию против большевистской пропаганды в Мексике.

553

Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1918-1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 201

554

Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1918-1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 202

555

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 218, л. 5

556

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 218, л. 5-6

557

Цит. по переводу с испанского языка, подготовленному полпредством СССР: Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 223, л. 42

558

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 221, л. 3

559

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 221, л. 3

560

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 220, л. 44

561

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 220, л. 44—45

562

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 220, л. 43

563

Цит. по сделанному полпредством переводу с испанского: Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 220, л. 32-35

564

Сизоненко А. И. Очерки истории советско-латиноамериканских отношений. М., 1971. С. 49

565

Некоторые мексиканские газеты и это считали «пропагандой».

566

На самом деле это была дочь Риверы.

567

Цит. по: Осповат Л. Диего Ривера. М., 1969. С. 243. Еще до приезда в Мексику Маяковский слышал, что Ривера легко попадает из кольца в монету.

568

На самом деле, конечно, причина была в другом. В Мексике к тому времени сложился мощный центр революционной кубинской эмиграции, тесно связанный с компартией. Видный кубинский революционер-коммунист Хуан Антонио Мелья даже входил в руководство мексиканской компартии. Мачадо опасался, что Коллонтай поможет кубинским революционерам. Кстати, кубинские газеты в инциденте с Коллонтай отнеслись к советскому полпреду весьма сочувственно.

569

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 221, л. 1

570

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 221, л. 2
571

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 221, л. 2
572

Советско-мексиканские отношения (1917-1980). М., 1981. С. 31-32
573

Советско-мексиканские отношения (1917-1980). М., 1981. С. 32-33
574

Советско-мексиканские отношения (1917-1980). М., 1981. С. 33
575

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 221, л. 3
576

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 221, л. 24
577

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 221, л. 28
578

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 223, л. 3
579

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 223, л. 18
580

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 223, л. 14
581

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 223, л. 15
582

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 223, л. 7
583

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 223, л. 19
584

Foreign Relations of the United States, 1927. Volume III. P. 176
585

Этот факт был очень важен. Именно Верховный суд Мексики интерпретировал законы страны, включая «нефтяной». От позиции этого органа зависело будущее мексикано-американских отношений. Суд мог, как это случалось и раньше, либо снять напряженность, истолковав закон в выгодном американскому капиталу смысле, либо довести дело до открытого разрыва с США, оставаясь на почве Конституции 1917 года.

586

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 223, л. 8
587

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 223, л. 7
588

Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917-1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 191
589

Ateous G. I.B. El modelo mexicano de regulaci?n laboral. FLACSO M?xico, 2000. P 143
590

Ateous G. I.B. El modelo mexicano de regulaci?n laboral. FLACSO M?xico, 2000, p.144
591

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 223, л. 7
592

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 223, л. 11
593

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 223, л. 12

594

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 223, л. 12

595

Foreign Relations of the United States, 1927. Volume III. P. 188

596

Феликс Хенаро Эстрада был все-таки не простым бюрократом и чиновником. Он родился в 1887 году в Масатлане, штат Синалоа, и почти сразу же после появления на свет лишился отца. Работал журналистом и редактором в нескольких газетах, самостоятельно изучал право, историю и культуру Мексики. С 1913 года был профессором филологии Национальной подготовительной школы в Мехико, президентом Мексиканской академии истории и работал над изданием многотомной истории страны. На государственной службе Эстрада оказался в январе 1921 года, когда министр иностранных дел Пани сделал его своим заместителем (Пани покровительствовал и Диего Ривере). С 1 мая 1927 года в ранге замминистра Эстрада стал и. о. министра иностранных дел, до 1931 года фактически возглавлял мексиканское внешнеполитическое ведомство и сам подал в отставку, протестуя против предоставления льгот американскому послу в Мехико. К тому же он, вопреки протестам США, оказывал поддержку правительству Сальвадора, неуголному американцам. Затем Эстрада был на дипломатической работе в Испании. Умер он в 1937 году.

597

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 223, л. 17

598

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 223, л. 17

599

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 223, л. 17

600

Foreign Relations of the United States, 1927. Volume III. P. 188

601

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 223, л. 19

602

25 октября 1927 года ЦИК освободил Коллонтай от должности полпреда в Мексике по состоянию здоровья. Этим же постановлением на пост полпреда был назначен Александр Михайлович Макара. См. Сизоненко А. И. В стране ацтекского орла. М., 1969. С. 53-54

603

Еще во времена Пестковского Мексику посетил немецкий крейсер «Берлин», которому устроили очень теплый прием.

604

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 223, л. 36

605

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 223, л. 37

606

То есть во времена Коллонтай. Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 223, л. 38

607

Архив внешней политики (АВП) РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 223, л. 33

608

Сизоненко А. И. В стране ацтекского орла. М., 1969. С. 55-58

609

Скорее всего, уже сказалось влияние на Кальеса Морроу. Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 226, л. 21

610

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 226, л. 21

611

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 226, л. 22

612

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 226, л. 22

613

Krauze E. Plutarco E. Calles. Reformar desde origen. M?xico, 1987. P. 55

614

Krauze E. Plutarco E. Calles. Reformar desde origen. M?xico, 1987. P. 56

615

Krauze E. Plutarco E. Calles. Reformar desde origen. M?xico, 1987. P. 56

616

Krauze E. Plutarco E. Calles. Reformar desde origen. M?xico, 1987. P. 58

617

Krauze E. Plutarco E. Calles. Reformar desde origen. M?xico, 1987. P. 58

618

Krauze E. Plutarco E. Calles. Reformar desde origen. M?xico, 1987. P. 58-59

619

Очерки новой и новейшей истории Мексики. М., 1960. С. 348

620

Очерки новой и новейшей истории Мексики. М., 1960. С. 349

621

Ruiz R.E. Triumphs and Tragedy. A history of the Mexican people. New York, 1992. P.363

622

ВЈСТэто совещание бойкотировала.

623

См. O'Dogherty, L. Restaurarlo todo en Cristo: Uni?n de Damas Cat?licas Mejicanas, 1920-1926 // Estudios de historia moderna y contempor?nea de M?xico. Volumen 14.1991. P. 129-158

624

O'Dogherty, L. Restaurarlo todo en Cristo: Uni?n de Damas Cat?licas Mejicanas, 1920-1926 // Estudios de historia moderna y contempor?nea de M?xico. Volumen 14.1991

625

Krauze E. Plutarco E. Calles. Reformar desde origen. M?xico, 1987. P. 67

626

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 52

627

Губернатор даже выслал из штата собственного отца за приверженность к крепким напиткам.

628

Krauze E. Plutarco E. Calles. Reformar desde el origen. M?xico, 1987. P. 69

629

Foreign Relations of the United States, 1926. Volume II. P. 702-703

630

Foreign Relations of the United States, 1926. Volume II. P. 704

631

Krauze E. Plutarco E. Calles. Reformar desde el origen. M?xico, 1987. P. 69

632

Foreign Relations of the United States, 1926. Volume II. P. 704-705

633

Sherman J. W. The Mexican right: the end of revolutionary reform, 1929-1940. Greenwood Publishing Group, 1997. P. 10

634

Духовные качества Кулиджа находили свое выражение, в частности, в том, что президент был чудовищным скрягой. Если он посылал помощника за журналом, то требовал сдачи вплоть до цента и очень сердился, если

не получал сдачи быстро. Свое кредо высокоморальный Кулидж выразил в известном изречении: «Главным бизнесом Амер-ки является бизнес».

635

Цит. по сделанному полпредством СССР в Мексике переводу с испанского, который был направлен в Москву. Архив внешней политики (АВП) РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 218, л. 13-14

636

Foreign Relations of the United States, 1926. Volume II. P. 705-706

637

То есть в США

638

Foreign Relations of the United States, 1926. Volume II. P. 706

639

Krauze E. Plutarco E. Calles. Reformar desde el origen. M?xico, 1987. P. 74

640

KrauzeE. Plutarco E. Calles. Reformar desde el origen. M?xico, 1987. P. 74

641

Sherman J. W. The Mexican right: the end of revolutionary reform, 1929-1940. Green-wood Publishing Group, 1997. P. 11

642

Цит. по: Ларин Н. С. Борьба церкви с государством в Мексике (Восстание «кри-стерос» в 1926-1929 гг.). М., 1965. С. 144

643

Ларин Н. С. Борьба церкви с государством в Мексике (Восстание «кристерос» в 1926-1929 гг.). М., 1965. С. 153,156

644

Вероятно, министр просвещения имел в виду ту особенную любовь, которую испытывали к деве Марии Гуадалупской простые мексиканцы (прим. ред.).

645

Ларин Н. С. Борьба церкви с государством в Мексике (Восстание «кристерос» в 1926-1929 гг.). М., 1965. С. 164

646

Ларин Н. С. Борьба церкви с государством в Мексике (Восстание «кристерос» в 1926-1929 гг.). М., 1965. С. 176

647

См. официальный сайт ФБР США.<http://www.fbi.gov/page2/aug03/estra-da081503.htm>

648

ButlerM. Popular piety and political identity in Mexico's Cristero Rebellion: Micho-ac?n, 1927-29. Oxford University Press, 2004. P. 158

649

Ларин Н. С. Борьба церкви с государством в Мексике (Восстание «кристерос» в 1926-1929 гг.). М., 1965. С. 183

650

Ларин Н. С. Борьба церкви с государством в Мексике (Восстание «кристерос» в 1926-1929 гг.). М., 1965. С. 186

651

Заметим, что мексиканцы взяли эту архаичную правительственную систему у США, где она действует и поныне. Даже в царской России в 1905 году был учрежден пост председателя Совета Министров.

652

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 21\$, л. 17-18

653

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 20
654

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 218, л. 33
655

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 218, л. 33
656

Гусман М. Л. Тень каудильо. М., 1964. С. 2\$
657

Маяковский писал: « В мексиканском понятии... революционер - это каждый, кто с оружием в руках свергает власть - какую, безразлично».

658

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 19
659

Биографию Амаро и описание его деятельности по проведению военной реформы см. Carriedo R. The man who tamed M?xico s tiger: General Joaquin Amaro and the pro-fessionalization of M?xico s revolutionary army, Dissertation. The University of New M?xico, 2005

660

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 215, л. 20
661

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 223, л. 20
662

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 223, л. 21
663

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 223, л. 20. Сообщение Коллонтай показывает, как удачно Кальес и Обрегон исподволь через слухи и газеты дискредитировали Серрано. Генерал Амаро, например, был замешан в убийстве Вильи, но его моральный облик сомнений в мексиканской прессе не вызывал. Еще бы -ведь Амаро действовал по указке Кальеса и Обрегона.

664

Тоже весьма сомнительный источник - уже через несколько месяцев именно Верховный суд фактически удовлетворил все требования американских нефтяных компаний.

665

Имеется в виду восстание «кристерос».

666

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 223, л. 20.
667

ТобIcg Н. W. Die Mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 510
668

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 226, л. 25
669

D?az R. L. La crisis Obreg?n-Calles y el estado mexicano. M?xico, Siglo XXI, 1980. P. 56
670

В смысле «оформился».

671

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 226, л. 27
672

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 226, л. 27
673

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 226, л. 29
674

Gonz?lez Casanova P. La clase obrera en la historia de M?xico. Siglo XXI, 1980. P. 12

675

González Casanova P. La clase obrera en la historia de México, Siglo XXI, 1980. P. 13

676

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 226, л. 30.

677

Castro P. La satrapa presidencial de 1927-1928 y el ocaso del caudillismo//Estudios de historia moderna y contemporánea de México. Volumen 23. Documento 283

678

Time. November 21.1927

679

Krauze E. Plutarco E. Calles. Reformar desde el origen. México, 1987. P. 85

680

Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 226, л. 30

681

González Casanova P. La clase obrera en la historia de México. Siglo XXI, 1980. P. 14

682

Ларин Н. С. Борьба церкви с государством в Мексике (Восстание «кристерос» в 1926-1929 гг.). М., 1965. С. 241-242

683

Foreign Relations of the United States, 1928. Volume III. P. 326

684

Ларин Н. С. Борьба церкви с государством в Мексике (Восстание «кристерос» в 1926-1929 гг.). М., 1965. С. 245

685

Foreign Relations of the United States. 1928. Volume III. P. 331

Взято из Флибусты, <http://flibusta.net/b/451444>